

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1905.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
1. Правительственные распоряженія по учебному вѣдомству . . .	III—XXXVI
2. Чѣмъ жива Швейцарія (Изъ записной книжки туриста—педагога). А. Г. Готлиба . . .	1—7
3. Изъ исторіи Московскаго университета въ XVIII в. Гл. I—III. С. Ашевскаго . . .	8—18
4. Четверть вѣка назадъ. (Изъ гимназическихъ воспоминаній). Гл. I—III. И. А. Порошина . . .	19—43
5. Гигіена воспитанія и образованія. Гл. VI—IX. Проф. Ир. Сквиорцова . . .	44—56
6. Нервность дѣтей. (Окончаніе). А. С. Вирениуса . . .	57—71
7. Искусство въ жизни ребенка. А. Герцыкъ . . .	72—77
8. Къ дефектамъ средней школы. (О пѣкоторыхъ причинахъ мало-успѣшности преподаванія). Senex'a . . .	78—87
9. О желательной организаціи женскихъ учительскихъ семинарій. (Окончаніе). Вл. Фармаковскаго . . .	88—101
10. Народный читатель, какъ особый социально-психологическій типъ. Гл. I—III. С. Ан-скаго . . .	102—115
11. Что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища. Гл. I—II. А. Красева . . .	116—129
12. Опыты сельско-хозяйственнаго образованія въ деревнѣ. Ө. Ц-ина . . .	130—154
13. Обзоръ дѣятельности земства по народному образованію въ 1904 г. И. П. Вѣлоконскаго . . .	155—167
14. О гимназическихъ сочиненіяхъ. Н. В. Очаповскаго . . .	168—182
15. Введеніе въ методику грамоты. (Окончаніе). В. Коноплева . . .	183—191
16. Критика и библіографія: а) Габриэль Компейре. Песталлоцци и элементарное воспитаніе. Переводъ С. М. Виноградовой. Педагогическая бібліотека подъ ред. А. П. Нечаева. Вып. II. Спб. 1904. Стр. 132. Ц. 50 к. П. Каптерева . б) Dr. med. N. Motzen. Die Berufskrankheiten der Lehrer nach Ursachen Verhütung und Behandlung. 2 te Auflage „Lumen“—Verlag Kabebeul i Ja. 1903. Г. Зоргенфрея . в) А. И. Трахтенбергъ. Матеріалы къ вопросу о санитарномъ состояніи школъ въ Россіи. Диссертация на степень доктора медицины. Спб. 1903. 200 стр. А. Вирениуса . д) Н. Чеховъ. Наглядность обученія и наглядныя пособія въ начальной школѣ. Изд. Тулупова и Шестакова. М. 1904. Ц. 12 к. — Онъ-же. Учительскія общества, ихъ задачи и организація. М. 1904. Ц. 12 к. Изъ тѣхъ-же. — Онъ-же. Школьные праздники, ихъ воспитательное значеніе и организація. М. 1905. Ц. 8 к. Изд. тѣхъ-же. — Онъ-же. Книги для дѣтскаго чтенія, учебники и учебныя пособія. Изд. П. Д. Путиловой. М. 1905. Ц. 25 к. К. Л. е) А. Н. Пыпинъ. Н. А. Некрасовъ. Спб. 1905. И. Ж. ф) Я. Б. Шиндлеръ, Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Спб. 1903. Стр. 264. Ц. 4 р. А. И. Яцимирскаго . г) А. Я. Пясецкій, преподав. Кронштадтской мужской и Александровской женской гимназій. Учебникъ ариметики для средне-учебныхъ заведеній. Ч. I—4. Кронштадтъ. Типографія „Кронштадтскаго Вѣстника“ 1904. Ө. П. h) В. В. Тихомировъ. Новая русская народная азбука. Вильна. 1904. Ц. 25 к. П. Ц. Евстафіева . i) А. Тороповъ. Книга для обученія церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ училищахъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1904. А. Налимова . j) Н. А. Лухманова. „Не сказки“ для дѣтей. Изд. А. С. Суворина. 1903. Н. М. k) Джемиссонъ. Безродный мальчикъ. Перев. Рождественскаго. Изд. журналовъ „Свѣтлячекъ“. Путеводный огонекъ и „Дѣло и потѣха“. М. 1904. Ц. 60 к. l) Ө. Дордовъ-Давыдовъ. Дѣтскій альманахъ Въ досуужій часъ. М. Изд. Лидертъ. Ц. 1 р. 50 к. m) С. Д. Дрожжинъ. „Родная деревня“. Стихотворенія. Библіотека для дѣтей и юношества. И. Горбунова-Посадова. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.	1—25

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1905 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв.
въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній
Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ
учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія В. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1905

Дозв. цензурою С.-Петербургъ 10 Марта 1904 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

На подлинныхъ рукою Главноуправляющаго Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею, статсъ-секретаря Тавѣва написано:

„Высочайше утверждены. Въ Царскомъ Селѣ 13-го октября 1904 года“.

Съ подлиннымъ вѣрно: членъ комиссіи о форменной одеждѣ (подп.)
Илья Соколовъ.

Описаніе и правила ношенія форменной одежды для гражданскихъ чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

§ 1. Для всѣхъ гражданскихъ чиновъ вѣдомства полагаются формы: парадная, праздничная, обыкновенная, особая, будничная и дорожная.

Примѣчаніе. Дни и случаи, въ которые полагается ношеніе упомянутыхъ формъ, опредѣлены въ Высочайше утвержденномъ 6-го мая 1894 г. сводѣ правилъ о ношеніи форменной одежды чинами гражданскихъ вѣдомствъ (прил. къ ст. 531 уст. служб. прав., изд. 1896 г.); всѣ же принадлежности каждой изъ перечисленныхъ формъ указаны ниже.

§ 2. Право ношенія при парадной и праздничной формахъ ¹⁾ Установленныхъ однобортныхъ, шитыхъ золотомъ, полукафтановъ темносиняго сукна ²⁾ со шляпою гражданскаго образца и трехугольною шляпою, а при особой ³⁾ и будничной формахъ ⁴⁾ мундирнаго фрака сохраняется лишь: а) для лицъ, занимающихъ должности не ниже VI класса и б) для причисленныхъ, которые состоятъ въ чинахъ не ниже IV класса, а также для тѣхъ изъ нихъ, которые занимали ранѣе причисленія или одновременно съ причисленіемъ занимаютъ въ другомъ вѣдомствѣ должности не ниже VI класса.

¹⁾ См. §§ 30 и 31 св. прав., Выс. утв. 6-го мая 1894 г. (прил. къ ст. 531 уст. служб. прав., изд. 1896 г.).

²⁾ Полн. собр. зак. 1834 г. № 6860.

³⁾ §§ 17, 34 и 85 свода 6-го мая 1894 г.

⁴⁾ § 33 того же свода.

Примѣчаніе. Для лицъ, занимающихъ должности ниже VI класса, и причисленныхъ, не состоящихъ въ чинахъ IV и выше классовъ, ношеніе мундирнаго фрака разрѣшается лишь въ случаяхъ, когда они получаютъ приглашеніе на балы и различнаго рода празднества въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ Членовъ Императорскаго Дома.

§ 3. Для лицъ, занимающихъ должности VII и ниже классовъ, и для причисленныхъ, не упомянутыхъ въ § 2, парадную, праздничную, а также и особую формы составляютъ: открытый двубортный (застегнутый на 4 пуговицы—сравни § 11) темносиній сюртукъ съ отложнымъ воротникомъ, темносинія брюки безъ галуна и безъ цвѣтнаго канта, бѣлый жилетъ, трехугольная шляпа, шпага гражданскаго образца, черныя шелковые узкіе галстухъ, завязывающійся спереди малымъ бантомъ, бѣлыя замшевыя перчатки, ордена и знаки отличія—по положенію.

Примѣчаніе. Ношеніе бѣлаго галстуха при двубортномъ сюртукѣ не допускается ни въ какомъ случаѣ.

§ 4. Сюртукъ темносиняго сукна, двубортный, покроя, установленнаго для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства ¹⁾, съ продольными плечевыми знаками или петлицами у краевъ воротника, по принадлежности (см. §§ 5—7), съ шестью на каждомъ борту и по двѣ на карманныхъ заднихъ клапанахъ золочеными матовыми съ ободкомъ пуговицами, съ изображеніемъ на нихъ: для служащихъ въ центральныхъ установленіяхъ, императорскихъ университетахъ и прочихъ ученыхъ учрежденіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства—государственнаго герба, а для служащихъ на мѣстахъ въ губерніяхъ, областяхъ и градоначальствахъ—герба губерніи, области или города, при чемъ служащимъ въ учрежденіяхъ, дѣятельность которыхъ распространяется на нѣсколько губерній или областей, пуговицы присваиваются съ гербомъ губерніи или области, гдѣ находится учрежденіе. Воротникъ у сюртука отложной темносиняго бархата, а для чиновъ Императорской академіи наукъ—суконный того же цвѣта: обшлага рукавовъ суконные разрывавныя съ двумя пуговицами малаго размѣра; подкладка черная.

§ 5. Министру и товарищамъ министра присваиваются продольные плечевые знаки. Всѣмъ же остальнымъ чинамъ вѣдомства для отличія чиновъ полагаются петлицы на концахъ воротника.

§ 6. Министру и товарищамъ министра погоны полагаются изъ золотого галуна, образца, установленнаго для гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, по ширинѣ въ 1 вершокъ, нашитаго на синій суконный подбой, съ синею суконною выпушкой.

Примѣчаніе. Лицамъ, состоящимъ въ званіи статсъ-секретаря Его Величества, присваивается право ношенія на погонахъ серебрянаго вензелеваго изображенія, съ Императорскою Короною, Имени Того Императора, при Комъ званіе это пожаловано.

¹⁾ См. приказъ по военному вѣдомству 22-го апрѣля 1885 г. № 85.

§ 7. Петлицы на сюртукѣ и лѣтнемъ полотнянникѣ (§ 18) полагаются изъ темносиняго бархата, съ синею съ трехъ сторонъ суконною выпушкою, длиною въ $1\frac{3}{4}$ —2 вершка и шириною въ $\frac{5}{8}$ вершка, съ обозначеніемъ чиновъ серебряными звѣздочками и золотыми просвѣтами; на петлицѣ помѣщается ¹⁾ металлическій золоченый матовый двуглавый орелъ въ вѣнкѣ изъ дубовыхъ и лавровыхъ вѣтвей, перевязанныхъ внизу бантомъ; весь знакъ величиною по большей оси $\frac{3}{8}$ вершка.

На пальто, шинели и укороченномъ пальто петлицы того же образца, но длиною въ $2-2\frac{1}{4}$ вершка и притомъ съ пуговицею (см. § 4) большаго размѣра въ верхнемъ концѣ.

Примѣчаніе 1-е. Лица, коимъ присвоены продольные плечевые знаки, носятъ укороченное пальто и пальто вовсе безъ петлицъ, а на концахъ бархатнаго воротника сюртука имѣютъ металлическій орелъ въ вѣнкѣ описаннаго образца, величиною въ $\frac{3}{8}$ вершка.

Примѣчаніе 2-е. Лица, имѣющія право на утвержденіе въ чинахъ по полученному образованію или по занимаемой должности, а также бывшіе военные, не переименованные въ гражданскій чинъ при увольненіи съ военной службы, носятъ петлицы сообразно тому чину, на который имѣютъ право.

Примѣчаніе 3-е. Лица, вовсе чиновъ не имѣющія, носятъ двубортный сюртукъ безъ петлицъ, но на концахъ бархатнаго воротника помѣщается металлическій орелъ ($\frac{3}{8}$ вершка), на укороченномъ же пальто, на пальто и шинели лица эти имѣютъ петлицы темносинія суконныя съ синею суконною выпушкою и металлическимъ орломъ.

§ 8. Отличіе чиновъ на продольныхъ плечевыхъ знакахъ и на петлицахъ устанавливается какъ числомъ просвѣтовъ, такъ и формою, величиною и количествомъ серебряныхъ звѣздочекъ, продольно въ одинъ рядъ располагаемыхъ.

Лицамъ, имѣющимъ чины высшихъ пяти классовъ, галуны на продольныхъ плечевыхъ знакахъ и бархатныя петлицы полагаются безъ просвѣтовъ и звѣздочки въ діаметрѣ $\frac{3}{8}$ вершка, съ блестками: для дѣйствительнаго тайнаго совѣтника—безъ звѣздочекъ, для тайнаго совѣтника—съ 3 звѣздочками, для дѣйствительнаго статскаго совѣтника—съ 2 звѣздочками, для статскаго совѣтника—съ 1 звѣздочкою; имѣющимъ чины штабъ-офицерскіе полагаются на петлицахъ два просвѣта и звѣздочки, также $\frac{3}{8}$ вершка въ діаметрѣ, но безъ блестокъ: для коллежскаго совѣтника—безъ звѣздочекъ, для надворнаго совѣтника—съ 3 звѣздочками, для коллежскаго ассессора—съ 2 звѣздочками; у чиновъ оберъ-офицерскихъ на петлицахъ одинъ просвѣтъ и звѣздочки въ діаметрѣ $\frac{2}{8}$ вершка: для титулярнаго совѣтника—безъ звѣздочекъ

1) Знакъ этотъ помѣщается между звѣздочками, соотв. п. 5 3-й ст. утв. 4-го дек. 1885 г. кратк. опис. форм. обмунд. чинов. гражд. вѣд., а именно: при неимѣніи звѣздочекъ—по серединѣ петлицы, при 1-й звѣздочкѣ—надъ нею при 2-хъ звѣздочкахъ—между ними и при 3-хъ звѣздочкахъ—между второю и третьею.

для коллежскаго секретаря—съ 2 звѣздочками и коллежскаго регистратора—съ 1 звѣздочкою ¹⁾.

§ 9. Описанная въ 3-мъ параграфѣ форма, но при жилетѣ одного цвѣта съ сюртукомъ и брюками, составляетъ для всѣхъ (независимо отъ класса занимаемыхъ ими должностей)—состоящихъ на службѣ въ вѣдомствѣ, гражданскихъ чиновъ обыкновенную форму ²⁾.

§ 10. Тѣ же принадлежности форменной одежды, но съ замѣною трехугольной шляпы фуражкою, составляютъ будничную форму ³⁾. При формѣ этой разрѣшаются сѣрые перчатки, галстухъ произвольной формы, но непременно изъ черной шелковой матеріи при томъ безъ булавокъ и другихъ какихъ-либо украшеній. Двубортный сюртукъ при будничной формѣ можетъ быть застегнутъ и до верху на всѣ 6 пуговицъ (сравн. § 3).

Примѣчаніе 1-е. Для лицъ, указанныхъ въ § 2-мъ, сохраняется кромѣ того право ношенія при будничной формѣ вмѣсто двубортнаго сюртука мундирнаго фрака.

Примѣчаніе 2-е. При ношеніи двубортнаго сюртука какъ суконнаго, такъ и лѣтняго (§ 18) на улицѣ и въ общественныхъ собраніяхъ обязательно быть при шпагѣ, кому она полагается.

Примѣчаніе 3-е. При обычныхъ же служебныхъ занятіяхъ разрѣшается быть безъ шпаги.

§ 11. Для должностныхъ лицъ всѣхъ классовъ второй видъ будничной формы, а также дорожную форму составляетъ укороченное пальто, при темносинихъ брюкахъ и того же цвѣта жилетѣ, при черномъ галстухѣ, бѣлыхъ или сѣрыхъ перчаткахъ; это укороченное пальто носится: а) при ежедневныхъ служебныхъ занятіяхъ взамѣнъ двубортнаго сюртука, но только не при классномъ преподаваніи въ учебныхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и б) въ случаяхъ указанныхъ въ § 36 свода правилъ 6-го мая 1894 года.

Примѣчаніе. Ношеніе укороченнаго пальто въ общественныхъ собраніяхъ также не допускается.

§ 12. Укороченное пальто черносѣраго сукна (маренго) двубортное, съ продолжными плечевыми знаками или петлицами, по принадлежности (см. § 5), застегивается по желанію на 4 или на 6 пуговицъ того же образца какъ на сюртукѣ, спинка гладкая, безъ разрѣза внизу, безъ перемычки сзади, съ двумя по бокамъ карманными клапанами: отложной воротникъ и отвороты бортовъ того же сукна; подкладка черная.

Примѣчаніе. Чинамъ II и III классовъ, всѣмъ лицамъ, занимающимъ должности не ниже IV класса, независимо отъ того, какой чинъ они имѣютъ, а также помощникамъ попечителей учебныхъ округовъ, состоящимъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника,—отвороты бортовъ и подкладка полагаются

¹⁾ П. 1 Высоч. утвержд. 4-го декабря 1885 г. краткаго описанія.

²⁾ § 30 свода 6-го мая 1894 г.

³⁾ § 33 того же свода.

синіе и, кромѣ того, суконная того же цвѣта выпушка ($\frac{1}{16}$ вершка) вокругъ воротника, по бортамъ и карманнымъ клапанамъ и по верхнему краю обшлаговъ рукавовъ.

§ 13. Жилетъ при форменной одеждѣ бѣлый изъ пике, а темно-синій—изъ сукна полагается съ отложнымъ воротникомъ (шалью), застегивающійся на 6 пуговицъ малаго размѣра того же, какъ сюртукъ, образца (§ 4). При полукафтанахъ и мундирномъ фракѣ жилетъ установленъ однобортный, а при сюртукѣ и укороченномъ пальто жилетъ разрѣшается носить какъ однобортный, такъ и двубортный; вышина жилета и размѣръ шали обусловливается тѣмъ, чтобы при сюртукѣ, застегнутомъ на 4 пуговицы (см. §§ 3 и 9), жилетъ изъ-подъ него не выглядывалъ.

Брюки длинныя, поверхъ черныхъ сапогъ, при полукафтанахъ носятъ бѣлыя или темныя, съ галуномъ или безъ онаго, согласно §§ 2 и 6 свода правилъ 6-го мая 1894 г., а при сюртукѣ, мундирномъ фракѣ и укороченномъ пальто—темносинія безъ галуна и канта.

Примѣчаніе. При исполненіи службы на открытомъ воздухѣ, при сопровожденіи Высочайшихъ Особъ въ вояжахъ, вообще въ путешествіяхъ, а также при ѣздѣ верхомъ и т. п. разрѣшается носить двубортный сюртукъ и укороченное пальто при высокихъ сапогахъ военнаго образца и укороченныхъ брюкахъ ¹⁾.

§ 14. Шапка общаго образца, установленнаго для чиновъ всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ, съ серебряными темлякомъ и кистью ²⁾, носится на портупеѣ, одѣваемой подъ полукафтанами и двубортнымъ сюртукомъ (см. прим. 2 къ § 10 и § 18).

§ 15. Треугольная шляпа общаго образца, установленнаго для чиновъ всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ ³⁾, носится по чину при парадной, праздничной и обыкновенной формахъ.

§ 16. Фуражка для чиновъ всѣхъ разрядовъ одинаковая: темно-синяго сукна, съ бархатнымъ темносинимъ околышемъ, безъ выпуклостей вокругъ околыша и вокругъ тульи, съ кокардою гражданскаго образца на тульѣ; на околышѣ, подъ кокардою укрѣпляется металлическій золоченый матовый двуглавый орелъ, того же рисунка, какъ знакъ на петлицахъ (см. § 7), но величиною по большей оси $\frac{5}{8}$ вершка.

Примѣчаніе. Чины, указанные въ § 2, носятъ при особій формѣ и вообще при мундирномъ фракѣ, вмѣсто фуражки, черную круглую шляпу, которую разрѣшается носить и складную.

§ 17. Въ холодное время года дозволяется замѣнять фуражку круглою черною мерлушковою шапкою съ донышкомъ изъ темно-синяго сукна; спереди по серединѣ тульи помѣщается такой же, какъ на фуражкѣ, золотой орелъ, но величиною по большой оси $\frac{7}{8}$ вершка, сверхъ котораго укрѣпляется кокарда гражданскаго образца.

Примѣчаніе. Ношеніе форменныхъ головныхъ уборовъ при партикулярномъ платьѣ не допускается.

¹⁾ На основаніи разд. III Высоч. утв. 4-го дек. 1885 г. росписаніе формы одежды.

²⁾ Ст. 10 прил. II къ своду 6-го мая 1894 г.

³⁾ § 3 свода 6-го мая 1894 г. и ст. 5 прил. II къ нему.

§ 18. Въ лѣтнее время вездѣ, не исключая и столицъ, сюртукъ (см. прим. 2 къ § 10), жилетъ, брюки и укороченное пальто разрѣшается носить изъ бѣленаго или небѣленаго полотна, съ плечевыми знаками или петлицами, по принадлежности (см. § 5).

Вмѣсто укороченнаго пальто допускается также ношеніе однобортнаго со стоячимъ воротникомъ полотнянника, образца, принятаго по морскому вѣдомству; петлицы на полотнянникѣ полагаются того же образца, какъ на сюртукѣ—безъ пуговицы.

Брюки и жилетъ при лѣтней формѣ допускается носить и суконные.

На фуражку разрѣшается надѣвать бѣлый чехолъ образца, установленнаго въ каждой мѣстности для чиновъ военного вѣдомства.

Примѣчаніе 1-е. Ношеніе лѣтней формы чинами гражданскаго вѣдомства не разрѣшается въѣ времени, установленнаго для ношенія таковой формы чинами военного вѣдомства.

Примѣчаніе 2-е. Лѣтніе укороченное пальто и полотнянникъ носятся по тѣмъ же правиламъ, какъ и суконные.

Примѣчаніе 3-е. Лѣтній бѣлый сюртукъ не допускается въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ §§ 30 и 31, въ п. 5 § 32, п.п. 4 и 5 § 33 и въ § 34 свода правилъ 6 мая 1894 г., но въ предѣлахъ Кавказскаго, Туркестанскаго и Степного краевъ, въ области Войска Донскаго и въ Ростовскомъ градоначальствѣ, а также въ тѣхъ мѣстностяхъ намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ, кои имѣютъ быть опредѣлены намѣстникомъ Его Императорскаго Величества, въ теченіе лѣтняго періода, когда въ войскахъ, расположенныхъ въ указанныхъ районахъ парадною формою назначается китель, для чиновъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія парадную и праздничную формы составляетъ лѣтній бѣлый сюртукъ при шпагѣ, орденахъ, лентахъ и треугольной шляпѣ.

§ 19. Ордена при двубортномъ сюртукѣ носятся по правиламъ Высочайше утвержденнымъ 31-го мая 1900 г. ¹⁾ для ношенія ихъ на однобортныхъ полукафтаняхъ и на мундирныхъ фракахъ, по принадлежности, и согласно указанію, сдѣланному въ примѣчаніи къ п. 5 § 32 св. прав. 6-го мая 1894 года.

Примѣчаніе 1-е. На двубортномъ сюртукѣ при лѣтней формѣ, когда таковая допускается (§ 18), ордена носятся по тѣмъ же правиламъ.

Примѣчаніе 2-е. При сюртукѣ ленты надѣваются ²⁾ поверхъ онаго съ пропускомъ подъ плечевые знаки, кому таковые присваиваются.

§ 20. Пальто (плащъ) черносѣраго сукна (чернаго съ бѣлою искрою—маренго) двубортное, по образцу, установленному для гражданскихъ чиновниковъ военного вѣдомства ³⁾, съ продольными наплечными знаками или петлицами на воротникѣ, по принадлежности

¹⁾ Прил. къ ст. 94 учр. орд. (св. зак., т. I, изд. 1892 г.).

²⁾ Прим. 1 къ § 11 свода правилъ 6-го мая 1894 г.

³⁾ Приказъ по военному вѣдомству 1885 г. № 85.

(§ 5); отложной воротникъ и отвороты бортовъ того же сукна; подкладка черная.

Примѣчаніе 1-е. Синіе отвороты, подкладка и выпущка въ $\frac{1}{16}$ вершка вокругъ воротника, по бортамъ, по верхнему краю обшлаговъ, по краю боковыхъ карманныхъ клапановъ, по краю заднихъ глухихъ клапановъ и вокругъ перемычки полагаются лицамъ, указаннымъ въ примѣчаніи къ § 12.

Примѣчаніе 2-е. Въ холодное время воротникъ на плащъ допускается, вмѣсто суконнаго, изъ черной мерлушки. Петлицы нашиваются на суконномъ подбоѣ мѣхового воротника у пришива его къ пальто.

§ 21. Шинель черносѣраго сукна (чернаго съ бѣлою искрою — маренго), съ пелериною и суконнымъ отложнымъ воротникомъ. На воротникъ петлицы по чинамъ. Воротникъ шинели полагается съ синею суконною выпущкою въ $\frac{1}{16}$ вершка тѣмъ лицамъ, коимъ присвоено пальто съ синею подкладкою.

Примѣчаніе 1-е. Въ холодное время допускаются на шинели мѣховые подбои и воротникъ. Петлицы пришиваются на суконномъ подбоѣ мѣхового воротника, какъ на пальто.

Примѣчаніе 2-е. При ненастной погодѣ дозволяется носить шинель и пальто изъ черной или сѣрой непромокаемой матеріи, а также накидку съ капюшономъ образца, установленнаго по морскому вѣдомству, но безъ металлическихъ пуговицъ, и съ черною металлическою застежкой, состоящею изъ соединенныхъ цѣпочкою двухъ овальной формы бляшекъ, величиною по большой оси $\frac{7}{8}$ вершка, съ изображеніемъ на каждой орла въ вѣнкѣ того же рисунка, какъ на петлицахъ.

Башлыкъ полагается изъ верблюжьяго сукна съ золотымъ галузомъ.

§ 22. Канцелярскіе служители носятъ: двубортный сюртукъ безъ петлицъ (см. прим. къ § 8); трехугольную шляпу оберъ-офицерскаго образца, фуражку и мерлушковую шапку, установленнаго образца съ кокардою; укороченное пальто, плащъ и шинель съ темно-синими суконными петлицами безъ звѣздочекъ (см. § 7); шпага имъ вовсе не полагается.

§ 23. Канцелярскимъ чиновникамъ, а также канцелярскимъ служителямъ изъ дворянъ и прочимъ не имѣющимъ чиновъ лицамъ, которыя занимаютъ классныя должности, присвоено право ношенія шпаги, но безъ темляка.

§ 24. Лица, служащіе одновременно въ разныхъ вѣдомствахъ, носятъ на службѣ форменную одежду того вѣдомства, по которому исполняютъ въ данное время служебныя обязанности, и при томъ полукафтаны съ шитьемъ разряда и рисунка, присвоеннаго должностямъ, занимаемой по сему послѣднему вѣдомству. Причисленные, упомянутые въ § 2 сего описанія, если они не занимаютъ классныхъ должностей, носятъ полукафтаны согласно правилу § 23 свода 6-го мая 1894 года; а тѣ изъ нихъ, которые одновременно съ причисленіемъ состоятъ въ классныхъ должностяхъ, носятъ полукафтаны съ шитьемъ,

рисунка въдомства, къ которому причислены, но по разряду занимаемой классной должности.

Примѣчаніе 1-е. Въ службы лицамъ, указаннымъ въ семь параграфѣ, предоставляется право носить форму того или другого въдомства по своему усмотрѣнію.

Примѣчаніе 2-е. Не допускается смѣшеніе принадлежностей различныхъ формъ, а также ношеніе отдѣльныхъ принадлежностей форменной одежды при партикулярномъ платьѣ.

§ 25. Уволенные отъ службы „съ мундиромъ“, а также лица, занимающія должности, коимъ присвоенъ извѣстный разрядъ по полукафтанамъ и классу должности лишь заурядъ, имѣютъ право носить лишь формы: парадную, праздничную и обыкновенную, но не будничную, дорожную и особую, которыя присвоены только лицамъ, состоящимъ на дѣйствительной государственной службѣ.

Отставные чиновники носятъ полукафтанъ или двубортный сюртукъ и другія принадлежности формы по образцу, существовавшему въ то время, когда они вышли въ отставку, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что лица, коимъ по службѣ присвоены были наплечные знаки, по выходѣ въ отставку, замѣняютъ ихъ, соотвѣтствующими чину, петлицами на воротникѣ.

§ 26. Состоящіе на службѣ по въдомству министерства народнаго просвѣщенія инженеры, техники разныхъ наименованій, агрономы и лѣсоводы носятъ форменную одежду по образцамъ и правиламъ, установленнымъ для чиновъ въдомства; при чемъ тѣмъ изъ нихъ, которые несутъ общегражданскую службу, не исполняя техническихъ обязанностей, форма одежды присваивается совершенно одинаковая съ прочими чинами въдомства. Для тѣхъ же лицъ, которыя, получивъ специальное образованіе, занимаютъ по въдомству министерства народнаго просвѣщенія штатныя техническія должности, или, состоя причисленными, исполняютъ въ въдомствѣ техническія обязанности, форменная одежда полагается съ слѣдующими измѣненіями: 1) на двубортныхъ кафтанѣхъ, съ шитьемъ въдомства, кому таковыя въ силу § 2 предоставлены, полагается синія суконная выпушка въ $\frac{1}{16}$ вершка а) по борту, б) по верхнему краю воротника и в) по верхнему краю и вдоль продольнаго разрѣза обшлаговъ: 2) такая же суконная выпушка вокругъ воротника сюртука, тужурки и пальто; 3) вокругъ верхняго и нижняго края темносиняго бархатнаго околыша и по верхнему краю тульи фуражки, а также вокругъ донышка шапки — та же синія выпушка; 4) на петлицахъ, взамѣнъ золоченаго орла въ вѣнкѣ устанавливаются серебряныя спеціальныя арматуры, величиною по вертикальной оси въ $\frac{3}{8}$ вершка: а) для инженеровъ-технологовъ, инженеръ-механиковъ, инженеръ-химиковъ, технологовъ и механиковъ — накрестъ положенные молотокъ и разводный ключъ, б) для инженеръ-строителей, инженеръ-архитекторовъ, строителей и архитекторовъ — накрестъ лежащіе топоръ и лопата, в) для архитекторовъ-художниковъ — капитель, а по сторонамъ ея маска и палитра, внизу коихъ свистокъ и скульптурный молотокъ, г) для горныхъ инженеровъ — накрестъ лежащіе два горныхъ молотка, д) для агрономовъ — накрестъ положенные два пучка колосѣевъ, е) для лѣсоводовъ — накрестъ положенные двѣ дубовыхъ

вѣтки; 5) того же рисунка, но большей величины золотая арматура на околышѣ фуражки ($\frac{5}{8}$ вершка) и на мѣховой шапкѣ ($\frac{7}{8}$ вершка) и 6) того же рисунка специальная арматура на пуговицахъ, которыя при этомъ полагаются гладкія, безъ ободка.

§ 27. Специалистамъ, только числящимся по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія и откомандированнымъ для исполненія техническихъ обязанностей въ другія вѣдомства, а также въ частныя или общественныя учрежденія, звѣздки и арматура на петлицахъ полагаются по цвѣту прибора—золотыя.

§ 28. У служащихъ въ технологическихъ институтахъ: С.-Петербургскомъ Императора Николая I-го, Харьковскомъ Императора Александра III-го и Томскомъ Императора Николая II-го, изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ въ институтѣ, въ которомъ они состоятъ на службѣ, на петлицахъ помѣщаются, поверхъ специальныхъ атрибутовъ — накрестъ положенныхъ молотка и разводного ключа — серебряный, малаго размѣра, вензель, соотвѣтственно мѣсту ихъ служенія, или Императора Николая I-го, или Императора Александра III-го, или Императора Николая II-го, съ Императорскою Короною.

§ 29. Почетные попечители, товарищи почетныхъ попечителей, почетные смотрители, товарищи почетныхъ смотрителей, члены попечительныхъ совѣтовъ, почетные члены, дѣйствительные члены и члены соревнователи ученыхъ учрежденій и учебныхъ учрежденій пользуются правомъ ношенія форменной одежды, сообразно классамъ занимаемыхъ ими должностей (см. §§ 2 и 3); если лица эти не состоятъ на дѣйствительной государственной службѣ, то они имѣютъ право ношенія лишь парадной, праздничной и обыкновенной формъ, но отнюдь не будничной, дорожной и особой.

§ 30. Съ утвержденіемъ настоящихъ описанія и правилъ остаются въ силѣ всѣ не отмѣненные и не измѣненные ими параграфы и статьи Высочайше утв. 6-го мая 1894 г. свода правилъ о ношеніи форменной одежды чинами гражданскихъ вѣдомствъ (прил. къ ст. 531 уст. служб. прав., св. зак., т. III, изд. 1896 г.).

Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярією статсъ-секретаря (подп.) *А. Танъевъ*.

Членъ комиссіи о форменной одеждѣ (секрѣт.) *Илья Соколовъ*.
(Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 1).

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Отъ 16 сентября 1904 года за № 8312. По жалобѣ Перново-Феллинскаго главнаго церковнаго попечительства на распоряженіе министра народнаго просвѣщенія о признаніи за Тарвастскимъ приходскимъ училищемъ права владѣнія и пользованія школьною землею.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушалъ: дѣло по жалобѣ Перново-Феллинскаго главнаго церковнаго попечительства на распоряженіе министра народнаго

просвѣщенія о признаніи за Тарвастскимъ приходскимъ училищемъ права владѣнія и пользованія школьною землею. Приказали: Рассмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находить, что Высочайше утвержденнымъ 26 октября 1890 года положеніемъ комитета министровъ о порядкѣ разрѣшенія споровъ объ имуществахъ евангелическо-лютеранскихъ приходскихъ школъ Лифляндской губерніи (прим. къ ст. 3637 уст. учен. учр. и учебн. зав. т. XI, ч. I, Св. Зак., изд. 1893 г.), на министерство народнаго просвѣщенія возложена охрана пользованія и владѣнія приходскихъ школъ недвижимыми имуществами, въ тѣхъ же случаяхъ, когда по сему предмету возникнуть недоразумѣнія, то разрѣшенія оныхъ зависятъ отъ министра народнаго просвѣщенія, который, если усмотритъ, что недвижимое имущество дѣйствительно состояло во владѣніи или пользованіи приходской школы, обязанъ принять мѣры къ охранѣ такого имущества отъ неправильныхъ притязаній. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе: 1) что протоколами генеральной церковной визитаціи и церковнаго конвента 13 марта 1749 г., 20 октября 1775 года и 17 июля 1829 года, а также разслѣдованіемъ, произведеннымъ 28 ноября 1891 года комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ I уч. Феллинскаго уѣзда совмѣстно съ инспекторомъ народныхъ училищъ Перновскаго района, удостовѣрено, что Тарвастское училище издавна владѣло участкомъ земли, который по документамъ XVIII вѣка именуется „школьною землею“ и находился въ пользованіи школьнаго учителя, 2) что въ тѣхъ случаяхъ, когда обученіе въ Тарвастскомъ училищѣ производилось кистеромъ, послѣдній пользовался означенной землею по званію учителя, 3) что послѣдовавшее до обнародованія Высочайше утвержденного 26-го октября 1890 года положенія комитета министровъ разъясненіе Лифляндскаго Губернскаго Правленія, отъ 23 марта 1885 года, о принадлежности школьной земли кистеру не могло ограничивать предоставленнаго симъ положеніемъ министру права разрѣшенія сомнѣній, возникшихъ въ 1894 году по вопросу о владѣніи Тарвастской школьной землей, 4) что по сему и на основаніи прим. къ ст. 3637 т. XI, ч. I, изд. 1893 г. распоряженіе министра народнаго просвѣщенія о признаніи за Тарвастскимъ училищемъ права дальнѣйшаго пользованія указаннымъ земельнымъ участкомъ, съ находящимися на немъ постройками, въ огражденіе отъ заявленныхъ на него церковнымъ попечительствомъ притязаній, имѣло законное основаніе и 5) что такое распоряженіе министра народнаго просвѣщенія не предрѣшаетъ вопроса о правѣ собственности на этотъ участокъ, каковой вопросъ можетъ быть возбужденъ церковнымъ попечительствомъ въ порядкѣ гражданскаго суда, сужденію коего и будутъ подлежать въ такомъ случаѣ приводимыя въ настоящей жалобѣ объясненія о принадлежности участка, на правѣ собственности, церкви, а не приходскому училищу. Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: жалобу Перново-Феллинскаго главнаго церковнаго попечительства оставить безъ послѣдствій. О чемъ для объявленія Перново-Феллинскому главному церковному попечительству Лифляндскому губернскому правленію послать указъ, каковымъ, на рапортъ отъ 5 августа 1897 г. за № 20872, увѣдомить и министра народнаго просвѣщенія. Сентября 16 дня 1904 года. (Циркуляръ по Рижскому уч. окр. 1904 г. № 12).

По вопросу о пропущенных преподавательским персоналомъ высшихъ уч. заведеній часахъ учебныхъ занятій. (3 ноября 1904 г. № 12103).

Озабочиваясь правильнымъ теченіемъ учебной жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія неоднократно предлагало представлять полугодичныя вѣдомости о пропущенныхъ преподавательскимъ персоналомъ часахъ учебныхъ занятій. Усматривая нынѣ, что, во 1-хъ, означенныя вѣдомости многими высшими учебными заведеніями представляются несвоевременно или не представляются вовсе, и во 2-хъ, въ представляемыхъ вѣдомостяхъ число пропущенныхъ учебныхъ часовъ изъ назначенныхъ по расписаніямъ нерѣдко выражается весьма значительными цифрами, доходящими по нѣкоторымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ въ среднемъ до 30%, по отдѣльнымъ же предметамъ даже до 100%, Министерство Народнаго Просвѣщенія признаетъ необходимымъ обратить вниманіе Вашего Превосходительства на столь нежелательное явленіе, къ устраненію котораго слѣдуетъ принять серьезныя мѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Васъ, Милостивый Государь, озаботиться, чтобы означенныя вѣдомости были представляемы въ центральное управленіе своевременно.

Обращаясь къ рассмотрѣнію указываемыхъ въ вѣдомостяхъ причинъ пропуска профессорами и преподавателями часовъ лекцій и практическихъ занятій, я считаю полезнымъ сообщить Вашему Превосходительству указанія, которыя могли бы быть предложены факультетамъ или соотвѣтствующимъ симъ послѣднимъ учрежденіямъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній къ руководству и исполненію.

I. Своевременность начала и конца учебныхъ занятій должна всемѣрно быть соблюдаема, посему надлежитъ озаботиться объ устраненіи всѣхъ причинъ, препятствующихъ исполненію соотвѣтственныхъ требованій уставовъ. Въ этихъ видахъ, въ дополненіе къ указаніямъ, изложеннымъ въ циркулярѣ Министерства отъ 9-го іюня сего года, за № 18589, назначеніе времени для пріемныхъ, переводныхъ и выпускныхъ испытаній, а также для каникулярныхъ практическихъ занятій должно быть по возможности сообразовано съ сроками, установленными для начала и конца учебныхъ занятій. Равнымъ образомъ, нерѣдко замѣченные случаи прекращенія лекцій ранѣе срока, объясняемые, въ большинствѣ, окончаніемъ изложенія предмета, не должны бы имѣть мѣста, въ особенности, если они являются результатомъ нежелательныхъ сокращеній и измѣненій въ программахъ, занятияхъ и установленныхъ курсовъ.

II. Перерывы въ преподаваніи въ теченіе учебнаго времени вслѣдствіе командировокъ или отпусковъ профессоровъ и преподавателей не должны быть допускаемы, за исключеніемъ случаевъ особенной важности, на что уже было обращено вниманіе Министерствомъ въ циркулярѣ отъ 7-го мая сего года, за № 14564. Еще менѣе допустимы пропуски учебныхъ занятій по причинѣ постороннихъ занятій профессоромъ и преподавателемъ, а потому совмѣстительство съ прямыми

ихъ обязанностями иныхъ должностей должно быть ограничиваемо тѣмъ условіемъ, чтобы исполненіе обязанностей по этимъ должностямъ не влекло за собой пропуска лекцій и другихъ учебныхъ занятій. Равнымъ образомъ расписанія учебныхъ занятій должны быть составляемы такъ, чтобы репетиціи, экскурсіи, осмотры исполненныхъ студентами работъ и экзамены по частямъ пройденныхъ курсовъ не отвлекали г. г. преподающихъ отъ чтенія лекцій.

III. Малое число студентовъ на лекціяхъ, особенно замѣчаемое въ началѣ и передъ окончаніемъ учебныхъ занятій, не должно служить причиной пропуска лекцій со стороны профессоровъ и преподавателей.

IV. Пропущенные часы учебныхъ занятій какъ по обязательнымъ, примѣнительно къ 6-ти или 7-ми часовой нормѣ, такъ и по необязательнымъ предметамъ должны подлежать правильной регистраціи, съ объясненіемъ причинъ пропусковъ, каковыя могли бы быть раздѣлены по рубрикамъ: 1) болѣзнь и семейныя обстоятельства, 2) командировки и отпуска, 3) служебныя обязанности по учебному заведенію 4) неотложныя занятія внѣ учебнаго заведенія (напр., экспертизы по приглашенію суда, отправленіе обязанностей присяжнаго засѣдателя), причемъ пропущенные часы слѣдуетъ показывать по каждому предмету и для каждаго изъ г. г. преподающихъ особо съ указаніемъ числа часовъ, назначенныхъ по расписанію, и съ выводомъ въ отдѣльной графѣ процентнаго отношенія.

V. Составленные согласно п. IV. вѣдомости за каждое полугодіе должны быть соотвѣтственно представляемы въ Министерство не позже 1-го января и 1-го іюля съ заключеніемъ факультета или соотвѣтствующаго сему послѣднему учрежденія, которые при этомъ обязаны войти въ обсужденіе мѣръ, могущихъ возстановить нарушенную значительными пропусками правильность учебныхъ занятій, каковыми мѣрами могли бы служить: 1) возмѣщеніе лекцій, пропущенныхъ въ одномъ полугодіи, назначеніемъ добавочныхъ неоплаченныхъ особо лекцій тому-же преподавателю въ слѣдующемъ полугодіи 2) привлеченіе къ чтенію лекцій приватъ-доцентовъ за особое вознагражденіе изъ средствъ учебнаго заведенія; 3) установленіе особыхъ, въ случаяхъ надобности, параллельныхъ курсовъ. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. 1904 г. № 12.

По вопросу объ улучшеніи матеріальнаго положенія помощниковъ классныхъ наставниковъ въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. (8 ноября 1904 г. за № 9588).

Сущующимъ при мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ помощникамъ классныхъ наставниковъ штатами сихъ учебныхъ заведеній положено крайне ограниченное содержаніе. При увеличивающейся изъ года въ годъ дороговизнѣ предметовъ первой необходимости размѣръ означеннаго содержанія (300 р. въ гимназіи и реальномъ училищѣ и 220 р. въ прогимназіи) оказывается настолько недостаточнымъ для удовлетворенія потребностей даже самой скромной жизни, что помощники классныхъ наставниковъ, особенно семейные, постоянно испытываютъ нужду и при первой возможности стараются перейти на другія болѣе обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи мѣста.

Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе, что получаемое помощниками классныхъ наставниковъ содержаніе совершенно не соотвѣтствуетъ возлагаемымъ на нихъ весьма многимъ обязанностямъ по наблюденію за учениками въ стѣнахъ учебнаго заведенія и внѣ оного, министерство народнаго просвѣщенія признало бы справедливымъ хотя нѣсколько улучшить матеріальное положеніе означенныхъ должностныхъ лицъ путемъ выдачи имъ пособій изъ специальныхъ средствъ соотвѣтствующихъ учебнымъ заведеніямъ въ размѣрѣ, какой окажется возможнымъ по состоянію сихъ средствъ.

Объ этомъ сообщается по округу для свѣдѣнія и руководства. (Циркуляръ по Рижскому уч. окр. 1904 г. № 12).

Относительно предоставленія помѣщенія учебныхъ заведеній запаснымъ чинамъ во время мобилизаціи. (25 ноября 1904 г. за № 11539).

Попечитель Московскаго учебнаго округа, въ виду ходатайствъ начальниковъ нѣкоторыхъ входящихъ въ составъ его округа губерній, возбудилъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопросъ о предоставленіи во время мобилизаціи запаснымъ чинамъ помѣщеній учебныхъ заведеній съ прекращеніемъ временно школьныхъ занятій.

Признавъ съ своей стороны желательнымъ придти на помощь подлежащимъ властямъ въ дѣлѣ успѣшнаго и благополучнаго передвиженія отправляющихся на Дальній Востокъ войскъ, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ предоставлять, въ случаѣ надобности, для нуждъ мобилизаціи зданія учебныхъ заведеній, съ временнымъ прекращеніемъ въ нихъ занятій. При чемъ его высокопревосходительство поручилъ сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія, чтобы въ подобныхъ случаяхъ былъ установленъ тщательный надзоръ за цѣлостію и сохранностію уступаемыхъ подъ войска помѣщеніе учебныхъ заведеній и ихъ имущества и приняты были надлежащія мѣры къ приведенію сихъ помѣщеній, по освобожденіи отъ войска, въ должный порядокъ и чистоту. (1b.)

По вопросу о порядкѣ выдачи свидѣтельствъ на званіе учителя гимназій окончившимъ курсъ духовныхъ академій. (19 октября 1904 г. за № 8873).

Однимъ изъ гг. попечителей учебныхъ округовъ возбужденъ вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ выдавать свидѣтельства на званіе учителя гимназій лицамъ, окончившимъ курсъ духовныхъ академій и подвергавшимся испытанію на это званіе на основаніи правилъ 1-го апрѣля 1867 года.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на заключеніе котораго былъ переданъ означенный вопросъ, полагалъ установить въ видѣ общаго правила, чтобы свидѣтельства на званіе учителя гимназій выдавались лицамъ, подвергавшимся испытанію на это званіе въ университетахъ, безразлично, по правиламъ ли 1867 года или

по правиламъ 1870 года, отъ университета за подписью попечителя учебнаго округа и скрѣпою ректора университета, каковое мнѣніе ученаго комитета утверждено г. министромъ.

О вышеизложенномъ сообщается по округу. (Ив.)

О порядкѣ разрѣшенія на открытіе курсовъ по профессиональнымъ и техническимъ предметамъ.

Циркулярнымъ предложеніемъ отъ 25-го октября 1903 года за № 33211, министерство народнаго просвѣщенія признало необходимымъ предоставить начальствамъ учебныхъ округовъ давать разрѣшеніе на открытіе различныхъ курсовъ, съ соблюденіемъ при этомъ установленныхъ закономъ условій относительно открытія частныхъ учебныхъ заведеній.

Въ дополненіе къ означенному предложенію отдѣлъ промышленныхъ училищъ, въ отношеніи отъ 16-го ноября 1904 г. за № 6516, сообщилъ, что открытіе курсовъ по профессиональнымъ и техническимъ предметамъ должно также подлежать дѣйствію узаконеній, опредѣляющихъ порядокъ открытія частныхъ учебныхъ заведеній, и разрѣшеніе открыть такіе курсы можетъ быть даваемо лишь лицамъ, удовлетворяющимъ требованіямъ ст.ст. 3718 и 3719, т. XI, ч. I св. зак. (изд. 1893 г.); что касается спеціальнаго образовательнаго ценза лицъ, которыя могутъ быть допущены къ преподаванію различныхъ профессиональныхъ и техническихъ предметовъ на курсахъ, то, въ виду отсутствія въ законѣ опредѣленныхъ указаній по сему вопросу, министерство признало возможнымъ разрѣшить допускать къ преподаванію означенныхъ предметовъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ лицъ, которыя представляютъ свидѣтельство о полученномъ ими техническомъ образованіи въ русскихъ или иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ соответственныхъ разрядовъ или засвидѣтельствованія объ успѣшныхъ занятіяхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ по соответственной спеціальности.

Объявляется по округу для надлежащаго руководства. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 1).

О распространеніи положенія объ учителяхъ и учительницахъ рисованія и черченія, утвержденнаго министерствомъ 18-го іюля 1903 г., на окончившихъ курсы въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I-го.

За министра народнаго просвѣщенія, г. товарищъ министра въ предложеніи отъ 25-го ноября 1904 г. за № 6748, уведомилъ, что въ виду ст.ст. 1517 и 1737 т. XI, ч. I св. зак. (изд. 1893 г.), пунктъ 1-й объявленнаго къ руководству, при циркулярномъ предложеніи министерства отъ 18-го іюля 1903 года, за № 22113, положенія объ учителяхъ и учительницахъ рисованія и черченія долженъ быть дополненъ указаніемъ:

на окончившихъ курсъ въ институтъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I-го.

Сообщается по округу для свѣдѣнія. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 1).

Объ условіяхъ для полученія учениками гимназій и прогимназій наградъ 1-й и 2-й степени.

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ, въ виду измѣнивагося въ послѣдніе годы состава учебныхъ предметовъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и состоявшейся отмѣны переводныхъ испытаній для учащихся, возбудилъ вопросъ о томъ, на какихъ условіяхъ ученики гимназій и прогимназій могутъ быть нынѣ удостоиваемы, при переходѣ изъ класса въ классъ, наградъ 1-й и 2-й степени.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на обсужденіе коего былъ переданъ означенный вопросъ, полагалъ:

1) для старшихъ классовъ, начиная съ III-го, гимназій, перечисленныхъ въ п.п. II и III Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 г., сохранить дѣйствіе § 38 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій 12-го марта 1891 г. безъ измѣненій.

2) Для I и II классовъ всѣхъ мужскихъ гимназій и прогимназій, за исключеніемъ поименованныхъ въ п. II Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 г., вмѣсто § 38 означенныхъ правилъ, преподавать такое указаніе: для полученія награды 1-й степени требуется имѣть годовую отмѣтку 5 по русскому языку и математикѣ, при 4 по всѣмъ прочимъ предметамъ; для полученія награды 2-й степени достаточно имѣть не болѣе 4 по каждому предмету“.

3) Для старшихъ классовъ тѣхъ гимназій и прогимназій, въ коихъ преподается изъ древнихъ языковъ одинъ латинскій, установить, что для полученія награды 1-й степени требуется имѣть годовую отмѣтку 5 по русскому языку, а также по латинскому или математикѣ, при 4 по каждому изъ прочихъ предметовъ курса; для полученія награды 2-й степени достаточно имѣть не менѣе 4 по каждому предмету.

Изложенное мнѣніе ученаго комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

Объ этомъ департаментъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ въ отношеніи отъ 10-го декабря 1904 г. за № 13098.

Сообщается по округу для надлежащаго руководства, до кого сіе касаться будетъ. (Циркуляръ по С.-Петербургскому уч. окр. 1905 г. № 1)

По вопросу о бесплатномъ отпускѣ лѣса на устройство училищныхъ зданій. (20—31 октября 1904 года № 9139).

Происходившій въ Москвѣ въ 1901 г. съѣздъ дѣятелей по народному образованію, между прочимъ, постановилъ ходатайствовать объ измѣненіи изданныхъ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ 2-го ноября 1898 г. въ развитіе закона 12-го мая 1897 г. правилъ о бесплатномъ отпускѣ лѣса на устройство училищныхъ зданій.

Начальства учебных округовъ, отъ коихъ истребованъ былъ отзывъ по настоящему предмету, увѣдомили, что правила 2-го ноября 1898 г. равно, какъ и изданныя, взаменъ ихъ, правила 25 августа 1901 г., безусловно имѣютъ ограничительный характеръ. По этимъ правиламъ бесплатные отпуска лѣса на постройку училищъ, хотя формально и разрѣшаются Лѣснымъ Департаментомъ, по ходатайству директора народныхъ училищъ, но фактически постановлены въ полную зависимость отъ Управленія Государственныхъ Имуществъ, на отзывъ котораго Лѣсной Департаментъ основываетъ разрѣшеніе бесплатнаго отпуска лѣса, сколь бы ни были вѣски причины, вызывающія необходимость безденежнаго отпуска лѣса и какія бы положительныя данныя ни были представлены директоромъ народныхъ училищъ. Управление же Государственныхъ Имуществъ нерѣдко относится съ недоувѣріемъ ко всѣмъ сообщаемымъ директоромъ народныхъ училищъ даннымъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ, ходатайствующихъ о лѣсѣ на постройку, и, руководствуясь своими собственными соображеніями о матеріальномъ положеніи тѣхъ же крестьянъ, даетъ иногда неблагоприятный отзывъ относительно отпуска лѣса, а основываясь на этомъ отзывѣ, Лѣсной Департаментъ, въ свою очередь, отказывается въ удовлетвореніи ходатайства о бесплатномъ отпускѣ лѣса, вслѣдствіе чего постройка училища затягивается и даже вовсе иногда не осуществляется. Такимъ образомъ, изданныя Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ правила въ развитіе общихъ основаній, изложенныхъ въ законѣ 12-го мая 1897 г., и распоряженіе того же Министерства относительно предѣльныхъ нормъ для отпуска лѣса на постройку училищныхъ зданій крайне затрудняютъ школьное строительство, которое, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ примѣненія закона 12-го мая 1897 г., получало бы несравненно болѣе развитіе, къ неоспоримому благоустройству и благосостоянію начальныхъ школъ, въ большинствѣ случаевъ ютящихся въ настоящее время въ наемныхъ зданіяхъ, мало пригодныхъ по своимъ гигиеническимъ и санитарнымъ условіямъ для школьныхъ помѣщеній.

Посему учебно-окружныя начальства, основываясь на опытѣ примѣненія упомянутыхъ правилъ 25-го августа 1901 г., въ видахъ облегченія способовъ школостроительства, признали необходимымъ слѣдующія измѣненія въ сихъ правилахъ:

а) Отпускъ лѣса долженъ быть исключительно безденежнымъ и на всѣ школы, такъ какъ школы представляютъ государственную потребность.

б) Было бы желательно, чтобы лѣсъ отпускался не только изъ участковъ, назначенныхъ къ вырубкѣ въ данномъ году, но и изъ ближайшихъ къ школѣ мѣстъ вообще, такъ какъ при существующемъ порядкѣ отпуска можетъ случиться, что изъ близкихъ участковъ лѣсъ можетъ быть отпущенъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, воспользоваться же лѣсомъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ часто бываетъ слишкомъ невыгодно, вслѣдствіе вывозки по плохимъ въ большинствѣ случаевъ дорогамъ.

в) Надлежало бы, чтобы Управленія Государственными Имуществами, по составленіи смѣты на рубку казеннаго лѣса въ губерніяхъ, сообщали ежегодно мѣстнымъ губернскимъ училищнымъ совѣтамъ,

какое количество строительнаго матеріала изъ этой смѣты и по какимъ дачамъ можетъ быть отпущено на нужды сельскихъ училищъ.

г) Вслѣдствіе постоянно растущей потребности населенія въ обученіи, приходится строить школьныя зданія сравнительно большихъ размѣровъ, чѣмъ это допускается нормами Лѣснаго Департамента, почему послѣднія желательно было бы совершенно отмѣнить, съ тѣмъ, чтобы количество отпускаемаго казною бесплатнаго лѣса соответствовало составляемымъ планамъ и смѣтамъ школьныхъ зданій, рассчитанныхъ на дѣйствительное число учащихся.

д) Желательно также, чтобы отпускъ происходилъ въ декабрѣ, январѣ и не позже первой половины февраля, а не во время разлива рѣкъ, когда вывозка становится настолько дорогою, что казенный бесплатный лѣсъ обходится не дешевле купленнаго у частныхъ лицъ.

е) Кромѣ бесплатнаго отпуска лѣса собственно на постройку и ремонтъ школъ, желателенъ такой же отпускъ, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, дровъ для ихъ отопленія.

ж) Отпускъ лѣса въ разработанномъ видѣ (согласно дополнительнымъ правиламъ 25-го августа 1901 г.) можетъ имѣть значеніе, если заготовительныя цѣны не будутъ высокими, хотя все же предпочтительнѣе по дешевизнѣ вырубки самими крестьянами, при которой рѣдко приходится платить за перерубъ.

Вслѣдствіе изложеннаго Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія было сдѣлано соответственное сношеніе по настоящему дѣлу съ Лѣснымъ Департаментомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Нынѣ сей послѣдній Департаментъ по означенному вопросу сообщилъ нижеслѣдующее.

Всѣ указываемыя начальствомъ учебныхъ округовъ затрудненія въ дѣлѣ школьнаго строительства, какъ выяснилось изъ всесторонняго примѣненія на практикѣ закона 12 мая 1897 г. не состоятъ въ какой-либо зависимости отъ изданныхъ, на основаніи ст. 10 упомянутаго закона, правилъ и не имѣютъ прямого отношенія къ выработаннымъ въ Лѣсномъ Департаментѣ предѣльнымъ нормамъ для бесплатныхъ отпусковъ казеннаго лѣса на строительныя надобности сельскихъ училищъ. Вопросъ объ этихъ затрудненіяхъ, несомнѣнно, — результатъ недоразумѣній. Въ подтвержденіе вышеизложеннаго и, въ частности, по поводу приведенныхъ Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія соображеній Попечителей учебныхъ округовъ, Лѣсной Департаментъ сообщилъ нижеслѣдующее.

Внимательное ознакомленіе съ текстомъ ст. 8 закона 12 мая 1867 г., въ которой говорится, что сельскимъ училищамъ можетъ быть отпускаемъ безденежно лѣсъ, приводитъ къ убѣжденію, что означенные въ этомъ законѣ бесплатные отпуска лѣса не имѣютъ обязательнаго значенія и что поэтому, въ силу приведеннаго закона, не можетъ быть рѣчи о какомъ либо обязательствѣ со стороны казны отпускать безденежно лѣсъ всѣмъ школамъ безъ исключенія въ томъ количествѣ, какое испрашивается. Законъ 12 мая 1898 г., въ дополненіе къ представленному ст. 285 Лѣснаго Устава праву разрѣшать отпуска сельскимъ училищамъ лѣса за половинную таксу, предоставляетъ право разрѣшать, въ уважительныхъ случаяхъ, симъ училищамъ и безде-

нежные отпуска лѣса, при условіи производства таковыхъ въ порядкѣ особыхъ для сего правилъ (ст. 10 закона).

Во исполненіе сего закона и изданы Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ означенныя правила. При этомъ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ не могло и не имѣло въ виду придавать изданнымъ правиламъ тотъ ограничительный характеръ, о которомъ упоминается въ заявленіи попечителей учебныхъ округовъ.

Указываемые въ отношеніи Департамента Народнаго Просвѣщенія случаи недовѣрчиваго отношенія Управленій Государственныхъ Имуществъ къ сообщаемымъ директорами народныхъ училищъ даннымъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ, а также случаи, когда названныя управленія давали отзывы о невозможности просимаго отпуска лѣса по разнымъ причинамъ или же давали отзывы о возможности отпуска лѣса изъ дачъ, удаленныхъ отъ мѣстъ предполагаемыхъ построекъ и т. п., объясняются не личными соображеніями чиновъ, дающихъ отзывы, а требованіями закона. Такъ, въ силу ст. 844 Лѣс. Уст., названныя управленія, при разрѣшеніи бесплатныхъ и льготныхъ отпусковъ лѣса, обязаны не только знать, для какой именно цѣли и въ какомъ количествѣ отпускается ими лѣсъ, но и должны имѣть наблюденіе за употребленіемъ отпущеннаго лѣса по прямому своему назначенію. Точно также, въ силу ст. 230 того же устава, Управленіе не можетъ ограничиться разрѣшеніемъ таковыхъ отпусковъ, безъ соблюденія установленныхъ общими условіями продажи сроковъ заготовокъ казеннаго лѣса, правилъ складки матеріаловъ для учета, порядка ихъ обмѣра, а также очистки мѣстъ рубокъ. Равнымъ образомъ, названныя Управленія не имѣютъ законныхъ основаній, ради удовлетворенія даннаго ходатайства, измѣнять установленный въ дачѣ планъ лѣсного хозяйства. Вообще, въ виду изложеннаго, Управленія по всѣмъ ходатайствамъ относительно безденежнаго отпуска лѣса на школьныя надобности, могутъ давать лишь подлежащіе отзывы по вопросу о возможности или невозможности желаемаго отпуска, дѣло же просителей—принять предложенный лѣсъ, или же отказаться отъ него.

Что Лѣсной Департаментъ, при разрѣшеніи отпусковъ лѣса на школьныя надобности, основывался, главнымъ образомъ, на данныхъ, приводимыхъ въ отзывахъ управленій Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ,—это вполне естественно, но указаніе попечителей учебныхъ округовъ на то, что, сколько бы ни были вѣски причины, вызывающія необходимость безденежнаго отпуска лѣса, Лѣсной Департаментъ не разрѣшаетъ такового, если Управленіе Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ даетъ по сему предмету неблагоприятный отзывъ, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Напротивъ, изъ Дѣлъ Департамента видно, что въ подобныхъ случаяхъ, имѣвшихъ мѣсто, напр., въ Московской, Архангельской и другихъ губерніяхъ, разрѣшались департаментомъ именно бесплатные отпуска; были даже случаи (по губерніямъ Херсонской, Смоленской и другимъ), когда нужный лѣсъ испрашивался къ отпуску за половинную таксу, или по таксъ, Департаментъ же находилъ возможнымъ разрѣшать отпускъ бесплатный. Насколько въ этомъ дѣлѣ лѣсное вѣдомство оказывало широкое пособіе, видно изъ того, что, на основаніи упомянутаго за-

кона, по 2.300 возбужденнымъ ходатайствамъ быть разрѣшенъ бесплатный отпускъ, на постройку и ремонтъ 3.372 сельскихъ училищъ, разнаго рода лѣсныхъ матеріаловъ на сумму по таксѣ на 1.050.000 рублей, и кромѣ того, предоставлены дрова на отопленіе 7.837 училищъ.

Затѣмъ, по поводу заявленія попечителей учебныхъ округовъ о томъ, что предѣльныя нормы для отпуска лѣса на постройку училищныхъ зданій крайне затрудняютъ школьное строительство, Лѣсной Департаментъ считаетъ нужнымъ пояснить, что означенныя нормы даны Управленіямъ лишь для соображеній, а не для обязательныхъ по нимъ отпусковъ лѣса и нисколько не могутъ стѣснять устроителей школъ, такъ какъ указаннаго въ этихъ нормахъ количества лѣса вполне достаточно для постройки училищныхъ зданій обычныхъ размѣровъ; если же при расширеніи потребности населенія въ обученіи потребуются постройки зданія большихъ размѣровъ, то, въ подобныхъ случаяхъ, дополнительное количество лѣса, при возможности отпуска такового, могло бы быть отпущено въ порядкѣ ст. 285. Лѣсн. Уст. за половинную таксу, или же приобрѣтено на общемъ основаніи.

Въ виду всего вышеизложеннаго, Лѣсной Департаментъ находитъ, что изданныя Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ правила 25-го августа 1901 г., составленныя на основаніи ст. 10 закона 12 мая 1897 г. и по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, не стѣсняютъ школьнаго строительства. Предлагаемыя же попечительствами учебныхъ округовъ въ этихъ правилахъ измѣненія, указанныя выше, въ пунктахъ а ж, Лѣсной Департаментъ признаетъ ненужными по нижеслѣдующимъ соображеніямъ:

а) Безденежный отпускъ лѣса всемъ школамъ и во всѣхъ случаяхъ—не соотвѣтствуетъ смыслу закона 12-го мая 1897 г. и, помимо неисполнимости на практикѣ (за невозможностью удовлетвореніи всѣхъ ходатайствъ), еще неудобенъ въ томъ отношеніи, что, ослабляя общественную самодѣятельность, приучаетъ населеніе полагаться лишь на казенное воспособленіе.

б) По правиламъ лѣснаго хозяйства лѣсъ можетъ отпускаться лишь изъ смѣтныхъ назначеній текущаго года и изъ мѣстъ, назначенныхъ для сего по лѣсоустройству; поэтому, если воспользоваться лѣсомъ въ данномъ случаѣ невыгодно, то и ходатайствовать объ отпускѣ также не слѣдуетъ.

в) Сообщеніе Управленіями Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ежегодно мѣстнымъ губернскимъ училищнымъ совѣтамъ, какое количество лѣсныхъ матеріаловъ и по какимъ дачамъ можетъ быть отпущено на нужды сельскихъ училищъ, возможно и безъ включенія такового обстоятельства въ правила, но для этого необходимо, чтобы упомянутые училищные совѣты въ свою очередь, сообщали Управленіямъ заблаговременно всѣ необходимыя для сего свѣдѣнія, такъ какъ, не зная потребностей школъ, Управленія не могутъ сообщать о количествѣ возможнаго къ отпуску лѣса.

г) Въ отмѣнѣ нормъ Лѣснаго Департамента надобности не имѣется уже потому, что нормы эти даны Управленіямъ, какъ сказано выше, лишь для соображеній, а не для обязательнаго по нимъ отпуска лѣса.

д) На основаніи примѣч. къ § 4 правилъ 25 августа 1901 г., ходатайства объ отпускахъ лѣса должны представляться не позднѣе 1 фев-

раля, изъ чего слѣдуетъ, что правила не препятствуютъ учебнымъ начальствамъ направлять ходатайства и ранѣ 1 февраля, т. е. хотя бы и осенью предыдущаго года, въ каковомъ случаѣ Управленія будутъ имѣть полную возможность разрѣшать отпуска въ благопріятное для сего время года.

е) На основаніи существующихъ правилъ, отпуска школамъ дровъ разрѣшаются въ возможномъ по состоянію дачъ количествѣ, лишь бы количество это не превышало той нормы, какая, установлена для отопленія помѣщеній чиновъ лѣснаго вѣдомства, что вполнѣ справедливо въ данномъ случаѣ.

ж) Правила 25 августа 1901 г. допускаютъ заготовку лѣса самими крестьянами, если таковая для нихъ предпочтительна, и допускаютъ отпускъ лѣса, сортиментами, разработанными распоряженіемъ мѣстныхъ чиновъ, но не на средства Лѣснаго Департамента, а по предварительнымъ заказамъ получателей и на ихъ личные средства; отпускаемые для этой цѣли авансомъ заготовительныя цѣны такого лѣса ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть высокими. (Циркуляръ по Западно-Сибирскому уч. окр. 1904 г. № 12).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Баженовъ, Николай*. Учебникъ русской исторіи. Изданіе 8-е, испр. Кронштадтъ. 1904. Стр. 159+6+1 таблица. Цѣна 50 коп.“ (для III класса женскихъ гимназій и прогимназій, а также для старшихъ классовъ Маріинскихъ женскихъ училищъ и городскихъ училищъ).

— „*Босъ, А. и А. Ребьеръ*. Курсъ элементарной геометріи. Перевелъ *Н. де-Жоржъ*. Изданіе 3-е, испр. и измѣн. С.-Пб. 1904. Стр. VII+391. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Бѣлоруссовъ, И.* Учебникъ по русской грамматикѣ. Изданіе 17-е. Орель. 1904. I. Этимологія. Стр. 98. Цѣна 40 коп.—II. Синтаксисъ. Стр. 78. Цѣна 40 коп.“

— „*Васильевъ, Петръ*. Синтаксисъ русскаго языка. Изданіе 3-е, испр. М. 1904. Стр. VII+108. Цѣна 50 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Дьяконова П. И.* Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Изданіе 2-е, вновь пересм. С.-Пб. 1904. Стр. VII+107. Цѣна 50 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Извольскій, Н. А.* Ариѳметика. Часть I. Курсъ 1-го класса. М. 1903. Стр. I+78. Цѣна 35 коп.—Часть II. Курсъ II и III классовъ. М. 1904. Стр. 194. Цѣна 60 коп.“

— „*Поливановъ, Левъ*. Русскій синтаксисъ для II, III, IV и V классовъ среднихъ учебныхъ заведеній (Учебникъ русской грамматики. Часть II). Изданіе 7-е. М. 1904. Стр. XVI+157. Цѣна 70 коп.“

— „*Темнолѣровъ, Никаноръ*. Ученіе о богослуженіи православной церкви. Изданіе 5-е, испр. С.-Пб. 1903. Стр. 129+II. Цѣна 40 коп.“

— „*Щербаковъ, С.* Курсъ космографіи. 3-е изданіе. Нижній-Новгородъ. 1904. Стр. VII+185+IV. Цѣна 1 руб.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Арбузовъ, В., А. Мининъ, В. Мининъ, Д. Назаровъ*. Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Изданіе 11-е, В. Думнова. Н. 1904. Стр. IV+255. Цѣна 60 коп.“ (также для учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ).

— „*Goethe. Hermann und Dorothea*. Обработалъ *Максъ Фишеръ*. Изданіе 4-е, С. Манштейна. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. С. А. Манштейна). С.-Пб. 1905. Стр. 79 (текста)+78+41+6 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ переплетѣ.“ (для старшихъ классовъ).

— „*Мельгуновъ, П.* Первые уроки исторіи (изъ бесѣдъ съ учениками). Древній Востокъ. Изданіе 7-е. магаз. „Соотрудникъ школъ“. М. 1904. Стр. XII+232. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ (для III класса гимназій).

— „*Помяловскій, М.* Поэтическая хрестоматія элементарнаго курса русской исторіи. Изданіе А. К. Пурышева. С.-Пб. 1904. Ст. 58. Цѣна 40 коп.“ (для младшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы продажная цѣна книги нынѣ же была понижена до 25 коп.).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Abraham, H.* Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Переводъ съ французскаго подъ ред. *Б. П. Вейнберга*. Часть I. Книгоиздательство „Mathesis“. Одесса. 1905. Стр. XVI+272. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (также въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и городскихъ по Положенію 31-го мая 1872 г. училищъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Arrhenius, S. A.* Физика неба. Переводъ съ нѣм. подъ ред. *А. Р. Орбинскаго*. Книгоиздательство „Mathesis“. Одесса. 1905. Стр. VII+250. Цѣна 2 руб.“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Вольногорскій, П.* По бѣлу свѣту. Вып. 2-й. Великій путь. Изданіе К. И. Тихомирова, М. 1904. Стр. 240. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Вольногорскій, Павелъ*. Страницы изъ книги природы. Часть 2-я. С.-Пб. 1904. Стр. 372. Цѣна 1 руб. 75 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни; кромѣ того, обѣ части сего сочиненія допустить къ приобрѣтенію для выдачи ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды).

— „*Габбертонъ, Д.* Дѣти Елены. Разсказъ. Перевелъ съ англ. *Л. Л.*

Толстой. М. 1900. Стр. 162. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 25 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Гартцъ, В. Ѳ. Ариѳметика. Изданіе 2-е, исправл. С.-Пб. 1904. Стр. II+240. Цѣна 80 коп.“

— „фонъ-Герихъ, П. Очерки политической исторіи. Европа XIX столѣтія. 1815—1870 гг. Изданіе т-ва „Книговѣдъ“. С.-Пб. 1903. Стр. 340+IV. Цѣна 2 руб.“ (для старшаго возраста).

— „Голиковъ, Б. И. Природа. Уроки и бесѣды по естествовѣдѣнію. Изданіе К. Тихомирова. М. 1904. Стр. V+220. Цѣна 65 коп.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „Карлейль. Томасъ. Sartor resartus. Жизнь и мысли герръ Тейфельс-дрекка. Переводъ съ англ. Н. Горбова. Изданіе 2-е, пересм. М. 1904. Стр. XVI+356. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Кауъ, Р. О защитѣ глаза отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній. 2-е изданіе, испр. и доп., И. П. Мазурецъ. С.-Пб. 1904. Стр. 35. Цѣна 30 к.“ (для старшаго возраста, а также въ ученическія библіотеки городскихъ по Положенію 31-го мая 1872 г. училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Круберъ, А., С. * Григорьевъ, А. Барковъ, и Т. * Чефрановъ. Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе 2-е. испр. и доп., т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. М. 1904. Стр. V+775. Цѣна 2 руб. 75 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Покровский, В. Сокращенная историческая хрестоматія. Часть VII. М. 1904. Стр. 505. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста).

— „Покровский, В. Хрестоматія по русской новѣйшей литературѣ. часть 1-я. М. 1904. Стр. X+181. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Сердобольскій, А. П. Ранніе посѣвы. Сборникъ прозаическихъ статей и стихотвореній. Часть 2-я. Изданіе 2-е, испр. и доп., М. В. Клюкина. М. 1901. Стр. 760. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Уоллесъ, Альфредъ Р. Мѣсто человѣка во вселенной. Переводъ съ англ. Л. Лакіера. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 292. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „Шляпкинъ, И. А. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. С.-Пб. 1903. Стр. XV+367. Цѣна 3 руб.“ (для старшаго возраста, а также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Метельскій, Владиміръ. Отечественная исторія. Элементарный курсъ. Часть I. Одесса. 1903. Стр. II+96+1. Цѣна 45 коп.—Часть II. Одесса. 1904. Стр. 102+1. Цѣна 50 коп.“ (для младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены замѣченныя погрѣшности).

Опредѣленіями основнаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Составленные *С. И. Никифоровымъ* препараты по біологіи: а) № 1. Капустница и ея развитіе.—№ 2. Резинана и причиняемый ею вредъ.—№ 3. Кисточница-Антиква и ея развитіе.—№ 4. Тонкопрядъ хмелевый.—№ 5. Крапивница и ея развитіе.—№ 6. Либатриксъ.—№ 7. Готика.—№ 8. Аврора (Кардаминесъ).—№ 9. Ветуста.—№ 10. Коромысло и ея превращеніе. Цѣна за всѣ 10 препаратовъ 17 руб., въ отдѣльной продажѣ №№ 2, 3, 5 и 9 по 2 руб. 50 коп., №№ 1, 4, 6, 7 и 8 по 2 руб.—б) „Превращеніе лягушки въ 6 стадійхъ. Цѣна 1 руб. 75 коп.“—признать заслуживающими рекомендаціи посредствомъ особаго циркуляра окружающимъ начальствамъ для приобрѣтенія во всѣ тѣ учебныя заведенія, въ которыхъ преподается естествовѣдѣніе.

— Книгу: „*Leder, A. Deutsches Lesebuch für mehr klassische Schulen 1. Teil. Lodz. 1904. 143 S. Preis geb. 5 Kop.*“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для начальныхъ народныхъ училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книгу: „*Мостовскій, А. Краткіе очерки исторіи Россіи. 5-е, вновь обраб. изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1904. Стр. 82. Цѣна 20 коп.*“—допустить въ качествѣ руководства для учебныхъ заведеній Финляндіи и Прибалтійскаго края.

— Книги: *Покровский, В. Систематическій диктантъ. М. 1904. Часть I. Этимологія. Изданіе 11-е, доп. Стр. XV+235. Цѣна 50 коп., въ перепл. 65 коп.*—Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 9-е. Стр. XIII+256. Цѣна 60 коп., въ перепл. 75 коп.“—допустить въ качествѣ пособій при преподаваніи методики русскаго языка въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, а равно въ VIII классахъ женскихъ гимназій.

— Книгу: „*Бѣляевскій, Е. Теорія словесности. Изданіе 11-е, вновь пересм., В. В. Думнова. М. 1904. Стр. X+120. Цѣна 65 коп.*“—изъять изъ употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Авиловъ, П. Дѣтскій мірокъ. Книга для чтенія послѣ азбуки въ школѣ и дома. С.-Пб. 1904. Стр. 96. Цѣна 20 коп.*“

— „*Азбукинъ, М. Справочникъ по русскому этимологическому правописанію. Изд. 2-е (испр. и доп.), Д. Голова и А. Большакова. С.-Пб. 1905. Стр. 77. Цѣна 10 коп.*“

— „Барановъ, А. Книга для класснаго чтенія. 2-й и 3-й годъ обученія. 50-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 174. Цѣна 45 коп.“

— „Барановъ, А. Наше родное. Изд. Д. Д. Полубояринова. Русский и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи. 1-й годъ обученія. 58-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 95. Цѣна 30 коп.—Книга для класснаго и домашняго чтенія. 2-й годъ обученія. 38-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 144. Цѣна 40 коп.—То же. 3-й годъ обученія. 24-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 238. Цѣна 60 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Бунаковъ, Н. 1) Азбука и уроки чтенія и письма. 78-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 80. Цѣна 25 коп.—2) Книжка-первинка. Чтеніе послѣ азбуки. 30-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 47. Цѣна 15 коп.—3) Въ школѣ и дома. Книга для чтенія. Часть I—2-ой годъ обученія. 37-е изд. Спб. 1903. Стр. 128. Цѣна 40 коп.—Часть II—3-й годъ обученія. 30-е изд. Спб. 1903. Стр. 190. Цѣна 60 коп.—4) Грамматическія и орфографическія упражненія. Приложение къ книгѣ: „Въ школѣ и дома“. 8-е изд. С.-Пб. 1902. Стр. 38. Цѣна 15 коп. (Всѣ—изд. Д. Д. Полубояринова).

— „Гусевъ, А. Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка. Изд. 10-е, А. Д. Ступина, М. 1904. Стр. VI+214. Цѣна 25 коп., въ перепл. 40 коп.“

— „Лубенецъ, Т. Письменные самостоятельныя работы въ начальной школѣ. 6-е изд., П. В. Луковникова. С.-Пб. 1901. Стр. 60. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Павловъ, А. Городская школа. Книга для класснаго чтенія. Изд. Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Часть I-я. 1-й годъ обученія. Изд. 16-е. Стр. 94+11. Цѣна 30 коп.—Часть II-я. 2-й годъ обученія. Изд. 17-е. Стр. 144. Цѣна 15 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „Павловъ, Н. Сборникъ задачъ и численныхъ примѣровъ для начального обученія ариметикѣ. Часть II. 1) Числа до тысячи. 2) Числа любой величины. 10-е изд., А. А. Дубровина. Казань. 1904. Стр. 100. Цѣна 20 коп.“

— „Паульсонъ, Г. Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Тетрадь I. Внѣшнее построеніе рѣчи. Изд. 10-е, А. В. Паульсонъ. 1904. Стр. 85. Цѣна 12 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Пуцковичъ, Ѳ. Ѳ. Краткій курсъ русской грамматики. (Этимологія и синтаксисъ). Изд. 12-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 128. Цѣна 35 коп.“ (для городскихъ и сельскихъ 2-х-классныхъ училищъ и для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Пуцковичъ, Ѳ. Ѳ. 1) Начала русской грамматики. Изд. 10-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1904. Стр. 47. Цѣна 10 коп.—2) Практическая русская грамматика. Изд. 24-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1904. Стр. 111. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Рудневъ, В. Родной мірокъ. Русский букварь и 1-я послѣ букваря книжка для чтенія. 18-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бунаковъ, Н.* Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. 13-е испр. изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 134. Цѣна 1 руб.“

— „*Бунаковъ, Н.* Руководство къ обученію грамотѣ по книжкѣ „Азбука и уроки чтенія и письма“. 24-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“

— „*Гусевъ, А.* Знаки препинанія. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. XIV+152. Цѣна 50 коп.“ (также въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Лебедевъ Алексѣй.* Собраніе церковно-историческихъ сочиненій. Изд. И. Л. Тузова. Томъ I. Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го вѣка до XX-го. Изд. 2-е, пересм. С.-Пб. 1903. Стр. 610+IX+4. Цѣна 3 руб. - Томъ II. Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. Изд. 3-е. С.-Пб. 1904. Стр. 398+IV+14. Цѣна 2 руб.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Мещерскій, И. И.* Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Изд. 6-е. С.-Пб. 1904. Стр. 60+I. Цѣна 30 коп.“ (также въ бесплатныя народныя читальни).

— „*Паульсонъ, Г.* Объ употребленіи задачника письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. 5-е изд., А. В. Паульсонъ. С.-Пб. 1904. Стр. 34. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ)

— „*Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.* Уроки русскаго правописанія. Изд. П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Годъ 1-й и 2-й. 17-е изд. Стр. 64. Цѣна 35 коп.— Годъ 3-й. 12-е изд. Стр. 63. Цѣна 35 коп.“

— „*Рудневъ, В.* Руководство къ обученію чтенію и письму по книгѣ „Родной мірокъ“. 3-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 47. Цѣна 30 коп.“

— „*Стратилатовъ, Константинъ.* Собраніе церковныхъ поученій для простаго народа. Изд. 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1903. Стр. 421+IV+7. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Ушинскій, Константинъ Дмитріевичъ.* Собраніе педагогическихъ сочиненій. 2-е изд. С.-Пб. 1905. Стр. IV+380. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (также въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній ¹⁾:

— „Австралія. Подъ ред. В. В. Федорова. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 71. Цѣна 12 коп.“

1) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, равно могутъ быть приобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „Александръ Николаевичъ Островскій. Подъ ред. Н. А. Майкова. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 36. Цѣна 10 коп.“

— „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Юбилейное изданіе. Подъ ред. Вс. С. Соловьева. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1899. Стр. 37. Цѣна 7 коп.“

— „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Подъ ред. А. А. Дернава. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 29. Цѣна 8 коп.“

— „Берсъ, А. А. Воспоминанія о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 гг. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 84. Цѣна 15 коп.“

— „Бесѣда о Пастерѣ. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1897. Стр. 35. Цѣна 8 коп.“

— „Борисова, А. В. Въ правдѣ Богъ милуетъ, а въ неправдѣ караетъ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1901. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“

— „Быкова, М. Первые разказы изъ естественной исторіи. Часть II. 2-е изд., А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 109. Цѣна 35 коп.“

— „Бьлоусовъ, И. А. Весенніе гости. Стихотворенія. Изд. ред. жур. Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 52. Цѣна 25 коп.“

— „Василій Андреевичъ Жуковскій. Изд. 2-е, Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1902. Стр. 33. Цѣна 8 коп.“

— „Васильевъ, А. Въ лѣсу и полѣ. Разказы и сказки. Изд. 5-е. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 55. Цѣна 30 коп.“

— „Васильевъ, М. Маленькій работникъ. Разказъ. Изданіе М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „Верещагинъ, А. В. Русскіе въ Манчжуріи. Разказы о послѣднемъ китайскомъ походѣ въ 1900 г. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 47. Цѣна 5 коп.“

— „Вороновъ, А. А. Патріархъ Филаретъ. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1897. Стр. 33. Цѣна 8 коп.“

— „Гусевъ, А. Справочный церковно-славянскій словарь для толковаго чтенія св. Евангелія, Псалтири, Часослова, Октоиха, Ирмологія и др. богослужебныхъ книгъ. Изд. 8-е, А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. 128. Цѣна 5 коп.“

— „Два чтенія о театрѣ. Подъ ред. Вс. С. Соловьева. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1901. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

— „Демкинъ, И. И. Вологодскій край. Подъ ред. А. Ф. Соколова. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“

— „Держачевъ, И. Колосья. Сборникъ народныхъ разказовъ. 5-е изд., А. Д. Ступина. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Держачевъ, И. Матупка-Москва. Сборникъ стихотвореній. 5-е изд., А. Д. Ступина. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Держачевъ, И. Русскія басни. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Держачевъ, И. Старикъ-годовикъ. Сборникъ стихотвореній, расположенныхъ по временамъ года. 6-е изд., А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Деркачевъ, И. Чудесныя животныя (зоологическіе анекдоты) 5-е изд., А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Ждановъ, Левъ. Движеніе Россіи на Дальній Востокъ. (Къ берегамъ Великаго Океана). Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 80+1 карта. Цѣна 10 коп.“

— „Жизнь моря. Подъ ред. А. Ф. Соколова. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1902. Стр. 28. Цѣна 8 коп.“

— „Западная Сибирь. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1899. Стр. 42. Цѣна 8 коп.“

— „Значеніе А. С. Пушкина и его произведеній. Подъ ред. Вс. С. Соловьева. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1899. Стр. 34. Цѣна 7 коп.“

— „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Подъ ред. Вс. С. Соловьева. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 43. Цѣна 10 коп.“

— „Испанія. Подъ ред. В. В. Федорова. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1903. Стр. 41. Цѣна 10 коп.“

— „Италія. Подъ ред. Вс. С. Соловьева. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1901. Стр. 33. Цѣна 10 коп.“

— „Комаровъ, В. Манчурія. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 42. Цѣна 5 коп.“

— „Корольковъ, Н. Ѳ. Новгородъ Великій. Подъ ред. В. В. Федорова. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1903. Стр. 96. Цѣна 15 коп.“

— „Корольковъ, Н. Ф. Новоявленный угодникъ Божій преподобный Серафимъ, чудотворецъ Саровскій. Подъ ред. Вс. С. Соловьева. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1903. Стр. 60. Цѣна 10 коп.“

— „Корольковъ, Н. Ф. Сказаніе о преподобномъ Трифонѣ Печенгскомъ чудотворцѣ, просвѣтителѣ лопарей, и объ основанной имъ обители. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1897. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“

— „Корольковъ, Н. Ѳ. Соловецкая обитель. Изд. 3-е, Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 61. Цѣна 8 коп.“

— „Кремлевъ, А. Н. Іоанна д'Аркъ. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1899. Стр. 50. Цѣна 10 коп.“

— „Крестовые походы для освобожденія Святой Земли. Подъ ред. В. В. Федорова. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-П. 1904. Стр. 88+1 карта. Цѣна 15 коп.“

— „Кузнецова, С. Удивительный червячокъ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Кулибина, Ольга. Жизнь Ивана Петровича Кулибина. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1899. Стр. 35. Цѣна 8 коп.“

— „Купчиновъ, И. П. Князь Потемкинъ Таврическій. Подъ ред. В. В. Федорова. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1887. Стр. 34. Цѣна 8 коп.“

— „Купчиновъ, И. П. Присоединеніе Малороссіи. Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1897. Стр. 40. Цѣна 7 коп.“

— „Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя стихотворенія. (Для народныхъ чтеній). Изд. Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

- „*Лухманова, Н. А.* Японцы и ихъ страна. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1904. Стр. 59. Цѣна 6 коп.“
- „*М., К. П.* Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1900. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“
- „*М., К. П.* Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1901. Стр. 37. Цѣна 10 коп.“
- „*М., К. П.* Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1900. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“
- „*М., К. П.* Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1899. Стр. 42. Цѣна 10 коп.“
- „*М., К. П.* Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1900. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“
- „*М., К. П.* Путешествiе Нансена къ сѣверному полюсу. Подъ ред. *Н. А. Майкова*. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“
- „*М., К. П.* Путешествiе въ сѣверныя полярныя страны. Подъ ред. *А. Ф. Соколова*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1901. Стр. 33. Цѣна 10 коп.“
- „*М., К. П.* Федоръ Михайловичъ Достоевскiй. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1900. Стр. 38. Цѣна 12 коп.“
- „*Мертваго, Д. О.* Корея и ея жители. (Запретная страна). Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1904. Стр. 29. Цѣна 4 коп.“
- „Морское дѣло прежде и теперь. Подъ ред. *Н. А. Майкова*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1904. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“
- „Москва. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1899. Стр. 92. 92×5×1 планъ. Цѣна 25 коп.“
- „*дѣ-Мэстръ, Ксавье*. Параша Сибирячка. Разсказъ. (Съ сокращенiями для народныхъ чтенiй). Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1901. Стр. 67. Цѣна 15 коп.“
- „Нефтяныя богатства Америки и Россiи. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1900. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“
- „Николай Васильевичъ Гоголь. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1901. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“
- „Николай Михайловичъ Карамзинъ. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1900. Стр. 36. Цѣна 10 коп.“
- „Новыя русскiя владѣнiя на Крайнемъ Востокѣ. Подъ ред. *В. В. Федорова*. Изд. Постоянной Комиссiи народныхъ чтенiй. С.-Пб. 1902. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“
- „*Новгородскiй, Павелъ*. Райскiе пѣты съ русской земли. Сборникъ назидательныхъ повѣствованiй о жизни и дѣятельности благочестивыхъ людей нашего времени. Изд. 4-е. Губ. гор. Владимiръ. 1900. Стр. II+III+286. Цѣна 1 руб.“

- „О Персіи и персахъ. Подъ ред. *Вс. С. Соловьева*. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1901. Стр. 31. Цѣна 8 коп.“
- „*Островская, Н.* Разказы для дѣтей. Изд. 2-е, маг. „Сотрудникъ школъ“. М. 1903. Стр. 340. Цѣна 1 руб. 40 коп.“
- „*Павловъ, А.* Біографіи русскихъ образцовыхъ писателей. 11-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“
- „*Петровъ, И. И.* Царь-Миротворецъ Александръ Третій. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1897. Стр. 36. Цѣна 7 коп.“
- „*Плюснинъ, П.* Бессарабія. Подъ ред. *А. Г. Воронова*. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1899. Стр. 40. Цѣна 8 коп.“
- „*Покровский, Г. Г.* Святитель Θεодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій, новоявленный угодникъ Божій. Изд. 2-е, Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 37. Цѣна 8 коп.“
- „*Полевой, П.* Сказка о Садкѣ-купцѣ и Васыкѣ-Буслаевѣ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“
- „*Полевой, П.* Сказка о славномъ русскомъ богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ и его славныхъ подвигахъ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“
- „*Полевой, П.* Сказка о смѣломъ Алешѣ Поповичѣ. 3-е изд., А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“
- „*Полевой, П. Н.* Сказка о царѣ-богатырѣ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“
- „*Полевой, П. Н.* Сказка объ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ, и его славныхъ подвигахъ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“
- „*Поповъ, Ив.* Малороссія и малороссы. (Очеркъ). Изд. М. В. Ключина. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“
- „*Протасовъ, А. П.* Какъ беречь глаза. Подъ ред. *А. Ф. Соколова*. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“
- „*Протасовъ, А. П.* Турція и турки. Подъ ред. *В. В. Федорова*. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 42. Цѣна 8 коп.“
- „*Протасовъ, М.* Буры и англичане подъ ред. *В. В. Федорова*. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 48. Цѣна 8 коп.“
- „*Протасовъ, М.* Финляндія и ея обитатели. Подъ ред. *А. Г. Воронова*. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1899. Стр. 39. Цѣна 8 коп.“
- „Псалтырникъ. По разказу протоіерея Іоанна Наумовича. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1896. Стр. 28. Цѣна 6 коп.“
- „*Пушкинъ, А. С.* Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ. 3-е изд., А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“
- „*Пушкинъ, А. С.* Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“
- „*Пушкинъ, А. С.* Сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“

— „*Пушкинъ, А. С.* Сказка о царѣ Салтанѣ, сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и прекрасной царевнѣ Лебеди. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Пушкинъ, А. С.* Юбилейное изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1899. 1) Русланъ и Людмила. (Съ сокращеніями для народныхъ чтеній). Стр. 80. Цѣна 20 коп. — 2) Кавказскій плѣнникъ (Для народныхъ чтеній). Стр. 28. Цѣна 10 коп.—3) Бахчисарайскій фонтанъ. (Для народныхъ чтеній). Стр. 26. Цѣна 6 коп.—4) Цыганы. (Отрывокъ для народныхъ чтеній). Стр. 12. Цѣна 4 коп. — 5) Мѣдный всадникъ. (Петербургская повѣсть). Стр. 23. Цѣна 6 коп. — 6) Ворисъ Годуновъ. (Для народныхъ чтеній). Стр. 48. Цѣна 12 коп. — 7) Скупой рыцарь. Стр. 28. Цѣна 8 коп.—8) Русалка. (Для народныхъ чтеній). Стр. 33. Цѣна 10 коп. — 9) Сказки. (Съ сокращеніями для народныхъ чтеній). Стр. 80. Цѣна 20 коп.—10) Разныя стихотворенія. (Для народныхъ чтеній). Стр. 64. Цѣна 15 коп.—11) Отрывки изъ романа Евгений Онегинъ. (Для народныхъ чтеній). Стр. 15. Цѣна 5 коп.—12) Выстрѣлъ. (Изъ повѣстей Бѣлкина). (Для народныхъ чтеній). Стр. 24. Цѣна 6 коп.—13) Метель. (Изъ повѣстей Бѣлкина). (Для народныхъ чтеній). Стр. 22. Цѣна 6 коп. — 14) Гробовщикъ. (Изъ повѣстей Бѣлкина). (Съ сокращеніями для народныхъ чтеній). Стр. 14. Цѣна 4 коп.—15) Барышня-крестьянка. (Изъ повѣстей Бѣлкина). (Съ сокращеніями для народныхъ чтеній). Стр. 35. Цѣна 10 коп.—16) Станціонный смотритель. (Изъ повѣстей Бѣлкина). (Для народныхъ чтеній). Стр. 19. Цѣна 6 коп.“

— „Пятый сборникъ стихотвореній. Сказки и были. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1897. Стр. 134. Цѣна 15 коп.“

— „*Разинъ, А.* Разоренный годъ. Повѣсть изъ русской исторіи. Изд. 5-е, М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 87. Цѣна 40 коп.“

— „*Россиѣвъ, П. А.* На сѣверѣ дикомъ. Церковно-историческая повѣсть. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 157. Цѣна 50 коп.“

— „Русская исторія въ романахъ и повѣстяхъ. Послѣдовательная хрестоматія. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. Книга 1-я. Отъ смутнаго времени до Петра Великаго. Изд. 2-е. С.-Пб. 1903. Стр. 220. Цѣна 40 коп.—Книга 2-я. Время Петра Великаго. С.-Пб. 1896. Стр. 187. Цѣна 35 коп.“

— „*Сафоновъ, С. А.* Колоколь Святого Духа. Разсказъ. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 34. Цѣна 8 коп.“

— „Святая Нина, просвѣтительница Грузіи. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 26. Цѣна 6 коп.“

— „Святыни Чернигова. Подъ ред. *Г. Г. Покровскаго*. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 28. Цѣна 6 коп.“

— „Семья Аксаковыхъ. Подъ ред. *А. А. Дернова*. Изд. Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „Сказка о Конькѣ-Горбункѣ и его господинѣ Иванѣ-Простотѣ. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 46. Цѣна 10 коп.“

— „Сказка про kota да про лису. Пересказана *Д. И. Тихомировымъ*. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). Изд. 5-е. М. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „Сказка про лису да про волка. Пересказана *Д. И. Тихомировымъ*. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). Изд. 5-е. М. 1904. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

- „*Соколовъ, Н. М.* Княгиня Ольга. (Быль). Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1902. Стр. 52. Цѣна 10 коп.“
- „*Соловьевъ, Всеволодъ.* Грѣхъ Ивана Ивановича. Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 26. Цѣна 8 коп.“
- „*Сутуловъ, С. Е.* О сѣменахъ, посѣвѣ ихъ, уходѣ за хлѣбными растеніями и ихъ уборкѣ. Подъ ред. А. Ф. Соколова. Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1902. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“
- „*Сыткова (Катенкамнѣ), А.* Роковой кладъ. Повѣсть. Изд. 6-е. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1903. Стр. 67. Цѣна 12 коп.“
- „*Тагтевъ-Рустамъ-Бекъ, Борисъ.* Черезъ Алтай и Памиръ. Очерки путешествія по Памиру. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 42. Цѣна 15 коп.“
- „*Тарапкинъ, О. А.* Китай. Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 73. Цѣна 8 коп.“
- „*Титовъ, А. А.* Ростовъ Великій и его святыни. Изд. 2-е, Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1901. Стр. 68. Цѣна 15 коп.“
- „*Толстой, Левъ.* Кавказскій плѣнникъ. Разсказъ. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“
- „*Троицкій, Д. И.* Оборона Севастополя. Очеркъ. Безплатное приложеніе къ журн. „Народное образованіе“. (Школьная библіотека. Кн. 27). С.-Пб. 1904. Стр. 104. Цѣна 20 коп.“
- „*Тулиновъ, Н.* Венгрія и венгры. Подъ ред. А. Ф. Соколова. Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 41. Цѣна 8 коп.“
- „*Тулиновъ, Н. Н.* Кубанская область. Подъ ред. А. Ф. Соколова. Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“
- „*Тулиновъ, Н.* Отецъ ничьихъ дѣтей (докторъ Барнардо). Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1899. Стр. 29. Цѣна 5 коп.“
- „*Черскій, Л.* Дѣтскіе годы Царя-Освободителя. М. 1904. Стр. 56. Цѣна 25 коп.“
- „*Черскій, Л. Ф.* Сестра бѣдныхъ. (Сказка Э. Золя). Юрій Простофиля. (Разсказъ). Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 68. Цѣна 30 коп.“
- „Четвертый сборникъ стихотвореній. Пѣсни и бытовые стихотворенія. Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. Стр. 85. Цѣна 10 коп.“
- „Чудеса природы. Чтеніе 1-е. Въ нѣдрахъ земли.—Гейзеры.—Ніагара Подъ ред. Вс. С. Соловьева. Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1901. Стр. 31. Цѣна 8 коп.“
- „*Эмме, К.* Америка и американцы. Подъ ред. А. Ф. Соколова. Изд. Постоянной Комиссии народных чтеній. С.-Пб. 1900. Стр. 43. Цѣна 8 коп.“
- „*Ярошевичъ, Іоаннъ.* Дѣтство, отрочество и юность Пресвятой Дѣвы Маріи, Господа Иисуса Христа и Предтечи Господня Іоанна. Варшава. 1903. Стр. V+153. Цѣна 50 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки. ¹⁾

— „Александровъ, П. Кустарное производство столярнаго клея. Изд. М. П. Петрова. (Популярная химическая технологія). С.-Пб. 1904. Стр. 15 Цѣна 20 коп.“

— „Антроповъ, П. А. Краткая энциклопедія этики. С.-Пб. 1904. Стр. 50. Цѣна 30 коп.“

— „Вазовъ, Иванъ. Подъ игомъ. Романъ изъ жизни болгаръ наканунѣ освобожденія. Переводъ съ болгарскаго. Изд. Вятскаго т-ва. Вятка. 1904. Стр. 295. Цѣна 50 коп.“

— „Виноградовъ, А. Императрица Екатерина II и Западный край. Значеніе царствованія Императрицы для края и памятникъ ей въ г. Вильнѣ. Изд. комитета по сооруженію памятника. Вильна. 1904. Цѣна не обозначена“.

— „Волкова, Е. Седьмая жена. Историческій очеркъ. Изданіе Вятскаго т-ва. 1904. Стр. 153. Цѣна 20 коп.“

— „Волковъ, Н. Отъ Владикавказа до Тифлиса по военно-грузинской дорогѣ. (Путевыя впечатлѣнія). Владикавказъ. 1902. Стр. 23. Цѣна 1 руб.“

— „Горбатовскій, О. О. Руководство къ воздѣлыванію озимаго и ярового рапса. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1892. Стр. 85. Цѣна 70 коп.“

— „Данилинъ, Э. К. Что пахарю нужно. Разсказъ. С.-Пб. 1904. Стр. 34. Цѣна 12 коп.“

— „Дерновъ, М. А. Главныя пасѣчныя работы. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. VII+182. Цѣна 60 коп.“

— „Дмитріевъ, Александръ. Очерки изъ исторіи губернскаго города Перми. Издано при содѣйствіи Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь. 1889. Стр. VII+363. Цѣна не обозначена“.

— „Земля и человекъ. По Э. Реклю. Изд. О. Н. Поповой. Кн. 38 С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна не обозначена“.

— „Коринфскій, А. А. Трудовой годъ русскаго крестьянина. Изд. К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1904. I. Засѣвки. Стр. 37. Цѣна 7 коп.—II. Полотье. Стр. 16. Цѣна 7 коп.—III. Сѣнокосъ. Стр. 16. Цѣна 7 коп.—IV. Озимая запашка. Стр. 16. Цѣна 7 коп.—V. Ростъ хлѣбовъ. Стр. 20. Цѣна 7 коп.—VI. Зажинки. Стр. 24. Цѣна 7 коп.—VII. Сноповозъ. Стр. 16. Цѣна 5 коп. VIII.—Замолотки. Стр. 16. Цѣна 5 коп.—IX. Озимой сѣвъ. Стр. 26. Цѣна 7 коп.—X. Зазимки. Стр. 16. 5 коп.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „де-Лайансъ, Жоржъ. Уходъ за пчелами по новѣйшимъ способамъ. Переводъ съ франц. В. М. Изергина. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. XVI+130. Цѣна 40 коп.“

— „Лукьянская, В. Дочь Лигійскаго царя или Изъ царства тьмы къ

¹⁾ Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

царству свѣта. Романъ. По Сенкевичу. Изд. „Посредника“. № 499. М. 1904. Стр. 625+III. Цѣна 50 коп.“

— „Львовичъ, В. По Дальнему Востоку. Сахалинъ, Уссурийская область, Манчжурія, Корея и Японія. Сборникъ описательныхъ статей. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 159. Цѣна 50 коп.“

— „Львовъ, Владиміръ. Падающія звѣзды и кометы. (Школьная библіотека). М. 1904. Стр. 40. Цѣна 15 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Селивановскій, И. П. Руководство къ устройству прудовъ водопойныхъ, хозяйственныхъ, оросительныхъ, вододѣйствующихъ, рыбноводныхъ и противопожарныхъ. Изд. К. И. Тихомирова. (Библіотека руководствъ. По сельскимъ постройкамъ, ремесламъ, промысламъ и производствамъ). М. 1904. Стр. 132. Цѣна 15 коп.“

— „Стивенсонъ, Робертъ. Необыкновенная исторія доктора Джекилла и г. Гайда. Перев. съ англ. Ад. Острогорской. (Библіотека „Юнаго читателя“). С.-Пб. 1904. Стр. 104+II. Цѣна не обозначена“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Фадѣевъ, Н. Практическое руководсво. Дешевыя огнестойкія постройки. Саманныя стѣны. Вальковые и плетеные потолки. Глино-соломенные крыши. Изд. комитета по устройству первой передвижной учебно-показательной выставки для кустарей и ремесленниковъ подъ ред. Н. Рудольфа. С.-Пб. 1904. Стр. 30+17 табл. Цѣна 45 коп.“

— „Федоровъ, П. А. Плотничное ремесло. Постройка сельскихъ деревяныхъ домовъ и принадлежностей къ нимъ. Изд. А. Ф. Суховой. С.-Пб. 1902. Стр. IV+158+4. Цѣна 1 руб.“

— „Федоровъ, П. А. Портландъ-цементъ и другія связывающія вещества и ихъ употребленіе въ строительномъ дѣлѣ. Изд. М. П. Петрова. (Популярная химическая технологія). С.-Пб. 1904. Стр. 65+6. Цѣна 30 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Ерминъ, Н. и А. Вологовскій. Новая книга для класснаго и домашняго чтенія. Изд. Д. Д. Полубояринова. Часть I. Курсъ 2-го года обученія въ народной школѣ. 19-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 96. Цѣна 20 к.— Часть II. Курсъ 3-го года обученія въ народной школѣ. 15-е изд. С.-Пб. 1903. Стр. 168. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Курытничковъ, И. Грамматика для народныхъ училищъ, 6-е изд. Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1901. Стр. 112. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „Розановъ, Т. и Ив. Сахаровъ. „Добрый путь“. Книга для чтенія. Изд. К. Тихомирова. М. 1904. I часть. Стр. 288+IV. Цѣна 50 коп.—II часть. Стр. 442+IV. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книгъ были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжки *Н. Березина*, изд. книжн. маг. „Знаніе“: 1) „Разсказы о томъ, какъ трясется земля и море. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“— 2) „Разсказы о лавинахъ и людяхъ, засыпанныхъ снѣгомъ. С.-Пб. 1899. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“—допустить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „*Ярошевскій, К. Ѳ.* Краткій курсъ естественной исторіи Часть 3-я. Описаніе человѣческаго тѣла съ гигиеническими указаніями, общій обзоръ животныхъ и растений и краткія свѣдѣнія изъ физической геологіи. Изд. 19-е. М. 1904. Стр. 217. Цѣна 1 руб. 55 коп.“—не допускать въ учебныя заведенія министерства и въ народныя читальни, какъ нуждающееся въ коренномъ пересмотрѣ и исправленіи.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Педагогическій ручной трудъ по датской системѣ. Указанія для начинающихъ учителей. По сочиненіямъ Акселя Миккельсена составилъ *И. К. Карелль*. Изд. составителя. С.-Пб. 1905 г.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для библіотекъ низшихъ и среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ курсъ коихъ введено преподаваніе ручного труда.

— Книгу: „*А. Нейсонъ*. Практическое руководство къ постройкѣ лодокъ. Переводъ съ англійскаго. Съ 70 полиטיפажами въ текстѣ. Изд. 2-е *К. А. Казначеева*. Н. 1904 г. Цѣна 80 коп.“—допустить въ библіотеки тѣхъ ремесленныхъ училищъ, гдѣ введено столярное ремесло.

— Брошюру *Х. Г. Китриджа*: „Краткій очеркъ утилизаціи отбросовъ и побочныхъ продуктовъ. Переводъ съ англійскаго *А. П. Лидова*. Изд. *К. А. Казначеева*. 1903 г. Цѣна 40 коп.“—допустить въ библіотеки ремесленныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „*Э. Шульцъ*. Болѣзни электрическихъ машинъ. Перев. инж.-электрикъ *Н. Шаховской*. С.-Пб. 1904 г. Цѣна 85 к.“—одобрить для основныхъ и ученическихъ библіотекъ промышленныхъ училищъ, въ курсъ коихъ входитъ изученіе электротехники.

— Книгу: „Проф. *К. Бахъ*. Детали машинъ, ихъ расчетъ и устройство. Перев. съ нѣм. *А. В. Шкларевичъ*. Изд. 2-е. Харьковъ. 1903 г. Цѣна 10 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Чѣмъ жива Швейцарія.

(Изъ записной книжки туриста-педагога).

Мнѣнія иностранцевъ.

I.

13—26 іюня 1903 г.

... Поѣздъ подошелъ къ Биліу. Изъ оконъ вагона мы замѣтили, что въ городѣ паритъ необыкновенное оживленіе, то особенное оживленіе безъ изступленныхъ криковъ и кривляній, которое присуще добрымъ швейцарцамъ. Въ Билѣ—праздникъ стрѣлковыхъ обществъ, и городъ украсился на славу: гирлянды, флаги и знамена весело пестрѣли на улицахъ и домахъ. Нашъ поѣздъ былъ переполненъ стрѣлками разныхъ возрастовъ, спѣшившими на праздникъ своихъ бильскихъ товарищей. Веселый смѣхъ и жизнерадостная болтовня воцарились у насъ уже отъ Цюриха. Какъ только поѣздъ остановился, стрѣлки гурьбой высыпали на перронъ и смѣшались съ пестрой толпой изъ различныхъ кантоновъ, надъ которой стоялъ цѣлый лѣсъ изъ винтовокъ. Въ вагонѣ стало немного пусто, но не скучно. Прямо предъ нами стоялъ другой поѣздъ, весь увитый гирляндами и биткомъ набитый школьниками, совершавшими, повидимому, лѣтнюю экскурсію. Въ окнахъ мелькали бойкія, смѣющіяся рожицы, стройно звучала пѣснь, то и дѣло прерываемая ликующими криками. Когда мы покинули станцію, и поѣздъ помчался по сѣверо-западному берегу сначала Бильскаго, а затѣмъ Невшательскаго озера, то встрѣтили еще нѣсколько поѣздовъ: все тѣ-же стрѣлки да школьники, все тѣ-же пѣсни, радостно разливавшіяся въ горячемъ іюньскомъ воздухѣ.

Я зналъ, что сидѣвшій рядомъ со мною благообразный полный блондинъ, чрезвычайно общительный и любезный—русскій адвокатъ, и что противъ насъ сидятъ также русскіе: профессоръ С., невысокій, блѣдный брюнетъ съ порывистыми движеніями, и его жена, чрезвычайно миниатюрное, миловидное и хрупкое созданіе, съ не то вопро-

сительнымъ, не то ислуганнымъ выраженіемъ на лицѣ. Двѣ дѣвочки профессорской четы прильнули къ оконнымъ стекламъ и совершенно ушли въ созерцаніе открывавшихся красотъ природы.

Мы продолжали прерванный разговоръ.— „Не то удивительно,— сказалъ адвокатъ,— что случай загналъ насъ всѣхъ въ одинъ и тотъ-же вагонъ, и что мы—соотечественники, а то, что мы бесѣдуемъ мирно и, повидимому, вполне довѣрчиво!“

— Какъ такъ?

„Да такъ. Соотечественники другихъ націй, попадая на чужбину, обыкновенно чувствуютъ взаимное сердечное влеченіе и быстро сходятся; русскіе-же всегда врозь. Помню такой случай. Жилъ я какъ-то въ Бексѣ (есть такой курортъ въ Ронской долинѣ). Нашъ пансіонъ былъ большой; за столъ садилось человѣкъ 150 сразу. Словно нарочно среди гостей было не менѣе двадцати русскихъ, и все одинокіе, либо парочки разныхъ возрастовъ. Въ первые дни мои компатріоты сидѣли, словно въ воду опущенные, и только слегка косились на сосѣдей, которые уже успѣли перезнакомиться и въ промежутки между ѣдою развлекались напропалую: совершали экскурсіи, играли въ теннисъ и крокетъ, музицировали и пр. Спустя нѣкоторое время наши русскіе пристали къ разнымъ группамъ иностранцевъ, но между собою—ни-ни. Развѣ раскланяются при встрѣчѣ и обмѣняются нѣсколькими фразами. Уже очень мы мнительны и недовѣрчивы; встрѣтитъ васъ компатріотъ, и сразу мелькаетъ у него мысль: „Кто тебя знаетъ? Съ виду ты какъ-будто ничего, а вдругъ?...“

— Что?

Адвокатъ разсмѣялся: „А вдругъ ты — анархистъ, или, съ позволенія сказать, шпіонъ, или, Боже упаси, съ мѣста въ карьеръ попросишь денегъ взаймы. Нѣтъ, милый, лучше проходи мимо“.

Мы невольно улыгнулись наблюдательности нашего собесѣдника.

Онъ посмотрѣлъ въ окно и воскликнулъ:

„Что за роскошь! Какъ вспомню свои родныя болота, такъ даже завидно станеть. А не правда-ли, господа, что Швейцарія — самая странная земля въ мірѣ? Это — прежде всего сплошная гостиница, или, лучше сказать, множество гостиницъ и пансіоновъ, окруженныхъ великолѣпными декораціями изъ горъ, луговъ, лѣсовъ, озеръ, водопадовъ и проч. и соединенныхъ желѣзными и шоссейными дорогами, по которымъ ежегодно переливается толпа въ много десятковъ тысячъ иностранцевъ, въ томъ числѣ не одной тысячи русскихъ. Чтобы принять, накормить, напоить и развлечь всю эту ораву, потребовалось построить свыше 8.000 гостиницъ и пансіоновъ и мобилизовать цѣлую армію лакеевъ, поваровъ и прочаго служебнаго персонала. Численность швейцарскаго населенія немногимъ превы-

платитъ три милліона. Выгодное нейтральное положеніе страны позволяетъ ей обходиться безъ постоянного войска; за-то она содержитъ мирное войско для услугъ иностранцевъ, въ числѣ не менѣе 30.000 человѣкъ. Словомъ, на каждую сотню швейцарцевъ приходится одинъ лакей, или поваръ, или содержатель гостиницы. А такъ какъ родъ занятій вліяетъ на характеръ и понятія населенія, то, воображаю, какая кора буржуазной, матеріалистической плѣсни выросла на душѣ этихъ интернаціональных отельеровъ. Ёдешь по этой красивой странѣ, любишься рѣдкостными природными декораціями, всей этой чистотой городовъ и жилищъ, образцовымъ порядкомъ, этими благообразными фигурами желѣзнодорожной и отельной прислуги, и знаешь, что все это — для гостей, для полученія рублей, франковъ, марокъ и долларовъ. Обратили-ли вы вниманіе, что при всей своей подвижности, швейцарцы держатся весьма солидно, съ сознаниемъ собственнаго достоинства; знаютъ, вѣдь, что рубли и доллары все равно попадутъ къ нимъ, такъ какъ въ охотникахъ любоваться ледниками и озерами и вдыхать ароматный воздухъ альпійскихъ луговъ никогда недостатка не будетъ. И богатѣйшій же здѣсь народецъ, скажу вамъ. Я — юристъ по образованію и интересуюсь подобными вещами. Судите сами: тратя пустяки на оборону, эта страна, величиною въ небольшую русскую губернію, имѣетъ бюджетъ въ сто слишкомъ милліоновъ франковъ, не считая бюджетовъ каждаго кантона въ отдѣльности, а государственный долгъ ея менѣе девяноста милліоновъ; другими словами, на каждаго жителя приходится, насколько помню, менѣе двадцати семи франковъ долга, что, сравнительно съ задолженностью великихъ державъ, сущая благодать, если принять во вниманіе довольно равномерное распредѣленіе богатствъ въ Швейцаріи и небольшой процентъ нищаго и непродовольнаго пролетаріата“.

„Практичность населенія превышаетъ всѣ мѣры. Самые поэтические уголки страны, для примѣра взять хоть бы Шильонскій замокъ, и множество другихъ, съ которыми связаны легендарныя и историческія преданія, эксплуатируются на тѣхъ же началахъ, какъ простые отели. Вотъ я ёду въ Уши, подлѣ Лозанны, и остановлюсь, по своему обыкновенію, въ Hôtel-d'Angleterre, которымъ управляетъ любезнѣйшая изъ любезныхъ вдовъ М-me М. Если вѣрить надписи, то здѣсь жилъ и писалъ вдохновенный, безсмертный Байронъ. Но она, готовъ поручиться, никогда и не читала ни строчки изъ того, что писалъ великій британецъ; но за-то она съ полной обстоятельностью сообщить, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ жилъ здѣсь, гдѣ спалъ и куда совершалъ прогулки, а для тароватыхъ туристовъ-англичанъ это не малая приманка. Да, практичный наро-

децъ. Обильный притокъ иностранныхъ денегъ далъ возможность развить сравнительно громадныя обороты торговли и промышленности. Судите сами. Страна, которой не хватаетъ собственнаго хлѣба, овощей, льна и даже вина, кормить, поить и одѣваетъ сотни тысячъ иноземцевъ и, конечно, получаетъ при сей операціи не малый барышъ. Въ одѣхъ гостиницы и пансіоны вложенъ капиталъ въ 500 слишкомъ милліоновъ франковъ, приносящій ежегодно не менѣе 35 милліоновъ дохода. Стоимость вывоза уже приближается къ милліарду, а ввозъ уже давно перевалилъ за милліардъ франковъ. Привычка служить иностранцамъ дѣлаетъ населеніе ужасно понятливымъ. Вотъ я, напримѣръ, почти совершенно не знаю нѣмецкаго языка, а по-французски говорю такъ, что въ Парижѣ, во время выставки 1900 года, выходилъ либо смѣхъ, либо грѣхъ, а здѣсь въ Швейцаріи я „парлюрю“ на страхъ врагамъ и не чувствую никакого стѣсненія: все равно поймутъ. Поживу сначала въ Лозаннѣ, затѣмъ въ Монтрѣ; когда станетъ жарко, подымусь въ Les Avanches или въ Ко, и вездѣ ничего. И что любопытнѣе всего, Швейцарія представляетъ не только союзъ кантоновъ, но и союзъ гостиницъ, притомъ союзъ, основанный на очень сложномъ договорѣ. Новый видъ политики—интеротельный“...

Профессоръ почему-то заволновался и сталъ возражать и защищать швейцарцевъ, хотя очевидно было, что прежній ораторъ нарочно сгущалъ краски, можетъ быть, для того только, чтобы вызвать возраженіе.

— Извините меня, сказалъ профессоръ, но вы судите о населеніи слишкомъ односторонне. Впрочемъ, такъ судить большинство туристовъ иностранцевъ, наблюдающихъ страну изъ оконъ вагона, мальпоста или гостиницы и сталкивающихся почти исключительно съ желѣзно-дорожнымъ, отельнымъ и торговымъ персоналомъ. Я учился въ Швейцаріи и очень люблю эту маленькую, свободную страну, одинаково гостепріимную для всѣхъ. Вотъ и я ѣду теперь съ семьей отдыхать гдѣ-нибудь въ Ормонахъ. Мы обыкновенно живемъ недѣльки двѣ на Женевскомъ озерѣ, а потомъ забираемся въ какую-нибудь горную деревушку, нанимаемъ на все лѣто шалэ и наслаждаемся сравнительнымъ tête-a-tête съ природой, что удивительно успокаиваетъ и освѣжаетъ, да и дешево, при удовлетворительномъ комфортѣ. Я имѣлъ случай знать швейцарцевъ изъ разныхъ слоевъ общества: профессоровъ, студентовъ, учителей, лавочниковъ и крестьянъ. Общее впечатлѣніе сильно въ ихъ пользу.

— Главное, что здѣсь сильно развито въ населеніи и какъ-бы растворено въ воздухѣ, которымъ вы дышите, это—глубокое сознаніе своего собственнаго достоинства и уваженіе къ чужой личности.

Затѣмъ честность, общественная и политическая честность. На выставкахъ вокругъ насъ нѣкогда грозно стояли бурги и замки, а теперь ихъ смѣнили мирныя, прозаическія гостиницы; пра-правнукъ Вильгельма Телля, быть можетъ, содержитъ отель или торгуетъ сгущеннымъ шоколадомъ, но я безусловно вѣрю въ его доблесть. Я далеко не сторонникъ милитаризма, но увѣряю васъ, что въ случаѣ нужды, швейцарская федерація сумѣетъ постоять за себя. Вы видѣли, какіе размѣры приняло празднество стрѣлковъ въ Билѣ? А такихъ стрѣлковыхъ обществъ тѣмъ. Мы жили какъ-то въ ничтожной деревушкѣ въ горахъ, съ населеніемъ въ какихъ-нибудь 200 душъ, и, вообразите: тамъ процвѣтаетъ не только музыкальный кружокъ, но и стрѣлковое общество. Въ военное время Швейцарія можетъ выставить дѣйствующую армію въ 150.000 слишкомъ человѣкъ и почти столько же ландвера и ополченія, и нынѣшніе швейцарскіе мужички и лавочники будутъ биться не хуже, чѣмъ бились ихъ предки въ XIV вѣкѣ при Маргартеи и Земпахѣ. Далѣе, судите сами, можно ли обвинять въ крайнемъ меркантилизмѣ народъ, который еще такъ недавно выдвинулъ изъ своей среды такихъ героевъ духа, какъ Пестолуцци и Руссо, Бернулли и Эйлеръ, Альбрехтъ Галлеръ и Соломонъ Гесснеръ? И нынѣшняя Швейцарія имѣетъ ученыхъ, литераторовъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, которыми можетъ гордиться любая великая нація. Общественная и частная благотворительность приняла здѣсь такіе размѣры, о которыхъ мы, русскіе, и мечтать не можемъ. А школы? Ими уже давно по праву гордится Швейцарія, пріютившая много сотенъ иностранцевъ въ своихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я не знаю страны, гдѣ бы отдавали столько вниманія и любви народному образованію“.

Меня увлекла горячность профессора, и я поспѣшилъ ему на помощь.

— Совершенно присоединяюсь къ вамъ, обратился я къ нему. — Если цѣнить достоинство націи по состоянію ея школъ (а это едва-ли не вѣрнѣйшій критерій), то маленькая Швейцарія почти не имѣетъ соперницъ. Кромѣ той блестящей, шумной Швейцаріи, состоящей изъ курортовъ и гостиницъ, переполненныхъ разноплеменной толпой, есть другая Швейцарія, мирная и скрытая отъ праздно толпы иностранцевъ; уголокъ ея мы видѣли только что въ видѣ толпы школьниковъ. Моему сосѣду угодно было сообщить намъ нѣсколько любопытныхъ статистическихъ цифръ, рисующихъ экономическое состояніе страны, но всѣ эти цифры получаютъ надлежащее освѣщеніе только при томъ условіи, если сопоставить ихъ съ статистикой народнаго просвѣщенія. Мнѣ какъ-разъ приходится заниматься

этимъ вопросамъ, такъ какъ я изучаю на мѣстѣ швейцарскія школы. Невозможно выразить чувство удовлетворенія и удивленія, которое испытываю я, будучи педагогомъ по профессіи, при видѣ, что можетъ сдѣлать небольшая страна въ смыслѣ народнаго просвѣщенія. За арміей въ 30.000 лакеевъ и поваровъ, съ которыми преимущественно имѣютъ дѣло туристы, стоятъ гораздо болѣе внушительныя арміи. Въ народныхъ, среднихъ, техническихъ, промышленныхъ и ремесленныхъ училищахъ, не считая частныхъ училищъ, учебныхъ заведеній для взрослыхъ и рекрутскихъ школъ, въ 1901 г. числилось свыше 620.000 учащихся, а учительскій персоналъ достигалъ солидной цыфры въ 16.000 человекъ. Присоедините сюда школы для взрослыхъ и университеты (въ послѣднихъ болѣе 7.000 учащихся), и вы съ увѣренностью можете сказать, что, хотя на каждую сотню швейцарцевъ и приходится одинъ лакей или поваръ, за-то на каждыхъ 5 швейцарцевъ по крайней мѣрѣ одинъ учится, и при томъ, какъ я могъ лично убѣдиться, учиться очень хорошо. Я забылъ вамъ сказать, что въ университетахъ Швейцаріи въ 1901 г. было болѣе 2.400 иностранцевъ, а среди послѣднихъ болѣе 800 женщинъ, вполне равноправныхъ съ своими мужскими коллегами предъ лицомъ науки; между ними не мало и русскихъ. Отъ своихъ бывшихъ ученицъ по Петербургу, не попавшихъ ни на Высшіе Курсы, ни въ Медицинскій Институтъ, и вынужденныхъ учиться въ Швейцаріи, я знаю, какъ высоко поставлены университетскія каѳедры въ этой странѣ, и съ какой гуманностью относятся профессора и студенты къ учащейся женщинѣ. На народное просвѣщеніе израсходовано въ 1901 г. Союзомъ, кантонами и общинами до 55 миллионновъ франковъ, что составляетъ до 17 франковъ на одного жителя. Вотъ вы подъѣзжаете къ Невшателю. Городъ не Богъ вѣсть какой большой — тысячъ двадцать населенія, не больше, а вѣдь здѣсь отличный университетъ, гимназія съ двумя отдѣленіями и цѣлая система низшихъ общеобразовательныхъ и промышленныхъ школъ. А Лозанна, Бернъ, Базель, Женева и особенно Цюрихъ! Вѣдь это настоящіе педагогическіе уголки и крупные просвѣтительные центры. Я не только не согласенъ съ вами (обратился я уже къ своему сосѣду), что направленіе ума швейцарцевъ по преимуществу филистерское, но, напротивъ, считаю этотъ маленькій народъ носителемъ гуманнѣйшихъ современныхъ идей.

— Вспомните женевскую конвенцію 1864 г., результаты которой прямо-таки неисчислимы въ области обезпеченія участи раненыхъ и ограниченія военной жестокости. А всемірный почтовый и телеграфный союзы, заключенные въ той же Швейцаріи въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка! По моему мнѣнію, воспитательно

вліяетъ не только обученіе въ швейцарскихъ школахъ, которыя дѣйствительно выше всякой похвалы, но и пребываніе среди этого почтеннаго народа и близкое соприкосновеніе съ нимъ. Моей семьѣ пришлось въ апрѣлѣ нынѣшняго года пользоваться у нѣсколькихъ врачей въ Лозаннѣ. Медицинскій факультетъ въ Лозаннѣ процвѣтаетъ, и такіе спеціалисты, какъ Ру (хирургъ) и Мермо пользуются заслуженной извѣстностью далеко за предѣлами Швейцаріи. Привыкнувъ къ олимпійскому величію, жреческой таинственности и импонирующему церемоніалу нашихъ столичныхъ генераловъ отъ медицины, мы были пріятно изумлены, увидѣвъ, насколько ихъ швейцарскіе коллеги отличаются доступностью, простотой, сердечностью и (увы!) безкорыстіемъ. Особенно поражаетъ меня, какъ одного изъ представителей россійскаго чиновнаго міра, необыкновенная довѣрчивость, царящая здѣсь даже въ officialныхъ сферахъ, и отсутствіе излишествъ формализма, которыми мы такъ грѣшимъ. Куда бы вы ни обратились у насъ на родинѣ по собственному дѣлу, въ учебное-ли заведеніе, или въ почтовую контору, или въ судебное мѣсто, вы являетесь прежде всего лицомъ подозрительнымъ, которому отнюдь нельзя вѣрить; васъ сразу окружаютъ массой формальныхъ и досадныхъ мелочей, никому ненужныхъ и давно отжившихъ свое время. Здѣсь совсѣмъ не то. Вотъ примѣръ. Чтобы лучше наблюдать здѣшнее учебное дѣло, я рѣшилъ отдать своихъ дѣтей въ начальную общественную школу въ Лозаннѣ. Не имѣя подъ руками даже метрическихъ свидѣтельствъ дѣтей, я все-таки встрѣтилъ въ училищной дирекціи самый любезный приѣмъ, и черезъ какихъ-нибудь два часа не только наши дѣти, но и я съ женой сидѣли въ классѣ и любовались образцовымъ урокомъ учительницы. Мнѣ, конечно, приходится знакомиться и съ принятыми здѣсь въ учебныхъ заведеніяхъ методами, съ школьной статистикой, съ учебными планами съ школьнымъ законодательствомъ, съ системой подготовки преподавателей, съ ихъ матеріальнымъ положеніемъ и пр.: все это заслуживаетъ величайшаго вниманія и уваженія, но не этимъ жива Швейцарія, и не этимъ исчерпывается достоинство ея школьной системы: это только прекрасная оболочка, а живительные соки швейцарская школа черпаетъ изъ семьи, а семья эта прекрасна, ибо прекрасна коллективная семья-нація...

Въ это время поѣздъ вошелъ въ Невшательскій вокзалъ, и мы всѣ поспѣшили на перронъ.

А. Готлибъ.

Изъ исторіи Московскаго университета въ XVIII вѣкѣ.

I.

„Мы видѣли истокъ большой рѣки въ видѣ ничтожнаго болотнаго ручейка“. Такое выраженіе употребляетъ Соловьевъ, рассказывая въ своей „Исторіи Россіи“ о возникновеніи Московскаго университета. Продолжая сравненіе знаменитаго историка, можно сказать, что понадобилось почти цѣлое полстолѣтіе для того, чтобы этотъ болотный ручеекъ превратился въ сколько-нибудь замѣтную рѣчку. И дѣйствительно, до самаго конца XVIII вѣка Московскій университетъ влачилъ довольно жалкое существованіе.

По уставу 12 января 1755 года Московскій университетъ состоялъ изъ трехъ факультетовъ: философскаго, юридическаго и медицинскаго, при чемъ первый служилъ подготовительною ступенію для двухъ остальныхъ. На всѣхъ трехъ факультетахъ было положено всего только десять кафедръ, а именно: философіи, краснорѣчія, исторіи, физики, химіи, анатоміи, естествовѣдѣнія, юриспруденціи общей, юриспруденціи российской и политики. Съ университетомъ тѣсно были связаны двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Университетъ находился въ вѣдѣніи сената, а главный надзоръ принадлежалъ „кураторамъ“, которыхъ сначала было два, а съ 1771 года, три одновременно. Ближайшимъ же начальствомъ университета былъ директоръ, назначавшійся изъ гражданскихъ чиновниковъ, но слѣдившій какъ за хозяйствомъ, такъ и за преподаваніемъ. Для этой цѣли въ распоряженіи директора находились особые чиновники, которые ежедневно утромъ обходили классы и аудиторіи и замѣчали, всѣ ли профессора и преподаватели на своихъ мѣстахъ.

Первымъ кураторомъ Московскаго университета былъ И. И. Шуваловъ, который занималъ эту должность до конца своей жизни, до 1797 г. Хотя онъ проживалъ въ Петербургѣ или за границей, но всегда зорко слѣдилъ за развитіемъ своего дѣтища и за успѣ-

хами его питомцевъ. Всякому профессору и студенту, по словамъ Сохацкаго, былъ свободный входъ къ Шувалову, всякаго онъ встрѣчалъ „съ пріятнымъ и дружественнымъ видомъ“, и первый его вопросъ былъ объ университетѣ. Когда Илья Тимковскій *) пріѣхалъ въ Петербургъ для поступленія на службу, Шуваловъ поселилъ его на первыхъ порахъ въ своей квартирѣ и рекомендовалъ его Козодавлеву словами: „Вотъ мой питомецъ: это мои дѣти; вамъ его поручаю“. Одного этого факта достаточно, чтобы видѣть, какъ внимательно и сердечно относился къ Московскому университету главный виновникъ его основанія. Неудивительно, что „имя его,—по словамъ Тимковского,—произносилось въ университетѣ съ благоговѣніемъ“. Когда Шуваловъ умеръ, его гробъ окружали всѣ питомцы университета, бывшіе тогда въ Петербургѣ, а его памяти были посвящены рѣчи и стихи, въ искренности которыхъ мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться.

Послѣ Шувалова изъ числа кураторовъ наиболѣе свѣтлую память оставилъ Херасковъ, авторъ „Россіады“. Онъ началъ служить Московскому университету съ самаго его основанія, сначала въ качествѣ ассесора, на обязанности котораго былъ надзоръ за поведеніемъ учащихся, затѣмъ, съ 1763 до 1770 г., въ должности директора и, наконецъ, съ 1778 года до начала XIX вѣка въ званіи куратора. „Воспоминанія современниковъ—говоритъ г. Сиповскій**)—сохранили намъ факты, на основаніи которыхъ можно смѣло говорить о любви молодежи къ Хераскову. Студенты Богдановичъ, Фонвинъ, Карины, Домашневъ, Булгаковъ, Санковский, Рубанъ и нѣкоторые др.—вотъ тотъ кружокъ питомцевъ Московскаго университета, съ которыми былъ особенно близокъ Херасковъ, и онъ безъ труда сдѣлался руководителемъ своихъ молодыхъ друзей-литераторовъ... И чѣмъ выше Херасковъ подымался по службѣ, тѣмъ онъ все болѣе и болѣе расширялъ свою благую дѣятельность“. Такъ, сдѣлавшись директоромъ, онъ настоялъ на чтеніи нѣкоторыхъ лекцій по-русски. Его кураторство отмѣчено покровительствомъ и содѣйствіемъ просвѣтительной дѣятельности Новикова и Шварца. При немъ университетская типографія была передана Новикову, при немъ возникла педагогическая семинарія и Дружеское ученое общество. Кромѣ того, Хераскову же обязанъ своимъ возникновеніемъ и Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, оставившій такой замѣтный слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Заслуга Хераскова, какъ

*) И. О. Тимковскій. „Мое поступленіе на службу“ („Русскій Архивъ“ 1874 г.). „Памятникъ Шувалову“ („Москвитянинъ“ 1851 г. № 9—10).

**) „Русскій Біографическій Словарь“.

покровителя Шварца и Новикова, тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности, что кураторъ Мелиссино относился къ этимъ незабвеннымъ дѣятелямъ нашего просвѣщенія—подозрительно и даже враждебно.

Что касается Мелиссино, который подобно Хераскову былъ сначала директоромъ, а потомъ кураторомъ Московскаго университета, то и онъ, по свидѣтельству Тимковскаго, „былъ добръ и любилъ науки“. Шварца онъ преслѣдовалъ не изъ ненависти къ просвѣщенію, а вслѣдствіе недовѣрчиваго отношенія къ его религіозно-нравственнымъ убѣжденіямъ. Мелиссино вообще выдавался своими заботами о нравственномъ воспитаніи учащейся молодежи и любилъ угощать питомцевъ университета моральными сентенціями въ родѣ слѣдующей: „qui proficit in litteris et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit“. Но Шварца онъ не считалъ надежнымъ нравственнымъ руководителемъ молодежи, усматривая въ немъ масона.

Заслуживаетъ упоминанія и князь Ѳ. Н. Голицынъ, племянникъ Шувалова, занимавшій должность куратора въ 1796—1803 годахъ и относившійся къ питомцамъ университета съ такою же заботливостью, какъ и его дядя. Илья Тимковскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, Голицынъ снабдилъ его не только рекомендательными письмами и совѣтами, но даже дорожнымъ экипажемъ.

Изъ числа директоровъ Московскаго университета, кромѣ Мелиссино и Хераскова, заслуживаютъ упоминанія Павелъ Фонвизинъ, братъ знаменитаго комика, и Тургеневъ, членъ новиковскаго кружка. Фонвизинъ, занимавшій должность директора съ 1784 г. до воцаренія императора Павла, по отзыву Тимковскаго, „былъ добродушенъ и привѣтливъ, любилъ знанія, особенно одобрялъ словесность и музыку“. Онъ пользовался уваженіемъ и любовью студентовъ, которые, зная пристрастіе директора къ музыкѣ, устраивали серенады передъ окнами его квартиры. Преемникъ Фонвизина и послѣдній директоръ Московскаго университета, Тургеневъ, оставилъ самыя свѣтлыя воспоминанія у всѣхъ, кто его зналъ. По словамъ лица, близко стоявшаго къ Московскому университету, это былъ „начальникъ добрый, честный и справедливый... Всѣ любили и уважали его, какъ своего отца и благодѣтеля“ *).

Въ общемъ, Московскій университетъ XVIII вѣка можетъ похвалиться тѣмъ, что среди поставленныхъ надъ нимъ начальствующихъ лицъ не было ни обскурантовъ, ни изувѣровъ, а, напротивъ, были

*) „Московскій университетъ въ воспоминаніяхъ М. П. Третьякова“ („Русская Старина“ 1892 г., іюль—октябрь).

люди, относившіеся съ глубокимъ уваженіемъ къ просвѣщенію, искренне любившіе молодежь и въ свою очередь пользовавшіеся ея любовью.

II.

Отъ кураторовъ и директоровъ перейдемъ къ профессорамъ.

На торжественномъ открытіи университета 26 апрѣля 1755 года присутствовало только два профессора, Барсовъ и Поповскій. Спустя болѣе года пріѣхали проф. философіи Фроманъ и Шаденъ, назначенный ректоромъ обѣихъ гимназій. Въ сентябрѣ 1756 года пріѣхалъ Дильтей, который въ теченіе восьми лѣтъ былъ единственнымъ профессоромъ юридическаго факультета. Лѣтомъ 1757 года явились Рейхель, Келлнеръ и Ростъ. Весной 1758 года пріѣхалъ Керштенсъ, единственный представитель медицинскаго факультета до 1764 года. Такимъ образомъ, понадобилось цѣлое десятилѣтіе, чтобы замѣстить десятокъ кафедръ, даже при помощи иностранныхъ ученыхъ.

Въ царствованіе Екатерины II профессорскія кафедры стали замѣщаться питомцами Московскаго университета, окончившими свое образованіе за границей. Изъ этихъ профессоровъ заслуживаютъ упоминанія философы Аничковъ и Брянцевъ, словесники Чеботаревъ и Сохадскій, медики Веніаминовъ, Зыбелинъ, Политковскій и Рихтеръ, юристы Десницкій и Третьяковъ, естествовѣды Афонинъ и Антонскій, математики Аршеневскій и Панкевичъ, физикъ Страховъ и нѣк. др. Но питомцевъ университета далеко не хватало, и кафедры приходилось замѣщать или приказными дѣльцами въ родѣ Горюшкина или иностранными учеными. Кромѣ упомянутыхъ уже иностранцевъ, въ Московскомъ университетѣ въ теченіе XVIII вѣка были профессорами философы Шварцъ и Мельманъ, филологи Баузе и Маттеи, историки Вигандъ и Геймъ, юристы Лангеръ, Шнейдеръ и Пургольдъ, медики Эразмусъ, Керестури, Вечъ, Скіаданъ, Гильдебрандтъ и нѣкоторые другіе, не говоря уже о лекторахъ иностранныхъ языковъ. Въ общемъ итогѣ иностранцы составляли половину преподавательскаго персонала въ Московскомъ университетѣ XVIII вѣка, при чемъ въ началѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ иностранцевъ, позже на сторонѣ русскихъ. Въ царствованіи императора Павла въ университетѣ было до двадцати преподавателей; изъ нихъ иностранцевъ было только шесть человекъ.

Матеріальное, социальное и нравственное положеніе московскихъ профессоровъ XVIII вѣка было очень незавидное. Профессорское жалованье на первыхъ порахъ ограничивалось 400—500 рублями въ годъ, да и то иногда задерживалось по цѣлымъ мѣсяцамъ. Даже

въ концѣ разсматриваемаго періода большинство профессоръ получало не болѣе 600—700 рублей въ годъ. Получая такое незначительное содержаніе, профессора поневолѣ должны были изыскивать другіе источники матеріальнаго обезпеченія. Одни изъ нихъ брали на себя надзоръ за казеннокоштными студентами и гимназистами, другіе заводили пансіоны, третьи давали уроки въ богатыхъ домахъ, профессора-медики были въ то же время и практическими врачами. Нѣкоторые профессора читали частныя лекціи, которыя особенно широко были поставлены у проф. Дильтея. Такъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ объявилъ у себя на дому сразу три курса лекцій съ платою по 24 рубля за курсъ. Для желающихъ онъ пріѣзжалъ и на квартиру, беря за курсъ по 100 рублей. Но самымъ предпримчивымъ изъ московскихъ профессоръ былъ Ростъ. Преподавая въ университетѣ математику и физику, Ростъ въ то же время состоялъ главнымъ агентомъ Голландской компаніи. У него было на жалованьи „нѣсколько сотъ приказчиковъ, русскихъ людей, черезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ по всей Россіи, закупалъ даже на корнѣ всякій хлѣбъ, пеньку, конопляное и льняное сѣмя и масло, смолу, сало, сырыя кожи, волосъ, пухъ, перо, воскъ и прочія произведенія“. Такимъ путемъ Ростъ нажилъ значительное богатство: у него было болѣе тысячи душъ крѣпостныхъ и сотни тысячъ рублей деньгами *).

Но далеко не всѣ профессора имѣли посторонній заработокъ сверхъ казеннаго содержанія. Отсюда рѣзкая разница въ ихъ матеріальномъ положеніи. Въ то время, какъ одни жили въ собственныхъ домахъ и разѣзжали въ каретахъ, другіе ютились въ скверныхъ казенныхъ квартирахъ и не всегда могли нанять извозчика.

Общественное положеніе профессоръ также было незавидное. Профессорское званіе не только въ XVIII вѣкѣ, но даже и въ началѣ XIX-го, считалось унизительнымъ для русскаго дворянина. Въ 1803 году Карамзинъ въ статьѣ „О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей“ писалъ, что „ученый дворянинъ есть нѣкоторая рѣдкость“ и что „Россія можетъ единственно отъ *нижнихъ* классовъ гражданства ожидать ученыхъ“. Неудивительно поэтому, что въ XVIII вѣкѣ русскіе профессора выходили почти исключительно изъ духовнаго сословія. Да и само правительство цѣнило ученыхъ очень низко по сравненію съ военными и гражданскими чиновниками. Извѣстно, что даже гениальный Ломоносовъ, несмотря на свою разностороннюю ученую и общественную дѣятельность, не поднялся по табели о рангахъ выше статскаго совѣтника, да и этотъ

*) „Біографич. словарь Москов. университета“. М. 1855. Т. II, с. 447.

чинъ онъ долженъ былъ униженно выпрашивать. Если такъ низко стояли на іерархической лѣстницѣ академики, то понятно, что профессора стояли еще ниже. По свидѣтельству Третьякова, до 1804 г. никто изъ профессоровъ не имѣлъ чина выше коллежскаго совѣтника. На такую скудно оплачиваемую и низко цѣнимую должность трудно было привлечь дворянина. Точно также трудно было встрѣтить профессора въ домахъ московской родовой и денежной аристократіи иначе, какъ въ качествѣ врача или учителя.

Далеко не всегда могъ московскій профессоръ XVIII вѣка отдаться, какъ слѣдуетъ, и исполненію своего долга. И тутъ ему мѣшали или неподготовленность слушателей или недостатокъ учебныхъ пособій. Большинство иностранныхъ профессоровъ и даже нѣкоторые изъ русскихъ читали лекціи на латинскомъ языкѣ, но слушатели не всегда были въ состояніи понимать такое чтеніе, и приходилось снабжать профессора-иностранца русскимъ переводчикомъ. Что касается учебныхъ пособій, то въ этомъ отношеніи очень характеренъ отчетъ попечителя М. Н. Муравьева за 1803 годъ. По свидѣтельству этого документа, университетская бібліотека „съ давняго времени оставалась въ скудномъ состояніи“, „астрономія преподавалась единственно въ теоріи“, хирургическіе и анатомическіе инструменты „выписываемы были въ 1766 году и съ тѣхъ поръ сдѣлались вовсе неупотребительными“, химическаго кабинета вовсе не было *). Известно также, что московская полиція по цѣлымъ мѣсяцамъ не доставляла труповъ для анатомическаго театра.

Наконецъ, профессора не пользовались необходимымъ довѣріемъ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Ни одинъ профессоръ не могъ читать лекцій по своему или чужому руководству безъ разрѣшенія профессорской конференціи, гдѣ предсѣдательствовало лицо, иногда очень почтенное и образованное, но все-таки чуждое университетской наукѣ. Кромѣ контроля товарищей и начальства, былъ надъ профессорами контроль и другого рода. Когда Аничковъ напечаталъ разсужденіе о происхожденіи естественнаго богопочитанія, архіепископъ московскій Амвросій, убитый во время чумы, представилъ Синоду „доношеніе“, въ которомъ называетъ диссертацию „соблазнительнымъ и вреднымъ сочиненіемъ“. По мнѣнію Амвросія, профессоръ 1) „явно возстаетъ противу всего христіанства, богопроповѣдничества и богослуженія, 2) опровергаетъ св. писаніе и въ немъ богознаменія и чудеса, также рай и адъ и діаволовъ, сравнивая ихъ хитроковарнымъ образомъ съ натуральными или небывалыми вещами; а Моисея, Самсона и Давида—съ языческими богами;

*) Шевыревъ. „Исторія Московскаго университета“. М. 1855. Стр. 328—329.

3) во утверждение того атеистического мнѣнія приводить безбожного Епикурова послѣдователя Люкреція да всесквернаго Петронія“. Къ счастью для Аничкова, должность оберъ-прокурора въ Синодѣ исправлялъ Чебышевъ, тотъ самый Чебышевъ, который, если вѣрить Фонвизину, публично проповѣдывалъ атеизмъ. Синодъ нашелъ, что нѣкоторыя выраженія Аничкова, дѣйствительно, неосторожны и могутъ показаться соблазнительными; а оберъ-прокуроръ не усмотрѣлъ въ сочиненіи никакихъ „противностей православному закону“ и предложилъ оставить дѣло безъ послѣдствій *).

Болѣе трагична была судьба прѣзжаго философа Мелльмана. По словамъ сенатора Лубяновскаго **), это былъ „безстрастный отшельникъ отъ міра, влюбленный по уши въ безжалостную критику, дщерь философа Канта“. Увлечение философіей Канта и погубило Мелльмана. Его представили противникомъ христіанской религіи и развратителемъ юношества. Отданный подъ судъ, Мелльманъ не отказался отъ своихъ „заблужденій“ и не отрекся отъ философіи Канта, котораго онъ называлъ „повторителемъ и внушителемъ словъ Христа и писанія Христова“. Тогда Мелльмана признали поврежденнымъ въ умѣ и неспособнымъ къ своему званію. Онъ былъ высланъ за границу, гдѣ вскорѣ и умеръ. Особенно характерно, что въ обѣихъ этихъ печальныхъ исторіяхъ, кромѣ духовнаго и свѣтскаго начальства, оказались замѣшанными и профессора. Противъ мнѣній Аничкова протестовали Барсовъ, Дильтей, Керштенсъ, Лангеръ, Ростъ и Рейхель, причемъ послѣдній обозвалъ Люкреція „inter philosophos proletarium, possum ex grege Epicuri“. Въ исторіи же Мелльмана, кромѣ митрополита Платона и Хераскова, замѣшаны Чеботаревъ и Шаденъ.

III.

Среди московскихъ профессоровъ XVIII вѣка мы не встрѣчаемъ людей съ громкими именами въ области науки. Ихъ ученые труды въ большинствѣ случаевъ ограничивались неизбежными диссертаціями и актовыми рѣчами: даже учебныхъ руководствъ они составили очень мало. Почти всѣ профессора въ то время, да и позже, не составляли лекцій самостоятельно, а читали по какому-нибудь иностранному руководству, иногда очень устарѣвшему ***). Да и трудно

*) См. замѣтку С. М. Соловьева „Диспутъ въ Московскомъ университетѣ 25 августа 1769 года“ („Русскій Архивъ“ 1875 г. № 11).

**) „Русскій Архивъ“, 1872 г.

***). Какой характеръ носило университетское преподаваніе въ XVIII вѣкѣ, это можно видѣть изъ слѣдующаго объявленія Барсова въ каталогѣ лекцій 1767—8 года: „Антонъ Барсовъ, коллежскій совѣтникъ, краснорѣчія публич-

было въ то время профессорамъ составлять свои лекціи самостоятельно. Одному лицу приходилось читать иногда чуть не за цѣлый факультетъ. Такъ, напримѣръ, о лекціяхъ Шадена въ воспоминаніяхъ Тимковского говорится: „нравственной философіи предшествовала исторія философіи; въ правахъ заключались право естественное, общее, публичное и гражданское, народное, общее и положительное; къ политикѣ относились законодательство, правленіе и экономія политическая“. Возможны были и такіе случаи, какъ чтеніе медикомъ Скіаданомъ лекцій по естественному и народному праву. Тутъ ужъ безъ чужого руководства немислимо было обойтись.

Но если среди московскихъ профессоровъ XVIII вѣка не было выдающихся ученыхъ, зато были прекрасные преподаватели и хорошіе люди, которые своими лекціями и совѣтами благотворно вліяли на студентовъ и оставили въ нихъ свѣтлыя воспоминанія, хотя и не всегда чуждыя анекдотической окраски. О старѣйшемъ изъ московскихъ профессоровъ, Барсовѣ, занимавшемъ катедру сначала математики, а потомъ краснорѣчія, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, мы имѣемъ воспоминанія перваго попечителя Московскаго университета Муравьева, писателя кн. Долгорукаго и проф. Тимковского. По свидѣтельству Муравьева, это былъ человѣкъ „постоянныхъ правилъ“,

иный и ординарный профессоръ, Императорской Россійской Академіи членъ, печатаемыхъ въ университетской типографіи книгъ цензоръ, Вольнаго Россійскаго собранія, при университетѣ учрежденнаго, членъ же и безсмѣнный секретарь, тако-же общества, въ Енѣ учрежденнаго для латинскаго языка почетный членъ, потицится нынѣшній годищный ученія риторическаго круга, сколько возможно, учинить наиболѣе практическимъ, и никакого не пропустить способнаго времени и случая задавать слушателямъ своимъ то переводы съ латинскаго на Россійскій языкъ и обратно (а иногда съ греческаго), то собственные на латинскомъ и Россійскомъ языкѣ прозою и стихами дѣлать сочиненія; сдѣланныя же и ему отъ нихъ поданныя прочитывать, по правиламъ искусства разсматривать, и что, по мнѣнію его, исправить должно, показывать. Между тѣмъ правила риторики предложить, изъяснить и повторить по руководству Эрнестіеву; токмо съ дополненіемъ и особливо съ приобщеніемъ нужнѣйшихъ правилъ о стихотворной на обоихъ оныхъ языкахъ наукѣ. Къ сему присовокупить также чтеніе и толкованіе изъ латинскихъ писателей Цицерона и именно рѣчей его за законъ Манліевъ и за Лигарія, Виргилія первой книги Энеиды, изъ Горация нѣсколько одъ, служащихъ къ познанію употребительнѣйшихъ родовъ стиховъ латинскихъ; а изъ Россійскихъ Ломоносова главныхъ похвальныхъ рѣчей и нѣкоторыхъ одъ. При чемъ иногда другихъ писателей употреблять и ихъ между собою сравнивать будетъ. Равно и изъ греческихъ къ изъясненію Ксенофоновой первой книги о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократа приступить по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ, отъ 4 до 6 часовъ пополудни“. (Шевыревъ, сс. 225—226).

пользовавшийся уваженіемъ и вліяніемъ и въ университетѣ и въ „отличномъ классѣ людей“. „Нравы его были непорочательной честности, и важность его не мѣшала добросердечію и пріятности обхожденія *). По словамъ Тимковскаго, видѣвшаго Барсова уже старикомъ „кубической толщины“, съ огромнымъ лицомъ, онъ „душевно былъ добръ и влюбленъ въ изящество“. По отзыву кн. Долгорукаго, „такихъ мужей, каковъ былъ Барсовъ, во всякомъ царствѣ и вѣкѣ не много“ **).

Преемниками Барсова были Чеботаревъ и Сохацкій. О первомъ изъ нихъ кн. Долгоруковъ вспоминаетъ, что онъ „пролагалъ пути къ возвышенной нравственности и подобіемъ собственнаго сердца своего убѣждалъ вѣрить, что нѣтъ безъ скромности и добродѣтели благихъ дней въ подлунномъ мірѣ“. „Я съ сердечнымъ сокрушеніемъ — говоритъ кн. Долгоруковъ въ своемъ „Капищѣ“ — узналъ о его кончинѣ и проводилъ гробъ его до Ваганьковского кладбища, на которомъ, когда бываю, всегда вспомяну его и съ умиленіемъ помолюсь о упокоеніи души его“. Среди студентовъ Чеботаревъ пользовался большимъ уваженіемъ, какъ „ученѣйшій профессоръ“, котораго самъ Шлецеръ называлъ своимъ руководителемъ въ русской исторіи.

Сохацкій, по свидѣтельству проф. Снегирева ***), „съ обильной ученостью соединялъ тонкій вкусъ и развитое чувство изящнаго, рѣдкій даръ слова, которымъ увлекалъ вниманіе своихъ слушателей... Студенты обязаны его краснорѣчивымъ лекціямъ развитіемъ вкуса и любовью къ изящному“. На основаніи подобныхъ воспоминаній Буслаевъ въ „Біографическомъ словарѣ“ даетъ такую оцѣнку заслугъ Сохацкаго: „Объясняя съ кафедръ образцовыя произведенія древности, Сохацкій умѣлъ открывать подлинныя красоты въ цѣломъ и частяхъ, силу въ выраженіяхъ, простоту и ясность въ мысляхъ и чувствахъ, и такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ оживилъ въ Московскомъ университетѣ преподаваніе древнихъ языковъ“.

Свѣтлую память оставилъ и первый русскій философъ Аничковъ. По крайней мѣрѣ, въ „Біографическомъ словарѣ Московскаго университета“ говорится, что онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, кто его зналъ, за твердый, но скромный и благородный характеръ, за пріятливость и простоту въ обхожденіи. „Внушая видомъ своимъ почтеніе и довѣренность, онъ искалъ случая дѣлать добро, а не казаться добрымъ. Коварство и честолюбіе были чужды благородной

*) „Біографическій словарь“, I, 61.

**) „Капище моего сердца“. М. 1890.

***) „Русскій Архивъ“, 1866 г.

его душѣ... Онъ былъ добръ, постояненъ, сострадателенъ и всегда готовъ забывать обиды“.

Хорошія воспоминанія оставили и первые русскіе профессора медицинскаго факультета. Зыбелинъ принадлежалъ къ числу краснорѣчивѣйшихъ профессоровъ Московскаго университета. Онъ пятнадцать лѣтъ былъ бесплатнымъ врачомъ университетской больницы, а въ 1771 году самоотверженно боролся съ чумой. „Бѣдные и сироты находили въ немъ врача, утѣшителя и благодѣтеля. Долго хранилась его память во многихъ домахъ Москвы, куда приходилъ онъ облегчать участь недужныхъ, помогать своимъ имуществомъ и поддерживать слабыхъ вѣрою въ милосердіе Провидѣнія“ („Біографическій словарь“, I, 344). Веніаминовъ, какъ врачъ, пользовался всеобщей извѣстностью, и его смерть была оплакана „многими, обязанными ему своимъ образованіемъ или исцѣленіемъ“ („Біографическій словарь“, I, 153). Политковскій, по свидѣтельству Тимковского, также имѣлъ обширную практику, при чемъ бѣдныхъ лѣчилъ бесплатно, прибѣгая къ народнымъ средствамъ. О Рихтерѣ, московскомъ уроженцѣ, говорится, что „довѣренность и любовь къ нему больныхъ, имъ лѣчимыхъ, были неограниченны. Утонченное обхожденіе высокообразованнаго мужа... рѣдкій даръ слова, печать высшей нравственности на каждомъ словѣ его и дѣлѣ, любезность, выражавшаяся во всемъ существѣ его, привлекали къ нему всѣ сердца“ („Біографическій словарь“, II, 354).

Изъ русскихъ профессоровъ юридическаго факультета Десницкій и Третьяковъ, которые, по выраженію Н. Крылова, „были первыми русскими основателями и проводниками юриспруденціи въ Россіи“, не оставили слѣдовъ въ литературѣ воспоминаній, хотя Десницкій занималъ каѳедру почти двадцать лѣтъ. Но зато сообщаются любопытныя свѣдѣнія о Горюшкинѣ, преемникѣ Десницкаго на каѳедрѣ „россійскаго законодательства“. Этотъ бывшій подъячій сыскаго приказа по наружности походилъ „на щеголеватого барина“. По словамъ Снегирева, онъ и въ XIX вѣкѣ пудрился, украшалъ волосы пуклями, носилъ модный кафтанъ, на башмакахъ пряжки съ розами или стразы, по двое часовъ съ золотыми цѣпочками и жалованные брилліантовые перстни. Какъ любитель изящныхъ искусствъ, онъ имѣлъ домашній театръ и оркестръ. На своихъ лекціяхъ онъ практически знакомилъ студентовъ съ порядкомъ судопроизводства, устраивая примѣрныя судебныя засѣданія, для чего онъ раздавалъ студентамъ роли судей, секретарей, истцовъ, отвѣтчиковъ, производилъ допросъ свидѣтелей, очныя ставки и т. д.

Но исключительнымъ явленіемъ среди московскихъ профессоровъ XVIII вѣка былъ, безспорно, профессоръ физики Страховъ. Кн. Долго-

рукій, Тимковскій и Снегиревъ сходятся въ своихъ восторгахъ передъ вѣтшними и внутренними достоинствами этого выдающагося профессора, пользовавшагося громадною популярностью не только въ университетѣ, но и среди московскаго общества. По словамъ кн. Долгорукаго, „онъ одаренъ былъ многими способностями, особенно же красотою слова, изъяснялся вѣлѣрѣчиво, говорилъ громко, сладко и свободно. Никто такъ искусно не преподавалъ физики послѣ Роста, какъ онъ. На лекціи его сѣзжались многія обою полѣ особы московскаго отборнаго общества; наружность имѣлъ сановитую, лицо благородное, органъ плѣнительный, прекрасно успѣвалъ въ театральномъ искусствѣ... Словомъ, онъ въ свое время былъ извѣстенъ и знаменитъ по всей Москвѣ. Такихъ профессоровъ, каковъ былъ онъ, едва ли нынѣ найдешь во всемъ сословіи мужей ученыхъ. Онъ былъ ученъ безъ педантства и не дичился сообществъ городскихъ, какъ нынѣшніе педагоги *), которые, по какому то несчастному заблужденію, думаютъ, что они потеряютъ честь профессорскаго титула, если не станутъ подражать синическимъ (циническимъ) философамъ и не будутъ невѣжливы, нечисты, неопрятны“. („Калище“, с. 326). Снегиревъ признается, что онъ „рѣдко видалъ такого статнаго безъ принужденія, величаваго безъ напыщенности, красиваго безъ притязанія и вѣжливаго безъ манерности, какъ этотъ истинно почтенный и благородный мужъ. Самый видъ его внушалъ невольное къ нему уваженіе. Скажу безъ преувеличенія,—говоритъ Снегиревъ,—въ управленіи своемъ **) не нужно было ему прибѣгать къ наказанію, угрозамъ и брани; все дѣлалось по его распоряженію въ точности, не изъ страха, но изъ опасенія огорчить его. Изъ этого можно заключить, какъ его уважали и любили... На публичныя его лекціи собирались изъ всѣхъ почти сословій въ Москвѣ... Послѣ лекцій изъ аудиторіи до квартиры провожали его толпы слушателей, которые и дорогою получали его объясненія на свои вопросы и недоумѣнія. Такіе переходы представляли нѣчто торжественное“ („Русскій Архивъ“ 1866 г., сс. 745—6).

С. Ашевскій.

(Окончаніе будетъ).

*) Кн. Долгорукій умеръ въ 1823 году.

**) Страховъ былъ одно время „эфоромъ“ казеннокоштныхъ студентовъ.

Четверть вѣка назадъ.

(Изъ гимназическихъ воспоминаній).

Подъ вліяніемъ-ли начатой реформы средней школы, или потому, что вопросъ о среднемъ образованіи подростящихъ поколѣній составляетъ дѣйствительно большое мѣсто общественно-государственной жизни Россіи, напоминающее о себѣ при каждомъ прикосновеніи къ нему, но только за послѣдніе 3—4 года можно отмѣтить въ русскомъ обществѣ несомнѣнное оживленіе интереса къ этому вопросу. Однимъ изъ признаковъ этого оживленія надо признать появленіе въ текущей періодической печати цѣлаго ряда воспоминаній, очерковъ и набросковъ, тѣсно связанныхъ съ вопросомъ о средней школѣ въ Россіи и освѣщающихъ его съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

При такихъ условіяхъ, казалось бы, надо имѣть нѣкоторую долю писательскаго мужества, чтобъ рѣшиться увеличить существующій по данному вопросу богатый литературный матеріалъ еще своими личными „гимназическими воспоминаніями“. И если я тѣмъ не менѣе дѣлаю это, то исключительно въ силу слѣдующихъ соображеній, не лишенныхъ—мнѣ думается—извѣстнаго общественнаго значенія и интереса.

Вторая половина 70-ыхъ и начало 80-ыхъ годовъ, къ которымъ относятся мои воспоминанія, были—какъ извѣстно—въ исторіи русскаго общественнаго развитія не только періодомъ полного расцвѣта только что незадолго передъ тѣмъ пересаженной на русскую почву классической системы средняго образованія, но и временемъ такого изумительнаго подъема наличныхъ общественныхъ силъ, какой повторяется въ исторіи народа далеко не часто, если только возможно въ исторіи повтореніе вообще. Будущему историку Россіи придется потратить не мало усилій, чтобъ какъ слѣдуетъ разобраться въ этомъ смутномъ и сложномъ періодѣ и точно опредѣлить, что было въ немъ случайнаго и наноснаго, чисто-временнаго, и что представляло собой здоровое зерно, которое не могло заглухнуть и должно

было рано или поздно произрости и дать свой плодъ, какъ бы ни мало благопріятствовала окружающая атмосфера всякому нормальному росту. Общій характеръ эпохи и тѣхъ вѣяній и настроеній, какими жило тогдашнее русское общество, не могъ, конечно, не отражаться такъ или иначе и на жизни средней школы, которую намъ—будущимъ „восьмидесятникамъ“—пришлось проходить. Совпадая своимъ началомъ съ событіями, ближайшимъ образомъ предшествовавшими русско-турецкой „освободительной“ войнѣ 1877—78 годовъ, мои гимназическія воспоминанія кончаются 1882-мъ годомъ, когда уже вполне выяснился, можно сказать, тотъ новый „курсъ“, по которому должна была пойти, подъ давленіемъ неизбежныхъ историческихъ обстоятельствъ, государственная жизнь Россіи. Это—первое соображеніе.

Затѣмъ, благодаря чисто-случайнымъ условіямъ личной или, вѣрнѣе, семейной обстановки, въ которой я росъ и воспитывался, мнѣ пришлось на протяженіи восьми-лѣтняго гимназическаго курса побывать въ *четыре*хъ классическихъ гимназіяхъ, принадлежавшихъ къ четыремъ различнымъ учебнымъ округамъ. Различіе это сказывалось, разумѣется, и на характерѣ той обстановки, которую я видѣлъ вокругъ себя въ средней школѣ,—той атмосферы, которой приходилось дышать. Между такими гимназіями, какъ Казанская 1-ая, гдѣ я началъ свое гимназическое образованіе и Нѣжинская (примѣстномъ Историко-филологическомъ институтѣ), гдѣ я окончилъ свой курсъ, было, несмотря на многія общія черты, всетаки и большое различіе, почти такое же, какъ между 70-ыми или 80-ми годами минувшаго столѣтія, понимая эти „десятилѣтія“ въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ ихъ принято понимать въ русской литературѣ.

Благодаря же тому, что въ продолженіе всего своего сидѣнія на гимназической скамейкѣ я находился съ гимназіей, которую проходилъ, скорѣе въ мирныхъ и дружественныхъ, чѣмъ враждебныхъ отношеніяхъ, и окончилъ курсъ даже „съ отличіемъ“ (съ медалью), мои гимназическія воспоминанія болѣе или менѣе свободны отъ личнаго пристрастія и той односторонности, которая была бы неизбежной при другихъ условіяхъ. Мое врожденное, органическое влеченіе къ такъ называемымъ „гуманитарнымъ“ знаніямъ (при полномъ почти равнодушіи къ математикѣ и другимъ „точнымъ“ предметамъ школьной программы) значительно облегчило для меня тотъ трудъ, цѣной котораго покупается полученіе пресловутаго „аттестата зрѣлости“, и было, вѣроятно, главнѣйшей причиной того, что гимназическіе годы не оставили у меня ни особенно тяжелыхъ, ни мрачныхъ воспоминаній. Были, конечно, свои „трудныя минуты“ и въ

моей гимназической жизни, но въ общемъ послѣдняя все-таки не дала осадка той горечи, которой проникнуты многія (если—не большая часть) „гимназическія воспоминанія“, появившіяся до сихъ поръ въ нашей печати. Отсутствіе этой „горечи“, позволяя мнѣ быть болѣе другихъ безпристрастнымъ въ своемъ разсказѣ, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность и болѣе объективнаго воспроизведенія картины жизни русской классической гимназіи четверть вѣка тому назадъ, насколько ясно рисуется мнѣ эта картина сквозь призму далекихъ воспоминаній, блѣднѣющихъ съ каждымъ прожитымъ годомъ.

I.

Въ зиму 1873 года наша семья переѣхала на жительство изъ деревни въ г. Казань, и какъ только кончились хлопоты, неизбежно связанные со всякимъ переѣздомъ, для меня нашли учителя изъ студентовъ мѣстнаго университета и стали готовить въ гимназію. Дома, въ деревнѣ, гдѣ протекли годы моего ранняго дѣтства, я уже посѣщалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ начальную школу, и, слѣдовательно, „науки“, которыя требовались по программѣ классическихъ гимназій для поступленія въ 1-ый классъ, мнѣ были уже отчасти знакомы. Новымъ оказался только латинскій языкъ, на которомъ надо было умѣть бойко читать для экзамена. Благодаря-ли педагогическимъ талантамъ моего учителя Б. К. Табенскаго, сдѣлавшагося впоследствии присяжнымъ повѣреннымъ, или другимъ обстоятельствамъ, наши учебныя занятія наладились какъ-то сразу, и къ веснѣ слѣдующаго года я былъ уже подготовленъ настолько, что могъ бы выдержать испытаніе, не рискуя на немъ провалиться. Но пріемные экзамены въ гимназіяхъ производились тогда только осенью и потому мнѣ пришлось заниматься все лѣто, чтобъ не забыть къ августу пройденнаго за зиму.

Въ Казани въ то время было еще только двѣ классическихъ гимназій. Выборъ моего отца остановился на 1-ой гимназіи, которая пользовалась въ городѣ болѣе солидной репутаціей и была нѣсколько ближе къ нашей квартирѣ. Въ началѣ августа, какъ сейчасъ помню въ жаркій ясный день, отецъ посадилъ меня на извозчика и повезъ на первый экзаменъ—по Закону Божію. Спросъ на среднее образованіе даже въ такихъ большихъ городахъ, какъ Казань, былъ тогда еще не великъ: никакихъ „конкурсныхъ“ экзаменовъ гимназіи еще не устраивали; уровень требованій, которыя предъявлялись къ поступающимъ дѣтямъ, не выходилъ изъ рамокъ официальной программы, и никакихъ искусственныхъ затрудненій къ пріему возможно большаго количества учениковъ не дѣлалось. О мнимомъ

„перепроизводствѣ интеллигенціи“ въ Россіи не было еще въ то время и рѣчи, а гоненіе на „кухаркиныхъ сыновей“, стучавшихся въ двери классической премудрости, началось, какъ извѣстно, гораздо позже. Гимназическое начальство совершенно не интересовалось матеріальнымъ и общественнымъ положеніемъ семьи поступающаго въ школу ребенка и не наводило „рекомендованныхъ вполнѣнствій“ „предварительныхъ справокъ“ о томъ, доступно-ли по средствамъ данной семьи среднее гимназическое образованіе для ея дѣтей. Всѣ эти своеобразныя „новшества“ появились въ жизни русскихъ гимназій значительно позже...

Первая Казанская Гимназія, основанная еще въ концѣ 18-го столѣтія, принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ гимназій. Въ ней еще учились „пѣвецъ Фелицы“—Державинъ и авторъ „Семейной хроники“—С. Т. Аксаковъ. Огромное каменное зданіе гимназіи, съ большими окнами и желѣзнымъ куполомъ наверху, производило сильное впечатлѣніе уже одной своей внушительной и строгой внѣшностью. Каждый разъ, когда мнѣ приходилось проходить или проѣзжать мимо этого величественнаго бѣлаго зданія, растянувагося на цѣлый кварталъ, мнѣ дѣлалось какъ-то не по-себѣ. А когда я попалъ внутрь этого зданія и меня повели по его широкимъ длиннымъ корридорамъ въ тотъ залъ, гдѣ происходили пріемные экзамены, то окончательно растерялся и палъ духомъ. Эти голыя каменные стѣны, выкрашенныя въ сѣрую краску, огромныя высокія двери, точно устроенныя для великановъ, а не для обыкновенныхъ смертныхъ, тихо перешептывавшіяся между собой „папаши“ и „мамаши“, съ лицами, полными тревоги и безпокойства за судьбу своихъ дѣтей, и—наконецъ—эти безмолвные важные господа въ синихъ вицъ-мундирахъ съ ярко начищенными металлическими пуговицами,—все это не особенно благопріятствовало душевной бодрости и ясности мысли, которыя были такъ необходимы мнѣ для предстоявшаго испытанія. Я выросъ въ деревнѣ, въ глухомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, въ купеческой семьѣ средней руки, и потому не особенно часто видѣлъ на своемъ вѣку такихъ важныхъ господъ съ „ясными пуговицами“. Когда же одинъ изъ нихъ, переговоривъ предварительно съ моимъ отцомъ и учителемъ, также явившимся въ гимназію, взялъ меня за руку и ввелъ въ залъ, гдѣ засѣдали экзаменаторы, мнѣ показалось, что все погибло, и что я сразу позабылъ все, чему меня учили за эту зиму. Однако опасность, которую рисовало напуганное необычайной обстановкой дѣтское воображеніе, оказалась не такой страшной, и мнѣ удалось мало-по-малу овладѣть собой настолько, чтобъ по крайней мѣрѣ понимать то, о чемъ меня спрашивали...

Въ виду многочисленности экзаменующихся, пріемные экзамены

были распределены на два дня. На другой день, по окончаніи испытаній, высокій тучный господинъ съ открытымъ добродушнымъ лицомъ и громкимъ, какъ труба, голосомъ, объявилъ моему отцу, что экзамены я выдержалъ удовлетворительно и принять въ 1-ый классъ. По дорогѣ домой отецъ завезъ меня въ магазинъ и купилъ мнѣ кэпи (тогда еще не было нынѣшнихъ форменныхъ фуражекъ) и ранецъ. Затѣмъ мы заѣхали къ портному и заказали мундиръ и форменное пальто. Сѣрыхъ суконныхъ блузъ гимназисты въ то время еще не носили и къ началу занятій надо было явиться въ гимназію уже „въ полной формѣ“. Все это было такъ ново и необычно, что я совершенно утратилъ на нѣсколько дней душевное равновѣсіе и не зналъ, какъ вести себя: хотѣлось рѣзвиться и шалить послѣ всѣхъ только что пережитыхъ тревогъ и страховъ, и въ то же время было какъ будто совѣстно и неловко,—изъ опасенія уронить достоинство своего мундира. Наканунѣ 16-го августа, когда начиналось ученіе въ гимназіи, портной принесъ заказанное платье. Я облачился въ первый разъ въ жизни въ „полную форму“, съ кэпи на головѣ и ранцемъ за плечами, и какъ то сразу почувствовалъ, что „дѣтство“ кончилось, началось „отрочество“. Присутствовавшая при этомъ старуха-бабушка, всю жизнь прожившая въ деревнѣ и никогда ранѣе не видывавшая гимназистовъ, покачала головой и сказала: „совѣмъ, совѣмъ, какъ солдатики...“ „Бѣдненькій!..“ прибавила она, какъ бы угадывая мое настроеніе, а мать почему-то прослезилась и торопливо полѣзла въ комодъ, гдѣ хранились разныя сласти. Помню, что въ тотъ же день мы были всей семьей въ церкви, чтобъ отслужить по старинному обычаю молебень передъ началомъ ученія, а съ 16 числа началось въ гимназіи и это самое „ученіе“, которое—строго говоря—не кончилось, пожалуй, еще и до сихъ поръ...

Въ Казанской гимназіи я пробылъ два года. Какъ это ни странно, но изъ всего педагогическаго состава гимназіи я не помню ясно ни одного изъ тѣхъ учителей, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло въ этой гимназіи. Мнѣ кажется, что они были всѣ такъ похожи другъ на друга, что я и тогда только съ трудомъ могъ отличать одного изъ нихъ отъ другого. А теперь, тридцать лѣтъ спустя, всѣ они слились въ какую-то сѣрую однородную массу, на фонѣ которой не выступаетъ ни одного сколько-нибудь яркаго образа. Хорошо сохранились въ моей памяти только четыре фигуры: директоръ гимназіи—Г. И. Крелленбергъ (нынѣ уже глубокій старикъ,—въ отставкѣ) инспекторъ Керенскій, законоучитель от. Перверзевъ и одинъ изъ надзирателей—маленькій кругленькій господинъ

съ большими ушами и рѣдкими жесткими волосами, какъ то странно торчавшими на головѣ, точно воткнутыя въ нее перья.

Директоръ,—высокій стройный мужчина, съ крупными рѣзкими чертами лица, властнымъ голосомъ и величественными манерами, производилъ на насъ — малышей первыхъ классовъ—очень внушительное впечатлѣніе своей внѣшностью. Его строгое чисто-нѣмецкаго типа лицо, всегда гладко выбритое, дѣлало его похожимъ на протестантскаго пастора, а острые пронизывавшіе насквозь глаза невольно заставляли трепетать даже и не такихъ маленькихъ людей, какъ ученики вѣренной ему большой и прекрасно поставленной гимназіи. Но подъ этой суровой холодной внѣшностью скрывалось доброе сердце и чувствовалось теплое отеческое вниманіе къ нашимъ маленькимъ нуждамъ и интересамъ. Эту черту характера Г. И. Крелленберга я считаю своимъ долгомъ отмѣтить, помимо ея цѣнности вообще, и потому еще, что въ тѣ времена о „сердечномъ отношеніи“ къ ученикамъ не думали, а о предписаніи такого отношенія сверху не поднималось еще и вопроса въ нашихъ учебно-административныхъ сферахъ.

Во второмъ классѣ латинскимъ языкомъ занимался съ нами самъ директоръ. Методъ преподаванія былъ довольно простой, чтобъ не сказать большаго. Такъ какъ центръ тяжести въ программѣ 2-го класса по этому языку составляли „неправильные глаголы“, то на заучиваніе этихъ именно глаголовъ и направлено было главнымъ образомъ вниманіе преподавателя. Задавалось къ уроку 10—12 глаголовъ, имѣющихъ неправильныя формы прошедшаго совершеннаго и супинума. Занятый прямыми директорскими обязанностями, Г. И. Крелленбергъ являлся на урокъ обыкновенно съ большимъ опозданіемъ, нерѣдко всего за четверть часа до окончанія урока. Вызывались ученики къ столу для отвѣта группами въ нѣсколько человекъ. Каждому задавалось 2—3 вопроса, отвѣты на которые и рѣшали судьбу отмѣтки, при чемъ послѣдняя тутъ же и выставлялась директоромъ въ поданный ему „дневникъ“. Преобладали въ отмѣткахъ три балла: „пятерка“—за безусловно вѣрный отвѣтъ, „тройка“—за отвѣтъ съ ошибками и „единица“—за полное незнаніе заданнаго урока. Промежуточные „двойка“ и „четверка“, кажется, совсѣмъ не употреблялись, какъ совершенно ненужныя и лишнія. Для хорошихъ отмѣтокъ подача дневника была не обязательна, но для единицы подача его была неизбежной, къ какимъ бы уловкамъ и хитростямъ ни прибѣгалъ ученикъ, получившій такую печальную отмѣтку. Полученіе единицы влекло за собой оставленіе послѣ уроковъ въ гимназіи, а чтобъ избѣжать соблазна для ученика передѣлать 1 на 4, единица отмѣчалась въ дневникѣ прописью, а не цифрою

Такой „упрощенный“ пріемъ давалъ возможность преподавателю переспросить въ теченіе 10—15 минутъ большую часть учениковъ, такъ что разсчитывать на то, что „сегодня не вызовутъ“, совершенно не приходилось. Благодаря этому, я выучилъ эти пресловутые „неправильные“ глаголы такъ хорошо, что потомъ мнѣ уже ни разу въ школьной жизни не пришлось ихъ повторять еще разъ. Съ строго-педагогической точки зрѣнія своеобразный „методъ“ Крелленберга не выдерживалъ, конечно, никакой серьезной критики, но съ чисто-практической точки онъ вполне достигалъ той цѣли, которую преслѣдовало тогда теоретическое изученіе латинской этимологіи. На письменныхъ упражненіяхъ по латинскому языку директоръ обыкновенно оставлялъ вмѣсто себя, для дежурства въ классѣ, кого-либо изъ надзирателей, и мы въ такіе дни могли отдохнуть отъ этихъ набившихъ оскомину варварскихъ „глаголовъ“, съ ихъ странными „формами“, такъ трудно поддававшимся усвоенію.

Совершенную противоположность во всѣхъ отношеніяхъ представлялъ собою инспекторъ гимназіи—Керенскій. Высокій, тучный, онъ обладалъ громовымъ голосомъ; но такъ какъ при этомъ у него было предобродушнѣйшее круглое лицо, то этотъ голосъ не внушалъ намъ ни малѣйшаго страха.

Имѣя дѣло главнымъ образомъ со старшими классами, младшимъ классамъ инспекторъ удѣлялъ своего вниманія очень немного, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда власть наблюдавшихъ за нами „надзирателей“ оказывалась недостаточной и требовалось вмѣшательство высшей инстанціи. Такъ какъ на гимназической скамьѣ я не принадлежалъ къ числу тѣхъ безпокойныхъ элементовъ, которые особенно много хлопотъ причиняютъ инспекціи въ гимназіяхъ, то я имѣлъ дѣло съ инспекторомъ только два раза въ году, когда вручалъ ему слѣдовавшія за „право ученія“ деньги. Внимательно сосчитавъ поданныя ему кредитки и аккуратно уложивъ ихъ въ бумажникъ, онъ потомъ выдавалъ ученикамъ квитанціи въ полученіи денегъ. Впослѣдствіи, г. Керенскій былъ назначенъ директоромъ одной изъ гимназій въ томъ же округѣ, гдѣ, надо думать, онъ остался такимъ же жизнерадостнымъ и добродушнымъ начальникомъ, какимъ онъ былъ и въ Казани.

1-ая Гимназія была большая, такъ какъ обучалось въ ней, если не ошибаюсь, около 700 человѣкъ. Изъ нихъ около полутораста были пансіонерами.

Одѣты они были не въ мундиры, какъ всѣ остальные гимназисты, а въ короткія синія куртки, въ родѣ женскихъ душегрѣекъ, съ большими металлическими пуговицами. Куртки эти имѣли такой видъ, какъ будто у сюртуковъ были обрѣзаны полы и фалды или

не хватило сукна, чтобъ сшить полный сюртукъ. Пансіонеры составляли въ нѣдрахъ гимназіи какъ бы свой особый міръ, но съ нами—„приходящими“—жили въ ладу, и недоразумѣнія между нами случались довольно рѣдко. Напротивъ, существовалъ даже дружескій обмѣнъ услугъ, въ особенности въ области съѣстныхъ припасовъ. Въ обмѣнъ на сладкія булки, пирожки и тому подобные „предметы роскоши“, которые мы приносили изъ дома для завтрака въ гимназіи, пансіонеры щедро надѣляли насъ огромными ломтями чернаго хлѣба, посыпаннаго крупной солью.

Вѣроятно, этотъ хлѣбъ подавался имъ къ завтраку и обѣду въ большомъ количествѣ, почему и создавалась возможность обмѣнивать его на другіе продукты и даже на перья, бумагу и карандаши. При гимназіи былъ большой открытый дворъ для игръ, во время перемѣнъ между уроками, и садъ.—если не измѣняетъ мнѣ память—въ другомъ кварталѣ, черезъ дорогу. Садъ открывался для игръ ранней весною и былъ доступенъ ученикамъ до глубокой осени. Особыхъ стѣсненій въ пользованіи своимъ свободнымъ временемъ для учениковъ, повидимому, не было; свободно чувствовали мы себя и въ стѣнахъ гимназіи, несмотря на всю ихъ виѣшнюю непривѣтливость и угрюмость. „Товарищескій духъ“ во мнѣ былъ сильно развитъ съ дѣтства, и я охотно отправлялся въ гимназію пораньше, чтобъ вдоль наигратъ тамъ съ товарищами до начала уроковъ. Въ дурную погоду, когда на улицу насъ не выпускали, мы устраивали развлечения внутри зданія. Преобладали „приступы“, „штурмы“ и „походы“ класса на классъ, основныхъ отдѣленій на параллельныя. Гимназическіе нравы въ общемъ были довольно жестокіе, и оживленные игры сплошь и рядомъ кончались жестокими взаимными потасовками, требовавшими энергичнаго вмѣшательства учебнаго начальства. Нѣкоторые озорники считали особымъ молодечествомъ „задирать“ гимназистокъ, которыя, возвращаясь послѣ уроковъ домой, встрѣчались съ нами по дорогѣ. Нерѣдки были боевыя схватки и съ уличными мальчуганами, дразнившими насъ „синей говядиной“ и подстерегавшими въ удобныхъ для нападенія мѣстахъ. Въ Казани того времени еще происходили по праздникамъ кулачные бои подъ открытымъ небомъ, и вообще нравы въ городѣ были жестокіе. Неудивительно, что жестокость окружающей общественной и семейной атмосферы отражалась и на характерѣ дѣтскихъ игръ и развлеченій.

Гимназическая обязательная „форма“ представляла собой крайне странное и едва-ли полезное для дѣтей изобрѣтеніе канцелярскаго творчества. Маленькое „кэпи“, какого-то заморскаго образца съ прямымъ козырькомъ и на тонкой подкладкѣ, плохо защищало голову

и постоянно валилось съ головы отъ вѣтра; мундиръ, съ твердымъ высокимъ воротникомъ и восемью или девятью пуговицами, всегда застегнутыми „по правиламъ“, давилъ, какъ корсетъ, и стѣснялъ свободу движеній. Шинель на ватѣ была тяжела и все-таки плохо грѣла въ большіе морозы, какіе въ Казани не рѣдкость. Набитый книжками и тетрадями ранецъ за плечами тянулъ назадъ и въ гололедницу или въ сырую погоду бывалъ причиной особенно частыхъ паденій гимназистовъ на спину. Дома, въ деревнѣ, я носилъ по зимамъ мѣховую шапку, барашковый полушубокъ, подпоясанный кушакомъ, и теплыя валенки. Все это было удобно и практично во всѣхъ отношеніяхъ, но все это, съ поступленіемъ въ гимназію, превратилось для меня въ одно пріятное воспоминаніе, возвратъ котораго былъ уже невозможенъ. Помню, что въ первую же зиму я отморозилъ себѣ, благодаря форменному платью, оба уха, послѣ чего меня перестали отпускать изъ дому безъ башлыка. А въ башлыкѣ, къ которому я не привыкъ, я чувствовалъ себя, какъ въ мѣшкѣ, и считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Для лѣта гимназическая форма была слишкомъ тяжела, для зимы — легка. Нельзя упомянуть добрымъ словомъ того, кто „сочинилъ“ для русскихъ гимназій такую „форму“...

Учился я въ гимназіи порядочно, считался „въ первомъ десяткѣ“, и на этой почвѣ у меня не просходило въ Казани никакихъ „недо-разумѣній“ съ гимназическимъ начальствомъ. По-русски я писалъ почти безъ ошибокъ, съ латынью и другими предметами учебного курса справлялся безъ особенныхъ затрудненій. Ненавидѣлъ только всѣми силами своей дѣтской души ариметику и никакъ не могъ понять, зачѣмъ нужно было просиживать дѣлые вечера надъ рѣшеніемъ головоломныхъ ариметическихъ задачъ, которыми особенно доводилъ насъ преподаватель ариметики. Такого же взгляда на эти задачи держались, — насколько помню, — и многіе изъ моихъ товарищей. Но къ этому вопросу мнѣ придется еще вернуться въ своихъ „воспоминаніяхъ“, когда я буду рассказывать о среднемъ періодѣ своей гимназической жизни, — періодѣ болѣе сознательнаго и опредѣленнаго отношенія учениковъ къ тому учебному матеріалу, который предлагала имъ гимназія. Изъ наказаній, которымъ чаще всего подвергались воспитанники гимназіи, на первомъ планѣ было оставленіе послѣ уроковъ за разныя мелкія шалости и нарушенія школьной дисциплины. Черный хлѣбъ, которымъ снабжали насъ пансіонеры, оказывалъ въ такихъ случаяхъ самыя существенныя услуги, тѣмъ болѣе что оставляли въ гимназіи иногда до 4—5 часовъ дня. Самостоятельно, т. е. за собственныя прегрѣшенія, я не сидѣлъ въ гимназіи, кажется, ни разу, но за кампанію съ другими учениками

приходилось отсиживать „безъ обѣда“ нерѣдко. Но извѣстно, что „на людяхъ и смерть красна“, и потому такое „сидѣніе“ въ стѣнахъ гимназіи не оставляло по себѣ особенно мрачныхъ или тяжелыхъ воспоминаній. Непріятно подѣйствовалъ на меня только одинъ такого рода случай, который, вѣроятно, поэтому и сохранился въ памяти со всѣми подробностями.

Какъ-то передъ урокомъ латинскаго языка, когда директоръ особенно запоздалъ на урокъ, мой ближайшій сосѣдъ по скамейкѣ, постоянно приносившій въ классъ разные „посторонніе предметы“, показалъ мнѣ цѣлую горсть пистоновъ для пистолета и даже обѣщаль великодушно удѣлать мнѣ изъ нихъ нѣсколько штукъ по окончаніи урока. Вдругъ по корридору послышались хорошо знакомые намъ шаги директора, вышедшаго изъ своего кабинета и направлявшагося въ нашъ классъ. „Идетъ... идетъ!..“ предупреждали дежурные. Классъ замеръ въ ожиданіи появленія директора и въ ту минуту, когда онъ входилъ въ классъ, среди мертвой гробовой тишины неожиданно раздался на нашей скамейкѣ оглушающій выстрѣлъ... Оказалось, что одинъ изъ пистоновъ предательски вывалился изъ коробочки, въ которой ихъ хранилъ мой сосѣдъ, и попавши мнѣ подъ ноги, произвелъ этотъ выстрѣлъ, когда я вскочилъ съ мѣста при входѣ директора въ классъ. И я, и мои товарищи поблѣднѣли отъ ужаса, какъ полотно. Г. И. Крелленбергъ вытащилъ меня со скамьи и грозно набросился на меня за то, что я приношу въ классъ пистоны. Съ трудомъ оправившись отъ испуга, вызваннаго внезапнымъ выстрѣломъ подъ ногами, я сталъ оправдываться и увѣрять Генриха Ивановича (такъ звали директора), что „я не приносилъ пистоновъ, и откуда они взялись у меня подъ ногами, не знаю“.

— А, такъ ты еще и лжешь, скверный мальчишка!.. еще больше рассердился на меня директоръ.—Покажи твои карманы!..

Я вывернулъ карманы своихъ панталонъ и былъ еще болѣе смущенъ когда изъ нихъ посыпались какія-то крошки, остатки завтрака и разная дрянь, какой съ такимъ удовольствіемъ набиваешь свои карманы въ эти годы. Но пистоновъ все-таки не оказалось при этомъ. А главный виновникъ всего переполоха стоялъ въ ту минуту около меня ни живъ, ни мертвъ, и усиленно дергалъ меня за фалды сюртука, вѣроятно опасаясь, какъ бы я не выдалъ его начальству. Должно быть, эти движенія моего товарища были замѣчены зоркими глазами Генриха Ивановича и поняты имъ.

— Ну... то-то... проговорилъ онъ уже болѣе мягко: смотри у меня! Чтobъ въ другой разъ это не повторилось...

Директоръ прошелъ на обычное учительское мѣсто и урокъ начался. Подъ конецъ урока онъ вызвалъ меня къ столу, и когда я

отвѣтили заданные глаголы безъ одной ошибки поставилъ мнѣ пятерку и уже совсѣмъ мягко прибавилъ:

— Напугался! не смѣй больше никогда таскать съ собой въ классъ всякую дрянь... Охотникъ какой...

Послѣ этого инцидента онъ еще нѣсколько разъ называлъ меня „охотником“, но кличка эта все-таки не привилась ко мнѣ. Благодарный за такое благополучное окончаніе происшествія, владѣлецъ злополучныхъ пистоновъ отсыпалъ мнѣ послѣ уроковъ почти половину коробки. Я бережно завернулъ ихъ въ бумажку и, какъ побѣдный трофей, унесъ съ восторгомъ домой. Если бъ Г. И. не проявилъ въ этомъ случаѣ своего обычнаго такта и нѣкотораго педагогическаго чутія и подвергъ меня наказанію, то, навѣрное, я считалъ бы себя незаслуженно пострадавшимъ и навсегда потерялъ бы довѣріе къ его „справедливости“, которую дѣти особенно цѣнятъ и уважаютъ въ своихъ воспитателяхъ и наставникахъ.

О товарищахъ по казанской гимназіи у меня остались самыя лучшія воспоминанія, но, къ сожалѣнію, я потерялъ ихъ потомъ изъ виду, когда перешелъ въ другую гимназію и семья наша покинула Казань. Уцѣлѣли въ памяти лишь нѣкоторыя фамиліи, сохранившіяся почему-то дольше другихъ. Только уже впоследствии я встрѣтился съ однимъ изъ нихъ въ Петербургѣ. Это—Л. Н. Урванцовъ, беллетристъ и начинающій драматургъ. Ему принадлежитъ сборникъ разсказовъ подъ заглавіемъ „Ночь“ и нѣсколько интересныхъ бытовыхъ пьесъ („Фрейлина“, „Мнѣніе Елизаветы Николаевны“ и друг.). Г. Урванцовъ былъ, между прочимъ, въ числѣ основателей извѣстнаго журнала „Жизнь“, прекратившаго уже свое существованіе. Товарищескія отношенія въ предѣлахъ класса были довольно мирныя, дружественныя. Зато съ сосѣдними классами и съ параллельными отдѣленіями своего класса существовала постоянная вражда, проявлявшаяся часто въ ожесточенныхъ схваткахъ и „набѣгахъ“ на непріятельскій лагерь. При этомъ также часто случалось, что въ пылу сраженія или въ опьяненіи побѣдой надъ своими противниками мы не успѣвали во-время замѣтить приближенія къ театру военныхъ дѣйствій инспектора или кого-либо изъ надзирателей, и тогда побѣдителей обыкновенно постигала такая же печальная участь, какъ и побѣжденныхъ. Больше всего доставалось намъ, малышамъ, отъ воспитанниковъ старшихъ классовъ гимназіи. При встрѣчѣ съ ними такъ и сыпались на насъ шлепки, колотушки и подзатыльники. У нѣкоторыхъ великовозрастныхъ гимназистовъ была преотвратительная привычка „ковырять масло“, ударяя по головѣ ногтемъ большого пальца. Одного изъ такихъ „любителей“,—бѣлобрысаго, долговязаго ученика VI-го класса,—я не могъ видѣть безъ ужаса и содро-

ганія при встрѣчѣ съ нимъ въ корридорѣ гимназіи или въ другомъ мѣстѣ. Я такъ въ концѣ концовъ возненавидѣлъ его, что однажды подкараулилъ на гимназическомъ дворѣ и ударилъ довольно чувствительно камнемъ изъ-за угла. Но шестиклассникъ, повидимому, не понялъ намека и продолжалъ мучительныя операціи надъ моею головою все время, пока я оставался въ казанской гимназіи.

Весной 1876 года, мой отецъ долженъ былъ оставить по своимъ торговымъ дѣламъ г. Казань и переѣхать въ Рыбинскъ. Переводные изъ класса въ классъ экзамены начинались тогда въ іюнѣ и кончались не ранѣе 20-ыхъ чиселъ этого мѣсяца, а намъ надо было выѣхать изъ Казани съ первыми пароходами, т. е. тотчасъ же по открытіи навигаціи на Волгѣ. Вся семья наша, кромѣ отца, уѣзжала до осени на родину—въ деревню, въ Бѣлозерскій уѣздъ Новгородской губерніи. Оставлялъ меня одного въ чужомъ и мало знакомомъ городѣ, вдали отъ семьи, на рукахъ случайныхъ знакомыхъ, мои родители не рѣшались. Но не хотѣлось жертвовать ради этого переѣзда и цѣлымъ учебнымъ годомъ. Желая позондировать почву относительно перевода меня въ 3-ій классъ безъ экзамена, отецъ отправился въ гимназію поговорить съ директоромъ. Г. И—чѣ внимательно выслушалъ отца, понялъ безвыходность положенія, просмотрѣлъ мои четвертныя и годовыя отмѣтки и вызвалъ меня изъ класса.

— Въ деревню захотѣлъ... проговорилъ онъ, взявъ меня за подбородокъ: какъ будто рановато еще (былъ конецъ апрѣля)... Ну, да посмотримъ вотъ... что учителя твои скажутъ...

Затѣмъ онъ собралъ на-скоро учителей, преподававшихъ во 2-мъ классѣ главные предметы, и спросилъ у нихъ, можно-ли перевести меня въ слѣдующій классъ безъ экзамена. Такъ какъ я имѣлъ по всѣмъ предметамъ удовлетворительныя отмѣтки, то отвѣтъ учителей оказался благопріятнымъ для меня и черезъ два-три дня послѣ этого мнѣ выдали изъ гимназіи свидѣтельство о переводѣ меня въ 3-й классъ. О переводѣ учениковъ гимназій въ слѣдующій классъ безъ экзаменовъ, по однимъ годовымъ отмѣткамъ, тогда никто не дерзалъ еще и мечтать, такъ что описываемый мною здѣсь случай былъ первымъ и—можетъ быть—единственнымъ случаемъ въ этомъ родѣ. Помню, что вся семья наша была крайне обрадована такимъ разрѣшеніемъ вопроса, и отецъ всегда съ благодарностью вспоминалъ то теплое участіе, съ какимъ отнесся къ его просьбѣ Г. И. Крелленбергъ. Надо думать, что подъ суровой и холодной виѣшностью этого человѣка скрывалось чуткое и отзывчивое сердце, умѣвшее „входить въ положеніе“ родителей вѣренной ему дѣтвора...

Въ первыхъ числахъ мая семья наша уѣхала изъ Казани.

Какія воспоминанія оставила у меня по себѣ казанская гимназія? Вѣроятно, крайне неопредѣленные и неглубокія, можетъ быть, отъ того, что я былъ тогда еще слишкомъ малъ и впечатлѣнія скользили лишь по поверхности, не проникая глубоко въ душу, не оставляя въ ней рѣзкихъ слѣдовъ. Когда въ 1882 году, окончивъ гимназическій курсъ, я снова попалъ въ началѣ лѣта въ Казань и увидѣлъ знакомое мнѣ бѣлое каменное зданіе съ круглымъ желѣзнымъ куполомъ, въ душѣ не дрогнуло, не шевельнулось ни одной струны... Я прошелъ мимо гимназіи нѣсколько разъ, обошелъ вокругъ весь кварталъ, гдѣ она находится, но у меня не явилось ни малѣйшаго желанія войти внутрь гимназіи, взглянуть на сѣрыя стѣны, исцарапанныя гвоздями и перочинными ножиками, пройти по гулкимъ просторнымъ корридорамъ, по которымъ мы носились когда-то, какъ угорѣлые... Не явилось желанія и увидѣть кого-либо изъ моихъ бывшихъ учителей, разыскать старыхъ товарищей, съ которыми я два года подъ-рядъ дѣлилъ радости и печали своего ученическаго бытія. На душѣ было уныло и грустно, должно быть, отъ сознанія того, что „не вернется вновь, что пережито было“ въ этихъ холодныхъ каменныхъ стѣнахъ, столь равнодушно глядѣвшихъ на маленькій дѣтскій міръ, шумно волновавшійся внутри этихъ стѣнъ...

II.

Въ августѣ 1876 года я поступилъ въ Рыбинскую, тогда еще 4-хъ-классную, прогимназію.

Эта молодая прогимназія, только что за годъ передъ этимъ открытая послѣ долгихъ хлопотъ и ходатайствъ о ней со стороны города, представляла собой полную во всѣхъ отношеніяхъ противоположность Казанской 1-й гимназіи. Противоположность эта сказывалась не только во внутреннихъ распорядкахъ, существовавшихъ въ прогимназіи, но и во всемъ ея внѣшнемъ видѣ и обликѣ. Начать съ того, что прогимназія помѣщалась въ частномъ домѣ купца Щербакова на главной улицѣ въ городѣ (Крестовой) и совершенно не имѣла обычнаго вида нашихъ казенныхъ зданій, изъ которыхъ не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія и большая часть гимназій и реальныхъ училищъ. Домъ, на скорую руку приспособленный для помѣщенія учебнаго заведенія, имѣлъ чистый и опрятный видъ. Классныя комнаты были свѣтлыя, уютныя, маленькія, но вполне достаточныя для того небольшого числа учениковъ, которые въ нихъ учились. По стѣнамъ развѣшены были географическія карты и раз-

ныя картины изъ библейской и естественной исторіи. На окнахъ стояли бюсты великихъ людей, статуэтки и горшки съ цвѣтами. Въ корридорахъ и на лѣстницахъ были разостланы ковры и „дорожки“. Полы въ классахъ были крашеные, и только въ главномъ и единственномъ залѣ, куда насъ собирали на общую молитву передъ уроками, былъ паркетный полъ, всегда блестявшій, какъ зеркало. Послѣ сѣрой казенной обстановки казанской гимназіи такая семейная обстановка производила самое пріятное впечатлѣніе: все казалось такимъ маленькимъ и удобнымъ, чистымъ и свѣтымъ, жизнерадостно-улыбающимся.

Инспекторомъ прогимназіи былъ Александръ Алексѣевичъ Захарбековъ,—нынѣ уже покойный. Когда за нѣсколько дней до начала занятій отецъ привелъ меня въ прогимназію, А. А.—чѣть мелькомъ взглянулъ на представленное ему мое „свидѣтельство“, и увидѣвъ въ немъ пятерки по русскому и латинскому языкамъ, ласково хлопалъ меня по плечу и сказалъ:

— Такой маленький и уже—такой ученый!.. Отлично!.. Намъ—такіе нужны...

Потомъ онъ самъ повелъ насъ куда-то навѣрхъ, чтобы показать „III классъ“, въ которомъ мнѣ предстояло учиться. И я и мой отецъ просто были очарованы любезностью инспектора, такъ просто и привѣтливо встрѣчавшаго своихъ новыхъ учениковъ. Подкупалъ А. А. Захарбековъ и своей красивой наружностью: съ лицомъ южнаго (армянскаго) типа, красивыми темными глазами,—бархатными и ласкающими, съ черными слегка вьющимися волосами и нѣжнымъ матовымъ цвѣтомъ кожи на лицѣ и рукахъ, онъ казался настоящимъ красавцемъ. Мѣшалъ полнотѣ этого впечатлѣнія его сравнительно небольшой ростъ, но для мальчугана 3-го класса этотъ недостатокъ едва-ли бросался особенно рѣзко въ глаза...

Кромѣ приготовительнаго, Рыбинская прогимназія причисленная къ московскому учебному округу, имѣла въ томъ году, когда я поступилъ въ нее, всего три класса, да и въ тѣхъ учениковъ было немного. Очевидно, средній рыбинскій обыватель, составляющій большинство городского населенія, еще не привыкъ къ своей новой школѣ и, можетъ быть, даже побаивался ея, думая въ простотѣ своей души, что эта школа—только „для благородныхъ господъ“. Въ III классѣ набралось насъ человѣкъ 12—13, не больше. Составъ класса былъ чисто случайный,—главнымъ образомъ изъ ближайшихъ къ Рыбинску городовъ, такъ какъ мѣстные ученики, поступившіе въ 1-й классъ при открытіи прогимназіи, были въ этомъ году еще только во 2-мъ классѣ. Вообще въ прогимназіи преобладали купеческія и чиновничьи дѣти, но въ нашемъ классѣ большинство уче-

никовъ принадлежало почему-то къ дворянскимъ и „интеллигентнымъ“ семьямъ.

Большинство преподавателей, какъ это обыкновенно бываетъ во вновь открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, были изъ молодыхъ. Учителемъ русскаго языка состоялъ И. С. Полидоровъ, назначенный впоследствии, при преобразованіи прогимназіи въ полную гимназію, ея инспекторомъ и осенью прошлаго года умершій. Съ широкой окладистой бородой, русыми курчавыми волосами и пѣвучимъ мягкимъ голосомъ, онъ казался созданнымъ для того, чтобъ быть протіереемъ какого-нибудь богатаго собора. Но судьба толкнула его на другую совсѣмъ дорожку и сдѣлала учителемъ гимназіи. Впрочемъ, какъ преподаватель, И. С. Полидоровъ былъ не хуже другихъ, и гимназисты его любили. Преподаваніе его не отличалось ни оригинальностью приемовъ, ни особенной преданностью преподавателя своему дѣлу; но на урокахъ русскаго языка никогда не было скучно, а это уже—большая заслуга. Не угнеталъ онъ своихъ учениковъ и обиліемъ матеріала, который задавался для приготовленія на дому. Признавая большое значеніе за письменными упражненіями по русскому языку, И. С. въ первыхъ классахъ налегалъ особенно на диктовки, въ старшихъ—на сочиненія,—классныя и домашнія. Темы для сочиненій выбирались всегда болѣе или менѣе интересныя, что уже само по себѣ значительно облегчало работу ученика. У И. С. Полидорова мнѣ пришлось учиться четыре года подъ-рядъ, и ему именно я считаю себя обязаннымъ основательнымъ знакомствомъ своимъ съ русскимъ языкомъ. Руководя также и внѣкласснымъ чтеніемъ воспитанниковъ, онъ сумѣлъ привить мнѣ любовь и интересъ къ родному языку и пробудилъ желаніе изучить его основательно. Вѣроятно, тому же И. С. Полидорову я обязанъ и тѣмъ, что послѣ долгихъ житейскихъ скитаній и тревоженій я выбрался въ концѣ-концовъ на литературную дорогу, какъ наиболѣе соотвѣтствующую моимъ духовнымъ запросамъ,—наиболѣе ихъ удовлетворяющую...

Изъ другихъ преподавателей, служившихъ въ прогимназіи, я могъ бы обрисовать здѣсь нѣсколько прелюбопытѣйшихъ „типовъ“, но не дѣлаю этого, во-первыхъ потому, что много такихъ „типовъ“ нарисовано уже и помимо меня, а во-вторыхъ мнѣ не хотѣлось бы обращать свои „воспоминанія“ въ собраніе занимательныхъ анекдотовъ объ учителяхъ. Къ тому же, одни изъ этихъ „типовъ“ давно уже отошли въ другой—лучшій міръ, другіе—мирно доживаютъ свои дни „на покоѣ“, выслуживъ положенную по штатамъ пенсію и получивъ отставку. Какъ ни медленно развивается на Руси школьное дѣло, однако не подлежитъ сомнѣнію, что типъ „анекдотическаго“ учителя гимназіи, давшій такой богатый матеріалъ для бытовыхъ

очерковъ и рассказовъ изъ жизни этого міра, постепенно вымираетъ. На смѣну ему идетъ уже новый учительскій типъ, новая разновидность: педагогъ—„карьеристъ“ съ одной стороны и „идейный“ учитель, учитель по призванію—съ другой... Но къ этому вопросу я еще возвращусь въ послѣдующихъ главахъ своихъ воспоминаній.

Учителей древнихъ языковъ изъ русскихъ тогда еще почти не было или было очень мало. Въ 3-мъ классѣ оба древніе языка преподавалъ нѣмецъ, очень плохо говорившій по-русски и ограничивавшійся исключительно задаваніемъ уроковъ „отъ сихъ поръ до сихъ поръ“. Какъ мы переводили при такихъ условіяхъ съ латинскаго и греческаго языковъ на русскій, не трудно, конечно, представить. По временамъ получались такіа веселыя „мѣста“, что совершенно забывалось, что это были уроки „мертвыхъ“ языковъ. Держалъ насъ этотъ нѣмецъ въ большой строгости, аккуратно выставлялъ намъ, въ качествѣ класснаго наставника, отмѣтки за каждую недѣлю и неукоснительно требовалъ подписи родителей, которая удостовѣряла бы, что они видѣли эти отмѣтки. Въ общемъ это былъ довольно безалаберный, но совсѣмъ не злой человѣкъ, хотя и любилъ „напускать“ на себя суровый и строгій видъ. На педагогическомъ поприщѣ онъ подвизается еще и донынѣ, но учить уже не древнимъ языкамъ, а своему родному—нѣмецкому. Вѣроятно, въ этой роли онъ болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ въ роли преподавателя древнихъ классическихъ языковъ.

Съ 4-го класса стали заниматься съ нами латынью самъ инспекторъ, греческимъ языкомъ—О. В. Ржига, авторъ „Сравнительной этимологіи славянскихъ языковъ“ и многихъ другихъ филологическихъ трудовъ. Въ настоящее время онъ учительствуетъ въ Нижнемъ Новгородѣ и—кромѣ своихъ прямыхъ педагогическихъ обязанностей—много работаетъ въ области переводовъ съ чешскаго языка на русскій. Между прочимъ, имъ переведены изъ сочиненій Яна Коменскаго: „Лабиринтъ міра“, „Уставъ материнской школы“ и друг. Переводы эти не отличаются большими литературными достоинствами, но точно передаютъ мысль оригинала и потому—даютъ о послѣднемъ вполне вѣрное представленіе. Не порывая связи со своей родиной, г. Ржига переводитъ также и съ русскаго на свой родной языкъ, стараясь познакомить читающую чешскую публику съ лучшими произведеніями русской художественной литературы. О „братьяхъ чехахъ“, нахлынувшихъ въ 70-ыхъ годахъ на Россію и совершенно овладѣвшихъ преподаваніемъ древнихъ языковъ въ русской школѣ, давно уже составилось въ нашемъ обществѣ вполне определенное мнѣніе, справедливо заслуженное ими. Какъ учителя, чехи дѣлали все возможное, чтобъ отбить у русскаго учащагося

юношества всякое желаніе заниматься и несомнѣнно много содѣйствовали тому недовольству классической системой образованія, которое такъ рѣзко сказывается и проявляется за послѣднее время во всѣхъ слояхъ русскаго общества. О педагогическихъ подвигахъ чеховъ на Руси создавалась уже цѣлая литература, и потому я не вижу никакой необходимости увеличивать ея и безъ того богатый матеріалъ, тѣмъ болѣе, что я имѣю въ виду серьезно остановиться на этомъ вопросѣ въ другой своей, болѣе специальной, работѣ. На тѣхъ „чеховъ“, какихъ чаще всего видѣли мы въ стѣнахъ русскихъ гимназій, Ѳ. В. Ржига былъ совершенно непохожъ. Гуманный и мягкій, до крайности деликатный, онъ не только не „угнеталъ своихъ учениковъ“ и не „свирѣпствовалъ въ гимназіи“, но даже рѣдко возвышалъ голосъ, чтобъ прикрикнуть на какого-нибудь зарвавшагося палуна. За три года непрерывнаго ежедневнаго общенія (съ 4-го по 6-й классъ включительно) я имѣлъ возможность узнать Ѳ. В.—ча, и какъ учителя, и какъ человѣка, довольно близко и долженъ по совѣсти сказать, что я рѣдко встрѣчалъ въ жизни такихъ женственно-нѣжныхъ, чуткихъ людей... Серьезнымъ недостаткомъ г. Ржиги, какъ преподавателя, было недостаточно твердое знаніе русскаго языка, сильно мѣшавшее желательной литературности переводовъ; но кто же не знаетъ, какую трудность представляетъ нашъ языкъ для иностранцевъ вообще и славянъ—въ частности?...

Латинскимъ языкомъ занимался, какъ я уже сказалъ, начиная съ 4-го класса, самъ А. А. Захарбековъ. Въ полную противоположность директору казанской гимназіи, всегда опаздывавшему на уроки, а часто и совсѣмъ не являвшемуся, инспекторъ рыбинской прогимназіи отличался удивительной аккуратностью. Не успѣетъ, бывало, прозвенѣтъ звонокъ въ корридорѣ, какъ онъ уже влетаетъ въ классъ, и, отмѣтивъ наскоро отсутствующихъ учениковъ, тотчасъ же принимается за урокъ. Порядокъ послѣдняго былъ такой: сперва кто-либо изъ учениковъ, болѣе слабыхъ, переводилъ то, что было задано къ данному уроку. Затѣмъ преподаватель вызывалъ лучшихъ учениковъ и заставлялъ ихъ переводить дальше. Въ теченіе часа прочитывалось такимъ образомъ 3—4 главы, вмѣсто обычной одной“. Переводили въ 4-мъ классѣ „Записки Цезаря о Гальской войнѣ“, а въ 5-мъ классѣ—„О Югуртинской войнѣ“ Саллюстія. Благодаря такой системѣ преподаванія, ученики знакомились съ читаемымъ произведеніемъ въ значительномъ числѣ отрывковъ изъ него и, кромѣ того, не умирали на урокахъ отъ скуки, что обыкновенно бываетъ, если преподаватели древнихъ языковъ топчутся по цѣлымъ часамъ на 2—3 строчкахъ текста, заставляя учениковъ разыски-

вать въ нихъ разныя „красоты“ и тонкости древне-классической литературы...

Законоучителемъ прогимназіи состоялъ протоіерей мѣстнаго собора—отъ Іосифъ Ширяевъ, нынѣ тоже уже покойный. Онъ былъ строгъ и требователенъ, но справедливъ, и ученики любили его за это. Изъ другихъ преподавателей я помню только фамиліи Симпликаго (математика), Филоматитскаго (исторія и географія), Финдейса (древніе языки), Бѣляева... Особыхъ перемѣнъ въ составѣ преподавателей за всѣ четыре года, проведенные мною въ Рыбинской прогимназіи, какъ будто не было. Мѣнялись почему-то одни „французы“. Сперва былъ дряхлый маленькій старичокъ, вѣчно терявшій то табакерку, то очки, то красный шелковый платокъ, который онъ носилъ зачѣмъ-то всегда въ рукахъ. Потомъ на смѣну этому старичку появился молодой преподаватель, съ вульгарнымъ круглымъ лицомъ, грубыми манерами и съ непріятной привычкой постоянно размахивать передъ носомъ сирощеннаго ученика какимъ-нибудь предметомъ: книгой, тетрадкой, палкой, служившей „указкой“ для географическихъ картъ... Этого здороваго, жизнерадостнаго француза съ сѣрыми глазами и русыми волосами смѣнилъ потомъ угрюмый брюнетъ съ лицомъ еврейскаго типа и запахомъ какихъ-то непріятныхъ крѣпкихъ духовъ, которыми онъ любилъ душиться. Былъ еще одинъ любопытный типъ—учитель чистописанія и рисованія, почти карликъ ростомъ и притомъ—горбунъ. Хотя люди, обиженные природой, и не отличаются обыкновенно добротой, но нашъ „свободный художникъ“, какъ мы называли этого учителя, былъ довольно добрымъ существомъ по своей натурѣ. Но ученики все-таки безпощадно его „изводили“ во время уроковъ,—съ той жестокостью,—которая такъ часто проявляется въ дѣтяхъ этого возраста. Да и товарищи по службѣ, кажется, третировали его свысока, еще болѣе подрывая этимъ его учительскій авторитетъ въ нашихъ глазахъ. Чистописанія я не любилъ, но рисованіемъ одно время сильно увлекался. Гимназія выдавала мнѣ даже награды за мои рисунки, но художника изъ меня все-таки не вышло. Очевидно, что одними „наградами“ и „поощреніями“ не сдѣлаешь человѣка художникомъ...

Какъ во всякой новой школѣ, порядки въ Рыбинской прогимназіи были весьма строгіе и даже, пожалуй, жестокіе. За малѣйшую провинность сейчасъ же слѣдовало возмездіе, часто совершенно не соответствовавшее характеру проступка. Однажды, будучи „дежурнымъ“, я забылъ отворить во время большой перемѣны форточку въ своемъ классѣ; бдительное око начальства тотчасъ же усмотрѣло „безпорядокъ“, и дежурнаго засадили на часъ или на два послѣ уроковъ въ гимназіи, чтобъ „помнилъ о форточкѣ“. Особенно строго

слѣдило начальство за ношеніемъ формы по установленному образцу; достаточно было малѣйшаго отступленія отъ этого „образца“, чтобы немедленно же навлечь на себя гнѣвъ инспектора. Часто по окончаніи уроковъ А. А. Захарбековъ становился у окна своей квартиры во 2-мъ этажѣ и наблюдалъ оттуда за выходившими изъ школы воспитанниками. Если какой-либо ученикъ, тяготясь своимъ ранцемъ, снималъ его съ плечъ и бралъ въ руки, такого вольнодумца возвращали обратно въ стѣны гимназіи и задерживали здѣсь. Вся ученическая жизнь не только въ стѣнахъ школы, но и внѣ ея, на улицахъ и въ садахъ, въ общественныхъ собраніяхъ и въ театрѣ, была опутана сѣтью непрерывнаго и неумолимаго „надзора“, отъ котораго некуда было дѣться. Малочисленность учениковъ съ одной стороны и небольшіе размѣры города—съ другой давали инспекціи прогимназіи полную возможность все видѣть, все слышать, все знать о своихъ ученикахъ. Послѣ казанской вольности, гдѣ гимназическое начальство почти не интересовалось внѣ-школьной жизнью воспитанниковъ, какъ-то особенно тяжело чувствовалось въ этой удушливой атмосферѣ постоянной опеки и начальственной надзора, въ которыхъ въ сущности не было никакой надобности, потому что большинство гимназистовъ жили въ своихъ семьяхъ и, слѣдовательно, не были и безъ того безпризорными дѣтьми. Но особенно тягостно было „обязательное“ хожденіе къ церковнымъ службамъ въ праздники и наканунѣ праздничныхъ дней. Своей церкви прогимназія не имѣла, и ученики должны были ходить ко всеобщей и общеднѣ въ городской соборъ, гдѣ для нихъ было отведено определенное мѣсто. Я выросъ въ строго-православной семьѣ и былъ приученъ, какъ и большинство дѣтей „купческаго званія“, съ дѣтства бывать въ церкви по праздникамъ. Но въ Рыбинскѣ, благодаря принудительному характеру молитвы, я сталъ постепенно уклоняться отъ этого, хотя начальство и преслѣдовало за такіе уклоненія. Найти предлогъ для того, чтобы не пойти въ соборъ, или солгать, что былъ въ другой церкви,—всегда было не трудно. И я увѣренъ, что обязательное посѣщеніе богослуженія многихъ изъ гимназистовъ въ концѣ концовъ совершенно отучило отъ церкви или выработало въ нихъ чисто-формальное отношеніе, не имѣющее ничего общаго съ истинной набожностью. Эта область должна была всецѣло оставаться въ вѣдѣніи семьи, и вмѣшательству гимназической инспекціи здѣсь не должно быть мѣста.

III.

Движеніе балканскихъ славянъ, начавшихъ въ 1876 году борьбу съ Турціей за свою національную и политическую независимость,

вызвало, какъ извѣстно, сильное сочувствіе въ русскомъ обществѣ къ ихъ судьбѣ. Иллюстрированные журналы того времени (въ нашей семьѣ выписывалось ихъ въ этомъ году нѣсколько) были полны изображеніями „турецкихъ звѣрствъ въ славянскихъ земляхъ“. Газетныя статьи писались въ приподнятомъ, — „патріотическомъ“ духѣ и усиленно возбуждали вниманіе и интересъ къ братьямъ-славянамъ, постепенно подготавливая общественное мнѣніе страны къ мысли о возможности вооруженнаго вмѣшательства Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова. Начались сборы пожертвованій въ пользу славянъ, поѣхали на войну добровольцы. О неизбежности войны съ Турціей заговорили въ обществѣ гораздо раньше, чѣмъ война была объявлена официально. Даже въ такомъ чисто-купеческомъ городѣ, какъ Рыбинскъ, гдѣ, казалось, раньше ни о чемъ и не думали, кромѣ цѣнъ на хлѣбные припасы и о наживѣ, былъ замѣтенъ необычайный общественный подъемъ въ направленіи, не имѣвшемъ, повидимому, ничего общаго съ будничнымъ настроеніемъ обывателей и обычными „мелочами жизни“. Не могло не отражаться такое общественное настроеніе и на насъ, гимназистахъ. Арифметическія задачи, латинскіе и греческіе „вокабулы“, которые приходилось зубрить по вечерамъ, сразу потеряли въ нашихъ глазахъ всякій интересъ и значеніе. Хотѣлось читать и слушать рассказы о подвигахъ генерала Черняева, разсматривать по цѣлымъ часамъ „военныя картинки“ въ иллюстраціяхъ или „щипать корпію“ для Краснаго Креста вмѣстѣ съ младшими своими сестрами и братьями.

Зима 1877—78 годовъ была для насъ почти сплошнымъ праздникомъ и довольно пріятнымъ, надо признаться. Какъ только получалась съ театра военныхъ дѣйствій телеграмма о побѣдѣ русскихъ надъ турками, о взятіи нашими войсками какого-либо турецкаго города, въ городскомъ соборѣ тотчасъ же служили благодарственный молебенъ, а гимназистовъ освобождали въ этотъ день отъ занятій. Переходъ черезъ Дунай, взятіе Плевны, Шипки, Карса, — все это отмѣчалось не только молебнами въ церквахъ, но и иллюминаціей на улицахъ и площадяхъ. Мы такъ привыкли къ такимъ неожиданнымъ праздникамъ, что одного дня для каждого изъ нихъ казалось уже недостаточно, и мы искренно роптали и жаловались. Заключеніе Санъ-Стефанскаго мирнаго договора было отпраздновано тремя днями и такой блестящей иллюминаціей, какой Рыбинскъ не видалъ, вѣроятно, со дня своего основанія. Въ пылу патріотическихъ восторговъ и увлеченій среднему городскому обывателю не приходило какъ-то и въ голову, какими печальными и серьезными послѣдствіями окажется чреватъ этотъ пресловутый „договоръ“, скрѣпленный потомъ Берлинскимъ конгрессомъ. Совсѣмъ не думалось и о томъ, какой

дорогой цѣной были куплены всѣ эти „побѣды“ и „одолѣнія“ и сколь многимъ изъ тѣхъ, которыхъ провожала Россія за годъ передъ этимъ на „театръ военныхъ дѣйствій“, не суждено было вернуться въ родную семью...

Такъ—около Рождества „пригнали“ въ Рыбинскъ плѣнныхъ турокъ. Помню, что ихъ было что-то очень много, вѣроятно, нѣсколько сотъ. Горожане смотрѣли на турокъ, какъ на диковинныхъ звѣрей, и собирались цѣлыми толпами, когда плѣнниковъ вели изъ казармъ по улицамъ въ баню или на прогулку. Все это былъ здоровый и рослый народъ, съ смуглыми и даже совсѣмъ темными лицами и черными большими глазами, глядѣвшими не то испуганно, не то добродушно. Плохо одѣтые, въ жалкихъ лохмотьяхъ, коченѣя отъ непривычнаго холода, плѣнные турки, къ великому нашему изумленію, оказывались совершенно непохожими на тѣхъ „дикихъ звѣрей“, какими рисовало ихъ, подъ вліяніемъ рассказовъ и слуховъ, дѣтское воображеніе, и своимъ убогимъ внѣшнимъ видомъ возбуждали невольное состраданіе. Городское населеніе отнеслось къ этимъ „врагамъ отечества“ довольно „жалостливо“, и турки не могли пожаловаться на плохой пріемъ въ непріятельской странѣ. Кромѣ солдатъ—„низама“, было въ Рыбинскѣ и нѣсколько офицеровъ. Съ однимъ изъ нихъ мой отецъ случайно познакомился гдѣ-то и пригласилъ его къ намъ въ домъ. Это былъ еще совсѣмъ юный офицеръ съ миловиднымъ веселымъ лицомъ, повидимому, изъ хорошей семьи. Образованіе онъ получилъ въ Зап. Европѣ и недурно говорилъ по-французски. На этомъ языкѣ мы и объяснялись съ нимъ, такъ какъ запасъ извѣстныхъ ему русскихъ словъ былъ весьма ограниченъ. Офицеръ этотъ часто приходилъ къ намъ пить чай и не разъ выражалъ свое удовольствіе по поводу того пріема, какой встрѣтили плѣнные турки въ Россіи. Желая выучиться русскому языку, онъ предложилъ мнѣ заниматься съ нимъ, въ обмѣнъ на турецкій языкъ. Языкъ этотъ былъ мнѣ, конечно, ненуженъ, но у меня рано начала развиваться страсть къ изученію разныхъ новыхъ языковъ (своего рода—„лингвomanія“), и я согласился. Мы горячо принялись съ офицеромъ за дѣло, но война кончилась раньше, чѣмъ мы разсчитывали, и наши русско-турецкіе уроки прекратились почти въ самомъ началѣ. Вскорѣ послѣ заключенія мира офицеръ уѣхалъ въ свое отечество. Памятникомъ этого „увлеченія“ осталась у меня маленькая тетрадка, которую я недавно нашелъ у себя въ деревнѣ, на родинѣ. На ея пожелтѣвшихъ и выпѣвшихъ отъ времени листахъ я нашелъ болѣе сотни отдѣльныхъ турецкихъ словъ и нѣсколько цѣлыхъ фразъ, записанныхъ еще не окрѣпшимъ, дѣтскимъ почеркомъ...

Въ іюнѣ 1778 года я окончилъ курсъ въ Рыбинской прогимназіи. Одновременно со мною окончило 10—12 человѣкъ, не больше. Первымъ ученикомъ кончилъ С. Н. Глинка, шедшій все время на круглыхъ пятеркахъ и поступившій послѣ этого въ одно изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Я считался въ классѣ „вторымъ“ и не оспаривалъ у своего товарища пальмы первенства, потому что сознавалъ себя довольно слабымъ по математикѣ. Въмѣсто исчезнувшей изъ курса 4-го класса ариѳметики, появились, къ ужасу моему, двѣ „математики“: алгебра и геометрія. Мои филологическія наклонности опредѣлились къ тому времени уже вполне ясно, и на занятіе математическими предметами я смотрѣлъ, какъ на печальную необходимость, съ которой до поры до времени приходилось мириться. А. А. Захарбековъ обнадежилъ моего отца, что къ осени того же года 5 классъ при Рыбинской прогимназіи будетъ непременно открытъ, и отецъ съ спокойной совѣстью отправилъ меня на все лѣто домой—въ деревню. Вопросъ о преобразованіи 4-х-классной прогимназіи въ 6-тиклассную почему-то затянулся, и 5 классъ былъ открытъ только въ началѣ сентября. Семья наша осталась въ деревнѣ и на зиму, а меня одного отправили въ Рыбинскъ, гдѣ и помѣстили на квартиру въ знакомомъ семействѣ. Этотъ годъ мнѣ особенно памятенъ, такъ какъ послѣ того мнѣ ни разу не пришлось больше жить вмѣстѣ со всей остальной нашей семьей.

Въ 5-мъ классѣ насъ оказалось всего три ученика. Не дождавшись его открытія и потерявъ надежду, одни перешли въ другія—ближайшія къ Рыбинску учебныя заведенія, другіе—и совсѣмъ прекратили свое дальнѣйшее образованіе. Такъ „триумвиратомъ“, какъ насъ окрестилъ директоръ, мы и окончили шесть классовъ Рыбинской прогимназіи. Инспекторъ превратился въ директора, но и порядки, и преподаватели въ прогимназіи остались тѣ же. Для троихъ учениковъ нужно было не много мѣста, и насъ помѣстили въ маленькой клѣткѣ, окнами во дворъ. Французскимъ языкомъ занимался я одинъ, такъ какъ оба мои товарища были „нѣмцы“. Оттого, должно быть, что мы выросли и возмужали, намъ казалось и душно, и тѣсно въ этихъ маленькихъ комнаткахъ, еще недавно представлявшихся такими уютными. Душно чувствовалось и на крохотномъ гимназическомъ дворикѣ, съ какими-то чахлыми деревцами, куда насъ выпускали на перемѣны въ хорошую погоду. Нѣкоторые смѣльчаки дѣлали иногда попытки выскочить за ворота на улицу, но надзиратели тотчасъ же возвращали ихъ внутрь двора. При трехъ ученикахъ въ классѣ наши занятія въ прогимназіи носили почти домашній характеръ. Каждый день учителя спрашивали всѣхъ по

всѣмъ предметамъ. Не знать урока при такихъ условіяхъ было немислимо и *volens-nolens* надо было учиться. Благодаря этому, курсъ 5-го и 6-го классовъ былъ усвоенъ нами такъ основательно, какъ едва-ли гдѣ онъ когда-либо усваивался въ нашихъ гимназіяхъ. Казалось бы, что при подобныхъ благопріятныхъ условіяхъ можно было проходить все, что требовалось по программѣ, на урокахъ въ классѣ, но учителя все-таки задавали намъ порядочно работы и надомъ: должно быть, хотѣли все „отличиться“ передъ округомъ. Послѣдній напоминалъ о себѣ прогимназіи довольно часто. Вѣроятно, благодаря удобству сообщенія съ Москвой, то и дѣло наѣзжали въ Рыбинскъ то окружные инспектора, то помощникъ попечителя. Былъ однажды и самъ попечитель округа. Каждый такой пріѣздъ производилъ въ прогимназіи страшный переполохъ. „Подтягивались“ не только мы—ученики, но и весь педагогическій персоналъ до директора включительно. Преподаватели являлись на уроки съ свѣжевыбранными лицами, въ безукоризненно-чистыхъ сорочкахъ и хорошо-вычищенныхъ вицмундирахъ. Отсутствіе пуговицы на мундирѣ воспитанника или какой-либо другой изъянъ или недочетъ въ костюмѣ навлекалъ въ такіе торжественные моменты на виновнаго самое строгое наказаніе. Я не говорю уже о томъ, что волосы должны были быть острижены при этомъ гладко, мундиръ застегнуть на всѣ пуговицы... Въ стѣнахъ гимназіи водворялась въ такіе дни какая-то жуткая, почти зловѣщая тишина. Притихали и дѣлались „благонравными мальчиками“ даже отчаянные шалуны. А учителя ходили съ вытянутыми лицами и на-дылочкахъ, точно появился въ домѣ тяжело-больной человѣкъ, котораго всѣ боялись беспокоить. Въ жизни Казанской 1-й гимназіи ничего подобнаго не приходилось наблюдать. Визиты окружного начальства считались тамъ обычнымъ явленіемъ и нисколько не нарушали заведеннаго порядка. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда гимназію посѣщалъ попечитель округа, надзиратели и воспитатели просили учениковъ „быть потише“ и не шумѣть. Появленіе же окружныхъ инспекторовъ проходило для насъ гимназистовъ почти незамѣтнымъ.

Благодаря тому, что школа почти не оставляла ученикамъ свободнаго времени, гимназисты мало читали, а если и читали, то читали безъ толку, безъ всякой системы. Отъ этого уровень развитія учениковъ въ общемъ былъ весьма невысокъ. Начитанностью могли похвастаться лишь очень немногіе, большинство же почти ничего не читало, кромѣ учебниковъ, и ничѣмъ не интересовалось. Невысокъ былъ и нравственный уровень воспитанниковъ. Заботясь исключительно о поддержаніи внѣшняго порядка и „благочинія“, гимназія не оказывала никакого вліянія на нравственную сторону нашего

развитія, да, повидимому, мало и интересовалась имъ. Подъ образцовой внѣшней дисциплиной, которой такъ гордилась прогимназія, прекрасно уживались всѣ виды „безнравственности“, свойственные школьному возрасту. Уличнаго распутства, пьянства, конечно, еще не было, потому что мы были слишкомъ малы для всего этого: но уже съ 4-го класса одни воспитанники съ увлеченіемъ рассказывали, а другіе съ восторгомъ слушали скабрезные анекдоты и разныя „исторіи“ порнографическаго характера; обманывали учителей и надзирателей, подчищали отмѣтки въ „дневникахъ“, поддѣлывали подписи родителей, когда почему-либо было неудобно показать имъ свой „дневникъ“... „Тлѣтворныя вѣянія“ извнѣ, какъ отраженіе общей смуты, такъ рѣзко обнаруживавшейся въ жизни русскаго общества тотчасъ же по окончаніи русско-турецкой войны, въ гимназическую среду проникали тогда еще очень мало. Въ большихъ „центрахъ“ и университетскихъ городахъ дѣло обстоило, разумѣется, иначе; но въ провинціальномъ уѣздномъ захолустѣ, гдѣ люди съ высшимъ образованіемъ были всѣ на-перечетъ, общественное броженіе отражалось довольно слабо. Мы только смутно догадывались, что что-то неладно; но еще не дѣлали никакихъ попытокъ, чтобъ разобраться въ противорѣчійхъ окружающей жизни. Съ „новыми вѣяніями“ мнѣ пришлось встрѣтиться нѣсколько позже, уже въ Нѣжинской классической гимназіи, гдѣ мнѣ пришлось заканчивать свое среднее образованіе.

Шестиклассную прогимназію въ Рыбинскѣ окончило насъ всего трое, какъ я уже сказалъ. Индивидуальныя наклонности и влеченія каждаго изъ насъ опредѣлились къ тому времени уже настолько ясно, что можно было не безъ увѣренности говорить о томъ, кто по какой дорогѣ пойдетъ въ жизни, ожидавшей насъ впереди. Товарищъ мой К. „мечталъ“ о служебной карьерѣ и теперь, двадцать слишкомъ лѣтъ спустя, состоитъ прокуроромъ одного изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ. Другой товарищъ Щ. ни о чемъ не мечталъ, въ университетъ потомъ не пошелъ, а оставшись въ Рыбинскѣ, гдѣ у его отца было крупное торговое дѣло, занялся этимъ дѣломъ, которое успѣшно продолжаетъ и до настоящаго времени. Мои личныя „мечтанія“ были, повидимому, не такъ ясны и опредѣленны, какъ мечтанія моихъ товарищей по классу. Мнѣ хотѣлось быть „ученымъ“, но заманчивой представлялась и педагогическая дѣятельность въ роли учителя гимназіи, можетъ быть, профессора при университетѣ. „Ученаго“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято понимать это слово, изъ меня не вышло, учительской же дѣятельности дѣйствительно пришлось посвятить впоследствии нѣсколько лѣтъ, — лучшихъ лѣтъ своей жизни...

Такъ какъ надежды на преобразованіе Рыбинской прогимназіи

въ полную 8-классную гимназію не было никакой (это преобразование совершилось только через нѣсколько лѣтъ), то приходилось подумать о выборѣ гимназіи для окончанія курса. А. А. Захарбековъ предложилъ мнѣ подать прошеніе въ Нѣжинскую классическую гимназію, состоящую при мѣстномъ Историко-филологическомъ Институтѣ имени кн. Безбородко. Нуждаясь въ слушателяхъ для этого института, гимназія предлагала ученикамъ четырехъ старшихъ классовъ казенныя стипендіи и даже „прогонныя деньги“ на проѣздъ до Нѣжина. Одно изъ такихъ „предложеній“, присланное въ Рыбинскую прогимназію, и рѣшило мою дальнѣйшую судьбу. Имѣя въ аттестатѣ круглыя пятерки по-русскому и обоимъ древнимъ языкамъ, я могъ разсчитывать на зачисленіе меня въ казенныя стипендіаты и лѣтомъ 1880 года послалъ въ канцелярію Нѣжинской гимназіи свое прошеніе и необходимые при немъ документы. Наступилъ августъ, а отвѣта на мое прошеніе почему-то все не было. Директоръ прогимназіи послалъ „запросъ“ еще отъ себя, но и на его бумагу отвѣта не получилось. Предполагая, что я опоздалъ со своимъ прошеніемъ и потому не былъ принятъ въ число стипендіатовъ, я рѣшилъ поступить въ Вологодскую губернскую гимназію, — ближайшую къ мѣсту моей родины, гдѣ жила тогда наша семья.

Въ 20-тыхъ числахъ августа я простился съ Рыбинскомъ и поступилъ въ Вологодскую гимназію: это была для меня уже третья гимназія, гимназія, совершенно непохожая на двѣ первыя...

И. А. Порошинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гигіена воспитанія и образованія.

(Продолженіе).

VI.

До сихъ поръ рѣчь шла о низшихъ или собственно народныхъ школахъ и притомъ, преимущественно, въ условіяхъ всеобщаго обязательнаго обученія. Но конгрессъ въ Нюрнбергѣ касался и разныхъ вопросовъ по отношенію къ „вышимъ“, по нашему, — къ *среднимъ* учебнымъ заведеніямъ. Остановимся прежде всего на вопросѣ о *совмѣстномъ воспитаніи лицъ обоего пола*. По этому вопросу было прочитано на конгрессѣ два доклада — общиннаго врача въ Копенгагенѣ проф. Axel Hertel'я и проф. A. Palmberg'a изъ Гельсингфорса. — Проф. Hertel началъ съ того положенія, что современное стремленіе къ уравниенію правъ мужчинъ и женщинъ требуетъ не только одинаковыхъ экзаменовъ, но и совмѣстнаго обученія въ одной и той же школѣ. Поэтому необходимо выяснить, не представляетъ ли такое обученіе какой-либо опасности въ гигиеническомъ обученіи. Извѣстно, что фیزیологическое развитіе мальчиковъ и дѣвочекъ различно. Именно непосредственно передъ наступленіемъ половой зрѣлости и во время ея дѣвочки много скорѣе увеличиваются въ длину и въ вѣсъ, чѣмъ мальчики. Развитіе первыхъ идетъ, очевидно, напряженнѣе, но и останавливается раньше. Нарушенія нормальнаго его хода легко могутъ вызывать серьезныя послѣдствія. Во время всего школьнаго періода, а особенно въ періодъ полового (правильнѣе — родового) созрѣнія, болѣзненность среди дѣвочекъ значительнѣе, чѣмъ среди мальчиковъ. На 13-мъ году въ Даніи среди мальчиковъ болѣе или менѣе больныхъ отмѣчено 31⁰/₀, а среди дѣвочекъ 51⁰/₀. Подобныя отношенія существуютъ и въ другихъ европейскихъ странахъ. Перевѣсъ со стороны дѣвочекъ въ данномъ отношеніи обуславливается почти исключительно малокровіемъ и нервозностью. Сопротивляемость ихъ разнымъ ослабляющимъ вліяніямъ, вообще, много слабѣе, чѣмъ замѣчается это у мальчиковъ. Безъ вреда для себя первыя не могутъ выносить такой напряженной работы, какъ послѣдніе. Все это нужно имѣть въ виду при устройствѣ смѣшанныхъ школъ —

тѣмъ болѣе, что ручныя женскія работы тягостны и вредятъ глазамъ, тогда какъ мальчики въ ручномъ трудѣ (Slöid) имѣютъ укрѣпляющее и способствующее развитію тѣла занятіе. Требования, которыя нужно ставить смѣшаннымъ школамъ, проф. Hertel сводитъ къ слѣдующимъ: 1) Во избѣжаніе переутомленія, если дѣвочки должны проходить вполнѣ тотъ же курсъ обученія, какъ и мальчики, первыя, какъ правило, должны имѣть въ своемъ распоряженіи лишній годъ, чтобы сдать тѣ же испытанія, какъ послѣдніе—или же онѣ должны имѣть какое-либо другое облегченіе, какъ, напр., освобожденіе отъ обученія какому-нибудь иностранному языку съ сохраненіемъ всѣхъ другихъ правъ и обязанностей въ дѣлѣ прохожденія курса. Но для тѣхъ, которыя должны подвергаться экзаменамъ, такое облегченіе трудно допустимо; имъ придется оставаться въ одномъ классѣ 2 года. 2) Учебный планъ долженъ быть выработанъ въ согласіи съ фیزیологическими особенностями лицъ обоого пола, а не однихъ только мальчиковъ. 3) Участіе въ школьномъ совѣтѣ и въ собраніяхъ учителей, съ полнымъ правомъ голоса, свѣдущихъ школьныхъ врачей. 4) Преподаватели обоого пола должны получать гигиеническое образованіе. 5) И въ высшіе классы должно допускать, на ряду съ учителями, и учительницъ.

Проф. А. Palmberg сообщилъ, что совмѣстное воспитаніе въ Финляндіи началось съ 1883 г. Въ настоящее время тамъ имѣется 22 среднихъ школы, въ которыхъ ежегодно совмѣстно обучаются 2.000 дѣвочекъ и 1.600 мальчиковъ. Первый студентъ изъ женщинъ былъ, однако, тамъ имматрикулированъ еще въ 1870 г. До 1890 г. число студентовъ-женщинъ было только 19. Въ 1890—91 г.г., когда имѣлъ мѣсто первый выпускъ изъ смѣшанныхъ школъ, число ихъ поднялось до 158, а въ 1896—1901 г.г. до 572. Съ 1900 г. число ежегодно вновь поступающихъ женщинъ-студентовъ равняется 110—120, что составляетъ около 25% всѣхъ вновь записываемыхъ студентовъ.—Относительно студентовъ-женщинъ Р. говорилъ, что существуетъ большая разница между студентами до 1900 г. и послѣ. Прежнія, которыя сами себѣ пробивали путь, отличались значительно большей интеллигентностью, серьезностью и энергіей, чѣмъ послѣдующія. Изъ 19—13 закончили университетское образованіе; 4 изъ нихъ стали врачами и 2—докторами философіи. Теперь же изъ женщинъ проходятъ весь университетскій курсъ едва 12%. И на выпускныхъ экзаменахъ въ гимназіяхъ отмѣтки понизились вмѣстѣ съ увеличеннымъ числомъ абитуриентовъ. До 1900 г. вообще преобладала высшая отмѣтка—*laudatur*, въ 1890—91 г. было еще 55,6% „*laudatur*“ и только 7% „*approbatur*“ (самая низкая), но въ 1899—1900 г. было уже только 15% „*laudatur*“ и 41% „*approbatur*“. Болѣе

половины женщинъ прерываютъ свое ученіе, пройдя гимназію; другая половина, за исключеніемъ указанныхъ 12⁰/₀, мало-по-малу дѣлаетъ то же. Нѣтъ счастья, если студенческій экзаменъ для молодыхъ дѣвицъ представляетъ только модное дѣло. Аттестатъ покупается слишкомъ дорого и притомъ съ такимъ продолжительнымъ напряженіемъ и, можетъ быть, съ такимъ ослабленіемъ здоровья, которое остается на всю жизнь. А здоровье народа прежде всего требуетъ сильныхъ и здоровыхъ матерей. Вообще, выходить замужъ около 80⁰/₀ всѣхъ дѣвицъ, а въ Финляндіи, по Р., 85,5⁰/₀. Несправедливо, говорить Р., ради остающихся незамужними 15⁰/₀, остальные 85⁰/₀ отчуждать отъ ихъ будущаго призванія посредствомъ абстрактнаго ученія. Прекрасной цѣлью совмѣстнаго воспитанія было бы, по его мнѣнію, учрежденіе въ университетахъ особаго *женскаго* факультета, главными предметами на которомъ были бы гигиена, уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ, уходъ за больными, домашнее хозяйство, бухгалтерія...

Доклады Hertel'я и Palmberg'a вызвали оживленные пренія на засѣданіяхъ и не мало разговоровъ внѣ ихъ. Говорили и за, и противъ совмѣстнаго обученія, многіе лавировали между крайними мнѣніями, и большинство, кажется, пришло къ условному рѣшенію, поставивъ его въ зависимость отъ мѣстныхъ и временныхъ условій и обусловивъ совмѣстное обученіе извѣстными ограничительными мѣрами.

VII.

Школа до сихъ поръ обращала крайне мало вниманія на *родовое* начало и на связанное съ нимъ *половое влеченіе* у людей, хотя въ самомъ содержаніи школьнаго образованія и то, и другое занимали и занимаютъ очень видное мѣсто, представляя собою выдающійся элементъ въ классической миеологіи и изящной словесности. Съ другой стороны, сама жизнь постоянно наталкиваетъ на стоящія въ связи съ ними слова и дѣла. Предполагать, что все это не производитъ никакого вліянія на чувственную природу дѣтей, было бы крайней наивностью, а особенно теперь, когда и словесныя и изобразительныя искусства проявляютъ культъ полового влеченія (но не родового начала) съ особенной силой и ясностью. Д-ръ *H. Stanger* (учитель реальной школы въ Богеміи) въ секціи гигиеническаго образованія учителей и учениковъ говорилъ специально, какъ педагогъ, о „половомъ влеченіи внѣ и внутри школы“ (*Sexuelles in und ausserhalb der Schule*), сославшись на тотъ громаднй интересъ, который теперь этотъ вопросъ возбуждаетъ среди врачей и воспитателей, благодаря успѣхамъ естествознанія, женскому и разнымъ

соціальнымъ вопросамъ. Мало-по-малу замѣчается, что половой этический элементъ „сгущается“ въ области экономической и духовной. Извѣстная доля вины при этомъ падаетъ на современную учебную систему, при которой умственная сторона развивается на счетъ нравственной, умъ на счетъ воли. Наиболѣе неудовлетворительно влияние школы въ нравственно-половомъ отношеніи. Наше юношество не только свѣдуще въ этомъ отношеніи, но въ большинствѣ уже испорчено. Но оно не виновато, такъ какъ творить, не вѣдая и даже, по видимому, подъ давленіемъ нужды. Что же школа должна предпринять, чтобы просвѣтить своихъ питомцевъ въ данномъ отношеніи? Прежде всего нужно обратить вниманіе на указаніе медицины, что полная половая (собств. родовая) зрѣлость наступаетъ лишь послѣ 20-лѣтняго возраста. Къ этому должны быть прибавлены нравственные и религіозныя соображенія. Помощь въ этомъ дѣлѣ долженъ оказывать и родительскій домъ, уча, что цѣломудріе обуславливается воздержаніемъ. Школа хорошо бы сдѣлала, если бы зимой и лѣтомъ вела обязательныя игры и экскурсіи и занялась изслѣдованіемъ влияния школы на домашнее чтеніе и значенія въ воспитательномъ отношеніи танцевъ. Докладчикъ высказался, между прочимъ, за важное значеніе въ этомъ отношеніи эстетическаго развитія и противъ злоупотребленія театромъ. Для поднятія нравственнаго уровня юношества необходима, по его мнѣнію, помощь врачей и полиціи нравовъ, въ видѣ обязательнаго заявленія о секретныхъ болѣзняхъ, удаленія отъ школъ публичныхъ домовъ (sic!), запрещенія студентамъ жить въ одномъ домѣ съ проститутками (!), введенія особыхъ надзирателей за поведеніемъ учениковъ, извѣстной организаціи интернатовъ. Въ высшихъ (среднихъ?) школахъ должны быть устраиваемы чтенія по половой этикѣ и по половой педагогикѣ (?). Д-ръ Stanger, очевидно, не сказалъ ничего новаго и смотритъ на дѣло съ чисто внѣшней стороны, что не общаетъ никакого успѣха въ мѣропріятіяхъ. Въ секціи его, какъ и слѣдующій докладъ г-жи Forster, вызвалъ очень горячія, даже страстныя пренія.

Г-жа Forster, наиболѣе видный представитель женщинъ на конгрессѣ, говорила объ „ознакомленіи учащихся съ половой жизнью“ (sexuelle Aufklärung). Она выступила, какъ представительница „Нѣмецкаго женскаго общества“ (Deutscher Frauenverein) и Союза такихъ обществъ въ Германіи. Г-жа F. находитъ, что къ данному дѣлу необходимо привлечь матерей, ознакомленіе которыхъ съ половой жизнью въ научномъ и практическомъ отношеніи является настоятельной потребностью. Она находитъ, между прочимъ, необходимымъ ввести иначе построенное обученіе ботаникѣ, основанное на ученіи о клеткѣ. Чтобы матери могли принять надлежащее участіе въ дѣлѣ

„полового просвѣщенія“, г-жа Н. считаетъ очень желательнымъ совмѣстное обсужденіе этого дѣла ими вмѣстѣ съ учительницами и даже съ учителями. Признавая, что участіе женщинъ въ дѣлѣ школьной гигіены пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, она высказала въ заключеніе пожеланіе, чтобы „могли быть найдены пути и средства, которые бы облегчили женскимъ обществамъ, матерямъ и учительницамъ широкій доступъ въ школьно-гигіеническія общества всѣхъ культурныхъ странъ“. Это пожеланіе секція постановила передать въ общее бюро конгресса для внесенія въ общее собраніе, которое, конечно, его одобрило. Этимъ создается только, такъ сказать, вступленіе въ разъясненіе одновременно и глубокаго, и щекотливаго вопроса; но хорошо уже то, что онъ затронутъ и указаны нѣкоторые къ нему подходы, причемъ нельзя не согласиться, что болѣе всего школа можетъ надѣяться на успѣшную помощь со стороны семьи и особенно матерей.

VIII.

На конгрессѣ въ Нюрнбергѣ вопросъ объ *участіи семьи въ школьномъ дѣлѣ*, какъ и слѣдовало ожидать, былъ поднятъ женщинами. Выше указано на докладъ г-жи Forster по специальному вопросу о „половомъ просвѣщеніи“ съ помощью матерей. Кромѣ того, двѣ женщины—г-жа Krukenberg (предсѣд. рейнско-вестфальскаго союза женщинъ и членъ правленія „Всеобщаго нѣмецкаго женскаго общества“) и г-жа Sumper (учительница въ Мюнхенѣ) старались выяснитъ „значеніе школьно-гигіеническихъ стремленій для женщинъ и для семьи“.

Г-жа Krukenberg (Kreuznach) прежде всего указала на то, какъ съ одной стороны противоѣдствуетъ школьно-гигіеническимъ стремленіямъ непониманіе ихъ со стороны матерей, и какъ, съ другой стороны, остаются тщетными всѣ работы послѣднихъ при негигіенической постановкѣ школы. Чтобы поднять чувство ответственности въ матеряхъ, чтобы дать имъ возможность принимать участіе въ устройствѣ женскихъ школъ, г-жа Krukenberg, какъ представительница „всеобщаго нѣмецкаго женскаго общества“, требуетъ допущенія женщинъ въ общинное школьное управленіе, что подробно мотивировано въ предлагавшемся членамъ конгресса „Flugblatt des Allgemeinen Deutschen Frauenvereins“. Въ этомъ „летучемъ листкѣ“ разбираются слѣдующіе 4 вопроса: 1) Для чего нужны женщины въ общинномъ школьномъ совѣтѣ? 2) Какія возможности представляетъ современная организація школьнаго управленія для дѣятельнаго

участія въ нихъ женщинъ? 3) Что нужно сдѣлать, чтобы добиться участія женщинъ въ школьномъ управленіи? 4) Что должны знать женщины, которыя пожелаютъ участвовать въ школьномъ управленіи?

Отвѣтъ на *первый* вопросъ заключается въ томъ, что мужчины менѣе интересуются женскимъ воспитаніемъ, чѣмъ сами женщины, и потому для надлежащей постановки женскихъ школъ необходимо участіе въ этомъ дѣлѣ женщинъ. Кромѣ того, такъ какъ въ рукахъ женщинъ находится наибольшая часть домашняго воспитанія, онѣ являются болѣе подходящими представительницами родительскаго дома, чѣмъ мужчины. „Особенное знаніе дѣла и способность сужденія женщинъ во многихъ областяхъ, прежде всего въ дѣлѣ женскаго образованія, придадутъ, безъ сомнѣнія, громадное практическое значеніе заключеніямъ школьнаго управленія“.

По *второму* вопросу: а) Учительницы могутъ принимать участіе въ школьномъ управленіи въ качествѣ свѣдущихъ членовъ. б) Женщины могутъ быть въ послѣднемъ, какъ представительницы гражданства. в) Женщинамъ можетъ быть предоставленъ мѣстный надзоръ за опредѣленными частями школьнаго дѣла вообще.

Третій вопросъ связанъ съ расширеніемъ того, чѣмъ пользуются женщины въ школахъ теперь, въ качествѣ попечительницъ, учительницъ, надзирательницъ и пр.

По *четвертому* вопросу: Чтобы съ пользою принимать участіе въ дѣлахъ школьнаго управленія, женщины должны знать, во 1-хъ, законодательство по части просвѣщенія въ своей странѣ со всѣми относящимися къ нему мѣстными постановленіями и правилами, а во 2-хъ, должны быть знакомы со школьнымъ дѣломъ вообще и съ женскимъ въ особенности, съ его законодательной и дѣйствительной постановкой, съ новѣйшими движеніями въ области какъ образованія, особенно женскаго, такъ и школьной гігіены, обученія домашнему хозяйству и пр. Для ознакомленія со всей областью рекомендуется при этомъ „Handbuch der Frauenbewegung“, изд. Н. Lange и S. Bäumer (III часть).

Кромѣ участія женщинъ въ школьномъ управленіи, г-жа Крукенбергъ требуетъ, чтобы въ женскихъ школахъ и врачами были женщины, которыя вели бы въ то же время и преподаваніе гігіены, которая, однако, въ своемъ приложеніи къ жизни должна быть и заботой матерей.

Г-жа К. особенно настаивала на своевременномъ ознакомленіи specially съ дѣйствіемъ алкоголя не только юношей, но и дѣвицъ, которыя, какъ будущія матери, должны знать, что можетъ вредить ихъ дѣтямъ. При этомъ она высказалась за то, что учителя народ-

ныхъ школъ, вообще, серьезнѣе борятся съ злоупотребленіемъ алко-големъ, чѣмъ много разъ участвовавшіе въ студенческихъ попойкахъ академически образованные учителя. Соглашаясь съ принятымъ въ американскихъ школахъ методомъ, г-жа К. говорила, что въ данной области лучше предварительныя, чѣмъ послѣдующія заботы, и что дѣти рано должны научиться, какъ сохранять свое тѣло здоровымъ и чистымъ. Въ интересъ чистаго и благороднаго пониманія семьи, построенной на союзѣ, скрѣпленномъ любовью между мужчиной и женщиной, г-жа К. высказалась противъ всѣхъ попытокъ скрывать, какъ нѣчто неприличное, все здоровое и естественное во взаимномъ общеніи половъ и выбрасывать изъ учебнаго обихода, какъ дѣлають это нѣкоторые узкосердечные педагоги, самое слово „любовь“. „И юношамъ, и дѣвицамъ должно прививать убѣжденіе, что здоровье отдѣльныхъ людей имѣетъ громадное значеніе для поддержанія и улучшенія рода. Такимъ путемъ школьная гигиена можетъ повышать здоровье всего народа“.

Докладъ г-жи Krukenberg вызвалъ очень шумныя одобренія.

Г-жа *Sumper*, приступая къ обсужденію того же вопроса, прежде всего высказала положеніе, что между дѣятельностью жены и матери дома и работой учащихся въ школахъ должно быть постоянное живое взаимодействіе. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ остаются безплодными всѣ гигиеническія мѣры. Такое общеніе особенно необходимо между матерями и учительницами, почему „общества“ или „союзы“ тѣхъ и другихъ должны взаимно поддерживать другъ друга въ дѣлѣ ихъ стремленій и требованій. Однимъ изъ наиболѣе обоснованныхъ требованій является то, чтобы въ школьно-гигиеническихъ вопросахъ, какъ и вообще въ вопросахъ воспитанія дѣтей, а особенно дѣвочекъ, рядомъ съ совѣтами мужчинъ принимались во вниманіе и совѣты женщинъ. Веденіе обученія домашнему хозяйству находится въ рукахъ учительницы, почему и въ дѣлѣ организаціи самой школы женщинамъ и specially учительницамъ долженъ принадлежать голосъ, какъ членамъ завѣдующихъ этимъ дѣломъ корпорацій. Какъ и г-жа Krukenberg, г-жа S. требуетъ, чтобы въ женскихъ школахъ врачами были женщины. Въ народныхъ школахъ, въ низшихъ и среднихъ классахъ, гигиеническія указанія не слѣдуетъ выдѣлять изъ остальнаго обученія, а сообщать ихъ въ соответственныхъ случаяхъ при подходящихъ предметахъ, въ высшихъ же классахъ ученіе о чловѣкѣ должно составлять особенную часть естественно - научнаго обученія и заключать въ себѣ гигиену. Особенное вниманіе на послѣднюю должно обращать въ высшихъ женскихъ школахъ (*Fortbildungsschulen*), представляющихъ собою важныхъ носительницъ народной гигиены, въ которую входитъ и школьная гигиена. Эти школы

обнимаютъ возрастъ отъ 13 до 16 лѣтъ, слѣд., время, въ которое умъ и чувство (*Geist und Gemüth*) особенно воспріимчивы къ поучительному и воспитательному вліянію и въ которое закладываются пониманіе и интересы, необходимые для гигиенической дѣятельности женщинъ.

Изъ учебныхъ предметовъ въ данныхъ школахъ особенно нужно имѣть въ виду ученіе о домашнемъ хозяйствѣ, вмѣстѣ съ ученіемъ о здоровьѣ и воспитаніи дѣтей. Ученіе о здоровьѣ обнимаетъ дыханіе, питаніе, дѣятельность кожи, работу и попеченіе объ органахъ движенія, знакомить дѣвицъ съ питательнымъ достоинствомъ, порчей и сохраненіемъ пищевыхъ продуктовъ, учить ихъ, какъ приготовить вкусную, питательную и достаточную пищу для здоровыхъ и больныхъ, сообщаетъ имъ тѣ требованія, которыя предъявляются хорошей одеждѣ, здоровому жилью, и заканчиваетъ ознакомленіемъ съ уходомъ за больными и съ подачей первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.—Ученіе о воспитаніи дѣтей должно касаться и тѣлесной, и духовной стороны. Имѣя подобныя свѣдѣнія, дѣвицы потомъ легко могутъ извлекать пользу изъ чтеній и книгъ по гигиенѣ. „Эти дѣвицы—будущія жены и хозяйки; ихъ невѣжество, упрямство, суетворіе причиняютъ необозримое зло въ вопросахъ здоровья; драгоценныя приобрѣтенія гигиены дѣлаютъ бесполезными, тогда какъ правильное пониманіе съ ихъ стороны приноситъ много счастья. Что наши жены-матери усвоятъ, то будутъ защищать наши дѣти“.

Докладъ г-жи *Sumper* вызвалъ не менѣе шумное одобреніе, чѣмъ и докладъ г-жи *Krukenberg*. По поводу его директриса *M. Schwarz* (*Wien*) горячо высказалась противъ обремененія ученицъ *шутъемъ*, которое, при пользованіи въ настоящее время машинами, потеряло всякій смыслъ. А между тѣмъ, оно способствуетъ искривленію позвоночника и вызываетъ другія вредныя послѣдствія. Кромѣ того, она говорила и противъ пользованія маленькими дѣвочками при общественныхъ представленіяхъ и особенно противъ балетныхъ школъ, которыя, по ея мнѣнію, уничтожаютъ въ дѣтяхъ всякое нравственное чувство.

Къ тѣмъ же докладамъ и вызваннымъ ими заявленіямъ и преніямъ примыкаетъ докладъ д-ра *R. Flachs'a* (*Dresden*) „Гигиена одежды у учащагося женскаго юношества“. Докладъ этотъ сопровождался демонстраціями, предметы для которыхъ находились на выставкѣ. — Докладчикъ справедливо началъ съ того, что, несмотря на всю свою важность, гигиена одежды до сихъ поръ находитъ мало примѣненія въ жизни. По своему вредному вліянію и до сихъ поръ на первомъ планѣ стоитъ женскій *корсетъ*, который, къ сожалѣнію, начинаютъ надѣвать въ очень раннемъ возрастѣ и который *F.* назы-

ваетъ „Marterinstrument“. Въ высшихъ классахъ народныхъ школъ (въ Германіи) корсетъ носятъ около 20%, а въ высшихъ женскихъ школахъ болѣе 60% ученицъ. Вредное вліяніе корсета на развивающійся организмъ сказывается въ малокровіи, въ дурной постановкѣ тѣла, быстромъ утомленіи и разныхъ разстройствахъ общаго и полового развитія. Стѣсняя свободное развитіе тѣла, корсетъ несовмѣстимъ съ физическими упражненіями. Ученицы носятъ корсеты отчасти по неразумію своихъ матерей, отчасти по собственному тщеславію и, въ немалой степени, беря дурной примѣръ съ учительницъ. Лучше всего было бы совсѣмъ запретить употребленіе корсетовъ. Если это невозможно, то слѣдуетъ выяснять въ школахъ происходящій отъ нихъ вредъ и стараться о введеніи одежды, удовлетворяющей разумнымъ требованіямъ. — На двухъ моделяхъ д-ръ Г. демонстрировалъ образцы такой одежды, которой выгоды заключаются въ упрощеніи, въ уменьшеніи вѣса и въ равномерномъ распредѣленіи на плечи и на бедра. Главнѣе всего—цѣлесообразное нижнее одѣяніе, которое состоитъ, по модели д-ра Flachs'a (какъ и въ другихъ реформированныхъ костюмахъ) изъ мягкой безрукавки (Leibchen), къ которой помощью пуговицъ прикрѣпляется юбка-панталоны (Rockhose). Верхнее платье состоитъ изъ блузы и юбки, прикрѣпленныхъ также къ безрукавкѣ. При гимнастическихъ упражненіяхъ снимается только юбка (Rock), и гимнастическій костюмъ готовъ. При такомъ костюмѣ, конечно, должны быть свободные воротнички и цѣлесообразная обувь безъ подвязокъ. — Въ преніяхъ, по данному докладу, справедливо было указано, что успѣхъ борьбы противъ корсетовъ въ школахъ прежде всего зависитъ отъ родителей, а въ общежитіи — отъ болѣе или менѣе отрицательнаго отношенія къ модамъ, поддерживаемымъ ограниченнымъ кругомъ профессионалистовъ.

По вопросу объ участіи семьи въ надлежащей постановкѣ школьнаго дѣла на конгрессѣ въ Нюрнбергѣ не мало дебатировался также вопросъ и о такъ наз. *родительскихъ вечерахъ* и ихъ организаціи. Докладъ по этому вопросу былъ представленъ учителемъ Berninger'омъ (Wiesbaden). Поставивъ въ основу своего доклада положеніе, что возможно тѣсное общеніе семьи и школы является необходимымъ условіемъ надлежащаго хода и надлежащихъ успѣховъ школьнаго дѣла, В. въ современномъ недостаткѣ такого общенія винить прежде всего родителей (при германскихъ, конечно, условіяхъ), которые, внеся нужную плату и снабдивъ своихъ дѣтей нужными учебными пособіями, съ удивительнымъ равнодушіемъ все остальное предоставляютъ школѣ. Но не безъ вины и школа. Нѣкоторые учителя и органы надзора очень низко ставятъ значеніе „хода

школы и семьи рука въ руку“, а другіе опасаются, какъ бы притязанія родителей не зашли слишкомъ далеко... Многіе извѣстные педагоги, однако, ясно высказались за необходимость соглашенія семьи и школы. Для такого соглашенія или общенія въ нѣкоторыхъ городахъ ввели посѣщеніе школъ родителями, въ другихъ — родительскіе недѣли, дни, часы или особенные школьные праздники. Но все это очень мало достигаетъ цѣли, которая, по его отчету и наблюденію, ближе къ осуществленію при устройствѣ „родительскихъ вечеровъ“, которые въ Висбаденѣ практикуются съ 1892 г.

Срединнымъ пунктомъ этихъ „вечеровъ“ являются доклады по вопросамъ воспитанія и образованія. Эти доклады вызываютъ обыкновенно пренія, въ которыхъ свободно принимаютъ участіе учителя, родители, врачи, духовныя лица и пр. Въ число темъ для докладовъ входятъ и темы гигиеническія, излагаемыя обыкновенно свѣдущими людьми настолько убѣдительно, что никогда не вызываютъ возраженій. На этихъ „вечерахъ“ участвуютъ болѣе всего лица изъ городского и рабочаго класса населенія. Докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ принимали въ нихъ возможно большее участіе врачи, общественные дѣятели, члены учебныхъ управленій и совѣтовъ, архитекторы и пр., что, конечно, будетъ способствовать широкому ихъ распространенію и возрастанію ихъ значенія.

IX.

Кромѣ отношеній къ семьѣ на Нюрнбергскомъ конгрессѣ затронулись и отношенія къ обществу и народу. Такъ, д-ръ *Forster* (Nürnberg) говорилъ о „Народномъ образованіи и школьной гигиенѣ“, проф. *Hartmann* (Berlin) — о „Гигиеническомъ образованіи народа“ (посредствомъ школъ), проф. *Breitung* (Koburg) — о „Школѣ, какъ социально-политическомъ факторѣ“, д-ръ *Kapff* (Wertheim a. Main) — о „Нашемъ (нѣмецкомъ) воспитаніи въ свѣтѣ мировой политики“. Въ виду общаго значенія указанныхъ темъ, авторъ считаетъ не лишнимъ познакомить съ тѣмъ, какъ вообще онѣ трактовались нѣмцами съ ихъ точки зрѣнія, представляющей, конечно, большее или меньшее отличіе отъ нашей, русской.

Д-ръ *Forster*, соглашаясь вообще съ тѣмъ воззрѣніемъ, что школа служитъ для популяризаціи гигиеническихъ свѣдѣній и для распространенія ихъ въ массѣ населенія, говорилъ, что гигиеническое воспитаніе учениковъ обманчиво, если оно встрѣчаетъ противовѣсъ въ гигиеническомъ невѣжествѣ семьи и общества. А изъ этого слѣдуетъ, что должна существовать тѣсная связь между гигиеническимъ обра-

зованіемъ школьнаго юношества и таковымъ же образованіемъ всего народа. Это можетъ имѣть мѣсто только на почвѣ работъ и заботъ въ пользу народнаго просвѣщенія съ помощью „общества распространія народнаго просвѣщенія“, посредствомъ „союзовъ высшихъ народныхъ школъ“. Поднятіе уровня тѣлеснаго и душевнаго здоровья школьнаго юношества стоитъ въ полномъ противорѣчій съ образомъ жизни и со своеобразными взглядами на жизнь въ средѣ низшихъ слоевъ народа. И чѣмъ выше поднимаются требованія развивающейся гигиены, тѣмъ это противорѣчіе становится больше. А если эти требованія не признаются и не принимаются, то основанныя на нихъ правила теряютъ всякую силу. Поэтому не только школьному юношеству, но и ихъ воспитателямъ въ семьѣ и дома, а особенно наименѣе всего теперь знакомымъ съ гигиеной матерямъ, должно дать въ руки духовное орудіе, съ помощью котораго они могли бы принимать нужныя мѣры для здоровья дѣтей. На ряду съ гигиеническимъ воспитаніемъ школы посредствомъ школьныхъ врачей, нужно школьную гигиену популяризировать съ помощью всѣхъ органовъ и обществъ народнаго просвѣщенія, устраивая народные библіотеки и вводя ее въ курсъ высшихъ народныхъ училищъ. Только такимъ путемъ можно устранить антагонизмъ между школой и родительскимъ домомъ по отношенію къ гигиеническимъ требованіямъ. Для этого, между прочимъ, была бы очень полезна совмѣстная дѣятельность просвѣтительныхъ и гигиеническихъ обществъ. Но особенно должны стараться о гигиеническомъ просвѣщеніи народа въ городахъ и селахъ врачи. „Распространяя гигиеническое знаніе въ массѣ населенія, мы тѣмъ будемъ много способствовать и успѣхамъ собственно школьной гигиены. Въ результатѣ получатся непредвидѣнно благопріятныя послѣдствія въ областяхъ народнаго здоровья, народнаго благосостоянія и народной нравственности, такъ какъ большая сумма дремлющихъ въ народѣ силъ превратится въ творческія, и гигиеническое воспитаніе юношества и народа будутъ представлять одно гармоническое цѣлое“.

Проф. *Hartmann* указалъ прежде всего на то, что надежда ознакомить учителей съ гигиеной въ семинаріяхъ и университетахъ не оправдалась, такъ какъ, вслѣдствіе недостаточнаго участія, обученіе ихъ гигиенѣ прекратилось, по крайней мѣрѣ, въ университетахъ. Въ виду этого мало надежды на веденіе гигиеническаго образованія въ школахъ посредствомъ учителей, на которыхъ ссылались въ этомъ отношеніи до сихъ поръ (на конгрессѣ), не упоминая даже о школьныхъ врачахъ, которые въ дѣйствительности являются для даннаго дѣла наиболѣе подходящими людьми, какъ вслѣдствіе своего медицинско-гигиеническаго образованія, такъ и вслѣдствіе своего посто-

яннаго общенія съ учениками и ихъ родителями, а также съ учителями. Школьный врачъ въ состояніи способствовать гигиеническому воспитанію народа, во 1-хъ, непосредственнымъ наставленіемъ учащихся и ихъ родителей, а во 2 хъ, черезъ посредство учителей, давая совѣты и побуждая ихъ слѣдовать по отношенію къ проведенію гигиены въ школьную обстановку и школьную жизнь, читая лекціи въ собраніяхъ учителей и содѣйствуя дѣломъ и словомъ проведенію гигиеническихъ правилъ и указаній въ самое ихъ преподаваніе по его формѣ и содержанію. Чтобы поддержать и облегчить такую разностороннюю дѣятельность школьныхъ врачей, „Общество школьныхъ врачей“ въ Берлинѣ выработало тѣ основныя положенія гигиены, проведеніе которыхъ въ жизни наиболѣе важно и желательно, а также съ помощью городскихъ учреждений составило собраніе необходимыхъ при преподаваніи гигиены наглядныхъ пособій.

Основное положеніе д-ра *Breitung'a* заключается въ слѣдующемъ: „Если въ зависимости отъ времени мѣняются требованія, то должно сказать, что и школа требуетъ измѣненій въ духѣ времени, именно, необходимо, чтобы она содѣйствовала социальной реформѣ. Нужно требовать, чтобы школа знакомила съ основами страхованія на случай инвалидности и старости, на случай болѣзней и несчастій вообще, сопровождая это наглядными примѣрами. Только съ помощью школы можно достичь полного пониманія и личнаго содѣйствія въ дѣлѣ рѣшенія великихъ общественныхъ задачъ настоящаго и будущаго, особенно въ области общественной гигиены въ самомъ широкѣмъ ея смыслѣ“.

Д-ръ *Kapff*, руководитель „нѣмецкой національной школы“, еще болѣе, чѣмъ другіе докладчики, стоялъ на чисто нѣмецкой точкѣ зрѣнія. Онъ прежде всего сказалъ, что нѣмецкая школа отстаетъ отъ того громаднаго переворота въ хозяйственномъ и социальномъ отношеніи, какой переживаетъ Германія со времени основанія имперіи, а между тѣмъ, вслѣдствіе современной бюрократической постановки школьнаго дѣла, исключается всякая надежда на какой-либо педагогическій экспериментъ, да и внутреннія политическія отношенія не даютъ права рассчитывать на желательныя въ данномъ отношеніи реформы. „Поэтому всѣ друзья здраваго согласующагося съ гигиеной реформаторскаго движенія должны обратить свои взоры на новую педагогическую область, которая даетъ еще мѣсто новымъ идеямъ. Такую область представляетъ *колоніальная педагогика*. Подъ ней слѣдуетъ разумѣть то воспитательное обученіе, которое проводится въ 1.000 почти нѣмецкихъ школъ за предѣлами Германіи и въ ней самой, какъ, напр., въ національной школѣ въ Вертгеймѣ. Эти школы одновременно служатъ и успѣхамъ педагогики, и рас-

пространенію нѣмецкаго вліянія. Ясно, что люди, для которыхъ здоровье является наилучшимъ вооруженіемъ, должны быть воспитаны иначе, чѣмъ тѣ, которые ползутъ со ступеньки на ступеньку на основаніи привилегій и по системѣ выслуги лѣтъ. Само собою при этомъ является требованіе, чтобы одностороннее умственное образованіе было пополнено воспитаніемъ чувствъ и ловкостью рукъ. развитіемъ сильной воли въ здоровомъ тѣлѣ. Эти основанія должны быть проводимы въ жизнь въ центральномъ государственномъ учрежденіи, которое служило бы образцомъ для нѣмецкихъ заграничныхъ школъ и орудіемъ для нѣмецкой культурной политики, особенно въ заморскихъ странахъ. Начало сдѣлано въ Вертгеймѣ. Сдѣланные въ колоніальныхъ школахъ опыты могутъ затѣмъ оказать вліяніе и на всю нѣмецкую школьную систему, подготавливая мужчинъ и женщинъ, въ которыхъ, какъ представителей культурной и экономической міровой политики, очень нуждаются за предѣлами Германіи“.

Д-ръ Карфъ является типическимъ нѣмецкимъ Kulturträgerомъ стремящимся завоевать другія страны не оружіемъ, а внутренней культурной работой. Такое завоеваніе, конечно, наиболѣе устойчиво, что мы, русскіе, испытали и на самихъ себѣ. Было бы во всѣхъ отношеніяхъ выгодно и для насъ слѣдовать по стопамъ нашихъ бывшихъ учителей и гувернеровъ — тѣмъ болѣе, что у насъ областей, гдѣ можетъ быть примѣнена „колоніальная педагогика“ (вмѣсто „колоніальной политики“ или на ряду съ ней), очень много и въ границахъ государства.

Ир. Скворцовъ.

(Продолженіе будетъ).

Нервноеть дѣтей.

(Окончаніе).

Полная картина неврастеніи встрѣчается въ дѣтствѣ, какъ исключеніе; у дѣтей наблюдаются обыкновенно тотъ или другой отдѣльный нервный симптомъ или небольшая группа симптомовъ этого недуга.

Если начать съ психическихъ признаковъ неврастеніи, то главное обращаютъ на себя вниманіе ненормальности настроенія и ненормальности душевной реакціи. Первые обыкновенно зависятъ отъ послѣднихъ.

Душевная реакція бываетъ весьма разнообразна. Такъ, она бываетъ несоразмѣрно велика по силѣ: самое легкое раздраженіе вызываетъ сильнѣйшее ощущеніе. Эта раздражительность обнаруживается ранѣ всего и служитъ часто первымъ признакомъ болѣзни. Несравненно рѣже замѣчаются обратныя явленія, а именно, болѣзненная апатія и вялость.

Продолжительность душевной реакціи бываетъ иногда весьма велика: самое легкое раздраженіе вызываетъ надолго сильное ощущеніе, и обыкновенно крайне непріятное, нарушающее и душевное настроеніе ребенка.

Случается и такъ, что душевная реакція оказывается весьма рѣзкою, быстро мѣняется и завершается болѣе или менѣе гнетущимъ настроеніемъ. У дѣтей явленіе это весьма существенно: въ душѣ ребенка удовольствіе и неудовольствіе связаны весьма тѣсно, и настроенія могутъ мѣняться весьма быстро.

Наконецъ, душевная реакція отличается иногда извращенностью, парадоксальностью: такъ, впечатлѣнія, вызывающія у нормальнаго ребенка чувство удовольствія, у больного вызываютъ непріятное чувство и нарушаютъ душевное настроеніе. Замѣчается, напримѣръ, у ребенка вдругъ крайнее отвращеніе къ тѣмъ или другимъ цвѣтамъ, запахамъ, вкусамъ, которые нормальному ребенку кажутся безразличными или которые доставляютъ ему даже удовольствіе.

Къ только-что описаннымъ явленіямъ должны быть, кромѣ того, отнесены и нижеслѣдующія, коими яснѣ всего выражается болѣзненный характеръ душевной реакціи, а именно: смѣхъ и плачь, доходящіе до судорогъ, неистовый гнѣвъ, обморочное состояніе при сильныхъ чувственныхъ раздраженіяхъ (resp. душевныхъ волненіяхъ), появленіе крапивной сыпи или потрясающій ознобъ въ связи съ душевными волненіями или какъ слѣдствіе послѣднихъ.

Ненормальная раздражимость или несоотвѣтствіе между силою раздраженія и реакціею особенно рѣзко и наглядно обнаруживается въ пугливости или боязливости ребенка. Страхъ вообще чуждъ младенцу и проявляется обыкновенно тогда, когда у ребенка образуются уже понятія, когда начинается умственное развитіе. Страхъ можетъ доходить до того, что подъ вліяніемъ его ребенокъ не въ состояніи бываетъ произнести слова, пошевелить членами. Это уже прямо признакъ болѣзненности, крайней нервности.

Боязливость встрѣчается чаще другихъ симптомовъ у нервныхъ дѣтей и ранѣ всего обнаруживается у прирожденныхъ невропатовъ (т. е. субъектовъ, предрасположенныхъ къ нервнымъ заболѣваніямъ). Часто она замѣчается даже у грудныхъ младенцевъ, иногда въ первые дни по рожденіи. У нѣкоторыхъ такихъ дѣтей почти каждое новое впечатлѣніе, любой внезапный шумъ, любой незнакомый образъ, напримѣръ, первый разъ видимая лошадь, собака, новая игрушка и т. п., вызываютъ сильный испугъ или даже продолжительное гнетущее настроеніе.

Душевныхъ расстройствъ, появляющихся у субъектовъ нервныхъ и истеричныхъ, мы касаться не будемъ, но упомянемъ только объ одной группѣ припадковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „галлюцинаціональнаго бреда“, т. е., „скоропреходящаго душевнаго расстройства“, нерѣдко замѣчаемаго особенно у дѣтей истеричныхъ, сильно пугающаго окружающихъ и часто не распознаваемаго даже врачами. Ребенокъ, имъ пораженный, становится потеряннымъ, тревожнымъ, возбужденнымъ и можетъ доходить до неистовства. Обнаруживаются „обманы чувствъ и спутанность представленій и понятій“. Подобное состояніе длится $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа, а иногда и цѣлые часы, а то и дни. Оправившись, ребенокъ снова приходитъ въ себя и сохраняетъ большею частью смутное воспоминаніе о происшедшемъ. Случается, что такой ребенокъ сидитъ или лежитъ спокойно и плачетъ какъ бы въ просонкахъ, не обращая вниманія на слова окружающихъ. По разслѣдованіи дѣла оказывается, что припадокъ начался подъ вліяніемъ страшнаго сновидѣнія, и притомъ сновидѣнія, возникшаго не во время обыкновеннаго сна, а днемъ въ состояніи бодрствованія.

Изъ другихъ болѣзненныхъ явленій душевной жизни слѣдуетъ указать на ненормальное расположеніе къ лганью и болтовнѣ, явленіе, въ особенности свойственное дѣтямъ истеричнымъ. Далѣе. Невропатическое и психопатическое предрасположеніе можетъ уже въ раннемъ возрастѣ обнаруживаться въ видѣ припадковъ, связанныхъ съ пошлзновеніемъ ребенка къ бѣгству или блужданію и съ омраченіемъ сознанія. Разстройства эти могутъ имѣть весьма печальныя послѣдствія, тѣмъ болѣе, что патологическій ихъ характеръ болѣею частью остается долгое время неуловимымъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ характерномъ признакѣ нервности, который встрѣчается иногда въ первые годы посѣщенія школы: это—умственная утомляемость или истощаемость, т. е. то состояніе, при которомъ у учащагося наступаетъ чрезвычайно быстро усталость и обнаруживаются такіе признаки, какъ, напримѣръ, различныя тягостныя ощущенія, особенно тяжесть головы, слабость, полное отсутствіе вниманія и пытливости, блѣдность лица, судорожная зѣвота и т. п.

Въ самой тѣсной связи съ душевной жизнью находится сонъ. Хотя бессонница встрѣчается гораздо чаще при неврастеніи людей взрослыхъ, однако и у дѣтей она отнюдь не представляетъ рѣдкаго явленія. Въ юности неврастеническая бессонница уже совсемъ не рѣдкость и въ исключительныхъ случаяхъ доходитъ даже до такой степени, какую мы наблюдаемъ у взрослыхъ.

Встрѣчаются разнообразныя измѣненія въ характерѣ сна у нервныхъ дѣтей: весьма сильное безпокойство во снѣ, когда ребенокъ бросается съ боку на бокъ, судорожно корчится или вздрагиваетъ; чрезвычайно сильный и упорный бредъ со вскрикиваніемъ, плачемъ или пѣніемъ во снѣ, ночной испугъ; наконецъ, сомнамбулизмъ (лунатизмъ), составляющій уже признакъ невропатическій и никогда не встрѣчающійся у здоровыхъ дѣтей. Равно скрежетаніе зубами во снѣ бываетъ, повидимому, предпочтительно у дѣтей нервныхъ. Можно было бы кстати указать и еще на нѣкоторые признаки нервности, нарушающіе сонъ ребенка, какъ, напримѣръ, на ночное неудержаніе урины, кожный зудъ и зудящія сыпи (крапивница), но они имѣютъ болѣе интереса для врачей, нежели для публики.

За упомянутыми принадлежностями слѣдуютъ извѣстныя психическія ненормальности, свойственныя невропатическимъ или психопатическимъ субъектамъ, но встрѣчающіяся у совершенно здоровыхъ и даже высоко стоящихъ въ умственномъ отношеніи дѣтей. Таковы „фобіи“ *) и навязчивыя представленія.

Встрѣчаются „фобіи“, весьма близко подходящія къ идіосинкра-

*) Фобія—состояніе болѣзненнаго страха.

зіянь *) и съ трудомъ отъ нихъ различаемыя. Они бываютъ унаслѣдованныя или пріобрѣтенныя, развиваются подъ вліяніемъ сугвѣрій и мистики, и тогда можно сказать, есть ли въ нихъ и въ какой степени что либо патологическое. Таковы, напримѣръ, идіосинкразіи по отношенію къ разнымъ животнымъ (мышамъ, паукамъ, жабамъ, жукамъ, червямъ и т. п.). Наблюдаются онѣ, несомнѣнно, у совершенно здоровыхъ субъектовъ и передаются иногда отъ поколѣнія къ поколѣнію. У иныхъ нервныхъ дѣтей во время страха замѣчаются дрожаніе, поблѣднѣніе лица, рвота, даже судороги; случается, что явленія эти обнаруживаются даже при одной мысли о противномъ животномъ.

Особенно сильными непріятными ощущеніями сопровождаются идіосинкразіи пищевыя. Иные нервные субъекты, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ видѣнной ими однажды зарѣзанной птицы или заснувшей рыбы, не въ состояніи бываютъ ѣсть ни дичи, ни рыбы, ни чего либо къ нимъ относящагося.

Иныя фобіи у дѣтей бываютъ простымъ послѣдствіемъ воспитанія, какъ, напримѣръ, монофобія—страхъ одиночества, далѣе, боязнь темноты, грозы и пр. Встрѣчаются иногда и настоящія фобіи прямо патологическаго характера, напримѣръ, агорафобія или боязнь мѣста (боязнь перейти улицу, площадь), страхъ къ путешествію, страхъ при видѣ остроконечныхъ предметовъ, боязнь запачкаться чѣмъ либо грязнымъ, страсть поминутно умываться и пр. У нѣкоторыхъ дѣтей задолго до обнаруженія такихъ фобій замѣчаются рѣзко выраженныя особенности поведенія, какъ-то: шепетильная, прямо мучительная пунктуальность и страсть къ порядку, необычайная скупость, крайняя трусость.

Наблюдаются случаи, когда трудно бываетъ рѣшить, относятся ли они къ нормальнымъ или патологическимъ. Такъ напримѣръ, одна 10 лѣтняя дѣвочка испытывала необычайный страхъ, когда кто либо изъ близкихъ лицъ, особенно же мать или отецъ, уходилъ изъ дому. Она становилась у дверей или у окна, дрожа отъ страха и волненія, не будучи въ состояніи двинуться съ мѣста до возвращенія родителей. Недугъ этотъ все усиливался и дошелъ до того, что дѣвочка стала совершенно походить на помѣшанную; она поправилась лишь послѣ продолжительнаго лѣченія. Не менѣе интересенъ другой аналогическій случай. Одна дѣвочка лѣтъ пяти жестоко мучила мать тѣмъ, что не давала одѣвать себя. Стоило надѣть на нее сорочку, юбку, платице, какъ она приходила въ страшное

*) Идіосинкразія—состояніе отвращенія или пристрастія къ извѣстнымъ предметамъ или явленіямъ окружающаго міра.

волненіе и со слезами и крикомъ отбивалась отъ няньки. Если же, несмотря на то, ее все-таки заставляли одѣться, она впадала въ полное отчаяніе, стараясь рученками удержать сорочку и платье, какъ можно дальше отъ тѣла. Когда ее снова раздѣвали, она успокоивалась и приходила въ прежнее нормальное состояніе.

За упомянутыми нервными недугами слѣдуютъ разстройства двигательнаго, или психомоторнаго характера, которыя имѣютъ извѣстное сродство съ состояніями навязчивыхъ представленій, называемыми у французовъ *tic* или вообще „жестами“. Разстройства эти бываютъ легкія и тяжелыя, мѣстныя и общія, обыкновенно, у дѣтей невропатическихъ родителей. Окружающіе мало обращаютъ на нихъ вниманія, приписывая ихъ „дурнымъ привычкамъ“ или шалостямъ. Нѣмцы называютъ ихъ *Gewohnheitskrampf*, англичане *habitspasm*. Только, когда увѣщанія и наказанія не помогаютъ, обращаются къ врачу. Если врачъ опытенъ, то онъ пойметъ, въ чемъ дѣло; если же мало опытенъ, то можетъ и не распознать болѣзни. Ребенокъ энергичнымъ напряженіемъ воли можетъ подавлять болѣзненныя явленія на болѣе или менѣе долгое время и считается здоровымъ, а явленія эти обнаруживаются лишь въ то время, когда за нимъ не наблюдаютъ или когда у него не хватаетъ силъ сдерживаться. Судорожныя признаки бываютъ слѣдующіе: моргание глазами, тарашеніе рта, дерганіе головой, жестикулированье руками и ногами, щелканіе языкомъ, хрипѣнье, выкрикиваніе скверныхъ или даже непристойныхъ словъ. Если замѣчается у ребенка одно такое навязчивое движеніе, то въ связи съ нимъ поражается и цѣлая область мышцъ, а то и все тѣло. Часто разстройство это принимаютъ за витову пляску.

Обыкновенно считаютъ описанныя движенія привычкою; однако надо помнить, что лица, имѣющія такія привычки, въ большинствѣ случаевъ оказываются невропатами. У нихъ склонность къ подражанію бываетъ часто выражена весьма рѣзко; съ другой стороны, вначалѣ цѣлесообразныя и выразительныя движенія благодаря болѣзненной склонности къ повторенію легко становятся навязчивыми и въ концѣ концовъ совершенно не подчиняются вліянію воли.

Своевременное распознаваніе описанныхъ движеній въ высшей степени важно въ цѣляхъ предотвращенія дальнѣйшаго ихъ развитія. Избѣгать, впрочемъ, надо всякихъ мѣръ строгости и наказаній, такъ какъ, если къ судорожнымъ движеніямъ присоединится еще состояніе страха, то развитіе тика станетъ уже неизбѣжнымъ. Наконецъ, когда разстройство поражаетъ многія мышечныя группы, т. е. когда развивается такъ называемый *tic général*, то борются

съ нимъ безъ помощи врача-спеціалиста оказывается уже прямо немислимымъ.

Для педагоговъ описанныя разстройства представляютъ, кромѣ того, особенный интересъ потому, что они бываютъ обыкновенно связаны съ появленіемъ у учениковъ значительной разсѣянности и невнимательности, крайне пагубныхъ для умственныхъ занятій. Бываетъ и такъ, что разсѣянность беретъ перевѣсъ, и всѣ остальные признаки тѣка прямо ступеваются передъ нею и ускользаютъ отъ глазъ воспитателей. Вообще надо сказать, что разсѣянность въ дѣтскомъ возрастѣ весьма часто зависитъ отъ нервности и можетъ быть прямо отнесена къ самымъ раннимъ ея признакамъ.

На границѣ между такъ называемыми дурными привычками и тикомъ имѣется цѣлый рядъ разстройствъ, большею частью отличающихся невропатическимъ характеромъ. Таковы, напримѣръ, грызеніе ногтей, щипаніе волосъ, обрываніе кожи и т. п. Правда, привычки эти въ слабомъ видѣ замѣчаются и у здоровыхъ дѣтей, но только у нервныхъ онѣ оказываются непреодолимыми и ведутъ иногда къ весьма непріятнымъ обезображеніямъ и самопораненіямъ. Иные субъекты грызутъ, напримѣръ, ногти съ малыхъ лѣтъ, такъ что у нихъ не замѣтно бываетъ и слѣда ногтей: остаются какіе-то безобразные рубцы.

Утверждаютъ, что только-что описанныя дѣти отличаются наклонностью къ онанизму. Это подвержено сомнѣнію. Извѣстно одно, что у такихъ дѣтей означенныя привычки легко укореняются и становятся инстинктивными, и вотъ благодаря этому-то у нихъ можетъ развиваться, пожалуй, и предрасположеніе къ тайному пороку.

Описываемымъ нервнымъ дѣтямъ сродны въ извѣстномъ отношеніи дѣти, одержимыя *общимъ двигательнымъ беспокойствомъ*, общей тревожностью. Они, обыкновенно, не могутъ минуты посидѣть спокойно, находятся въ вѣчно тревожномъ состояніи и много доставляютъ заботъ родителямъ своимъ и учителямъ. Собственно говоря, беспокойство это большею частью психомоторнаго свойства, т. е. одержимыя имъ дѣти оказываются весьма живыми въ области мышленія и чувствованія, и психическіе процессы у нихъ легко переходятъ въ двигательные акты. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что подвижность вообще свойственна дѣтскому возрасту, что душевныя волненія въ послѣднемъ свободно и непринужденно принимаютъ участіе въ двигательной сферѣ и выражаются въ мышечныхъ сокращеніяхъ. Мимическія выразительныя движенія тутъ вполне обычны. Человѣкъ, какъ извѣстно, пріобрѣтаетъ способность

владѣть двигательнымъ своимъ аппаратомъ постепенно, благодаря воспитанію въ семьѣ и въ школѣ, наилучшимъ же образомъ на военной службѣ. Темпераментъ и раса играютъ тутъ тоже значительную роль.

Случаются у невропатическихъ субъектовъ и разнообразныя судорожныя явленія; но мы ихъ описывать не будемъ, такъ какъ для уясненія ихъ сущности и происхожденія требуется специальное знакомство съ медициной. То же можно сказать и о разстройствахъ рѣчи, которыя у дѣтей находятся въ тѣснѣйшей связи съ нервной системой и относятся къ важнымъ признакамъ прирожденной нервно-сти.

Вниманія родителей и педагоговъ заслуживаютъ, кромѣ указанныхъ нервныхъ явленій, различныя виды истерическаго и неврастеническаго дрожанія, каковое чаще замѣчается при первыхъ попыткахъ къ письму и каковое отличается значительнымъ упорствомъ. Оно въ особенности обнаруживается подъ вліяніемъ различныхъ душевныхъ волненій и наблюдается иногда изолированно у совершенно здоровыхъ субъектовъ.

Наряду съ упомянутыми двигательными явленіями рѣже встрѣчаются въ дѣтскомъ возрастѣ симптомы паралича. Правда, простая мышечная слабость и утомляемость служатъ обычными признаками дѣтской неврастени; однако онѣ рѣдко бываютъ рѣзко выраженными. Чаще случается, что ослабленіе касается не только работающихъ мышцъ, но и всего тѣла, и обнаруживается, кромѣ того, въ неспособности къ какой бы ни было умственной работѣ послѣ тѣлеснаго напряженія, въ полной потерѣ аппетита, въ судорожной зѣвотѣ, потрясающемъ ознобѣ, плачѣ и пр. Или же послѣ всякаго тѣлеснаго напряженія начинаются боли въ спинѣ и конечностяхъ, быстро прекращающія мышечную дѣятельность. Все, это обыкновенно, наблюдается у дѣвочекъ.

Вообще рѣзко выраженное параличическое состояніе не свойственно нервнымъ дѣтямъ, а если и встрѣчается у нихъ, то чаще всего у истеричныхъ. Такъ, напримѣръ, особенно часто бываетъ потеря голоса, которая требуетъ уже specialнаго лѣченія.

Обратимся теперь къ явленіямъ, которыя служатъ прямо характерными признаками нервно-сти и часто въ первые мѣсяцы дѣтства указываютъ уже на нервное предрасположеніе ребенка. Таковы явленія нарушенія волоснаго кровообращенія у нервныхъ дѣтей.

У иныхъ дѣтей нервно-сть обнаруживается исключительно или предпочтительно въ этихъ явленіяхъ; случается даже, что послѣднія имѣютъ наслѣдственный характеръ и встрѣчаются у многихъ членовъ одной и той же семьи.

Такіе субъекты обыкновенно съ малыхъ лѣтъ страдаютъ означенными расстройствами волоснаго кровообращенія. Такъ, весьма часто наблюдается чувство охлажденія рукъ и ногъ, при чемъ кожа на нихъ блѣднѣетъ и холоднѣетъ, а иногда и окрашивается въ синеватый цвѣтъ подѣ влияніемъ холода, а то и при высокой температурѣ наружнаго воздуха. Равнымъ образомъ у нихъ чрезвычайно легко и быстро мѣняется цвѣтъ лица. Они внезапно и сильно краснѣютъ, а румянецъ рѣзко смѣняется блѣдностью. Отъ этихъ перемѣнъ зависитъ и то, что лицо ребенка пухнетъ и округляется, а затѣмъ быстро блекнетъ и осовывается. Рѣже встрѣчается то, что называется „омертвѣніемъ пальцевъ“: вдругъ омертвѣваетъ и совершенно блѣднѣетъ кожа на одномъ или на нѣсколькихъ пальцахъ.

Такія дѣти часто весьма чувствительны къ кожнымъ раздраженіямъ, такъ что отъ давленія или укола на кожу у нихъ тотчасъ появляется рѣзкая краснота и крапивная сыпь. Вообще сыпь эта показывается у нихъ легко подѣ влияніемъ того или другого волненія или послѣ извѣстной пищи. При укусѣ наѣдомымъ кожа ихъ распухаетъ чрезвычайно сильно. Случается, что и безъ всякаго наружнаго раздраженія на томъ или другомъ мѣстѣ обнаруживается порядочная опухоль. Часто достаточно бываетъ ребенку подумать только о томъ, что у него зудитъ кожа или кусаетъ блоха, какъ появляется уже крапивная сыпь или опуханіе кожи. При такой ненормальной раздражимости сосудисто-нервной системы нерѣдко замѣчается обильное потѣніе на нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла или на всемъ тѣлѣ. Бываетъ иногда такое сильное отвращеніе отъ алкоголя, что отъ самаго ничтожнаго количества какого-нибудь соуса съ виномъ или пивного супа все лицо, особенно же слизистая оболочка горла и зѣва, рѣзко краснѣетъ и опухаетъ.

Наблюдаются и своеобразные случаи насморка съ чрезвычайно обильнымъ выдѣленіемъ свѣтлой водянистой влаги и непрерывнымъ чиханьемъ. Любопытно, что все это можетъ какъ внезапно начинаться, такъ и быстро исчезать безъ всякой видимой причины.

Случаются иногда головныя боли, мигрень и головокруженіе, нервное сердцебіеніе и неправильности въ ударахъ пульса. Довольно часто наблюдается и наклонность къ обморокамъ. Подобно другимъ симптомамъ обморокъ можетъ быть наслѣдственнымъ и переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію. При всякой боли, при каждомъ тяжеломъ впечатлѣніи, на примѣръ, при видѣ крови, отъ пребыванія въ дурномъ воздухѣ у нервныхъ дѣтей можетъ обнаружиться обморокъ, то легкій, то тяжелый, сопровождаемый полной потерей сознанія.

Неврастеническая головная боль отличается отъ обыкновенной тѣмъ, что ребенокъ уже при пробужденіи жалуется на сильное давящее ощущеніе на всемъ черепѣ. Оно усиливается въ школѣ и часто ослабѣваетъ лишь къ вечеру. Большею частью ребенокъ пасмуренъ и дурно настроенъ. Чаше оно бываетъ у переутомленныхъ учениковъ или у такихъ, которые вслѣдствіе большого честолюбія надрываются, или же у тѣхъ, которые душевно страдаютъ подъ школьнымъ гнетомъ.

Мигрень замѣчается почти всегда до 20 лѣтъ. Во время школьнаго возраста у малокровныхъ дѣтей часто бываютъ хроническія головныя боли, которыя, конечно, указываютъ на слабость нервной системы. Боли въ спинѣ, особенно при игрѣ на роялѣ или же при продолжительномъ сидѣніи, равнымъ образомъ служатъ признаками нервной слабости.

Упомянемъ еще объ одномъ явленіи—о нервной рвотѣ, появляющейся иногда отъ малѣйшаго раздраженія. Особенно типичной рвота эта бываетъ по утрамъ передъ уходомъ въ школу. Зависитъ она отнюдь не отъ страха къ школѣ и случается совсѣмъ не у однихъ только плохихъ учениковъ: это—чисто нервное возбужденіе неопредѣленнаго характера, весьма часто зависящее отъ такъ называемаго аффекта ожиданія—ожиданія отпращиванія въ школу. У многихъ дѣтей рвота бываетъ и отъ радостныхъ возбужденій, напримѣръ, отъ пріятнаго ожиданія поѣздки по желѣзной дорогѣ или катанья въ экипажѣ. Равнымъ образомъ рвота можетъ произойти и отъ быстрой мѣны мѣста, напримѣръ, отъ круженія на мѣстѣ, отъ качанья на качеляхъ, отъ сидѣнія въ ѣдущемъ вагонѣ лицомъ назадъ и т. п.

Кромѣ явленій двигательнаго характера у нервныхъ дѣтей встрѣчаются и симптомы нарушенной чувствительности и ненормальности въ органахъ внѣшнихъ чувствъ.

На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоятъ головная боль и мигрень. Первая головная боль обыкновенно замѣчается въ раннемъ дѣтствѣ, до поступленія ребенка въ школу. Въ невропатическомъ происхожденіи головныхъ болей сомнѣваться нечего; однако и такъ-называемая школьная головная боль представляетъ недугъ, поражающій предпочтительно предрасположенныхъ къ неврастеніи субъектовъ. Менѣе извѣстна нервная спинная боль, особенно часто бывающая у дѣвочекъ. Она обыкновенно зависитъ отъ чрезмѣрнаго сидѣнія въ согнутомъ положеніи (при письмѣ, рукодѣльяхъ и т. п.), хотя и коренится собственно въ нервномъ предрасположеніи.

Боли въ желудкѣ и въ животѣ, нерѣдко встрѣчаемыя у нервныхъ взрослыхъ людей, обнаруживаются подчасъ и въ дѣтскомъ

возрастѣ. При истеріи боли могутъ поражать у дѣтей любое мѣсто тѣла.

Большій интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи такъ-называемая гиперестезія или повышенная чувствительность. Возьмемъ сначала гиперестезію органовъ внѣшнихъ чувствъ. Наиболѣе важная и частая ея форма—чрезмѣрная чувствительность къ шумамъ, не наблюдается у дѣтей—часто, хотя, разъ появившись, оказывается столь же тягостной, какъ и у взрослыхъ. Оптическая чрезмѣрная чувствительность тоже относится къ симптомамъ дѣтской нервности и можетъ быть весьма разнообразной. Для примѣра возьмемъ хотя бы судорогу мышцъ вѣкъ.

Вышеописанный симптомъ нервной рвоты можетъ происходить и отъ чрезмѣрной воспріимчивости чувствъ, на примѣръ, отъ крайней воспріимчивости къ противнымъ ощущеніямъ обонанія и вкуса.

Гиперестезія, въ тѣсномъ смыслѣ, характеризуется тѣмъ, что одержимый ею субъектъ испытываетъ сильную боль отъ такихъ механическихъ раздраженій кожи и мягкихъ частей, которыя у здороваго человѣка не вызываютъ никакого непріятнаго ощущенія или самое незначительное. У иныхъ нервныхъ дѣтей кожа и мягкія части на всемъ тѣлѣ или на нѣкоторыхъ точкахъ, на примѣръ, на предплечіи, бываютъ крайне чувствительны. Весьма любопытное въ этомъ отношеніи явленіе представляетъ гиперестезія ногтей. Случается, что ребенокъ не можетъ безъ сильнѣйшей боли не только стричь, но чистить и даже трогать ногти. Наблюдается и гиперестезія волосъ головы. Извѣстны случаи такой чувствительности волосъ, что ребенокъ не можетъ не только причесываться, но даже осторожно касаться ихъ гребнемъ.

У нервныхъ дѣтей замѣчается нерѣдко и крайняя чувствительность къ холоду и жару.

Рѣже встрѣчаются случаи чувствительности пониженной. Такъ, на примѣръ, онѣмѣніе членовъ представляетъ иногда крайне тягостное явленіе. Правда, такое состояніе пониженія чувствительности не свойственно собственно юному возрасту; однако у дѣтей истерическихъ оно наблюдается въ весьма разнообразныхъ формахъ проявленія, хотя бы, на примѣръ, въ видѣ слѣпоты на одинъ или оба глаза, глухоты, притупленія чувствительности на той или другой сторонѣ тѣла. Особенно же часто замѣчается малая чувствительность у дѣтей слабоумныхъ, идіотовъ.

Къ нарушеніямъ кровообращенія и чувствительности слѣдуетъ отнести еще и расстройства питанія тѣла у нервныхъ дѣтей. Эти дѣти часто бываютъ весьма нѣжны, тощи и слабосильны, а кромѣ того, блѣдны и малокровны. Какъ болѣе рѣдкое явленіе, наблюдается

у нервныхъ субъектовъ и ожирѣніе, доходящее иногда до необычайно сильной степени. Нерѣдко случается выпаденіе волосъ, сѣдѣніе пучковъ ихъ на извѣстныхъ мѣстахъ на головѣ, хрупкость (ломкость) ногтей. У иныхъ субъектовъ появляются различныя сыпи на кожѣ, на примѣръ, крапивница, лишай, экзема.

Весьма часто развиваются у нервныхъ дѣтей и расстройства пищеварительнаго аппарата. Такъ, упорно длится иногда потеря аппетита, доводящая ребенка до истощенія и даже угрожающая опасностью его жизни. Обнаруживается отвращеніе къ извѣстнымъ пищевымъ продуктамъ: къ яйцамъ, молоку, маслу, мясу и т. д. до того, что употребленіе незначительнаго количества такого продукта можетъ вызывать болѣе или менѣе сильное расстройство пищеваренія. „Слабый желудокъ“, т. е. слабая дѣятельность пищеварительнаго органа, замѣчаемая у нервныхъ субъектовъ при неподходящей пищѣ, составляетъ часто особенность нервныхъ семей и тягостно сказывается съ первыхъ лѣтъ жизни ребенка. Случается и такъ, что ребенка беспокоитъ одинъ какой либо симптомъ описываемаго расстройства, какъ, на примѣръ, отрыжка, запоръ, поносъ.

Не остается безъ измѣненія и мочеполовая система.

Ночное недержаніе урины и гораздо рѣже наблюдаемое непроизвольное мочеиспусканіе днемъ представляютъ симптомы, весьма часто находящіеся въ связи съ неприрожденной нервностью. Нѣкоторыя нервныя дѣти, при всякомъ значительномъ возбужденіи, мараются подъ себя, между тѣмъ какъ соотвѣтствующія сжимательныя мышцы у нихъ обыкновенно работаютъ удовлетворительно.

Равнымъ образомъ нарушается у нервныхъ дѣтей подъ психическимъ вліяніемъ и дѣятельность мочевого пузыря. Такъ, иные невропатическіе субъекты не могутъ мочиться въ присутствіи постороннихъ лицъ; дѣло доходитъ до того, что при одной мысли о возможности быть замѣченнымъ или испуганнымъ во время мочеиспусканія, послѣднее прямо задерживается или приостанавливается. Наконецъ, нарушеніе это можетъ быть въ связи съ аффектомъ страха и обнаруживаться каждый разъ, когда ребенокъ ощущаетъ позывъ къ легкой нуждѣ въ закрытомъ мѣстѣ, на примѣръ, въ школѣ въ гостяхъ, въ публичномъ мѣстѣ.

Къ нервности же относятся и чрезмѣрно обильное выдѣленіе урины или рѣзкая смѣна скуднаго и значительнаго ея накопленія.

Что касается половой системы, то извѣстно, что у дѣтей нервныхъ родителей половое влеченіе обнаруживается часто чрезвычайно рано. Крайне неумѣренное увлеченіе онанизмомъ обыкновенно бываетъ у дѣтей нервныхъ и наслѣдственно слабоумныхъ, неуравновѣшенныхъ. Далѣе, вниманія заслуживаетъ то, что, по увѣ-

ренію людей взрослыхъ, половая извращенность часто беретъ начало въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Съ другой же стороны, не надо упускать изъ виду и того, что развитію нормальнаго полового влеченія предшествуетъ обыкновенно періодъ смутныхъ и даже превратныхъ половыхъ представленій и ощущеній даже у нормальныхъ отроковъ. Извѣстны случаи, что у нервныхъ молодыхъ людей при трудныхъ задачахъ, при аффектѣ страха отъ мысли не окончить въ свое время работы, не поспѣть къ поѣзду и проч. задолго до обнаруженія полового влеченія появляются эрекции и даже истеченіе сѣмени.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ одномъ тягостномъ симптомѣ, встрѣчающемся у нервныхъ дѣтей: о такъ-называемой астмѣ, которая, къ счастью, держится обыкновенно извѣстные годы и прекращается къ порѣ переходнаго возраста. У иныхъ астматиковъ наблюдаются всегда почти и другіе нервные симптомы.

Читателю, ознакомившемуся хорошо съ причинами и симптомами нервности, легко могутъ быть понятны и мѣры, какія предлагаются для борьбы съ нею, т. е. мѣры для предупрежденія ея появленія и предотвращенія дальнѣйшаго ея развитія у нервныхъ субъектовъ. Понять однако не значитъ еще сѣумѣть примѣнять; для этого, кромѣ знанія, нуженъ опытъ, нужны спеціальныя знанія. А такими владѣть исключительно врачъ, и притомъ врачъ, наблюдающій и изучающій природу дѣтей, дѣтей нервныхъ. Такимъ врачомъ оказывается главнымъ образомъ врачъ школьный.

Наиболѣе выраженною нервность является у отроковъ въ возрастѣ 9—14 лѣтъ, т. е. въ возрастѣ школьномъ, когда на организмъ юнаго учащагося падаетъ наиболѣе тяжкое бремя ученія и воспитанія. Для защиты этого учащагося необходимы со стороны воспитателя и школьнаго врача строго-научныя знанія гигиены и педагогики, и потому на этихъ спеціалистахъ и лежитъ главнымъ образомъ долгъ вести борьбу противъ дѣтской нервности.

Считая излишнимъ входить въ подробности гигиеническаго ухода за нервными дѣтьми и ихъ лѣченія, остановимся только на нѣсколькихъ существенныхъ совѣтахъ и указаніяхъ, заимствованныхъ нами изъ сочиненій лучшихъ современныхъ спеціалистовъ по вопросу о дѣтской нервности, какъ-то: профессора Оппенгейма (Берлинъ), Эрба (Гейдельбергъ), Гофмана (Дюссельдорфъ) и Комба (Лозанна) и докторовъ спеціалистовъ по нервнымъ болѣзнямъ Брунса (Галле) и Зенгера (Гамбургъ).

Главные мѣры противъ нервности, особенно въ пору дѣтства и отрочества, состоятъ въ установленіи правильнаго гигиеническаго

режима по отношенію ко всѣмъ отправленіямъ тѣла, т. е. къ питанію, движенію, кровообращенію, отдѣленіямъ и выдѣленіямъ.

Всѣмъ извѣстно, что закаливаніе тѣла и укрѣпленіе тѣлесныхъ силъ относится къ наиболѣе дѣйствительнымъ предохранительнымъ средствамъ къ борьбѣ его съ вредными вліяніями и представляетъ, въ особенности для нервной системы, сильное оборонительное орудіе. (Оппенгеймъ). Закаливаніе же достигается наилучшимъ образомъ при посредствѣ гігіены: удовлетворительнымъ питаніемъ, тѣлесными упражненіями и играми, наиболѣе продолжительнымъ пребываніемъ на чистомъ воздухѣ, по возможности, во всякую погоду, во всякое время года, правильнымъ соответственнымъ трудомъ, чередуемымъ съ достаточнымъ отдыхомъ и сномъ и т. п.

Касательно труда можно сказать, что высокое его значеніе для гігіены нервной системы основывается, во-первыхъ, на вызываемомъ имъ чувствѣ удовольствія, болѣе же на томъ обстоятельстве, что онъ приковываетъ вниманіе и тѣмъ самымъ противоdѣйствуетъ разнузданности фантазіи и столь губительному для нервной системы самосозерпанію (направленному на тѣлесные процессы и ощущенія самонаблюденія). Конечно, вліяніе это не подходитъ къ каждой работѣ въ одинаковой мѣрѣ. Но что, наоборотъ, ничегонедѣланье, праздноштанье готовятъ превосходную почву для нервности,—это фактъ, признанный всѣми нервными врачами.

Особенно хорошъ въ описываемомъ отношеніи трудъ въ видѣ шведскаго слойда или такихъ ремеслъ, какъ столярное, плотничное, токарное, переплетное, либо въ видѣ работъ на чистомъ воздухѣ, какъ, напримѣръ, работы садовыя, огородныя, полевые и т. д.

Къ искусствамъ нервнымъ субъектамъ слѣдуетъ относиться съ осторожностью или, точнѣе, съ умѣньемъ, сдержанностью.

Особенно слѣдуетъ предостерегать нервныхъ дѣтей отъ преждевременныхъ занятій музыкой. Дѣти способныхъ къ ней родителей часто не только наследуютъ эту склонность, но и предрасположеніе къ нервности. Если же у ребенка и замѣчается прямо отсутствіе склонности къ музыкѣ, то вынужденныя занятія музыкой становятся для него такой пыткой, что непосредственно ведутъ къ нервности.

Для многихъ нервныхъ дѣтей оказывается небезопаснымъ не только служеніе искусству, но и болѣе или менѣе раннее введеніе въ его міръ.

Великую заботу для родителей и воспитателей составляетъ воспитаніе тѣлесное и нравственное въ пору полового развитія. Опытъ говоритъ, что чѣмъ тверже воля, чѣмъ многостороннѣе интересы, чѣмъ богаче мышленіе, тѣмъ значительнѣе и способности сопроти-

влеченія всѣмъ соблазнамъ и поползновеніямъ полового влеченія. Средства эти однако лежатъ въ самой природѣ и въ жизненномъ режимѣ отрока или юноши; не лишенными значенія оказываются, впрочемъ, и мѣры, имѣющіяся въ распоряженіи родителей и воспитателей. Таковы: разумная бесѣда, совѣты и указанія науки и опыта, наблюденіе за поведеніемъ отрока, предоставленіе въ его пользованіе оздоровляющихъ и морализирующихъ занятій и развлеченій и т. д. Что касается бесѣдъ, то, по мнѣнію врачей, предпочтительнѣе учить воздержности и сохраненію цѣломудрія слишкомъ рано, нежели слишкомъ поздно. Это, впрочемъ, много зависитъ отъ такта воспитателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ природы и жизненной обстановки воспитываемаго. Во всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что несвоевременное увлеченіе половыми удовольствіями, въ особенности половыми аномаліями, отражаются гибельнымъ образомъ на организмѣ дѣтей, особенно нервныхъ.

Наряду съ гигиеническими мѣрами противъ нервнои дѣйствуютъ одинаково надежно и мѣры воспитательныя.

Центромъ тяжести всякаго воспитанія признается воспитаніе нравственное; это же слѣдуетъ имѣть въ виду въ особенности по отношенію къ воспитанію дѣтей нервныхъ.

Проф. Оппенгеймъ говоритъ: „Необходимо считаться съ индивидуальными наклонностями дѣтей. Встрѣчаются нервные субъекты съ такими аффективными движеніями, что съ ними ничего не можетъ подѣлать и воспитаніе. Въ такихъ случаяхъ лучшимъ средствомъ будетъ энергично направлять интересъ въ сторону конкретнаго, реальнаго и практическаго. Въ особенности же слѣдуетъ убивать въ корнѣ сантиментальность и строго стоять на томъ, чтобы у ребенка ясное, логичное мышленіе держало въ извѣстныхъ границахъ фантазію“.

Къ основнымъ принципамъ воспитанія относится требованіе, чтобы новыя впечатлѣнія были даваемы дѣтямъ въ свое время и соотвѣтственно ихъ возрасту. Только такимъ путемъ можно справляться со столь распространенной въ настоящее время развинченностью (Blasiertheit), этимъ величайшимъ врагомъ здоровья нервовъ. И наоборотъ, все, что ослабляетъ волю, что вызываетъ нѣжныя эмоціи, воспламеняетъ воображеніе, то нарушаетъ дѣятельность нервной системы, вредитъ нервному здоровью. Вотъ почему не слѣдуетъ дѣтей водить слишкомъ рано по галлереймъ и надо во всякомъ случаѣ отвлекать ихъ вниманіе отъ тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя преждевременно направляютъ фантазію на половую жизнь. Правда, въ виду того, что теперь на улицахъ и особенно на окнахъ магазиновъ имѣется такое множество

соблазна, посѣщеніе галлерей едва ли можетъ принести большій вредъ, чѣмъ картинная галлерей; тѣмъ не менѣе извѣстная предосторожность несомнѣнно пойдетъ только на пользу воспитываемыхъ дѣтей.

Слѣдуетъ быть осторожными и съ поэтическими произведеніями. Господствующій вкусъ въ литературѣ и искусствѣ—декадентскій; поэзія домовъ умалишенныхъ и больницъ, а, главное, вѣчно повторяемое возвеличеніе полового влеченія въ высокой степени затрудняютъ воспитаніе дѣтей.

Воспитывается характеръ молодыхъ людей главнымъ образомъ простотой и строгой ограниченностью въ жизненныхъ потребностяхъ. Въ этомъ отношеніи крайне вообще грѣшатъ въ настоящее время, и юное поколѣніе идетъ по дурнымъ слѣдамъ старшихъ.

По отношенію къ умственному воспитанію въ высшей степени важны правильное распредѣленіе занятій, отдыха и развлеченій и приспособленіе программы занятій и учебнаго матеріала къ умственнымъ силамъ и способностямъ учащихся. Въ крайнемъ случаѣ дѣлесообразно было бы откладывать время ученія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, нежели насиловать энергію ребенка и переутомлять его. Гордость, тщеславіе, сословные предразсудки родителей приносятъ часто много вреда дѣтямъ въ этомъ отношеніи и доводятъ ихъ до нервныхъ заболѣваній.

А. Виреніусъ.

Искусство въ жизни ребенка.

Передъ нами первый номеръ нѣмецкаго журнала „Kind und Kunst“ (Verlag A. Koch. Darmstadt), спеціальнаго органа, посвященнаго вопросу о значеніи искусства въ воспитаніи дѣтей. Въ послѣднее время все чаще говорятъ и пишутъ о необходимости поднять эстетическую сторону воспитанія, все настойчивѣе указываютъ на этическое облагораживающее воздѣйствіе искусства, видятъ въ немъ средство многому научить ребенка съ помощью прекрасныхъ формъ. Въ общемъ взгляды сводятся къ тому, что искусство не игра, а нѣчто серьезное, требующее вниманія наравнѣ съ наукой; нѣкоторые склонны видѣть въ немъ даже религіозное откровеніе, какъ-бы „молитву духа“... и т. д.

Съ болѣе интересной глубокой постановкой вопроса выступаетъ новый журналъ. Въ первой статьѣ его („Kunst und Spiel in ihrer erzieherischen Bedeutung“) проф. Ланге опредѣленно заявляетъ что ни познаванія, ни нравственнаго и религіознаго подъема не ждетъ онъ отъ искусства—а видитъ въ немъ безсознательную вольную игру чувства, возможность оторваться отъ реальной жизни, подняться надъ ней, и въ результатъ—достиженіе ничѣмъ незамѣнимой свободы духа. Эта свобода духа достигается взрослыми съ помощью искусства, дѣтьми—игрой. Современная эстетика мало обращаетъ вниманія на происхожденіе искусства изъ потребности играть, на которое указали еще Спенсеръ, Рескинъ, Гроосъ и др. Она забываетъ, что это—проявленіе одного и того же свойства души, и какъ въ искусствѣ, такъ и въ игрѣ мы не заботимся о цѣли и значеніи нашей дѣятельности, а лишь безсознательно стремимся къ такому состоянію души, при которомъ она перестаетъ страдать отъ жизни, какъ-бы сбрасывая съ себя на мигъ всѣ оковы. Это освобождающее дѣйствіе искусства можно противопоставить чувству насилія, долга, необходимости, которыя въ насъ постоянно вызываются жизнью.

Въ человѣкѣ заложена потребность господства надъ окружаю-

щимъ міромъ и свободы по отношенію къ себѣ, своимъ чувствамъ и аффектамъ; но есть лишь одна форма психическихъ переживаній, гдѣ эта потребность можетъ проявиться, не причиняя вреда другимъ; высшее и совершенное проявленіе ея—эстетическое, во сферѣ игры и искусства.

Многимъ кажется, что они обезцѣняютъ искусство, сравнивая его съ игрой, съ этимъ пустымъ и бессмысленнымъ времяпрепровожденіемъ.

Но почему-же игра бессмысленна?

Развѣ можно считать бессмысленной дѣятельность, которая наполняетъ всю жизнь ребенка, опредѣляетъ его отношеніе къ взрослымъ, занимаетъ всѣ его помыслы въ первый періодъ развитія? Можно-ли видѣть пустое развлеченіе въ томъ, что имѣетъ такое огромное значеніе для духовнаго роста, отнимаетъ столько энергіи и силъ!? Кто наблюдалъ за дѣтьми во время игры, знаетъ, что она для нихъ несомнѣнно болѣе жизненное серьезное призваніе, чѣмъ искусство для взрослыхъ, что она реальнѣе и необходимѣе имъ.

Нѣтъ границъ дѣтскому воображенію! Въ мигъ подушка превращается въ ребенка, котораго дѣвочка любовно укачиваетъ; самъ ребенокъ становится дикимъ рычащимъ звѣремъ, котораго надо бояться; диванъ обращается въ корабль, и спуститься съ него на полъ также страшно, какъ броситься за бортъ. Въ основѣ игры лежитъ подражаніе и способность къ иллюзіи.

Художественная иллюзія не есть настоящее заблужденіе; это одновременное развитіе двухъ представленій, изъ которыхъ, казалось-бы, одно исключаетъ другое. Но именно ихъ совмѣстная жизнь и даетъ ту свободу духа, то пареніе надъ предметами и сознаніе власти надъ ними, о которомъ говорено выше. Мы не даемъ чувству овладѣть собой, придавить насъ; мы не теряемъ самихъ себя и регулируемъ свое волненіе сознаніемъ, что творцомъ его является не слѣпая судьба, передъ которой мы безсильны, а мы сами—добровольные творцы своихъ эмоцій. Въ этой безграничной свободѣ духа и заключается радость творчества. Она состоитъ въ томъ, что созерцая трагедію, создавая игру, принимая на себя новую роль, изображая или представляя себѣ то, чего нѣтъ,—мы творчески воспроизводимъ это въ себѣ, приобщаемся къ вѣчному акту творчества, лежащему въ основѣ всего и свободно творящему радости и страданія. Свободныя страданія уже не есть страданія. Насъ обыкновенно страшитъ и заставляетъ сжиматься не самая мысль о чемъ-нибудь тяжеломъ, а рабская форма его.

Эту-то способность углублять и сглаживать по своему усмотрѣнію неудачныя линіи жизни и переносить въ высшую сферу самыя

ничтожныя будничныя явленія жизни и хотимъ мы дать дѣтямъ искусствомъ и игрой.

Искусство и игра есть восполненіе жизненныхъ пробѣловъ, недостающихъ, несовершенныхъ сторонъ дѣйствительности. Какъ дитя стремится пережить въ игрѣ то, чего оно еще не испытало въ жизни, предвкушая радости и горести взрослыхъ, такъ взрослые дополняютъ, украшаютъ одностороннюю блѣдную жизнь суррогатами чувствъ и представленій, которыя даетъ имъ искусство. Не будь искусства, много душевныхъ силъ, способностей и стремленій оставалось бы въ зачаточномъ состояніи, умирало-бы, задушенное, не найдя себѣ простора и примѣненія въ реальной обстановкѣ жизни.

Только съ помощью искусства человѣкъ можетъ стать всесторонне развитымъ, гармоничнымъ существомъ. Такова цѣль его въ высшемъ біологическомъ смыслѣ. Чуткая, разносторонняя художественная натура гораздо надежнѣе, нужнѣе для жизни, ей больше доступно, чѣмъ бессильному въ области творчества и вымысла трезвому прозаику, взрѣзъ котораго неотрывно прикованъ къ узкимъ рамкамъ дѣйствительности и не можетъ заглянуть дальше.

Но эта практическая польза ускользаетъ какъ отъ художника, такъ и отъ ребенка. Непосредственная цѣль того и другого—желаніе вызвать то крылатое играющее состояніе души, которое даетъ эстетическое наслажденіе и при которомъ такъ легко и радостно жить. А нужно это состояніе души для того, чтобъ противопоставить свою личность внѣшнему міру, устоять среди враждебныхъ силъ жизни, утвердить себя въ борьбѣ за существованіе.

Что же нужно дѣлать, чтобъ развить эту способность, чтобъ путь къ ней былъ легокъ, и она естественно и безпрепятственно овладѣвала душой? Не удерживать отъ игры, а поощрять къ ней, доставлять возможность чаще узнавать чувство свободы и власти надъ вещами! А что дѣлаетъ школа? Что дѣлаютъ родители въ этомъ направленіи?

Мы говоримъ не объ урокахъ рисованія, декламации, танцевъ, не о домашнихъ спектакляхъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка.

Но что дѣлаютъ взрослые, чтобъ зажечь и утвердить потребность въ игрѣ, въ свободной игрѣ фантазіи? Способствуютъ ли они развитію и сохраненію творческаго инстинкта?

Многіе родители до сихъ поръ видятъ въ игрѣ одну шалость, баловство и бездѣліе.

Съ поступленіемъ-же въ школу, отнимающую все время на ученіе и на приготовленіе уроковъ—неизмѣнно кончается періодъ произвольныхъ ирраціональных игръ. Скучные, утомленные, притихшіе отъ занятій дѣти не играютъ больше. Между тѣмъ можно

бы задаться вопросомъ: не приносить ли все ученье меньше пользы, чѣмъ прежняя вольная игра? Развѣ умственная и духовная свобода, господство надъ обстоятельствами и проявленіе своей личности менѣе важно, чѣмъ наука?

Въ настоящее время, дѣйствительно, въ школахъ начинаютъ удѣлять гораздо больше вниманія физическому развитію и общимъ играмъ дѣтей. Но между лаунъ-тенисомъ, foot-ball и всякимъ спортомъ, развивающимъ мускулы, и той творческой игрой, въ которую играютъ дѣти въ раннемъ возрастѣ,—мало общаго!

Нельзя сваливать всю вину на учителей и воспитателей: еще недостаточно проникло въ нихъ сознаніе важности этой стороны развитія, да и условія, въ которыхъ они находятся, не даютъ имъ свободы дѣйствій,—и имъ нелегко воспитать свободныхъ людей, когда они чувствуютъ самихъ себя въ зависимости.

Побольше легкости и довѣрія къ потребностямъ дѣтской души! Необходимо оставить на ряду съ ученіемъ законное мѣсто для игры—свободной, не предписанной, не заглушать, а лелѣять и въ школьное время это драгоценное свойство, чтобъ оно росло, крѣпло и прошло черезъ всю жизнь, поднимая человѣка надъ мелкими и тягостными условіями ея.

Намъ случается видѣть въ дѣтяхъ продолжительное подавленное состояніе, удрученную замкнутость,—приходится слышать и о томъ, что какой-нибудь гимназистъ покончилъ съ собой. Чѣмъ объяснить это ужасное явленіе?

Не кроется-ли главная причина его въ неспособности къ идеализаціи, помогающей претворять и расширять узкія нормы реального міра, осмысливая и одухотворяя самые недостатки его съ помощью красоты и гармоніи, которыя заложены въ нашей душѣ?

Вотъ въ общихъ чертахъ взгляды, высказанные въ боевой статьѣ журнала, взгляды, къ которымъ нельзя не отнести съ глубокимъ сочувствіемъ и вниманіемъ.

Значительный интересъ представляетъ статья, посвященная преподаванію словесности, въ которой указывается вредъ педантичнаго расчлененія, анатомированія художественнаго произведенія. Стремясь все подвести подъ извѣстную категорію, разбирая мысли и намѣренія, которыя были, или которыхъ не было у автора, преподаватели часто убиваютъ внутреннюю жизнь и красоту произведенія и отталкиваютъ учениковъ отъ него вмѣсто того, чтобъ привлечь.

Есть движенія души (и ихъ особенно много въ области эстетики), которыя воспринимаются только непосредственнымъ чувствомъ: переводя ихъ на понятія, желая выдѣлить чистую мысль изъ формы (entbilden), убиваютъ и то и другое. Давно уже признано въ

эстетикѣ, что поэтическій образъ ничего не означаетъ, кромѣ самого себя, и нѣтъ такого понятія, или идеи, которыя бы можно подставить подъ него.

Насколько полезны могутъ быть умѣлые чуткіе вопросы, направляющіе вниманіе ученика на существенныя черты произведенія, настолько охлаждающе дѣйствуетъ на нихъ искусственное дѣленіе его на элементы и настойчивое испытываніе, почему и за что оно нравится имъ.

Есть вещи, которыя достаточно прочесть выразительно, съ чувствомъ, чтобъ сѣмя красоты было заброшено въ душу дѣтей. Это—все, что надо.

Въ слѣдующей статьѣ указывается на роль, которую играютъ сказки въ жизни дѣтей. Дѣти—хранители нашего народнаго эпоса; благодаря имъ онъ живетъ, и онъ важенъ для нихъ не менѣе, чѣмъ исторія, мифологія и поэзія. Цѣль сказки—не поученіе, а тоже радостное чувство, являющееся слѣдствіемъ вольной игры фантазіи. Прелесть сказокъ—въ ихъ наивности, и не слѣдуетъ навязывать имъ моральное значеніе.

„Пусть даже многое въ сказкѣ будетъ не совсѣмъ понятно дѣтямъ,—писалъ Яковъ Гриммъ своему другу,—это не важно! Даже хорошо, если останется нѣчто возбуждавшее въ нихъ воображеніе и сохранившееся въ памяти, какъ загадка“.

Трудно найти книгу, въ которой содержаніе и форма были бы совершенно ясны дѣтямъ, если не давать имъ специально для нихъ написанныхъ книгъ.

А что можетъ быть безвкуснѣй и слащавѣй этихъ приспособленныхъ къ дѣтскому пониманію рассказовъ, гдѣ авторъ поддѣлывается подъ ихъ языкъ, и которые самимъ дѣтямъ кажутся такъ скучны. Какъ извѣстно, прекрасныя сказки Андерсена были написаны совсѣмъ не для дѣтей. То же подтверждаетъ и Гриммъ. „Я писалъ мои сказки для взрослыхъ,—говоритъ онъ,—и радъ, если и дѣтямъ онѣ доставляютъ удовольствіе. Но я никогда не могъ-бы такъ написать ихъ, если-бъ во мнѣ не было твердаго убѣжденія, что они для самыхъ серьезныхъ взрослыхъ людей представляютъ историческій и поэтическій интересъ и значеніе“.

Въ заключеніе упомянемъ о такъ называемыхъ дрезденскихъ игрушкахъ, нашедшихъ себѣ въ Германіи широкій сбытъ и изготовляемыхъ въ дрезденскихъ мастерскихъ ручного труда. Цѣль ихъ—отлить въ новую форму всѣ старыя, вѣчно любимыя дѣтьми предметы—домики, звѣрей, людей, руководясь идеей простоты линий, яркихъ красокъ и прочности. Въ послѣднее время въ изготовленіи игрушекъ достигнута высшая степень реальности и художествен-

ности. Но отъ ребенка ускользаетъ тонкость отдѣлки и близость къ природѣ, и мы часто видимъ, что онъ бросаетъ дорогую художественную игрушку, чтобы перенести всю любовь на грубо сдѣланную лошадь, которая, благодаря его воображенію, становится не менѣе жизненна и реальна.

Новыя игрушки строго стилизованны.

Всякія индивидуальныя, случайныя особенности отняты отъ предмета,—даны только главные, общія линіи, идея его.

Ребенокъ самъ (съ помощью фантазіи) дополняетъ ихъ, причемъ простота линій и несложность ихъ рисунка облегчаютъ ему возможность запомнить и самому изобразить на бумагѣ любимый предметъ.

Журналъ обильно снабженъ рисунками; указаніе атласовъ и таблицъ дополняетъ статьи.

А. Герцыкъ.

Къ дефектамъ средней школы.

(Записки учителя).

(Продолженіе).

О нѣкоторыхъ причинахъ малоуспѣшности преподаванія.

Въ литературѣ не разъ указывалось, что средняя школа даетъ своимъ абитуриентамъ слабыя и неустойчивыя знанія и даже выпускаетъ не малый процентъ недостаточно грамотныхъ молодыхъ людей. Винятъ въ этомъ болѣею частью школьныя программы; причемъ одни выставляютъ недостаткомъ этихъ программъ обширность предлагаемаго ими къ изученію учебнаго матеріала, другіе находятъ указываемыя ими для изученія знанія слишкомъ односторонними, недостаточными для образованнаго человѣка, третьи сѣтуютъ на неприменимость этихъ знаній къ жизни, на ихъ схоластичность и пр. Во всѣхъ этихъ указаніяхъ есть много вѣрнаго. Наши программы грѣшатъ всѣми этими недостатками, но объ этомъ уже много писали, много спорили и даже много предлагали проектовъ улучшенія учебныхъ плановъ. Въ настоящее время вопросъ объ измѣненіи учебныхъ программъ уже близокъ къ осуществленію. Будемъ надѣяться, что новыя учебныя планы нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ, если и не удовлетворятъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, интересующихся жизнью нашей средней школы, что и немислимо, то, по крайней мѣрѣ, значительно и во всѣхъ отношеніяхъ явятся обновленными къ лучшему. Этого требуютъ неотложные запросы жизни.

Въ этой главѣ я хочу сказать нѣсколько словъ о другихъ причинахъ, вредно вліяющихъ на успѣшность преподаванія въ нашей средней школѣ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ уже было много говорено въ литературѣ, а о другихъ или вовсе не упоминалось или говорилось только вскользь, между прочимъ.

Какъ извѣстно, всѣ директора и инспектора гимназій и реаль-

ныхъ училищъ обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ быть и преподавателями въ томъ учебномъ заведеніи, гдѣ они состоятъ на службѣ. Уроки многихъ, если не большинства директоровъ и инспекторовъ ведутся неисправно, кое-какъ. Подъ предлогомъ неотложныхъ специально директорскихъ или инспекторскихъ обязанностей, а иногда дѣйствительно вслѣдствіе этихъ обязанностей, уроки этихъ лицъ очень часто, какъ слѣдуетъ, не выполняются. Такъ, напримѣръ, продолжительность этихъ уроковъ обыкновенно много меньше назначеннаго для нихъ времени, а часто они и вовсе пропускаются. Инспекторскіе, а особенно директорскіе уроки очень часто начинаются спустя десять, двадцать и даже тридцать минутъ послѣ времени, указаннаго для начала и оканчиваются нерѣдко ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Случается, что директоръ и инспекторъ проговаряютъ между собою или съ родителями учениковъ, или съ почетными посѣтителями и иными лицами весь свой урокъ, до самаго звонка. Ученики же въ это время сидятъ въ классѣ безъ дѣла, подъ наблюденіемъ помощника классныхъ наставниковъ, выбивающагося обыкновенно изъ силъ, чтобы поддержать порядокъ и тишину среди толпы сидящихъ безъ дѣла и скучающихъ дѣтей и юношей. Не было бы пропуска начальническихъ уроковъ, было бы меньше наказано учениковъ за шалости, меньше бы теряли и воспитатели времени на бесполезное занятіе усмиренія естественнаго желанія дѣтей выдти изъ навязаннаго имъ бездѣйствія.

Наполовину или цѣликомъ пропущенные г.г. начальствующими лицами уроки, конечно, въ дневникѣ не записываются: это привилегія начальства—не дѣлать, но считаться какъ бы дѣлающими. Ревизоры же на инспекторскіе уроки особаго вниманія не обращаютъ, а на директорскіе и подавно. Получается полная безконтрольность. Пропуски уроковъ и сокращеніе продолжительности ихъ отзывается на знаніяхъ учениковъ очень неблагопріятно, что, конечно, замѣчается не на однихъ только предметахъ, преподаваемыхъ г.г. начальниками, но и на дальнѣйшихъ успѣхахъ учащихся въ послѣдующихъ классахъ, хотя бы ученики и перешли потомъ къ другимъ преподавателямъ. Кромѣ того, въ умахъ дѣтей и юношей составляетъ убѣжденіе, что всѣ инныя „дѣла“ важнѣе и выше ихъ уроковъ, что урокъ учителя при желаніи можно вполне замѣнить чтеніемъ учебника. Этимъ воспитывается въ учащихся привычка небрежно относиться къ класснымъ занятіямъ и вообще къ ученію, привычка смотрѣть на это дѣло, какъ на скучную необходимость, часто не имѣющую серьезнаго значенія. Неужели нельзя добиться добросовѣстнаго отношенія къ урокамъ со стороны начальствующихъ лицъ учебныхъ заведеній? Есть же директора и инспектора, не

манкирующіе уроками. Если это требованіе для многихъ является непосильнымъ, то нельзя-ли такихъ лицъ избавить отъ обременительнаго для нихъ труда преподаванія?

Отъ этого дѣла обученія несомнѣнно выиграло бы. Да и не къ лицу представителямъ власти какъ бы узаконять постояннымъ нарушеніемъ закона незаконность.

Примѣръ директоровъ и инспекторовъ поощряетъ къ небрежности склонныхъ недобросовѣстно относиться къ своему дѣлу преподавателей, тѣмъ болѣе, что манкировка и вообще поверхностное отношеніе къ своимъ учебнымъ занятіямъ довольно распространенное зло и въ рядахъ учителей нашей школы. Само собою разумѣется, что между преподавателями есть много не даромъ получающихъ жалованье и даже преданныхъ дѣлу людей, но о нихъ мнѣ говорить не приходится, такъ какъ цѣль моей статьи только указаніе дефектовъ средней школы.

Чаще всѣхъ манкируютъ своими занятіями и пропускаютъ уроки (кромѣ случаевъ дѣйствительной болѣзни) преподаватели, неравнодушные къ спиртнымъ напиткамъ или пострадавшіе духовно и тѣлесно отъ многолѣтняго злоупотребленія ими. Пропуски уроковъ послѣ праздниковъ, такъ называемое „понедѣльничанье“.—явленіе въ педагогическомъ мірѣ безызвѣстное.

Ученики иногда не безъ хитрости обращаются къ другимъ преподавателямъ или къ воспитателямъ съ замѣчаніемъ, что „въ понедѣльникъ у нихъ не будетъ такого то предмета, и ихъ классъ отпустятъ домой ранѣе“.

— Почему вы такъ думаете?—спрашиваетъ въ недоумѣніи воспитатель.

— Да у N. N., должно быть, квартира нездоровая: какъ посидитъ цѣлый день дома, такъ и захвораетъ. Послѣ праздника онъ часто бываетъ боленъ.

Одинъ окружной ревизоръ, желая намекнуть на то, что нѣкоторые преподаватели не всегда по уважительнымъ причинамъ пропускаютъ уроки, указавъ учителямъ N гимназіи на странное явленіе, а именно, что въ учебныхъ заведеніяхъ вообще, а въ N гимназіи въ особенности, большее число пропущенныхъ преподавателями уроковъ падаетъ на первые дни недѣли. Высчитывая процентъ пропущенныхъ преподавателями уроковъ, падающихъ на первую и вторую половину недѣли, г. ревизоръ упустилъ изъ виду, что и во второй половинѣ недѣли бываютъ праздники церковные и семейные.

Если бы онъ сравнивалъ число пропущенныхъ уроковъ въ дни вообще послѣпраздничные и остальные дни недѣли, то выводъ былъ бы интереснѣе, и ненормальность явленія выяснилась бы рельефнѣе.

„Понедѣльничанье“ преимущественно встрѣчается въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ директоръ мироволитъ преподавателямъ по своему или своего характера или же по личнымъ симпатіямъ и дружбѣ къ нѣкоторымъ изъ преподавателей.

Такъ, въ одномъ реальномъ училищѣ покровительствуемый директоромъ преподаватель, въ теченіе пяти лѣтъ, послѣ праздниковъ рѣдко являлся въ училище, такъ что далъ послѣпраздничныхъ уроковъ много меньше, чѣмъ пропустилъ ихъ.

Въ одной же гимназіи инспектирующій преподаватель систематически понедѣльничалъ, но такъ какъ онъ, по выраженію, принятому въ учебномъ мірѣ, „имѣлъ руку въ округѣ“, то директоръ не смѣлъ принимать противъ этого безобразія никакихъ мѣръ.

Въ вѣдомостяхъ о пропущенныхъ преподавателями урокахъ, представляемыхъ въ округъ, почти всегда значится, что причина пропуска уроковъ была „болѣзнь“, или что преподаватель былъ уволенъ „по семейнымъ обстоятельствамъ“, съ разрѣшенія начальства.

Есть еще могущественныя причины недобросовѣстнаго веденія преподавателями классныхъ занятій,—причины, порожденныя бюрократизмомъ, царствующимъ много лѣтъ въ учебномъ мірѣ: это лѣнь и отвращеніе учителя къ своему дѣлу.

Зло это чрезвычайно распространенное явленіе въ средней школѣ, и отъ него учебное дѣло страдаетъ гораздо больше, чѣмъ отъ „понедѣльничанья“. Такое живое дѣло, какъ учебное, требуетъ людей живыхъ, интересующихся своими занятіями, и не можетъ идти успѣшно, когда находится въ рукахъ чиновниковъ съ атрофированной циркулярами энергіей.

Въ настоящее время въ школѣ есть значительный процентъ педагоговъ, занятія которыхъ приносятъ мало пользы учащимся, а самимъ учителямъ доставляютъ лишь мученіе, вслѣдствіе того, что дѣло имъ опротивѣло.

— Охъ, завтра опять на фабрику! — говоритъ въ праздничный день, тяжело вздыхая, одинъ учитель другому.

— Да, опять приниматься за канитель! — отвѣчаетъ товарищъ.

Какихъ только способовъ ни придумываютъ несчастные мученики-педагоги, чтобы какъ нибудь сократить отвратительныя для нихъ занятія съ учениками.

Одинъ преподаватель иностраннаго языка значительную часть своихъ уроковъ посвящаетъ веденію какихъ-то не то бухгалтерскихъ, не то хозяйственныхъ книгъ, а ученикамъ въ это время даетъ „самостоятельную письменную работу“. Идя въ классъ, онъ всячески старается, хоть на десять минутъ, сократить урокъ: если классъ, въ которомъ ему приходится заниматься, находится близко отъ учи-

тельской комнаты, то педагогъ совершаетъ „кругосвѣтное путешествіе“, т. е. идетъ на урокъ дальними корридорами; или онъ сознательно не захватитъ съ собой класснаго журнала, чтобы, дойдя до класса, притворно замѣтить свою ошибку и имѣть удовольствіе поротиться за журналомъ обратно въ учительскую комнату. Знанія его учениковъ ниже всякой критики. Знаютъ только тѣ ученики, которые занимаются съ репетиторами и гувернерами. Ревизоры проводятся самымъ беззащитнымъ школьнымъ образомъ, при чемъ у преподавателя съ учениками устраивается стачка.

Вотъ заслуженный преподаватель математики, наострившійся такъ ловко сокращать свои уроки, незамѣтно для грознаго директора, что ухитряется подъ благовиднымъ предлогомъ въ теченіе десяти лѣтъ опаздывать на каждый урокъ на десять, на пятнадцать и болѣе минутъ. То онъ найдетъ необходимымъ обратиться съ какимъ-нибудь неотложнымъ вопросомъ къ директору или надзирателю, то гдѣ-нибудь въ корридорѣ остановить сторожа и спросить его о чемъ-нибудь, а придя въ классъ употребляетъ нѣсколько минутъ на отмѣчаніе и переключку учениковъ, чтобы опредѣлить отсутствующихъ, а затѣмъ основательно поговорить съ учениками о причинѣ отсутствія ихъ товарищей, при этомъ не преминетъ въ сотый разъ сказать ученикамъ о важномъ значеніи правильного посѣщенія уроковъ.

Сокративши, такимъ образомъ, урокъ до 30 минутъ, „заслуженный преподаватель“ и эти 30 минутъ ухитряется израсходовать въ значительной долѣ не на занятія своимъ дѣломъ. То онъ бесѣдуетъ съ учениками по поводу замѣченного имъ пятна на стѣнѣ, то о неблагоприятномъ барометрическомъ давленіи, скверно отзывающемся на его энергіи, то ведетъ разговоръ о лучшихъ способахъ и наиболѣе благоприятныхъ моментахъ рыбной ловли. Спрашиваетъ учениковъ рѣдко, объясняетъ урокъ еще рѣже. Для средняго вывода отмѣтокъ за учебную четверть даетъ ученикамъ общую, одинъ или два раза въ срокъ, классную письменную работу.

Часто сему заслуженному педагогу бываетъ лѣнь даже разговаривать съ учениками о постороннихъ матеріяхъ, и тогда онъ, входя въ классъ, объявляетъ: „Сегодня сдѣлайте примѣрчикъ“.

Потомъ садится, вызываетъ къ доскѣ ученика и диктуетъ какую-нибудь задачку изъ алгебры. Ученики рѣшаютъ ее на листочкахъ, которые по окончаніи урока передаются преподавателю, а затѣмъ куда-то безслѣдно дѣваются.

Во время работы учениковъ надъ „примѣрчикомъ“ наставникъ молча сидитъ и меланхолически куда-то смотритъ, постукивая пальцами по каюедрѣ.

Этотъ господинъ уроковъ въ старшихъ классахъ не любитъ, а занимается почти исключительно въ младшихъ. Знанія учениковъ по его предмету очень слабыя; программа за годъ, какъ слѣдуетъ, имъ не выполняется; многіе его ученики имѣютъ репетиторовъ. Сынъ мой, учившійся въ VI классъ реального училища и переходившій съ наградой, вынужденъ былъ, для пополненія недостатковъ въ своихъ знаніяхъ по математикѣ, скопившихся за 3 года, заниматься 2 мѣсяца съ репетиторомъ. Но сынъ мой имѣлъ хорошія способности, а многіе ученики этого преподавателя обзаводились репетиторами послѣ первой четверти и шли съ ними до конца года.

Вотъ учитель русскаго языка и словесности, уже рѣшительно ничего не дѣлающій. Его уроки обыкновенно протекали такъ. Предъ приходомъ учителя ученики клали на каедрѣ одну или двѣ книги, взятыя ими для чтенія изъ ученической библіотеки. Преподаватель, входя въ классъ, садился на каедрѣ и немедленно заставлялъ одного, рѣдко двухъ учениковъ, рассказать заданный урокъ, а затѣмъ, смотря по качеству отвѣта, или задавалъ ученикамъ повторить старый урокъ, или прочитывалъ по учебнику далѣе и назначалъ прочитанное выучить къ слѣдующему уроку. Все это продолжалось не болѣе 10—15 минутъ. Исполнивъ эти трудныя педагогическія обязанности, учитель бралъ съ каедрѣ одну изъ приготовленныхъ учениками книгъ и начиналъ читать вслухъ. Онъ читалъ очень хорошо, но только ученики большею частью его не слушали, да и лекторъ, повидимому, читалъ болѣе для себя, чѣмъ для учениковъ. Ученики погружались въ свои занятія: одни мирно разговаривали, другіе играли въ щелчки, третьи готовили уроки по другимъ предметамъ. А учитель все читалъ и читалъ. Книги для этого готовились, какія попало: соч. Майнъ-Рида, Купера, Тургенева, Загоскина, Ливанова, Скитальца, М. Горькаго, и преподаватель читалъ ихъ безъ выбора и всегда съ большимъ увлеченіемъ. Диктовки и сочиненія, иногда предлагавшіяся ученикамъ, преподавателемъ никогда не прочитывались и не возвращались. Исключеніе дѣлалось для одной изъ письменныхъ работъ за первую и третью четверти учебнаго года. Отмѣтки, полученныя за эти двѣ работы, ставились ученикамъ за всѣ четверти учебнаго года, и изъ нихъ же выводилась годовая отмѣтка.

Ученикъ Т. былъ спрошенъ учителемъ во II классѣ, а затѣмъ до окончанія курса его болѣе не спрашивали и всегда выводили въ табель по русскому языку пять. Большинство учениковъ спрашивалось этимъ учителемъ не болѣе трехъ-четырехъ разъ въ годъ; были и такіе ученики, знанія которыхъ учитель провѣрялъ не болѣе одного, двухъ разъ за весь учебный годъ.

Я однажды спросилъ ученика VI класса П.

— Почему вы не пишете заданнаго вамъ сочиненія?

— Не стоитъ: все равно не узнаешь, хорошо или плохо написано. Вѣдь, онъ не будетъ просматривать и работу не возвратитъ.

— Но преподаватель можетъ взыскать съ васъ, если вы не подадите?

— Я ему скажу, что подалъ, когда онъ стоялъ въ корридорѣ.

— На самомъ дѣлѣ не подавая?

— Да.

Черезъ нѣсколько дней преподаватель спросилъ П. почему онъ не подалъ сочиненія. П. отвѣтилъ ему, какъ предполагалъ отвѣтить раньше. Въ концѣ четверти, выставляя отмѣтки, поставилъ П. за неподанное сочиненіе три. Ревизіи у этого преподавателя сходили всегда удовлетворительно, что зависѣло отчасти оттого, что многіе изъ учениковъ занимались съ репетиторами, а частью отъ способа окружныхъ ревизій, имѣвшихъ, большею частью, самый поверхностный характеръ. Но указанные мною преподаватели математики и русскаго языка не исключительное явленіе: они только наиболѣе типичные представители педагоговъ-лѣнтыевъ, питающихъ отвращеніе къ своимъ педагогическимъ обязанностямъ. Подобныхъ господъ не мало въ средней школѣ. Вотъ преподаватель естествовѣдѣнія, большую часть своихъ уроковъ читающій ученикамъ какую-нибудь книжку. Вотъ преподаватели исторіи и географіи, много уже лѣтъ не пользующіеся никакими учебными пособиями, кромѣ географическихъ картъ. Выписанныя ими много лѣтъ назадъ наглядныя пособия лежатъ и стоятъ въ шкафахъ подъ замкомъ, покрытыя пылью. Вотъ учитель физики, получающій за приготовленіе опытовъ особое вознагражденіе, но преподающій физику по книжкѣ, не сопровождая уроки опытами или показывая ихъ только разъ пять-шесть въ годъ. Вотъ учитель ариеметики, которому тяжело даже предварительно провѣрить задаваемые дѣтямъ на домъ задачи; вслѣдствіе этого учащіеся иногда употребляютъ много времени, стараясь напрасно добиться правильнаго отвѣта, такъ какъ въ задачахъ встрѣчаются опечатки.

Отвращеніемъ же къ дѣлу объясняется стремленіе преподавателей, замѣчаемое во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ можно дольше, протянуть перемѣну и чрезъ то сократить урокъ. По временамъ директорамъ приходится напоминать гг. преподавателямъ, что звонокъ былъ уже пять или десять минутъ назадъ. При строгихъ директорахъ и ревизорахъ преподаватели на уроки не опаздываютъ и тотчасъ по звонку идутъ въ классы. Но при первой возможности въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ перемѣны увеличи-

ваются значительно на счетъ классныхъ занятій, и учительская комната обращается въ клубъ, гдѣ идетъ оживленная бесѣда по поводу разныхъ интересныхъ событій. Говорятъ, что NN при такихъ то картахъ остался безъ пяти; рассказываются пикантные анекдоты, и о томъ, что въ клубѣ было между двумя членами столкновение.

Апатіей преподавателей и ихъ безправнымъ положеніемъ въ школѣ можно объяснить и отсутствіе въ дѣлѣ преподаванія солидарности и общности между учителями.

Члены инспекціи смотрятъ сквозь пальцы на то, какъ ученики обманываютъ преподавателей и подаютъ имъ чужія работы за свои, отвѣчаютъ въ классѣ по книгѣ, списываютъ задачи у товарищей и тому подобное.

Преподаватели въ свою очередь, зная, что ученикъ такого-то класса часто напивается, проводить время за картами и проч., не сообщаютъ объ этомъ инспекціи.

Учитель математики не обращаетъ вниманія на поразительныя орфографическія ошибки ученика въ письменной работѣ по математикѣ и проч.

Отсутствіе спеціальной педагогической подготовки большинства преподавателей средней школы является также одной изъ видныхъ причинъ малоуспѣшности преподаванія. Вслѣдствіе этой причины одни преподаватели въ первые годы своей службы допускаютъ разныя дидактическіе и методическіе промахи, а другіе, страдающіе самомнѣніемъ и ничего не читающіе, остаются на всю жизнь людьми невѣжественными въ педагогическомъ отношеніи. При этомъ необходимо замѣтить, что значительное большинство преподавателей почти ничего не читаютъ по общей литературѣ и по своему умственному развитію стоятъ очень не высоко. Преподаватели новыхъ языковъ нерѣдко даже плохо владѣютъ русскимъ языкомъ. Одинъ, напримеръ, учитель нѣмецкаго языка, получившій образованіе въ Юрьевскомъ университетѣ, такъ записалъ въ журналъ проступокъ ученика: „съ раздающимъ звонкомъ выпрыгаль изъ парты“,—при такомъ знаніи русскаго языка нельзя, конечно, ждать большихъ успѣховъ и по иностранному языку.

Есть значительный процентъ учителей, знающихъ свой предметъ, очень старательныхъ, но рѣшительно неспособныхъ къ педагогической дѣятельности. Многіе изъ учителей не могутъ даже поддерживать дисциплину въ своемъ классѣ; такіе преподаватели подвергаются со стороны учениковъ всевозможнымъ оскорбленіямъ, въ нихъ бросаютъ мѣломъ, огурцами, разными объѣдками; ученики кричатъ на нихъ, производятъ въ классѣ шумъ, ходятъ по классу и

т. п. Болѣе подробно о взаимныхъ отношеніяхъ преподавателей я буду говорить дальше, при разсмотрѣніи вопроса о постановкѣ нравственнаго воспитанія.

Понятно, что въ нашей средней школѣ, гдѣ процентъ апатичныхъ, питающихъ отвращеніе къ своему дѣлу и неумѣлыхъ „педагоговъ“ очень значителенъ, дѣло идетъ незавидно. Недавно группа петербургскихъ педагоговъ пересмотрѣла въ архивѣ студенческой канцеляріи одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній свыше 10.000 прошеній, запросовъ, автобіографическихъ замѣтокъ и другихъ бумагъ, написанныхъ воспитанниками выпускныхъ классовъ среднихъ школъ.

Результаты этой работы очень характерны: оказалось, что 27% всего числа просмотрѣнныхъ бумагъ не лишены грубыхъ орфографическихъ ошибокъ: половина авторовъ грѣшитъ противъ элементарныхъ правилъ разстановки знаковъ препинанія, и болѣе половины (!) обнаруживаютъ непростительное неумѣніе выражать свои мысли съ достаточной ясностью и опредѣленностью.

Но если бы подобныя изслѣдованія касались и другихъ сторонъ умственнаго развитія учениковъ и вообще ихъ знаній, то можно было бы навѣрняка сказать, что эти изслѣдованія дали бы не лучшіе результаты.

Если мы вспомнимъ, что только незначительный процентъ дѣтей, поступившихъ въ среднюю школу, доходитъ въ ней до окончанія курса, что большая половина поступающихъ по конкурснымъ испытаніямъ въ высшія спеціальныя учебныя заведенія дошла до I курса высшей школы, прибѣгая къ помощи репетиторовъ и спеціальныхъ „натаскивателей“, что значительный процентъ молодыхъ людей, поступившихъ вообще въ высшія учебныя заведенія не добирается до второго, а тѣмъ болѣе до третьяго курса, потому что имѣетъ слабую подготовку и не въ состояніи усваивать серьезный курсъ высшей школы, то не трудно будетъ согласиться, что умственная подготовка молодыхъ людей, окончившихъ среднюю школу, въ общемъ посредственна.

Министерство Народнаго Просвѣщенія въ теченіе многихъ лѣтъ пыталось повысить умственный контингентъ молодежи, поступающей въ высшую школу, введеніемъ на выпускныхъ письменныхъ испытаніяхъ „окружныхъ темъ“, которыя присылались изъ округа чуть не за семью печатями и торжественно на экзаменахъ вскрывались при ассистентахъ директорами въ присутствіи выпускныхъ учениковъ. Число часовъ, которые могли употребить экзаменующіеся на исполненіе письменной работы на предложенную округомъ тему, было строго опредѣлено.

Но, какъ извѣстно, это распоряженіе Министерства, какъ и многія другія его предписанія, строго не исполнялось. Во 1-хъ, потому что оно было до жестокости строго, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ темы давались не соотвѣтствующія развитію и подготовкѣ учащихся, а во 2-хъ, потому что строгое исполненіе требованій министерства во многихъ учебныхъ заведеніяхъ привело бы къ оставленію на второй годъ въ томъ же классѣ большинства выпускныхъ учениковъ и поставило бы преподавателей въ неловкое положеніе, иногда совершенно безъ вины съ ихъ стороны, такъ какъ оканчивающіе курсъ очень рѣдко проходятъ извѣстный предметъ съ однимъ и тѣмъ же учителемъ, слѣдовательно, послѣдній ихъ преподаватель не всегда отвѣтственъ за малоуспѣшность учениковъ.

Приведенное распоряженіе Министерства нарушалось самымъ беззастѣнчивымъ образомъ.

Окружные ревизоры, боясь скандаловъ (напримѣръ, общаго „провала“ учениковъ), избѣгали посѣщать письменные экзамены оканчивающихъ курсъ или заходили въ классъ только на нѣсколько минутъ, чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ. Такъ бываютъ мертвы бюрократическія измышленія кабинетныхъ людей, если эти измышленія не согласуются съ требованіями жизни.

Низкій уровень постановки учебнаго дѣла въ средней общеобразовательной школѣ объясняется не только указанными мною причинами, но и эти причины имѣютъ важное значеніе. Кромѣ всѣхъ факторовъ, приведенныхъ мною въ этой и предыдущихъ главахъ, есть и другія причины, понижающія уровень учебнаго дѣла, какъ-то: неправильная постановка въ нашей школѣ внѣкласснаго чтенія, способъ введенія учебниковъ и ихъ характеръ, низкій уровень нравственнаго воспитанія учениковъ и проч., о чемъ будетъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Senex.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О желательной организаціи женскихъ учительскихъ семинарій.

(Окончаніе).

Казенные стипендіаты мужскихъ учительскихъ семинарій, по окончаніи въ ней курса наукъ, обязаны прослужить въ должности учителей народныхъ училищъ не менѣе 4 лѣтъ, по назначенію попечителя *) учебнаго округа (ст. 2403 уст. уч. зав.). Казенные стипендіаты, которые пожелали бы оставить семинарію до окончанія курса, а равно не желающіе по окончаніи его прослужить въ званіи народнаго учителя определенное число лѣтъ, могутъ быть уволены изъ семинаріи или освобождены отъ своего обязательства, но не иначе, какъ по возвращеніи всей суммы, выданной имъ въ видѣ стипендій во время пребыванія въ заведеніи (тамъ же, ст. 2404). Правила эти непримѣнимы къ женскимъ учительскимъ семинаріямъ. Каждая женщина, помимо своей профессіи, призвана прежде всего къ рожденію и воспитанію собственныхъ дѣтей. Какія-либо общественныя обязанности могутъ быть возложены на нее лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ не препятствуютъ ей въ исполненіи ея естественнаго назначенія. Поэтому вступленіе казенной стипендіатки учительской семинаріи въ бракъ слагаетъ съ нея всякія обязательства въ отношеніи къ семинаріи. Иной порядокъ являлся бы, во-первыхъ, прямо незаконнымъ, такъ какъ по нашему закону воспрещаются всякія обязательства, клонящіяся къ ослабленію брачныхъ связей, и, во-вторыхъ, невыгоднымъ для развитія женскихъ семинарій, такъ какъ возможные затрудненія при выходѣ замужъ ослабляли бы притокъ воспитанницъ. Однакожъ дѣло этимъ ограничиваться не должно. Могутъ быть иныя семейныя обстоятельства, которыя вполне оправдывали бы возвращеніе домой

---

*) Въ редакціи этого закона есть очевидная неточность. По уставамъ учебныхъ заведеній назначеніе учителя начальнаго училища принадлежитъ власти или директоровъ народныхъ училищъ или училищныхъ совѣтовъ.

дѣвицы, учившейся въ семинаріи и обязанной службой. Когда, напр., у этой дѣвицы умерла мать и послѣ нея не осталось въ домѣ лица, которое могло бы взять на себя воспитаніе оставшихся въ семьѣ сиротъ, то нельзя не признать за этой дѣвицей не только права, но и обязанности возвратиться отъ дѣятельности общественной къ своей семьѣ. Конечно, это право не можетъ быть дано безусловно, но оно должно быть признаваемо за воспитанницею, когда педагогическій совѣтъ семинаріи, по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ даннаго случая, постановить объ этомъ ходатайствовать.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду такія желательныя при организаціи женскихъ учительскихъ семинарій отступленія отъ существующихъ правилъ, которыя вызываются назначеніемъ возникающихъ заведеній для дѣвицъ. Теперь надо сказать нѣсколько словъ объ измѣненіяхъ дѣйствующаго закона, подсказываемыхъ пережитымъ опытомъ нашихъ учительскихъ заведеній.

Не надо скрывать, что далеко не всѣ учительскія семинаріи стоятъ у насъ на высотѣ своего положенія. Не рѣдко выходятъ изъ нихъ учителя съ столь несоотвѣтственною подготовкой, что мѣстные инспектора народныхъ училищъ встрѣчаютъ большія затрудненія при назначеніи ихъ на мѣста. Этимъ объясняется то странное явленіе, что при страшной нуждѣ въ учителяхъ иные воспитанники семинарій по году и больше ждутъ назначеній. Былъ даже въ недавнее время случай, когда само Министерство должно было принимать мѣры къ огражденію училищъ отъ учителей, которыхъ выпустила одна изъ семинарій. Главнѣйшею причиною не исполнѣ удовлетворительнаго положенія дѣла въ учительскихъ семинаріяхъ служить часто встрѣчающееся несоотвѣтствіе своему назначенію педагогическаго состава семинарій. Такъ, случай, на который мы указали, обнаружилъ существованіе во главѣ семинаріи лица, почти всю службу проведеннаго въ гимназіи и очень мало знакомаго съ сферой народной школы, а въ качествѣ наставниковъ—молодыхъ людей, только что оставившихъ университетскую скамью. Существующій законъ ни мало не предупреждаетъ возможности такихъ случаевъ. Онъ ставитъ относительно личнаго состава служащихъ въ семинаріяхъ лишь одно требованіе—полученіе образованія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, при чемъ только для директора это требованіе предъявляется въ категорической формѣ. Между тѣмъ учебная администрація, къ сожалѣнію, назначенія на мѣста производитъ не рѣдко исключительно съ точки зрѣнія кормленія. И такъ какъ съ этой точки зрѣнія мѣста въ учительскихъ семинаріяхъ представляются наименѣ завидными для лицъ, изъ коихъ у насъ пополняются кадры педагогическаго состава среднихъ

и учительскихъ заведеній, то въ наставники учительскихъ семинарій сплошь да рядомъ попадаютъ лица, только начинающія педагогическую дѣятельность, а въ директоры—лица, которымъ не дали бы въ управленіе ни гимназій, ни реального училища. Случается даже, что директорство въ семинаріи служитъ мѣрою административнаго взысканія для лица, занимавшаго болѣе выгодный директорскій постъ.

Не нужно распространяться о томъ, какими неблагоприятными послѣдствіями могутъ отражаться подобныя назначенія на дѣлѣ приготовленія народныхъ учителей, столь важномъ и въ педагогическомъ, и въ государственномъ отношеніи. Поэтому представляется безусловно необходимымъ установить, по примѣру учительскихъ семинарій за границей, троякаго рода цензъ для замѣщенія вакансій въ учительскихъ семинаріяхъ—образовательный, служебный и возрастной.

За границей существуютъ особыя спеціальныя испытанія на учительскія и начальническія должности въ учительскихъ семинаріяхъ. У насъ введеніе такихъ испытаній представляется преждевременнымъ, такъ какъ у насъ вообще не существуетъ спеціальныхъ испытаній ни на административныя должности, ни на право преподаванія въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Введеніе испытаній только для семинарій сократило бы контингентъ соискателей мѣстъ и, можетъ быть, до крайности затруднило бы замѣщеніе вакансій. Такимъ образомъ, впредь до введенія въ указанномъ смыслѣ общихъ мѣръ, при замѣщеніи мѣстъ въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ остается довольствоваться тѣми гарантіями, которыя могутъ представлять образованіе и предыдущая служба кандидатовъ.

Относительно образовательнаго ценза требованіе отъ всѣхъ лицъ педагогическаго персонала женскихъ учительскихъ семинарій должно быть одинаково. Къ службѣ въ этихъ заведеніяхъ должны быть допускаемы только лица, окончившія курсъ средняго учебнаго заведенія. Требованіе высшаго образованія осталось бы неосуществимымъ на практикѣ, потому что женщинъ, обладающихъ высшимъ образованіемъ, весьма мало. Остановиться на требованіи диплома домашней наставницы или домашней учительницы не представляется возможнымъ, такъ какъ эти дипломы, получаемые въ различномъ порядкѣ и на весьма разнообразныхъ основаніяхъ, не всегда могутъ служить доказательствомъ полученія законченнаго средняго образованія. Напримѣръ, домашняя учительница по ариметикѣ, получившая это званіе по спеціальному испытанію, была экзаменована въ объемѣ курса средняго учебнаго заведенія лишь по арифметикѣ, по прочимъ же предметамъ—въ объемѣ низшаго учебнаго

заведения. Между тѣмъ образованіе, не достигающее уровня средней школы, должно признать рѣшительно недостаточнымъ для лицъ, ищущихъ педагогическихъ занятій въ учительской семинаріи. Всѣ лица педагогическаго персонала женскихъ учительскихъ семинарій будутъ нести въ сущности одну и ту же службу—приготовленіе народныхъ учительницъ. Чтобы эта служба давала желательные результаты, нужно, чтобы она была не механическая, а сознательная. Самое низшее въ іерархическомъ отношеніи лицо, учительница начальной школы, не менѣе, чѣмъ начальница, должна ясно понимать, что она дѣлаетъ: она должна не только дать образцы хорошаго преподаванія, но должна быть въ состояніи дать и теоретическія объясненія своихъ приѣмовъ преподаванія. Успѣшное исполненіе подобнаго рода функцій непосильно для лица, не прошедшаго полного систематическаго курса средняго учебнаго заведенія. Поэтому изъ круга лицъ, допустимыхъ къ службѣ въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, мы совершенно исключаемъ какъ лицъ съ низкимъ образованіемъ, такъ и домашнихъ наставницъ и учительницъ, получившихъ это званіе не путемъ окончанія курса средней школы.

За границей отъ лицъ, ищущихъ назначенія на мѣста въ учительскихъ семинаріяхъ, требуютъ непременно извѣстнаго числа лѣтъ службы въ народныхъ училищахъ. Во Франціи, напр., директрисы и наставницы женскихъ учительскихъ семинарій должны имѣть не менѣе 10 лѣтъ службы. Мы не можемъ быть столь требовательными, такъ какъ кадры учительницъ у насъ гораздо слабѣе, чѣмъ во Франціи. Тѣмъ не менѣе и намъ нельзя отказаться отъ требованія, чтобы въ составъ педагогическаго персонала женскихъ учительскихъ семинарій вступали лица, которыя не вызывали бы сомнѣній ни относительно своихъ симпатій къ дѣлу народнаго образованія, ни относительно состоятельности ихъ теоретическихъ воззрѣній, ни относительно твердости ихъ практическихъ навыковъ. Такія качества могутъ выработаться лишь путемъ болѣе или менѣе продолжительной практики, и намъ думается, что практика эта не можетъ быть менѣе 5 лѣтъ. Этотъ терминъ и надо признать служебнымъ цензомъ лица, желающаго получить назначеніе въ женскую учительскую семинарію. Для начальницы семинаріи, въ виду того, что ея обязанности значительно сложнѣе, цензъ этотъ долженъ быть сильно повышенъ: чтобы имѣть должный авторитетъ въ корпорации семинаріи, она должна быть рѣшительно опытнѣе другихъ. Казалось бы, что отъ начальницы слѣдуетъ требовать педагогической службы не менѣе 10 лѣтъ, при чемъ, такъ какъ она должна имѣть опытность и въ администрированіи заведенія, въ число этой выслуги должно входить не менѣе 3 лѣтъ службы, соединенной съ

завѣдываніемъ какимъ-либо училищемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Возрастный цензъ для лицъ, служащихъ въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ, представляется также совершенно необходимымъ. Дѣвицы иногда очень рано оканчиваютъ курсъ среднего учебнаго заведенія и тотчасъ же поступаютъ на службу, такъ что, напр., въ 22 года она можетъ уже удовлетворить предположеннымъ требованіямъ образовательнаго и служебнаго ценза. Однако-жъ было бы совершенно нежелательно имѣть столь юныхъ руководительницъ будущихъ учительницъ. Слишкомъ молодыя наставницы неудобны въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онѣ часто оставляли бы службу въ семинаріи. Во вторыхъ, онѣ не представляли бы полной гарантіи со стороны твердости и послѣдовательности дѣйствій. Было бы очень желательно установить возрастнымъ цензомъ для педагогическаго персонала учительскихъ семинарій 30 лѣтъ, но практическія соображенія заставляютъ понизить этотъ возрастъ до 25 лѣтъ, оставивши 30-лѣтній возрастъ только для начальницъ. Можно опасаться, что введеніе общаго возрастнаго ценза въ 30 лѣтъ повлекло бы затрудненія въ пріисканіи нужнаго для замѣщенія всѣхъ вакансій количества лицъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ условіямъ соисканія.

Проектированный нами образовательный цензъ едва ли можетъ вызывать какія-либо возраженія со стороны его осуществимости. Наши женскія среднія учебныя заведенія ежегодно выпускаютъ до 10.000 дѣвицъ, оканчивающихъ курсъ. До половины этихъ лицъ обращаются къ педагогической дѣятельности въ начальной школѣ. Средняя продолжительность службы народнаго учителя исчисляется въ 7—9 лѣтъ. Слѣдовательно контингентъ дѣвицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ заведеніяхъ и практикующихъ въ народныхъ училищахъ, надо считать приблизительно въ 40.000,—контингентъ, можно сказать, неисчерпаемый. Остается рѣшить вопросъ, найдется-ли въ этой массѣ достаточное число лицъ, совмѣщающихъ требованія возрастнаго и служебнаго ценза, т. е. прослужившихъ 5 или 10 лѣтъ и при этомъ имѣющихъ не менѣе 25 или 30 лѣтъ отъ роду.

На этотъ вопросъ слѣдовало бы отвѣтить точными цифрами. Но за неимѣніемъ соотвѣтственнаго статистическаго матеріала этихъ цифръ не можетъ быть дано. Тѣмъ не менѣе, пользуясь нѣкоторыми отрывочными данными и путемъ сопоставленій этихъ данныхъ однихъ съ другими, можно вывести извѣстныя отношенія, которыя представятъ твердую почву для безошибочнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса.

Изъ статистическихъ изслѣдованій относительно положенія дѣла народнаго образованія, изданныхъ земскими учрежденіями, работы

Курскаго, Вятскаго, Тамбовскаго и Полтавскаго губернскихъ земствъ даютъ возможность установить нижеслѣдующія важныя въ настоящемъ случаѣ данныя:

1) по Курской губерніи. Въ 1895 г. въ народныхъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія 45% общаго числа учительницъ принадлежали къ кончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 47% изъ нихъ имѣли возрастъ не менѣе 25 лѣтъ и 22% не менѣе 30 лѣтъ, 43% служили не менѣе 5 лѣтъ и 23% не менѣе 10 лѣтъ.

2) по Вятской губерніи. Въ 1898 г. изъ общаго числа учительницъ начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ 64% принадлежали къ кончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 48% имѣли возрастъ 25 лѣтъ и выше, 29%—30 лѣтъ и болѣе.

3) по Тамбовской губерніи. Въ 1899 г. въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 47% общаго состава учительницъ было изъ числа окончившихъ курсъ средняго учебнаго заведенія, 38% имѣли возрастъ отъ 25 лѣтъ и выше 18%—30 лѣтъ и выше, 29% служили 5 и болѣе лѣтъ, 12%—10 лѣтъ и болѣе.

4) по Полтавской губерніи. Въ 1895 г. въ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 73% учительницъ принадлежали къ кончившимъ среднюю школу, 50% имѣли возрастъ 25 лѣтъ и болѣе, 22%—30 лѣтъ и выше, 46% служили свыше 6 лѣтъ, 25%—10 лѣтъ и выше.

Въ 1903 г. въ означенныхъ губерніяхъ общее число учительницъ въ начальныхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія было слѣдующее: въ Курской губерніи 741, въ Вятской 1.096, въ Тамбовской 736, въ Полтавской 1.052. Допустимъ, что % учительницъ изъ числа кончившихъ курсъ средней школы въ этихъ губерніяхъ остался безъ измѣненія. Мы не видимъ никакого риска въ этомъ предположеніи, потому что число дѣвицъ, оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ, институтахъ и епархіальныхъ училищахъ годъ отъ году возрастаетъ, и наклонность ихъ къ педагогической дѣятельности въ народной школѣ не ослабѣваетъ, а растетъ. Принявши высказанное предположеніе, мы найдемъ, что въ 1903 году въ первой изъ этихъ губерній было 333 учительницы съ среднимъ образованіемъ, во второй 593, въ третьей 345 и въ четвертой 804.

Далѣе, допустимъ, что и проценты учительницъ, обладающихъ показанными возрастными и служебными цензами, также не измѣнились. Здѣсь еще менѣе риска, чѣмъ въ предыдущемъ предположеніи, потому что матеріальное положеніе учительницъ въ последнее время значительно измѣнилось къ лучшему, а проценты

смертности и выходя въ замужество едва ли могли подняться, и слѣдовательно, средняя продолжительность службы учительницъ скорѣе должна была возрасти, а не упасть.

Допустимъ наконецъ, что изъ общаго числа учительницъ обладающихъ служебнымъ цензомъ въ 5 лѣтъ, не менѣе половины обладаетъ и возрастнымъ цензомъ 1 категоріи (т. е. имѣютъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду), а также изъ числа учительницъ, выслужившихъ 10 лѣтъ, половина имѣетъ возрастъ не менѣе 30 лѣтъ. Въ дѣйствительности совмѣщеніе обоихъ цензовъ должно встрѣчаться гораздо чаще, потому что лѣта службы состоятъ въ постоянномъ прямомъ отношеніи къ возрасту, и значить и въ этомъ послѣднемъ предположеніи не имѣется никакой фантазіи.

Принявши все объясненное, приходимъ къ такимъ послѣднимъ выводамъ. Если бъ предстояло открыть женскую учительскую семинарію въ Курской губерніи, то учебное начальство только въ средѣ начальныхъ учительницъ Курской губерніи имѣло бы до 38 лицъ для выбора начальницы заведенія и до 72 лицъ для выбора наставницъ. Въ Вятской губерніи нашлось бы 136 лицъ для должности начальницы и 241 лицо для замѣщенія другихъ должностей. Тамбовская дала бы только 20 и 51, но Полтавская—100 и 185.

Не имѣется никакого основанія полагать, что въ этихъ четырехъ губерніяхъ, выбранныхъ нами совершенно случайно только потому, что по этимъ губерніямъ имѣются нужныя намъ свѣдѣнія, положеніе дѣла было благопріятнѣе, чѣмъ въ другихъ внутреннихъ мѣстностяхъ Имперіи. Окраины—дѣло иное. Въ Рижскомъ учебномъ округѣ, напр., вовсе не имѣется даже почвы для женскихъ учительскихъ семинарій, такъ какъ мѣстное населеніе сторонится отъ учительницъ. Тоже должно сказать о Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ, гдѣ мусульманское населеніе должно быть еще приучено къ иному взгляду на женщину. Но въ губерніяхъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, даже самыхъ отдаленныхъ, едва ли встрѣтились бы какія нибудь препятствія къ учрежденію женскихъ учительскихъ семинарій на предположенныхъ нами основаніяхъ. Укажемъ, напр., на Тобольскую губернію, гдѣ въ 1903 году было 230 учительницъ съ среднимъ образованіемъ.

Опытъ нашихъ учительскихъ семинарій указываетъ также на необходимость принятія ряда мѣръ въ видахъ сближенія этихъ учебныхъ заведеній съ мѣстнымъ населеніемъ, мѣстной учебной администраціей, оживленія ихъ дѣятельности, установленія связи между заведеніями и бывшими ихъ питомцами и общенія этихъ воспитанниковъ между собою.

Мы уже сказали выше, что наши учительскія семинаріи стоятъ

особнякомъ отъ жизни и школы, что они нерѣдко выпускаютъ воспитанниковъ, не удовлетворяющихъ мѣстнымъ требованіямъ^{*)}) и потому нежелательныхъ съ точки зрѣнія какъ содержателей училищъ, такъ и мѣстнаго учебнаго начальства. Въ видахъ устраненія этого недостатка, необходимо поставить учительскія заведенія прежде всего въ непосредственную связь съ мѣстною дирекціею народныхъ училищъ. Заведенія, приготовляющія учителей, должны находиться подъ влияніемъ дирекціи училищъ, какъ это, напр., установлено въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. Но одного этого было бы недостаточно для достиженія желательныхъ отношеній. Нужно чтобы не только мѣстное учебное начальство, но и мѣстное населеніе было заинтересовано семинаріей, чтобы оно раздѣляло ея радости и горести, чтобы оно вмѣстѣ съ начальствомъ семинаріи имѣло попеченіе о ея нуждахъ, чтобы въ воспитанникахъ семинаріи оно видѣло своихъ близкихъ людей. Въ этихъ видахъ представляется необходимымъ имѣть при семинаріи попечительные совѣты, въ составъ которыхъ входили бы, кромѣ представителей заведенія и учебной администраціи, представители мѣстнаго общества, въ лицѣ, напр., предводителя дворянства, предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, городскихъ головъ и волостныхъ старшинъ мѣстностей, гдѣ семинаріи будутъ открыты, членовъ училищныхъ совѣтовъ отъ земства и городовъ. Необходимо также, чтобы въ составъ педагогическаго совѣта семинаріи входили на правахъ членовъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ и члены мѣстнаго уѣзднаго училищнаго совѣта. Далѣе, на обязанность начальницы и преподавательницъ семинаріи должно быть возложено присутствованіе на выпускныхъ испытаніяхъ учащихся народныхъ училищъ и представленіе на обсужденіе педагогическаго совѣта своихъ сообщеній объ этихъ испытаніяхъ. Эти мѣры не только содѣйствовали бы въ высокой степени матеріальному благоустройству семинарій, которое въ настоящую пору оставляетъ такъ многого желать, но не могли бы не оказать влияния на правильное развитіе дѣятельности семинаріи, спасая ее отъ теоретическихъ увлеченій, усиливая практичность подготовки учительницъ, предупреждая возникновеніе вредныхъ разногласій и пререканій между людьми, стоящими у дѣла.

^{*)} Для примѣра укажемъ хоть на слѣдующее: есть мѣстности, гдѣ желаютъ непременно, чтобы обученіе родному языку велось, положимъ, по Ушинскому, а арифметикѣ по Евтушевскому. Соответственно этому взгляду, организованы мѣстныя училищныя библіотеки, книжные склады и т. д. Изъ учительской же семинаріи являются кандидаты, вовсе не знакомые съ этими руководствами и приготовленные преподавать по такимъ учебникамъ, о которыхъ слышать не хотятъ содержатели, и которыхъ они не желаютъ выписывать.

Наши семинаріи слишкомъ равнодушно относятся къ своимъ питомцамъ по выходѣ ихъ изъ заведеній. Съ выходомъ воспитанника изъ семинаріи связь его съ заведеніемъ прерывается, и заведеніе затѣмъ уже знать не хочетъ о разныхъ нуждахъ и печаляхъ, которыя постигаютъ учителя въ жизни, хотя эти невзгоды всего чаще должны быть поставлены на счетъ самыхъ семинарій. Желательно установить инныя отношенія между семинаріями и ихъ бывшими питомцами. Должны быть учреждены при семинаріяхъ ежегодные съѣзды бывшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ какъ это установлено для однихъ инородческихъ учительскихъ школъ. Здѣсь они будутъ сообщать педагогической корпораціи семинаріи о постигшихъ ихъ въ жизни неудачахъ, равно и о счастливыхъ опытахъ. Все это составитъ прекрасный матеріалъ для поучительныхъ собесѣдованій, полезныхъ для той и другой стороны. Эти собесѣдованія раскроютъ глаза семинарскихъ педагоговъ на допущенныя ими ошибки въ приготовленіи учителей, а также выяснятъ учителямъ ихъ прегрѣшенія вмѣстѣ съ средствами ихъ устраненія на будущее время. Эти съѣзды будутъ поддерживать и оживлять разумный интересъ въ педагогическомъ составѣ семинаріи къ дѣлу приготовленія учителей, а въ персоналѣ учителей къ дѣлу воспитанія и обученія дѣтей. Для большей продуктивности съѣздовъ, они должны быть открыты для всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ успѣхами семинарскаго обученія и воспитанія. Эти мѣры вдохнули бы жизнь въ наши мирно почивающія въ своей глуши учительскія заведенія.

По существующему положенію, служащая въ семинаріи лица избираются директоромъ семинаріи (ст. 2392, 2395 и 2396 уст. учебн. зав.). Въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ право выбора служащихъ должно быть предоставлено начальницѣ семинаріи; ибо, если она будетъ въ сторонѣ отъ выбора, то на нее не можетъ быть возложено и никакой отвѣтственности за заведеніе. Между тѣмъ отвѣтственность должна лежать непременно на ней, какъ непосредственно завѣдующей заведеніемъ. Директоръ народныхъ училищъ является лишь наблюдателемъ, руководителемъ и посредникомъ между заведеніемъ и высшимъ начальствомъ. Представляя почителю о той или другой вакансіи, директоръ не лишенъ будетъ права высказать свое мнѣніе о представленной кандидаткѣ, и попечитель, въ случаѣ основательности возраженій директора, можетъ отклонить предполагаемое назначеніе, но затѣмъ дальнѣйшія мѣры по замѣщенію вакансій все таки будутъ лежать на начальницѣ. Никто не долженъ быть вводимъ въ составъ семинаріи безъ ея согласія.

Остается сказать нѣсколько словъ о штатѣ женскихъ учительскихъ семинарій.

Въ виду высказанныхъ выше соображеній, штатъ женскихъ семинарій долженъ довольно существенно разниться отъ нормальнаго штата мужскихъ учительскихъ семинарій.

Директору мужской семинаріи полагается содержаніе 2.000 р., при готовой квартирѣ. Содержаніе начальницъ женской учительской семинаріи можетъ быть назначено въ низшемъ размѣрѣ, потому что на ней будутъ лежать не всѣ обязанности директора. Содержаніе это можетъ быть исчислено въ 1.500 р., также при готовой квартирѣ.

Законоучителю въ вознагражденіе за преподаваніе педагогики и исполненіе инспекторскихъ обязанностей должно быть назначено дополнительное вознагражденіе въ размѣрѣ 300 р.

Наставницъ должно быть три. Одна изъ нихъ будетъ преподавать русскій языкъ, другая исторію и географію, третья арифметику и геометрію. Всѣ онѣ должны состоять и воспитательницами. Содержаніе наставницъ должно быть назначено то же, какое получаютъ наставники учительскихъ семинарій т. е. по 1.200 р. въ годъ при готовой квартирѣ.

Для преподаванія рисованія и рукодѣлія должна быть особая учительница, съ тѣмъ же содержаніемъ. Въ случаѣ невозможности соединить эти занятія въ однѣхъ рукахъ, содержаніе это дѣлится между двумя лицами, причемъ учительница рисованія получаетъ 500 р., а рукодѣлія — 700 р.

Преподаваніе хозяйства и домоводства должно быть возложено на начальницу, а преподаваніе естествовѣдѣнія на женщину-врача, которая и получаетъ содержаніе, присвоенное наставницамъ.

Для преподаванія пѣнія должна быть опредѣлена особая учительница съ содержаніемъ, присвоеннымъ учителямъ пѣнія въ мужскихъ семинаріяхъ.

Учительницы начального училища (2) и руководительница дѣтскаго сада (1) должны получать содержаніе въ размѣрѣ 750 р. при готовой квартирѣ.

Законоучитель женской учительской семинаріи долженъ пользоваться всѣми правами законоучителя мужскихъ учительскихъ семинарій.

Начальница, наставницы, учительницы рисованія, рукодѣлія и пѣнія, учительницы начального училища и дѣтскаго сада, а также женщина-врачъ должны быть обязательными участницами пенсіонной кассы народныхъ учителей. Это дастъ лучшее пенсіонное обез-

печеніе, чѣмъ какое положено по штату учительскихъ семинарій, и крѣпче свяжетъ персоналъ семинаріи съ народной школой.

Въ существующихъ семинаріяхъ на стипендіи назначается сумма въ 6.000 р. Для женскихъ семинарій сумма эта можетъ быть понижена до 5.000 р. Опытъ показалъ, что въ женскія учительскія семинаріи является весьма много желающихъ поступить на свой счетъ, почему въ содержаніи большого числа пансіонерокъ на счетъ казны не представляется необходимости. Такъ, Казанское губернское земство, предполагавшее сначала имѣть 80 стипендіатокъ, въ послѣдствіи сократило число стипендій до 60, а затѣмъ до 40.

По штату семинарій полагается 150 р. на награды окончившимъ курсъ. Статью эту въ штатъ семинаріи можно не вносить, какъ не составляющую необходимости.

Всѣ остальные статьи расходнаго бюджета можно оставить въ размѣрѣ обычнаго семинарскаго штата, съ округленіемъ однакожь суммы 3.650 р., ассигнуемой на содержаніе, отопленіе и ремонтъ зданій и мебели, до 4.000 р. въ виду того, что при семинаріи, сверхъ начальнаго училища, будетъ состоять дѣтскій садъ.

Въ штатъ женскихъ учительскихъ семинарій должны быть внесены необходимыя суммы на разѣзды членовъ педагогической корпорации по училищамъ для присутствованія на выпускныхъ испытаніяхъ и на расходы по устройству ежегодныхъ съѣздовъ бывшихъ воспитанницъ.

Наконецъ, на основаніи закона 2 іюня 1903 г. въ смѣту по содержанію женскихъ учительскихъ семинарій должна быть внесена 20% прибавка къ нормальнымъ окладамъ содержанія начальницы, законоучителя, наставницы, учительницы рисованія и рукодѣлія, учительницы пѣнія, врача.

Такимъ образомъ штатъ женской учительской семинаріи выразится слѣдующими статьями:

Ст. 1.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ одному.		Всего.
		Жало- ванья.	Столо- выхъ.	
		Р	у б л е й.	
Начальница	1	—	—	1.500
Законоучитель	1	650	550	1.200
Ему же добавочныхъ	—	—	—	300
Наставницы	3	1.200	—	3.600
Женщина-врачъ (она же препо- давательница).	1	—	—	1.200

Учительница рисованія и руко- дѣлія.	1	—	—	1.200
Учительница пѣнія.	1	—	—	500
Учительницы начальнаго учи- лища.	2	750	—	1.500
Руководительница дѣтскаго сада.	1	—	—	750
	11	—	—	11.750

Ст. 2.

На стипендіи воспитанницамъ	5.000
	5.000

Ст. 3.

На учебныя пособія стипендіаткамъ	400
„ библіотеку.	300
„ больницу и лекарства.	300
„ содержаніе, отопленіе и ремонтъ зданій и мебели.	4.000
„ канцелярскіе расходы, наемъ писца и служителей и на непредвидѣнные расходы.	1.600
На обученіе гимнастикѣ	150
„ обученіе рукодѣлію и сельскому хозяйству.	600
	7.350
20% прибавка къ содержанію	1.900
На разъѣзды членовъ педагогической корпораціи.	200
На устройство съѣздовъ бывшихъ воспитанницъ.	500
	2.600
Всего.	26.700 р.

Предположенное же распредѣленіе уроковъ опредѣлится слѣдующею таблицей.

	Классы.				Всего.
	I.	II.	III.	IV.	
Законъ Божій	3	2	2	2	9
Русскій языкъ.	3	3	2	2	10
Славянскій языкъ.	1	1	1	1	4
Ариѳметика	3	3	—	—	6
Геометрія.	—	—	3	2	5
Исторія.	2	2	2	1	7
Географія	2	2	2	1	7
Естествовѣдѣніе.	2	2	2	2	8
Чистописаніе и рисованіе	4	4	4	4	16
					7*

Руководѣіе	4	4	4	1	13
Хозяйство и домоводство. .	2	2	2	1	7
Педагогика.	—	—	2	3	5
Гимнастика	2	2	2	—	6
Пѣніе.	2	2	2	2	8
Практическія занятія въ школѣ.	—	—	—	8	8
					119
					30 29 30 30 119

Въ основу этого распредѣленія положено расписаніе занятій, приложенное къ инструкціи учительскимъ семинаріямъ 4 іюля 1875 г., при чемъ учебный матеріалъ вмѣсто 3 лѣтъ разложенъ на 4 года. Отличіемъ нашего расписанія является то, что въ расписаніе введены хозяйство, домоводство и руководѣіе, на преподаваніе графическихъ искусствъ отведено 16 уроковъ вмѣсто 12, на ариметику назначено, напротивъ, на 3 урока меньше, 6 вмѣсто 9, на пѣніе прибавлено 2 урока, наконецъ на практическія занятія въ школѣ назначено вмѣсто 6 часовъ 8.

Соображенія, которыми мы руководствовались при этомъ, заключаются въ слѣдующемъ.

Прежде всего мы желали щадить здоровье воспитанницъ. Семинарія должна сдѣлать все зависящее, чтобы занятія воспитанницъ не составили благопріятной почвы для развитія какихъ либо болѣзней, отъ которыхъ потомъ женщина будетъ мучиться цѣлую жизнь. Никому не нужно крѣпкое здоровье въ такой степени, какъ народной учительницѣ. Прибавляя лишній годъ обученія, мы воспользовались этимъ не для того, чтобы расширить программы, а чтобы дать возможность пройти ихъ не спѣшно, безъ перенапряженія силъ. Мы даемъ ученицамъ не болѣе 4 часовъ въ день сидячихъ занятій въ классѣ, съ незначительнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила только въ послѣдній годъ обученія.

Мы признали возможнымъ число уроковъ ариметики сократить по тому основанію, что ученицы, у которыхъ при самомъ вступленіи въ заведеніе предполагаются знанія въ объемѣ курса сельскихъ двухклассныхъ училищъ, и которыя, слѣдовательно, уже прошли полный элементарный курсъ ариметики, не нуждаются въ столь значительномъ числѣ уроковъ ариметики (9), какъ это положено дѣйствующимъ расписаніемъ.

Зато мы признали необходимымъ увеличить число часовъ на практическія занятія въ школѣ, такъ какъ воспитанницы женскихъ учительскихъ семинарій будутъ упражняться не только въ веденіи начальной школы, но и дѣтскаго сада.

На пѣніе мы прибавили 2 часа въ недѣлю соотвѣтственно увеличенію продолжительности курса и исходя изъ мысли, что пѣніе можетъ составлять отдыхъ послѣ сидячихъ занятій и вообще служить прекраснымъ гигиеническимъ и воспитательнымъ средствомъ.

Основанія на увеличеніе числа часовъ на графическія искусства выяснены выше.

Затѣмъ, въ остальномъ мы твердо держимся существующей таблицы занятій, представляющей, за нѣкоторыми исключеніями, вполне цѣлесообразной.

Вл. Фармаковскій.

Народный читатель,

какъ особый соціально-психологическій типъ.

I.

Вопросъ о *народномъ читателѣ*, объ особенностяхъ его психологій, его запросовъ отъ книги и воззрѣній на нее, вопросъ, въ высшей степени интересный въ научномъ отношеніи и крайне важный въ смыслѣ практическомъ, былъ поднятъ въ нашей литературѣ уже довольно давно, но до сихъ поръ онъ еще не получилъ не только опредѣленнаго рѣшенія, но даже сколько-нибудь серьезной научной разработки.

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ Л. Н. Толстой, выступивъ въ своихъ „Педагогическихъ статьяхъ“ съ рѣзкой критикой всей системы нашего школьнаго образованія, вмѣстѣ съ этимъ выдвинулъ и совершенно новый вопросъ о народномъ читателѣ и народной литературѣ.

Исходя изъ того взгляда, что „чувство правды, красоты и добра независимы отъ степени развитія“, а потому вполне доступны простому народу, на какой бы ступени развитія онъ ни стоялъ, — Л. Н. Толстой останавливается надъ вопросомъ: почему же, въ такомъ случаѣ, народъ упорно не желаетъ знать ни нашей литературы, ни нашего искусства?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ нашелъ въ томъ, что наша литература, какъ и наше искусство, представляютъ собою не отраженіе абсолютной, общечеловѣческой правды, красоты и добра, а лишь отраженіе чувствъ и понятій („извращенныхъ“, по мнѣнію Толстого) образованнаго меньшинства, „общества“. У народа свое особое представленіе о правдѣ и добрѣ, свое особое пониманіе и чувство красоты—и, вслѣдствіе этого, онъ никогда не приметъ ни нашей литературы, ни нашего искусства.

Продолжительный опытъ чтеній народу произведеній великихъ писателей привелъ Л. Н. Толстого къ выводу, что „наша литература не прививается и не привьется народу“, что всѣ наши „жур-

налы и сочиненія (Пушкинъ, Гоголь Тургеневъ, Державинъ), не смотря на давность существованія, неизвѣстны, не нужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды“ *), что „картина Иванова возбудить въ народъ только удивленіе передъ техническимъ мастерствомъ, но не возбудить никакого ни политическаго, ни религіознаго чувства, тогда какъ это самое поэтическое чувство возбуждено лубочною картинкой Іоанна Новгородскаго и чорта въ кувшинѣ. Венера Милосская возбудить только законное отвращеніе передъ наготой, передъ безстыдствомъ женщины. Квартетъ Бетховена послѣдней эпохи представится непріятнымъ шумомъ... Лучшее произведеніе нашей поэзіи, лирическое стихотвореніе Пушкина представится наборомъ словъ, а смыслъ его презрѣнными пустяками“ **).

Но если народу недоступна и не нужна литература „общества“, то еще менѣе пригодна и желательна для него та quasi - народная литература, которая специально для него сочиняется елейными моралистами или лубочными писателями. „Единственные же книги, понятныя для народа и по его вкусу,—заключаетъ Толстой,—суть книги, писанныя не для народа, а изъ народа, а именно: сказки, пословицы, сборники пѣсенъ, легендъ, стиховъ, загадокъ и т. п.“ ***).

Но, какъ ни богата сама по себѣ эта литература „изъ народа“, ея, конечно, недостаточно для удовлетворенія всѣхъ духовныхъ, умственныхъ и эстетическихъ запросовъ народа, для расширенія его кругозора, для полного освѣщенія его жизни во всей ея сложности. И если литература общества не въ состояніи отвѣчать на эти запросы и нужды народа, то гдѣ же взять „книгу для народа“? Какъ создать истинно-народную литературу?

И Толстой снова принимается за изученіе этого сложнаго вопроса. Онъ ищетъ, не найдется ли въ литературѣ „общества“ хоть чего-нибудь годнаго для народа, онъ устраиваетъ провѣрочныя народныя чтенія, самъ начинаетъ писать для народа и издаетъ одну за другой нѣсколько книжекъ. Онъ обращается къ обществу съ призывомъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ: „Мы дѣлали,—пишетъ онъ,—и постоянно дѣлаемъ новыя попытки и новыя предположенія, опыты и рѣшенія вопроса... и просимъ всѣхъ тѣхъ, кому это дѣло близко къ сердцу, сообщить намъ свои предположенія, опыты и рѣшенія вопроса“... „Можетъ быть, есть переходная литература, которой мы не признаемъ только по недостатку знанія; можетъ быть, изученіе книгъ, ходящихъ въ народѣ, и взглядъ народа на эти книги от-

*) „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“. Сочиненія ч. IV, стр. 180.

**) „Ясно-Полянская школа“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы. Ib., стр. 354.

***) Ib., стр. 281.

кроетъ намъ тѣ пути, которыми люди изъ народа достигаютъ пониманія литературнаго языка. Такому изученію мы посвящаемъ особый отдѣлъ въ журналѣ („Ясная Поляна“) и просимъ всѣхъ, понимающихъ важность этого дѣла, прислать намъ свои статьи по этому предмету“ *). Еще опредѣленнѣе высказался Толстой относительно необходимости „изученія взгляда народа на книгу“ въ предисловіи къ одной изъ изданныхъ имъ для народа книжекъ:

„Въ выборѣ повѣстей мы руководимся, на сколько можемъ, только опытомъ и не позволяемъ себѣ вѣрить нашему личному воззрѣнію“. Въ виду этого, „мы намѣрены, — говорится далѣе, — предложить народу только то чтеніе, которое ему нравится... и на такомъ языкѣ, который бы весь безъ исключенія былъ понятенъ чтецу изъ народа“.

Такимъ образомъ, еще въ 60-хъ годахъ Л. Н. Толстой не только опредѣленно поставилъ вопросъ о народномъ читателѣ, какъ объ особомъ психологическомъ типѣ, но и указалъ наиболѣе раціональный способъ изученія и рѣшенія этого вопроса.

Н. К. Михайловскій, посвятившій въ свое время „педагогическимъ статьямъ“ Толстого рядъ замѣчательныхъ по своей глубинѣ и яркости статей подъ названіемъ „Десница и шуйца гр. Толстого“, свелъ также воззрѣнія Толстого на народъ вообще и народное образованіе въ частности къ вопросу о *типахъ* развитія.

По опредѣленію Н. К. Михайловскаго, Толстой, въ своихъ воззрѣніяхъ на задачи народнаго образованія вообще и народной литературы въ частности, исходитъ изъ того положенія, что народъ отличается отъ „общества“ не только по *степени*, но и по *типу* своего развитія; и если въ первомъ отношеніи народъ стоитъ гораздо ниже общества, то за то онъ стоитъ гораздо выше общества во второмъ отношеніи, какъ *типъ* развитія.

„Противъ насъ, — говоритъ авторъ „Записокъ профана“, толкуя воззрѣнія Толстого, — стоитъ міръ грубости и невѣжества, въ которомъ однако есть задатки такой красоты, такой правды, такого добра, которыя при благопріятныхъ условіяхъ должны затмить насъ совсѣмъ, да и теперь уже отчасти затмеваютъ“ **). „Лукашка и Илюшка, — говоритъ онъ нѣсколько раньше, — составляютъ для Толстого идеалъ не въ смыслѣ предѣла, его же перейдеши, не въ смыслѣ высокой *степени* развитія, а въ смыслѣ высокаго *типа*

*) Ib., стр. 282.

**) „Десница и шуйца гр. Толстого“. „Записки профана“. Сочиненія Т. III, стр. 503.

развитія, не имѣвшаго до сихъ поръ возможности подняться на высшую ступень“ *).

При подобномъ взглядѣ на народъ и общество передъ Л. Н. Толстымъ выступаетъ очень сложный вопросъ, который формулируется Михайловскимъ слѣдующимъ образомъ: „Въ народѣ лежатъ задатки громадной духовной силы, которые нуждаются только въ толчокѣ. Толчекъ этотъ можетъ быть данъ только нами, представителями „общества“: больше ему неоткуда взяться, а мы даже обязаны его дать. Но онъ долженъ быть данъ съ крайней осторожностью, чтобы какъ-нибудь не затоптать или не испортить лежащихъ въ народѣ зачатковъ силъ, а это тѣмъ возможнѣе, что сами мы — люди помятые, болѣе или менѣе искалѣченные, дорожащіе разнымъ вздоромъ **), что мы съ нашей культурой и литературой принадлежимъ къ болѣе низкому типу развитія, чѣмъ народъ. И Толстой больше всего боится, какъ бы мы своимъ вмѣшательствомъ въ народную жизнь, вмѣсто того, чтобы „просто поднять развитие народа на высшую ступень, не нарушая его гармоніи“, не принялись прививать народу „свои перлы и адаманты, объявивъ все, чѣмъ онъ живетъ теперь, дрянью и глупостью“ ***).

Этими опасеніями проникнуты всѣ разсужденія Толстого о народномъ образованіи и народной литературѣ; они, эти опасенія очень опредѣленно высказаны въ слѣдующихъ словахъ Толстого: „Введите дитя народа въ этотъ міръ (міръ культурнаго общества), — вы это можете сдѣлать и постоянно дѣлаете посредствомъ іерархіи учебныхъ заведеній, академій и художественныхъ классовъ, — онъ прочувствуетъ, и прочувствуетъ искренно и картину Иванова, и Венеру Милосскую, и квартетъ Бетховена, и лирическое стихотвореніе Пушкина. Но, войдя въ этотъ міръ, онъ будетъ дышать уже не всѣми легкими, уже его болѣзненно и враждебно будетъ схватывать свѣжій воздухъ, когда ему случится вновь выйти на него“ ****). Приводя утвержденіе Толстого, „что пѣсня „о Ванькѣ-Ключникѣ“ и напѣвъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ выше любого стихотворенія Пушкина и симфоніи Бетховена, Н. К. Михайловскій продолжаетъ: „Безъ сомнѣнія въ „Ванькѣ-Ключникѣ“ и „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ нѣтъ той тонкости и разнообразія отдѣлки, нѣтъ даже той *односторонней* глубины мысли и чувства, какими блестятъ Пушкинъ и Бетховенъ, они ниже послѣднихъ въ смыслѣ ступеней

*) Ib., стр. 500.

**) Ib., стр. 515.

***) Ib., стр. 527.

****) „Ясно-Полянская школа“, стр. 354—5.

развитія, но они принадлежать къ высшему *типу* развитія, находящемуся пока на низкой ступени, но могущему имѣть *свой* прогрессъ. Эту *возможность* развитія, болѣе широкаго и глубокаго, чѣмъ какимъ вы обладаете сами, вы отнимете, если вамъ удастся подсеунуть народу Пушкина, вмѣсто „Ваньки-Ключника“ и Бетховена, вмѣсто „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, вы оберете мужика въ духовномъ отношеніи, прямо сказать, ограбите его. Ограбите даже въ томъ случаѣ, если вамъ удастся всучить мужику именно такіе свои перлы и адаманты, какъ Пушкинъ и Бетховенъ. Но вѣрнѣе предположить, что народъ получить не ихъ, а что нибудь вродѣ „последняго слова куплетистики“ *).

II.

Взгляды Толстого на народъ и народное образованіе, высказанные въ такой рѣзкой и опредѣленной формѣ, вызвали въ свое время цѣлый переполохъ въ средѣ педагоговъ, цѣлую бурю въ либеральной печати. По своей смѣлости, новизнѣ и неожиданности взгляды эти показались большинству либеральныхъ критиковъ, по выраженію самого Толстого, „дикими“ и противными всему свѣту **).

Однако, при внимательномъ взглядѣ, оказывается, что воззрѣнія Толстого на народъ, какъ на особый психологическій типъ, и утверждение, что литература общества не пригодна и не нужна для народа, и въ то время далеко ужъ не были такими „противными всему свѣту“; оказывается, что они, напротивъ, раздѣлялись лучшими представителями русской общественной мысли тогдашняго времени, Добролюбовымъ и Писаревымъ, которые оба очень опредѣленно подчеркивали коренное различіе въ психологіи народнаго и культурнаго читателей и, вслѣдствіе этого, признавали, что произведенія нашихъ великихъ писателей не только недоступны, но и непригодны для народа.

„Народу,—писалъ въ началѣ 60-хъ г.г. Добролюбовъ,—къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣни-

*) „Десница и шуйца гр. Толстого“, стр. 516.

**) На нихъ продолжали обрушиваться и позже. Такъ, напр., уже въ началѣ 90-хъ годовъ, г. Протопоповъ, рѣзко нападая на взгляды Толстого, высказанные въ „педагогич. статьяхъ“, писалъ: *какова ни есть наша культура и наша цивилизація, но внѣ изъ нѣтъ путей къ развитію и прогрессу (курены наши), а внѣ прогресса нѣтъ жизни и нѣтъ счастья...* Это очень просто и даже банально, но удобопонятно, вѣрно и жизненно, гораздо жизненнѣе, нежели діатрибы во вкусѣ Руссе и Толстого“.

тельной сладости стиховъ Жуковского, до высокихъ пареній Державина... даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа“. Но если наша литература когда-нибудь даже и дойдетъ до народа, она тоже его не заинтересуетъ и не принесетъ ему большой пользы. „Массѣ народа чужды наши интересы, непонятны наши страданія, забавны наши восторги. Мы дѣйствуемъ и пишемъ, за немногими исключеніями, въ интересахъ кружка болѣе или менѣе незначительнаго; оттого, обыкновенно, взгляды нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ нарціальности“ *).

То же самое, и еще въ болѣе рѣзкой и категорической формѣ высказываетъ и Писаревъ:

„Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ,—говоритъ онъ,—не могли проникнуть творческой мыслью исключительно въ народное міросозерцаніе, потому что все ихъ вниманіе было поглощено анализомъ окружающей ихъ полурусской среды... **) нашей поэтической пропаганды народъ не пойметъ, потому что мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ, живемъ въ двухъ разныхъ сферахъ, и въ умственныхъ нашихъ интересахъ не имѣемъ ни одной... точки соприкосновенія“. „Эстетическія понятія наши расходятся также сильно съ понятіями нашего народа... Словомъ, разстояніе между нашими воззрѣніями и наклонностями до сихъ поръ еще такъ велико, что оно исключаетъ всякую возможность взаимнаго пониманія“ ***).

Н. К. Михайловскій останавливался такъ подробно и съ такимъ глубокимъ вниманіемъ на воззрѣніяхъ Толстого не только потому,

*) „О степени участія народности въ развитіи русск. литер.“ Соч. Т. I, стр. 528.

**) „Народныя книжки“.

***) Сочиненія Т. IX, стр. 41—42. Съ нѣсколько иной стороны подходитъ къ этому вопросу Скабичевскій; но и онъ приходитъ къ выводу относительно непригодности произведеній нашей литературы для народа.—Ручаетесь ли вы,—обращается онъ къ проповѣдникамъ передачи литературы общества народу,—что для народа будутъ годны тѣ изящныя произведенія, которыя выходятъ въ настоящее время? Оглянемся назадъ и посмотримъ, сколько различныхъ литературныхъ школъ пало безвозвратно, смѣнившись новыми школами? Станетъ ли народъ читать, а если станетъ, найдетъ ли что-нибудь поучительное въ разныхъ произведеніяхъ нашей литературы ложно-классическихъ, романтическихъ, идеалистическихъ и проч.? Что же такое всѣ эти произведенія, какъ не капиталы, безслѣдно похороненные въ архивной пыли библіотекъ... „Всѣ наши стремленія къ народности въ литературѣ,—заканчиваетъ онъ свою статью,—служатъ только прелюдіями къ движенію въ этомъ духѣ, которое должно послѣдовать, когда... изъ самой массы народа явятся пѣвцы ея нуждъ, стремленій, радостей и страданій“. („Народники беллетристы“. „Живая струя“. Спб. 1888, стр. 7 и 44).

что эти воззрѣнія были высказаны великимъ писателемъ, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ, въ общемъ, вполне согласенъ съ ними, потому что онъ видитъ въ „точкѣ зрѣнія гр. Толстого“ его „десницу“, „свѣжую и здоровую часть его воззрѣній“ *).

Помимо того, что Н. К. Михайловскій во всѣхъ своихъ статьяхъ о педагогическихъ теоріяхъ Толстого выступаетъ горячимъ защитникомъ воззрѣній Толстого по вопросу о народномъ читателѣ и литературѣ для народа, онъ и прямо отъ себя неоднократно очень категорически высказывается противъ возможности и желательности передачи литературы общества народу. Говоря о томъ, что „стать чисто народнымъ писателемъ... дѣло крайне трудное въ техническомъ отношеніи“, онъ заявляетъ, „что теперешняя наша литература, вообще говоря, не прививается и не привьется народу, это вѣрно“ **). Онъ, правда, допускаетъ, что въ этомъ отношеніи существуютъ исключенія, примѣромъ которыхъ онъ беретъ рассказы Толстого „Кавказскій плѣнникъ“ и „Богъ правду видитъ“, написанные первоначально не для народа. „Однако,—продолжаетъ онъ,—народнымъ писателемъ гр. Толстой не сдѣлался не только потому что нашелъ въ педагогіи иной способъ оплаты за эксплуатацію, въ которой онъ участвуетъ наравнѣ съ другими писателями. Тутъ есть и другая причина. Кругъ его умственныхъ интересовъ и слишкомъ широкъ и слишкомъ узокъ для роли народнаго писателя. Съ одной стороны, онъ владѣетъ запасомъ образовъ и идей, недоступныхъ народу по своей высотѣ и широтѣ. Съ другой стороны, онъ, какъ человѣкъ извѣстнаго слоя общества, слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу мелкія узкія радости и тревоги этого слоя, слишкомъ ими занятъ, чтобы отказаться отъ поэтического ихъ воспроизведенія... Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко кому дано счастье умѣть писать для народа“ **).

Но если Михайловскій не признаетъ даже за Толстымъ способности стать народнымъ писателемъ, то онъ, конечно, не можетъ признать годнымъ для народа литературу общества, даже произведенія первоклассныхъ художниковъ. „У насъ, на примѣръ,—говоритъ онъ,—часто называютъ Пушкина общечеловѣческимъ поэтомъ. Это замѣчательно невѣрно. Пушкинъ есть поэтъ по преимуществу дворянскій, и потому его способенъ принять близко къ сердцу и образованный нѣмецъ, и образованный французъ и средней руки русскій дворянинъ. Но ни русскій купецъ, ни русскій мужикъ ему

*) „Записки профана“, стр. 459.

**) Ib., стр. 492.

***) Ib., стр. 493.

большой цѣны не дадутъ *). Тотъ кругъ идей и чувствъ, который волновалъ современнаго ему *средняго* дворянина, Пушкинъ исчерпалъ, выполнѣ и блистательно. Можно удивляться тонкости его анализа, законченности образовъ, можно, пожалуй, любоваться, какъ глубоко залѣзаетъ онъ иногда въ дворянскую душу, можно, наконецъ, восхищаться красотой его выраженій и смѣха, но все это возможно только намъ, образованнымъ людямъ, „обществу“. Допустимъ, что онъ блистательно разработалъ всѣ мотивы нашей жизни, чего однако допустить нельзя, но онъ разработалъ мотивы только *нашей* жизни, жизни извѣстнаго, спеціальнаго слоя общества, на которомъ свѣтъ не клиномъ сошелся“ **).

Останавливался на вопросѣ о народномъ читателѣ, и останавливался съ свойственной ему глубиной и оригинальностью и Гл. Ив. Успенскій. Считая народъ особымъ социальнo - психологическимъ типомъ, Успенскій указываетъ на существованіе кореннаго различія въ психологіи и эстетическихъ потребностяхъ „мужика“ и „барина“. Для крестьянина главнымъ источникомъ эстетическихъ знаній является земледѣльческій трудъ, поэзія котораго совершенно недоступна чело-вѣку изъ общества. И исходя изъ этого взгляда, Гл. Успенскій находитъ, что во всей нашей литературѣ нѣтъ, за исключеніемъ Кольцова, ни одного художника, произведенія котораго отвѣчали бы эстетическимъ

*) Очень характерно, что эту же мысль почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказалъ 35-ю годами раньше гениальный предшественникъ Добролюбова и Михайловскаго. Въ 1841 г. Бѣлинскій писалъ: „Русская (т. е. народная) пѣсня сильно дѣйствуетъ на русскую душу, но нѣма для иностранца и не переводима ни на какой другой языкъ.“ А съ другой стороны, „русскій мужикъ не пойметъ Пушкина, но за то Пушкинская поэзія доступна всякому образованному иностранцу и удобопереводима на всѣ языки“ (Сочиненія Т. V., стр. 31). Любопытно и мнѣніе Ө. Буслаева по этому вопросу: „Стремленіе нашихъ образованныхъ писателей сойтись съ народностью,—писалъ онъ въ 1861 г.,—не приводило къ удовлетворительнымъ результатамъ... Сколько внутренней борьбы, сколько усилій нужно было сдѣлать гениальнѣйшему изъ русскихъ поэтовъ, чтобы отъ аристократическаго писмѣца, испещреннаго для выраженія большей искренности и точности французскими фразами, возвыситься до драмы „Русалка“ или до купца Остолопа? Но принесли ли эти усилія желанный плодъ? Свыклась ли съ народностью та индифферентная публика, улыбкою которой такъ дорожилъ Пушкинъ? Или онъ хотѣлъ только раавлекать ея равнодушіе своею способностью принимать на себя какой угодно видъ, хотя бы дунайскаго славянина или русскаго мужичка, распѣвающего свои духовные стихи и историческія быliny? Отозвался ли, наконецъ, простой грамотный людъ сочувствіемъ на эти національныя стремленія, или же ему стихи Пушкина остались такъ же чужды, какъ трагедія Сумарокова и оды Петрова?“ („О русскихъ народныхъ книгахъ и дубочныхъ изданіяхъ“ („Отеч. Зап.“ Т. С. XXXVІІІ).

**) 16., стр. 526.

запросамъ народа. „Никто, не исключая и самого Пушкина,—пишетъ Г. И. Успенскій,—не трогалъ *такихъ* (курсивы автора) поэтическихъ струнъ народной души, народного міросозерпанія, воспитаннаго исключительно на условіяхъ земледѣльческаго труда, какъ это мы находимъ у поэта-прасола. Спрашиваемъ, что могло бы вдохновить хотя бы и Пушкина при видѣ пашущаго пашню мужика, его клячи и сохи? Пушкинъ, какъ человѣкъ инаго круга, могъ бы только скорбѣть, какъ это и было, объ этомъ труженикѣ, „влачащемся по браздамъ“, объ ярмѣ, которое онъ несетъ и т. д. Придетъ ли ему въ голову, что этотъ кое какъ въ стрепья одѣтый рабъ, влачащійся по браздамъ, босикомъ бредущій за своей кляченкой, чтобы онъ могъ чувствовать въ минуты этого тяжкаго труда что либо, кромѣ сознанія его тяжести?“ А между тѣмъ этотъ пахарь находитъ въ своемъ трудѣ очень много поэзіи, массу эстетическаго удовлетворенія, которыя дѣлаютъ для него трудъ интереснымъ, захватывающимъ, веселымъ. И Успенскій спрашиваетъ: „Человѣкъ, *такъ* своеобразно, полно понимающій живущій непонятными для меня и васъ, образованный читатель, вещами, пойметъ ли онъ меня, если я къ нему подскочу съ разговорами“ на темы, интересныя только для насъ?“

„Для меня стало совершенно яснымъ,—заканчиваетъ онъ,—что творчество въ земледѣльческомъ трудѣ, поэзія его, его многосторонность,—составляютъ для громаднаго большинства нашего крестьянства жизненный интересъ, источникъ работы мысли, источникъ едва ли даже не всѣхъ его отношеній, частныхъ и общественныхъ“ *).

Что касается непосредственно вопроса о пригодности литературы общества для народа, то о немъ мы находимъ у Г. И. Успенскаго слѣдующее сужденіе: „Существующая литература, ни лубочная, ни такъ называемая изящная, одинаково не могутъ служить пособіемъ для дальнѣйшаго, послѣ новой школы, развитія, главное, не могутъ попадать новому грамотному въ руки, лубочная литература по своей глупости, изящная—по дороговизнѣ и, пожалуй, нѣкоторой ненужности: все въ этой литературѣ посвящено чуждымъ интересамъ, иному міру, чѣмъ міръ грамотнаго пахаря“ **).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что лучшіе представители русской общественной мысли, почти всѣ, безъ исключенія, выдѣляли народъ—вѣрнѣе, крестьянство—въ особый, социальнопсихологиче-

*) „Поэзія земледѣльческаго труда“. Соч. Т. II, стр. 542—3.—Приблизительно такое же различіе между эстетическими воззрѣніями и запросами народа и общества дѣлаетъ и Н. Г. Чернышевскій въ статьѣ „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ (См. ст. 6—8).

**) „Голодная смерть“. Соч. Т. I, стр. 658.

скій типъ и считали, что литература общества, даже такіе ея перлы и адаманты, какъ произведенія Пушкина, недоступны и непригодны для народа.

III.

Первую изъ своихъ педагогическихъ статей, появившуюся въ 1861 г., Л. Н. Толстой закончилъ словами: „Мы бы не дерзнули высказать столь противныя всему свѣту убѣжденія, если бы должны были ограничиться разсужденіями этой статьи, но мы чувствуемъ возможность шагъ за шагомъ и фактъ за фактомъ доказать приложимость и законность нашихъ, столь дикихъ убѣждений“ *). Эта оговорка очень характерна въ устахъ Толстого, который, по выраженію Михайловскаго, поражаетъ своею „истинно замѣчательною смѣлостью“. Толстой прекрасно сознавалъ, что своей новой теоріей въ педагогикѣ онъ выступаетъ не только противъ устарѣлыхъ педагогическихъ воззрѣній, но и посягаетъ противъ основнаго базиса всей „либеральной“ программы тогдашняго времени.

Какъ извѣстно, юридическимъ освобожденіемъ крестьянъ еще далеко не была закончена борьба противъ крѣпостничества. И послѣ 61 г. крѣпостническая партія представляла собою огромную сплоченную силу, которая вскорѣ стала у власти и постепенно принялась поворачивать назадъ „колесо исторіи“, сводить на нѣтъ „великія реформы“. И либеральная партія въ своей борьбѣ противъ крѣпостническихъ тенденцій опиралась, главнымъ образомъ, на тезисъ, выдвинутомъ еще въ 40-хъ годахъ и получившемъ въ 61 г. нѣкоторую юридическую санкцію: „Крестьянинъ *такой же точно* человѣкъ, какъ всѣ люди“. Тезисъ этотъ сдѣлался какъ бы боевымъ кличемъ „либеральнаго народничества“, и всякое посягательство на него, всякая хотя бы малѣйшая попытка указать на коренное *отличіе* крестьянина отъ человѣка культурнаго общества встрѣчалась, какъ посягательство на человѣческія права крестьянина, какъ крѣпостническая теорія. И Толстому, въ самомъ дѣлѣ, понадобилось очень много мужества и „истинно замѣчательной смѣлости“, чтобы въ это самое время „дерзнуть“ выступить открыто съ заявленіемъ: „Нѣтъ! Крестьянинъ совершенно не „точно такой же“ человѣкъ, какъ мы, люди культурнаго общества. Онъ кореннымъ образомъ отличается отъ насъ не только по степени своего развитія, но и по типу своего развитія“.

И эти взгляды Толстого въ самомъ дѣлѣ таки не были поняты,

---

*) „Педагогич. статьи“. Соч. Т. IV, стр. 32.

показались и „дикиими“, и „дерзкими“, и крѣпостническими. Изъ либеральнаго лагеря на Толстого посыпался цѣлый градъ самыхъ тяжкихъ обвиненій. Его смѣшали, по выраженію Михайловскаго, „если не прямо съ грязью, то хоть съ г. Цвѣтковымъ“, крѣпостникомъ съ окраской „русскаго безногаго клерикализма“. О характерѣ обвиненій, которыя сыпались тогда на Толстого, можно получить представленіе по слѣдующей тирадѣ, которую Михайловскій влагааетъ въ уста „г. Маркова или другаго либерала“: „Вотъ куда насъ приглашаютъ эти друзья народа!.. Подъ маской любви къ народу, они желаютъ оставить его въ состояніи мало чѣмъ отличающемся отъ состоянія дикарей! Но поздно спохватились, господа! Народъ самъ понимаетъ, что ему нуженъ свѣтъ и не поддается на эту удочку. И проч., и проч. и проч.“ *).

Насколько въ русскомъ обществѣ укоренился страхъ передъ какимъ бы то ни было посягательствомъ на священную формулу: „крестьянинъ точно такой же человѣкъ, какъ всѣ люди“, можно судить по слѣдующему. Когда, уже въ 90-хъ годахъ снова былъ поднятъ вопросъ о народѣ, какъ объ особомъ социальномъ типѣ, и рядомъ съ этимъ было повторено мнѣніе Толстого, Михайловскаго и другихъ о недоступности и непригодности литературы общества для народа,—противъ этого мнѣнія снова было выдвинуто обвиненіе въ крѣпостничествѣ. И характерно то, что обвиненіе это было высказано писателемъ, по своимъ воззрѣніямъ очень далеко ушедшимъ отъ „яснолобаго либерализма“, писателемъ, котораго, какъ мы увидимъ ниже, обширное знакомство съ народнымъ читателемъ заставило выдѣлить этого читателя въ особый психологическій типъ. Мы говоримъ о Н. А. Рубакинѣ.

„По отношенію къ книжкамъ беллетристическаго содержанія,—пишетъ онъ,—до сихъ поръ упорно держится и отражается на дѣлѣ спеціально-русскій взглядъ, что для народа должна существовать особая литература, упрощенная, потому что эстетическія и всякія другія тонкости народу недоступны... Грустно становится, когда приходится опровергать это коренное заблужденіе, столь распространенное даже среди несомнѣнно доброжелательныхъ для народа людей“. Присматриваясь къ этимъ взглядамъ, продолжаетъ онъ дальше, „вы не безъ удивленія замѣчаете въ этомъ „ученіи объ особой литературѣ для народа“, нѣчто старое, нѣчто знакомое; вамъ вспоминается, еще не истершееся изъ памяти народной, раздѣленіе людей на „бѣлую кость“ и „черную кость“. Переживаніе старыхъ воззрѣній еще удерживается въ области литературы. Бѣлой кости доступны и

*) „Записки профана“, стр. 500.

наука, и искусство, всё тонкости эстетики; черная кость всего этого лишена,—это нечто невѣжественное, грубое, безъ образованія, неспособное подняться до отвлеченныхъ сужденій. Черной кости нужно все „разжевать, да въ ротъ положить, да смотрѣть, какъ бы не подавилась, глотая“. Слушая разсужденія объ „особой литературѣ“, спрашиваешь себя: что это,—трактованіе ли деревенскихъ читателей свысока, или незнаніе ихъ?“ И т. д. *).

Какимъ красивымъ и гуманнымъ ни показался бы съ перваго взгляда либеральный тезисъ о томъ, что народъ ничѣмъ кореннымъ образомъ не отличается отъ общества, онъ, этотъ тезисъ, въ концѣ концовъ сводится къ полному игнорированію запросовъ и стремленій самого народа, къ признанію всѣхъ особенностей его жизни презрѣнными пустяками, результатомъ одного только невѣжества и грубости. Вѣдь, признавая равенство народа съ обществомъ, въ отношеніи *типа* развитія, либералы не могутъ не признавать, что по *степени* своего развитія народъ стоитъ ниже общества. И изъ этого можетъ быть сдѣланъ одинъ только выводъ: народъ долженъ быть „поднятъ“ до уровня культурнаго общества, и все, что въ народной жизни противорѣчитъ этому „поднятію“, должно быть искоренено и уничтожено, какъ нечто безусловно реакціонное.

Этого именно „либеральнаго“ взгляда на народъ придерживались и отчасти продолжаютъ придерживаться чуть ли не всѣ наши педагоги и практическіе дѣятели по народной литературѣ. Эти педагоги, писатели и дѣятели, конечно, видѣли и знали, что народъ иначе относится къ книгѣ, предъявляетъ ей особыя запросы и по своему ее понимаетъ, но все это было поставлено исключительно только въ счетъ народнаго невѣжества. Со всѣми этими особенностями народнаго читателя считали нужнымъ бороться, но не считали нужнымъ даже изучать ихъ. Напротивъ, дѣятели и писатели по народной литературѣ, передъ которыми постоянно носился призракъ (довольно таки реальный!) крѣпостника, завывающаго о томъ, что „народу не школа и не книга нужна, а розга“,—старались скрыть, затушевать эти особенности народнаго читателя, старались такъ сказать „реабилитировать“ этого читателя. Въ одномъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ педагогической литературы 70-хъ годовъ, въ „Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы“, составленномъ цѣлой плеядой специалистовъ и педагоговъ, въ которомъ очень много и распространено говорится о воспитательномъ значеніи произведеній великихъ писателей для народа, о томъ, что эти произведенія „могутъ очеловѣчить народъ—въ“, этомъ

*) „Этюды о русской читающей публикѣ“. Спб. 1895 г., стр. 142—144.

обзорѣ, какъ и въ другихъ статьяхъ по народной литературѣ этого времени, ни однимъ словомъ не упоминается ни объ особенностяхъ народнаго читателя, ни о его запросахъ, ни о его вкусахъ.

Въ теченіе четверти вѣка, со времени освобожденія крестьянъ до середины 80-хъ годовъ, появились десятки народно-издательскихъ предприятий. За изданіе народныхъ книгъ брались и педагоги, и общественные дѣятели, правительственные и общественныя учрежденія, комитеты и комиссіи. Издавались для народа книги и газеты, сказки и нравоучительные рассказы, отрывки изъ произведеній великихъ писателей и специально для народа сочиненные рассказы и т. д., и т. д. Каждая изъ этихъ издательскихъ фирмъ, конечно имѣла свою программу, преслѣдовала свою цѣль, но, за единичными исключеніями, руководители ихъ не только не обладали знаніемъ народнаго читателя, но и не считали обязательнымъ и нужнымъ такое знакомство. Да и зачѣмъ подобное знакомство съ читателемъ? Вѣдь дѣло не въ этомъ читателѣ, не въ его запросахъ, а въ томъ, чтобы найти средство заставить его читать Пушкина и Гоголя вмѣсто „Бовы Королевича“ и „Еруслана Лазаревича“. А заставить его это сдѣлать совѣмъ не трудно: надо только дать ему въ дешевомъ, очень дешевомъ изданіи произведенія нашихъ великихъ писателей. Можетъ ли быть сомнѣнія въ томъ, что онъ тогда самъ откажется отъ безсмысленной и дрянной лубочной книжки?

Въ началѣ 60-хъ годовъ одинъ изъ первыхъ писателей для народа, А. Ѳ. Погоскій, обращаясь къ лубочнымъ издателямъ „съ покорной просьбой отъ имени всего честнаго и малограмотнаго народа“ начать издавать вмѣсто „ветхой и гнилой дряни“, произведенія Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, прибавляетъ при этомъ съ большой увѣренностью: „Еще года-два, и каждый грамотный мальчишка посмѣется надъ купцомъ, который предложитъ ему какую-нибудь „Страшную вѣдму“, „Бову Королевича“, „Еруслана Лазаревича“ и т. п. деревенскихъ дураковъ“ *).

Такимъ образомъ, повторяемъ, вопроса о *пригодности* литературы общества для народа ни педагоги, ни писатели, ни дѣятели по народной литературѣ совершенно не ставили, и ихъ взглядъ на этотъ вопросъ можетъ быть резюмированъ нѣсколькими словами одного изъ критиковъ книги „Что читать народу“?

„Что читать народу?—вопрошаетъ этотъ критикъ.—Да развѣ объ этомъ есть что спрашивать? Не разрѣшается ли этотъ вопросъ

---

*) Приводится въ статьѣ Е. Некрасовой „Народныя книги для чтенія въ 25-лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями“. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1889 г. № 5.

очень просто самъ собою? Во всемъ, что считаетъ для себя полезнымъ и разумнымъ интеллигенція,—она, вѣроятно, не откажетъ народу, т. е. необразованной массѣ. *Цѣль народнаго чтенія*, во всякомъ случаѣ, поднять образованіе этой массы, *воспитать ее въ духѣ тѣхъ началъ, какія вездѣ признаны образованнымъ обществомъ*“ (курсивъ нашъ) *)

Народный читатель оказался однако болѣе упорнымъ, чѣмъ того ожидали педагоги, издатели и большинство писателей о народной литературѣ, и объ это упорство въ теченіе цѣлой четверти вѣка разбивались всѣ народно издательскія начинанія, всѣ попытки передать народу литературу общества. Народъ систематически отворачивался отъ новой книги, не хотѣлъ ее ни понять, ни принять, ни признать—и продолжалъ по прежнему удовлетворять свой запросъ на чтеніе литературой Никольскаго рынка.

Такое систематическое и долготѣнее упорство народнаго читателя должно было въ концѣ концовъ заставить дѣятелей по народной литературѣ задуматься надъ вопросомъ, который они долгіе годы игнорировали и затушевывали. И разъ задумавшись надъ нимъ, они должны были придти къ единственному и самому очевидному способу его рѣшенія: обратиться къ самому народному читателю съ вопросомъ, какая книга ему нужна.

С. Ан—скій.

(Окончаніе будетъ).

*) В. Водовозовъ. „Замѣтка“. „Вѣстн. Евр.“ 1886 г. № 7.—Подобныя опредѣленія „цѣли народнаго чтенія“ можно встрѣтить въ печати и въ настоящее время. Такъ, напр., г. Яковлевъ, не соглашаясь съ воззрѣніями, высказанными нами въ статьѣ „Народъ и книга“ относительно задачъ „родныхъ писателей“ по отношенію къ народу, пишетъ: „Мы говоримъ съ народомъ на разныхъ языкахъ, и въ конечномъ счетѣ не „родные писатели“ должны опуститься къ народу, а наоборотъ,—народъ поднять до себя. Это—истина слишкомъ элементарная. Но, конечно, народу трудно подняться на тѣ ступеньки, на которыхъ стоитъ умственная аристократія,—такъ нужно сначала поднять его хоть на эту лѣстницу, хоть на нижнія ступени нашей лѣстницы. Иначе говоря, *народная жизнь должна носить въ себѣ всѣ тѣ условія, совокупность которыхъ дастъ почву для воспріятія* нашей цивилизаціи, нашей науки, нашихъ методовъ разрѣшенія вопросовъ, словомъ, *тѣхъ элементовъ, которые присущи культурнымъ классамъ*. Все это—старый вопросъ, давно извѣстные намъ разговоры о „средостѣіи“ и пр. А тамъ, гдѣ это средостѣіе исчезаетъ, тамъ и результаты другіе. Вчерашній деревенскій мальчишъ, прочувшійся въ городскомъ училищѣ и ставшій приказчикомъ, дорожнымъ мастеромъ и проч., оказывается способнымъ воспринимать нашу культуру, нашу науку, и беретъ у „родныхъ писателей“ не крохи, а все содержаніе, всю суть ихъ произведеній“. (Цитируемъ, по неимѣніемъ подъ руками статьи г. Яковлева, по выдержкѣ изъ нея въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 16 сентября 1902 г. № 253.)

Что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища.

I.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1885 года одинъ изъ членовъ Карсунскаго уѣзднаго училищнаго совѣта Симбирской губерніи, мѣстный землевладѣлецъ В. И. Бурскій, нынѣ уже умершій, вошелъ въ этотъ совѣтъ съ письменнымъ заявленіемъ о полной бесполезности для крестьянскаго населенія существующихъ начальныхъ народныхъ школъ общеобразовательнаго типа и о необходимости замѣны ихъ, въ прямыхъ интересахъ крестьянъ, исключительно ремесленными училищами. Заявленіе это, сдѣланное г. Бурскимъ, очевидно, безъ достаточнаго изученія результатовъ дѣла, выполняемаго мѣстными начальными народными училищами, было для всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта такъ ново и по крайней опредѣленности и рѣзкости своего содержанія такъ неожиданно, что въ началѣ никто, кажется, и не думалъ того, чтобы содержаніе этого заявленія могло сдѣлаться въ училищномъ совѣтѣ предметомъ самаго серьезнаго и самаго тщательнаго обсужденія. Но послѣдующія обстоятельства этого дѣла сложились, къ счастью, именно такъ, какъ меньше всего предполагалось.

Въ жизни часто приходится видѣть и наблюдать, какъ очень маленькія и, повидимому, совершенно ничтожныя причины приводятъ иногда къ очень большимъ и существенно важнымъ послѣдствіямъ. Такую именно судьбу имѣло и настоящее заявленіе В. И. Бурскаго, внесенное имъ въ совѣтъ какъ бы случайно. Согласно твердо и настойчиво выраженному г. Бурскимъ желанію, заявленію этому дано было въ Карсунскомъ училищномъ совѣтѣ соотвѣтствующее движеніе, и, какъ естественное слѣдствіе этого, по училищамъ уѣзда произведена была тогда довольно обширная школьно-статистическая работа, обстоятельно и на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ отвѣчавшая на вопросъ о томъ, „что даетъ крестьянину“

начальная народная школа"? Работа эта напечатана была сначала въ журналѣ „Русская Мысль“ за 1887 годъ, въ январьской и февральской книжкахъ, а затѣмъ, въ томъ же 1887 году, она появилась и отдѣльнымъ уже изданіемъ.

Разнообразными данными этого труда, строго и тщательно обработанными, установлено было тогда съ весьма достаточной сравнительно точностью и полнотой, что бывшіе ученики и ученицы начальныхъ народныхъ училищъ, по выходѣ изъ этихъ училищъ въ практическую жизнь и дѣятельность, дѣйствительно утрачиваютъ очень значительную часть тѣхъ познаній и навыковъ, съ какими они оканчиваютъ обыкновенно курсъ своего школьнаго обученія, и что потери эти, въ огромномъ своемъ большинствѣ, падаютъ почти исключительно на фактическій и формальный матеріалъ изучаемыхъ ими въ школѣ предметовъ. Сюда прежде всего могутъ быть отнесены всѣ почти событія изъ библейской исторіи ветхаго и новаго заветъа, значительная часть повседневныхъ молитвъ, съ присоединеніемъ къ нимъ символа вѣры и 10 заповѣдей ветхо-заветнаго закона, нѣкоторые изъ разсказовъ отечественной исторіи, сообщаемыхъ иногда въ школахъ ученикамъ третьяго года обученія, всѣ почти ариметическіе знаки и формулы, примѣняемые обыкновенно при письменномъ рѣшеніи ариметическихъ задачъ, очень многія изъ орфографическихъ правилъ, усвояемыхъ школьными дѣтьми по преимуществу механически, весьма значительная часть выученныхъ дѣтьми въ свое время стихотвореній изъ дѣтской и народной жизни и т. п.

Къ счастью, и при данныхъ условіяхъ крестьянскаго быта и положенія, совершенно не благопріятствующихъ сохраненію и послѣдовательному развитію въ дѣтяхъ разъ приобретенныхъ ими въ школѣ познаній и навыковъ, начальныя народныя училища успѣваютъ, однако, оставлять на своихъ дѣтяхъ такой слѣдъ, какой никогда уже не изглаживается въ нихъ вполне, всецѣло. Произведеннымъ на этотъ предметъ въ Карсунскомъ уѣздѣ обследованіемъ вполне точно установлено было то, что прошедшіе школу крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ надлежащей полнотѣ сохраняютъ разъ приобретенную ими въ училищахъ технику чтенія, а нѣкоторые даже нѣсколько и развиваютъ ее путемъ домашняго чтенія; что пониманіе ими прочитаннаго, съ постепеннымъ возрастаніемъ ихъ собственнаго умственнаго и нравственнаго развитія, замѣтно расширяется въ нихъ и дѣлается во всѣхъ отношеніяхъ нѣсколько болѣе точнымъ и отчетливымъ; что въ навыкахъ къ умственному счисленію и въ умѣнн обращать при этомъ съ числами довольно значительныхъ величинъ они не только не ослабѣваютъ по выходѣ изъ школъ, но,

напротивъ, подъ живымъ вліяніемъ на нихъ практической жизни и дѣятельности, замѣтно укрѣпляются; что они не теряютъ, даѣе, и приобрѣтеннаго ими въ школѣ умѣнья что-либо написать или записать все необходимое по дому и хозяйству, хотя во всѣхъ опытахъ своего послѣшкольнаго письма они и обнаруживаютъ обыкновенно очень значительное ослабленіе какъ въ самой техникѣ письма, въ его каллиграфической правильности и чистотѣ, такъ еще болѣе въ соблюденіи при письмѣ тѣхъ или другихъ орфографическихъ правилъ и требованій; что въ сравненіи съ необучавшимися въ школахъ крестьянами они несомнѣнно обнаруживаютъ нѣсколько большее общее умственное развитіе, большую во всемъ находчивость, сообразительность, душевную бодрость и сравнительно большее умѣнье овладѣвать собой при всѣхъ обстоятельствахъ ихъ практической жизни и дѣятельности; что, по свидѣтельству очень многихъ и вполне компетентныхъ лицъ, несомнѣнные слѣды школьнаго вліянія остаются замѣтными, наконецъ, даже на самомъ религіозно-нравственномъ настроеніи бывшихъ учениковъ и ученицъ начальныхъ народныхъ училищъ. Обставленные съ внѣшней стороны болѣею частью очень плохо, но всегда почти высоко настроенные внутренно, наши маленькія народныя училища смягчаютъ мало-по-малу, хотя, правда, очень медленно и почти незамѣтно, и все вообще чувства и настроенія своихъ учениковъ, и этимъ добрымъ на нихъ вліяніемъ, какъ бы оно ни ослаблялось въ послѣдствіи, готовятъ мало-по-малу весьма значительныя и существенно важныя измѣненія во всемъ строѣ практической жизни и дѣятельности крестьянъ и во всѣхъ ихъ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что таковы же были результаты выполняемаго нашими школами учебно-воспитательнаго дѣла и въ ближайшія къ намъ, послѣ 1885 года, 10—15 лѣтъ, такъ какъ ни въ развитіи, ни въ направленіи, ни въ общей постановкѣ школьно-учебнаго дѣла въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, не произошло за это время никакихъ существенно важныхъ перемѣнъ и улучшеній. Начальныя народныя училища и за этотъ послѣдній періодъ своей жизни и дѣятельности продолжали выполнять свое дѣло для дѣтей болѣею частью въ предѣлахъ тѣхъ же, что и прежде, трехъ лѣтъ ихъ школьнаго обученія, по тѣмъ же, какъ и прежде, программамъ и съ тѣми же почти не исполнѣ твердо и устойчиво поддерживаемыми на пути классныхъ занятій внѣшними приемами преподаванія и работы для дѣтей предлагаемаго имъ къ изученію матеріала. Очевидно, что и самые результаты дѣла школьнаго обученія за послѣднія 10—15 лѣтъ должны были получиться, при данныхъ усло-

віяхъ, ничѣмъ существенно не отличающимися отъ тѣхъ, какіе успѣли опредѣлиться въ 1885 году, по даннымъ произведеннаго на этотъ предметъ въ Карсунскомъ уѣздѣ обслѣдованія. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи могли представлять только учреждаемыя съ 1884 года церковно-приходскія школы и школы грамоты съ болѣе сокращеннымъ въ нихъ по количеству учебнаго времени курсомъ школьнаго для учащихся дѣтей обученія и съ нѣкоторымъ приноровленіемъ ихъ программъ и школьно-учебныхъ требованій къ достиженію учебно воспитательныхъ задачъ и цѣлей, нѣсколько обособленно поставленныхъ для училищъ этого новаго типа.

II.

Крестьяне, нѣтъ сомнѣнія, очень дорожатъ и тѣмъ небольшимъ образованіемъ, какое дается ихъ дѣтямъ въ нашихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, почему они такъ охотно и отдаютъ своихъ дѣтей въ училища, буквально наперерывъ другъ передъ другомъ. Въ неприхотливо простомъ и несложномъ обиходѣ ихъ сельско-хозяйственной жизни и дѣятельности для нихъ, нѣтъ сомнѣнія, имѣетъ очень большое значеніе даже и то небольшое, что изъ общей суммы приобретаемыхъ въ школѣ знаній успѣваютъ удерживать въ памяти ихъ дѣти по окончаніи ими курса школьнаго обученія, какъ бы эти небольшіе остатки знаній и навыковъ ни были сами по себѣ скудны и ограничены.

Тѣмъ не менѣе и самъ народъ, хотя пока очень еще смутно, начинаетъ уже сознать то, что для его практической жизни и дѣятельности требуется уже нѣчто гораздо большее того, чѣмъ сколько даютъ ему теперь его начальные народные училища; что новыя условія жизни и новыя семейныя и общественныя отношенія, въ какія пришлось войти народу съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, ставятъ теперь предъ нимъ такія задачи и требованія, достиженіе и выполненіе которыхъ далеко не можетъ быть обезпечено наличными образовательными средствами, имѣющимися теперь въ распоряженіи народа, и что небольшой суммы приобретаемыхъ дѣтьми въ школѣ познаній и навыковъ и степени того общаго умственнаго развитія, какимъ обладаетъ теперь народъ, благодаря вліянію на него начальной народной школы, далеко недостаточно, наконецъ, даже и для тѣхъ болѣе или менѣе внѣшнихъ измѣненій и улучшеній, какія давно уже представлялось бы необходимымъ произвести въ небольшомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ крестьянъ, поставленномъ во многихъ отношеніяхъ еще очень неправильно и

потому находящемся теперь, по общему признанію, въ полномъ почти упадкѣ.

Живое и непосредственное наблюденіе надъ жизнью и дѣятельностью крестьянъ не даетъ никакихъ почти указаній и на то, чтобы общимъ вліяніемъ школы на жизнь хоть въ нѣкоторой степени укрѣплена была воля крестьянъ для борьбы и съ тѣмъ національнымъ порокомъ, которымъ, несмотря на разнообразныя мѣры, привимаемая въ послѣднее время къ его ослабленію, неудержимо подрывается все благосостояніе крестьянъ, а также постепенно и очень быстро разрушается и физическое здоровье всего крестьянскаго населенія. Очень слабо, наконецъ, отражается доброе вліяніе школы на измѣненіи, улучшеніи и приведеніи въ большій порядокъ и всѣхъ вообще сторонъ крестьянскаго быта и положенія. Внѣшняя обстановка крестьянскихъ домовъ большею частью убогая и неряшливая: полное почти отсутствіе въ нихъ опрятности и чистоты; крайняя простота и даже нѣкоторая внѣшняя грубость во взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными членами семьи; очень неотчетливый, неправильный и нѣсколько грубоватый разговорный языкъ; довольно частое употребленіе нѣкоторыми членами семьи совершенно неупотребительныхъ и даже совсѣмъ неприличныхъ словъ и выраженій и проч.,—все это и теперь, какъ и прежде, наблюдается, повидимому, едва-ли не въ каждой отдѣльной крестьянской семьѣ, какъ совершенно обыкновенное и привычное всѣмъ явленіе. Въ этомъ отношеніи народная школа и народная жизнь какъ бы только прошли одна около другой и продолжаютъ далѣе идти совершенно раздѣльно одна отъ другой и вполне независимо.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что и тѣ общественныя учрежденія, которыя стоятъ ближе другихъ къ народу, къ его разнообразнымъ нуждамъ и потребностямъ, также не считаютъ достигаемыхъ школами результатовъ достаточно полными, законченными и въ надлежащей мѣрѣ отвѣчающими на всѣ тѣ запросы и требованія, какіе можетъ и долженъ предъявлять простой народъ къ своимъ начальнымъ народнымъ училищамъ. Поэтому болѣе отзывчивыя, живыя и болѣе дѣятельныя изъ указанныхъ учрежденій всегда принимали и теперь послѣдовательно принимаютъ самыя разнообразныя и настоятельныя мѣры къ укрѣпленію, расширенію и углубленію въ крестьянской средѣ того элементарнаго образованія, какое приносятъ съ собою дѣти въ жизнь изъ своей начальной народной школы. Сюда могутъ быть отнесены всѣ ходатайства и распоряженія этихъ учрежденій объ устройствѣ для крестьянъ училищъ съ повышеннымъ курсомъ образованія, четвертыхъ дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ для повторитель-

наго и болѣе твердаго усвоенія пройденнаго дѣтьми за первые три года ихъ обученія, объ открытіи общественныхъ при училищахъ библіотекъ, объ учрежденіи въ селахъ библіотекъ-читаленъ, небольшихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ низшаго типа, ремесленныхъ отдѣленій и школъ и т. п. Къ разряду же мѣръ, упрочивающихъ и развивающихъ среди народа сообщаемое ему въ училищахъ элементарно школьное образованіе, можетъ быть отнесена также и принятая въ нѣкоторыхъ губернскихъ земствахъ, какъ, напримѣръ, въ Вятскомъ, бесплатная и очень широкая раздача полезныхъ и назидательныхъ по своему содержанію книгъ всѣмъ, по возможности, грамотнымъ лицамъ мѣстнаго крестьянскаго населенія, въ особенности же всѣмъ ученикамъ и ученицамъ начальныхъ народныхъ училищъ, научившимся уже хорошо читать и въ предѣлахъ своего возраста и развитія правильно понимать прочитанное.

При разсмотрѣніи и разрѣшеніи настоящаго вопроса нельзя также не придавать особеннаго значенія и тому, что даже въ нашихъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, призванныхъ заботиться о лучшемъ устроеніи народа и объ охраненіи его благосостоянія, всегда, кажется, поддерживалась и развивалась мысль о крайней недостаточности того общаго умственнаго развитія и тѣхъ практическихъ знаній, какими располагалъ и располагаетъ въ настоящее время простой народъ для широкаго и возможно правильнаго пользованія правами свободы и самоуправленія, Высочайше дарованными ему 19 февраля 1861 года. На признаніи этого положенія, какъ дѣйствительнаго факта, и основался, можетъ быть, цѣлый рядъ тѣхъ правительственныхъ распоряженій и мѣръ, какія, въ цѣляхъ упорядоченія крестьянской жизни и крестьянскаго самоуправленія, принимались у насъ въ отношеніи къ крестьянскому населенію послѣ реформы 19 февраля 1861 года, какія, по тѣмъ же самымъ побужденіямъ, продолжаютъ и теперь еще подготавливаться и вырабатываться. Въ общественномъ сознаніи уже укрѣпилось убѣжденіе, что призванный къ самостоятельной жизни и дѣятельности народъ, даже и при настоящей ограниченности своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ и своихъ знаній, гораздо менѣе уже нуждается въ постоянной и дѣятельной за нимъ опеку, чѣмъ какъ было принято объ этомъ и говорить, и думать. Прекрасныя природныя силы и дарованія народа и его широкій практическій умъ помогаютъ ему и при данныхъ образовательныхъ средствахъ очень многое широко понимать и во многомъ свободно и легко разбираться. Тѣмъ не менѣе, нельзя упускать изъ виду и того, что широкій и безпредѣльно далекій путь, по которому идетъ теперь нашъ освобожденный отъ крѣпостной зависимости народъ, можно сказать, едва только имъ начать.

Поэтому, чѣмъ большими образовательными силами и средствами будетъ располагать народъ для правильнаго и успѣшнаго слѣдованія по этому пути, тѣмъ для него будетъ лучше и тѣмъ меньше потребуются правительственныхъ попеченій, заботъ и разныхъ спеціальныхъ узаконеній для послѣдовательнаго и возможно полнаго устройства всѣхъ безъ исключенія сторонъ крестьянскаго быта и положенія.

Если же наши начальныя народныя училища даютъ въ настоящее время крестьянину далеко еще не все то, въ чемъ онъ теперь прежде и больше всего нуждается, то что же именно они могли и должны были бы давать народу, при настоящихъ условіяхъ и средствахъ своего существованія, чтобы явиться учреждениями, созданными дѣйствительно въ прямыхъ интересахъ народа и въ надлежащей мѣрѣ удовлетворяющими всѣмъ основнымъ его нуждамъ и требованіямъ.

Этотъ общій и чрезвычайно важный вопросъ объ основныхъ задачахъ и цѣляхъ начальнаго народнаго образованія предпрѣшается до извѣстной степени и тѣми уже разнообразными узаконеніями и распоряженіями правительства, на основаніи которыхъ создаются и дѣйствуютъ въ настоящее время наши начальныя народныя училища. Въ Высочайше утвержденныхъ положеніяхъ для этихъ училищъ, въ составленныхъ для нихъ программахъ, а также и въ экзаменныхъ требованіяхъ отъ учениковъ, оканчивающихъ въ этихъ училищахъ полный курсъ своего обученія, достаточно ясно и точно намѣчается то, что должно быть достигнуто учащимися въ этихъ училищахъ мальчиками и дѣвочками и что затѣмъ должно быть перенесено ими отсюда, какъ пріобрѣтеніе, котораго никогда не слѣдуетъ терять, въ повседневный обиходъ всей послѣдующей ихъ практической жизни и дѣятельности.

Такъ, по ст. 1 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 года, „училища эти имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія“. Для достиженія этой цѣли въ составъ предметовъ учебнаго курса въ этихъ училищахъ включены по ст. 3 того же положенія; а) Законъ Божій (краткій катихизисъ и св. исторія); б) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первыя четыре дѣйствія ариѳметики и д) церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно.

Программа этихъ предметовъ въ годъ изданія означеннаго положенія и въ ближайшіе къ нему послѣдующіе годы осталась не разработанной. Завѣдующимъ этими училищами учрежденіямъ и лицамъ, а также въ извѣстной мѣрѣ и самимъ учителямъ и учитель-

ницамъ предоставлялось тогда стремиться къ достиженію указанныхъ выше цѣлей болѣе или менѣе самостоятельно, путемъ возможно большаго приспособленія своихъ занятій къ тѣмъ новымъ и совершенно исключительнымъ условіямъ, въ какія ставила въ то время начальную народную школу какъ самая новизна дѣла начального народного образованія, такъ и вся крестьянская жизнь, шедшая часто совершенно наперекоръ тому, къ чему шла и чего требовала школа. Нѣсколько общихъ и основныхъ требованій, какія предлагались къ выполненію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, дѣйствовавшихъ по положенію 1874 года, можетъ быть извлечено только изъ экзаменныхъ правилъ и программъ 15 октября того же 1874 года, по которымъ испытывались обыкновенно оканчивающіе школу ученики на льготу по отбыванію воинской повинности. Этими правилами и программами ставилось къ обязательному достиженію въ начальныхъ народныхъ училищахъ слѣдующее:

1. По Закону Божію изученіе молитвъ, съ объясненіемъ содержанія ихъ, и краткой св. исторіи ветхаго и новаго завета.
2. По русскому языку достиженіе умѣнья читать по доступной пониманію учащихся книгъ правильно, бѣгло, со смысломъ, умѣнья последовательно передавать прочитанное своими словами и прочитывать какую либо четкую рукопись.
3. По письму умѣнье написать диктуемый отрывокъ, предварительно прослушанный учащимися, четко, скорописью (средней скорописи) и притомъ безъ пропуска и искаженія словъ и съ отдѣленіемъ предложеній знаками препинанія.
4. По ариѳметикѣ изученіе первыхъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами съ приложеніемъ этихъ знаній къ рѣшенію несложныхъ практическихъ задачъ, встрѣчающихся въ житейскомъ быту, и отчетливое ознакомленіе съ русскими мѣрами длины, вѣса, времени, сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ и монетъ.

Въ 1881 году для начальныхъ народныхъ училищъ составлена и опубликована была уже специальная и болѣе полная программа по предмету Закона Божія, съ подробнымъ указаніемъ въ ней всего матеріала, подлежащаго изученію и со включеніемъ въ курсъ этого предмета объясненія символа вѣры и десяти заповѣдей и ознакомленія учащихся съ церковнымъ богослуженіемъ.

Требованія эти, выполненіе которыхъ до изданія программъ 1897 года считалось обязательнымъ для начальныхъ народныхъ училищъ, были, разумѣется, очень не велики и не обширны. Тѣмъ не менѣе, въ годъ изданія Положенія о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты (1884 г.) признано было возможнымъ какъ

бы понизить нѣсколько даже и эти очень невысокія требованія; такъ какъ училища этого новаго типа опредѣлено было тогда учреждать уже съ болѣе краткимъ для нихъ курсомъ обученія: церковно-приходскія школы съ двухгодичнымъ курсомъ, а школы грамоты съ одногодичнымъ. Правда, изданныя тогда для школъ этого новаго типа учебныя программы, составленныя въ большомъ соотвѣтствіи съ усиленно распространявшимися въ то время въ извѣстныхъ группахъ общества взглядами на школу и съ новыми школьными требованіями, отличались даже значительно большею полнотою и широтою содержанія, чѣмъ тѣ общіе учебные планы, какими руководились до 1897 года наши начальныя народныя училища, находившіяся подъ общимъ вѣдѣніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но широкихъ требованій этихъ новыхъ программъ не только нельзя было достигать практически во время классныхъ съ дѣтьми занятій, но къ нимъ не легко было даже и приближаться. Желательному успѣху школьно-учебнаго дѣла очень мѣшала въ этомъ отношеніи необыкновенная краткость учебнаго курса, установленнаго для школъ этого новаго типа Положеніемъ 13 іюня 1884 года. Вслѣдствіе этого вновь учреждаемыя церковно-приходскія школы, поставлялись въ необходимость дѣйствовать не только не по расширеннымъ уже, но даже, напротивъ, по болѣе сокращеннымъ программамъ, чѣмъ тѣ, какими руководились до изданія новыхъ программъ 1897 года начальныя народныя училища. И это было, конечно, явленіемъ совершенно естественнымъ и почти неизбѣжнымъ, такъ какъ въ два года обученія даже самымъ лучшимъ учителямъ и учительницамъ совершенно не представлялось возможности пройти значительно болѣе того, чѣмъ сколько въ училищахъ другого типа признавалось возможнымъ проходить въ полные лишь три года школьнаго обученія.

Такое полное несогласованіе изданныхъ для церковно-приходскихъ школъ программъ съ крайней непродолжительностью въ этихъ школахъ общаго учебнаго курса, установленнаго Положеніемъ 1884 года, повело къ тому, что во взглядахъ самого духовнаго вѣдомства на общія задачи и цѣли начального народнаго образованія, а также на устройство и положеніе церковно-приходскихъ школъ, начали происходить мало-по-малу очень замѣтныя и очень существенныя измѣненія. Ближайшими руководителями школьно-учебнаго дѣла въ церковно-приходскихъ училищахъ, а также и самими учителями и учительницами очень скоро понято было то, что въ предѣлахъ двухъ только лѣтъ школьнаго обученія можно было сдѣлать для дѣла начального народнаго образованія лишь очень немного. Поэтому въ практическомъ разрѣшеніи вопроса о большей или меньшей продолжительности курса школьнаго обученія они очень скоро

стали переходить къ тому порядку, какой успѣлъ уже къ этому времени твердо и устойчиво опредѣлиться въ начальныхъ народныхъ училищахъ, состоявшихъ подъ общимъ вѣдѣніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе этого, двухлѣтній курсъ школьнаго обученія въ церковно-приходскихъ школахъ сталъ мало-по-малу какъ бы незамѣтно, но твердо и послѣдовательно переходить въ трехлѣтній. Далѣе, съ постепеннымъ развитіемъ и расширеніемъ школьно-учебнаго дѣла въ духовномъ вѣдомствѣ, очень скоро и очень значительно началъ измѣняться и составъ учащихъ въ этихъ школахъ лицъ, причемъ преподавательскія вакансіи начали замѣщаться здѣсь по преимуществу посторонними церковному клиру лицами, имѣющими возможность отдавать школьному обученію дѣтей все свое время, весь свой трудъ и всѣ свои силы и способности. Это совершенно естественное движеніе къ болѣе правильной и цѣлесообразной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ училищахъ узаконено было, наконецъ, и новымъ о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты Положеніемъ 1902 года, при которомъ изданы были для этихъ школъ и новыя программы, въ значительной мѣрѣ сближавшія постановку учебно-воспитательнаго въ этихъ училищахъ дѣла съ размѣрами тѣхъ требованій, какихъ частью и прежде уже держались начальныя народныя училища, находившіяся подъ общимъ вѣдѣніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и какія сдѣлались затѣмъ еще болѣе обязательными для этихъ училищъ съ изданіемъ для нихъ новыхъ программъ 1897 года.

Примѣрныя программы для начальныхъ народныхъ училищъ, изданныя и предложенныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія къ исполненію въ 1897 году, и новыя программы для церковно-приходскихъ школъ 1903 года имѣютъ очень много общаго какъ въ тѣхъ основныхъ задачахъ и цѣляхъ, какія ими взаимно преслѣдуются, такъ и въ общемъ выборѣ и расположеніи учебнаго матеріала, предлагаемаго въ этихъ программахъ для возможно твердаго и обстоятельнаго усвоенія его учащимися въ начальныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ мальчиками и дѣвочками *). Создавая эти программы, Министерство Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомство Православнаго Исповѣданія руководились, нѣтъ сомнѣнія, очень добрымъ желаніемъ какъ можно полнѣе развить въ народѣ,

---

*) Объ учебномъ курсѣ школъ грамоты и объ изданныхъ для этихъ школъ программахъ мы не будемъ говорить, такъ какъ школы этого типа представляютъ только первую ступень начальнаго народнаго обученія и потому не могутъ быть признаны школами съ совершенно законченнымъ въ нихъ для крестьянъ учебнымъ курсомъ.

путемъ школьнаго обученія и наставленія крестьянскихъ дѣтей, его умственные и нравственные силы и дать ему такой запасъ полезныхъ знаній и навыковъ, какимъ могли бы быть удовлетворены въ послѣдствіи, на пути практической жизни и дѣятельности крестьянъ, все ихъ образовательныя нужды и требованія. Въ этихъ дѣляхъ, проистекавшихъ изъ указанныхъ выше намѣреній, значительно расширены были для начальныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ программы всехъ вообще предметовъ курса начального народнаго обученія, а также опредѣленно указаны были и тѣ послѣднія и болѣе отдаленныя ступени, до которыхъ могли бы достигать, въ дополненіе къ обязательнымъ требованіямъ программъ, крестьянскіе мальчики и дѣвочки, доходящіе до полнаго окончанія курса своего обученія.

Особенно значительныя измѣненія и дополненія внесены были новыми программами въ курсъ начальныхъ народныхъ училищъ, состоящихъ подъ общимъ вѣдѣніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и дѣйствовавшихъ до 1897 года, въ порядкѣ преподаванія всехъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, въ большемъ или меньшемъ примѣненіи къ очень краткимъ программамъ, предложеннымъ въ 1874 году на предметъ испытанія учениковъ начальныхъ училищъ на право полученія ими льготы по отбыванію воинской повинности.

Менѣе значительныя, чѣмъ для начальныхъ народныхъ училищъ, но все же довольно замѣтныя измѣненія и дополненія внесены были также новыми программами 1903 года и въ курсъ церковно-приходскихъ школъ, хотя и прежнія программы этихъ школъ, утвержденныя и предложенныя къ исполненію еще въ 1886 году, были вообще достаточно обширны, полны и очень богаты учебнымъ матеріаломъ.

Такимъ образомъ цѣлымъ рядомъ распоряженій и мѣръ, послѣдовательно принимаемыхъ къ устроенію и лучшей постановкѣ въ Имперіи начальныхъ народныхъ училищъ, все какъ будто направлялось къ возможно полному и широкому удовлетворенію постепенно возрастающихъ въ народѣ нуждъ и потребностей въ начальномъ народномъ образованіи. Школа съ каждымъ новымъ годомъ все тверже и настойчивѣе проникала въ болѣе глухіе и отдаленные уголки крестьянскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно расширялась, увеличивалась и нѣсколько точнѣе опредѣлялась и общая сумма тѣхъ знаній и навыковъ, какіе должны были пройти мало-помалу въ народную среду путемъ начальной народной школы. Такимъ образомъ, отъ всего дѣла элементарно-школьнаго обученія оставалось ожидать лишь самаго полнаго и плодотворнаго вліянія на народъ во всехъ безъ исключенія областяхъ его практической жизни и дѣятельности.

Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти измѣненія и улучшенія въ положеніи дѣла начального народнаго образованія, самъ простой народъ не чувствуетъ еще себя вполне и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетвореннымъ тѣми результатами, какіе достигаются нашими школами и теперь, при болѣе распространенномъ уже въ нихъ курсѣ элементарно-школьнаго обученія. Настоящихъ результатовъ выполняемаго нашими школами дѣла не признаютъ вполне достаточными для крестьянъ и всѣ тѣ лица и учрежденія, которыя стоятъ къ народу въ самомъ близкомъ, буквально непосредственномъ отношеніи, и которымъ поэтому гораздо болѣе, чѣмъ кому либо, извѣстны какъ степень общаго развитія крестьянъ, такъ и вся сумма тѣхъ элементарныхъ знаній, какими народу приходится, по необходимости, довольствоваться теперь во всѣхъ его общественныхъ отношеніяхъ, а также и во всѣхъ домашнихъ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ, становящихся для него съ каждымъ новымъ годомъ и болѣе сложными во всѣхъ отношеніяхъ, и гораздо болѣе, чѣмъ прежде, затруднительными.

Если же это дѣйствительно такъ, если и въ самомъ дѣлѣ наши начальные народныя училища, и при значительномъ расширеніи въ нихъ общаго курса обученія, въ весьма многихъ и самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ не удовлетворяютъ еще тѣмъ запросамъ и требованіямъ, какіе ставитъ имъ для разрѣшенія вся наша народная жизнь и дѣятельность, то въ виду этого теперь больше, чѣмъ когда либо, было бы и своевременно и существенно необходимо оглянуться нѣсколько на пройденный уже нашими школами путь, внимательно всмотрѣться въ тотъ учебный матеріалъ, какой мы предлагали и предлагаемъ на этомъ пути школьнымъ дѣтямъ для изученія, и попытаться, наконецъ, отвѣтить съ возможной для настоящаго времени обстоятельностью и полнотой на цѣлый рядъ вопросовъ, какіе такъ естественно и такъ непринужденно возникаютъ сами собой, разъ только народная школа и народная жизнь въ ихъ ближайшемъ взаимномъ соотношеніи сопоставляются одна съ другой и становятся какъ бы общимъ предметомъ для самаго полного и внимательнаго ихъ изученія.

Изъ цѣлаго ряда такихъ живыхъ и существенно важныхъ вопросовъ не могутъ не представлять особеннаго значенія и интереса, какъ матеріалъ для возможно полного и обстоятельнаго ихъ разрѣшенія, между прочимъ слѣдующіе, очень близко и совершенно непосредственно касающіеся и школы и жизни народной:

Были ли при составленіи программъ для начальныхъ народныхъ училищъ принимаемы въ расчетъ и тщательно взвѣшиваемы всѣ тѣ особенности крестьянскаго быта и положенія, которыми могла бы быть провѣряема и, въ интересахъ крестьянъ, совершенно цѣлесо-

образно направляема вся редакціонная по составленію этихъ программъ работа?

Тотъ ли именно учебно-воспитательный матеріалъ, какой прежде всего нуженъ народу, предлагаютъ ему теперь его маленькія начальныя народныя училища и въ той ли именно мѣрѣ, въ какой это представлялось бы и желательнымъ и необходимымъ предлагать дѣтямъ въ виду особыхъ условий крестьянской жизни и дѣятельности?

Достаточно-ли, далѣе, и во всѣхъ-ли безъ исключенія отношеніяхъ примѣнено содержаніе программъ по Закону Божию къ уровню настоящаго религіозно-нравственнаго развитія крестьянъ, къ особенностямъ ихъ общественнаго и семейнаго быта, а также и къ нѣкоторымъ особеннымъ недостаткамъ крестьянъ и не слѣдовало-ли бы, напротивъ, нѣсколько больше примѣнить элементарный курсъ этого предмета къ достиженію на урокахъ Закона Божія болѣе полнаго религіозно-нравственнаго на дѣтей вліянія?

Правильно-ли въ интересахъ учащихся въ школѣ дѣтей исползованъ былъ составителями программъ очень обширный матеріалъ по предмету церковно-славянскаго языка, съ изученіемъ котораго поставлялось въ живѣйшую связь и доброе религіозно-нравственное на дѣтей вліяніе?

Однѣхъ-ли главныхъ и существенныхъ цѣлей достигаютъ, далѣе, наши учителя и учительницы на урокахъ русскаго языка, руководствуясь въ своихъ занятіяхъ данными имъ на этотъ предметъ программами, и не располагаются-ли они нѣкоторыми детальными указаниями этихъ программъ къ постепенному изо дня въ день уклоненію отъ болѣе важныхъ и существенныхъ цѣлей преподаванія къ достиженію задачъ второстепенныхъ, не особенно существенныхъ а иногда даже и совсѣмъ маловажныхъ?

Всегда ли производительныя и вполне цѣлесообразныя работы указываются въ программахъ и по обученію дѣтей письму; или, напротивъ, и въ отношеніи къ этому предмету обученія очень часто отвлекаются учащіеся дѣти отъ главнаго и существеннаго къ тому, что въ простомъ обиходѣ крестьянской жизни и дѣятельности не имѣетъ и не можетъ имѣть особеннаго значенія?

Въ полномъ ли согласованіи съ общимъ курсомъ элементарно-школьнаго обученія предлагается въ программахъ матеріалъ и по предмету письменнаго и умственнаго счисленія, и правильно ли въ интересахъ крестьянъ, указаны способы для классной переработки этого матеріала и для возможно полнаго и обстоятельнаго его изученія?

Какъ проектированы, далѣе, въ школьныхъ программахъ классныя занятія по предмету духовнаго и свѣтскаго пѣнія, и что можетъ быть фактически достигнуто въ начальныхъ народныхъ шко-

лахъ изъ необыкновенно сложнаго и разнообразнаго матеріала, внесеннаго въ дѣйствующія по этому предмету программы?

Представляется-ли возможнымъ серьезно говорить о постановкѣ въ начальной народной школѣ необязательныхъ предметовъ обученія, когда въ школахъ совершенно не достаетъ времени для изученія дѣтьми даже и того, что должно быть пройдено ими обязательно?

Какимъ содержаніемъ представлялось бы возможнымъ и существенно необходимымъ пополнить всѣ дѣйствующія въ начальныхъ училищахъ программы, какъ слѣдовало бы, можетъ быть, видоизмѣнить включенный въ эти программы матеріалъ и въ какомъ порядкѣ проходить его съ дѣтьми на классныхъ урокахъ, чтобы содержаніе курса начального народнаго обученія по всѣмъ безъ исключенія предметамъ могло отвѣчать самимъ нуждамъ и требованіямъ крестьянъ, и чтобы ни одинъ изъ тѣхъ навыковъ, какіе даются дѣтьми въ ихъ школахъ, никогда не оставался не использованнымъ крестьянами на пути ихъ практической жизни и дѣятельности?

Не слѣдуетъ ли, наконецъ, значительно усилить на всемъ пути элементарно-школьнаго обученія и общее умственное развитіе учащихся въ школѣ дѣтей на счетъ исключенія изъ программъ школьнаго курса тѣхъ формальныхъ и, можетъ быть, совершенно непроизводительныхъ работъ, исполненію которыхъ отдается теперь столько дѣтскаго труда и такъ много учебнаго времени?

Разрѣшенію этихъ живыхъ и существенно важныхъ вопросовъ мнѣ и хотѣлось бы посвятить теперь этотъ небольшой трудъ, чтобы дать хоть нѣкоторое освѣщеніе тому положенію, въ какомъ находится въ настоящее время дѣло начального народнаго образованія и въ какомъ оно могло и должно было бы находиться. Этимъ небольшимъ своимъ трудомъ мнѣ хотѣлось бы также положить первое основаніе и для всѣхъ послѣдующихъ по этому предмету работъ, какія въ ближайшемъ будущемъ, несомнѣнно, выполнены будутъ другими и притомъ, можетъ быть, съ гораздо большею, чѣмъ это будетъ сдѣлано теперь, широтою общаго на предметъ взгляда и съ гораздо большею законченностью. Въ нашемъ начальномъ народномъ образованіи скрыто, нѣтъ сомнѣнія, все будущее нашей родной страны и погону все то, что можетъ быть сдѣлано теперь на пользу этого великаго и прекраснаго дѣла, не можетъ не привлекать къ себѣ всѣхъ выдающихся силъ нашей родной страны и всѣхъ лучшихъ ея дарованій.

А. Красевъ.

(Продолженіе будетъ).

Опыты сельско-хозяйственного образованія въ деревнѣ.

(Изъ воспоминаній сельскаго учителя).

Бывали-ль вы, читатель, въ деревенской школѣ? Только нѣкоторые сравнительно богатые земства, и то за послѣднее время, стали строить школьные дома, сообразуясь съ требованіями гигиены. Да какъ удовлетворять эти требованія, когда все-таки не хватаетъ средствъ построить столько домовъ и такой величины, чтобы помѣстились всѣ желающіе учиться? У насъ въ уѣздѣ лучшая сельская школа была построена на средства богатаго жертвователя, не жалѣвшего денегъ. Школа была дѣйствительно прекрасная, образовая; обыкновенно ее показывали всякому высшему начальству. И все-таки я слышалъ отъ устроителя, что онъ рассчитывалъ построить ее на тридцать человѣкъ, а ихъ всегда набиралось 80—90. Старые же земскіе школьные дома большею частью довольно плохи и тѣсны; а церковно-приходскіе, даже новые, и еще скромнѣе.

Въ нѣмецкой деревнѣ вы прежде всего замѣтите школу. У насъ эти „разсадники просвѣщенія“, эти центры умственной жизни деревни далеко не всегда такъ благопріятно выдаются внѣшнимъ благоустройствомъ. И все-таки это—разсадники, это—центры, даже при плохой постановкѣ дѣла; а при лучшей они могли бы играть, въ отдѣльных же счастливыхъ случаяхъ и играютъ, очень значительную и почтенную роль.

Напримѣръ, живетъ деревня безъ всякаго „просвѣщенія“ сотни лѣтъ, и вдругъ является школа, а съ нею и книга, и вообще вопросъ о грамотѣ, объ образованіи становится ребромъ и заставляетъ о себѣ думать и говорить. И собственно о грамотѣ, о грамотности вопросъ уже давно рѣшенъ деревней безусловно въ утвердительномъ смыслѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что грамотность неизбежно порождаетъ новые вопросы,—о дальнѣйшемъ образованіи, о книгѣ, да даже и о программѣ обученія. Люди старого закала найдутъ, напр., что нужно больше „налегать на божественное“, а то-де „все учите про козловъ да про лягушекъ“; молодежь же хочетъ иного,

часто ей мало того, что даетъ школа. Вотъ уже и два теченія. А тамъ найдутся, напр., практическіе люди, главнымъ образомъ, изъ зажиточныхъ и торговыхъ,—эти потребуютъ именно соотвѣтствующей практической программы, чтобы умѣли пуще всего считать и писать, да „въ люди“ могли бы выйти. Я знаю такую школу въ фабричномъ селѣ, гдѣ ребята, кончивъ „курсы“, ходятъ потомъ къ учителю учиться на счетахъ и платятъ за это по рублю въ мѣсяцъ.

Словомъ, школа вноситъ въ деревенскій обиходъ рядъ новыхъ идей, и если учителя хоть чуть не просто наемники, всегда будетъ пробуждать мысль и выдвигать все новые вопросы, даже совсѣмъ не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ повседневному укладу крестьянскаго двора.

А для ребятъ она создаетъ уже и совсѣмъ новую жизнь, открываетъ цѣлый новый міръ. Представьте себѣ мальчугана, который бѣжитъ въ школу только потому, что всѣ туда бѣгаютъ. Онъ совершенно не имѣетъ представленія, что значить „читать“. Сперва онъ совсѣмъ не понимаетъ, зачѣмъ его заставляютъ тянуть: а-а-а, у-у-у... и т. д. Онъ тянетъ, потому-что ему это весело и всѣ тянутъ. И вотъ представьте потомъ, какъ по всей рожицѣ у него невольнo распыляется широкая улыбка, когда вдругъ — получается слово, самое обыкновенное, давно ему извѣстное слово, напр. хоть м-а-м-а! Онъ удивленъ, пораженъ, онъ еще разъ водить пальцемъ по буквамъ и опять, вѣрно, это самое слово, которое онъ привыкъ постоянно произносить, совершенно не обращая на него вниманія. Такъ въ книжкѣ и выходитъ: м-а м-а! Да вѣдь это цѣлое открытіе! И глазенки его искрятся, онъ улыбается, сияетъ, доволенъ. Съ нимъ точно что-то великое, необычайное совершилось, или онъ вдругъ выросъ на пѣ-лый аршинъ. Такъ вотъ, что значить „читать“! И онъ начинаетъ читать; онъ у товарищей, у братьевъ спрашиваетъ, какъ называется новая буква, оказавшаяся дальше въ букварѣ; для него уже медленнымъ кажется обученіе въ школѣ: онъ хочетъ скорѣй проникнуть дальше, узнать, что же тамъ? Наконецъ, получилась осмысленная фраза, а вотъ и цѣлый рассказъ. Дальше, дальше! И въ три года онъ хоть въ крошечныхъ отрывкахъ пріобщится къ сокровищницѣ нашей великой литературы. Онъ хоть немного уже познакомился съ Пушкинымъ, пожалуй слыхалъ и о Гоголѣ, встрѣчалъ имена и Толстого, и Тургенева. И при томъ онъ узнаетъ, что прочиталъ лишь крошечные кусочки, что „тамъ“ есть цѣлая литература. Развѣ это не совершенно новый и при томъ невиданно-прекрасный міръ?! Онъ смотритъ на старшаго брата, на отца,—тѣ ничего-то этого не знаютъ, они и понять его не могутъ даже. И это дала ему школа!

А школа, кромѣ этого, вводитъ мальчугана въ невиданную обстановку

новку, онъ слышитъ тутъ необычныя рѣчи, даже манеру говорить видить совершенно иную, иное обращеніе, иной порядокъ, иные интересы. И онъ принимаетъ во всемъ этомъ участіе, входитъ въ эти интересы,—интересы умственные, интересы просвѣщенія, его приучаютъ здѣсь серьезно думать. А онъ выноситъ все это за стѣны школы, вноситъ въ свой домъ, въ деревню, въ ея жизнь. Онъ приходитъ изъ школы съ книжкой, и отнынѣ это уже не просто бумага, годная лишь на „дыгарки“ и обертки: это—важная вещь, онъ хранитъ ее, и книга приобретаетъ въ домѣ подобающее ей мѣсто.

Для неграмотнаго мальчугана, для неграмотной деревни великій шагъ—самый фактъ внесенія новаго элемента въ кругъ идей и понятій, и разъ этотъ первый шагъ сдѣланъ, мысль уже не умретъ, и никакія темныя силы не вырвутъ и не убьютъ ея зародыша.

Но заглянемъ въ школу. Еще съ улицы слышенъ въ ней шумъ, какъ въ ульѣ. Вотъ вы входите туда. Небольшая комнатка, правда, свѣтлая, вся вплоть заставлена рядами длинныхъ, неуклюжихъ старыхъ партъ, такъ что едва остаются узкіе проходы между ними да пространство аршина въ два до дверей. Стѣны чисты, картинки развѣшаны, а въ углу громадный образъ съ возжженою лампадой. Но полъ грязенъ и не можетъ быть чистымъ при такой тѣснотѣ; и воздухъ ужасно душный.

Еще бы: вся комната, какъ поле желтыми подсолнечниками, усыяна дѣтскими головками. И русыя, и темныя, гладко остриженные, выглядываютъ онѣ изъ-за партъ; и тутъ же между нихъ цвѣтныя платочки, ленточки и гребешки дѣвочекъ. Плотно, плечомъ къ плечу набиты за партами ребятишки,—одни наклонились и пишутъ, тѣ, видимо, обдумываютъ задачу, а другіе внимательно слушаютъ, уставивъ на учителя пары блестящихъ—синихъ, сѣрыхъ, карихъ глазенковъ. Вдругъ движеніе: быстро поднимается кверху рука, за нею другая, третья, много. Это знакъ, что они что-то знаютъ или рѣшили. Нѣкоторые въ нетерпѣніи приподнимаются и подпрыгиваютъ,—ужъ больно хочется, чтобы ихъ спросили, чтобы учитель не проглядѣлъ какъ-нибудь поднятую руку. Дѣвочки, наоборотъ, чаще скромно поставятъ только локоть на парту; но желаніе „отвѣтить“, радость, что вотъ она поняла, знаетъ,—такъ и свѣтится изъ ихъ глазъ. Видно, что и онѣ вотъ-вотъ также прыгнули бы, какъ мальчишки; но прыгаютъ и шумятъ лишь очень немногія бойчѣе.

Вглядитесь же въ эти рожицы, въ сотню блестящихъ глазенковъ, во всѣ эти маленькія живыя фигурки,—какъ онѣ ловятъ каждое слово, какъ жадно слушаютъ объясненіе чего-нибудь новаго, какъ напряженно обдумываютъ, пока вдругъ не засіяютъ этой радостью

новой побѣды, новаго приобрѣтенія! Вотъ тамъ карапузъ, пыхтя и скрипя, водить перомъ; онъ нахмурилъ лобъ и весь превратился въ стараніе, даже вспотѣлъ, совершая свою тяжелую работу. Но вотъ онъ повернулъ и отодвинулъ тетрадь, посмотрѣлъ со стороны и улыбнулся: видимо удалось. Улыбаетесь и вы, любясь имъ; но, почувствовавъ на себѣ и встрѣтивъ вашъ смѣющийся взглядъ, онъ весь переконфузился и быстро снова уткнулся въ работу. А вонъ тотъ печаленъ и скученъ. Ему что-то не удастся, и онъ уже готовъ потерять вѣру въ свою способность преодолѣть страшное затрудненіе. Поэтому-то ему стало скучно, руки опустились, охватываетъ разсѣянность и апатія: вы спѣшите поддержать и ободрить его во-время, и онъ опять развеселится, и закипитъ у него работа. Сосѣдь его наоборотъ, видимо счастливъ: ему дается легко, эта работа у него даже любимая, и онъ сидитъ въ свободной красивой позѣ, ловко водя перомъ, и не можетъ удержаться отъ улыбки...

Вглядитесь въ нихъ,—сколько вы найдете тутъ различныхъ способностей, сколько умныхъ, славныхъ головокъ!..

Мнѣ всегда бывало жаль особенно способныхъ и умныхъ ребятъ. Сколько знаній получаютъ они тутъ у меня? Только пробудится охота, интересъ, какъ уже придется поставить точку и тянуть день за днемъ деревенскую или фабричную лямку, безъ просвѣта надежды и, главное, безъ возможности утолить проснувшуюся жажду знанія. А глядишь, вѣдь тотъ или другой могли бы, пожалуй, выйти очень дѣльными и полезными работниками на болѣе широкомъ полѣ. И неужели узко поле нашей великой родины, неужели на немъ мало работы, что она не даетъ дороги этимъ славнымъ ребятамъ? И досадно бывало, какъ подумаешь, сколько балбесовъ папеньки тянутъ за уши, нанимая репетиторовъ, тратя двойныя и тройныя деньги, и все-таки часто не успѣваютъ дотянуть дальше третьяго, а то и второго класса. Тутъ-же и способности, и умъ, и „нѣтъ ходу“, негдѣ и не на что учиться... Если-бы хоть половину тѣхъ денегъ, которыя тратятся только на вытягиванье совсѣмъ безнадежныхъ тупицъ, употребивъ на народную школу!

Въ первый же годъ у меня выдались два брата, — назову ихъ хоть Ваня и Петя Бѣлкины.

Они были изъ наполовину старовѣрческой, большой крестьянской семьи. Никто изъ этой семьи не работалъ на фабрикѣ; фабрики, пожалуй, нѣсколько даже боялись и изо всѣхъ силъ тянули, чтобы миновать этого пекла. Отецъ Бѣлкиныхъ, Матвѣй Ивановичъ, умный и дѣльный мужикъ, съ широкимъ размахомъ, держалъ лошадей и круглый годъ съ тремя старшими сыновьями промышлялъ извозомъ.

Имѣя много скота, да чтобы и всѣ руки всегда были заняты, онѣ дѣлалъ большіе посѣвы, арендовалъ покосы, покупалъ, гдѣ только удавалось, участки лѣса и т. д. Все это обрабатывалось своей большущей семьей, и работали всѣ, дѣйствительно, молодецки. Надо отдать справедливость, что и домъ ихъ былъ первый въ деревнѣ, самый прочный и почтенный. Во всемъ приходѣ, кромѣ Бѣлкина, еще только одна семья нѣкогда Кочкина дѣлала усилія обойтись безъ помощи фабричнаго заработка, и на нихъ поэтому смотрѣлъ весь приходъ въ ожиданіи, что-то выйдетъ изъ ихъ „опыта“. На нихъ всегда указывали, когда заходила рѣчь о невозможности прокормиться землей, о распаденіи семей, или о „роскоши“ и оскудѣніи нравовъ, которыя будто-бы вносило въ деревню знакомство съ фабрикой. Но Кочкинъ скоро не устоялъ: сосѣди судили, что самъ-де сталъ полѣниваться, а сыну показалась тяжелой мужицкая и извозная работа, и онъ пошелъ на фабрику. Извѣстно, что фабричные работники и городская жизнь считаются въ деревнѣ „легкими“.

За первымъ пошли и другіе сыновья Кочкина, а скоро и самъ онъ сталъ находить, что Бѣлкинъ „зря ломается“.

Однако Бѣлкинъ еще упирался и выдерживалъ, изворачиваясь всѣми способами. Но широкіе обороты Матвѣя Ивановича часто требовали большихъ денегъ: то случилось что-нибудь съ лошадыю, то нужна новая упряжь, или кажется, что выгодно можно купить участокъ лѣса,—сразу найти сотню-двѣ рублей даже такому оборотистому, но безденежному человѣку, разумѣется, негдѣ. Не малыхъ расходовъ требовало и поддержаніе, такъ сказать, престижа дома. Это требовалось и дѣловыми интересами, дѣлавшими Матвѣя Ивановича извѣстнымъ въ трехъ уѣздахъ и, по крайней мѣрѣ, верстѣ на 70—100 въ округѣ и заставлявшими поддерживать широкія связи и знакомства. Каждый день можетъ захватить знакомый „нужный человѣкъ“, а въ годовые праздники бывало цѣлое море разливанное. Подъ влияніемъ этихъ вѣчныхъ оборотовъ и изворотовъ широкая сама по себѣ натура Матвѣя Ивановича стала еще размахистѣе: дѣловому человѣку надо умѣть во время быть щедрымъ, нужно умѣть порой и рискнуть, и показать себя.

Семейныя традиціи также требовали поддержанія домъ на высотѣ, такъ-какъ домъ хоть искони былъ чисто крестьянскимъ, но всегда былъ однимъ изъ первыхъ. А занесенная фабричными „роскошью“ порождала естественно у ребятъ Бѣлкиныхъ желаніе также щегольнуть. Становится парень женихомъ,—нельзя безъ лисей шубы, нужны и часы, и калоши, и пр. и пр., а женить—и совсѣмъ бѣда! Во-первыхъ, и дѣвку нужно взять изъ подходящаго дома, чтобы было „куда пріѣхать“, а за такую нужно заплатить рублей

50, 70, а то и всю сотню. А чего стоитъ свадьба! Родня большущая, а кромѣ того—и тутъ явятся всѣ эти пріятели и нужные люди, и всѣ тогда и пьютъ и лютъ уже прямо безъ мѣры. Свадьба въ нашихъ мѣстахъ, такъ сказать, среднему деревенскому парню обходится рублей въ полтора; да и фабричному тоже, коли придется жениться домой, въ деревню.

Фабричные либо раньше прикапчиваютъ, либо потомъ отработываютъ цѣлые годы свадебный долгъ, вмѣстѣ съ женой. У Матвѣя Иваныча сбереженій въ банкѣ быть не могло, и опять приходилось „изворачиваться“. Поэтому всёмъ было равно извѣстно, что Бѣлкинъ въ долгу, какъ въ шелку.

— Э, умная головка! Да ты заслужи, чтобы тебѣ довѣрили столько-то, сколько мнѣ! Поди-ка, сунься,—сколько тебѣ дадутъ? А дадутъ, такъ, значить, чего-нибудь стою,—возражалъ бывало Матвѣй Иванычъ, когда кто-нибудь заикался ему о долгахъ, что-де „хорошо живешь, Матвѣй Иванычъ, да вотъ долговъ-то сколько! Смотри, не зарвись!“

И вѣрно, Матвѣю Иванычу довѣряли, да и можно было довѣрить: вся семья у него круглый годъ, какъ говорится, точно въ котлѣ кипѣла. Любо посмотрѣть было.

Отецъ Матвѣя Иваныча былъ старовѣръ. Это былъ упрямый и довольно грубый старикъ, крѣпкій и до старости любившій выпить. Говорили, что онъ и старовѣромъ сталъ изъ-за того, что поругался съ попомъ, съ которымъ до того они были большими пріятелями. Будто-бы онъ даже замахнулся на священника какою-то тяжелой „божественной“ книгой; — суровый и довольно дикій былъ старикъ. Онъ жилъ въ маленькой хаткѣ на задворкахъ и водилъ пчель. Сыновья хоть и не ужились съ нимъ ни одинъ, но по заповѣди Божіей почитали, и старику жилося недурно. Подъ его вліяніемъ Матвѣй Иванычъ тоже пріохотился къ „древнему писанію“ и въ рѣдкіе досужіе часы его можно было застать въ очкахъ за какою-нибудь тяжеловѣсною „старопечатной“ книгой.

Кромѣ этого, не могъ, конечно, онъ не цѣнить грамотность и въ качествѣ дѣловаго человѣка; но все-таки, за вѣчною работою и недосугомъ, одного изъ старшихъ сыновей оставилъ неграмотнымъ. Ужъ больно дороги были рабочія-то руки; а тутъ еще и до школы было верстъ 8—9. Но третій сынъ все-таки прошелъ весь трехлѣтній курсъ: двое помощниковъ дали уже возможность освободить третьяго, и Бѣлкинъ не преминулъ использовать эту возможность. Очевидно, цѣну грамотѣ онъ зналъ хорошо. Но дѣла ли становились хуже, такъ-какъ ярмарки съ каждымъ годомъ падали, а зато росли чугуны и извозный промыселъ подрывался съ двухъ концовъ, или же вѣчные

извороты съ долгами все осложнялись и затруднялись, — только младшихъ сыновей, Ваню и Петю, Матвѣй Ивановичъ опять взялъ изъ школы, не давъ имъ кончить, и они уже два года послѣ этого пробыли дома, когда, наконецъ, открылась наша школа, посѣщать которую стало, по крайней мѣрѣ, значительно ближе.

И все-таки сперва привели ко мнѣ только младшаго, Петю; Ваня былъ нуженъ дома: онъ уже помогалъ въ извозѣ.

Петѣ было двѣнадцать лѣтъ. Широкоплечій, съ замѣчательно миловиднымъ и тонко очерченнымъ личикомъ и роскошною шапкою бѣлыхъ льняныхъ волосъ на головѣ, изъ-подъ которыхъ свѣтились маленькіе сѣро-голубые глазки, рѣзвый и даже нѣсколько шаловливый, онъ былъ въ то же время ужасно застѣнчивымъ и робкимъ. Чуть чего-нибудь не знаетъ или почему-то вообразить, что ему угрожаетъ выговоръ, замѣчаніе,—сейчасъ же уткнется въ парту и заливается слезами. Тутъ, бывало, никакими уговорами его уже не подымешь, пока не выглянетъ, наконецъ, самъ. Нужно было быть съ нимъ особенно кроткимъ и ласковымъ, да и нельзя было не быть такимъ съ этимъ маленькимъ медвѣженкомъ. Приласкаешь его по шелковымъ кудрямъ, ну и раскроются шустрые, свѣтлые глазенки, робость исчезнетъ, и тогда достаточно не налюбуеться его способностями и сообразительностью, особенно по ариметикѣ. Самую сложную и запутанную задачу, за которую никто не знаетъ какъ взяться, онъ непременно рѣшитъ и рѣшитъ легко и быстро. Русский яз., собственно правописаніе, давался ему труднѣе и былъ для него источникомъ постоянныхъ огорченій.

Я такъ и не знаю, откуда развилась у него эта робость, такъ какъ у брата не было слѣдовъ ничего подобнаго; но мнѣ стоило не малыхъ трудовъ приручить этого пугливаго звѣрька. Изъ ихъ деревни, самой отдаленной, лежавшей версты за три, до поступленія брата, школу посѣщалъ одинъ только Петя. Школа же у насъ была крошечная; при ней не было не только ночлежной, но даже квартиры для сторожа, ни для учителя, такъ что, по окончаніи занятій, она запиралась; поэтому я часто оставлялъ Петю на ночьлегъ у себя. Здѣсь онъ становился не такъ робокъ. Мы читали, говорили, разсматривали картинки и готовили вмѣстѣ уроки. Постепенно, должно быть, онъ привыкалъ ко мнѣ, и подъ конецъ зимы совсѣмъ пересталъ плакать и робѣть по урокамъ; только когда бывалъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, то упирался и молчалъ, сощуривъ и безъ того маленькіе глазенки. Все-таки эти длинныя зимніе вечера, которые мы проводили въ моей крошечной горенкѣ, прислушиваясь къ свисту мятеля, отдѣлявшей насъ, казалось, отъ цѣлаго міра,—эти вечера

«дѣлали насъ друзьями на долгіе годы, пока жизнь не разбросала насъ окончательно въ разныя стороны.

Только къ веснѣ, въ великомъ посту, когда стали портиться дороги, отпустили въ школу Ваню. Тутъ уже видимо большую роль играло желаніе получить свидѣтельство объ окончаніи школы, такъ какъ парню была очередь идти въ солдаты. Впрочемъ, этотъ невысокій дипломъ, не дающій въ сущности никакихъ „правъ“, вообще былъ у насъ довольно таки въ почетѣ. Даже дѣвочки старались всѣми силами получить „свидѣтельство“, а потомъ дома заказываютъ на него рамку и вѣшаютъ на стѣнкѣ за стекломъ. И когда, напр., парень женится на такой дипломированной дѣвицѣ, то ужъ непременно упомянуть въ числѣ достоинствъ невѣсты, что-де „кончившая“, „свидѣтельство имѣетъ“.

Ваня послѣ больше чѣмъ двухлѣтняго перерыва успѣлъ въ теченіе поста и затѣмъ до половины мая подготовиться къ экзамену, да еще такъ, что оказался лучше всѣхъ; поэтому можно судить, насколько подготовленный и способный это былъ мальчикъ. Конечно, экзамень, да еще въ сельской школѣ, штука больно не важная; но Ваня Бѣлкинъ составилъ бы украшеніе вообще любой школы; это и подтвердилось позже.

Это былъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, плотно и хорошо сложенный, съ правильнымъ открытымъ лицомъ. Большіе, умные, каріе глаза смотрѣли всегда прямо на васъ, просто и безъ малѣйшей робости, о чемъ бы вы его ни спрашивали. Видно было, что онъ уже не ребенокъ, а работникъ, кой-что успѣвшій испытать въ жизни. Серьезный, сдержанный, умный, онъ никогда не шалилъ, не дѣлалъ глупостей, все хорошо понималъ и обдумывалъ, никогда не лгалъ и ничего не скрывалъ. Не знаетъ,—и говоритъ это такъ просто, гляди вамъ прямо въ лицо, а въ глазахъ ожиданіе, что вы разъясните, но ожиданіе спокойное и довѣрчивое: вѣдь онъ затѣмъ и пришелъ сюда, чтобы ему рассказали и объяснили. Да, именно, такое сознательное и при томъ довѣрчивое отношеніе. Ахъ, какое это чувство, когда на васъ такъ смотритъ пара ясныхъ дѣтскихъ глазокъ! Вся стройная, крѣпкая фигурка—воплощенное ожиданіе, что вы чему-то научите, прольете на что-то! свѣтъ. Отъ васъ ждутъ и вамъ вѣрятъ: вы видите, какъ умная головка готова все воспринять, какъ она серьезно работаетъ... Хочется всю душу, всѣ свои лучшія чувства, всѣ знанія вылить въ эту чудную пару глазъ! И какъ мучительно тогда чувствовать недостатокъ нужныхъ знаній у самого, недостатокъ умѣнья; какъ стыдно и больно вспомнить, если когда-нибудь согрѣшилъ передъ такимъ славнымъ „будущимъ граж-

даниномъ“,—ну, можетъ быть, крикнулъ на него или толкомъ не отвѣтилъ, что нужно и т. д.

Ваня не былъ, однако, изъ типа захваленныхъ дѣтей, которыми, чуть начнетъ говорить,—то и дѣло восхищаются. Нѣтъ, онъ нисколько не выдвигалъ себя, не изображалъ изъ себя умницу. Здоровый, ловкій и сильный, онъ любилъ и играть, и смѣяться; у него не было только дурныхъ шалостей. При томъ это былъ замѣчательно добрый мальчикъ. Онъ всегда успокаивалъ, утѣшалъ и защищалъ всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ,—и никогда никакой насмѣшки, ничего злого. Для Пети же онъ былъ прямо идеальный старшій братъ, и друзья они были самые близкіе, какъ рѣдко между братьями.

Вспоминаю одинъ случай. Уже лѣтомъ, во время каникулъ я какъ-то зашелъ къ Бѣлкинымъ. Разумѣется, водрузили ведерный самоваръ; притащился къ чаю и дѣдъ. Не знаю ужъ, былъ ли онъ выпивши, или просто по обычной своей грубости, только старикъ пустился въ довольно непристойные разговоры, а такъ-какъ „новое ученіе“ онъ не долюбивалъ, то прохаживался и на мой счетъ, да по-пути еще задѣлъ одну почтенную особу. При послѣднемъ я, наконецъ, вспылить, пристыдилъ старика его сѣдой бородой, несмотря на которую онъ оскорбляетъ всѣми уважаемую женщину и распускаетъ грязную клевету. Вступились, конечно, самъ Матвѣй Ивановичъ и старшіе сыновья, поднялся шумъ и старика уgomонили; да онъ и самъ, видимо, уже засовѣстился. Я тоже успокоился и собрался уходить. Ищу ребятшекъ проститься; а они сидятъ за перегородкой у печки и заливаются горячими слезами.

— Что, спрашиваю, съ вами?

— Да что же онъ тебя обижаетъ? Старый!.. Нельзя придти. Намъ стыдно... и т. д.

Началъ утѣшать и утащилъ ихъ къ себѣ; и только поздно вечеромъ мы разстались еще большими друзьями, чѣмъ были.

Пока учились, было весело и интересно. Было дѣло, была, казалось, опредѣленная цѣль. Но вотъ „цѣль“ достигнута, экзамены кончены, и всѣ мы разбрелись отдыхать. Хорошо отдохнуть послѣ трудовъ, особенно съ сознаніемъ, что труды были не бесполезны и задача выполнена. Но человѣкъ уже по природѣ своей не можетъ успокоиться и остановиться. Онъ живетъ ожиданіемъ и стремленіемъ, а когда цѣль оказывается достигнутой, дѣйствительность не удовлетворяетъ его, и чуть минуетъ моментъ первой радости, какъ уже становится скучно.—Только то? спрашиваетъ онъ себя, озираясь вокругъ: а что же дальше? И онъ ищетъ новаго движенія, ставить

себѣ новыя цѣли и такъ постоянно идетъ, идетъ въ вѣчномъ исканіи и стремленіи.

Вопросъ: „что же дальше?“ не замедлилъ встать и передъ нами. Кромѣ Бѣлкиныхъ, кончили школу еще нѣсколько мальчиковъ; но тѣ всѣ особенно не выдавались способностями, и потому, казалось, еще можно было мириться, что они здѣсь и закончатъ. У нихъ и самихъ не было мысли о чемъ нибудь большемъ, а нѣкоторые прямо торопились покончить съ грамотой, чтобы сейчасъ же пойти на фабрику.

Съ Бѣлкиными не то. Ихъ свѣтлыя головки не выходили у меня изъ памяти; я не могъ примириться съ мыслью, что они останутся только съ тѣмъ багажемъ, какой приобрѣли здѣсь,—въ сущности съ простой грамотностью. А затѣмъ—цѣлую жизнь въ обозѣ, въ пути и по постояннымъ дворамъ; тамъ выпить съ мороза, да кстати, погрѣться въ грязномъ трактирѣ за „парой чаю“ въ артели подвыпившихъ мужиковъ, или, самое высшее,—въ почетномъ сообществѣ торгашей, на которыхъ приходилось работать... Развѣ они окрѣпли настолько, чтобы самимъ оказывать просвѣщающее вліяніе на эту темную среду? А тяжелый беспросвѣтный трудъ, закаляя силы, въ то же время создаетъ и болѣе суровые и грубые нравы. Я видѣлъ примѣръ старшихъ сыновей Бѣлкина: хорошіе и добрые въ душѣ ребята, они привыкли изрядно-таки заливать, и по приходу чаще всего ходили рассказы именно о ихъ разгулѣ, принимавшемъ подчасъ довольно дикія формы. Да и самъ Матвѣй Ивановичъ, какъ я слыхалъ, лѣтъ до тридцати вышивалъ только по праздникамъ „красенькаго“; съ развитіемъ же его операций, развивался размахъ его широкой натуры и въ эту сторону. Притомъ—когда ужъ тутъ будетъ браться за книгу и искать въ ней отвѣтовъ на только что родившіеся запросы мысли! И останется только грамотность, только умѣнье прочесть какую-нибудь накладную да трактирную вывѣску.

Наконецъ, и сами ребята пріохотились къ школѣ, и спали и видѣли, какъ бы только продолжать ученіе. Что-жъ было дѣлать? Денегъ нѣтъ. Справился въ реальномъ училищѣ въ городѣ, справился тутъ и тамъ,—все страшно дорого, такъ что и думать нельзя о подобныхъ учебныхъ заведеніяхъ. И вдругъ открываю Америку! Въ сосѣдней губерніи, всего верстахъ въ 25—30 отъ насъ оказывается сельскохозяйственная школа, о которой почему-то никто ничего не слыхалъ и не зналъ. Какъ оказалось, и слышать то собственно было нечего; но въ этомъ убѣдился я позже, а пока сейчасъ же пустился въ розыски и изслѣдованія.

Школа оказалась далеко не изъ блестящихъ. Даже хозяйство, которому удѣлялась наибольшая часть вниманія и заботъ, по какимъ

то причинамъ было далеко не на должной высотѣ, несмотря на то, что „практическія занятія“ учениковъ частенько отзывались форменной эксплуатаціей даровой рабочей силы, да довольно чувствительно прижимались и сосѣдніе крестьяне.

Школа была устроена на средства, завѣщанныя помѣщикомъ, и въ его имѣніи. Баринъ, стремясь облагодѣтельствовать „своихъ“ мужиковъ просвѣщеніемъ, при надѣлѣ земель усердно обрѣзаль у нихъ въ пользу будущей школы всяческіе выгоны и прогоны, и управленіе школы довольно широко пользовалось системой отработковъ за пользованіе всѣми такими „угодьями“. И не знаю, не было ли это единственными пунктами столкновенія интересовъ школы и деревни, единственнымъ „вліяніемъ“ этого культурнаго рассадника на окружающее населеніе,—если не считать еще „вліянія“ на молодое поколѣніе окружающихъ деревень сосѣдства двухъ-трехъ десятковъ здоровыхъ, скучающихъ въ глуши, не имѣющихъ чѣмъ и не знающихъ какъ развлечься молодцовъ. На почвѣ „столкновенія интересовъ“ въ этой послѣдней области разыгрывались иногда занятныя сценки въ самомъ первобытномъ жанрѣ. Но много разъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посѣщая потомъ школу, я не замѣтилъ въ хозяйственномъ обиходѣ сосѣднихъ крестьянъ положительно ничего, что было бы внесено туда сосѣдствомъ этой школы и что отличало бы ихъ отъ обычнаго въ нашихъ мѣстахъ типа крестьянскаго хозяйства, хотя при школѣ были и питомники, и опытные поля, да, наконецъ, цѣлое же образцовое хозяйство. Отношеніе крестьянъ къ школѣ было точно такое же, какъ къ любой помѣщичьей экономіи. Управленіе школы, впрочемъ, само высказывало такой взглядъ, что школьное хозяйство должно какъ можно ближе подходить къ типу средняго частно-владѣльческаго хозяйства, чтобы ученики, такимъ образомъ, практиковались, такъ сказать, не въ оранжерейныхъ условіяхъ. По идеѣ учредителя, школа должна бы собственно выпускать обученныхъ земледѣльцевъ-крестьянъ; въ уставѣ предписывается съ этою цѣлью даже приучать учениковъ носить лапти. Этихъ маниловскихъ мечтаній, разумѣется, уже нѣтъ въ головахъ теперешнихъ руководителей школы; лаптей нынѣ не носятъ у насъ и сами крестьяне, а когда управленіе школы попробовало какъ-то поэксплуатировать эту блестящую мысль завѣщателя (или составителя устава) съ болѣе практической цѣлью простой экономіи, то ребята такъ стали драть этотъ ненавистный имъ и архаическій нарядъ, что распоряженіе очень поспѣшно было отмѣнено: лапти становились дороже сапогъ.

Не выполняя, такимъ образомъ, въ точности воли завѣщателя, администрація школы, должно быть, стремилась приблизиться къ

ней и согласовать ее съ дѣйствительностью. Она объявила цѣлью—готовить практически ознакомленныхъ съ усовершенствованной техникой работниковъ. Во имя этой то программы и велась та эксплуатация даровыхъ, да еще связанныхъ школьною дисциплиной силъ, о которой я упоминалъ выше. Пастьба скота, корчеваніе пней, и при томъ самымъ примитивнымъ способомъ, жнитво обыкновеннѣйшими серпами и т. п.—все покрывалось этой „практической“ программой, и отнюдь не въ размѣрахъ, достаточныхъ для обученія, а въ такихъ, какіе требовались нуждами хозяйства. Это „хозяйство“, наконецъ, стало казаться мнѣ какой-то фараоновой коровой. Я уже говорилъ, что оно вовсе не блистало ни достаткомъ, ни высокимъ благоустройствомъ; а между тѣмъ ученики на него работали круглый годъ какъ самые заправскіе батраки, лѣтомъ же безъ всякаго ограниченія числа рабочихъ часовъ; и опять во имя того же хозяйства (и „практики“) учебнымъ занятіямъ отдавались всего три часа въ день, да и то лишь съ октября до половины апрѣля.

Многое изъ сказаннаго открылось мнѣ только позже: но послѣднее обстоятельство не понравилось съ самаго начала. Не понравилось также и то, что школа раздѣляла общую судьбу такихъ низшихъ специальныхъ заведеній, и особенно сельскохозяйственныхъ. Сюда стекались всякіе неудачники, изгнанные уже изъ всѣхъ гимназій гимназисты, всякіе, отбившіеся отъ родительскихъ рукъ сорванцы и шалопаи; они составляли здѣсь довольно большой процентъ. Дѣйствительно, мы въ деревнѣ, да и въ сосѣднемъ городѣ, живя за 20—25 верстъ, почти ничего не слыхали о школѣ; изъ деревни самаго завіщателя, которая лежала тутъ же рядомъ и которую онъ, конечно, хотѣлъ облагодѣтельствовать прежде всѣхъ, за 8—10 лѣтъ было въ школѣ не больше 2—3 питомцевъ; а между тѣмъ здѣсь были молодые люди буквально со всей Россіи, отъ Вологды до Каменецъ-Подольска и отъ Саратова до Риги. И такихъ было едва ли не большинство, тогда какъ всѣхъ учащихся бывало лишь отъ 30 до 40 человекъ при 20 школьныхъ и нѣсколькихъ земскихъ студентахъ.

Но это оказалась единственная сколько-нибудь доступная намъ школа: полный пансіонъ стоилъ здѣсь 50 руб. въ годъ, но и здѣсь управляющій уже хлопоталъ о повышеніи платы до 75 руб.; лишь въ видѣ исключенія онъ согласился принять моего питомца послѣднимъ по старой нормѣ, при условіи, если онъ явится не позже іюля. Теперь мнѣ уже думается, не была ли вызвана и эта уступка желаніемъ получить лишняго работника на страдную пору? Управляющій особенно былъ доволенъ, что я обѣщалъ ему крестьянскихъ

ребятъ: эти уже умѣютъ работать, а всѣхъ сословій недоросли, очевидно, и ему понатерли шею. Однако заслуга этихъ элементовъ была въ томъ, что они умѣряли пылъ начальства въ „практическихъ“ занятіяхъ, а порой и чрезмѣрную экономію въ продовольствіи. Безъ этихъ безпокойныхъ элементовъ одни не избалованные дома крестьянскіе ребята, вѣроятно, больше выносили бы молчаливо и покорно.

Выбора у насъ не было. Являлось еще вопросомъ, гдѣ найти даже эти 50 руб. въ годъ, а для двоихъ уже сто,—цѣлый капиталъ! Между тѣмъ все же это была школа, и поступленіе туда дало бы ребятамъ возможность провести лишнихъ 3—4 года въ сферѣ учебныхъ и книжныхъ интересовъ. Управляющій школой, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, знающаго и любящаго свое дѣло. При плохихъ помощникахъ работать ему приходилось много; онъ вставалъ лѣтомъ въ 4 часа и поспѣвалъ всюду самъ. Нравились мнѣ также его гуманное отношеніе къ ученикамъ и видимое уваженіе учениковъ къ нему. Иногда недовольство по какому-нибудь поводу обращалось и на него; но въ общемъ его уважали и цѣнили. Одно вліяніе такого образованнаго и гуманнаго человѣка въ теченіе 3—4 лѣтъ, казалось мнѣ, чего нибудь уже стоило. При томъ онъ самъ читалъ также лекціи, хотя преимущественно по спеціальнымъ предметамъ; но здѣсь эти предметы стоятъ такъ близко къ общему естествовѣдѣнію, что умѣлое преподаваніе ихъ необходимо должно вліять и на общенаучное развитіе. Съ другой стороны, преподаватель, напр., ботаники или физики непременно долженъ былъ подготовить слушателей по крайней мѣрѣ настолько, чтобы они могли перейти къ предметамъ спеціальнымъ. Словомъ, какъ ни мало, а общее образованіе тутъ все-таки давалось. Для меня же это было главное. Въ сельско-хозяйственную спеціальность, какъ средство „сдѣлать карьеру“, особенно въ нашихъ мѣстахъ съ широко развитой фабричной промышленностью и рѣдкимъ и захудалымъ помѣщичьимъ землевладѣніемъ, я и тогда мало вѣрилъ. Да не о карьерѣ шелъ и вопросъ. Важно хоть сколько нибудь поучиться еще, а тамъ ребята уже найдутъ способы прожить, думалъ я. А ребятамъ самимъ такъ хотѣлось еще поучиться.

Начинаю держать совѣтъ съ Матвѣемъ Ивановичемъ и неожиданно встрѣчаю съ его стороны большое сочувствіе. Повидимому, онъ понималъ, что всѣ его пять сыновей не смогутъ уже прожить въ деревнѣ такъ, какъ еще удавалось ему. О судьбѣ младшихъ какъ разъ было время подумать, куда ихъ направить. Въ моемъ предложеніи ему очевидно представилась возможность вывести ихъ „въ люди“, и при этомъ избѣжать фабрики.

Сѣздили еще разъ въ школу: все понравилось Матвѣю Ивановичу, а то, что ученики не шутя работаютъ,—особенно. Значить—не отстанутъ отъ работы и не избалуются. Я любилъ видѣть Бѣлкина въ такія минуты, когда онъ обдумывалъ судьбу своихъ сыновей. На лицѣ его тогда отражалась глубокая, серьезная дума, и говорить онъ начиналъ нѣсколько торжественно, часто и глубоко вздыхая. Этотъ закаленный, суровый работникъ, оборотистый дѣлецъ и довольно-таки строгій патріархъ въ семьѣ глубоко любилъ своихъ мальчугановъ. Подобнымъ же образомъ онъ вздыхалъ еще, когда говорилъ о грѣхахъ или о чемъ-нибудь „божественномъ“. Но и тогда его лицо бывало менѣе глубоко-серьезно, а разговоры отъ писанія, вызывая нерѣдко къ спору, порождали порой полемическій задоръ и горячность. Чувство родительскаго долга, видимо, лежало въ его душѣ еще глубже, и въ рѣшительные моменты въ жизни дѣтей онъ, можетъ быть, припоминалъ свои грѣхи передъ ними, можетъ быть, каждый лишній, прокученный подъ веселую руку рубль, который долженъ бы пойти на устроenie ихъ жизни; видимо, со страхомъ думалъ онъ также о ихъ будущемъ, о томъ, поможетъ-ли ему Богъ устроить ихъ такъ, чтобы они потомъ не жаловались на него Богу. Онъ, конечно, слишкомъ много видалъ на свѣтѣ, чтобы относиться къ образованію отрицательно, и хоть на первомъ мѣстѣ ставилъ, разумѣется, практическія выгоды, но цѣнилъ при этомъ и благовоспитанность, и общее развитіе образованнаго человека.

— Ну, видно ужъ такъ и быть: бери, отдавай Петруху! Я на тебя его отдаю,—не оставь его; а самъ ужъ какъ-нибудь сколочу полсотни. Можетъ, и выйдетъ въ люди,—рѣшился, наконецъ, Матвѣй Ивановичъ.

— И Ваню-то жаль, говорю я, ободренный удачей.

— Оно такъ! Иванъ еще дѣлнѣе, изъ этого вышелъ бы толкъ, да на двоихъ совѣмъ ужъ не хватитъ. Не знаю, какъ и съ однимъ извернусь. Да этотъ еще малъ, а работа у насъ, знаешь, тяжелая,—затанется сызмала-то. Такъ и быть ужъ, пусть подрастетъ. А Иванъ, видно, нечего дѣлать, ломается съ нами, отвѣчаетъ Бѣлкинъ.

Я не сталъ спорить, радъ былъ хоть за одного, а тамъ надѣялся, не придумаю ли чего и другому. Но страшно больно было видѣть Ваню, какъ онъ смотрѣлъ на счастливаго братишку.

— Съ тобой мы какъ-нибудь подготовимся хоть къ экзамену на учителя,—попытался я его утѣшить. Онъ съ благодарностью согласился, потому что больше ничего не оставалось. Но въ умныхъ глазахъ нельзя было не видѣть усилія подавить горе. А Петя, по-

чувствовавъ себя вдругъ отрѣзаннымъ ломтемъ, на первыхъ порахъ даже перетрусилъ. Въ довершеніе подоспѣла съ ласками и приговорами мать. Худая, замученная работой и громадной семьей, эта женщина не была забытымъ существомъ; но все-таки судьбами семьи въ концѣ концовъ распоряжался, конечно, мужъ. Въ домѣ она еще была хозяйкой и имѣла голосъ; но мѣшаться въ высшіе соображенія и расчеты она и не пыталась, зная, что это уже „не ея ума дѣло“. Притомъ она вѣдь знала, что и дома ея любимому сынку было бы ой-ой какъ не легко! Поэтому она ни слова не возражала противъ принятаго рѣшенія, но все-таки не могла не всплакнуть при мысли, что его у нея отберутъ и увезутъ куда-то въ совѣмъ невѣдомую обстановку. А съ нею, хоть и стыдися слезъ, всплакнулъ и самъ Петя, причемъ Иванъ удерживалъ и стыдилъ его. Всплакнулъ онъ также, когда мы, наконецъ, отвезли его въ школу и пришлось разставаться, и потомъ, пріѣзжая къ нему, нѣсколько разъ я видалъ у него слезы; но тогда они вызывались уже обидами нѣкоторыхъ шалуновъ, отъ которыхъ робкій Петя, очутившись одинъ въ непривычной обстановкѣ, не умѣлъ еще отдѣлаться. Но скоро къ нему пришло избавленіе.

Придумывая, что бы сдѣлать для Вани, я набрелъ на мысль просить помощи въ земствѣ. Интересъ къ народному образованію въ нашемъ земствѣ въ тѣ годы былъ довольно умѣренный. Едва поддерживались школы, открытыя въ годы юности земства. Къ этому же времени, т. е. въ началѣ 90-хъ годовъ, хотя главные дѣятели въ земствѣ и оставались почти всѣ тѣ же, но должно быть, увлеченія прошли, и воцарилось сухое канцелярское отношеніе къ дѣлу. Но я и рассчитывалъ, что обращеніе крестьянина за помощью на образованіе сыну заинтересуетъ этихъ бывшихъ либераловъ новизной, и они воспользуются случаемъ безопасно и дешево и безъ особыхъ хлопотъ трягнуть передъ собраніемъ лохмотьями былого на родолюбія. Къ тому же заботы о сельскомъ хозяйствѣ возросли въ это время и въ высшихъ сферахъ, а наши экс-либералы были очень чутки къ вѣяніямъ наверху. Рассчитывалъ я и на собраніе, и для большей гарантіи успѣха посоветовалъ Бѣлкину частнымъ образомъ попросить о поддержкѣ ходатайства всесильнаго въ земствѣ предсѣдателя собранія, подъ вліяніемъ тѣхъ же вѣяній наверху усердно вводившаго теперь въ земскихъ школахъ обученіе садоводству, такъ же, какъ передъ тѣмъ распространялъ онъ часословы и псалтыри, а потомъ военную гимнастику. Расчеты оказались вѣрны, и стипендію отъ земства мы получили.

Излишне говорить, что небывалый въ деревнѣ поступокъ Бѣлкина вызвалъ массу толковъ и пересудовъ. Первое лицо въ приходѣ,

нашъ батюшка, человѣкъ стариннаго закала, несмотря на очень простой образъ жизни, привыкшій смотрѣть на мужиковъ нѣсколько свысока, съ своей особой духовно сословной точки зрѣнія, — очень не одобрялъ рѣшенія Матвѣя Ивановича. Не рискуя говорить противъ образования вообще и не отрицая явно права на него у мужичьихъ дѣтей, онъ все-таки утверждалъ, что ничего изъ этого не выйдетъ, что ребята только отобьются отъ среды и наберутся горю и ужъ, конечно, не будутъ помощниками и кормильцами отцу. Матушка и другіе иронизировали болѣе открыто:

— Матвѣй Ивановичъ хочетъ сыновей въ благородные вывести.

И при этомъ, къ слову, рассказывалось о комъ-либо изъ Бѣлкиныхъ что-нибудь такое, что должно было породить въ слушательскомъ въ возможности такого исхода, — напр., о какомъ-нибудь случаѣ разгѣла и т. п. А въ заключеніе матушка добавляла: „дай Богъ! дай Богъ!“ и такъ скептически сжимала губки, что оставалось въ сомнѣнія, что Богъ тутъ ничего не дастъ.

— „Ишь, какъ поправился, — говорилъ батюшка: „шутка-ли полсотни въ годъ!“ А потомъ переходилъ къ долгамъ Бѣлкина и, наконецъ, къ небреженію и скупости ихъ семьи по отношенію къ духовнымъ и церкви. Тутъ попутно рассказывалось объ отпаденіи старика Бѣлкина въ расколъ изъ-за упрямства, а въ заключеніе опять повторялось: „дай Богъ! дай Богъ!“

Но едва ли не болшій еще эффектъ произвела земская стипендія. Это обстоятельство скуповатую матушку, кажется, прямо-таки огорчало. Мужикъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего получаетъ 75 цѣлковыхъ въ годъ, чтобы сдѣлать баринкомъ сына!

На крестьянъ послѣднее обстоятельство наоборотъ, произвело очень хорошее впечатлѣніе. Ихъ, видимо, даже сбилъ нѣсколько съ толку такой неожиданный и небывалый оборотъ. У однихъ также родилась зависть; нѣкоторые говорили даже, что стало быть-де, они платятъ въ земство, а оно отдаетъ деньги Бѣлкину учить сына; другимъ же это какъ бы открыло глаза на возможность найти такой откликъ со стороны земства; — но въ глазахъ всѣхъ вмѣстѣ это несомнѣнно придавало вѣсь самой затѣѣ Бѣлкина учить сыновей: разъ земство находитъ нужнымъ помогать, значитъ, дѣло серьезное.

Нѣкоторые изъ консерватизма, другіе, — особенно бабы, у которыхъ были свои любимые сынки, — изъ зависти вторили батюшкѣ на тему, что ничего не выйдетъ, что только отъ дома отобьются, кормильцами не будутъ и т. д. Многіе, соглашаясь въ принципѣ, что учить то оно и хорошо, по повѣстнымъ временамъ ученъе-де нужно и съ ученъемъ въ люди можно выйти, — недоумѣвали однако передъ программой школы. Говорили: что-жъ это за наука? Косить-то да

пахать и дома больно хорошо научились бы. Возражаешь, что и пахать можно различно, что нынче наука уже много сдѣлала въ этой области, указываешь примѣры. Но всѣ такіе доводы встрѣчаютъ чаще всего скептическое отношеніе.—„Оно конечно .. Да... Сравнить ли ученаго человѣка съ темнымъ...“ и т. п. полуфразы пѣдятся въ отвѣтъ явно только изъ вѣжливости. Молъ, вамъ, ученымъ людямъ, само собой полагается такія рѣчи говорить,—что-жъ тебя обижать (противорѣчіемъ), человѣкъ ты для насъ хорошій; ну а все-таки—ужъ ты насъ не уговоришь! Сами больно хорошо знаемъ. И то, что не договаривалось въ подобныхъ бесѣдахъ, заключалось, очевидно, въ слѣдующемъ: можетъ-де и правда все это объ машинахъ и всякихъ улучшеніяхъ, только какъ за все это тутъ, въ деревнѣ-то возьмешься, съ чего начнешь и чѣмъ примешься? Сами знаемъ, что хорошее лучше, да откуда его взять? И выходитъ—ни къ чему!

Соотвѣтственно фабричному характеру нашихъ мѣстъ, симпатіи больше склоняются къ техническому образованію. Вотъ тутъ все понятно и просто: заработокъ готовъ, при умѣ-же да счастья, глядишь, и механикомъ станеть парень. А куда пойдетъ такой агрономъ? Дома, въ деревнѣ, по общему убѣжденію, дѣлать совсѣмъ нечего: „для этого нечего высоко учиться“. Признавая уже въ деревнѣ необходимой грамотность, даваемую начальной школой, на всякаго, сдѣлавшаго хотя одинъ шагъ дальше, смотреть такъ, что онъ непременно долженъ „выйти въ люди“,—иначе не изъ-за чего далеко учиться. Было время, когда также относились и къ самой начальной школѣ, и надъ „ученымъ“ изъ сельской школы также стали бы смѣяться, если бы онъ взялся за соху...

Однако находились люди, которые цѣнили ученье безотносительно къ будущей карьерѣ. Молодежь, побывавшая въ школѣ, почти поголовно смотрѣла такъ, а были такіе и изъ пожилыхъ крестьянъ-домохозяевъ, но больше, впрочемъ, изъ работавшихъ на фабрикахъ.

Во всякомъ случаѣ наши піонеры возбудили много толковъ и споровъ и большой интересъ къ себѣ. Теперь они оказались на виду, за ними слѣдили и ждали, что-то изъ нихъ выйдетъ. Программа школы тоже интересовала неслыханной новизной и близостью къ интересамъ деревни. Когда Бѣлкины пріѣзжали на капикулы домой, мужики заводили съ ними разговоры, стараясь разглядѣть, чему же они научились, и дѣйствительно-ли это ученье можетъ имѣть какую-нибудь цѣну для мужицкаго обихода. Ребята такіе не стыдили своей школы. Съ каждымъ годомъ они могли давать все болѣе дѣльные отвѣты и указанія, хоть практическихъ результатовъ изъ такихъ разговоровъ еще и не получалось.

Наше больше чѣмъ на половину фабричное населеніе продол-

жасть все-таки всѣми силами цѣпляться за землю, за этотъ привракъ хозяйственной независимости. Крестьяне, въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году работающіе на фабрикѣ и несомнѣнно отсюда получающіе главный доходъ, когда я, въ качествѣ счетчика по переписи 1897 года, задавалъ имъ вопросъ, какой же промыселъ является у нихъ главнымъ,—упорно отвѣчали: „да ужъ, конечно, какъ есть мы крестьяне“...

— Да вы же лишь на короткое время приходите домой, а больше на фабрикѣ работаете, и семья вся на фабрикѣ, — возвращаю я.

— Такъ, такъ... да все-таки ужъ... Потому — сегодня на фабрикѣ, а завтра прогонять, и опять домой придешь. Хозяину служи, а на дверь гляди, извѣстно.

— Но вы вотъ ужъ сколько лѣтъ работаете, и не прогоняли же васъ съ фабрики,—упорствую въ свою очередь я.

— Да, это благодарить Бога! Работу находимъ. А все-таки, значить, по-домашности-то прочтѣе. Тутъ уже завсегда самъ себя хозяинъ. — Такъ и не сдадутся, никакими цифрами не урезонишь. Мечта объ этой „домашности“ оказывалась сильнѣе реальной дѣйствительности.

Фабричная работа считается легкой, а жизнь въ городѣ веселой и вольной, и молодежь стремится, да поголовно и уходитъ туда.

Но чуть остепенится и войдетъ въ разумъ, какъ уже старается что-нибудь дѣлать съ оставленнымъ въ деревнѣ клочкомъ земли и хатой, — пытается обработать хоть немного наймомъ, завести коровенку и т. д. А если умереть отецъ да оставить болѣе или менѣе полное „обзаведенье“ въ домѣ, то возвращается въ деревню почти всякій.

Правда, съ каждымъ годомъ эти мечты о „домашности“ становятся все труднѣе осуществимыми, все большее число даже коренныхъ домохозяевъ уѣзжаетъ въ городъ, бросивъ окончательно землю и забирая съ собою всѣ пожитки, не исключая избы, которую переносить въ какой-нибудь изъ быстро растущихъ пригородовъ, гдѣ потомъ набиваетъ всѣ углы постояльцами. Возвращающихся въ деревню, а тѣмъ болѣе заводящихъ хозяйство вновь съ каждымъ годомъ все меньше. Быстрый ростъ пригородовъ и прифабричныхъ слободъ наглядно свидѣтельствуетъ объ этомъ массовомъ бѣгствѣ изъ деревни: вѣдь наполовину все это деревенскія хаты перетащены и выстроены безконечными рядами на безчисленныхъ „Новыхъ“ улицахъ, „Выселкахъ“ и т. д.

Поэтому я отмѣчаю только, какъ, видимо, тяжело отказаться отъ мечты о „домашности“, что люди сперва всѣми способами, до

последней возможности стараются цѣпляться за родной клочекъ. По праздникамъ, сидя на завалинкахъ, мужики гадали, почему это у ихъ дѣдовъ было втрое больше скота, а имъ нечѣмъ прокормить и тотъ, какой еще остался. Говорилось, что „тѣснѣе“ стало, тогда какъ земли не стало больше, и многіе совсѣмъ уѣхали въ городъ. Много надѣловъ лежатъ заброшенными, и сдаются только за подати, но не всегда есть охотники арендовать ихъ, а если и находятся такіе, то чаще всего пользуются только лѣсомъ да покосомъ, пахота же опять лежитъ впускъ. И въ то же время тѣснѣе! Ясно: все беретъ городъ, все везется туда и обмѣнивается на деньги, а земля въ замѣнъ ничего не дается.

При такомъ тяжеломъ и запутанномъ положеніи, вопросъ о поднятій техники земледѣлія вызывалъ живой интересъ. Это было ново и незнакомо, и сразу приняться за эксперименты было трудно, опасно. Но все-таки зарождалась надежда, — а можетъ и впрямь что-нибудь выйдеть?

Съ любопытствомъ слѣдили за сосѣднею земскою школой, гдѣ вслѣдствіе новаго вѣянія насаждали садоводство и огородничество. Но тамъ ставили дѣло на широкую ногу. Богатый попечитель, можетъ быть, самъ любилъ дѣло, можетъ быть, увлекся затѣей, но не жалѣлъ денегъ. Когда, напр., оказалось, что земля, отведенная подъ садъ ни на что не годна, — сыпучій песокъ и камень, то тамъ не задумались навозить изъ города, за 6—7 верстъ навоза, устроить комносты и затѣмъ, вырывая канаву подъ каждую гряду и яму подъ каждое деревцо, высыпали такую компостной землей. Разумѣется, стоило все это страшно дорого и потому служить образцомъ для крестьянъ не могло. Поэтому же особенно вызывала недовольство и обязательная для школьниковъ работа въ этомъ саду.

Но разговоровъ было достаточно и объ этомъ садѣ тѣмъ болѣе, что во многихъ деревняхъ не было совсѣмъ никакихъ огородовъ, хоть бы для себя; а между тѣмъ близость большого города, казалось, должна бы повліять на развитіе этого промысла.

Тѣмъ временемъ мои питомцы не давали мнѣ поводовъ къ недовольству и сожалѣніямъ. Я всегда слышалъ самые лучшіе отзывы о нихъ управляющаго школой и видѣлъ также прекрасное отношеніе къ нимъ товарищей. Особенно цѣнили всѣ Ваню. Разсудительный, серьезный, добрый товарищъ и дѣльный работникъ, онъ сразу завоевалъ себѣ симпатіи и начальства, и учениковъ. За всѣ три года проведенные въ школѣ, онъ, кажется, ни разу не слышалъ ни малѣйшаго замѣчанія, ни насмѣшки товарищей. Всѣ обыкновенно ставили его въ примѣръ, и это можно было слышать еще долго послѣ

того, какъ онъ уже вышелъ изъ школы. А съ его поступленіемъ туда сразу осушились и Пегины слезы, такъ какъ при немъ ни одинъ школяръ не осмѣливался позволить себѣ никакой злой выходки.

Больше заставляла меня задумываться бѣдность общеобразовательной программы школы, а къ этому еще и постановка преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ оказалась очень далека отъ идеальной; трудно было назвать ее даже удовлетворительной. Еще спасибо управляющему, который не только не преслѣдовалъ, а поощрялъ чтеніе. Но въ чтеніи не было и не могло быть никакого руководства. Нѣкоторые ученики выписывали журналы и газеты; но это были: „Нива“, „Родина“, да еще встрѣчался „Сынъ Отечества“. Зато спеціальныя предметы, всяческія полеводства, скотоводства и т. д., видимо, поставлены были умѣло. Эти предметы знали, и, что еще важнѣе, — ими интересовались, относились къ нимъ серьезно. Бѣлкины даже и журналъ себѣ выписали сельскохозяйственный. Годъ отъ году все яснѣе опредѣлялся обликъ, какой придавало имъ пребываніе въ школѣ. У нихъ проявлялась почти идиллическая любовь къ землѣ, къ земледѣлію, и при томъ ихъ мечтой было—свое хозяйство. Общественно же экономическимъ идеаломъ въ ихъ глазахъ являлась артель. Это вытекало изъ того, что они уже видѣли невозможность приложенія своихъ силъ и знаній къ отцовскому хозяйству, связанному черезполосицей и „міромъ“, чувствовали и трудность, если не невозможность, своими единоличными силами сдѣлать что-нибудь для хозяйства всей деревенской общины. Въ то же время они вѣрно могли уже разсчитать, что всего состоянія всей ихъ семьи не хватило бы на то, чтобы обзавестись собственнымъ, частнымъ, не общинно-крестьянскимъ хозяйствомъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы семья могла имъ просуществовать. Идти же въ услуженіе было для нихъ самымъ тяжелымъ и печальнымъ выходомъ. Артель хорошихъ товарищей, напр., товарищей по школѣ, рисовалась имъ поэтому самымъ лучшимъ, чего можно было желать. А дальше они видѣли уже въ ней выходъ и для всѣхъ, кто ищетъ выхода.

Но, увы! Дѣйствительность на первыхъ же порахъ разбила идиллическія грезы: у Вани же она скоро, повидимому, подломила и самую вѣру въ какіе бы то ни было идеалы.

Онъ былъ принятъ сразу во второй классъ, и потому кончилъ на годъ раньше брата. Онъ явился пробнымъ камнемъ, и тутъ-то на первыхъ порахъ наши деревенскіе реакціонеры зло посмѣялись надъ нами; а мы пережили немало непріятныхъ дней.

Кончилъ мой Иванъ Матвѣевичъ; школа дала ему дипломъ,

платье, которое онъ носилъ, и рублей 15—20 на дорогу изъ напившейся за три года копеечной подневной платы, полагававшейся сверхъ всего ученикамъ за работы.

Разумѣется, и это уже не мало. Гдѣ такія школы, которыя хотя бы такъ снаряжаютъ въ путь? Здѣсь-же школа сдѣлала еще публикацію въ газетахъ о выпускѣ питомцевъ, ищущихъ занятій. Но пока-что приходилось идти домой къ отцу и ждать или искать спроса на свои „обученныя“ руки. Прежде всего, конечно, обратились въ земство, давшее стипендію; но ему услуги питомца оказались совсѣмъ ненужны: никакихъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій оно еще не имѣло, а въ канцеляріяхъ было полно всегда.

Потянулась скучная осень. Дома работы было, конечно, много,—пора горячая, только знай, молоти. А потомъ пилить дрова, потомъ опять тотъ же извозъ. Парень и работалъ отъ всего своего чистаго сердца, съ неизмѣнно ясною привѣтливой улыбкой на открытомъ лицѣ; но „реакціонеры“, а то и просто завистники или сплетники торжествовали, и, надо признаться, изводили даже меня.

— Что, Иванъ-то Матвѣичъ, видно, опять къ дому приучается?— заводила, напр., матушка.

Батюшка поддерживалъ:—Вотъ теперь научить отца новымъ способамъ да удобреніямъ; небось разбогатѣетъ Бѣлкинъ, какъ заведетъ разныя машины.

— Да оно конечно. Дай Богъ всякому! Матвѣй Ивановичъ хорошій человекъ, да и парень-то, видно, дѣльный такой. Только ровно-бы ни къ чему этакое ученье! Братья-то и безъ ученья за обозомъ ходятъ.—И матушка скромно опускала глазки.

За глаза посмѣивались и рѣзче, и грубѣе. На Ваню смотрѣли одни съ плохо скрываемой насмѣшкой, другіе съ сожалѣніемъ. Отецъ только дѣлалъ веселое лицо и отшучивался отъ назойливыхъ разспросовъ, но видно было, что на душѣ у него тяжело. Хотя онъ ни однимъ словомъ не позволялъ себѣ задѣть Ваню.

Послѣднему, разумѣется, было тоже не легко. Не только было ясно, что дома нечего дѣлать, но жить тутъ становилось прямо невыносимо. Проводить въ такой атмосферѣ какія-нибудь культурныя начинанія было-бы крайне трудно и тяжело; во всякомъ случаѣ это было бы развѣ по силамъ не такому, едва начинавшему жить мальчику. И то уже онъ держалъ себя очень хорошо, съ выдержкой, сдѣлавшей бы честь какому угодно солидному мужчинѣ. Онъ совсѣмъ не избѣгалъ назойливыхъ сосѣдей, прямо смотря въ глаза каждому, спокойно и дѣльно на все отвѣчалъ, парализуя тѣмъ злыя намѣренія, такъ что вскорѣ солидные люди стали, навѣрное, стыдиться своего недоброжелательства и опять охотно выпрашивали у него все, что было

имъ интересно. Кончилось тѣмъ, что ему предлагали даже десятину мѣрской земли для опытнаго поля. На глупыхъ же и злыхъ, конечно, не стоило обращать вниманія.

Но дѣло въ томъ, что во-первыхъ, и сами умные мужики, помирившись съ Ваней лично, оцѣнивъ въ немъ хорошаго и умнаго парня,—что касается ученія сельско хозяйственной школы,—остались, видимо, разочарованными. Умный-де парень вездѣ не пропадетъ и добру научится; но что даетъ вообще эта школа и куда годно то, что она даетъ. — это оставалось подъ большимъ сомнѣніемъ. Какъ говорить Иванъ, такъ будто все и правда;—дѣльно говорить; четырехполье, клеверъ, плугъ,—что скажешь тутъ противъ? но какъ все это въ жизни провести? А нельзя провести, такъ и ни къ чему! Добро-бы хоть и взаправду мѣсто себѣ нашелъ, хоть-бы въ люди вышелъ, не даромъ бы учился; да, видно, и никому ихъ такая наука ненужна, коли дома сидитъ, съ отцомъ ломается. Парня жалко.—Приблизительно такъ, повидимому, рассуждали мужики.

А поле опытное? — такъ что жъ! Говорить то парень больно складно да дѣльно. Можетъ что и выйдетъ толковое, дѣлечекъ вонъ уже удобряетъ какой-то мукой и говоритъ—хорошо. Извѣстное дѣло, чему-нибудь да учатся же; мало-ли до чего ученьемъ доходятъ! Только немного такого, что бы мужику перенять подъ силу.

Такъ, мнѣ кажется, старалась смотрѣть лучшая часть деревни. Матвѣй Ивановичъ, несомнѣнно, еще больше вѣрилъ въ своего сына и его науку. Можетъ, онъ и допустилъ бы его передѣлать заново все свое хозяйство; но радикально измѣнить его въ міру нельзя: какъ, напр., введешь четырехполье или шестиполье, или посѣешь клеверъ? Поле общее, и паръ все равно пойдетъ подъ выгонъ. Вводить же частичныя улучшенія,—немногія, какъ, напр., сѣмена, улья и т. п.,—можно и безъ него, воспользовавшись только его совѣтами; на машины не хватитъ денегъ: если-бы даже хоть на усадебной землѣ что-нибудь устроить, такъ и тогда, во-первыхъ, устройство усадебной земли также нельзя цѣликомъ измѣнить, не измѣнивъ всей системы хозяйства, а затѣмъ—и это такое малое дѣло, что изъ-за него оставаться дома не стоитъ. Притомъ на усадьбу есть старшіе братья, которые волей-неволей останутся тутъ, а ему нужно искать другой дороги. И Матвѣй Ивановичъ много волновался и тревожился, ожидая, поможетъ-ли Богъ устроиться его любимцу, и не сдѣлалъ-ли онъ неоправимой ошибки съ этимъ ученьемъ: вѣдь можно-бы, напр., отдать въ мальчишки въ контору, — развѣ не выходятъ въ люди? Да въ слесаря, такъ и то худо-худо зарабатывалъ бы цѣлковый въ сутки.

Наконецъ, у самого Вани, кромѣ пониманія невозможности что-нибудь сдѣлать, оставаясь дома, и несомнѣнно непріятнаго положенія

какого-то неудачника, на котораго всё смотреть или съ насмѣшкой, или съ сожалѣніемъ, — было, конечно, еще и желаніе приложить къ дѣлу свои знанія и силы, а также и самому устроиться почеловѣчески и по возможности соотвѣтственно своимъ наклонностямъ и симпатіямъ. Но первую задачу было — уйти хоть куда-нибудь. Пришлось, скрѣпя сердце, пойти въ тотъ же городъ, гдѣ напало мѣсто конторщика въ какомъ-то маленькомъ предпріятіи рублей за 10 въ мѣсяцъ. Нечего и говорить, что такое положеніе не могло его удовлетворить ни въ какомъ отношеніи. А время шло, и только къ веснѣ, по публикаціи сдѣланной школою, получилось предложеніе отъ уѣднаго земства одной изъ сѣверныхъ губерній.

Слава Богу! Наконецъ-то! И притомъ довольно благопріятныя условія. Правда, вознагражденіе всего руб. 25—30 въ мѣсяцъ; но, во-первыхъ на такую сумму въ маленькомъ сѣверномъ городкѣ да при готовой квартирѣ уже можно прожить; главное же то, что служба въ земствѣ, гдѣ на первомъ планѣ, конечно, просвѣтительныя дѣла, производятся всякіе опыты и демонстраціи, стало быть, есть широкое поле и поучиться самому, и быть полезнымъ другимъ. Словомъ, открывалось поле общественной дѣятельности, и притомъ еще отсутствіе эксплуатаціи, атмосферы выгоды и барыша. Веселый и радостный двинулся въ путь Иванъ Матвѣичъ, готовый отдать всё свои силы и полный розовыхъ надеждъ. Повеселѣлъ и отецъ, и всё деревенскіе сплетники сразу прісмирѣли. Всѣ говорили только, что ужъ больно далеко, „чужая сторона“; но съ другой стороны эта даль представлялась, очевидно, заманчивой: вотъ-де что значить ученье! увидитъ парень свѣтъ.

Но, увы! Скоро я сталъ получать отъ Вани горькія жалобы на его новую жизнь. Оказалось, что дѣло велось больше на-показъ, о пользѣ населенія непосредственные руководители, видимо, думали меньше всего; трудно было научиться чему-нибудь и самому. И сверхъ всего агрономъ, подъ руководствомъ котораго пришлось служить, оказался грубымъ и злымъ челоѣкомъ.

Такимъ образомъ, положеніе получилось опять невеселое; но мнѣ казалось худшимъ, если бы Ваня попалъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ домой; къ тому же осенью кончалъ Петя, и могло случиться, что дома долго просидѣли-бы оба.

Поэтому я пытался уговорить Ваню не бросать службу хоть до тѣхъ поръ, пока не приищеть себѣ чего-нибудь другого. Я рѣшился даже преподавать нѣсколько „мудрыхъ житейскихъ совѣтовъ“ относительно умѣнья ладить съ строптивымъ начальствомъ, совѣтовъ, которыхъ самъ стыдился, и которые, можетъ быть, явились для Вани первымъ толчкомъ къ отчужденію отъ меня и къ общему разочаро-

ванію, какое потомъ можно было замѣтить въ немъ. Онъ совсѣмъ не отвѣтилъ на это мое письмо, да больше и никогда не писалъ мнѣ ни строчки. Почти тутъ же онъ пріѣхалъ домой, бросивъ постылую службу; а затѣмъ вернулся изъ школы Петя, и, какъ я уже ожидалъ, обоимъ пришлось прожить почти цѣлую невеселую зиму дома.

Опять зашумели деревенскіе сплетники, и начались тайные вздохи Матвѣя Ивановича. Мы старались не обращать на все это вниманія и проводили почти все свободное время вмѣстѣ, у меня. Ребята все еще мечтали объ артели, а то строили проекты заарендованія большого имѣнія, чтобы вести свое хозяйство. Нашлось подходящее имѣніе, и Матвѣй Ивановичъ ѣздилъ его осматривать. Мы читали „Письма изъ деревни“ Энгельгардта, у меня же еще случайно завязалась переписка съ однимъ совершенно незнакомымъ интеллигентнымъ поселенцемъ, „осѣвшимъ на землю“ и искавшимъ товарищей. Все это поддерживало мечтанія юношей; но въ концѣ концовъ объ артели все-таки нечего было и думать. Даже аренда имѣнія на мой взглядъ являлась утопіей, которую я старался разбить всевозможными выкладками и расчетами. А къ веснѣ братья опять черезъ школу получили предложеніе поѣхать на какія-то свеклосахарныя плантаціи въ низовьяхъ Волги. Условія были очень плохія: микроскопическое, рублей въ 156, жалованье и „паекъ“, какъ принято въ экономіяхъ; но сидѣть и ждать Богъ знаетъ сколько, это было еще хуже, и оба брата отправились за полторы тысячи верстъ искать возможности приложить свои силы.

Уже поѣхали они далеко не веселые, не ожидая большой удачи, а скоро я сталъ получать вновь жалобы на тяжелое и беспросвѣтное житье-бытье, на этотъ разъ уже отъ Пети. Тамъ приходилось быть надсмотрщиками за сотнями поденныхъ рабочихъ, цѣлый день рыскать по полямъ верхомъ, понукать, торопить, кричать и ругаться, — такъ какъ съ самими приказчиками администрація тоже не церемонилась и требовала отъ нихъ „дѣла“.

Съ ужасомъ сообщалъ мнѣ Петя, что Иванъ дошелъ до того, что разъ самъ ударилъ поденника плетью...

Примѣнить свои знанія опять было негдѣ, немногихъ свободныхъ часовъ едва хватало, чтобы выспаться и чуть-чуть отдохнуть, а грошевого жалованья не хватало и на то, чтобы одѣться: платье и обувь страшно рвались, да и „паекъ“ требовалъ къ себѣ многихъ дополненій.

Петя едва дотянулъ до осени и вернулся домой. Насколько знаю больше онъ уже не служилъ „по специальности“, сдѣлавшись конторщикомъ и разыскивая счастье то тутъ, то тамъ, въ разныхъ да-

лекихъ краяхъ. Однако, многолѣтнія скитанія по городамъ не убили въ немъ любви къ сельскому хозяйству и, кажется, даже мечты объ артели, а всяческія испытанія и порою нужда не сломили вѣры въ „добро и правду“.

Можетъ быть, эта неудовлетворенность работой, которую приходится выполнять исключительно ради заработка, и жажда чего-то лучшаго, болѣе свѣтлаго, — можетъ быть, онъ и гонять его изъ города въ городъ, изъ края въ край, не давая успокоиться на мысли о достиженіи скромнаго довольства тѣмъ, что даетъ судьба.

Ваня — наоборотъ. Должно быть, много накинѣло у него на сердцѣ обидъ и разочарованій, и парень, видимо, рѣшилъ махнуть рукой на всякія мечты и своими силами во что бы то ни стало добиться хоть minimum'a, который избавляетъ отъ нужды и оскорбленій.

Онъ не написалъ ни разу не только мнѣ, но и домой и, работая какъ волъ, прослужилъ на плантаціи пока не удалось, — опять-таки своими силами, — добиться болѣе сносныхъ условій.

Это было опять земское мѣсто тамъ-же въ Поволжьи, но условія были лучше, чѣмъ прежде на сѣверѣ, — больше самостоятельности и т. д. А разъ для него явилась возможность работать, дѣлать любимое дѣло, онъ скоро сумѣлъ заслужить себѣ довѣріе и поощреніе.

Домой онъ пріѣзжалъ, кажется, только, когда потребовалось къ призыву, и здѣсь я видѣлъ его послѣдній разъ. Это былъ здоровый, серьезный и дѣльный работникъ, все такой-же спокойный и разсудительный, но еще болѣе закаленный. Но въ глазахъ не было той искренней довѣрчивости, а на лицѣ ласковой, ясной улыбки, какія озаряли его прежде. Казалось, что этотъ юноша глубоко въ сердцѣ похоронилъ что-то и ни за что не откроетъ своей тайны, не позволить даже намекнуть о ней. Онъ также доброжелателенъ, также мягко говоритъ съ вами, но никогда не сойдется съ вами ближе, разъ навсегда замкнувшись въ себѣ. Скоро онъ прекратилъ переписку даже съ своимъ когда-то такъ горячо и нѣжно любимымъ братишкой.

В. Щ.—инь.

(Окончаніе будетъ).

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1904 году.

(Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Харьковская,
Полтавская и Черниговская губерніи).

1904 годъ является знаменательнѣйшимъ годомъ въ жизни Россіи вообще и—русскаго земства въ частности.

По пережитымъ моментамъ онъ раздѣляется на два рѣзко очерченныхъ періода.

Первые шесть мѣсяцевъ надъ русскимъ обществомъ висѣлъ, въ буквальный смыслъ слова, дамокловъ мечъ, не разъ опускавшійся и губившій не мало жизней. Что же касается земства, то по отношенію къ нему уже былъ произнесенъ смертный приговоръ, и исполненіе этого приговора было поручено сенатору Зиновьеву. Слѣдя за этою ревизіею, мы думали, что 1903 мѣ годомъ и закончатся наши „обзоры“ въ „Русской Школѣ“, такъ какъ нечего будетъ обозрѣвать. Но съ іюля 1904 года картина рѣзко измѣнилась. Съ этого момента начался второй періодъ 1904 года, и такой, какого Россія не переживала со времени своего основанія. Конечно, кто вдумчиво относился къ жизни русскаго общества, тотъ не сомнѣвался, что „весна“ не за горами, такъ какъ не можетъ великій народъ вѣчно пребывать подъ игомъ бюрократіи. Но все же долженъ былъ наступить такой моментъ, который бы отмѣтилъ переходъ къ новому порядку какимъ-либо выдающимся событіемъ. И онъ наступилъ 6 ноября 1904 года, причемъ выдающуюся или, вѣрнѣе, рѣшающую роль въ немъ сыграли представители земствъ. Обсудивъ дѣла государственной важности и высказавъ взгляды, которые сдѣлались лозунгомъ для всего русскаго общества, они въ то же время не забыли и народнаго образованія, которое при всякихъ условіяхъ будетъ играть громаднѣйшую роль.

Такого рода поворотъ, совершившійся во вторую половину 1904 года, не только дастъ намъ возможность сдѣлать обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ названный годъ, но и

внушаетъ полную увѣренность, что таковыя обзоры будутъ имѣть мѣсто и въ дальнѣйшемъ будущемъ, причемъ ихъ интересъ будетъ возрастать соотвѣтственно укрѣпленію и расширенію земской самостоятельности, въ которой, въ концѣ концовъ, должно принять участіе все населеніе всей Россіи, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій и половъ...

Посмотримъ, что сдѣлано въ сферѣ народнаго образованія въ 1904 г. существующими земствами.

По издавна принятому нами плану начнемъ нашъ обзоръ съ южныхъ земствъ и именно съ *Бессарабской* губерніи.

Бессарабское губернское земство ходатайствовало передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ образованіи при этомъ министерствѣ особаго фонда, для выдачи городамъ и земствамъ на льготныхъ условіяхъ ссудъ для постройки школьныхъ зданій. Министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ бессарабскаго губернатора, что вопросъ объ образованіи проектируемаго земствомъ фонда въ министерствѣ уже разрабатывался и затребованы отъ учебнаго начальства надлежащіе свѣдѣнія и заключенія.

Но изъ этого отвѣта еще ничего положительнаго нельзя заключить. Мы знаемъ о многихъ вопросахъ, которые съ незапамятныхъ временъ разрабатываются въ министерствѣ, осуществленіе которыхъ или откладывалось на неопредѣленное будущее или происходило на началахъ, противорѣчащихъ земскимъ ходатайствамъ и земской самостоятельности.

Перейдемъ къ Аккерманскому уѣзду, Бессарабской губерніи. Ужасная, разорительная и совершенно неудачная война и тяжелыя условія русской жизни вообще отодвинули на задній планъ многія нужды, которыя раньше волновали все общество.

Мы говоримъ о такъ называемыхъ „недородахъ“ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего необъятнаго и неустроеннаго отечества. Сплошь и рядомъ „недороды“ эти влекутъ за собою форменный голодъ. И вотъ въ такомъ положеніи въ 1904 году оказался, между прочимъ, Аккерманскій уѣздъ. Весьма естественно поэтому, что выдвинулся на очередь вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи въ теченіе зимы 1904—1905 г. народныхъ учителей, получающихъ содержаніе отъ сельскихъ обществъ, въ виду существующаго опасенія, что эти общества не въ состояніи будутъ своевременно удовлетворять учителей жалованьемъ, какъ это и было въ 1899 году. Въ районѣ Аккерманскаго уѣзда, наиболѣе пострадавшемъ отъ неурожая, находится 99 училищъ, учащіе которыхъ, какъ можно опасаться, могутъ остаться безъ жалованья. Въ виду этого Аккерманская земская управа возбудила ходатайство о назначеніи отъ казны субсидіи въ

размѣръ, хотя бы 2-хъ тысячъ рублей, для выдачи пособій учащимъ означенныхъ выше школъ.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, удовлетворила ли казна ходатайство аккерманской управы или ея гласъ остался гласомъ, вопіющимъ въ пустынь. Последнее предположеніе вѣроятнѣе, такъ какъ ненужный намъ Дальній Востокъ поглотилъ и поглощаетъ безчисленные милліоны, и на удовлетвореніе истинныхъ народныхъ нуждъ, пожалуй, ничего не осталось...

Бѣлецкое земство Бессарабской губерніи оплакивало уходъ председателя уѣздной земской управы О. Ц. Шишко, избраннаго въ члены губернской управы.

Г. Шишко прослужилъ въ Бѣлѣцкомъ уѣздѣ всего два трехлѣтія и за это время успѣлъ себя заявить человѣкомъ, относящимся къ земскому дѣлу съ большою любовью и преданностью. Особенно рельефно выразилась дѣятельность г. Шишко въ вопросѣ объ образовательныхъ нуждахъ населенія. До недавняго времени въ уѣздѣ не было ни одной земской школы; земство какъ бы отстраняло отъ себя руководящую роль въ этомъ дѣлѣ; бюджетъ его по народному образованію не достигалъ и 5-ти тысячъ, да и эта скромная сумма предназначалась на поддержаніе начальныхъ училищъ уѣзднаго города. Последнія шесть лѣтъ отмѣчены весьма крупнымъ оживленіемъ въ этой сферѣ земскаго хозяйства, и смѣта на 1904 годъ, благодаря энергичной защитѣ г. Шишко, доведена до 29-ти слишкомъ тысячъ; на последнемъ очередномъ земскомъ собраніи принятъ докладъ управы, намѣчающій въ теченіе ближайшаго времени устройство цѣлой сѣти школъ, по осуществленіи которой уже можно будетъ думать объ общедоступности начального обученія. На состоявшемся на дняхъ экстренномъ земскомъ собраніи постановлено выразить глубокую благодарность бывшему председателю за его плодотворную работу на пользу уѣзда и повѣсить портретъ его въ залѣ управы.

Много болѣе данныхъ имѣется у него о сосѣдней съ Бессарабскою—Херсонской губерніи.

Несмотря на то, что въ этой губерніи реакціонное направленіе среди губернской администраціи свило себѣ гнѣздо, усердно поддерживаемое и теперь, не взирая на то, что председателемъ губернской земской управы былъ г. Стенбокъ - Ферморъ, извѣстный всей Русской землѣ, несмотря на все это, повторяемъ, дѣятельность херсонскаго земства не заглохла, и вопросы народнаго образованія держались, такъ сказать, на должной высотѣ, вызывая, по обыкновенію препоны со стороны администраціи. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ препоны является репрессія по отношенію къ штундистамъ и, что еще ужаснѣе къ ихъ дѣтямъ.

По этому поводу херсонскую губернскую земскую управу на усмотрѣніе собранія былъ представленъ весьма любопытный докладъ такого содержанія. Въ ноябрѣ 1903 года, по распоряженію инспектора народныхъ училищъ 7-го района, изъ четырехъ земскихъ школъ Одесскаго уѣзда исключено 84 человѣка учащихся дѣтей штундистовъ (что составляетъ 50⁰/₀ общего числа учащихся въ этихъ школахъ); сдѣлано это на основаніи соотвѣтствующаго распоряженія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія по сношеніи съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Уѣздное земство не могло остаться равнодушнымъ къ этому факту и приняло извѣстное рѣшеніе, аппелируя въ губернское собраніе объ отмѣнѣ этого распоряженія. Губернская управа, критически отнесясь къ ходатайству уѣзднаго собранія, нашла, что вопросъ о допущеніи дѣтей сектантовъ въ народныя школы нужно поставить нѣсколько шире. Уѣздное земское собраніе въ своемъ ходатайствѣ предъ губернскимъ изъ числа дѣтей всѣхъ вообще сектантовъ выдѣлило дѣтей именно штундистовъ, считая, что „удаленіе изъ школъ дѣтей сектантовъ отнюдь не должно быть примѣняемо ко всѣмъ поголовно сектантамъ, а только къ штундистамъ“, которыхъ имѣетъ въ виду положеніе комитета министровъ 4-го іюля 1894 г., т. е. тѣхъ, „которые не признаютъ никакихъ властей, возстаютъ противъ присяги, военной службы и собственности“. Но съ правильностью такого взгляда губернская управа не согласилась. Народная школа имѣетъ дѣло съ дѣтьми, существами, еще не сложившимися, религіозная и социальная жизнь которыхъ только начинается. Въ большинствѣ случаевъ въ этомъ возрастѣ, чуждомъ критическаго отношенія къ дѣйствительности, въ дѣтяхъ не проявляется агитація въ пользу тѣхъ или другихъ религіозныхъ вѣрованій или социальныхъ убѣжденій. Поэтому предъ лицомъ школы дѣти всѣхъ родителей, и православныхъ и инославныхъ, и сектантовъ, даже выдѣляемыхъ закономъ штундистовъ,—являются почти однороднымъ нетронутымъ матеріаломъ, который она должна просвѣтить и воспитать—это прямая задача школы. Принципъ же ея—равенство всѣхъ дѣтей предъ просвѣщеніемъ. Если же въ школу не будутъ допущены дѣти штундистовъ,—принципъ этотъ упраздняется. Кромѣ того, если законъ считаетъ необходимымъ при помощи нѣкоторыхъ ограниченій правъ карать штундистовъ, то въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду вполне сложившихся гражданъ, отвѣтственныхъ передъ закономъ, обществомъ и самими собой въ тѣхъ или иныхъ своихъ убѣжденіяхъ. Но это мѣрило не можетъ быть приложено къ дѣтямъ, хотя бы и дѣтямъ штундистовъ. Помимо того, удаленіе дѣтей штундистовъ изъ школы—мѣра отнюдь не педагогическая, такъ какъ этою мѣрою не дости-

гается пресѣченіе зла, потому что дѣти православныхъ и штундистовъ будутъ въ жизни ежедневно имѣть между собою сношенія. Это—только подчеркиваніе зла, обращеніе на него особаго вниманія дѣтей, что дѣлаетъ изъ штундизма нѣчто таинственное, запрещенное и потому особенно интересное и привлекательное для пытливаго ума. Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что нигдѣ—ни въ Сводѣ Законовъ Россійской Имперіи, ни въ Собраніи Узаконеній—нѣтъ ни прямого, ни косвеннаго указанія на то, чтобы дѣти какихъ бы то ни было гражданъ имперіи на основаніи закона могли быть огуломъ лишены права пользованія народной школой, являющейся достояніемъ всего народа, если ими исполняются законныя требованія этой школы. По этимъ основаніямъ, губернская управа рекомендовала собранію обжаловать предъ правительствующимъ сенатомъ распоряженіе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія относительно особаго выдѣленія дѣтей штундистовъ изъ числа прочихъ сектантовъ въ отношеніи ихъ права пользованія начальной школой и ходатайствовать объ отмѣнѣ такого распоряженія. Заслушавъ докладъ, губернскаго собранія послѣ оживленныхъ преній, постановило уполномочить управу возбудить ходатайство передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ отмѣнѣ его распоряженія относительно особаго выдѣленія дѣтей штундистовъ изъ числа прочихъ сектантовъ въ отношеніи ихъ права пользованія начальной школой и въ случаѣ неудовлетворенія этого ходатайства принести жалобу правительствующему сенату; кромѣ того, собраніе постановило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ вообще стѣсненія для всякихъ сектантовъ въ пользованіи народными школами.

Земство, оставаясь на высотѣ своего положенія, иначе и не могло поступить. Что касается администраціи, то ея отношеніе къ разсматриваемому вопросу выразилось въ характерномъ циркулярѣ попечителя учебнаго округа, опубликованномъ въ іюлѣ 1904 г. Этимъ циркуляромъ допускаются дѣти крестьянъ и штундистовъ дер. Основы и Марьяновки Одесскаго уѣзда и дер. Бельведеръ Елисаветградскаго уѣзда къ обученію въ мѣстныхъ земскихъ училищахъ, но съ тѣмъ, чтобы 1) принятыя въ школу дѣти штундистовъ изучали наравнѣ съ православными учащимися всѣ предметы учебнаго курса, въ томъ числѣ и Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе, и церковное пѣніе, и 2) ведущія учебно-воспитательное дѣло лица имѣли особливое наблюденіе за учащимися дѣтьми штундистовъ, чтобы со стороны послѣднихъ не было допускаемо никакихъ проявленій неуважительнаго отношенія къ предметамъ вѣры и благоговѣйнаго почитанія православныхъ. Ходатайство же крестьянъ дер.

Основы о постройкѣ для ихъ дѣтей особой школы министерствомъ не можетъ быть удовлетворено.

Нужно-ли говорить, что такое неуваженіе къ свободѣ совѣсти ведетъ лишь къ раздраженію, тѣмъ болѣе, что различныя разъясненія высшихъ властей, при исполненіи ихъ низшими бюрократами, превращаются просто въ гоненія, каковыя, при благоприятныхъ условіяхъ, постоянно могутъ вылиться въ событія, напоминающія Варооломеевскую ночь.

Херсонское губернское земство думало лѣтомъ 1904 года устроить въ Одессѣ общеобразовательные курсы для народныхъ учителей.

Лекціонный комитетъ одесской городской аудиторіи, который долженъ былъ руководить курсами, увѣдомилъ по этому поводу херсонскую губернскую земскую управу, для сообщенія ученому комитету министерства народнаго просвѣщенія, что хотя характеръ курсовъ будетъ строго общеобразовательный, тѣмъ не менѣ лекторы поставили себѣ задачей провести ихъ настолько популярно, чтобы они были доступны не только для лицъ съ среднимъ образованіемъ, но и съ низшей подготовкой, и что лекторы будутъ обращать вниманіе курсистовъ на все то изъ прочитаннаго, что можетъ быть не только примѣнено къ практическимъ задачамъ начальной школы, но даже проведено въ жизнь.

Ученый комитетъ нашелъ организацію курсовъ неопредѣленную и нуждающуюся въ детальной разработкѣ; программы курсовъ крайне обширными, многопредметными для слушателей съ образованіемъ ниже средняго; продолжительность курсовъ всего 40 дней—очень краткою, совершенно недостаточною для поверхностнаго хотя бы усвоенія всего того обширнаго матеріала, который предположенъ къ сообщенію слушателямъ курсовъ. „Безусловно нецѣлесообразнымъ“ признано также допущеніе на курсы всѣхъ учителей и учительницъ земскихъ школъ Херсонской губерніи, т. е. въ томъ числѣ и такихъ, которые имѣютъ лишь низшій образовательный цензъ. Ученый комитетъ нашелъ проектированные курсы не только не полезными, но даже вредными, особенно для слушателей съ низшимъ образованіемъ, которые, какъ показалъ недавній опытъ съ подобными же курсами въ г. Павловскѣ, оказались неспособными даже записать осмысленно и толково то, что читалось имъ лекторами. Обращаясь къ слишкомъ обширной, по мнѣнію комитета, программѣ курсовъ, комитетъ замѣчаетъ, что по исторіи словесности, напримѣръ, предположено прочесть обширный курсъ исторіи древней литературы письменной: о полемической литературѣ Юго-западной Руси, Максимъ Грекъ, Крижаничъ, Елифанія Славинецкомъ, между прочимъ, загадки, пословицы, апокрифы. Въ программѣ новой русской литературы

встрѣчаются имена Посошкова, Татищева, Стефана Яворскаго. Курсъ проектируется закончить Достоевскимъ, Островскимъ и Л. Н. Толстымъ. Въ программѣ встрѣчаются такіе, напримѣръ, вопросы: „Достоевскій, особенность его таланта и характеръ творчества. Сложность сюжетовъ. Психіатрическій анализъ. Преобладающіе типы. Историко-литературное и педагогическое значеніе произведеній Достоевскаго“. „Общечеловѣческое значеніе новѣйшей русской литературы, ея первенствующее положеніе среди міровой литературы“ и т. п. Проектировались еще лекціи объ устройствѣ музеевъ. Ученый комитетъ нашелъ эти темы слишкомъ сложными для слушателей безъ образовательнаго ценза, которые едва-ли будутъ въ состояніи усвоить всю программу въ такой короткій промежутокъ времени.

Въ заключеніе, комитетъ нашелъ возможнымъ устроить предполагавшіеся курсы въ концѣ каникулярнаго времени, какъ это предполагалось въ 1903 году. Но такъ какъ устроители курсовъ должны въ самомъ непродолжительномъ времени представить подробный планъ ихъ организациі, а за отсутствіемъ времени этого выполнить невозможно, то потому курсы,—какъ это было и въ 1903 году,—устроены быть не могли.

Что же оставалось дѣлать земству? Дѣло ограничилось лишь выраженіемъ сожалѣній, что опубликованными министерствомъ правилами для общеобразовательныхъ курсовъ народные учителя въ отношеніи участія на такихъ курсахъ подраздѣлены на избранныхъ и неизбранныхъ, т. е. на могущихъ участвовать (лица со среднимъ образованіемъ) и не могущихъ (не имѣющихъ средняго образованія), а учителей послѣдней категоріи въ Херсонскомъ земствѣ свыше 40%, и для нихъ-то, главнымъ образомъ, земство и рѣшило еще въ 1903 году устроить курсы.

Со свѣтскою бюрократіею на поприщѣ противодѣйствія развитію просвѣщенія усердно конкурируетъ и бюрократія духовная. Между прочимъ, херсонскій епархіальный училищный совѣтъ *воспретилъ* уѣзднымъ отдѣленіямъ своимъ выдавать земскимъ уѣзднымъ управамъ свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ, сообщавшіяся до сихъ поръ по особымъ, выработаннымъ земствомъ программамъ. Полагая, что таковыя постановленія послѣдовали по недоразумѣнію или же въ виду неточно разработанныхъ земствомъ сообщений, губернская земская управа обратилась въ настоящее время въ епархіальный училищный совѣтъ съ просьбой возобновить снова систему свободнаго предоставленія уѣзднымъ земскимъ управамъ пользованія необходимыми свѣдѣніями. Нужно только удивляться энергіи земства и тому, что оно продолжало дѣлать, что могло.

Такъ, между прочимъ, Херсонская губернская земская управа

въ цѣляхъ выясненія практическихъ вопросовъ, касающихся постепеннаго введенія всеобщаго обученія въ губерніи (согласно постановленію губернскаго собранія сессіи 1903 г.), а также въ цѣляхъ изысканія типовъ школъ высшаго порядка, соотвѣтственно нарождающемуся въ населеніи спросу на школы съ болѣе широкою образовательною программой, обратилась во всѣ губернскія земскія управы съ запросомъ о сообщеніи по выработанной управой программѣ своихъ мнѣній, относящихся къ данному дѣлу.

Губернское земское собраніе сдѣлало слѣдующія постановленія: ходатайствовать о предоставленіи земскимъ врачамъ право вести народныя чтенія и бесѣды по медицинѣ и санитаріи безъ предварительнаго разрѣшенія администраціи; предоставить земскимъ учрежденіямъ организацію на мѣстѣ мѣръ по предупрежденію и борьбѣ съ чумою и холерою; ходатайствовать о созывѣ всероссійскаго съѣзда врачей и представителей общественныхъ учреждений для выработки общихъ мѣръ со сказанною цѣлью.

Херсонскимъ уѣзднымъ земствомъ были введены народныя чтенія по медицинѣ и гигіенѣ, результаты которыхъ были въ ряду другихъ вопросовъ предметомъ обсужденія совѣщанія врачей херсонскаго уѣзднаго земства. На совѣщаніи выяснилось, что эта мѣра получаетъ все большее развитіе въ уѣздѣ. Чтенія велись въ зиму 1903 г. земскими врачами во многихъ селахъ, встрѣчая повсюду живой интересъ со стороны деревенскаго населенія.

Въ одесскомъ уѣздѣ особая коммиссія изъ народныхъ учителей и учительницъ, согласно постановленію бывшаго въ Одессѣ съѣзда учителей, приступила къ разработкѣ проекта организаціи союза учителей и учительницъ Одесскаго уѣзда. Въ проектѣ предполагается также включить вопросъ о взаимопомощи.

Закончимъ наши свѣдѣнія о Херсонской губерніи сообщеніемъ, что на заключеніе попечителя учебнаго округа былъ присланъ изъ министерства народнаго просвѣщенія проектъ объ образованіи при министерствѣ особаго фонда для выдачи ссудъ земствамъ и обществамъ на постройку школьныхъ зданій. Попечитель округа высказался за учрежденіе такого фонда, причемъ призналъ желательнымъ, чтобы на одесскій округъ изъ фонда было предназначено не менѣе 400.000 рублей. Но такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса въ виду военныхъ событій можетъ быть отложено на долгое время, а между тѣмъ оставаться дѣло народнаго образованія въ прежнемъ положеніи не представляется возможнымъ, то попечитель округа вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ, чтобы средства на постройку зданій для школъ, необходимыхъ для всеобщаго обученія, были позаимствованы изъ суммъ, поступающихъ въ ресурсы казны

черезъ сберегательныя кассы. Въ цѣляхъ выясненія вопроса о введеніи всеобщаго обученія въ округѣ, попечитель предложилъ директорамъ народныхъ училищъ предписать инспекторамъ немедленно приступить къ составленію вѣдомостей, заключающихъ слѣдующія данныя: 1) о наличности образовательныхъ средствъ и источниковъ содержанія низшихъ учебныхъ заведеній; 2) о числѣ училищъ, подлежащихъ открытію въ видахъ достиженія общедоступности начальной школы въ каждомъ городѣ и уѣздѣ отдѣльно и 3) соображенія о срокахъ, въ какія предположенныя къ открытію училища могли бы быть открыты и какія для этого понадобятся средства. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо ознакомить съ состояніемъ дѣла народнаго образованія и съ трудомъ статсъ-секретаря А. Н. Куломзина „Доступность начальной школы въ Россіи“ представителей земства и городскихъ и сельскихъ обществъ и по соглашенію съ ними, а также съ мѣстными дѣятелями и благотворителями выяснить, при какихъ затратахъ (единовременныхъ и ежегодныхъ) со стороны государственнаго казначейства, земства, городскихъ и сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ можно было бы въ ближайшемъ будущемъ осуществить въ каждомъ городѣ и уѣздѣ всеобщее начальное обученіе. Всѣ эти данныя должны быть представлены въ управленіе округа не позже 1-го января 1905 г., послѣ чего тайн. сов. Х. П. Сольскій имѣетъ въ виду войти съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Но выйдетъ ли что-либо изъ этого, конечно, неизвѣстно.

Переходя къ *Таврической* губерніи, прежде всего считаемъ нужнымъ отмѣтить печальную фактъ въ культурной дѣятельности Таврическаго земства вообще и въ дѣлѣ народнаго образованія въ особенности. Мы говоримъ объ удаленіи члена Симферопольской губернской земской управы, выдающагося земскаго дѣятеля, князя В. А. Оболенскаго.

Въ прошломъ году, послѣ долгихъ неутвержденій въ качествѣ статистика *), онъ былъ избранъ и утвержденъ въ качествѣ члена губернской управы и скоро послѣ этого удаленъ, и удаленъ въ періодъ, когда еще „весна“ не совсѣмъ кончилась.

Для Таврической губерніи особенно цѣнны энергичные и просвѣщенные земскіе дѣятели, такъ какъ въ общемъ она значительно отстала отъ другихъ земскихъ губерній, между прочимъ, и въ постановкѣ дѣла народнаго образованія.

За 1904 годъ о дѣятельности губернскаго земства въ этой области

*, Кн. Оболенскій былъ „неутвержденнымъ“ завѣдующимъ Орловскимъ статистическимъ бюро.

у насъ вовсе не имѣется свѣдѣнія, и потому приведемъ лишь свѣдѣнія объ уѣздныхъ земствахъ—Бердянскомъ и Ялтинскомъ, сообщивъ предварительно, что въ Симферополѣ въ 1904 году состоялось очередное собраніе членовъ учительскаго общества взаимопомощи, на которомъ, между прочимъ членъ общества В. К. Скульскій, бывший делегатомъ на московскомъ всероссійскомъ съѣздѣ представителей учительскихъ обществъ, прочелъ свой отчетъ о пребываніи на этомъ съѣздѣ и въ заключеніе предложилъ собранію выразить „братскую благодарность московскому обществу попеченія объ улучшеніи быта учащихся, вынесшему на своихъ плечахъ громадную работу по устройству всероссійскаго съѣзда, на которомъ нашъ народный учитель въ первый разъ широко высказался о своемъ положеніи и нуждахъ“. Собраніе это предложеніе приняло.

Въ Бердянскомъ земскомъ собраніи доложено было ходатайство андреевскаго ссудосберегательнаго товарищества и сельскаго общества объ открытіи въ Андреевкѣ четырехкласснаго училища согласно положенію 1872 г.

По этому поводу гл. Харченко заявилъ, что въ большихъ селахъ гдѣ имѣется нѣсколько земскихъ школъ, уже давно выдѣляется значительный процентъ окончившихъ курсъ начальной школы, желающихъ продолжать свое образованіе, но это желаніе не осуществляется за отсутствіемъ въ селахъ такихъ училищъ, которыя служили бы продолженіемъ начальной школы. Такъ какъ до сихъ поръ въ вѣдѣніи земства находились лишь начальныя училища, школы же съ болѣе широкою программой поступали въ вѣдѣніе учебнаго начальства, хотя бы и содержались на счетъ земства, то открытіе подобныхъ школъ вслѣдствіе этого тормозилось. Въ настоящее же время есть основаніе предполагать, что ходатайство земства о предоставленіи ему права открыть училище по положенію 1872 года будетъ удовлетворено. Въ виду же необходимости открытія въ большихъ селахъ училищъ указаннаго типа гл. Харченко совѣтовалъ возбудить ходатайство о предоставленіи земству права открытія такихъ училищъ, причемъ содержаніе предполагаемаго къ открытію въ Андреевкѣ четырехкласснаго училища принять всецѣло на счетъ земства.

Собраніе постановило ходатайствовать о предоставленіи земству права открытія земскихъ училищъ по положенію и программѣ 1872 года и принять содержаніе училища въ Андреевкѣ на счетъ земства, поручивъ Управѣ принять мѣры къ возможно скорѣйшему открытію этого училища.

Ялтинское уѣздное земство еще въ мартѣ 1904 г. возбудило ходатайство о разрѣшеніи созвать въ Ялтѣ, въ августѣ, съѣздъ учащихся ялтинско-севастопольско-евпаторійскаго района, для обсужде-

нія вопросовъ, касающихся, главнымъ образомъ, инородческой школы. Только въ началѣ августа управа получила отвѣтъ, въ которомъ сообщалось, что прежній директоръ народныхъ училищъ умеръ, не успѣвъ дать движеніе этому ходатайству, новый-же директоръ давать движеніе ходатайству считалъ несвоевременнымъ. Въ виду этого, земская управа снова возбудила ходатайство о разрѣшеніи созвать съѣздъ съ 2 го по 9-е января 1905 года, по слѣдующей программѣ: 1) какой типъ школы въ мѣстностяхъ съ инородческимъ и смѣшаннымъ населеніемъ долженъ быть признанъ нормальнымъ и при какихъ условіяхъ возможно его осуществленіе; 2) какою должна быть начальная школа въ учебно-воспитательномъ отношеніи въ инородческомъ населеніи, чтобы удовлетворять запросамъ его; 3) о наглядныхъ пособіяхъ и школьныхъ музеяхъ; 4) о приглашеніи учителей сосѣднихъ школъ на экзамены; 5) объ экзаменаціонныхъ требованіяхъ въ инородческихъ и смѣшанныхъ школахъ; 6) о чтеніяхъ съ туманными картинами для учащихся и народа при училищахъ; 7) о вечернихъ и воскресныхъ занятіяхъ со взрослыми (преимущественно съ инородцами); 8) о библіотекахъ при училищахъ вообще и о составленіи каталога ученической библіотеки для учащихся инородцевъ; 9) о школьныхъ праздникахъ; 10) о школьныхъ прогулкахъ; 11) о медицинской помощи учащимъ и учащимся; 12) о желательности приглашенія учителей въ засѣданія училищнаго совѣта для дачи объясненій по вопросамъ, касающимся учебно-воспитательнаго дѣла и положенія учителя; 13) о положеніи учителя въ качествѣ распорядителя школы и отвѣтственного за нее лица и др.

Но вдругъ „умреть“ и новый директоръ, а намѣстникъ его опять признаетъ „несвоевременнымъ“ ходатайствовать... Таковы судьбы земскихъ мѣропріятій...

Ялтинское очередное земское собраніе постановило прекратить съ 1906 года субсидію обѣимъ гимназіямъ въ г. Ялтѣ, признанную предшествовавшимъ очереднымъ собраніемъ для земства необязательной, а также субсидіи тѣмъ церковно-приходскимъ школамъ, пособіе которымъ для земства необязательно, и освободившіяся суммы употребить на постройку зданій для земскихъ школъ. Въ этомъ же собраніи постановлено, согласно ходатайству учителей, ввести для нихъ съ 1905 г. новые нормальные оклады жалованья съ минимумомъ въ 500 руб., прибавками черезъ каждые три года по 100 р. до максимальной нормы въ 900 руб. въ годъ.

Земствамъ *Екатеринославской* губерніи пришлось испытать рядъ бюрократическихъ натисковъ.

Екатеринославскимъ губернскимъ земствомъ былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ ограниченій доступа учителей на общеобразо-

вательные курсы для учащихся въ начальныхъ училищахъ Екатеринославской губ. Въ 1903 году наблюденіе за недопущеніемъ къ слушанію лекцій учителей, не вошедшихъ въ списки, примѣнялось настолько строго, что одного изъ учителей, прибывшаго въ городъ пѣшкомъ, за нѣсколько десятковъ верстъ, не допустили въ залу и ходатайство его о томъ не было удовлетворено. Устраивая курсы въ нынѣшнемъ году, земство вновь подняло этотъ вопросъ и ходатайствовало предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи всѣмъ учителямъ Екатеринославской губерніи слушать эти курсы, безъ ограниченія какимъ-либо образовательнымъ цензомъ. Министерствомъ это ходатайство было удовлетворено, но съ порученіемъ учебно-окружному начальству не допускать на курсы учащихся, которымъ таковые были-бы мало доступны. Позднѣе было получено отношеніе отъ попечителя учебнаго округа, въ которомъ онъ считаетъ необходимымъ потребовать отъ устроителей курсовъ, чтобы на курсы допускались только лица, окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, и чтобы вольнослушатели и постороннія лица, кромѣ представителей земства, ассигновавшаго средства для курсовъ, безусловно не допускались. Губернская земская управа поставлена была этими ограниченіями въ затрудненіе, такъ какъ выборъ слушателей сдѣланъ по первоначальному заявленію министерства, а если бы земство стало перемѣнять составъ слушателей, то курсы не могли бы состояться, и земство понесло бы большіе убытки. Обратились по телеграфу вновь въ министерство народнаго просвѣщенія и получили за подписью генералъ-лейтенанта Глазова телеграмму, подтверждающую ранѣе сдѣланное заявленіе объ отмѣнѣ ограниченій. На представленіе объ этомъ попечителю одесскаго учебнаго округа губернской управой въ настоящее время полученъ отвѣтъ, что препятствій къ тому, чтобы наблюдатель за общеобразовательными курсами въ г. Екатеринославѣ, по соглашенію съ начальникомъ губерніи, допускалъ къ слушанію лекцій, вмѣсто не прибывшихъ на курсы, тѣхъ учителей, которые обладаютъ достаточной для этого подготовкой, болѣе не встрѣчается.

Славяно-сербскому земству пришлось пережить еще болѣе тяжелыя минуты. Это земство, въ лицѣ председателя управы, г. Радакова, заподозрѣно было въ либерализмъ. Такою подозрительностью бюрократіи воспользовались уѣздные „добровольцы“ и учинили доносъ еще въ первый періодъ 1904 г. Въ силу такихъ условий, доносъ сейчасъ же вызвалъ ревизію. Ревизовать Славяно-сербскій уѣздъ былъ назначенъ генералъ Толичъ. Имъ осмотрѣны были около десяти земскихъ, одна министерская и двѣ церковно-приходскихъ

школы. Чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ ревизовалъ вмѣстѣ съ инспекторомъ народныхъ училищъ земскую библіотеку, книжный складъ и нѣкоторыя читальни библіотеки. Генералъ Толчѣвъ „для всесторонняго освѣщенія“ земскаго дѣла имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ нѣкоторыми мѣстными землевладѣльцами; земскими начальниками были представлены генералу докладныя записки.

Наконецъ, Александровское уѣздное земское собраніе постановило:—принести жалобу на предводителя дворянства гр. Канкрина за его отказъ въ качествѣ предсѣдателя училищнаго совѣта признавать школьную комиссію, избранную собраніемъ въ 1903 г. году на помощь управѣ.

И. Бѣлоконскій.

(Продолженіе будетъ).

О гимназическихъ сочиненіяхъ.

Представьте себѣ, что кто-либо, задавшись цѣлью сдѣлаться портнымъ, рѣшилъ изучать это ремесло по слѣдующей системѣ: беретъ онъ всякаго рода одежду — и старую, и новую, и блестяшіе мундиры, и простые халаты, — распарываетъ все это добро иногда по шву, а иногда просто разрываетъ на куски самымъ варварскимъ образомъ, изучаетъ затѣмъ получившуюся въ результатѣ такой работы рвань, стараясь закрѣпить въ памяти все разнообразіе ея фигуръ, и уже послѣ многочисленныхъ подобныхъ операцій отваживается на болѣе самостоятельную работу, но соблюдая строгую послѣдовательность! Подобно тому, какъ первый періодъ своего обученія, періодъ „разрыванія“, нашъ будущій портной началъ съ того, что рвалъ болѣе простыя принадлежности человѣческаго одѣянія, такъ и во второй періодъ, „складыванія и сшиванія кусковъ“, онъ старается возстановить изъ груды тряпья сначала какую-нибудь наиболѣе простую часть одежды; въ слѣдующій періодъ обученія нашъ портной уже самостоятельно выкраиваетъ „на основаніи изученныхъ образцовъ“ (какъ часто эти слова произносятся передъ гимназистами!) отдѣльные куски, чтобы сшивать ихъ потомъ.

Нашъ портной любитъ форму своихъ образцовъ и стремится всегда крѣпко придерживаться ихъ: когда онъ выполняетъ заказъ, онъ не столько думаетъ о фигурѣ, вкусахъ и особенностяхъ заказчика, сколько о той безформенной рвани, которая получалась у него нѣкогда въ годы ученичества, когда онъ рвалъ что-либо соответствующее по своему назначенію заказу.

Вотъ процессъ обученія въ гимназіяхъ искусству писать сочиненія. Искусство хитрое, но обученіе само по себѣ еще хитрѣе!

Не трудно, конечно, сказать, чѣмъ кончилъ бы нашъ портной: вѣроятно, ему скоро угрожала бы голодная смерть; но, къ чести здраваго смысла, надо признаться, что такихъ портныхъ родъ человѣческій едва-ли когда видалъ. Тѣмъ прискорбнѣе подумать, что идея подобнаго обученія все еще царитъ въ нашихъ гимназіяхъ,

все еще развращает тамъ юные умы и находитъ для себя защитниковъ.

Съ пятаго класса у насъ начинали писать, такъ называемыя, сочиненія. Объ этомъ поговаривали уже въ четвертомъ классѣ. Гимназистовъ, видимо, интересовало и самое названіе „сочиненіе“ и весь тотъ, подернутый какъ бы туманомъ таинственной привлекательности, процессъ обученія, который приведетъ ихъ къ искусству „сочинять“. Я говорю здѣсь, конечно, о меньшинствѣ, о сливкахъ класса. Мы (позвольте, читатель, мнѣ такую нескромность и себя причислить къ сливкамъ класса), мы, т. е. эти самыя сливки, съ нетерпѣніемъ ждали „сочиненій“; намъ хотѣлось именно испытать свои собственныя силы, высказать хотъ въ чемъ-либо *свои* мысли, *свои* симпатіи и антипатіи и показать учителю, что, кромѣ учебниковъ, мы заглядываемъ еще и въ другія книги и что кромѣ гимназій мы думаемъ иногда и о другихъ постороннихъ *) предметахъ. Я хорошо помню тотъ интересъ, который возбуждали во мнѣ и гимназическія сочиненія, и самая „словесность“ до непосредственнаго столкновенія съ ними въ стѣнахъ гимназій.

Но вотъ мы въ V классѣ! Ждемъ съ нетерпѣніемъ первыхъ уроковъ русскаго языка. До этого времени мы все зубрили да долбили русскую и славянскую грамматику, писали скучныя „пересказы“, а теперь намъ предстоитъ изученіе интересной науки, мы будемъ писать свободно, самостоятельно. Развѣ можно было удержаться отъ надеждъ, что гимназія хотъ въ этомъ отношеніи представитъ для насъ что-либо интересное?

Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ мы занимались, такъ сказать, подготовительными работами. Дѣло обыкновенно происходило слѣдующимъ образомъ. Вызываетъ нашъ преподаватель какого-нибудь ученика и приказываетъ читать, на примѣръ, „Лѣсъ“ Аксакова, а остальнымъ говорить: „Слушайте!“ Каждый, конечно, занимается своими дѣлами, а чтеніе идетъ и идетъ, чтеніе скучное, механическое. Когда дошли до конца описанія, забыли все, о чемъ говорилось вначалѣ. Но вотъ отрывокъ прочитанъ. Тотчасъ же всему классу предлагается вопросъ, на сколько частей дѣлится данное описаніе. Ученики начинаютъ дѣлить. Съ ихъ точки зрѣнія прочитанное, конечно, можно раздѣлить на сколько угодно частей, но преподаватель требуетъ, чтобы дѣленіе велось на основаніи нѣко-

*) Согласно чисто гимназическому міровоззрѣнію, постороннимъ называется все то, что находится внѣ непосредственной связи съ гимназіей. Какъ видитъ читатель, для гимназиста вся вселенная дѣлится на двѣ очень неравныя половины. Меньшая и должна питать все потребности его духа.

торыхъ „признаковъ дѣлимости“. Вотъ всѣ мыслящія головы въ классѣ и работаютъ надъ отысканіемъ этихъ „признаковъ дѣлимости“. На урокахъ у насъ и, я думаю, нигдѣ не употребляются подобные термины по отношенію къ изучаемымъ произведеніямъ писателей, но дѣло именно такъ обстоитъ. Вся сущность заключается въ дѣлителяхъ. Аналогія съ ариеметикой замѣчательная.

Сдѣлаемъ маленькую экскурсію въ область забытой дряхлой ариеметики, возстановимъ въ памяти ученіе о дѣлителяхъ. Это намъ поможетъ постичь лукошко гимназическаго глубокомыслія. Чему же учить ариеметика? Есть числа, относительно которыхъ легко можно сказать, дѣлятся ли они безъ остатка, такъ какъ ихъ признаки дѣлимости очевидны; это — составныя числа, оканчивающіяся нулемъ, двумя, пятью и пр. Но есть и такія числа, о которыхъ этого сразу сказать невозможно. Иное, только послѣ долгихъ поисковъ, оказывается не простымъ, а составнымъ.

Та же теорія примѣнялась у насъ въ классѣ на урокахъ русскаго языка. Есть, наприм., такія описанія, о которыхъ сразу можно сказать, на сколько частей они дѣлятся, потому что признаки дѣлимости очевидны. Возьмите „Днѣпръ“ Гоголя: здѣсь всякій, даже мало посвященный въ теорію дѣлителей, скажетъ, что „Днѣпръ“ дѣлится на три части.

Но во многихъ случаяхъ признаки дѣлимости данной статьи съ трудомъ обнаруживаются. Ученики разсуждаютъ, угадываютъ, указываютъ разныя примѣты, но по толкованію преподавателя оказывается, что прочитанное описаніе или что-либо подобное на данное число не дѣлится. Мнѣ помнится, что прочитали однажды въ классѣ большой отрывокъ изъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Преподаватель сейчасъ же спросилъ: на сколько частей дѣлится эта повѣсть? Но спросилъ такимъ именно тономъ, точно правильный отвѣтъ на такой мудренный вопросъ онъ считалъ необязательнымъ для учениковъ пятаго класса. И когда никто не могъ отвѣтить, на сколько частей дѣлится „Старосвѣтскіе помѣщики“, онъ сказалъ: „на семь“. Я хорошо помню, что такой отвѣтъ меня сильно озадачилъ: а почему не на 6 или на 8? Вѣроятно, для преподавателя очевидны были какіе то таинственные признаки дѣлимости „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“ на 7. И въ самомъ дѣлѣ! Стали дѣлить, стали раздирать на кусочки, и точно — подъ руководствомъ учителя получилось ни больше, ни меньше, какъ 7 частей. Обыкновенно, впрочемъ, отрывки дѣлятся на меньшее число, но самый распространенный дѣлитель это, конечно, 3, и всѣ ученическія „сочиненія“ должны быть состряпаны именно дѣлящимися на 3. Ка-

нія бы то ни было отступленія считаются величайшею ересью. Иногда относительно маленькаго отрывка намъ приходилось слышать, что онъ вовсе не дѣлится на части, значитъ, дѣлится только на единицу или самого себя, добавлю я. Я называлъ бы подобные отрывки простыми, въ отличіе отъ остальныхъ, имѣющихъ въ качествѣ дѣлителей, кромѣ единицы, еще какое-либо другое число (см. любой курсъ ариѳметики). Этимъ послѣднимъ можно дать названіе „составныхъ“.

Такъ мы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ только и дѣлали, что дѣлили и разсматривали раздѣленное. Это была, такъ сказать, первая ступень; вторая состояла въ томъ, что мы изучали способы сшиванья, т. е. соединенья разныхъ готовыхъ кусковъ въ нѣкоторое цѣлое.

Я хорошо помню этотъ переходъ. Мы долго занимались составленіемъ плановъ различныхъ отрывковъ изъ русскихъ писателей, а потомъ наизусть зубрили и „Днѣпръ“ съ „Садомъ“ Гоголя, и оба „Водопада“ Карамзина и Жуковскаго и пр., и пр. Когда мы уже достаточно искусились въ этомъ, когда въ нашихъ головахъ, какъ на писчебумажныхъ фабрикахъ, уже была сложена громадная куча разнообразнаго литературнаго тряпья, тогда преподаватель намъ объявилъ, что въ слѣдующій урокъ будетъ первое „сочиненіе“.

Наступилъ день страха и торжества. Среди безконечныхъ дебаговъ по поводу предполагаемой темы болѣе опытные съ „второгодниками“ во главѣ доказывали, что мы будемъ перья ломать о „рейнскіе водопады“. Того-же мнѣнія были и авторитеты изъ 6-го класса, которыхъ интервьюировали самымъ усерднымъ образомъ: вѣдь такова традиція въ гимназіи, говорили они, что никто не можетъ написать ни одного сочиненія, не полюбовавшись предварительно хоть мысленно на Жуковско-карамзинскій водопадъ. Ибо, если къ красотамъ Карамзина присоединить красоты Жуковскаго, то Рейнскій водопадъ по истинѣ представить картину, достойную пера гениальнѣйшаго... гимназиста. Бѣдные гимназисты! Доколѣ вамъ суждено еще „глядѣть и не наглядѣться и не налюбоваться“ этимъ злосчастнымъ водопадомъ!

Однако, въ сторону лирику! Тема была дѣйствительно замѣчательная: „Описать водопадъ по разобраннымъ отрывкамъ изъ Карамзина и Жуковскаго“. Данъ былъ даже въ общихъ чертахъ планъ. Я призадумался: въ чемъ должна состоять моя задача? — Писать „по Карамзину и Жуковскому“. Но что-же это значитъ? Въ данномъ случаѣ можетъ быть только одно: пересказывать просто описаніе и того и другого. Но вѣдь, разсуждалъ я, это будетъ простой пересказъ, т. е., работа соотвѣтствующая ученикамъ 2-го или 3-го класса и даже

легче, такъ какъ тамъ для пересказа прочитываютъ какую-либо неизвѣстную, совершенно-новую статью, а мы „Водопады“ зубрили даже наизусть. Очевидно, дѣло не въ томъ; вѣроятно, по мнѣнію преподавателя, трудность работы должна была заключаться въ нѣкоторой комбинаціи изъ двухъ „водопадовъ“. Но я на это не обратилъ вниманія и рѣшилъ, что надо все-таки писать какъ-либо по своему, т. е. кое-что присочинить. Я и писалъ по своему и хотя никогда не видалъ водопадовъ, однако распространился о чемъ-то, чего нѣтъ въ заученныхъ описаніяхъ. Вышло, конечно, мое произведеніе мало похожее на произведенія Карамзина и Жуковского, да и планъ, предложенный преподавателемъ, остался въ сторонѣ. Когда „сочиненія“ были возвращены преподавателемъ, подъ моимъ была написана рецензія: „Работа исполнена не по данному плану, изложеніе не обработано“. Я поинтересовался „трудами“ другихъ, „хорошихъ“ учениковъ и нашелъ у нихъ смѣсь описаній Карамзина и Жуковского въ буквальной почти передачѣ. Таково было у насъ первое сочиненіе.

Затѣмъ, помню, мы писали сочиненіе на такую тему: „Характеристика Ивана III по Карамзину. Тема будто и хороша, написать кой о чемъ можно, но дѣло-то въ томъ, что о сочиненіяхъ Карамзина мы понятія не имѣли, въ его „Исторію Государства Россійскаго“ и не заглядывали, а знали только одну „Характеристику Ивана III“ изъ хрестоматіи Галахова, и статью эту тоже и дѣлили, и изучали, и зубрили. Я спросилъ преподавателя, о чемъ, собственно говоря, намъ нужно писать?—Да мы вѣдь читали въ классѣ и изучили статью Карамзина; по ней и пишите вашу работу.—Значить, по этой характеристикѣ писать новую характеристику, не безъ ироніи замѣтилъ я.—Ну, пишите, пишите.—Мнѣ оставалось только замолчать... Но о чемъ-же все-таки я буду писать. Я кое-что зналъ про Ивана III и могъ-бы написать нѣсколько страницъ, но этого вовсе и не требовалось: преподаватель всѣмъ разъяснилъ, что при работѣ мы должны имѣть въ виду исключительно одну только характеристику изъ хрестоматіи Галахова. И предо мной снова предстала задача, о чемъ писать? Передавать содержаніе статьи Карамзина? Преподаватель указалъ, что въ этомъ именно и состоитъ моя работа. Но вѣдь это—абсурдъ, вѣдь это — повторяю — работа легче работъ учениковъ II-го—III-го класса, которые передаютъ содержаніе незнакомыхъ имъ статей. Я съ тоской оглядываюсь вокругъ себя и вижу, что почти всѣ мои товарищи пишутъ что-то. Неужели, думаю я, пишутъ „по Карамзину?“ Какъ это противно! Я никакъ не могу сдаться и начинаю выводить что-то отдаленное, длинное, имѣющее мало отношеній къ характеристикѣ Ивана III. Я отлично помню, что

началь свое сочиненіе съ извѣстныхъ стиховъ Пушкина, что „въ искушеніяхъ долгой кары..... окрѣпла Русь“... распространился далѣе, что кара сія и есть монгольское иго, коснулся еще въ общихъ чертахъ разныхъ причинъ да слѣдствій и такимъ образомъ, чѣмъ больше я писалъ, тѣмъ далѣе уходилъ отъ меня мой Иванъ III, къ характеристикѣ котораго я долженъ былъ приступить. Все это, по моему плану должно было составлять „вступленіе“, или, какъ иначе называютъ, „приступъ“. Нечего и говорить, что въ теченіе часа я не успѣлъ написать и приступа своего, а объ Иванѣ не пришлось обмолвиться ни словомъ.

Эта моя работа была признана неудовлетворительной съ многозначительной припиской „не на тему“. Вполнѣ понятно, разъ я все время сидѣлъ на одномъ приступѣ, а существа темы и не коснулся! Товарищи удивлялись и высказывали мнѣ свое недоумѣніе по поводу того, что вотъ-де всѣ получаютъ, кто 3, кто 4, а я, такой ужъ признанный писака въ классѣ, и вдругъ снизошелъ до такихъ вещей.

Чего я однако хотѣлъ? Отчего не писать такъ, какъ всѣ? Вѣдь получаютъ же товарищи 3 и 4, а на мою долю выпало 2? Я никакъ не соглашался удовлетворить нѣкоторымъ требованіямъ гимназическаго духа, и за это именно приходилось расплачиваться. Отъ меня требовали, чтобы я подавилъ въ себѣ нѣчто, что я называлъ-бы творчествомъ. Да именно, мнѣ кажется, здѣсь идетъ вопросъ о духѣ творчества, который живетъ во всякомъ человѣкѣ, и правильное развитіе котораго есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія. Этотъ духъ творчества есть одно изъ проявленій человѣческой индивидуальности, т. е. того, что съ такой энергіей стремится раздвинуть гимназическій режимъ.

Я выше говорилъ, какъ я съ товарищами смотрѣли сначала на сочиненія въ гимназіи: мы ихъ ждали, отъ нихъ чего-то ожидали, надѣялись найти нѣчто интересное. Въ основѣ такого явленія лежалъ общезвѣстный психическій фактъ. На гимназію у насъ уходили *minimum* 8—9 часовъ ежедневно, да и вообще вся наша жизнь протекала въ непосредственной зависимости отъ нея и въ то-же время она была въ нашей жизни величайшимъ зломъ. Тяжело было отдавать 8—9 часовъ ежедневно тому, что мы ненавидимъ, что не удовлетворяетъ ни нашего ума, ни сердца. Есть такія приспособляющіяся души, для которыхъ эта неудовлетворенность не существуетъ, такъ какъ онѣ никогда не чувствуютъ въ себѣ никакихъ высшихъ духовныхъ потребностей. Я, къ моему несчастью, но въ гораздо большей степени къ моему счастью, не принадлежалъ къ этимъ приспособившимся въ борьбѣ за существованіе, за духовный ростъ. Вполнѣ понятно, что умъ жадно искалъ въ гимназіи того, что хоть

сколько-нибудь могло бы удовлетворить его, а удовлетвореніе духа безъ свободныхъ отношеній къ предмету не мыслимо. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и удовлетворенія, тамъ нѣтъ духовнаго наслажденія, а слѣдовательно, умственнаго и нравственнаго развитія; на мѣсто ихъ водворяются равнодушіе ко всякому знанію, страхъ передъ всякимъ умственнымъ напряженіемъ. Я рано приучился находить удовлетвореніе въ самомъ себѣ, т. е. въ личной жизни, въ чтеніи, въ размышленіи, но все-же хотѣлось, чтобы и изъ этой цѣлой трети дня, въ теченіе которой я отвергался совершенно отъ самого себя, чтобы изъ этихъ 8-ми и болѣе часовъ хоть нѣсколько минутъ было удѣлено духу, ощущалось сильное желаніе найти въ гимназіи что-либо, удовлетворяющее духовнымъ потребностямъ. Вотъ анализъ того психическаго процесса, который заставлялъ насъ смотрѣть на сочиненія совсѣмъ другимъ взоромъ. И какъ-бы въ насмѣшку надъ всѣми моими ожиданіями я увидѣлъ сшиваніе описаній и характеристики „по даннымъ образцамъ“. Да! Все въ гимназіи опредѣляется данными и установленными образцами, но духъ человѣческій безконечно разнообразенъ! И въ этомъ было наше несчастье.

Кромѣ меня былъ въ классѣ еще одинъ товарищъ, одержимый такимъ-же бѣсомъ противленія, который тоже потерпѣлъ подобную же неудачу, какъ и я. Онъ прямо присталъ къ преподавателю, чтобы онъ разъяснилъ, въ чемъ должна была состоять работа. Преподаватель все какъ-то отвиливалъ, но товарищъ наступалъ очень энергично; и все-таки выяснилось только одно — нужно было „перевести“ характеристику Карамзина. „Какъ-же передавать характеристику? Вѣдь это не повѣствованіе, возражалъ товарищъ, какъ-же писать по небольшой характеристикѣ другую характеристику. Вѣдь это значитъ дословно передавать или писать вмѣсто „Іоаннъ III, рожденный и воспитанный“ — „Іоаннъ III, воспитанный и рожденный;“ но преподаватель ничего не нашелъ отвѣтить на это и только попросилъ сѣсть. Я заглянулъ въ тетради „троечниковъ“ и „четверочниковъ“. Меня крайне занималъ вопросъ, какъ они сумѣли удовлетворить непостижимымъ требованіямъ. Оказалось, что всѣ почти сочиненія начинались приблизительно такъ: „Іоаннъ III, сынъ Василия II былъ выдающимся московскимъ царемъ. Онъ царствовалъ отъ 1462 г. до 1505“ и т. д. Дальше шла карамзинская характеристика съ разными перестановками, съ добавленіемъ всякихъ хвалебныхъ эпитетовъ и приложеній и проч. пустословіе.

Такъ научались мы искусству писать гимназическія сочиненія, или искусству въ многихъ словахъ не сказать ничего, не выразить ни единой собственной мысли. Меня часто удивляло въ гимназіи то, какъ послѣдовательно и настойчиво она проводитъ свой основной

принципъ, принципъ подавленія всякой личной самодѣтельности въ ученикѣ. И само собой разумѣется, что вся эта система обученія писать сочиненія есть въ сущности одно изъ проявленій общей гимназической системы.

Я спросилъ однажды у преподавателя, отчего у насъ дѣло ведется такъ не интересно, и при этомъ замѣтилъ, что разъ тема предложена въ родѣ вышеуказанныхъ, т. е. такъ уничтожающая всякую возможность самостоятельной работы, то я не могу хорошо написать „сочиненія“. Мнѣ преподаватель отвѣтилъ, что иныхъ темъ предлагать невозможно, такъ какъ „вы напишете, а другіе не напишутъ; скажутъ—трудная тема“.

Но вѣдь это ложь. Дѣло тутъ совсѣмъ не въ трудности. Неужели ученикамъ труднѣе было-бы рассказывать то, что они сами видали, что переживали, надъ чѣмъ иногда призадумывались, нежели описывать совершенно незнакомые имъ водопады съ чужихъ словъ или характеризовать совершенно неизвѣстную имъ историческую личность. Мнѣ кажется, все это здѣсь не спроста: въ данномъ случаѣ, съ особенной рѣзкостью проявляется гимназическая „система“, со всей ея послѣдовательностью, неумолимой прямолинейностью и изобрѣтательностью. Дѣло вѣдь вотъ въ чемъ. „Сочиненія“ уже по самому существу своему требуютъ и даже необходимо предполагаютъ личное начало; на нихъ, если они, дѣйствительно, сочиненія, необходимо должна отразиться наша индивидуальность, такъ какъ сочиненіе и есть не что иное, какъ продуктъ творчества (хотя-бы и въ самой слабой степени), а творчество въ свою очередь есть проявленіе личности. Слѣдовательно, сочиненія способствуютъ выработкѣ личности, собственнаго возрѣнія — что, по мнѣнію гимназіи, есть великое зло.

И вотъ передъ гимназической системой возникаетъ трудная задача: изобрѣсти такой способъ обученія писать сочиненія, который не только не благопріятствовалъ-бы выработкѣ личности въ ученикахъ, не только не былъ-бы такъ сказать, нейтраленъ по отношенію къ ней, но даже подавлялъ-бы ее. Другими словами, нужно дѣло повести такъ, чтобы въ умахъ учениковъ понятіе о сочиненіи стало въ рядъ съ понятіемъ объ алгебраической задачѣ или о латинскомъ *extemporale*. И гимназія вполнѣ достигла своей цѣли. Странно! То, что теорія представляется невозможнымъ, то жизнью осуществляется очень легко: сочиненія, продуктъ личнаго творчества, въ гимназіи играютъ роль совершенно противоположную, т. е. роль средства подавляющаго всякое самостоятельное развитіе. Система неумолимая, скованная изъ желѣза система торжествуетъ!

Чтобы достичь этихъ цѣлей, необходимо между личностью уче-

ника и темой соорудить цѣлую стѣну всякихъ правилъ и пріемовъ, обязательныхъ для каждаго и заслоняющихъ отъ нашихъ умовъ существо темы; необходимо поставить дѣло обученія такъ, чтобы ученикъ прежде всего обратилъ вниманіе на эту стѣну, подумалъ о соблюденіи всякихъ правилъ да хрій, а затѣмъ уже обратился къ самой темѣ.

Но вѣдь гимназія желаетъ выпустить насъ людьми, умѣющими правильно пользоваться своими умственными силами, развить въ насъ способность правильного, т. е. угоднаго ея духу, мышленія и умѣніе, конечно, хорошо выражаться русскимъ языкомъ. И вотъ тутъ-то гимназія терпитъ полнѣйшую неудачу. Ей дѣйствительно удается развратить насъ, пріучить къ лѣности мысли, къ равнодушію ко всякому знанію, къ отвращенію ко всякому труду. Въ своемъ стремленіи къ выработкѣ породы людей, мыслящихъ по установленнымъ образцамъ, она лишила своихъ питомцевъ всякой способности о чемъ-либо серьезно мыслить.

Кочечно, гимназіи желательно, чтобы въ ея стѣнахъ были мыслящіе люди, но не иначе, какъ по опредѣленному ею образцу; ей также желательно, чтобы ученики не относились съ полнымъ равнодушіемъ къ сочиненіямъ“, но чтобы они писали ихъ въ угодномъ ей духѣ. И тутъ гимназическая система обнаруживаетъ свою полную несостоятельность, такъ какъ ея желанія оказываются неисполнимыми; только, такъ называемые, преуспѣвающіе представляютъ извѣстныя приближенія къ тому идеалу, о которомъ столь усердно гимназистамъ проповѣдуютъ ихъ преподаватели. Въ общемъ гимназіи удается достигнуть лишь самыхъ жалкихъ результатовъ, т. е. ей удается научить, какъ *надо* согласно ея требованіямъ писать сочиненія, но тогда эти работы, изготовляемые учениками согласно извѣстнымъ правиламъ по опредѣленнымъ шаблонамъ, теряютъ всякое значеніе: онѣ не приносятъ никакой пользы.

Для того, чтобы показать, какъ мало личность ученика и его сознательная и умственная дѣятельность принимаетъ участіе при исполненіи работъ подобнаго рода, я охарактеризую слѣдующія ступени этой системы „установленныхъ образцовъ“.

Я помню, однажды въ классѣ у насъ преподаватель прочелъ всѣмъ извѣстную сатиру Дмитріева „Чужой толкъ“. Гимназисты слушали и отъ души смѣялись тѣмъ болѣе, что преподаватель читалъ съ замѣчательной выразительностью. Всѣ были въ очень веселомъ настроеніи и послѣ чтенія сатиры стали копаться въ историческомъ значеніи ея, чѣмъ она была вызвана, какое впечатлѣніе произвела и пр. А мнѣ невольно въ эти минуты вспоминались слова изъ „Ревизора“: „Чему смѣтетесь? Надъ собой смѣтетесь!“ И никому, кажется,

и въ голову не пришло, что эта сатира попадаетъ намъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Дмитріевъ о нашихъ одахъ говоритъ: „Судите-жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стиховъ; къ тому-жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленіе, тутъ предложеніе, а тамъ и заключеніе...—точь-въ-точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!“ Точь-въ-точь, дополнилъ-бы я, какъ пишутъ въ нашихъ гимназіяхъ. Въ другой разъ у насъ говорили о схоластическомъ направленіи въ русской литературѣ. Преподаватель, между прочимъ, замѣтилъ, что это направленіе характеризуется преобладаніемъ формы надъ содержаніемъ; дальше шли обычные разсужденія, какъ эта приверженность къ формѣ сковывала умы людей, къ какимъ отрицательнымъ результатамъ она приводила и проч... Въ одномъ изъ гимназическихъ учебниковъ исторіи русской литературы (М. А. Орловъ, изд. 9) мы находимъ такую цитату изъ Галатовскаго, творца гомилетики, „албо о сложеніи казаній“. Тамъ говорится: „Кто хочетъ казане учинити, най перше маєть положити зъ писма Святаго еому (тему), которая есть фундаментъ всего казаня, бо ведлугъ (согласно) еомы мусится (должно) повѣдати вса казане, въ которомъ знайдутся три части. Первая *ексординумъ*, початокъ, въ которомъ казнодѣя приступъ чинитъ до самой рѣчи, которую маєть повѣдати и ознаймуеть (объявляетъ) людемъ *пропозицію* (предложеніе) свою, о чымъ хочетъ казане мѣти и проситъ Бога, албо причистую Дѣву о помочь и людей о слушане. Другая часть *наррація*, повѣсть бо въ той части повѣдаеть казнодѣе тое, що обѣщаль повѣдати... тая часть есть наибольшая, бо въ ней все казане замыкается и до ней иншія части стягаются. Третья часть есть *конклюдія*, конецъ казаня“ (219 стр.).

Галатовскій работалъ надъ своей гомилетикой во второй половинѣ 17 вѣка. Посмотримъ-же, что дѣлается въ наши дни въ нашихъ гимназіяхъ. Тамъ тоже существуетъ цѣлая наука „албо о писаніи сочиненій“. Насъ въ самомъ началѣ еще пріучили къ мысли, что всякое сочиненіе должно состоять непременно изъ трехъ частей: вступленія, изложенія и заключенія („ексординумъ“, „наррація“ и „конклюдія“) и строго требовали соблюденія этой тройственности. Когда мы были въ V-мъ классѣ и, слѣдовательно, еще только начинали учиться хитрому мастерству изготовлять сочиненія, для насъ эти приступы, изложенія и заключенія были всегда главною трудностью, самой противной частью всей работы. Дѣло въ томъ, что по правиламъ всякому сочиненію обязательно долженъ предшествовать планъ, въ которомъ ученикъ обозначалъ главные и второстепенныя части своей работы. Въ гимназіи на эти планы обращаютъ особенное вниманіе; одинъ преподаватель намъ даже прямо говорилъ, что ученикъ можетъ въ крайнемъ случаѣ, если недостаточно времени, ограничиться

однимъ лишь подробнымъ планомъ, и... „это нисколько не повліяетъ на баллъ“. Преподаватель, повидимому, стѣснялся прямо сказать, что для него гораздо важнѣе форма „сочиненія“, чѣмъ самое содержаніе работы; онъ воображаетъ, что разъ написанъ хорошо и содержательно планъ, значитъ, выказано также и умѣніе содержательно и хорошо писать. Я самъ прекрасно помню, какъ эта именно необходимость составлять планы съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ приучала насъ заниматься не столько содержаніемъ, сколько формой сочиненія. Какъ только преподаватель объявилъ тему, мы всѣ въ классѣ начинаемъ думать, о чемъ-бы сказать въ приступѣ. Эта мысль поглощаетъ всякаго, отовсюду на преподавателя сыпятся вопросы: „что сказать во вступленіи?“ А про самую тему и забыли: это уже болѣе легкая работа, такъ какъ матеріалъ болѣе или менѣе извѣстенъ, но относительно „приступа“ возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ.

Мнѣ кажется, разъ предложена тема, я долженъ прежде всего позаботиться о развитіи ея, т. е. я долженъ обдумать содержаніе ея для того, чтобы впослѣдствіи либо доказывать, либо излагать. Но не такъ разсуждаетъ гимназическая схоластика. Я однажды высказалъ предъ своимъ преподавателемъ такую не обычную для него мысль: „а что, если написать безъ приступа?“ Преподаватель удивленно посмотрѣлъ на меня: „Какъ безъ приступа? Да развѣ можно прямо приступать къ темѣ?“ Я не хотѣлъ поражать его дальше своими еретическими взглядами и замолчалъ. Не одинъ, вѣроятно, ученикъ попадалъ въ такое-же глупое положеніе, въ которомъ часто находился я: мыслей въ головѣ очень много, такъ и просятся всѣ онѣ на бумагу, а между тѣмъ невозможно писать прямо—нужно прежде изобрѣсти приступъ.

Въ гимназіи длиннымъ рядомъ годовъ уже выработались особые традиціонные приемы писать сочиненія, приемы, нѣсколько облегчающіе положеніе ученика. Они отчасти внушаются преподавателями, отчасти ученики ихъ усваиваютъ изъ особой литературы, которая всѣми признается легальной, а въ стѣнахъ гимназіи—нелегальной и, слѣдовательно, подлежащей конфискаціи. Литература эта бываетъ двухъ родовъ: во-первыхъ, печатная, насчитывающая уже много томовъ, такъ какъ изданіе подобныхъ „пособій“, повидимому, становится дѣломъ очень прибыльнымъ. Я никогда не пользовался этими „литературными сборниками“ но часто видалъ ихъ у товарищей и ради любопытства заглядывалъ. Каждая статья, каждое слово производятъ отвратительное впечатлѣніе и заставляютъ сильно призадуматься. Книги эти предназначаются, конечно, или для буквального списыванья, если есть основанія разсчитывать на полную не-

винность преподавателя въ дѣлахъ такого рода, или должны служить матеріаломъ для передѣлокъ въ духѣ тѣхъ, о которыхъ я выше говорилъ, рассказывая о рейнскихъ водопадахъ. Всѣ эти сборники вмѣстѣ съ прочими изданіями цѣлаго ряда предупредительныхъ господъ, заботливо стремящихся облегчить положеніе ученика изданіемъ всякихъ пособій въ видѣ „подстрочниковъ, словарей микроскопическаго формата и пр., увеличиваютъ всю ту ложь, среди которой гимназистамъ приходится учиться. Конечно, составители этихъ сборниковъ темъ любятъ приводить всякіе мотивы для появленія книги, но дѣло здѣсь слишкомъ очевидно: „сочиненія“ написаны строго выдержаннымъ гимназическимъ стилемъ: внѣшняя сторона ихъ для гимназіи не оставляетъ желать ничего лучшаго, содержаніе—тоже. Все, какъ нельзя лучше, приспособлено къ требованіямъ гимназіи. Но за то какую бессмыслицу можно тамъ встрѣтить! Невозможно себѣ даже представить, о какихъ глупостяхъ разсуждаютъ эти писатели. И тѣмъ не менѣе очевидно, что среди учениковъ гимназій такіе сборники сильно распространены, такъ какъ они доставляютъ удовлетворительные баллы. Вотъ въ подобныхъ то произведеніяхъ гимназической мысли ученикъ находитъ реальное подтвержденіе того, что вступленіе, изложеніе и заключеніе суть необходимыя составныя части сочиненія, что вся эта схоластика есть нѣчто неоспоримое.

Кромѣ такой печатной литературы, въ каждой гимназіи среди учениковъ обращаются тетради лучшихъ писакъ за минувшіе годы: преподаватели обыкновенно изъ года въ годъ предлагаютъ одніи и тѣ-же темы, и потому написанное однимъ поколѣніемъ будетъ съ пользою служить и позднѣйшимъ поколѣніямъ.

Всѣмъ этимъ —и наставленіями преподавателей, и литературой, и самымъ духомъ гимназіи—создается особая традиція, сковывающая совершенно ученика и усыпляющая всякое сознательное отношеніе къ дѣлу. Ученикъ не столько умомъ, сколько инстинктомъ постигаетъ приемы писанья, приемы, окончательно подавляющіе личное творчество. Я много писалъ всякихъ „сочиненій“, еще болѣе читалъ ихъ, и потому хорошо знакомъ съ ихъ технической стороной. Всѣ вообще „сочиненія“ какъ-то невольно въ умѣ ученика раздѣляются на опредѣленныя категоріи, и для каждой категоріи традиція выработала въ гимназіи опредѣленный „приступъ“, которымъ и начинаетъ ученикъ съ разными частичными ad hoc измѣненіями свою работу. То же происходитъ и съ „заключеніями“. Можно себѣ представить все оупляющее дѣйствіе этой системы, если мы примемъ еще во вниманіе, что „репертуаръ“ темъ во всѣхъ гимназіяхъ одинъ и тотъ-же, что сами темы изъ года въ годъ предлагаются въ

опредѣленномъ порядкѣ и что ученики скоро выучиваются ихъ предсказывать на основаніи опыта, накопленнаго прежними годами.

Если, напр., предложено разсужденіе на какую либо поговорку, то всякій ученикъ обыкновенно начинаетъ свое произведеніе съ объясненія, въ самыхъ стереотипныхъ, заимствованныхъ изъ какой-либо неподобной „теоріи словесности“ выраженіяхъ, вопроса о томъ, что такое поговорка или пословица; если нужно характеризовать кого либо, то въ „приступѣ“ опредѣляется, что такое характеръ, характеристика и пр. Если нужно выяснитъ какую-либо сторону литературнаго произведенія, то въ приступѣ обыкновенно сообщается кое-что относительно происхожденія сочиненія, когда и кѣмъ было написано, какое впечатлѣніе произвело и пр. Но большею частью въ „приступѣ“ говорится „вообще“, какъ выражаются гимназисты, т. е. объектъ ученическихъ разсужденій, какъ видъ, причисляется къ роду и дѣлается краткая характеристика послѣдняго. Еще бессмысленнѣе представляются „заключенія“—тоже необходимая составная часть гимназическаго „сочиненія“. И для нихъ существуютъ опредѣленные рецепты. Въ этой части высказываются обыкновенно о разныхъ значеніяхъ, вліяніяхъ и слѣдствіяхъ, или описывается оборотная сторона медали. Если надо, напр., характеризовать какого-либо великаго человѣка, то въ заключеніи полагается говорить о его значеніи; если надо разсуждать о темныхъ и отрицательныхъ сторонахъ какого либо явленія, то можно смѣло ожидать, что послѣ того, какъ на многихъ страницахъ ученикъ будетъ характеризовать данное явленіе въ самыхъ мрачныхъ чертахъ, онъ на основаніи поговорки „нѣтъ худа безъ добра“ станетъ указывать и на свѣтлыя стороны.

До всѣхъ этихъ приѣмовъ ученикъ доходитъ самостоятельнымъ путемъ, такъ какъ они существуютъ независимо отъ гимназистовъ въ самомъ духѣ гимназіи, въ традиціи, въ учителѣ, который преподаетъ, въ литературѣ, о которой я сейчасъ говорилъ. Все это создаетъ въ гимназіи такую атмосферу, которая гаситъ малѣйшій проблескъ самостоятельной мысли; если ученикъ не обладаетъ никакимъ *собственнымъ* умственнымъ капиталомъ, онъ тогда будетъ поглощенъ этими приѣмами, они имъ овладѣютъ, онъ для нихъ просто объектъ.

Ученикъ еще не узналъ хорошенько, что такое вообще „сочиненіе“, не научился хоть сколько нибудь развивать свою мысль, но онъ уже знаетъ, что безъ вступленія и заключенія нельзя подать учителю работу. Намъ никто никогда въ гимназіи не говорилъ, что въ „сочиненіи“ на первомъ планѣ должно быть содержаніе, мысль, но постоянно твердятъ, чѣмъ начать и чѣмъ кончить, и твердятъ при этомъ невозможнѣйшія банальности.

Можно навѣрное сказать, что лишь только ученики заговариваютъ между собой о предложенной темѣ, то прежде всего слышится вопросъ: „Ты что сказалъ въ приступѣ?“—„А я, вообрази себѣ, написалъ два вступленія“, вдругъ слышится. Товарищи съ удивленіемъ посмотрятъ на такого писателя, и затѣмъ идутъ разсужденія объ этомъ двойномъ вступленіи. О самой темѣ мало говорятъ, и понятно почему: вѣдь всегда можно подыскать подходящіе источники, которые и будутъ использованы, какъ говорится, безъ зазрѣнія совѣсти. Тема извѣстна, и ученикъ знаетъ, какого рода источники ему необходимы, а съ приступомъ и заключеніемъ сладить труднѣе: ограничиться одной лишь перепиской книжнаго матеріала—невозможно, такъ какъ его нужно облечь въ схоластическую форму вступленія, изложенія и заключенія. Вотъ тутъ-то и требуется своего рода *ars inveniendi*. Насъ этому прежде всего и научаютъ.

Но при отсутствіи всякихъ знаній, какихъ-либо источниковъ, ученикъ попадаетъ въ затруднительное положеніе и въ отношеніи содержанія. Онъ принужденъ отдѣливаться фразами. Неудивительно, что всѣ ученическія работы на 90% своего содержанія разведены водичей глупой болтовни. Съ 4 или 5-го класса ученикъ приучается уснащать свою рѣчь разными эпитетами и прибѣгать къ диковиннымъ оборотамъ въ родѣ: „высоко талантливая поэма подъ названіемъ „Полтава“ принадлежитъ перу нашего геніальнѣйшаго національнаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина“ и т. д. [вмѣсто того, чтобы сказать, что „Полтаву“ написалъ Пушкинъ. Преподаватели часто возмущаются подобнымъ пустословіемъ, а между тѣмъ это явленіе есть логическое слѣдствіе тѣхъ приемовъ, о которыхъ я говорилъ въ началѣ статьи: учениковъ заставляютъ рабски слѣдовать разнымъ отрывкамъ, но отнюдь не переписывая буквально; понятно, что въ качествѣ „подсиленныхъ“ измѣненій и появляются эпитеты, перестановки и проч.

Но еще болѣе стѣснено индивидуальное творчество въ отношеніи внутренняго содержанія работы. Гимназія стремится внушить ученикамъ мысль о самомъ серьезномъ отношеніи къ ученію вообще и къ писанію сочиненій въ частности. Внушеніе это выражается въ очень странной формѣ. Намъ постоянно твердятъ, въ какомъ тонѣ мы должны писать, дабы мы не впали въ самомнѣніе, не увлеклись „гордостью житейской“, „мудростью человѣческой“, дабы мы пальцемъ не смѣли тронуть признанныхъ авторитетовъ и пр. Поэтому строго запрещается говорить что-либо отъ себя, еще строже запрещается „смѣть свое сужденіе имѣть“, т. е. высказывать свой личный взглядъ: это было бы уже неслыханной дерзостью. На весь міръ въ „сочиненіяхъ“ позволено смотрѣть исключительно глазами

гимназіи, т. е. содержаніе должно быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ духомъ гимназическаго міровоззрѣнія. Если изъ сочиненія обнаружится, что у ученика въ головѣ водятся кой какія мысли, несогласныя съ гимназическимъ вѣроученіемъ, ему безапелляціонно говорятъ, что онъ заблуждается, и иногда даже принимаются мѣры для радикальнаго искорененія ереси. Нельзя поэтому относиться безъ должнаго почтенія къ тѣмъ, кого почитаетъ гимназія; о Карамзинѣ, напр., нельзя говорить иначе, какъ о благодѣтелѣ всей Россіи. Строго запрещается также всякій юморъ, всякая иронія, однимъ словомъ, все то, что такъ или иначе могло-бы свидѣтельствовать о субъективномъ отношеніи автора ко всей работѣ.

Сочиненіе надо писать съ чисто-олимпійскимъ спокойствіемъ, сохраняя строго объективное отношеніе; преподаватели намъ часто внушали, что имъ нѣтъ никакого дѣла до нашихъ взглядовъ и что нѣтъ надобности говорить о нихъ въ „сочиненіяхъ“, и даже формы выраженія въ родѣ: „я не хочу этимъ сказать“, „...мы думаемъ“ и пр. безусловно воспрещались.

Н. В. Очаповскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Введеніе въ методику грамоты.

(Окончаніе).

III.

Согласныя буквы.

Выше говорилось, что строго фонетическимъ можно назвать только такое письмо, въ которомъ есть необходимыя буквы для обозначенія всѣхъ членораздѣльныхъ звуковъ языка и не было бы лишнихъ, и чтобы между звуками и буквами всегда было постоянное соотвѣтствіе, т. е., чтобы одинъ и тотъ же звукъ во всѣхъ случаяхъ означался одной и той же буквой и, наоборотъ, чтобы одна и та же буква во всѣхъ случаяхъ означала одинъ и тотъ же звукъ.

Не останавливаясь на томъ, насколько письменность наша удовлетворяла этимъ условіямъ въ моментъ своего введенія, а также въ моментъ замѣны при Петрѣ Великомъ славянскаго алфавита нынѣшнимъ гражданскимъ, рассмотримъ, насколько удовлетворяетъ требованіямъ строго фонетическаго письма наша письменность въ настоящее время.

При взглядѣ на таблицу согласныхъ звуковъ русскаго языка, прежде всего бросается въ глаза недостатокъ буквъ: почти каждая буква служить у насъ для обозначенія двухъ звуковъ—твердаго и мягкаго; напр., буква *т* сама по себѣ означаетъ и твердый звукъ *т* и мягкій звукъ *ть*, буква *п* означаетъ звукъ *п* и звукъ *пь*, буква *л*—звукъ *л* и звукъ *ль* и т. д. Для того, чтобы письмо было строго фонетическое, очевидно, необходимо, чтобы были особыя буквы для звуковъ и твердыхъ и мягкихъ, подобно тому, какъ у насъ есть особыя буквы для обозначенія сходныхъ звуковъ длительныхъ и мгновенныхъ или безголосныхъ и голосовыхъ.

Однако, недостатокъ этотъ еще не уничтожаетъ фонетическаго характера письма, такъ какъ у насъ есть вполне опредѣленные средства для того, чтобы показать, какъ надо читать данную согласную букву: твердо или мягко. Во всѣхъ случаяхъ, когда согласная

буква стоитъ въ концѣ слова, она имѣетъ при себѣ особый знакъ, который и показываетъ—твердо или мягко надо читать данную букву: если послѣ согласной стоитъ ъ, то этотъ знакъ показываетъ, что согласная означаетъ твердый звукъ (уголъ), если же послѣ согласной стоитъ ъ, то онъ показываетъ, что согласная означаетъ мягкій звукъ (уголь). ъ и ъ сами по себѣ не означаютъ никакихъ звуковъ, слѣдовательно, въ строгомъ значеніи это и не буквы, а только знаки; знаки эти правильнѣе было бы писать не въ ряду буквъ, а надъ соотвѣтствующей буквой, напр., угол^ъ, угол^ь; тогда число буквъ въ письменномъ словѣ соотвѣтствовало бы числу звуковъ въ устномъ словѣ.

Ставить ъ и ъ послѣ согласныхъ въ срединѣ слова было бы крайне неудобно, такъ какъ тогда почти въ каждомъ словѣ ъ и ъ повторялись бы по нѣсколько разъ. Въ срединѣ словъ согласныя буквы не имѣютъ при себѣ особыхъ показателей, какой звукъ означается буквой: твердый или мягкій, а служатъ такими показателями слѣдующія послѣ согласной гласныя буквы.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ согласной стоятъ буквы и или е (ѣ), означающія чистые звуки узкаго образованія, въ особомъ показателѣ твердаго или мягкаго чтенія согласной и нѣтъ необходимости, такъ какъ въ русскомъ языкѣ въ словахъ передъ простыми звуками узкаго образованія и и е (ѣ) всѣ согласныя звуки, сливаясь съ ними, произносятся мягко. Зная эту особенность русскаго языка, мы знаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что всѣ согласныя буквы передъ и или е (ѣ) должны читаться мягко: *пили^{ть} = п^ь иль ить, лепи^{ть} = л^ь еп^ь ить*. Очевидно, что это относится къ буквамъ ж, ш и ц настолько, насколько могутъ смягчаться звуки ж, ш, ц, а такъ какъ звуки эти принимаютъ мягкое произношеніе сравнительно мало и рѣдко, то буквы ж, ш и ц, вообще говоря, читаются твердо, хотя бы послѣ нихъ и стояла буква и или е (ѣ), тѣмъ болѣе, что въ русскихъ словахъ послѣ звуковъ ж, ш и ц звукъ и никогда не бываетъ (ему соотвѣтствуетъ звукъ ы: *жырь, ушы, ножницы*, хотя и пишемъ въ двухъ первыхъ словахъ вмѣсто слѣдуемой буквы ъ букву и), а звукъ е узкаго образованія послѣ нихъ бываетъ рѣдко (въ словахъ *шесть, жертва, цѣлый* звукъ е широкаго образованія, хотя и обозначается буквами е или ѣ).

Когда согласный звукъ находится въ словѣ передъ однимъ изъ гласныхъ звуковъ широкаго образованія, то онъ можетъ произноситься и твердо, и мягко *), Если согласный произносится твердо, то онъ обозначается соотвѣтствующей буквой безъ всякаго показателя.

*) Передъ ы и э согласные произносятся только твердо.

теля: *та, то, ту, ты, тэ*,—буква *т* читается здѣсь твердо. Если же согласный звукъ передъ звуками *а, о, у* произносится въ словѣ мягко, то, очевидно, надо обозначить это какимъ либо образомъ; во всѣхъ такихъ случаяхъ мы пишемъ самую согласную букву безъ показателя, но зато измѣняемъ начертаніе буквы, означающей гласный звукъ: вмѣсто буквы *а* пишемъ *я*, вмѣсто *у* пишемъ *ю*, вмѣсто *о* пишемъ *ё* или *е*. Въ словѣ *мята* четыре звука *м^в, а, т^в* и *а*; передъ гласной буквой *а* всѣ согласныя буквы читаются твердо, поэтому въ слогѣ *та* для буквы *т* и не требуется никакого показателя, первый же слогъ, состоящій изъ мягкаго звука *м^в* и звука *а*, вмѣсто *м^в а* пишемъ *мя*, здѣсь, слѣдовательно, буква *я* означаетъ звукъ *а* и кромѣ того указываетъ, что предыдущая согласная буква *м* читается мягко. Также и буква *ю* послѣ согласныхъ, означая звукъ *у*, показываетъ, что согласная читается мягко: вмѣсто *л^в у* бить пишемъ *любить*, вмѣсто жар^в *у*—жарю и т. д. Если согласный мягкій звукъ находится передъ гласнымъ *о*, то мы поступаемъ такимъ же образомъ, замѣняя букву *о* буквой *ё* или просто *е*: вмѣсто *пл^в о* ль пишемъ *плѣль*, или просто *плель*, вмѣсто *н^в орка* пишемъ *нѣрка*, или просто *перка*; здѣсь буква *ё* или *е* означаетъ звукъ *о* и въ то же время указываетъ на мягкое произношеніе предыдущаго согласнаго звука. Слѣдовательно, согласныя буквы передъ *а, о, у, ѳ, э* читаются твердо, а передъ *и(і), е(ѣ), ё, ю, я* мягко. Кромѣ указанныхъ выше исключеній, надо отмѣтить еще только букву *ч*; буква эта, какъ означающая мягкій звукъ, передъ всѣми гласными буквами читается мягко.

Итакъ, хотя въ нашей письменности и не достаетъ буквъ для обозначенія мягкихъ согласныхъ звуковъ, но отъ этого мы не испытываемъ особенныхъ неудобствъ, такъ какъ показателями мягкаго чтенія согласныхъ буквъ въ достаточной степени служатъ гласныя буквы *и(і), е(ѣ), я, ю, ё* и особый знакъ *ь*. Но условность эта вызываетъ необходимость при обученіи грамотѣ читать слова не по отдѣльнымъ буквамъ, послѣдовательно присоединяя одинъ звукъ къ другому и не считаясь съ дальнѣйшими буквами, а по словамъ, т. е. весьма часто чтеніе данной буквы въ словѣ зависитъ отъ слѣдующей.

Если въ словѣ оказывается стеченіе нѣсколькихъ согласныхъ и если при этомъ мягко произносится не послѣдній согласный, а стоящій передъ согласнымъ твердымъ, то мягкое чтеніе соответствующей буквы и въ срединѣ слова обозначается, какъ въ концѣ, мягкимъ знакомъ: *шпилька, Ванька, пулька* и т. д.

Говоря о вліяніи узкихъ или мягкихъ гласныхъ звуковъ *и* и *е* на предыдущій согласный, мы подошли къ закону русскаго языка,

извѣстному подѣ именемъ уподобленія. Вліяніе этого закона вообще сказывается въ томъ, что одинъ звукъ принаравливается къ другому, обыкновенно предыдущій къ послѣдующему, принаравливается въ цѣляхъ возможно легчайшаго перехода отъ одного звука къ другому, или, что тоже, отъ одного положенія органовъ рѣчи къ другому положенію ихъ.

Кромѣ указаннаго выше вліянія мягкихъ гласныхъ звуковъ и *е* на предыдущіе согласные, въ силу закона уподобленія, происходятъ важныя для учителя грамоты звуковыя измѣненія при стеченіи согласныхъ звуковъ, заключающіяся въ томъ, что послѣдній согласный звукъ вліяетъ на произносимые передъ нимъ согласные звуки, даже на звуки предыдущаго слога. Такъ, напр., въ словѣ *персть*, по причинѣ твердаго звука *т*^в, твердо произносятся и звуки *с*^в и *р*^в; въ словѣ же *персть*, по причинѣ мягкаго звука *т*^ь, становятся мягкими и *с*^ь и *р*^ь (произносимъ *пер^ьс^ьтъ*); въ словѣ *годный* звукъ *д* произносится твердо, такъ какъ стоящій послѣ него, хотя и въ другомъ слогѣ, звукъ *н* твердый; въ словѣ же *прошлогодній* звукъ *д* произносится мягко *д^ь*, такъ какъ стоящій послѣ него звукъ *н* произносится мягко *н^ь*. То же оказывается при сравненіи словъ *праздный* и *праздникъ*, *братство* и *братній* и т. п.

Вліяніе закона уподобленія сказывается еще въ томъ, что согласный голосовой передъ безголоснымъ становится также безголоснымъ, а безголосный передъ голосовымъ обращается въ голосовой. На письмѣ такое измѣненіе звуковъ не отмѣчается:

мы пишемъ	встать,	а говоримъ	фстать		
”	”	иссохнуть	”	”	иссохнуть
”	”	невскій	”	”	нефскій
”	”	будка	”	”	бутка
”	”	сберечь	”	”	зберечь
”	”	отдать	”	”	оддать.

Только въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ письмо согласуется съ произношеніемъ: *здѣсь* (изъ *СЪДЕ*), *гдѣ* (изъ *ГЪДЕ*), *ноздри* (вмѣсто *носдри*, отъ слова *носъ*). Въ видѣ же общаго правила законъ уподобленія вліяетъ только на правописаніе приставокъ *воз*, *из*, *раз*, *низ*, въ которыхъ звукъ *з* передъ всѣми безголосными, кромѣ *с*, обозначается согласно произношенію буквой *с*: *воскресенье*, *испечь*, *расторгнуть*, *испровергнуть* и т. д.

Законъ уподобленія допускаетъ исключеніе относительно безголосныхъ согласныхъ передъ плавными *р*, *л*, носовыми *н*, *м* и губнымъ *в*, заключающееся въ томъ, что безголосные остаются безъ измѣненія; въ этихъ случаяхъ произношеніе соотвѣтствуетъ напи-

санію: сразу, слабый, сноровка, смирный, свой, отводъ, тратить, книга и т. д.

Въ силу того же закона уподобленія согласные звуки одной области артикуляціи замѣняются соответствующими звуками другой области, что не всегда обозначается на письмѣ и, слѣдовательно, ведетъ иногда къ разногласію между произношеніемъ и письмомъ:

пишемъ	возжи,	а	говоримъ	вожжи
"	пріѣзжій,	"	"	пріѣжжій
"	шведскій,	"	"	ишведскій
"	извозчикъ,	"	"	извоичикъ (извоичикъ).

Въ концѣ словъ вмѣсто голосового согласнаго звука произносится безголосный того же образованія, что на письмѣ опять-таки не отмѣчается:

пишемъ	грибъ,	а	говоримъ	грипъ
"	рогъ,	"	"	рофъ
"	кругъ,	"	"	кружъ
"	богъ,	"	"	божъ
"	ножъ,	"	"	ноишъ.

Указанныя выше разногласія между произношеніемъ и письмомъ хотя возникли и не въ силу недостатковъ алфавита, а въ силу требованій историко-этимологическихъ,—обнаруживаются, однако постоянно, а потому и не должны забываться при обученіи грамотѣ. Говоря о звукахъ слова, учитель долженъ руководствоваться не написаніемъ, а произношеніемъ слова: слово *лобъ* состоитъ изъ звуковъ *л^б*, *о*, *п^б*, слово *сдать* — изъ звуковъ *з^т*, *д^б*, *а*, *т^б*, слово *мать* — изъ звуковъ *м^б*, *а*, *т^б*, *а* и т. д.

Заканчивая рѣчь о согласныхъ буквахъ необходимо отмѣтить еще, что буква *ѳ* означаетъ у насъ тотъ же звукъ, что и буква *ф*, а буква *щ* означаетъ сочетаніе двухъ звуковъ *иш*, слѣдовательно, буквы *ѳ* и *щ* не составляютъ необходимости. Буква же *г* употребляется у насъ для обозначенія двухъ звуковъ — мгновеннаго и длительного, послѣднее обстоятельство, впрочемъ, не имѣетъ большого значенія при обученіи грамотѣ, такъ какъ въ чисто русскихъ словахъ длительный звукъ *г^х* не употребляется.

Буквы гласныя.

Точное обозначеніе буквами гласныхъ звуковъ значительно труднѣе обозначенія согласныхъ, потому что артикуляція гласныхъ ме-

нѣе устойчива. Хотя мы и отличаемъ, какъ наиболѣе типичные, звуки *и, е, а, о, у, ы, и э*, но въ языкѣ постоянно встрѣчаются звуки переходные, и мы уже говорили, что изъ такихъ переходныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ особенно употребительны звуки между *о* и *а*, *а* и *е*, *е* и *и*. Для обозначенія такихъ переходныхъ звуковъ у насъ нѣтъ особыхъ буквъ, да врядъ-ли и возможно имѣть ихъ, такъ какъ обозначить точно всѣ измѣненія, напр., звука *о* нельзя ужъ по одному тому, что наше ухо не всегда разбирается въ разныхъ оттѣнкахъ звука *о*. Вполнѣ ясно и опредѣленно произносятся гласные только подъ удареніемъ. Въ русскомъ языкѣ одной буквой обыкновенно обозначаются всѣ звуки одного приблизительно образованія, хотя бы и съ разными оттѣнками.

Изъ всѣхъ гласныхъ звуковъ наиболѣе устойчивыми оказываются *у* и *ы*; для этихъ звуковъ у насъ достаточно существующихъ буквъ *у* и *ы*. Несмотря на это, послѣ *ш, ж* и сочетанія *шч (щ)* звукъ *ы* обозначается безъ достаточнаго основанія буквой *и*: вмѣсто ушы пишемъ уши, вмѣсто журъ—жиръ, вмѣсто щипцы—щицы и т. д.

Буква *о* служитъ для обозначенія не только типичнаго звука *о* (подъ удареніемъ), но и переходныхъ звуковъ, особенно часто съ оттѣнкомъ звука *а*: пишемъ *потолокъ*, а говоримъ *по^а то^а локъ* или даже *паталокъ*, пишемъ *говорить*, а произносимъ *го^а во^а рить* или даже *гаварить* и т. д. Послѣ переднеязычныхъ *ж, ш, ч* и *ц* звукъ *о* весьма часто обозначается, кромѣ буквы *о*, также буквой *е*: шелкъ (говоримъ шолкъ), жесткій (говоримъ жосткій), четки (говоримъ чотки), перцемъ (говоримъ перцомъ).

Буква *а* служитъ для обозначенія не только звука *а*, но и звуковъ среднихъ между *а* и *о*, *а* и *е*: уплаченъ—уплоченъ, услышанъ—услышенъ, смѣшанный—смѣшенный и т. д.

Для обозначенія широкаго и узкаго звука *е* у насъ существуетъ три буквы: *э, е* и *ѣ*. Буква *э* всегда обозначаетъ широкій звукъ, но такой же широкий звукъ *э* часто обозначается и буквой *е*: шестъ (говоримъ шэстъ). Буква *ѣ* въ звуковомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ буквы *е* и потому, въ цѣляхъ строгаго фонетическаго письма, оказывается совершенно лишней, какъ лишней оказывается и другая гласная буква *і*, означающая тотъ же звукъ, что и буква *и*.

О буквѣ *и* мы уже говорили, что она, кромѣ звука *и*, означаетъ иногда звукъ *ы*.

Такъ какъ звукъ *е* можетъ приближаться къ звуку *и* и обратно, то и бываетъ смѣшеніе буквъ *е* и *и*, особенно часто въ глаголахъ передъ личными окончаніями: стелешь—стелмшь и т. п.

Буквы *е(ѣ)* и *и*, кромѣ обозначенія простыхъ звуковъ *е* и *и* и переходныхъ между ними, служатъ еще для обозначенія цѣлыхъ

словъ — восходящихъ дифтонговъ: *е(ѣ)=ѣе*, *и=йи*. Когда буквы *е(ѣ)*, *и* стоятъ непосредственно послѣ согласныхъ, то обозначаютъ простые звуки, указывая въ то же время на мягкое произношеніе согласной: *мѣнить*, *мѣсить* и проч.

Точно такое же значеніе имѣютъ и буквы *я*, *ю* и *ѣ*, т. е., находясь непосредственно послѣ согласной, онѣ также означаютъ простые звуки *а*, *у*, *о* и въ то же время указываютъ, что предыдущая согласная должна читаться мягко.

Когда же буквы *е(ѣ)*, *и*, *я*, *ю*, *ѣ* стоятъ въ началѣ слова или послѣ гласной (въ срединѣ или въ концѣ слова), то онѣ означаютъ уже не простые звуки, а цѣлые слоги-дифтонги:

<i>яма=йама</i>	<i>моя=мойа</i>
<i>юла=йула</i>	<i>мою=мойу</i>
<i>елка=йолка</i>	<i>мое=мойо</i>
<i>ель=йель</i>	<i>читаешь=читайешь</i>
<i>ѣхать=йехать</i>	<i>поѣздъ=пойездъ</i>

Дифтонгъ *йи* въ подобныхъ случаяхъ почти не отличается отъ простого звука *и*.

Также цѣлый слогъ означаютъ эти буквы, находясь въ словѣ послѣ *ь* или *ѣ*: *Марья=Марьѣа*, *Марью=Марьѣу*, *Марьѣ=Марьѣе*, *Марьи=Марьѣи*, *лѣтъ=лѣѣють* и т. п.

Если восходящій дифтонгъ находится въ словѣ послѣ мягкаго согласнаго, какъ въ словахъ только что приведенныхъ, то обойтись безъ *ь* очевидно нельзя. Безъ *ь*, напр., слово *Марья* приходилось бы читать не *Марьѣа*, а *Маря=Марѣа*.

Если восходящій дифтонгъ находится въ словѣ непосредственно послѣ приставки, оканчивающейся согласнымъ звукомъ, то послѣ согласной буквы, скорѣе въ силу требованій этимологическихъ, чѣмъ фонетическихъ, вмѣсто *ь* пошется *ѣ*: *объявить*, *отъявленный*, *объяхъ* и т. д. М здѣсь нельзя обойтись безъ *ѣ(ь)*, такъ какъ, напр., слово *объяхъ* безъ *ѣ* пришлось бы читать не *обѣѣхъ*, а *обехъ=обѣхъ*.

Ъ иногда пишется у насъ послѣ приставки и передъ гласными широкаго образованія; *сѣумѣть*, *сѣострить* и т. д.; въ большинствѣ случаевъ такіа слова читаются такъ, что согласный звукъ приставки сливается съ слѣдующимъ гласнымъ въ одинъ слогъ: *сѣумѣть*, *сѣострить*, *отобѣдать*, *разумѣть*, *обувѣть*, слѣдовательно, *ѣ* не имѣетъ въ такихъ словахъ послѣ приставокъ никакого значенія, кромѣ указанія на этимологическій составъ слова.

Передъ буквой *и* твердый знакъ *ѣ* иногда имѣетъ такое же значеніе, какъ и *ь*, т. е. указываетъ на то, что буква *и* должна чи-

таться *йи*; въ большинствѣ же случаевъ послѣ приставки съ твердымъ знакомъ буква *и* читается, какъ *ы*, такъ какъ подъ вліяніемъ твердаго или широкаго согласнаго звука узкій гласный звукъ *и* замѣняется соотвѣтствующимъ широкимъ *ы*: *предъидущій*—*предыдущій*, *объиграть*—*обьиграть*, *безъизвѣстный*—*безызвѣстный*.

И здѣсь въ произношеніи послѣдній согласный звукъ приставки обыкновенно сливается въ одинъ слогъ съ слѣдующимъ гласнымъ звукомъ *ы*.

Выпишемъ подъ рядъ тѣ гласныя буквы, звуковое значеніе которыхъ особенно важно отличать при обученіи грамотѣ:

Буква *и* (і) можетъ означать звукъ *и* + мягкое

произношеніе согласнаго.

”	<i>и</i>	”	”	зв. <i>йи</i>
”	<i>я</i>	”	”	” <i>а</i> + мягкое

произношеніе согласнаго

”	<i>я</i>	”	”	зв. <i>йа</i>
”	<i>ю</i>	”	”	зв. <i>у</i> + мягкое

произношеніе согласнаго.

”	<i>ю</i>	”	”	зв. <i>йу</i>
”	<i>е</i>	”	”	зв. <i>э</i> —звукъ широкаго

образованія.

”	<i>е(ѣ)</i>	”	”	зв. <i>е</i> + мягкое произношеніе
---	-------------	---	---	------------------------------------

согласнаго.

”	<i>е(ѣ)</i>	”	”	зв. <i>йе</i>
”	<i>е(ѣ)</i>	”	”	зв. <i>о</i> + мягкое произношеніе

согласнаго.‡

”	<i>е(ѣ)</i>	”	”	зв. <i>йо</i> .
---	-------------	---	---	-----------------

Разсмотрѣвъ подробно членораздѣльные звуки русскаго языка и буквы, служація для обозначенія ихъ, перечислимъ въ заключеніе наиболѣе существенныя стороны нашего письма:

1. Для всѣхъ согласныхъ звуковъ голосовыхъ и безголосныхъ у насъ есть отдѣльныя буквы.
2. Для согласныхъ звуковъ длительныхъ и мгновенныхъ также есть отдѣльныя буквы.
3. Для обозначенія согласныхъ звуковъ твердыхъ и мягкихъ

нѣтъ особыхъ буквъ, но твердые и мягкіе звуки достаточно удобно обозначаются и одной буквой съ показателемъ (каковыми служатъ буквы *ь*, *и(і)*, *е(ѣ)*, *е*, *я*, *ю*).

4. Для типичныхъ гласныхъ звуковъ есть всѣ необходимыя буквы (*и*, *е*, *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*).

5. Неопредѣленные гласные звуки не имѣютъ соотвѣствующихъ буквъ и обозначаются буквами типичныхъ гласныхъ звуковъ на основаніяхъ этимологическихъ.

6. Есть особыя гласныя буквы (*я*, *ю*), которыя могутъ означать то простой гласный звукъ, служа въ то же время показателемъ мягкаго чтенія согласной, то—цѣлый слогъ. Двойное значеніе имѣютъ и буквы *и* и *е(ѣ)* и рѣдко употребляемая буква *ѣ*.

Такимъ образомъ, письмо наше, особенно въ отношеніи согласныхъ, вообще говоря, удовлетворяетъ требованіямъ фонетическаго письма. Наиболѣе важныя разногласія между произношеніемъ и письмомъ легко разрѣшаются на основаніи опредѣленныхъ фонетическихъ законовъ языка и правилъ этимологій.

В. Коноплевъ.

Извѣщеніе Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Высочайше учрежденною Постоянною Коммисіею народныхъ чтеній (С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 14) выпущены въ свѣтъ *новыя чтенія*. 1) Святитель Стефанъ Персидскій. Состав. Н. Θ. Корольковъ. Ц. 5 к., 2) Хозяинъ и работникъ. Разсказъ гр. Л. Н. Толстого. (Приспос. для нар. чтеній). Съ портр. и рисун. Ц. 6 к., 3) Θεодоръ Ивановичъ Тютчевъ. Съ портр. Ц. 5 к., 4) Афанасій Афанасьевичъ Фетъ. Съ портр. Ц. 5 к., 5) Какъ дѣлають бумагу. Состав. инж.-техн. П. Ф. Юрьевъ.—Какъ печатають книги. Сост. инж.-техн. Л. К. Л. Съ 9-ью рисун. Ц. 8 к.; *вторымъ изданіемъ*. 6) Хвала Богу. Сборникъ духовно-нравственныхъ стихотвореній. Ц. 25 к., 7) Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Съ портр. А. Г. Филонова. Ц. 5 к., 8) О холстѣ. Съ 5-ью рисун. Д-ра В. В. Гориневскаго. Ц. 5 к.; *третьимъ изданіемъ*: 9) Соловецкая обитель. Съ картин. Сост. Н. Θ. Корольковъ. Ц. 8 к., 10) Восточныя окраины Русскаго царства. Камчатка, Амуръ, Уссури. Съ картою. Ц. 10 к., 11) О Греціи и грекахъ. Профес. В. И. Модестова. Ц. 8 к.; *четвертымъ изданіемъ*: 12) Святый Василій Великій. Съ изображ. Ц. 6 к., 13) Святый Іоаннъ Златоустъ. Съ изображ. Ц. 6 к., 14) О древнихъ египтянахъ и о землѣ Египетской. Ц. 5 к.; *пятымъ изданіемъ*: 15) Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ 2-мя портр. и рисун. С. М. Макаровой. Ц. 8 к., 16) Царствованіе Алексѣя Михайловича. Съ портр. Ц. 6 к., 17) Царствованіе Михаила Θεодоровича. Съ портр. Ц. 6 к., 18) Императрица Екатерина II-ая Великая. Съ 3-мя рисун. Ц. 7 к., 19) Царствованіе Императора Александра Перваго Благословеннаго. Съ портр. Ц. 8 к., 20) Капитанская дочка. Повѣсть А. С. Пушкина (Приспос. для нар. чтеній). Съ 2-мя рисун. Ц. 10 к., 21) Что такое каменный уголь и какъ его добываютъ. Ц. 5 к., 22) Архангельскій край. Съ картой. Ц. 10 к.; *шестымъ изданіемъ*: 23) О жизни и дѣятельности Императора Александра II-го. Два чтенія. Съ портр. Ц. 15 к., 24) Святый Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій. Съ изображ. Ц. 6 к., *восьмымъ изданіемъ*: 25) О смутномъ времени на Руси. Два чтенія. Ц. 12 к.; *девятымъ изданіемъ*: 26) Милость Божія надъ Царемъ, явленная землѣ Русской 17-го Октября 1888 года. Съ 3-мя картин. Ц. 5 к.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Габріэль Компейре. Песталоцци и элементарное воспитаніе. Переводъ С. М. Виноградовой. Педагогическая Библіотека подъ редакціей А. П. Нечаева. Выпускъ II. Спб. 1904. Стр. 132. Ц. 50 к.

Внѣ всякаго сомнѣнія, это—прекрасная книжка. О Песталоцци написано много, больше всего нѣмцами. Сказать о жизни и дѣятельности Песталоцци что-либо новое—очень трудно. Авторъ, впрочемъ, и не претендуетъ на новое научное изысканіе: онъ просто пользуется имѣющимися работами, чтобы очертить обликъ одного изъ лучшихъ людей въ человѣчествѣ и одного изъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ. Задачу эту ему удалось разрѣшить благополучно: каждый, прочитавшій книжку, пойметъ, съ какою высокою личностью авторъ имѣетъ дѣло, какія идеалистически-демократическія и гуманныя свойства сочетались въ Песталоцци съ великимъ педагогическимъ талантомъ, какъ грустна была судьба этой необычайно симпатичной личности и какъ этотъ восторженный и чувствительный педагогъ-мечтатель былъ твердъ въ избранномъ имъ поприщѣ, несмотря на всѣ бури и превратности, въ служеніи народу путемъ усовершенствованія его воспитанія.

Передавать содержаніе книжки не къ чему, да и невозможно: нужно прочитать самое сочиненіе. Есть, конечно, въ книжкѣ и нѣкоторые недочеты; главнѣйшій изъ нихъ — нѣкоторая неясность въ изложеніи педагогическаго міровоззрѣнія Песталоцци. Великій педагогъ не опредѣлилъ точно своего метода, своихъ воззрѣній: къ отвлеченной формулировкѣ онъ былъ очень мало склоненъ и способенъ; онъ всю жизнь искалъ и изслѣдовалъ, мало занимаясь книгами и мало заботясь о томъ, чтобы точно сказать, къ чему же онъ собственно пришелъ, въ чемъ его педагогическая вѣра. Его методъ былъ неотдѣлимъ отъ его личности: „онъ самъ былъ методомъ со всей своей живостью, со всѣмъ своимъ неутоимымъ энтузіазмомъ“, справедливо говоритъ авторъ. Чтобы вѣрно и отчетливо изложить совокупность взглядовъ такого педагога, нужно много поработать и быть въ изложеніи крайне осторожнымъ. Для этого весьма полезно разсматривать ученіе Песталоцци исторически, сопоставлять его съ ученіемъ другихъ педагоговъ и, такимъ образомъ, помаленьку достигать

опредѣленія того, что же новаго внесъ Песталоцци въ движеніе педагогическихъ идей. Такой исторической перспективы въ разсматриваемой книжкѣ нѣтъ, а отсутствіе ея неизбежно влечетъ за собой нѣкоторую туманность и неясность въ пониманіи и оцѣнкѣ педагогическихъ заслугъ Песталоцци, въ опредѣленіи главнѣйшихъ началъ педагогическаго міровоззрѣнія великаго учителя.

Полагаемъ, что читатель, пробѣжавъ разсматриваемую книжку, придетъ къ тому же заключенію, къ какому пришелъ и самъ авторъ: „Поклоненіе вмѣстѣ съ примѣсю состраданія—вотъ что внушаетъ этотъ несчастный великій человѣкъ всѣмъ, кто знакомится съ нимъ ближе“.

П. Каптеревъ.

Dr. med. N. Motzen. Die Berufskrankheiten der Lehrer nach Ursachen, Verhütung und Behandlung. 2-te Auflage „Lumen“—Verlag Radebeul i. Sa. 1903.

Автору этой небольшой брошюры, которая въ одинъ годъ разошлась въ двухъ изданіяхъ, пришлось имѣть среди своихъ пациентовъ очень много учителей, и онъ обратилъ вниманіе на однообразіе, такъ сказать, болѣзней, которыми они страдали. Онъ скоро нашелъ, что болѣзни эти или прямо или косвенно были связаны съ спеціальностью его пациентовъ—педагоговъ. Такими болѣзнями онъ считаетъ: во 1-хъ, болѣзни дыхательныхъ органовъ и органовъ рѣчи; во 2-хъ, нервной системы; въ 3-хъ, циркуляціонныхъ органовъ и въ 4-хъ, органовъ пищеваренія. Чаще всего встрѣчались болѣзни первой категоріи; такъ, за 1895—6 годы изъ всѣхъ болѣзней, которыми хворали лейпцигскіе учителя, 28% приходилось на эту категорію. Dr. Motzen на 80-ти страницахъ разсматривалъ эти „учительскія“ болѣзни, изъ которыхъ катарръ горла такъ и называется въ Германіи „Schulmeisterkatarrh“ (учительскій катарръ), и даетъ совѣты, какъ отъ нихъ уберечься. Не входя въ частности, я только перечислю общія гигиеническія правила, рекомендуемыя имъ: 1) Забота о достаточномъ снѣ: ложиться въ 11 — 11, не сидѣть поздно въ ресторанѣ. 2) Забота о хорошемъ снѣ: ранній, легко переваримый ужинъ; въ послѣдніе часы передъ сномъ отдыхъ отъ напряженной умственной работы и волнующихъ разговоровъ. 3) Забота о правильныхъ отправленіяхъ: привычка къ извѣстному часу, правильное питаніе, много движенія. 4) Методическое, но осторожное закаливаніе. 5) Тщательный уходъ за полостью рта и зубами. 6) Въ школѣ $\frac{1}{4}$ часа отдыха между уроками. 7) Самая строгая экономія въ употребленіи органовъ рѣчи (не говорить слишкомъ громко или быстро). 8) Послѣ уроковъ ежедневныя прогулки съ упражненіемъ легкихъ. 9) Лѣтомъ отдыхать отъ умственнаго труда и заниматься физическимъ. Умственный трудъ допустимъ лишь въ области, не имѣющей ничего общаго съ учительскою дѣятельностью.

Увы! Вотъ все, что я могу прибавить къ этимъ совѣтамъ!

Г. Зоргенфрей.

А. Г. Трахтенбергъ. Матеріалы къ вопросу о санитарномъ состояніи школъ въ Россіи. Диссертация на степень доктора медицины. Спб. 1903. 206 стр.

Судя по заглавію брошюры, заглавію крайне осторожному, д-ръ Трахтенбергъ предлагаетъ матеріалы, т. е. собраніе данныхъ по вопросу о санитарномъ состояніи русскихъ школъ. При подобномъ условіи читатель собственно не имѣетъ права требовать отъ автора многого; не имѣетъ права ждать ни оцѣнки матеріаловъ, ни строго критическаго отношенія къ предмету изслѣдованія, ни систематическаго даже изложенія послѣдняго. Какой ни на есть матеріалъ, разъ онъ данъ, за него и благодарите, думаетъ авторъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ.

Однако, на дѣлѣ оказывается нѣчто иное. Авторъ старается дать болѣе или менѣе обстоятельное, систематическое описаніе школъ въ гигиеническомъ отношеніи, предпосылаетъ изложенію отдѣловъ предмета опредѣленные современно научныя требованія и затѣмъ указываетъ, отвѣчаютъ ли этимъ требованіямъ описываемыя имъ школы. Онъ говоритъ: „при современныхъ условіяхъ мы должны предъявлять къ сельскимъ школамъ хотя бы нѣкоторый минимумъ санитарныхъ требованій, который обязательно долженъ быть выполняемъ ради сохраненія здоровья и силъ учащихся“.

Авторъ дѣлаетъ общій выводъ относительно санитарныхъ условій всѣхъ родовъ учебныхъ заведеній Россіи и представляетъ, такимъ образомъ, оцѣнку всего наблюденнаго имъ въ этихъ заведеніяхъ (см. стр. 62—64).

Словомъ, въ монографіи г. Трахтенберга мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ одними матеріалами въ указываемомъ имъ смыслѣ, но прямо съ гигиеною русскихъ учебныхъ заведеній или со спеціальною школьною гигиеною.

Мало того. Описавъ санитарное состояніе учебныхъ заведеній, авторъ беретъ на себя новую задачу, а именно, показать, „какое вліяніе оказываютъ всѣ перечисленные имъ недостатки и отрицательныя стороны школьной гигиены на физическое здоровье и духовное развитіе учащихся русскихъ дѣтей“. Для этого онъ останавливается на подробностяхъ физическаго развитія учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ и особенностяхъ заболѣваній, и входитъ въ описаніе тѣхъ недуговъ, пороковъ, какіе извѣстны подъ именемъ „школьныхъ болѣзней“, именно, близорукости, искривленій позвоночника, расстройствъ слуха, болѣзней зубовъ, головныхъ болей и умственнаго утомленія.

Такимъ образомъ, передъ читателемъ является уже цѣлая картина не только неудовлетворительнаго состоянія школъ, но и самихъ учащихся, страдающихъ отъ этихъ неудовлетворительныхъ школъ.

При чтеніи брошюры получается впечатлѣніе, что авторъ прямо подавляетъ собраннымъ имъ матеріаломъ и съ трудомъ въ немъ можетъ разобраться. Желая характеризовать санитарное состояніе школъ, онъ одновременно говоритъ и о начальныхъ, и о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, и о городскихъ и о сельскихъ школахъ, и о гимназіяхъ, корпусахъ,

и женскихъ институтахъ. Тутъ онъ, правда, старается обобщать, сокращать, экономизировать свой трудъ, но бѣда въ томъ, что, такимъ образомъ, оказывается едва возможнымъ составить правильное понятіе обо всемъ сообщаемомъ, такъ какъ низшія и среднія школы, корпуса, гимназіи, институты и т. д. представляютъ, по большей части, несоизмѣримыя величины, не поддающіяся сравненію, рѣзко различающіяся между собою во всѣхъ отношеніяхъ. Да и говоря о только что упомянутыхъ школахъ по отношенію къ учащимся, авторъ хочетъ не забыть и учащихся, поэтому (и собственно не кстати) касается и квартиръ послѣднихъ, характеризуя ихъ кое-какими краткими замѣтками.

Подавленный матеріаломъ, авторъ весьма часто повторяется, а то и теряется въ подробностяхъ. Такъ, въ I главѣ, представляющей историческій очеркъ школьной гигиены въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы и въ Россіи, онъ приводитъ данныя, встрѣчающіяся во II-й и III-й главахъ сочиненія, и въ то же время упускаетъ изъ виду нѣкоторыя крупнѣйшія явленія въ исторіи школьной гигиены, какъ, напримѣръ, положеніе ея въ школахъ въ періодъ гуманизма, положеніе иезуитскихъ или вообще клерикальныхъ школъ отличавшихся какъ извѣстно, нѣкоторыми образцовыми деталями въ гигиеническомъ отношеніи и въ отношеніи физическаго воспитанія.

Авторъ обращаетъ главное вниманіе на обстановку начальныхъ школъ, хотя старается, сколько возможно, не забыть и среднія учебныя заведенія. Интернаты совершенно упущены имъ изъ виду, а кстати забыты нѣкоторыя существенныя стороны санитарной обстановки для приходящихъ. Такъ, о шинельныхъ, о рекреационныхъ помѣщеніяхъ встрѣчаются кое-какія замѣтки, а о рекреационныхъ дворахъ, о мѣстахъ для игръ не говорится даже ни слова, хотя въ санитарномъ отношеніи они имѣютъ высокое значеніе. Равно авторъ не касается совершенно вопроса о мѣрахъ къ соблюденію чистоты и опрятности въ школахъ, мѣрахъ въ высшей степени важныхъ и въ санитарномъ и въ педагогическомъ отношеніи.

Все вниманіе автора сосредоточивается собственно на описаніи матеріальной обстановки школъ, на ихъ гигиенѣ, но отнюдь не на тѣлесномъ воспитаніи учащихся, а между тѣмъ задачею авторъ ставитъ себѣ выясненіе вліянія школы на здоровье дѣтей. Это потому въ особенности неосновательно, что мѣры тѣлеснаго воспитанія часто, если и не всегда, чувствительнѣе, надежнѣе отражаются на оздоровленіи дѣтей, нежели мѣры гигиены. Однимъ нарушеніемъ правилъ гигиены нельзя объяснять пониженіе уровня здоровья учащихся, когда на послѣднихъ не менѣе, а вѣрнѣе и болѣе, вліяютъ неудовлетворительныя условія тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго воспитанія, нравственной и умственной гигиены. Вообще, связь между нормальной матеріальной обстановкой школы (гл. II) и физическимъ развитіемъ учащихся (гл. III), равно и ихъ заболеваемостью (главы IV—IX) выясняется авторомъ далеко не полно, поверхностно. Авторъ сильно обрушивается на неудовлетворительныя санитарныя условія школъ и обвиняетъ ихъ въ цѣломъ рядѣ болѣзненныхъ явленій среди учащихся; однако,

въ настоящее время у врачей не имѣется, конечно, права такъ просто рѣшать вопросъ о подобной взаимной зависимости. Авторъ слишкомъ твердо *jurat in verba magistri* и передаетъ, безъ всякой со своей стороны критики, мнѣнія и утверждения старыхъ школьныхъ врачей, тогда какъ мнѣнія эти подлежатъ самой строгой провѣркѣ и вызываютъ возраженія со стороны лицъ, знакомыхъ со школой и учащимися не по одиѣмъ книгамъ или въ амбулаторіи, но и съ дѣйствительной ихъ жизнью. Иллюстрируемъ это хотя бы слѣдующимъ характернымъ примѣромъ. Извѣстные окулисты, Г. Конъ, Эрисманъ, Шубертъ и другіе указывали на то, что школа безусловно виновата въ происхожденіи близорукости учащихся. И что же? Исслѣдованія проф. Штиллинга (Страсбургъ), д-ра Медема (Полтава) и др. рѣшительно противорѣчаютъ этому утверженію и доказываютъ, что если школа, и виновата въ близорукости, то только извѣстною долею, что причины близорукости гораздо болѣе сложны и разнообразны, чѣмъ воображаютъ узкіе спеціалисты. Другой примѣръ: лучшія, образцовыя исслѣдованія проф. Берлина и д-ра Рембоolda въ Штуттгартѣ доказали, что косой почеркъ письма слѣдуетъ признать нормальнымъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые врачи все-таки настаиваютъ на необходимости обученія дѣтей почерку прямому. Первый школьно-гигиеническій слѣздъ въ Нюрнбергѣ (апрѣль 1904) пришелъ тоже къ рѣшенію о нецѣлесообразности почерка прямого; однако приверженцы послѣдняго упорно стоятъ за его превосходство въ гигиеническомъ и педагогическомъ отношеніи. Итакъ, въ дѣлѣ уясненія причинъ всѣхъ почти сообщаемыхъ въ брошюрахъ школьныхъ болѣзней можно было бы указать на крупные недочеты у нашего автора: именно уясненія авторъ и не сдѣлалъ, а ограничился повтореніемъ того, что уже давно извѣстно и что требуетъ серьезной критической провѣрки. Къ тому же, говоря о заболѣваніяхъ учащихся, авторъ останавливается, и даже весьма подробно, на нѣсколькихъ избранныхъ заболѣваніяхъ, но оставляетъ безъ вниманія, на примѣръ, болѣзни заразные и нервныя, эти основныя и преобладающія надъ всѣми остальными. И даже вопросу о переутомленіи авторъ посвящаетъ ничтожное мѣсто въ брошюрѣ, увлекшись описаніемъ умственного утомленія (или усталости) учащихся, а кстати, не разграничивши опредѣленно понятій „утомленія“ и „переутомленія“, что слѣдовало бы сдѣлать въ виду пользы самого предмета. Наконецъ, объ общемъ, преобладающемъ разстройствѣ организма учащихся—о замедленіи вещественнаго обмѣна, о замедленіи питанія (брадитрофіи по Бумару)—авторъ не говоритъ совсѣмъ, если не считать небольшой ссылки на сказанное въ этомъ отношеніи профессоромъ Вагнскимъ (см. стр. 104). Этимъ же разстройствомъ—замедленіемъ питанія—объясняется не только частая и усиленная заболѣваемость учащихся, но и всѣ почти недостатки и пороки ихъ нравственной и умственной жизни.

Вообще, надо сказать, что, обладая нѣкоторой начитанностью въ узкомъ школьно-гигиеническомъ смыслѣ, авторъ очень мало знакомъ съ дѣйствительною жизнью, съ природою учащагося. Онъ относится слишкомъ субъективно,

слишкомъ поверхностно къ предмету и не выработалъ собственного критическаго взгляда на дѣло.

Недостаточное знакомство съ предметомъ обнаруживается у автора въ весьма многихъ случаяхъ. На ряду съ мельчайшими, маловажными деталями въ брошюрѣ отсутствуютъ крупнѣйшіе факты и явленія школьной гигиены и гигиены учащагося. Правда, нѣкоторые недочеты и ошибки можно объяснить отчасти чрезвычайъ обильнымъ матеріаломъ и крайней спѣшностью работы, но зато иные прямо бьютъ въ глаза и едва ли могутъ быть оправданы. Такъ, на страницѣ 59 авторъ удивляется малому объему классныхъ помѣщений въ институтахъ (отъ 0,75 до 1,8 куб. саж. на воспитаннику), а на стр. 60-й говорить, что средняя норма класса, предъявляемая гигиеной, равняется 0,8 куб. сажени. На страницѣ 23 приведены цифры кубической вмѣстимости классовъ въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по показаніямъ д-ра Никольскаго, тогда какъ цифры эти представляютъ официальные данныя, собранныя администраціею гимназій для гигиенической выставки 1893 г.

Выводы, къ какимъ приходитъ авторъ, обнимаютъ все существенныя требованія къ гигиенѣ школы и учащихся, хотя нѣкоторые изъ нихъ и не вытекаютъ изъ данныхъ самой брошюры, а представляютъ плодъ личныхъ соображеній автора. Съ заключительнымъ положеніемъ (§ 16) автора можно согласиться вполне. Онъ говоритъ: „Истинная задача школьнаго врача заключается въ изученіи индивидуальныхъ особенностей учащихся съ физической и духовной стороны и примѣненіи къ нимъ требованій умственной и нравственной гигиены“.

Этимъ положеніемъ авторъ какъ бы смягчаетъ свое пренебреженіе къ нравственной и умственной гигиенѣ учащихся, характеризующее его брошюру и составляющее, вообще, слабую сторону послѣдней.

Во всякомъ случаѣ, диссертация д-ра Трахтенберга носитъ научный характеръ, доступна оцѣнкѣ только специалистовъ и потому едва ли можетъ быть признана пригодной для обыкновеннаго читателя.

А. Виреніусъ.

Н. В. Чеховъ. Наглядность обученія и наглядныя пособія въ начальной школѣ. Изд. Тулузова и Шестакова. М. 1904 г. Ц. 12 к.

Онъ-же. Учительскія общества, ихъ задачи и организація. М. 1904 г. Ц. 12 к. Изд. тѣхъ же.

Онъ-же. Школьные праздники, ихъ воспитательное значеніе и организація. М. 1905 г. Ц. 8 к. Изд. тѣхъ же.

Онъ-же. Книги для дѣтскаго чтенія, учебники и учебныя пособія (болѣе 10.000 названій). Изд. П. Д. Путиловой. М. 1905 г. Ц. 25 к.

Все четыре брошюры Н. В. Чехова представляютъ собой весьма цѣнный

вкладъ въ педагогическую литературу. Составленные умно, съ истиннымъ знаніемъ предмета, написанныя просто и интересно, ояѣ дадутъ педагогическую практику большое количество драгоценныхъ указаній для правильного веденія учебно-воспитательнаго дѣла.—Первая изъ брошюръ трактуетъ о наглядности обученія и наглядныхъ пособіяхъ при изученіи родного языка, ариметики, Закона Божія, міровѣдѣнія и отечествовѣдѣнія. Пріемамъ нагляднаго обученія и снабженію школъ наглядными пособіями посвящены особыя главы. Въ приложеніи даны списки наглядныхъ пособій, пригодныхъ для каждой школы, списки всевозможныхъ мастерскихъ и фирмъ, изготовляющихъ наглядныя пособія и торгующихъ ими, свѣдѣнія о подвижныхъ и показныхъ музеяхъ наглядныхъ пособій и т. п.—Во второй брошюрѣ указывается, какъ открыть учительское общество взаимопомощи и его отдѣленія, и даются весьма обстоятельныя указанія на то, въ чемъ должна заключаться дѣятельность учительскаго общества. Въ приложеніи приведенъ нормальный уставъ общества взаимнаго вспоможенія и его отдѣленій и списокъ существующихъ учительскихъ обществъ. Въ третьей брошюрѣ даны практическія свѣдѣнія о томъ, какъ устриваются школьные праздники: елка, музыкально-литературные вечеръ или утро, спектакль, дѣтскіе праздники—зимніе и лѣтніе, число, распределеніе и стоимость школьныхъ праздниковъ, списки пьесъ для дѣтскихъ и ученическихъ спектаклей и литературныхъ произведеній, которыя могутъ быть прочитаны на дѣтскихъ литературныхъ вечерахъ и т. п. Четвертая брошюра представляетъ собою систематическій каталогъ книгъ для дѣтей дошкольнаго, школьнаго и старшаго возрастовъ, книгъ и учебниковъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Какъ справочное изданіе, она является единственной въ русской педагогической литературѣ.

К. Л.

А. Н. Пыпинъ. Н. А. Некрасовъ. С.-Петербургъ 1905.

Появившаяся передъ самою смертію книга А. Н. Пыпина имѣетъ двойной интересъ—и какъ воспоминанія извѣстнаго ученаго, и какъ напоминаніе о великомъ поэтѣ. Мы можемъ теперь сказать—„великомъ“. Время, все охлаждающее и объективирующее, несомнѣнно отразилось и на оцѣнкѣ поэтической дѣятельности „цѣвца народнаго горя“. Прошло 27 лѣтъ со дня смерти Некрасова, но, однако, и теперь не сгладилось разнорѣчіе въ отзывахъ о личности и творчествѣ писателя. Покойный академикъ говоритъ: человекъ давно пѣтъ; осталось одно дѣло писателя, одинъ умственный и поэтический трудъ,—то и другое во всякомъ случаѣ было явленіемъ не совершенно обыкновеннымъ. Если и до сихъ поръ уцѣлѣло то восторженное отношеніе къ Некрасову, которое отвѣчало увлеченіямъ стараго времени,—то естественно было разъяснить именно эту сторону лица, біографіи и литературнаго наслѣдія. Выбѣстъ съ тѣмъ, слишкомъ многіе изъ тѣхъ, кто писалъ и говорилъ въ „некрасовскіе дни“ (1902—1903 годы) останавливались, напротивъ, съ

особеннымъ, какъ-будто злораднымъ, усердіемъ, именно на темныхъ, отрицательныхъ сторонахъ лица и біографіи. Пыпинъ касается и выясняетъ именно эти вопросы и выполняетъ это, какъ и общается въ началѣ труда, *sine ira et studio*. Въ книгѣ его три очерка: „Нѣсколько воспоминаній“, „Историко-литературныя справки“, „Обзоръ литературной дѣятельности“ и весьма цѣнныя письма Некрасова къ Тургеневу, переданныя Пыпину самимъ получателемъ ихъ. Къ книгѣ приложенъ (далеко, впрочемъ, неполный) библиографическій обзоръ литературы о Некрасовѣ со дня его смерти. Пыпинъ познакомился съ поэтомъ въ 1854 г.; въ началѣ 60-хъ годовъ принялъ близкое участіе въ „Современникѣ“, когда онъ возобновился послѣ закрытія его въ 1861 г., и былъ соредакторомъ Некрасова по изданію. Это участіе продолжалось до окончательнаго прекращенія журнала въ 1866 г. Послѣ того онъ встрѣчался съ Некрасовымъ не часто, но нерѣдко посѣщалъ его во время послѣдней продолжительной болѣзни. Благодаря этимъ продолжительнымъ отношеніямъ, Пыпинъ можетъ сказать свое вѣское слово и о личности журналиста-поэта, и объ его музѣ „мести и печали“.

Въ годы перваго общенія Пыпина съ Некрасовымъ, въ началѣ особенно, т. е. въ срединѣ 50-хъ гг. редакціонный кружокъ „Современника“, продолжавшаго дѣло, начатое Вѣлинскимъ, заключалъ въ себѣ лучшія силы русской литературы. Въ дѣлахъ журнала принимали участіе Григоровичъ, Гончаровъ, В. Водкинъ, Анненковъ, Е. Ковалевскій, братья Жемчужниковы, В. Гаевскій, О. Тютчевъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Забѣлинъ, Вл. Милютинъ, К. Ушинскій, наконецъ, Писемскій, Островскій, Левъ Толстой, Тургеневъ... Съ послѣднимъ особенно близокъ былъ Некрасовъ. Въ 1856—1858 въ журналѣ приняли участіе и новыя молодыя силы, — то были прежде всего Чернышевскій и Добролюбовъ. Старые редакціонные члены, люди сороковыхъ годовъ, встрѣтили ихъ сразу недружелюбно. Некрасову приходилось отстаивать ихъ: но враждебность не улеглась: два поколѣнія, если хотите, до нѣкоторой степени „отцы и дѣти“, не поняли другъ друга и не были достаточно терпимы; и съ той, и съ другой стороны глухое недовольство перешло во вражду. Но Некрасовъ понималъ, что продолжателями, болѣе вѣрными истолкователями завѣтовъ Вѣлинскаго были новыя люди, что будущее—за молодымъ поколѣніемъ; онъ сочувствовалъ ему, какъ журналистъ и общественный дѣятель, и новыхъ друзей не думалъ уступать старымъ пріятелямъ. Редакціонный кружокъ „Современника“ къ концу 50-хъ гг. распался. *Inde ira*. Отсюда все болѣе осложнявшіяся отношенія между Некрасовымъ и его сотрудниками перешли во вражду, обострившуюся особенно въ 60-хъ годахъ; отсюда и та рѣзкость отзывовъ о личности поэта, которая нашла себѣ мѣсто въ статьяхъ, воспоминаніяхъ и письмахъ. Это враждебное отношеніе къ Некрасову, какъ къ лицу, отразилось и на отрицательномъ отношеніи къ поэзіи „мести и печали“. Но бывшіе друзья поэта иные или сами измѣнили прошлому и пошли другой дорогой (Водкинъ, Фетъ, Писемскій и др.), или

остались на полпути и отошли въ сторону (Дружининъ, Гончаровъ, Григоровичъ и др.), или, какъ Тургеневъ, пережили тяжелые годы, пока не возвратились къ лучшимъ преданіямъ своей ранней литературной дѣятельности. Для нѣкоторыхъ однако изъ нихъ у Некрасова нашлось доброе, примиряющее слово. Несомнѣнно о нихъ то и подобныхъ имъ говорилъ онъ въ стихахъ:

Но кто твое держалъ когда-то знамя,

Тѣхъ не пятнай!

Не предали они,—они устали

Свой крестъ нести,

Покинулъ ихъ духъ Гнѣва и Печали

На полпути.

Любопытны строки покойнаго академика, посвященныя настроенію и положенію Тургенева. Онъ, не безъ значительнаго вліянія нѣкоторыхъ своихъ друзей прежняго кружка, не сблизился съ самаго начала съ представителями новаго прогрессивнаго движенія въ русскомъ обществѣ. Предубѣжденіе, съ которымъ встрѣтили ихъ старые друзья „Современника“, впоследствии только увеличивало недовѣрчивость и подозрительность; для нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе прямолинейныхъ, это были люди прямо не ихъ круга—„разночинцы“. Но они не видѣли только, „что эти разночинцы были широко образованные люди, иногда образованнѣе ихъ самихъ, и между прочимъ, горячо преданные серьезнымъ интересамъ литературы... Тургеневъ, въ этомъ случаѣ, какъ и вообще, былъ гораздо болѣе образованный человѣкъ, чѣмъ его друзья; но при первой встрѣчѣ съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ, и онъ недостаточно отдавалъ себѣ отчета въ складѣ мысли и настроеніи людей этого поколѣнія. Ему видѣлась въ нихъ сухость и желчь; но подавленные своей нервной нетерпѣливости (если не сказать: нетерпимости), онъ не хотѣлъ вникнуть въ настоящую подкладку настроенія“. Прошли долгіе годы... и въ концѣ-концовъ онъ вступилъ въ то литературно-общественное движеніе, начало котораго, на переломѣ отъ сороковыхъ годовъ, онъ встрѣтилъ такъ непріязненно. Его друзья изъ стараго кружка уже вскорѣ (послѣ разлада съ Некрасовымъ) перешли прямо въ лагерь обскурантовъ. Но то, что было имъ чуждо или нелюбопытно, было Некрасову вполне понятно,—и нетрудно было человѣку, нѣсколько болѣе воспріимчивому къ общественнымъ вопросамъ, появивъ въ годы кризиса Крымской войны общественное возбудженіе, уразумѣть, что оно должно было быть тѣмъ сильнѣе въ поколѣніяхъ молодыхъ, всегда наклонныхъ къ идеализму и еще не успѣвшихъ зачерствѣть въ рутинѣ себялюбія и самодовольства. Поэтъ сумѣлъ понять идеалистическое настроеніе, представителями котораго были новые сотрудники журнала. Съ другой стороны, основой дружескихъ отношеній съ ними была собственная дѣятельность Некрасова: въ эти самые годы поэзія его достигла высшаго

расцвѣта и получила извѣстный своеобразный характеръ, утвердившій за авторомъ ея искусственное наименованіе—„пѣвецъ народнаго горя“. Въ 1856 г. Тургеневъ, не признававшій его поэзіи, говорилъ, что „стихотворенія Некрасова, собранныя въ одинъ фокусъ,—жгутся“. Такъ и принимало ихъ въ особенности молодое поколѣніе, искавшее, наконецъ, въ литературѣ какого-либо отвѣта на свои общественно-идеалистическія мечты и порывы. Здѣсь была прочная почва для взаимнаго пониманія. Редакторъ „Современника“ понималъ смыслъ первыхъ работъ своихъ новыхъ сотрудниковъ и естественно могъ имъ сочувствовать. Онъ видѣлъ, что въ общественномъ настроеніи начинается переломъ,—котораго давно надо было ожидать,—и что литература, чтобы сохранить свой давній историческій смыслъ должна удовлетворить нравственнымъ требованіямъ общества. Некрасовъ, такимъ образомъ, непосредственно звалъ новое направленіе, и во многомъ сполна раздѣлялъ его... онъ сознавалъ, что болѣе вѣрными хранителями преданія Вѣлинскаго были именно люди этого новаго поколѣнія (стр. 37—39). А бывшіе соратники поэта разразились всевозможными упреками,—они укоряли его въ журнальной аферѣ, ради которой онъ будто бы бросилъ и прежнихъ друзей, промѣнявъ ихъ на новыхъ сотрудниковъ, которые, по его расчету, были выгоднѣе. Но это были совершенно несправедливыя обвиненія. И Пыпинъ съ обычной свойственно ему обстоятельностью показываетъ, какъ трудно было Некрасову поднять „Современникъ“, когда издатель не имѣлъ никакихъ средствъ, и какъ долго онъ не могъ расквитаться съ долгами (изданіе было начато на занятыя деньги)... Ближайшіе друзья знали это положеніе вещей, и Некрасовъ не говорилъ имъ прямо, когда онъ былъ стѣсненъ въ средствахъ, но говорилъ прямо, когда его дѣла поправлялись, самъ предлагалъ деньги и увеличивалъ цыфру гонорара (стр. 208). Наконецъ, въ письмахъ поэта къ Тургеневу окончательно выясняется несправедливость утвержденій друзей его; дѣло объясняется совсѣмъ иначе: „среди колебаній и, наконецъ, вражды ихъ Некрасовъ ясно повималъ историческое преемство двухъ поколѣній (40-хъ и 60-хъ гг.) и защищалъ новое направленіе не изъ „коммерческихъ расчетовъ“, которые ему любили навязывать, *а именно потому, что понималъ ясно общественный смыслъ новаго направленія*“.

Въ шестидесяти письмахъ Некрасова къ Тургеневу много любопытнаго и для характеристики обоихъ писателей и для характеристики общественныхъ настроеній и судебъ литературъ въ 1847—1861 годахъ. Отсылая читателей къ этимъ страницамъ книги I части, мы извлекаемъ изъ нихъ немногіе интересные отрывки, имѣющіе къ тому или другому поводу болѣе важное значеніе. Въ августѣ 1855 г. п. г. пишетъ: „Толстой (Л. Н.) прислалъ статью о Севастополѣ—но эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее напечатать, да и на будущія статьи его о Севастополѣ нельзя рассчитывать, хотя онъ и будетъ присылать ихъ“. Въ іюнѣ 1857 г. онъ сообщаетъ Тургеневу, „какъ въ Россіи все стали увлекаться

новыми движеніями: вся литература и публика круто повернула въ сторону общественныхъ вопросовъ...“

„Но собственно все то же идетъ въ отношеніи цензуры и даже начало нѣсколько поворачивать вспять. Уже задерживаются статьи—за мрачное впечатлѣніе и т. п., то есть произволъ личности опять входитъ въ свои права“. Некрасовъ передъ тѣмъ недавно вернулся изъ продолжительной поѣздки за границу, и въ іюлѣ 1857 г. пишетъ изъ Петергофа пріятелю, собиравшемуся также пріѣхать въ Россію: „Здѣсь ждетъ тебя жизнь сѣренькая, но ты ужъ ее хорошо знаешь и съумѣешь, какъ и встарь, брать съ нея лучшее. А надо правду сказать, какое бы унылое впечатлѣніе ни производила Европа, стоитъ воротиться, чтобъ начать думать о ней съ уваженіемъ и отрадой. Сѣро, сѣро! Глупо, дико, глухо—и почти безнадежно! И все-таки я долженъ сознаться, что сердце у меня билось какъ то особенно при видѣ „родныхъ полей“ и русскаго мужика. Вотъ тебѣ стихи, которые я сложилъ вскорѣ по пріѣздѣ *)“:

Въ столицѣ шумъ—гремятъ вѣтви,
Вичуя рабство, зло и ложь,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Что тамъ? Богъ знаетъ... не поймешь!
Надъ всей равниной безпредѣльной
Стоитъ такая тишина,
Какъ будто впала въ сонъ смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ нивъ,
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью землею,
Колосья безконечныхъ нивъ...

„Что до меня, я доволенъ своимъ возвращеніемъ. Русская жизнь имѣетъ счастливую особенность сводить человѣка съ идеальныхъ вершинъ, поминутно напоминая ему, какая онъ дрянъ,—дряню кажется и все прочее, и самая жизнь,—дряню, о которой не стоитъ много думать. Въ литературѣ движеніе самое слабое. Всѣ новооткрытые таланты, о которыхъ доходили до тебя слухи, сущій пухъ. Эти Водовозовы и пр. едва умѣютъ писать порусски. Гепій эпохи—Щедринъ...“

Публика въ немъ видитъ нѣчто повыше Гоголя. Крайне любопытенъ отзывъ Некрасова, этого яркаго представителя такъ называемаго „Гоголев-

*) Мы приводимъ новый вариантъ извѣстнаго стихотворенія, какъ болѣе полный: шесть стиховъ въ немъ (2-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 8-й) или совершенно новые или видоизмѣнены сравнительно съ печатнымъ текстомъ.

скаго“ направленія, противъ котораго (по весьма прискорбному недоразумѣнію) вознамѣрились его друзья, писатели стараго кружка, поддерживать направленіе „Пушкинское“ (стр. 29), отзывъ о Гоголѣ по поводу выхода 2-го тома „Мертвыхъ душъ“ въ письмѣ отъ 29 августа 1857 г. *): „Вотъ честный то сынъ своей земли! Больно подумать, что частныя уродливости этого характера для многихъ служатъ помѣхою оцѣнить этого человѣка, который писалъ не то, что могло бы болѣе нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считалъ полезнѣйшимъ для своего отечества. И ложь въ этой борьбѣ, и талантъ, положимъ, свой во многомъ изнасиливалъ, но каково самоотверженіе! Какъ ни озлобляетъ противъ Гоголя все, что намъ извѣстно изъ закулиснаго и даже кой-что изъ его печатнаго, а все-таки въ результатѣ это благородная и въ русскомъ мірѣ самая гуманная личность—надо желать, чтобъ по стопамъ его шли молодые писатели въ Россіи!“ Въ заключеніе немногихъ выписокъ изъ писемъ Некрасова, мы приведемъ отрывокъ по поводу сборника въ пользу семьи Вѣлинскаго, такъ прекрасно характеризующій добрую, отзывчивую, по словамъ знавшихъ его интимную жизнь людей, душу поэта. Онъ пишетъ Тургеневу въ сентябрѣ 1857 г.: „Дочери Вѣлинскаго уже 15 лѣтъ; у ней и матери ничего нѣтъ, кромѣ скуднаго жалованья и твоей пенсіи; намъ такъ легко сдѣлать что-нибудь для нихъ, что стыдно не сдѣлать. Я имѣю уже общаніе нѣсколькихъ порядочныхъ людей дать статьи для сборника; къ остальнымъ разошлю на дняхъ приглашеніе. Если ты желаешь, то, для усиленія довѣрія въ литераторахъ и публикѣ къ предпріятію, можно присоединить твое имя: во всякомъ случаѣ, я избираю тебя контролеромъ моимъ по этому дѣлу. Пиши мнѣ свое мнѣніе, увѣдомь Воткина, скажи также Фету. Въ твоемъ содѣйствіи я не сомнѣваюсь. Знаешь-ли, если книжка будетъ изрядная, то можно выручить въ приданое дѣвицѣ тысячъ десять серебромъ! Боюсь только, какъ бы не умереть, не сдѣлавши этого дѣла—тогда ты его докончишь—правда?“

Въ „Очеркѣ литературной дѣятельности“ Некрасова, составленнаго Пыпинымъ, помѣщено нѣсколько очень важныхъ убѣдительныхъ подлинныхъ замѣтокъ о поэтѣ, сообщенныхъ въ 80-е годы автору „современникомъ, который близко зналъ Некрасова“. Теперь его имя можно назвать; это, несомнѣнно, Н. Г. Чернышевскій. Замѣтки характеризуютъ Некрасова, какъ человѣка очень добраго, прямодушнаго, скромнаго въ отношеніи къ себѣ и своей поэзіи, совсѣмъ не „скрытнаго“, отнюдь не „загадочнаго“ и нисколько не „лицемѣрнаго“. Отвергая вліяніе „новыхъ людей“ на поэзію Некрасова, Чернышевскій говоритъ объ отношеніяхъ его къ Добролюбову: „любовь къ

---

*) Письмо это Пыпинымъ помѣщено подъ № 52, но, очевидно, это ошибка: оно должно быть помѣщено подъ № 51, а это послѣднее вслѣдъ за нимъ: письмо № 51 писано наканунѣ Александрова дня (30 авг.), а въ № 52 имѣется приписка В. Воткина отъ 12 августа.

Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова, — и, я полагаю, освѣжала. Но это совсѣмъ иное дѣло, не расширеніе „умственного и нравственного горизонта“ (поэта), а чувство отрады. Чувство отрады благотворно. Оно укрѣпляетъ душевныя силы. За десять лѣтъ до знакомства съ Добролюбовымъ подобное благотворное вліяніе имѣло на Некрасова знакомство съ тою женщиною, которая была предметомъ многихъ его лирическихъ пѣсень. Любопытно одно воспоминаніе соратника Некрасова, дающее прекрасный отвѣтъ „отрицателямъ“ поэта, обвиняющимъ его въ „сочинительствѣ“ и „выдуманности“ поэтическихъ произведеній. Дѣло идетъ о „Дѣтствѣ Валажника“ (На Волгѣ). Чернышевскій говоритъ: „Для всѣхъ очевидно, что въ этой пѣснѣ есть личныя воспоминанія писателя о его дѣтствѣ. Однажды, рассказывая мнѣ о своемъ дѣтствѣ, Некрасовъ припомнилъ разговоръ бурлаковъ, слышанный имъ, ребенкомъ, и передалъ; пересказавъ прибавилъ, что онъ думаетъ воспользоваться этимъ воспоминаніемъ въ одномъ изъ стихотвореній, которыя хочетъ написать. Прочитавъ черезъ нѣсколько времени пѣсню „На Волгѣ“, я увидѣлъ, что рассказанный мнѣ разговоръ бурлаковъ переданъ съ совершенною точностію, безъ всякихъ прибавленій или убавленій; перемѣны въ словахъ (и то пять, шесть) сдѣланы лишь такія, которыя были необходимы для подведенія ихъ подъ размѣръ стиха; онѣ нимало не измѣняли смысла рѣчи... Когда я читалъ пѣсню въ первый разъ, у меня въ памяти еще были совершенно тверды слова, слышанныя мною“ *). Въ своемъ „Обзорѣ“ Пыпинъ даетъ и общую характеристику литературной дѣятельности Некрасова. По его мнѣнію (стр. 272—273), основной чертой у поэта было стремленіе къ реалистическому изображенію, отвѣчавшему самому складу его ума, трезвому и дѣловому. Раньше, чѣмъ появились его главныя, характерныя стихотворенія, онъ былъ авторомъ „Петербургскихъ угловъ“, потомъ реалистическихъ повѣстей и романовъ. Еще раньше повѣстей онъ былъ авторомъ водевилей и шуточныхъ стихотвореній, которыя иногда приближались къ сатирѣ. Эта наклонность къ шуткѣ, похожей на сатиру, сохранилась у него до послѣднихъ годовъ; но предметъ шутки становился важнѣе, и она чаще переходила въ сатиру, которая уже не была шуткой. Въ зрѣлую пору

*) Характерно для Н. Г. Чернышевскаго мнѣніе, высказанное объ отношеніи такъ называемой буржуазіи и народа, отношеній, часто толкуемыхъ весьма невѣрно и произвольно. Мыслитель и критикъ ясно говоритъ въ замѣткахъ (стр. 253): „Мнѣ всегда было тошно читать разсужденія о „гнусности буржуазіи“ и обо всемъ тому подобномъ; тошно потому, что эти разсужденія, хоть и внушаемыя „любовью къ народу“, вредятъ народу, возбуждая вражду его друзей противъ сословія, интересы котораго, хоть и могутъ часто сталкиваться съ интересами его (какъ сталкиваются очень часто интересы каждой группы самихъ простолудиновъ), но въ сущности одинаковы съ тѣми условіями національной жизни, какія необходимы для блага народа, потому въ сущности тождественны съ интересами народа.“

жизненного опыта и таланта написаны были произведения Некрасова, который всего больше создали его популярность, и гдѣ, дѣйствительно, его мысли нашли яркое выраженіе: для ихъ опредѣленія достаточно назвать „Музу“ и „Поэта и гражданина“. Но рядомъ шли простыя и тепло написанныя картинки народной, именно деревенской жизни. На пространствѣ отъ желчнаго тона его сатиры до этихъ идиллій идетъ рядъ оттѣнковъ: въ сатирѣ находятъ мѣсто лирическіе эпизоды, въ идиллію примѣшивается слегка насмѣшливая шутка, въ элегіи иногда прорывается иронія; но въ деревенскихъ картинкахъ, какъ вообще, Некрасовъ нигдѣ не впадаетъ въ тонъ слащавой чувствительности. Однажды онъ задумалъ издавать небольшія книжки для народнаго чтенія — изъ своихъ стихотвореній и постороннихъ разсказовъ, доступныхъ народному читателю, — и дѣйствительно, стихотворенія о деревенскихъ предметахъ едва-ли у кого-либо изъ нашихъ поэтовъ выдержаны въ такомъ вѣрномъ и простомъ тонѣ, какъ у Некрасова: эту деревенскую рѣчь онъ зналъ сполна, а нѣкоторыя стихотворенія — точно бесѣды его съ деревенскими друзьями...

Таково въ общихъ чертахъ крайне интересное содержаніе книги о Некрасовѣ, послѣдняго изданнаго труда покойнаго академика.

И. Ж.

Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. Спб. 1903. Стр. 264. Ц. 4 р.

Въ русской литературѣ до послѣдняго времени не было полной и систематической исторіи письменъ; а между тѣмъ этотъ предметъ очень важенъ и интересенъ для ознакомленія съ нимъ учащіяся, такъ какъ исторія письменъ является въ то же время и исторіей человѣческой культуры. „Только письмо даетъ намъ возможность запомнить огромную массу приобретенныхъ вѣками свѣдѣній, — говоритъ г. Шницеръ, — только благодаря ему мы имѣемъ теперь школы и въ состояніи передать дѣтямъ тотъ огромный и цѣнный запасъ опытности и познанія, который мы получили въ наслѣдство отъ предковъ. Облегчивъ въ значительной степени сношенія различныхъ народовъ другъ съ другомъ, письмо въ то же время дало людямъ возможность производить самый обширный обмѣнъ мыслей между собою, и, такимъ образомъ, соединить свои умственные силы, чтобы, дѣйствуя сообща, вѣрнѣе и быстрѣе идти по пути цивилизаціи. Затѣмъ, цѣлый рядъ великихъ изобрѣтеній, цѣлый рядъ гениальныхъ открытій неразрывно связаны съ искусствомъ письма“. Такимъ образомъ трудъ г. Шницера, посвященный всеобщей исторіи письменъ, въ извѣстной степени можетъ удовлетворять назрѣвшей въ нашей литературѣ необходимости въ подобнаго рода сочиненіи, а доступное изложеніе и масса рисунковъ дѣлаютъ его пригоднымъ и для школы.

Главное научное достоинство „Исторіи письменъ“ г. Шницера состав-

вляеться ея прагматизмъ: въ основу ея положена мысль Лейбница: *natura non facit saltus*—„природа не дѣлаеть скачковъ“. Авторъ задался цѣлью, на основаніи сравнительнаго изученія письменности различныхъ народовъ, показать существованіе тѣсной связи между всѣми письменами земного шара. „Письмена, подобно языкамъ, не выдумывались и не изобрѣтались отдѣльными личностями,—говорить онъ,—какъ это принято было думать на основаніи преданій, а вырабатывались и развивались одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепеннаго развитія, какимъ подчинено происхожденіе міровъ, происхожденіе животныхъ, растений и, вообще, всего того, что когда-либо возникало и возникаетъ въ природѣ“.

Сочиненіе г. Шницера дѣлится на двѣ части: въ первой излагается исторія возникновенія письменности и періоды ея „идеографическій“ или картинный и „гіероглифическій“, во второй—исторія изобрѣтенія и распространенія алфавита. У насъ нѣтъ возможности передать все содержаніе интересной книги г. Шницера; мы скажемъ лишь нѣсколько словъ объ изобрѣтеніи алфавита. Изобрѣтеніе алфавита имѣло громадное значеніе для человѣчества, такъ какъ представляетъ собой самый простѣйшій способъ выражать мысли письменно; но несмотря на это, наука до сихъ поръ еще не можетъ съ точностью сказать, кому изъ народовъ Востока принадлежитъ честь изобрѣтенія алфавита. Одни изъ ученыхъ указываютъ на финикянъ, другіе—на евреевъ. Несомнѣнно только то, что алфавитъ изобрѣтенъ однимъ изъ ханаанскихъ племенъ.

Хотя авторъ „Исторіи письменъ“ также оставляетъ этотъ вопросъ пока открытымъ, но можно видѣть, что его мнѣніе склоняется на сторону евреевъ. Въ пользу этого мнѣнія свидѣлствуютъ источники двоякаго рода: 1) внутреннее, вытекающее изъ особенностей самого алфавита, и косвеннымъ образомъ—2) историческіе или внѣшніе. Древнія народныя преданія, наприимѣръ, мнѣ о финикянѣ Кадмѣ, пришедшемъ въ Беотию и научившемъ грековъ искусству письма, приписываютъ изобрѣтеніе алфавита финикианамъ. Древнѣйшіе же писатели приписывали изобрѣтеніе его своимъ богамъ—Аполлону, Паркамъ, Музамъ, Изидѣ и др., или героямъ и пѣвцамъ—Лину, Орфею, Геркулесу, Музею и др. Геродотъ говоритъ, что „финикиане, пришедшіе въ Кадмю въ Грецію, принесли къ эллинамъ вмѣстѣ съ другими предметами, касающимися образованія, и письма, употребленіе которыхъ, какъ мнѣ кажется, прежде этого неизвѣстно было грекамъ“. Основываясь на этихъ словахъ, свидѣтельствующихъ только о томъ, что финикиане первые научили грековъ искусству письма, другіе древніе писатели стали считать финикянъ и изобрѣтателями алфавита, а съ ихъ словъ и многіе современные ученые. Другая часть древнихъ писателей, наприимѣръ, Діодоръ Сицилійскій, Плиній, Гелій, Тацитъ—считаютъ изобрѣтателями то египтянъ, то сирійцевъ. Напр., Тацитъ говоритъ о происхожденіи алфавита слѣдующее: „Идетъ молва, что Кадмъ, приплывъ съ финикійскимъ флотомъ къ берегамъ Греціи, передалъ

ея необразованнымъ народамъ свое искусство письма. А между тѣмъ изобрѣтателями этого письма являются египтяне; отъ послѣднихъ его заимствовали финикійскіе мореходы и, передавъ его затѣмъ грекамъ, получили славу изобрѣтателей того, что на самомъ дѣлѣ они только позаимствовали“. Такимъ образомъ, свидѣтельства древнѣйшихъ писателей часто расходятся между собой, и на основаніи ихъ нельзя рѣшить вопросъ, какой народъ изобрѣлъ алфавитъ. Памятники же древнѣйшей письменности, дошедшіе до насъ, свидѣлствуютъ въ пользу евреевъ, такъ какъ памятники еврейскаго письма, напр., памятникъ Меші, найденный въ Дибонѣ, и Силоамскій памятникъ, найденный въ Іерусалимѣ,—гораздо древнѣе, чѣмъ памятники финикійскаго письма, напр., отрывокъ надписи на обломкахъ металлической надписи, найденной на о. Кипрѣ, VI или VII вѣковъ, надпись на саркофагѣ сидонскаго царя Эшмуназара, VI или III вѣковъ.

Доказательства, вытекающія изъ свойствъ самого алфавита, также подтверждаютъ мнѣніе объ изобрѣтеніи его евреями. „Форма финикійскихъ буквъ вполне соответствуетъ еврейскимъ,—говоритъ г. Шницеръ,—однако, при сравненіи письменныхъ знаковъ на древнѣйшихъ памятникахъ евреевъ и финикянъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что уже на памятникахъ Меші и Силоамскомъ еврейское письмо представляетъ такіа изящныя, такіа правильныя начертанія, на развитіе которыхъ несомнѣнно потребовались цѣлыя столѣтія: почти каждая буква обнаруживаетъ тамъ слѣды своего продолжительнаго существованія, что проявляется въ бѣглыхъ формахъ нѣкоторыхъ знаковъ, въ округлости угловъ, въ стремленіи красиво загибать въ сторону нижніе концы буквъ и т. д., между тѣмъ какъ на древнѣйшихъ финикійскихъ памятникахъ,—по времени, какъ уже извѣстно, гораздо болѣе позднихъ, чѣмъ упомянутые памятники еврейскіе,—письмо отличается рѣзкостью, угловатостью, отсутствіемъ округлостей и прямымъ вертикальнымъ направленіемъ нижнихъ концовъ буквъ, вообще, имѣетъ видъ письма юнаго, недостаточно развитаго, мало пользованнаго, прошлое котораго еще весьма кратковременно“ (стр. 102). Это подтверждается еще употребленіемъ въ еврейскомъ письмѣ точекъ для отдѣленія одного слова отъ другого и указываетъ на то, что алфавитное письмо стояло у евреевъ на высокой степени развитія. Большой свѣтъ на рѣшеніе этого вопроса проливаетъ также нѣкоторыя названія греческаго алфавита. Они указываютъ на то, что народъ этотъ занимался земледѣліемъ (alef—волъ, gimel—яро, cheth—ограда, lamed—рогатина) и рыболовствомъ (mem—вода, nun—рыба), былъ осѣдлымъ, т. е. жилъ въ настоящихъ домахъ (beth съ окнами (he), при постройкѣ которыхъ употреблялись столбы (samech) и гвозди (vav); кромѣ того, былъ народомъ воинственнымъ (raïn—оружіе, tsade—копье); страна, гдѣ онъ жилъ, изобиловала змѣями (teth). Эти названія ясно указываютъ на евреевъ, которые послѣ исхода изъ Египта, изъ пастуховъ стали воинами, изъ кочевниковъ—земледѣльцами. Затѣмъ г. Шницеръ

указываетъ страну, гдѣ былъ изобрѣтенъ алфавитъ, именно, Египеть. „Итакъ, до поры до времени мы считали бы наиболѣе вѣроятнымъ предположеніе о томъ,—заключаетъ свои доказательства г. Шницеръ,—что алфавитъ впервые зародился у еврейскаго народа и зародился подъ небомъ Египта и на почвѣ его пиктографической системы, а отсюда уже, благодаря событію исхода, онъ перенесенъ былъ евреями въ ханаанскую землю, гдѣ онъ окрѣпъ, выросъ и вмѣстѣ съ финикійскимъ товаромъ получилъ свое распространеніе по всему міру“ (стр. 108). Въ заключеніе скажемъ, что упомянутая выше задача „Исторіи“ г. Шницера вполне достигнута: по прочтеніи книги, у читателя, дѣйствительно, возникаетъ ясное представленіе о тѣсной преемственности письма одного народа отъ письма другого, чему немало способствуютъ приложенные къ труду 155 рисунковъ и 19 снимковъ, воспроизводящихъ образцы письменъ съ древнихъ памятниковъ.

А. И. Яцимирскій.

А. Я. Пясецкій, преподаватель Кронштадтской мужской и Александринской женской гимназій. Учебникъ ариметики для среднѣеучебныхъ заведеній. Части 1, 2, 3 и 4. Кронштадтъ. Типографія „Кронштадтскаго Вѣстника“. 1904.

Авторъ задался, очевидно, цѣлью составить такой учебникъ ариметики, который можно было бы съ пользою дать въ руки ученикамъ, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ. Общеизвѣстно, что такихъ учебниковъ очень мало, а то и нѣтъ вовсе; большинство же изданныхъ и одобренныхъ въ разное время руководствъ по этому предмету скорѣе предназначены для нуждъ преподавателей, чѣмъ для пользованія учениковъ. Потому преподаватели предпочитаютъ, параллельно рѣшенію задачъ по тому или другому сборнику, диктовать учащимся краткія теоретическія правила и указанія, сообразуясь съ возрастомъ, развитіемъ и подготовкой слушателей, а отчасти и личными вкусами. Несомнѣнно, что такіе „диктованные“ курсы страдаютъ многими недостатками, изъ которыхъ первый и главный—невозможность для учителя провѣрить лично записки всего класса, т. е. какъ и что именно записано каждымъ ученикомъ подъ его диктовку.

Первыя двѣ части учебника г. Пясецкаго, предназначенныя для I и II классовъ, совершенно устраняютъ необходимость такихъ диктовокъ. Трудно желать болѣе сжатаго, яснаго, болѣе приспособленнаго къ пониманію учащихся изложенія; книжки можно совершенно смѣло дать въ руки любому изъ учениковъ I и II классовъ, съ полнымъ и спокойнымъ сознаніемъ, что дано не словоломное и трудно понятное руководство, а краткое и ясное *compendium* проходимаго. Впечатлѣнію наглядности способствуетъ двоякій шрифтъ учебника, выбранный весьма удачно.

Къ сожалѣнію, нельзя отнестись съ такой же безусловной похвалою къ

III части книжки (отношенія и пропорціи, и всѣ, рѣшаемыя помощью пропорцій, а также приведеніемъ къ единицѣ задачи на разные правила):

Обиліе доказательствъ алгебраическаго характера, несоотвѣтствующихъ подготовкѣ учащихся въ III классѣ, дѣлають книжку, въ нѣкоторыхъ частяхъ ея, мало доступной пониманію учениковъ. Къ тому же подборъ случаевъ рѣшенія на нѣкоторыя правила — напр., правила товарищества и правило смѣшенія—довольно бѣденъ. Въ числѣ задачъ на правило смѣшенія (пробы, смѣсен), нѣтъ такихъ основныхъ задачъ, какъ, напр.: „сколько лигатуры надо прибавить къ серебру 92, положимъ, пробы, чтобы понизить пробу до 84“; или „сколько чистаго спирту надо прибавить къ восьмидесятиградусному, допустимъ, спирту, чтобы повысить крѣпость до 90°?“ Обыкновенно, такія простенькія на видъ задачи служатъ большими камнями преткновенія для начинающихъ.

Что касается IV части (дополнительныя статьи)—предназначенной, повидимому, для учениковъ VIII кл. гимназій и VII кл. реальныхъ училищъ, то она не вызываетъ отрицательной критики, а только пожеланія. Такъ, напр., теоремъ 16 на стр. 29 слѣдовало бы предпослать доказательство, что два числа N и N_1 , связанные зависимостью

$$N = N_1 + 1$$

всегда взаимно-первыя.

Это промахъ, не особенно важный, но все же промахъ.

Желателенъ былъ бы также выводъ общаго признака дѣлимости, такъ какъ для учениковъ выпускныхъ классовъ необходимо обобщить тѣ отрывочныя и случайныя представленія о дѣлимости на тѣ или другія числа, которыя они получаютъ изъ рассмотрѣнія частныхъ признаковъ дѣлимости.

Весьма важнымъ и симпатичнымъ внѣшнимъ достоинствомъ книжки является поклассная форма отдѣльныхъ выпусковъ. Этимъ значительно устраняется крайне распространенное въ учебныхъ заведеніяхъ зло затасканныхъ, разрозненныхъ, изодранныхъ учебниковъ-фоліантовъ, много лѣтъ подрядъ безъ нужды обременяющихъ ранцы и сумки учениковъ, частью уже использованнымъ матеріаломъ прошлаго, частью ненужнымъ, въ младшихъ классахъ, матеріаломъ будущаго.

Ө. П.

В. В. Тихомировъ. „Новая русская народная азбука“ Вильна. 1904. Ц. 25 коп.

Вопросъ о неотложныхъ мѣрахъ къ возможно большому и повсемѣстному распространенію въ нашемъ отечествѣ грамотности, въ смыслѣ начального общаго образованія и правильнаго воспитанія, въ послѣднее десятилѣтіе назрѣлъ уже настолько, что изъ области академическихъ соображеній онъ рѣшительно выступилъ на практическую почву. Въ трудахъ передовыхъ сотрудниковъ этого дѣла и даже въ мѣропріятіяхъ различныхъ учреждений, близко

поставленных къ осуществленію идей о широкомъ развитіи народнаго образованія, уже готова разработка этого наиважайшаго предмета. Довольно указать на „Труды съѣзда при Управленіи Московскаго учебнаго округа по вопросамъ народнаго образованія“. Москва 1902, на статью г. Фармаковского: „Къ вопросу о всеобщемъ обученіи“ (Журналъ Мпнист. Народ. Просв. Февраль 1903 г.) и на книгу г. Куломзина: „Доступность начальной школы въ Россіи“. Сиб. 1904. Въ связи съ обсужденіемъ различныхъ способовъ широкаго распространенія грамотности стоитъ и вопросъ объ упрощеніи нашей орфографіи. Мысль о необходимости упорядочить ее, очистить отъ унаследованной ею схоластики, освободить ее отъ лишннихъ затрудненій также въ настоящее время не только проникла, но и утвердилась въ общественномъ сознаніи. Труды почтенныхъ дѣятелей въ этомъ направленіи общаются—можетъ стать, не въ слишкомъ отдаленномъ будущемъ—значительные успѣхи въ упрощеніи отечественной орфографіи. Недавно вышедшая въ свѣтъ книга В. В. Тихомирова: „Новая русская народная азбука“ имѣетъ цѣль именно разработку этого частнаго вопроса. Г. Тихомировъ руководится мыслью о томъ, что азбука должна быть проста, должна рельефно передавать всѣ звуковые оттѣнки живого языка, и только при этомъ условіи она будетъ отвѣчать своему назначенію. Другими словами: только при помощи такой азбуки всякій русскій человѣкъ получить средство выучиться владѣть своимъ роднымъ языкомъ письменно съ такою же легкостью, съ какою онъ выучивается владѣть имъ устно. Существующая же въ настоящее время русская азбука „по своей неуклюжести и схоластичности служитъ препятствіемъ къ распространенію грамотности, а съ другой стороны она же служитъ тормазомъ для орфографіи“. Кромѣ того, къ недостаткамъ русской азбуки г. Тихомировъ относитъ то, что въ ней нѣтъ отдѣльных знаковъ для различныхъ произношеній звука *e*, нѣтъ буквы, соответствующей латинскому звуку *h*, нѣтъ йотированныхъ гласныхъ, а потому не имѣется возможности установить точное произношеніе, и, такимъ образомъ, оказывается, что наша азбука бѣдна знаками (буквами), а многія изъ имѣющихся въ ней буквъ отличаются искусственностью и вычурностью очертаній.

Г. Тихомировъ, въ замѣнъ существующей русской азбуки, предлагаетъ свою, новую, которая, какъ онъ полагаетъ, построена на чисто фізіологическихъ основаніяхъ, при чемъ законы фонетики являются въ ней въ полномъ согласіи съ исторіей языка. Вдумываясь въ причины того, что русскому простолучину, вообще говоря, довольно трудно сдѣлаться грамотнымъ, Г. Тихомировъ приходитъ къ такому заключенію: „то правописаніе, которое носитъ въ себѣ слѣды исторіи языка и въ то же время устанавливаетъ точное произношеніе, облегчаетъ изученіе самого языка“. Въ нашей же азбукѣ онъ, наоборотъ, находятъ безжалостно стертими всѣ слѣды исторіи языка. Именно вслѣдствіе этого онъ въ предлагаемой азбукѣ стремится къ тому, чтобы законы фонетики явились въ ней въ полномъ согласіи съ исторіей языка. Въ придуманной имъ новой азбукѣ простыхъ буквъ 26. Вся азбука представляетъ

со четаніе латинскаго алфавита съ чисто русскими съ буквами: ъ, ѳ и ѵ. Латинскій алфавитъ г. Тихомировъ вводитъ въ новую русскую азбуку на томъ основаніи, что русскій языкъ имѣетъ большое родство съ латинскимъ языкомъ. Кромѣ того, г. Тихомировъ убѣжденъ, что новая азбука сблизитъ русскій языкъ съ славянскими нарѣчіями, въ которыхъ принятъ латинскій алфавитъ. Съ другой же стороны, по его мнѣнію, такая азбука, облегчитъ нашимъ школьникамъ изученіе иностранныхъ языковъ, иностранцамъ же облегчитъ изученіе русскаго языка.

Большую часть своего труда авторъ посвящаетъ весьма обширнымъ и разностороннимъ усовершенствованіямъ предложенной имъ новой азбуки, все въ томъ же направленіи, т. е. съ цѣлью привести эту азбуку въ полнѣйшее соотвѣтствіе съ требованіями живого языка, богатаго красотою различныхъ интонацій произношенія гласныхъ звуковъ. Усовершенствованія направлены въ обѣ стороны, именно—къ установкѣ полнѣйшаго соотвѣтствія буквенныхъ очертаній съ видоизмѣненіями звуковыхъ произношеній, а также—къ возможно большему улучшенію и сокращенію буквенныхъ знаковъ, т. е. къ удобству письма и къ сбереженію времени и мѣста. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, оказывается возможнымъ обогатить русскую азбуку недостающими теперь буквами, откинуть лишнія буквы (ѵ, ѳ, ѳ, ѳ и друг.) да еще прибавить нѣкоторыя буквы приспособить къ выраженію различныхъ интонацій произношенія, соотвѣтственно требованію и обычаю живого языка. Съ этою цѣлью авторъ вводитъ въ правописаніе по новой азбукѣ множество дополнительныхъ знаковъ: точекъ надъ буквами или подъ буквами, стрѣлокъ надъ буквами, черточекъ надъ буквами и подъ буквами, крестиковъ надъ буквами и крючковъ (франц. cedille) подъ буквами. Эти разнообразныя значки вводятся для того, чтобы, видоизмѣняя произношеніе такой-то буквы, тѣмъ самымъ избавиться отъ лишнихъ буквъ, напримѣръ ч, ш, щ, ѳ, ѵ, ѳ и друг. Мы очень сомнѣваемся въ томъ, чтобы этимъ способомъ дѣйствительно достигалось ожидаемое авторомъ удобство, т. е., чтобы при меньшемъ количествѣ буквъ являлось яркое и „рельефное“ (какъ выражается авторъ) выраженіе произношенія живыхъ звуковъ. Пестрота прицѣпленныхъ къ буквамъ сверху и снизу крючковъ и значковъ скорѣе можетъ затруднять не только письмо, но даже и чтеніе.

Въ „приложеніи“ къ своему труду Г. Тихомировъ очень подробно разбираетъ предварительное сообщеніе (12 апрѣля сего года) ореографической подкоммисіи, имѣющее цѣлью улучшить и упростить какъ русскую азбуку, такъ и правописаніе. Онъ очень подробно разсматриваетъ предлагаемая академическою комиссіею мѣры къ установкѣ йотированныхъ гласныхъ, къ замѣнѣ буквы ѳ и выраженію различныхъ произношеній буквы е соотвѣтствующими знаками, называетъ эти мѣры полумѣрами, обличаетъ проектъ подкоммисіи въ недостаточной рѣшительности и устойчивости, а потому выражаетъ сомнѣніе въ рациональности и естественности ея предложеній. Г. Тихомировъ убѣжденъ, что труды академической подкоммисіи, на-

правленные по ложному пути, не только не послужатъ къ улучшенію дѣла, но, пожалуй, еще болѣе затруднятъ грамотность и доступность грамотности. Тѣмъ съ большою живостью авторъ настаиваетъ на необходимости ввести предлагаемую имъ новую азбуку и проектированную имъ ореографію. Его нововведенія, увѣряетъ авторъ, облегчатъ изученіе родной рѣчи, что и составляетъ цѣль грамотности. Тогда, по убѣжденію г. Тихомирова, „ореографія изъ области собранія схоластическихъ правилъ перейдетъ въ область изученія живой рѣчи. Такъ какъ руководить ореографіею будетъ не мертвая схоластика, а живой языкъ, то нельзя сомнѣваться, что она, грамотность, упростится въ огромныхъ размѣрахъ“.

П. В. Евстафіевъ.

А. Тороповъ. Книга для обученія церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ училищахъ. Изданіе К. Тихомирова. М. 1904 г.

Хорошо изданная и не дорогая книжка стоитъ 25 к. На обложкѣ указано, что въ данномъ учебникѣ составитель имѣетъ въ виду—годъ первый и второй. Пересматриваемъ содержаніе учебнаго матеріала и находимъ, что въ первомъ же году даны не только молитвы, „важнѣйшіе христіанскіе праздники“, но и „чтенія изъ книгъ Ветхаго Завета“ и „Тропари праздниковъ“, гдѣ сразу же подчасъ предложены—и масса разнообразныхъ формъ уже мертвого, во всякомъ случаѣ, языка, и затруднительные обороты изъ области духовнаго витійства; тутъ-же безъ всякихъ поясненій приводятся имена „Паралипоменонъ“, „Экклесіастъ“ и пр. Для второго года взято много изъ исторіи Моисея. Такой выборъ можно понять, но и здѣсь не видно приспособленія къ ученику: и раньше, и теперь дѣло какъ будто въ одной практикѣ чисто механическаго чтенія. Трудно одобрить и такой переводъ: „дѣлается болѣе крикъ, раздраженіе“ (см. 110 стр.). „Приложеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ грамматики и синтаксиса церковно-славянскаго языка“ должно снабдить ученика всяческими средствами для пониманія текста сборника. Едва-ли оно на самомъ дѣлѣ,—на высотѣ своей задачи. Глаголы—вѣмъ, дамъ, ямъ и пр., т. е. древнѣйшіе—спрягаются, молъ, неправильно. Союзъ освѣщается многочисленными дѣленіями и т. п.—обыкновеннѣйшее и... нежелательное въ учебникѣ.

А. Налимовъ.

Н. А. Лухманова. „Не сказки“ для дѣтей Изд. А. С. Суворина. 1903 г.

Прежде чѣмъ мнѣ пришлось прочесть эту книгу, ее прочелъ одинъ мальчикъ, и на мой вопросъ, понравилась ли ему книга, отвѣтилъ: „она была бы очень интересна, если бы не была такъ ужасно скучна“, и этотъ отзывъ вполне правильно характеризуетъ книгу. Въ ней шесть рассказовъ: „Фоксъ и Фуксъ“, „Сережа“, „Горбатый Андрюша“, „Васяткино горе“, „Скарлатинная кукла“ и „Надина коза“.

„Фоксъ и Фуксъ“, „Скарлатинная кукла“ и „Горбатый Андрюша“ по-держанію очень недурны. Въ первомъ изъ нихъ разсказывается объ уличной собаченкѣ, которую пожалѣла и взяла къ себѣ барыня, а взявъ, вылѣчила и выхолила, о томъ, какъ эта прижившаяся, до тѣхъ поръ вѣчно голодавшая собака, увидавъ на своемъ дворѣ хромого и трясущагося щенка, котораго билъ шарманщикъ—хозяинъ, схватила щенка зубами, и стремглавъ взбѣжавъ по лѣстницѣ, положила его къ ногамъ изумленной барыни, а сама начала визжать и лизать руки своей хозяйки, точно прося ея помощи и для этого несчастнаго собрата. Въ „Скарлатинной куклѣ“ говорится о маленькой дѣвочкѣ, которая, уже захварывая скарлатиной, увидала въ окнѣ игрушечнаго магазина чудную большую куклу, стала требовать ея себѣ, а когда расхворалась уже окончательно, то въ сильномъ жарѣ, мучительно мечась по кровати со слезами, жалобно умоляла хоть на минуту дать ей куклу. Дѣвочку увезли въ больницу, такъ какъ родители ея были очень бѣдны. Тамъ докторъ, вслушавшись въ ея бредъ, улыбнулся и принесъ ей большую чудную „скарлатинную куклу“, которую пожертвовала въ больницу въ скарлатинное отдѣленіе какая-то барыня, думавшая, что эта кукла навѣрное будетъ утѣшеніемъ не одной больной, и въ данномъ случаѣ ея предположеніе вполнѣ оправдалось: получивъ куклу, дѣвочка радостно улыбнулась, пражала ее къ себѣ, затихла и скоро заснула, продолжая и во снѣ улыбаться. Ребенокъ выздоровѣлъ, въ чемъ, какъ увѣрялъ докторъ, ему много помогла кукла, и вотъ онъ и сестры, при отѣздѣ дѣвочки изъ больницы, подарили ей похожую, хотя и не такую дорогую куклу, сдѣлавъ ее этимъ подаркомъ безконечно счастливой и довольной.

Въ разсказѣ „Горбатый Андрюша“ описывается бѣдный, одинокій старичокъ чиновникъ, живущій въ маленькой комнаткѣ почти на чердакѣ. Живетъ онъ на крошечную пенсію и очень тяготится своимъ одиночествомъ. Правда, онъ много разъ пытался сойтись со своими сосѣдами, а въ особенности съ ихъ дѣтьми, но это ему все не удавалось, такъ какъ дѣти не видѣли въ немъ и у него ничего для себя интереснаго. Съ горя старичокъ заводитъ себѣ свачала одну птичку, затѣмъ еще одну, „чтобы первая не чувствовала себя тоже одинокой“. А затѣмъ, видя, какъ стало веселѣй въ его комнатѣ отъ присутствія въ ней маленькихъ жильцовъ, отказываетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, покупаетъ еще нѣсколько птичекъ, устраиваетъ имъ нѣчто въ родѣ лѣса изъ елочекъ, которыя за небольшую плату привозитъ ему чухонецъ. вмѣстѣ съ заботами о птичкахъ исчезаетъ тоска старичка, а отъ ихъ веселья и пѣнья на душѣ у него становится теплѣе. А тутъ его ждетъ и новая радость: ребятишки двора, прослышавъ про „садъ старика“ понемногу начинаютъ приходить къ нему, а одинъ изъ мальчиковъ, горбатый и несчастный Андрюша, скоро дѣлается его другомъ. Старикъ выучиваетъ его читать, вмѣстѣ ухаживаютъ они за птичками и дѣлается своими несложными радостями и впечатлѣніями, отчего оба перестаютъ чувствовать свое одиночество.

Словомъ, во всѣхъ разсказахъ есть и довольно интересная фабула и живое чувство, но за-то сколько тутъ припутано тенденціи, морали, наставленій, разсужденій! Такъ много, что книга становится невѣроятно скучной. Кромѣ того, всякій прочитавшій ее навѣрное подумаетъ, что писать ее совсѣмъ не было надобности, такъ какъ ни нравственнаго вліянія, ни интереса возбудить она не можетъ. Собственно и говорить о ней не стоило бы, если бы она не была такъ заманчиво издана: прекрасный переплетъ, крупная, четкая печать, много картинокъ и, наконецъ, многообъщающее названіе „Не сказки“, словомъ все, что можетъ плѣнить при покупкѣ; а между тѣмъ такіе книги вредны для дѣтей: онѣ наполняютъ ихъ умъ ненужнымъ соромъ и уничтожаютъ интересъ къ чтенію.

Н. М.

Джеммисонъ. Безродный мальчикъ. Переводъ Рождественскаго. Изданіе журналовъ „Свѣтлячокъ“, „Путеводный огонекъ“ и „Дѣло и потѣха“. М. 1904 г. Ц. 60 коп.

Этотъ увлекательно написанный разсказъ читается съ интересомъ не только дѣтьми, но и взрослыми. Дѣйствіе происходитъ въ Америкѣ по окончаніи войны между Сѣверными и Южными Штатами. Герой разсказа—безродный мальчикъ—сынъ южанки креолки и сѣверянина мистера Энсвортъ, молодого офицера, женившася на ней безъ позволенія матери. Мистеръ Энсвортъ убитъ на войнѣ, а жена его погибаетъ вскорѣ во время пожара въ ея домѣ. Всѣ думаютъ, что въ огнѣ погибъ и ея единственный сынъ. Но маленькаго Филиппа спасла преданная служанка квартеронка Туанетта и воспитала его въ уединеніи полуразрушеннаго дома, не выдавая до времени тайны его происхожденія никому, кромѣ добраго патера Жозефа. Счастливый случай сталкиваетъ мальчика съ его дядей художникомъ Эдвардомъ Энсвортомъ, который заинтересовывается талантливымъ ребенкомъ и его маленькой подругой дочерью полусумасшедшаго бѣдняка скульптора, Деи. Энсворты послѣ внезапной смерти Туанетты хотятъ усыновить Филиппа и увозятъ на далекій сѣверъ къ холодной и величественной родоначальницѣ семьи старой m-me Энсвортъ. Не подозрѣвая, что бѣдный, хорошенькій, ребкій мальчикъ—сынъ ея любимаго сына, старая дама, очень уважающая хорошій тонъ и положеніе въ свѣтѣ, свысока относится къ взятому съ улицы приемышу. Услышавъ жесткія слова старухи и замѣтивъ, что пріемные родители, послѣ рожденія собственного ребенка, охладѣли къ нему, Филиппъ съ товарищемъ игръ негретенкомъ Лилибеємъ бѣжитъ изъ дому и послѣ труднаго пути полуживой добирается до Новаго Орлеана. Тамъ его ждетъ неожиданное счастье. Старый скульпторъ оказывается дядей его по матери, Деа—наслѣдницей большого состоянія; полуразрушенный домъ матери возстановленъ, и Филиппъ находитъ тамъ привѣтъ и ласку. Къ довершенію благополучія бабушка и пріемные родители, мучимые раскаяніемъ, отыскиваютъ его, узнаютъ при посредствѣ патера Энсворта о его происхожденіи, и все заканчивается примиреніемъ и общимъ счастьемъ.

Конечно, исторія немножко черезъ-чуръ романична, но въ этихъ приключеніяхъ нѣтъ ничего грубаго, ничего слишкомъ сенсационнаго. Если стеченіе обстоятельствъ и нѣсколько необыкновенно (путаница отчасти объясняется смутнымъ временемъ) и слишкомъ благополучно подъ конецъ, (что радуетъ сердце дѣтей-читателей), за то характеры живы и естественны. Милый, искренній благородный Филиппъ, нѣжная Деа, гордая бабушка, плутоватый негртеночъ, добродушный патеръ, жертвующій во имя долга своей единственной радостью, „своими дѣтками“ — ручнымъ бѣлымъ мышамъ—все это живыя личности, ярко нарисованныя. Симпатіи читателей привлекаются на сторону честныхъ искреннихъ людей: трогательныя сцены немножко волнуютъ, а счастливое окончаніе успокаиваетъ.

Книжка именно такова, какія нравятся дѣтямъ. Жаль только, что переводчикъ не прибавилъ нѣсколько поясненій историческихъ событій, предшествовавшихъ дѣйствию разсказа и не объяснилъ нѣкоторыхъ не всѣмъ понятныхъ словъ, напр., „креолка“, „квартеронка“.

Федоровъ-Давыдовъ. Дѣтскій альманахъ. Въ досужій часъ. Москва. Изд. Лидеръ. Ц. 1 р. 50 к.

Трудно вывести общее заключеніе о книгѣ: слишкомъ разнородна она по содержанію, по языку, по тону и по направленію. Есть въ книгѣ статьи по исторіи: „День Екатерины Великой“, „Какъ учился Царевичъ Петръ“—прекрасный по мысли и изложенію разсказъ Измайлова, и рядомъ народная сказка „Почему у медвѣдя хвостъ куцый“. Знакомство съ музыкой (разсказъ о спорѣ Моцарта съ композиторомъ Клементи), портретъ Моцарта и на той же страницѣ самая грубая каррикатура. Есть и японская сказка, японская игра, японскіе стихи, японскія пословицы, ничего ровно не дающія въ добавленіе къ нашимъ знаніямъ объ этомъ народѣ. Есть на современную злобу дня—„Сказъ о трехъ полтинахъ“, самымъ тяжеловѣснымъ нескладнымъ языкомъ передѣланный разсказъ о царѣ и мужикѣ. Въѣсто „въ воду мечу—дочерей рошу“, въ немъ говорится: „Ну, а третью полтину отдаю писарямъ да служилымъ боярамъ и выходитъ—бросаю ее даромъ! А на что имъ деньги наши, ума не приложу! Ладно, братъ, объ этомъ я послѣ скажу.“ Царь задаетъ эти загадки родовитому боярству; князя воеводы встрѣчаютъ дровосѣка, отсчитываютъ ему по тысячѣ и несутъ царю готовые разгадки. Мужикъ усмѣхается: „Понялъ я, куда третья полтина дѣвается!“... Царь говоритъ на это: „На общественную пользу твоя полтина собирается; ею слава, сила нашей земли укрѣпляется. А не виноватъ я, коль бываетъ у насъ народъ, что всю жизнь для себя только и живетъ“.

И вслѣдъ за этимъ сказомъ стариннаго склада картинка: спящая дѣвочка, которой грезится елка, игрушки. А далѣе — разсказы — „Мелочи“, „Ручныя бабочки“,—и въ воображеніи рисуется изящный образъ Бланшъ Оноре—мо-

малодя дѣвушка—художница съ гитарою въ рукахъ, окруженная роемъ блестящихъ бабочекъ.

Имѣются въ альманахѣ и статьи по естествовѣдѣнію, сухія, скучныя; есть разныя мелочи, много загадокъ, шарадъ, разныя занятія; много комическихъ фигуръ, весьма неясныхъ. Загадки большею частью неостроумныя, тяжелыя по языку, иногда совсѣмъ непонятныя. Мудрено сказать, къ какому возрасту подходитъ этотъ пестрый сборникъ: чего хочешь, того просишь, на разныя силы читателя.

С. Д. Дрожжинъ. „Родная деревня“. Стихотворенія. Библиотека для дѣтей и юношества И. Горбунова-Посадова. М. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Выборъ стихотвореній очень удачный, только въ общемъ преобладаетъ слишкомъ большой оттѣнокъ грусти и горечи—съ очень слабымъ проблескомъ надежды. Деревня со всѣми ея невзгодами и горестями, со всею ея жизнью среди природы и въ полной подчиненности отъ нея—воспѣта поэтомъ изъ народа съ чувствомъ глубокой любви и преданности ей, вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокою грустью.

Лучшею характеристикою всего міросозерцанія поэта является замѣчательное стихотвореніе сборника „Въ пути“: „Измучены нуждой, подавлены трудомъ мы крестъ тяжелый свой безъ жалобы несемъ. Ни края, ни конца, ни свѣта на пути! Но мы должны впередъ хоть опущью идти съ надеждой сладкою, съ желаніемъ въ груди зарю счастливыхъ дней увидѣть впереди!“ Сборникъ пригоденъ для дѣтей старшаго возраста.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ.

Съѣздъ по ручному труду въ Вормсѣ.—Школьные сады въ Дрезденѣ.

Въ первыхъ числахъ іюля 1904 г. состоялся въ Вормсѣ конгрессъ германскаго ферейна ручного труда. На засѣданіяхъ этого конгресса обсуждалось развитіе дѣла обученія ручному труду въ школахъ разныхъ типовъ. Въ рефератахъ, представленныхъ членами конгресса, указывалось на воспитательное значеніе этого учебнаго предмета какъ въ физическомъ, такъ и умственномъ и нравственномъ отношеніи. Въ нравственномъ отношеніи занятія ручными трудами важны тѣмъ, что даютъ дѣтямъ возможность собственнымъ опытомъ убѣдиться, что трудъ есть наслажденіе, „источникъ благословенія“, что это лучшее, чѣмъ человѣкъ можетъ наполнить свою жизнь. Въ умственномъ отношеніи эти занятія цѣнны тѣмъ, что развиваютъ въ дѣтяхъ пониманіе формы, даютъ ясное представленіе о вещахъ, кромѣ того развиваютъ эстетическое чувство.

Въ физическомъ отношеніи они представляютъ собой необходимый противовѣсъ исключительно умственному труду.

Занятія ручнымъ трудомъ въ школахъ имѣютъ значеніе и въ дальнѣйшей практической жизни. Дѣтямъ не преподается на этомъ урокъ выполнѣ какое-нибудь ремесло: въ нихъ развивается только общая способность къ ручной работѣ, то, что нѣмцы такъ выразительно называютъ *Handfertigkeit*, подготовленность руки. Эта подготовленность имѣетъ такое же значеніе для практической жизни, какое для теоретической умѣнье читать.

Занятія ручнымъ трудомъ ведутся въ школьныхъ мастерскихъ при школахъ разнаго типа, въ разныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ вспомогательныхъ классахъ для умственно отсталыхъ дѣтей. Здѣсь ручной трудъ имѣетъ исключительное значеніе. Возможность воспитанія изъ слабоумныхъ дѣтей людей, пригодныхъ для общественной жизни, достигается главнымъ образомъ обученіемъ ихъ ручному труду. Прежде, чѣмъ приступать къ ихъ обученію, необходимо сколько-нибудь развить ихъ органы чувствъ, укрѣпить ихъ физически.

Работа упражняетъ и укрѣпляетъ слабое тѣло этихъ дѣтей, даетъ матеріалъ для дальнѣйшаго умственнаго развитія, развиваетъ ихъ рѣчь. Даже оставаясь умственно ограниченными, они приобрѣтаютъ навыкъ къ работѣ и

могутъ въслѣдствіи избрать себѣ какое-нибудь ремесло. Но для того, чтобы развить способность къ труду у этихъ несчастныхъ дѣтей и дать имъ необходимыя навыки, нужно систематическое, методическое обученіе, которое всецѣло должно быть дѣломъ общеобразовательной школы.

Въ заключеніе прочтенъ былъ докладъ Бюдингенскаго окружнаго инспектора Шерера подъ заглавіемъ: „Обученіе труду въ начальной школѣ“. Въ этомъ докладѣ инспекторъ, указывая на громадное міровое значеніе германской промышленности, находить, что дѣло школы способствовать и поддерживать это значеніе, вводя въ свои учебные планы обученіе труду, которое должно составлять органическую часть школьной программы и состоять въ тѣснѣйшей связи съ изученіемъ предметовъ и формъ. Ручной трудъ долженъ быть одновременно и „принципомъ обученія“ и „учебнымъ предметомъ“. Въ два первые года школы обученіе труду должно стоять въ тѣсной связи съ элементарнымъ обученіемъ: предметными уроками, рисованіемъ и даже изученіемъ языка; здѣсь это еще не отдѣльный учебный предметъ, а только принципъ обученія. На третій и четвертый годъ начинается рисованіе красками, которое въ 5-й и 6-й годъ переходитъ въ художественное рисованіе. Въ пятый же и шестомъ классѣ начинаются работы изъ папки (геометрическія формы). На 7-й и 8-й годъ вводятся работы по дереву, причѣмъ эти работы идутъ въ связи съ лѣпкой и рисованіемъ. Такимъ образомъ, обученіе труду проходитъ черезъ всю школу.

При конгрессѣ устроена была выставка различныхъ работъ изъ папки, бумаги, глины, дерева; кромѣ того, члены конгресса посѣщали народныя школы, гдѣ могли наблюдать ходъ занятій ручнымъ трудомъ въ различныхъ классахъ.

Однако, несмотря на успѣшную пропаганду введенія ручного труда въ школы, ведущуюся уже много лѣтъ, среди педагоговъ находятся и противники этого учебного предмета. Такъ, въ 20 номерѣ Volksschule за прошлый годъ помѣщена статья, авторъ которой горячо возстаетъ противъ увлеченія этимъ новшествомъ.

Онъ утверждаетъ, что большинство усердныхъ защитниковъ ручного труда сами не педагоги и смотря на дѣло отвлеченно; онъ напоминаетъ, что учителя (должно быть, вюртембергскіе, такъ какъ журналъ издается въ Вюртембергѣ) высказались противъ введенія обученія ручному труду; по его словамъ, только отдѣльные учителя съ помощью вліятельныхъ лицъ хотѣтъ провести въ жизнь школы это нововведеніе. Авторъ этой горячо написанной статьи негодуетъ на то, что учителя становятся, какъ 100 лѣтъ тому назадъ, ремесленниками; онъ находитъ, что станкамъ и горшкамъ съ клейстеромъ не мѣсто въ школѣ. Все дѣло представляется ему неудачной игрой; онъ находитъ, что такое обученіе должно даже понизить уваженіе къ труду, такъ какъ учителя-руководители изучаютъ дѣло поверхностно на лѣтнихъ курсахъ въ какія-нибудь 2 недѣли и тѣмъ какъ бы даютъ понять, что особая подготовка къ занятіямъ физическимъ трудомъ, ремесломъ не нужна. Расходившійся педагогъ обвиняетъ ревнителей ручного труда въ томъ, что они злоупотребляютъ силами дѣтей. „Нѣмецкіе законы запрещаютъ слесарю, переплетчику, столяру принимать въ ученіе дѣтей до 14-лѣтняго возраста, а нѣмецкіе учителя становятся мальчишка въ самомъ нѣжномъ возрастѣ за станокъ. Устраивайте лучше для дѣтей большихъ городовъ побольше площадокъ для игръ, гдѣ они могли бы удовлетворить своему стремленію къ дѣятельности и потребностямъ своего возраста.“

Не отрицая нѣкотораго значенія ручного труда, въ особенности

въ высшихъ школахъ, гдѣ ученики слишкомъ много занимаются умственной работой, авторъ находитъ, что эти занятія ни въ какомъ случаѣ не должны вестись въ школахъ. Пусть будутъ „мастерскія для мальчиковъ“, но не „школьныя мастерскія“, пусть за это дѣло возьмется семья. „За всѣми этими курсами пчеловодства, огородничества, рыболовства, ручного труда забывается главное—курсы для расширенія научныхъ знаній учителя. Пустите учителя въ университеты, дайте ему необходимыя для этого средства, а не тратьте ихъ на курсы ручного труда.“

Нельзя не согласиться, что въ настоящее время отъ учителя, въ особенности народнаго, требуется слишкомъ много разностороннихъ познаній, что жизнь выдвигаетъ все новыя задачи, задаетъ школѣ все новыя работы. Прежнее исключительно умственное образованіе признается одностороннимъ, прежній единственный источникъ знаній—книга—недостаточнымъ. Школа принимаетъ иной внѣшній видъ: цвѣты, картины, украшенія вмѣсто прежнихъ голыхъ, выкрашенныхъ въ однообразную краску, стѣнъ. Школьники выводятся изъ стѣнъ этой школы на площадки для игръ, въ школьныя сады, на экскурсіи. Съ другой стороны, школа открываетъ свои двери не только въ классное время, не только для того, чтобы посадить ихъ за классныя столы: она становится для нихъ клубомъ, мѣстомъ веселыхъ сборищъ, пріютомъ для безпризорныхъ.

Сады становятся необходимой принадлежностью школы. Они приобретаютъ значеніе не только украшенія, не только мѣста отдыха и веселыхъ игръ. Задачи ихъ значительно шире: они служатъ вспомогательнымъ средствомъ для изученія ботаники и зоологіи,—кромѣ того, даютъ матеріалъ для нагляднаго обученія и для рисованія. Школьные сады не предназначаются для того, чтобы снабжать школы экземплярами растений для уроковъ въ классѣ: для этого въ Германіи выдаютъ растения изъ большихъ ботаническихъ садовъ. Школьные сады даютъ дѣтямъ возможность наблюдать надъ ростомъ растений, изучать нѣкоторыя ступени развитія растений. Особенно важно то, что ребенокъ видитъ въ своемъ школьномъ саду не поблеклыя, но свѣжія, живыя растения, не оторванныя отъ почвы, не только во время ихъ цвѣтенія, но наблюдаетъ за нимъ цѣлый годъ или даже нѣсколько лѣтъ; видитъ ихъ не выдѣленными отъ прочихъ представителей растительнаго царства, но въ цѣломъ общегити и можетъ наблюдать и сравнивать жизнь одного растения съ другимъ. Самое же главное значеніе школьныхъ садовъ въ томъ и заключается, что „они даютъ учителю возможность постоянно, спокойно и основательно руководить своими учениками въ трудномъ искусствѣ заботливаго наблюденія“. Этими словами заканчивается замѣтка по поводу отчета о школьныхъ садахъ Дрездена, помѣщенныхъ въ *Pädagogische Reform*, въ послѣднемъ декабрьскомъ номерѣ прошлаго года. Изъ этого отчета видно, что къ началу 1904 г. въ Дрезденѣ находилось всего 58 народныхъ школъ; нѣкоторыя изъ нихъ съ 5-ти—6-ти годичнымъ курсомъ, другія—съ 8-ми годичнымъ. Первый школьный садъ былъ открытъ въ 1888-мъ году, затѣмъ въ 1889 еще одинъ и въ 1891-мъ году—третій. А начиная съ 1892 года число садовъ стало такъ быстро возрастать, что въ настоящее время только 15 школъ не имѣютъ своего садика. Всѣ сады лежатъ въ непосредственной близости со школой; нѣкоторые окружаютъ школьный домъ со всѣхъ сторонъ. Величина этихъ садовъ различна, начиная съ маленькихъ, меньше, чѣмъ въ 100 кв. метровъ (такихъ садовъ 11), и доходя до 1.318 кв. м. (при школѣ съ 22-я классами) и 1.500 кв. м. (при школахъ съ 31 классами). Общая площадь

всѣхъ школьныхъ садовъ Дрездена равняется 10.958 кв. м. Содержаніе этихъ садовъ обходится очень различно. По представленной въ отчетѣ таблицѣ видно, что 3 изъ нихъ, напримѣръ, не потребовали рѣшительно никакого расхода; наибольшее количество садовъ (11) обошлось въ 60—100 марокъ, а два потребовали очень большихъ расходовъ—900 и даже 1.200 марокъ. Къ сожалѣнію, въ извлеченіи изъ отчета не сказано, чѣмъ объясняется такая большая затрата. Въ общемъ всѣ школьные сады Дрездена обходятся въ 10.368 марокъ. Завѣдываніе школьными садами лежитъ на одномъ изъ учителей школы, которому сбавляется за это число часовъ учебныхъ занятій по одному, два или даже три часа. Только завѣдующій большимъ садомъ (въ 1.500 кв. м.) получаетъ денежное вознагражденіе въ 150 марокъ въ годъ. Въ 29-и школьныхъ садахъ дѣтямъ позволяется принимать добровольное участіе въ работахъ по саду. Въ большинствѣ школьныхъ садовъ растенія разсажены по опредѣленнымъ естественнымъ группамъ. Такъ, въ садахъ имѣются отдѣлы полевыхъ растений, садовыхъ, овощей, плодовъ, луговыхъ растений, лѣсныхъ, водныхъ. Кромѣ того, въ 19-и садахъ имѣется особый отдѣлъ лѣкарственныхъ растений и въ 31 ядовитыхъ. Въ нѣкоторыхъ школьныхъ садахъ разведены растенія, имѣющія значеніе для объясненія особаго біологическихъ явленій. Кромѣ того, въ садахъ находятся приспособленія для содержанія животныхъ и наблюденія за ними. Такъ, въ 15-и школьныхъ садахъ содержатся съ этой цѣлью водоемы, два террарія, 20 площадокъ для корма птицъ, 17 ящиковъ для гнѣздованья. Кромѣ того, растенія привлекаютъ животныхъ, что представляетъ много удобствъ для наблюденій за жизнью животнаго царства. 17 садовъ устроены такъ, что лагютъ ученикамъ представленіе о геологическомъ строеніи родной мѣстности.

Невольно, когда себѣ представишь эту новую школу, вспоминается наша старая школа, въ которой мы часто съ мучительной тоской неподвижно сидѣли часами на скамейкахъ, слушая монотонныя рѣчи учителя, заучивая наизусть мало-понятныя опредѣленія и съ тоской поглядывая на окно, откуда иногда и въ сѣрый петербургскій день врвался рѣдкій гость—солнечный лучъ.

Е. Р.

Хроника народнаго образованія.

Текущая сессія губернскихъ земскихъ собраній и ея особенности. — Постановленія Харьковскаго губернскаго земскаго собранія по народному образованію. — Изъ исторіи Кіевского общества грамотности: препятствія на пути частной инициативы въ области народнаго просвѣщенія. — Стремленія народныхъ учителей, отразившіяся въ постановленіяхъ общихъ собраній учительскихъ обществъ за послѣднее время.

Сессія губернскихъ земскихъ собраній обычно давала богатѣйшій и интересный матеріалъ для нашихъ хроникъ. Не то въ настоящемъ году. Тревожное время, переживаемое нашею родиною, отразилось сильнѣйшимъ образомъ на собраніяхъ губернскихъ земствъ, имѣвшихъ мѣсто въ январѣ настоящаго года. Большая часть этихъ собраній приостанавливала свою дѣятельность добровольно въ самомъ же началѣ. Другія, начавъ работу, затѣмъ не находили возможнымъ продолжать ее при современныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, огромнѣйшее большинство губернскихъ земскихъ собраній, открывавшихся въ

январѣ, а частью и въ декабрѣ, не имѣло возможности рассмотреть доклады, посвященные народному образованію. Мы можемъ привести здѣсь только постановленія, касающіяся данной области, принятыя Харьковскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которое успѣло рассмотреть представленные ему доклады по народному образованію и приняло рядъ существенныхъ постановленій, осуществленіе которыхъ можетъ отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на дѣлѣ народнаго образованія.

Отмѣтимъ прежде всего постановленія Харьковскаго губернскаго земскаго собранія о возбужденіи ходатайствъ, касающихся разныхъ сторонъ народно-просвѣтительнаго дѣла. Именно собраніе постановило ходатайствовать:

1) О скорѣйшемъ созывѣ представителей губернскихъ земствъ для совмѣстнаго обсужденія положенія народнаго образованія и о порученіи этому съѣзду выясненія условій, необходимыхъ для правильной постановки дѣла народнаго образованія. 2) О предоставленіи на будущее время губернскимъ земскимъ собраніямъ права созывать по взаимному между собою соглашенію съѣзды представителей земства для обсужденія вопросовъ по народному образованію. 3) О разрѣшеніи губернской управы лѣтомъ 1906 года устроить въ Харьковѣ для учителей земскихъ училищъ педагогическіе курсы съ лекціями по педагогикѣ, психологіи, гигиенѣ, русской исторіи, географіи, природовѣдѣнію и законовѣдѣнію, съ допущеніемъ въ число слушателей всѣхъ учителей, безотносительно къ ихъ образовательному цензу. 4) Объ отмѣнѣ правилъ, воспреещающихъ открывать бесплатныя народныя бібліотеки-читальни въ помѣщеніяхъ школъ подѣлкомъ министерству народнаго просвѣщенія. 5) О допущеніи въ бесплатныя народныя бібліотеки всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ общою цензурою.

Что касается ассигнованій Харьковскаго губернскаго земскаго собранія на нужды народнаго просвѣщенія, то таковыя были весьма разнообразны и значительны. Земское собраніе ассигновало: 1) 15.000 р. на устройство вышеупомянутыхъ курсовъ для учителей земскихъ школъ; 2) субсидіи учрежденіямъ Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности: а) комитету по устройству сельскихъ бібліотекъ 15.000 р.; б) комитету по изданію книгъ для народа 1.800 р.; в) комиссіи по устройству народныхъ чтеній 1.400 р.; г) справочно-педагогическому комитету на бюро и на музей наглядныхъ пособій 500 р.; всего Обществу грамотности 18.700 р.; 3) 1.500 р. на вновь учреждаемую при губернской управѣ должность завѣдывающаго вѣншкольнымъ образованіемъ; 4) по 800 р. на каждую должность завѣдывающаго вѣншкольнымъ образованіемъ при уѣздныхъ земскихъ управахъ съ тѣмъ, что послѣднія прибавляютъ отъ себя по 400 р. на тотъ же предметъ; 5) 500 р. на принятіе участія въ расходахъ по устройству выставки Харьковскаго общества грамотности по случаю 35 лѣтняго его юбилея; 6) 285.000 р. на безвозвратныя пособія уѣзднымъ земствамъ на возведеніе новыхъ школьныхъ зданій причемъ при новыхъ школьныхъ зданіяхъ обязательно должны быть устраиваемы помѣщенія для народныхъ бібліотекъ; 7) 30.000 р. на безпроцентныя ссуды сельскимъ обществамъ срокомъ на 10 лѣтъ на постройку школьныхъ зданій; 8) 6.660 р. на учрежденіе при губернской управѣ особаго отдѣла по народному образованію; 9) 2.000 р. на участіе Харьковскаго губернскаго земства въ предполагаемой на 1906 г. въ Москвѣ выставкѣ по народному образованію. Въ общемъ, какъ видятъ читатели, ассигнованія Харьковскаго губернскаго земскаго собранія на народное просвѣщеніе достигаютъ огромныхъ размѣровъ.

Другія земскія собранія, какъ выяснено выше, не имѣли возможности рассмотреть доклады по народному образованію. Часть этихъ собраній отложена на точно определенное время (напр., до мая), когда и будутъ рассмотрѣны доклады по народному образованію. Другія же собранія отложены на неопределенное время, а нѣкоторые фактически совсѣмъ разошлись за отказомъ большей части гласныхъ отъ исполненія своихъ обязанностей (черниговское, смоленское и др.).

Переходя затѣмъ къ обзорѣ дѣятельности частныхъ обществъ въ области народнаго просвѣщенія, мы въ этой области, по обыкновенію, встрѣчаемся съ самыми разнообразными и многочисленными фактами всякаго рода препятствій и затрудненій, которые всегда встрѣчала и продолжаетъ встрѣчать у насъ дѣятельность этого рода. Не останавливаясь на новѣйшихъ фактахъ этого рода, такъ какъ факты эти стали уже слишкомъ всѣмъ извѣстны, приведемъ здѣсь общую характеристику дѣятельности частныхъ просвѣдительныхъ обществъ, сдѣланную въ послѣднемъ годичномъ собраніи членовъ Кіевского общества грамотности членомъ общества Л. С. Личковымъ на основаніи данныхъ изъ жизни этого общества за послѣднія десять лѣтъ. Надо замѣтить, что источникомъ для г. Личкова послужили исключительно допущенные пензурой печатные отчеты общества, такъ что многія мытарства этого общества въ его обзоръ не попали, и тѣмъ не менѣе нарисованная г. Личковымъ картина оказалась поразительною. Положительно всѣ стороны дѣятельности общества терпѣли отъ совершенно бессмысленныхъ стѣсненій, которые ставились на пути начинаній его. Ходатайства объ устройствѣ народныхъ библіотекъ, помимо сопряженныхъ съ ними многосложныхъ и совершенно никому ненужныхъ хлопотъ, требовали въ среднемъ по полугоду времени. На хлопоты о разрѣшеніи первой воскресной школы потребовалось ровно два года времени. На получение разрѣшеній для устройства той или иной публичной лекціи или даже народнаго чтенія по медицинѣ требовалось полгода времени. Ходатайство объ устройствѣ субботней еврейской школы, несмотря на сочувствіе мѣстнаго генералъ-губернатора, послѣ двухлѣтнихъ хлопотъ получило отрицательное разрѣшеніе, Богъ вѣсть, по какимъ причинамъ. Нѣсколько лѣтъ пришлось употребить обществу на хлопоты о разрѣшеніи открыть складъ для продажи книгъ въ Кіевѣ и нѣкоторыхъ мѣстечкахъ Кіевской губерніи. Ходатайство общества объ измѣненіи двухъ пунктовъ его устава, начатое еще въ 1894 г. и затѣмъ повторявшееся, до сихъ поръ остается неудовлетвореннымъ. Какое вліяніе всѣ эти тормазы имѣли, между прочимъ, на энергію работающихъ въ Обществѣ, нагляднѣе всего видно изъ мотивировки своего ухода съ должности председателя Общества извѣстнаго генерала А. И. Косича, который писалъ въ своемъ письмѣ на имя совѣта Общества: „Вслѣдствіе постоянно встрѣчаемыхъ обществомъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и затрудненій, не зависящихъ отъ легальныхъ открытыхъ и безукоризненныхъ дѣйствій Общества, признавая должностъ свою, какъ председателя, по занимаемому мною положенію, вообще неудобной и не достигающей цѣли, я слагаю съ себя званіе председателя совѣта“. Ко всему изложенному корреспондентъ, сообщавшій о докладѣ г. Личкова, добавляетъ фактъ, имѣвшій мѣсто уже послѣ годичнаго собранія членовъ Кіевского общества грамотности и характеризующій современное положеніе просвѣдительныхъ обществъ. Воскресныя школы Общества не могли быть открыты въ свое время въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія въ виду извѣстнаго, нынѣ отмѣннаго, циркуляра министра народнаго просвѣщенія, который рекомендовалъ учебнымъ началь-

ствамъ отсылать желающихъ открыть такія школы къ епархіальному вѣдомству. Такимъ образомъ, и Кіевскому обществу грамотности пришлось открывать свои воскресныя школы въ вѣдѣніи духовнаго вѣдомства. Школы эти просуществовали пять лѣтъ и затѣмъ неожиданно, по неизвѣстнымъ причинамъ, были духовнымъ вѣдомствомъ закрыты въ 1904 г. Вслѣдствіе этого общество возбудило ходатайство предъ попечителемъ учебнаго округа объ открытіи воскресныхъ школъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Послѣ болѣе чѣмъ полугодового ожиданія получился отъ попечителя болѣе чѣмъ оригинальный отвѣтъ: въ вѣдѣніи учебнаго округа не имѣется особаго инспектора народнаго просвѣщенія, которому бы можно было поручить наблюденіе за этими школами. Конечно, никакихъ комментаріевъ къ этому отвѣту не требуется.

За періодъ времени, подлежащій нашему обзору, состоялось нѣсколько общихъ собраний членовъ общества взаимнаго вспоможенія учащихся и учившихъ въ начальныхъ школахъ. Собранія эти въ высшей степени интересны, какъ показатель того вліянія, какое имѣли послѣднія событія нашей жизни и общее ея теченіе на настроеніе народныхъ учителей и ихъ стремленія. Все это очень наглядно сказалось въ постановленіяхъ общихъ собраний учительскихъ обществъ.

29 декабря состоялось многочисленное общее собраніе членовъ общества взаимнаго вспоможенія учащихся въ школахъ Нижегородской губерніи. По докладу особой педагогической комиссіи единогласно были приняты слѣдующія постановленія: 1) Учитель долженъ быть творцомъ своего дѣла; поэтому необходимо, чтобы въ выработкѣ программъ преподаванія учителя принимали самое живое участіе, и чтобы въ своей школѣ учитель былъ въ полной свободѣ отъ попытокъ излишней регламентаціи. Всѣ изданные до сихъ поръ министерствомъ народнаго просвѣщенія программы и циркуляры, касающіеся преподаванія, должны быть отменены. 2) Въ интересахъ правильной постановки народнаго образованія и улучшенія правового положенія учителя все дѣло народнаго образованія должно перейти въ руки земскихъ учрежденій. 3) Учитель можетъ быть уволенъ отъ должности лишь судомъ. 4) Правительственная инспекція должна быть уничтожена. 5) Училищныя совѣты должны быть реформированы слѣдующимъ образомъ: въ составъ ихъ должны входить поровну представители земства — хозяича школы и учителей — творцовъ преподаванія. 6) Для болѣе успѣшной борьбы за улучшеніе правового положенія учителямъ нужно дать возможность безпрепятственно организовывать всевозможные союзы. 7) Чтобы добиваться улучшенія своего положенія, учителя должны выбирать представителей для защиты своихъ интересовъ предъ земскими собраніями. 8) Для осуществленія всѣхъ этихъ измѣненій необходимо измѣненіе общихъ условій русской жизни: необходима свобода слова, печати, собраний, союзовъ и т. д.

Того же 29 декабря состоялось въ Симферополѣ общее годичное собраніе членовъ общества взаимопомощи учащихся въ начальныхъ школахъ Таврической губерніи. На собраніи этомъ обществу пришлось ознакомиться съ извѣстнымъ отношеніемъ попечителя одесскаго учебнаго округа, съ содержаніемъ котораго мы уже знакомили нашихъ читателей. Суть дѣла въ слѣдующемъ. Предыдущее годичное собраніе членовъ общества постановило возбудить ходатайство объ измѣненіи устава въ томъ смыслѣ, чтобы въ число дѣйствительныхъ членовъ общества могли быть принимаемы и лица, занимающіяся частными уроками. Кромѣ того, общество ходатайствовало о разрѣшеніи учредить для нуждъ членовъ общества бюро юридической помощи. Отвѣтъ попечителя

на эти ходатайства былъ совершенно неожиданный: въ отвѣтъ своему попечитель говоритъ, что общество желаетъ расширенія круга членовъ для привлеченія въ свою среду неблагонадѣжныхъ личностей, которыя забрасывали бы народныхъ учителей, не умѣющихъ разбираться въ словахъ, красивыми фразами, и что учрежденіе юридическаго бюро поведетъ лишь къ развитію среди учителей сутяжничества. Народные учителя были оскорблены такимъ отвѣтомъ. Некоторые члены общества предлагали собранію даже возбудить уголовное преслѣдованіе противъ попечителя за оскорбленіе. Но, какъ объясняли другіе, такого преслѣдованія общество возбуждать не можетъ. По мнѣнію этихъ лицъ (мнѣнію совершенно неосновательному, кстати сказать), общество, какъ юридическое лицо, можетъ возбуждать только гражданскіе искъ, но не уголовныя преслѣдованія. Тогда среди членовъ общества возникла мысль обжаловать поступокъ попечителя въ министерство народнаго просвѣщенія. Но по мнѣнію многихъ, такая мѣра также нецѣлесообразна, благодаря существующимъ условіямъ бюрократическаго строя. Кто же не знаетъ, что учителя могутъ оскорбить не только попечитель, но и несравненно болѣе мелкіе чиновники, и всѣ эти оскорбленія остаются не наказанными? На этомъ основаніи общее собраніе отвергло и обжалованіе поступка попечителя въ министерство.

Какъ видимъ, эпизодъ является характернымъ свидѣтельствомъ замѣчательной зрѣлости нашего народнаго учителя и вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ роста его личности. Очевидно, прошло то время, когда можно было издѣваться надъ личностью народнаго учителя. Учитель выросъ изъ такого положенія; онъ требуетъ, чтобы за нимъ были признаны всѣ общечеловѣческія права, готовъ постоять за нихъ.

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библиотекъ.

Легко-ли открыть народную библіотеку?—„Почему мы не можемъ читать книгъ, которыя читаютъ гимназисты?“—Какъ соблюдается „законность“ по отношенію къ народнымъ библіотекамъ.—Народныя библіотеки и малорусскія книги.—Виблія на малорусскомъ языкѣ.—Постановленія ставропольской городской думы о возстановленіи законности въ области народно-библіотечнаго дѣла.

Въ докладѣ, прочитанномъ Э. О. Вахтеровою 29 декабря 1904 года въ засѣданіи постоянной комиссіи по техническому образованію въ Москвѣ, были приведены любопытныя иллюстраціи къ вопросу о томъ, легко-ли открыть у насъ народную библіотеку. Казалось бы, дѣло, о которомъ илеть рѣчь, столь простое и несложное, а благотѣльность его столь очевидна, что исходатайствованіе разрѣшенія на открытіе библіотеки должно являться лишь простымъ соблюденіемъ формальности, на которое должно пойти два-три дня, т.-е. столько времени, сколько нужно чиновникамъ для занесенія бумагъ въ „входящій“ и „исходящій“ и написанія разрѣшительной бумаги. На дѣлѣ, оказывается, однако, совершенно иное.

„Процедура этихъ хлопотъ (по исходатайствованію разрѣшенія на открытіе народной библіотеки) длилась около девяти мѣсяцевъ. Бумага писалась за бумагой. Потребовали, чтобы я точно опредѣлила сумму, на которую будетъ содержаться библіотека; я опредѣлила. Потребовали, чтобы я дала осмо-

трѣтъ помѣщеніе, гдѣ библіотеска будетъ находится. Я показала помѣщеніе, но такъ какъ это были двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ моей-же квартиры, то ихъ нашли неудобными для „надзора“. Я наняла отдѣльное помѣщеніе. Тогда потребовали на просмотръ каталогъ книгъ. Я послала печатный каталогъ библіотекъ-читаленъ. Его просматривала уже губернаторша и вернула съ замѣтками на поляхъ: противъ нѣкоторыхъ книгъ стояло „непонятно“, противъ другихъ „вредно“, противъ третьихъ—„безполезно“ (причемъ въ числѣ книгъ, признанныхъ „весьма недостойными существовать“, оказались Тургеневъ, Достоевскій). Опять обмѣнялись мы нѣсколькими бумагами, и, наконецъ, на девятый мѣсяцъ пришла послѣдняя, въ коей губернаторъ писалъ: „Учрежденіе библіотеки по мѣстнымъ условіямъ считаю несвоевременнымъ“.

Разсказанный г-жей Вахтеровой чисто анекдотическій случай имѣлъ мѣсто десять лѣтъ назадъ. Но было бы наивно думать, что подобные „анекдоты“ отошли въ прошлое. Напротивъ, они повторяются до нашихъ дней во всѣхъ концахъ нашего отечества. Отказы въ открытіи библіотекъ по „несвоевременности“, а то и еще по болѣе замѣчательнымъ основаніямъ, въ томъ числѣ и потому, что какая-нибудь дама, губернаторша или другая, въ руки которой попадаетъ каталогъ народныхъ библіотекъ, признаетъ даже просѣянный ученымъ комитетомъ капи „вредными“ или въ лучшемъ случаѣ „безполезными“, а то и „непонятными“, до сихъ поръ представляютъ въ нашей жизни самое заурядное явленіе. Но, какъ говорить г-жа Вахтерова, если „трудно открыть библіотеку, то ничего не стоитъ закрыть: для этого достаточно одного мановенія начальническаго пера, и не требуется никакихъ мотивировокъ“.

Во всякомъ случаѣ волокита, имѣющая мѣсто при добываніи разрѣшенія на открытіе народныхъ библіотекъ, представляетъ въ дѣлѣ народно-библіотечныхъ мытарствъ лишь сравнительно второстепенное горе. Главное горе начинается тогда, когда разрѣшеніе на открытіе библіотеки получено. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо приступить къ выискѣ книгъ для библіотеки, и вотъ тутъ предъ каждымъ устроителемъ народной библіотеки встаетъ вопросъ: „по какому праву я буду участвовать въ столь недостойномъ дѣлѣ, какъ сокровищъ знанія и изящной литературы“? А между тѣмъ участіе въ этомъ недостойномъ дѣлѣ обязательно для каждаго, кто устраиваетъ народную библіотеку, такъ какъ пріобрѣтаетъ въ народныя библіотеки возможно только то, что нашли допустимымъ для народнаго читателя господа, дѣлающіе отмѣтки на книгахъ въ родѣ вышеприведенныхъ отмѣтокъ губернаторши: „безполезно“, „вредно“ и даже „непонятно“. Господамъ, дѣлающимъ эти помѣтки, очень легко дѣлать ихъ. Но каково тѣмъ, кто имѣетъ дѣло непосредственно съ самимъ читателемъ изъ народа! Каково имъ смотрѣть въ глаза этому читателю и краснѣть отъ стыда за дѣянія, въ которыхъ они и неповинны. По этому поводу г-жа Вахтерова въ своемъ докладѣ также привела нѣсколько любопытныхъ иллюстрацій:

„Самъ народный читатель, для котораго создана эта опека, несмотря на свою вѣками культивируемую покорность къ велѣніямъ начальства, начинаетъ весьма и весьма скептически относиться къ этой опекѣ. Уже мальчишъ подростокъ, ученикъ воскресной школы, требуетъ отвѣта на естественный вопросъ: „Почему мы не можемъ читать книгъ, которые читаютъ гимназисты“? „Почему этой книги нѣтъ въ библіотекъ-читальнѣ?“—спрашиваетъ читатель библіотеки: „вѣдь книга незапрещенная,—я самъ ее въ лавкѣ видѣлъ: хотѣлъ купить да дорого просятъ“. И въ его лицѣ читается также полное недоумѣ-

не. Въ Некрасовскую библіотеку въ Новгородѣ на-дняхъ пришелъ взрослый читатель и спросилъ Некрасова; но въ „Некрасовской“ библіотекѣ Некрасова, конечно, нѣтъ, и на объясненіе, что ученый комитетъ не допускаетъ эту книгу въ народныя читальни, умное лицо взрослого освѣтилось саркастической улыбкой. Онъ сказалъ только одно слово: „Такъ-съ!“, но сказалъ въ высшей степени выразительно.

„Если эту книгу не разрѣшаютъ, надо полагать—интересная книга, говорить крестьянскій парень, читатель деревенской библіотеки,—ужь что-нибудь да есть въ ней: надо постараться достать гдѣ-нибудь“.

„Господа все читать могутъ, а съ насъ и хлама довольно“,—съ горькой и злобной ироніей говоритъ другой читатель,—и этотъ послѣдній отзывъ указываетъ то, въ какой степени достигается цѣль, преслѣдуемая разрѣшеннымъ каталогомъ. Тактика, направленная къ тому, чтобы дѣлать изъ книгъ привилегію одного сословія предъ другимъ, какъ бы ее ни прикрывать, совершенно ясна читателю изъ народа. Не даромъ юный новобранецъ, спрошенный о томъ, какія книги онъ читалъ, самодовольно и поспѣшно заявилъ: „я читалъ книги всѣхъ сословій“.

Таково, такъ сказать, „законное“ положеніе народно-библіотечнаго дѣла. Но, кажется, нѣтъ другой области нашей жизни, гдѣ съ такою легкостью проявлялся-бы произволъ всѣхъ, начиная высшими и кончая низшими представителями власти (вплоть до полицейскихъ стражниковъ), какъ это имѣетъ мѣсто въ области народно-библіотечнаго дѣла. На страницахъ нашихъ хроникъ приведены тысячи фактовъ этого рода. Вотъ еще одинъ фактъ того же рода, имѣвшій мѣсто недавно все въ той-же Вятской губерніи, гдѣ объявлена такая рѣшительная война народнымъ библіотекамъ, какъ знаютъ наши читатели. Инспекторомъ народныхъ училищъ Малмыжскаго уѣзда, г. Смиреномудровымъ, отобрана изъ народныхъ библіотекъ при школахъ вошедшая въ каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ библіотекъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, книга Лукевича „Небо и звѣзды“. На запросъ земской управы о причинахъ ареста книги, г. Смиреномудровъ отвѣтилъ: „Книги Лукевича „Небо и звѣзды“, изятія по желанію преосвященнаго изъ библіотекъ начальныхъ училищъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда, по распоряженію дирекціи, будутъ связаны шнуромъ, запечатаны казенною печатью и имѣютъ храниться въ канцеляріи инспектора народныхъ училищъ Малмыжскаго уѣзда“. Такимъ образомъ, земская управа, полагавшая, что если книга разрѣшена ученымъ комитетомъ для народныхъ библіотекъ, то ее вполне безопасно можно и пріобрѣтать для этихъ библіотекъ, оказалась глубоко заблуждающеюся и наказанною за свою довѣрчивость: оказалась, что ея деньги на пріобрѣтеніе разрѣшенной книги затрачены только для того, чтобы эта книга, связанная шнуромъ и запечатанная казенною печатью, хранилась (въ назиданіе потомкамъ?) въ канцеляріи г. инспектора. Любопытно было-бы знать, неужели гг. Смиреномудровъ и Анастасіевъ (директоръ народныхъ училищъ Вятской губерніи) остаются на своихъ мѣстахъ послѣ того, какъ пунктомъ 1-мъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года предписано „принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры престола, дабы ненарушимое и одинаковое исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ намъ властей; неисполненіе же ея неизбѣжно повлекло-бы законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность“. Кажется, ясно, что люди,

ставящія „желанія пресвященнаго“ выше закона, исполнѣ подходятъ подъ требованіе указа 12 декабря.

И дѣйствительно, неужели недостаточна дѣятельности ученаго комитета, просѣивающаго книги для народнаго чтенія, чтобы можно было предоставить заниматься этимъ дѣломъ еще каждому директору, каждому инспектору народныхъ училищъ? Полагаемъ, что дѣятельность ученаго комитета сама по себѣ слишкомъ достаточна, чтобы нужно было вносить поправки даже въ нее и притомъ предоставлять дѣлать такія поправки каждому, кто это вздумаетъ. Ученый комитетъ настолько „остороженъ“ въ своихъ „допущеніяхъ“ книгъ въ народныя библіотеки, что еще недавно отказался допустить въ эти библіотеки второй выпускъ изданнаго кievскимъ обществомъ грамотности сборника отзывовъ о книгахъ для народнаго чтенія на томъ основаніи, что въ сборникѣ имѣется отдѣлъ отзывовъ о книгахъ на малорусскомъ языкѣ. Полагаемъ, что при такой „осторожности“ ученаго комитета допускать еще вятскимъ самовольнымъ цензорамъ дѣлать поправки въ дѣятельности ученаго комитета является уже совершенно излишнею роскошью.

Надо сказать, что въ каталогѣ разрѣшенныхъ для народныхъ библіотекъ книгъ имѣются книги только на великорусскомъ языкѣ. Ни на какомъ другомъ языкѣ книги попасть въ народную библіотеку не могутъ. Недѣльность этого положенія, однако, настолько велика, что отъ него на практикѣ пришлось отступать, и въ печать проникали разновременно извѣстія объ открытіи библіотекъ, въ которыя допускались книги и на туземныхъ языкахъ, напр., польскомъ, вотякомъ, грузинскомъ и др. Но книги на малорусскомъ языкѣ до сихъ поръ не допущены еще ни въ одну народную библіотеку. Мало того, въ народной библіотекѣ не можетъ имѣть мѣста даже библія и евангеліе на малорусскомъ языкѣ. Происходитъ это отъ того, что и вообще въ предѣлахъ Россіи воспрещено обращеніе евангелія и библіи на малорусскомъ языкѣ. Въ то время, какъ въ Россіи обращаются изданія библіи и евангелія на 61 языкахъ, и всѣ инородцы вплоть до самыхъ маленькихъ народцевъ, насчитывающихъ десятки тысячъ представителей, порою даже не имѣющихъ въ своей средѣ христіанъ, могутъ читать библію и евангеліе на родномъ языкѣ, пятнадцать милліоновъ малороссовъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи,—притомъ всѣ сплошь христіане,—лишены возможности читать священное писаніе на понятномъ имъ языкѣ, а если рѣшаются читать таковое въ зарубажныхъ изданіяхъ на малорусскомъ языкѣ, то рискуютъ подвергнуться взысканію, какъ за пользованіе „запрещенными“ книгами.

Самое характерное въ исторіи тѣхъ ограниченій, которымъ у насъ подвергнуты народныя библіотеки, заключается въ томъ, что ограниченія эти не имѣютъ ни малѣйшей законной почвы подъ собою. Вопросъ этотъ выясненъ мною въ докладѣ, внесенномъ въ Ставропольскую городскую думу, которой я предлагалъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ правилъ 15 мая 1890 года „о народныхъ читальняхъ и порядкѣ надзора за ними“, какъ представляющихъ прямое нарушеніе закона. Городская дума въ засѣданіи 14 января нынѣшняго года согласилась со мною и приняла постановленіе возбудить предложенное мною ходатайство. Въ виду интереса вопроса я позволю себѣ привести здѣсь свое заявленіе полностью.

„Пунктомъ 1-мъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года предписано: „Принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона, важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры престола, дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью

всѣхъ подчиненныхъ намъ властей“. Это Высочайшее повелѣніе съ одной стороны даетъ полную надежду на то, что указанія общественныхъ учреждений на существующія беззаконія и ходатайства объ устраниніи таковыхъ въ настоящее время имѣютъ всѣ данныя оказаться успѣшными и повести къ положительнымъ результатамъ, а съ другой возлагаютъ на всѣхъ, знающихъ о существованіи беззаконій, обязанность доводить о нихъ до свѣдѣнія высшихъ властей и тѣмъ содѣйствовать устранинію изъ нашей жизни нарушеній силы закона.“

„Въ виду сказаннаго я имѣю честь предложить думѣ возбудить предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство объ устраниніи одной противозаконной мѣры, принятой 15 лѣтъ назадъ и тяготящейся наъ народнымъ просвѣщеніемъ въ нашемъ отечествѣ. Я имѣю въ виду „Правила о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними“, изданныхъ 15 мая 1890 года тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ явное нарушеніе пункта 3-го примѣчанія къ ст. 175 устава о цензурѣ и печати. Прежде, однако, чѣмъ излагать сущность предлагаемаго мною ходатайства, я позволю себѣ указать, какое значеніе можетъ имѣть это ходатайство для мѣстной жизни. Это необходимо въ виду того, что пунктомъ 21-мъ ст. 63 Городового Положенія думѣ предоставлено „представленіе высшему правительству ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ“.

„Наше городское управленіе содержитъ уже восемь лѣтъ народную бібліотеку, помѣщающуюся въ зданіи городской управы и имѣющую ежегодно нѣсколько сотъ читателей. Затѣмъ, согласно постановленію думы, въ смѣту на 1905 годъ внесены суммы на открытіе и содержаніе второй городской народной бібліотеки при училищѣ „въ память 19 февраля 1861 года“ на Старомъ Форштадтѣ. Наконецъ, дума постановила съ устройствомъ 2-го училища на Новомъ Форштадтѣ, открыть въ немъ 3-ю городскую народную бібліотеку. Съ теченіемъ времени городскому управленію придется значительно увеличить число народныхъ бібліотекъ, содержимыхъ на городскія средства, такъ какъ начальныя школы, при ихъ трехлѣтнемъ курсѣ и крайне недостаточныхъ программахъ, въ сущности даютъ окончившимъ въ нихъ курсъ только орудіе для приобрѣтенія полезныхъ знаній и умственного развитія путемъ чтенія, которое можетъ быть доступно массѣ населенія лишь при наличности бесплатныхъ бібліотекъ. Такимъ образомъ, организація народныхъ бесплатныхъ бібліотекъ является въ интересахъ просвѣщенія массы городского населенія неизбежнымъ и еще болѣе важнымъ шагомъ, нежели учрежденіе школъ,—и безъ бібліотекъ самое существованіе школъ въ значительной мѣрѣ теряетъ свое значеніе. Въ Ставрополѣ, кромѣ городскихъ народныхъ бібліотекъ, имѣются также народныя бібліотеки, учрежденныя мѣстнымъ обществомъ грамотности (2), братствомъ св. Владимира (1) и попечительствомъ о народной трезвости (3), причемъ для одной изъ послѣднихъ городъ на свои средства нанимаетъ бібліотекару. Такимъ образомъ, уже въ настоящее время народно-бібліотечное дѣло имѣетъ для мѣстнаго населенія крупное значеніе, а съ каждымъ годомъ это значеніе будетъ неизбежно возрастать“.

„Между тѣмъ правила 15 мая 1890 года о народныхъ читальняхъ сводятъ просвѣтительное значеніе бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ къ крайне незначительной величинѣ. Дѣло въ томъ, что этими правилами установлены особые разрѣшительные каталоги книгъ для народныхъ бібліотекъ. Только книги, вошедшія въ эти каталоги, могутъ быть приобрѣтаемы для народныхъ бібліотекъ и выдаваемы изъ нихъ читателямъ. Для внесенныя книги въ ука-

занные разрѣшительные каталоги она должна быть рассмотрѣна и одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Само собою разумѣется, что это учрежденіе не имѣетъ просто физической возможности разсматривать всѣ книги, выходящія ежегодно въ нашемъ отечествѣ. И дѣйствительно, изъ 15—18 тысячъ ежегодно выходящихъ книгъ ученый комитетъ успѣваетъ рассмотреть двѣ, три, много четыре сотни; всѣ-же остальные книги не попадаютъ въ разрѣшительный каталогъ не потому, чтобы онѣ не заслуживали внесенія въ него а просто потому, что ученый комитетъ не имѣлъ времени рассмотреть эти книги. Благодаря этому, изъ сотенъ тысячъ книгъ, существующихъ на русскомъ языкѣ, въ каталогъ народныхъ библиотекъ внесено всего около 4 тысячъ. При этомъ въ это число вошли часто по нѣсколько разъ однѣ и тѣ же книги, только выпущенныя разными издателями. Кромѣ того, комитетъ внесъ въ свой каталогъ не мало книгъ совершенно спеціальнаго характера, которыя совершенно недоступны читателю изъ народа. Онъ рекомендуетъ порою изданія, стоящія 15—20 рублей для народныхъ библиотекъ, располагающихъ всегда очень скромными средствами. И въ то-же время комитетъ не внесъ каталогъ множества полезныхъ книгъ, изданныхъ спеціально для народа и вполне ему доступныхъ. Мало того, комитетъ до сихъ поръ не допускаетъ въ народныя библиотеки многихъ писателей, ставшихъ классическими и составляющихъ гордость нашего отечества.

„Въ концѣ концовъ, благодаря существованію разрѣшительныхъ каталоговъ, лица, пользующіяся книгами изъ народныхъ библиотекъ, лишены возможности знакомиться съ большею частью произведеній нашей изящной литературы и почти совершенно не имѣютъ возможности приобрѣтать знанія научнаго характера, такъ какъ книгъ такого рода почти совершенно нѣтъ въ каталогахъ народныхъ библиотекъ. Нелѣпость указаннаго положенія вещей станетъ еще нагляднѣе, когда мы укажемъ на то, что всѣ книги, не допущенныя въ народныя библиотеки, можно получать изъ платныхъ публичныхъ библиотекъ. Такимъ образомъ, создалось такое странное и невозможное положеніе вещей: тотъ, кто имѣетъ возможность платить за чтеніе, можетъ пользоваться всѣми книгами изъ платныхъ публичныхъ библиотекъ, тотъ же, кто за чтеніе платить не можетъ, долженъ довольствоваться скудной умственной пищей, которую только и можетъ предложить ему безплатная народная библиотека. Еще нелѣпѣе положеніе относительно пополненія народныхъ библиотекъ періодическими изданіями. Всѣ періодическія изданія, за исключеніемъ нѣсколькихъ въ родѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, „Гражданина“ и „Свѣта“, запрещены для народныхъ библиотекъ. Въ то же время пивныя, портерныя, трактиры могутъ невозбранно получать всѣ періодическія изданія. Такимъ образомъ, любознательный простолюдинъ, желающій ознакомиться съ тѣмъ, что пишется въ газетахъ, хотя-бы про войну, которая не можетъ не интересовать всѣхъ, долженъ обязательно идти въ трактиръ или въ пивную и тамъ читать тѣ газеты, которыя почему-то не можетъ предложить ему библиотека. Тутъ уже не только поощреніе газетъ, которыя однѣ только допущены въ народныя библиотеки, очевидно, въ цѣляхъ поддержанія ихъ матеріальнаго благополучія, но и поддержаніе питейныхъ заведеній, которыя безъ того, быть можетъ, не увидѣли бы многихъ изъ своихъ посѣтителей, вынужденныхъ нынѣ потреблять спиртные напитки ради того, чтобы имѣть возможность ознакомиться съ газетными новостями“.

„Между тѣмъ все это невозможное положеніе вещей совершенно противозаконно. Хотя въ заголовкѣ правилъ 15 мая 1890 года, изданныхъ въ

административномъ порядкѣ, и сказано, будто они составлены на основаніи 3-го пункта примѣчанія къ ст. 175 Устава о цензурѣ и печати, въ дѣйствительности правила эти представляютъ собою нарушеніе именно этого самаго закона, на который они ссылаются. Въ самомъ дѣлѣ, въ п. 3-мъ примѣчанія къ ст. 175 Уст. о ценз. и печ. говорится буквально слѣдующее: „министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется указывать мѣстнымъ начальствамъ тѣ произведенія, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ“,—и только. Этими правомъ министры внутреннихъ дѣлъ постоянно пользуются, и въ силу этого права изъ публичныхъ библіотекъ изъято около 200 книгъ разнаго содержанія и нѣсколько періодическихъ изданій за старые годы. Какъ видно, это право министра внутреннихъ дѣлъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ положеніемъ, какое создано для народныхъ библіотекъ правилами 15 мая 1890 года. Въмѣсто того, чтобы указывать, какія книги не могутъ быть допущены въ библіотеки, этими правилами прямо воспрещена для народныхъ библіотекъ вся наша литература, кромѣ немногихъ разрѣшенныхъ книгъ. Въ то время, какъ вообще по отношенію къ публичнымъ библіотекамъ издается *запретительный* каталогъ, содержащій, какъ сказано, около 200 наименованій запрещенныхъ книгъ, по отношенію къ одной группѣ тѣхъ-же публичныхъ библіотекъ, названныхъ народными, совершенно произвольно выдѣленныхъ изъ остальныхъ библіотекъ, издается *разрѣшительный* каталогъ, которымъ разрѣшается всего около 4 тысячъ названій (въ дѣйствительности, если исключить повторенія однихъ и тѣхъ-же книгъ, то даже около 2 тысячъ книгъ) а всѣ остальные запрещены. Вообще публичныя библіотеки лишены всего около 200 книгъ и могутъ имѣть всѣ остальные сотни тысячъ книгъ, имѣющихся на русскомъ языкѣ, а народныя библіотеки лишены права держать сотни тысячъ книгъ и могутъ выбирать только изъ какихъ-нибудь двухъ тысячъ одобренныхъ, между которыми на три четверти—совершенный хламъ. Точно также вообще публичная библіотека можетъ имѣть какія ей угодно періодическія изданія, кромѣ нѣсколькихъ воспрещенныхъ изданій за старые годы, а такая-же публичная библіотека, отличающаяся отъ первой только своею бесплатностью, должна непременно выписывать „Свѣтъ“ или „Московскія Вѣдомости“ и ничего другого, такъ какъ всѣ остальные періодическія изданія, въ томъ числѣ и мѣстныя, для народныхъ библіотекъ воспрещены. И это ненормальное положеніе вещей, такъ губительно отражающееся на просвѣщеніи народныхъ массъ, для которыхъ оказываются недоступными почти всѣ наши лучшіе писатели, почти всѣ сокровища всемірной литературы и науки, почти вся наша періодическая печать, создано, какъ сказано, изданными въ административномъ порядкѣ правилами 15 мая 1890 года, представляющими собою нарушеніе закона. Нашъ законъ не знаетъ дѣленія публичныхъ библіотекъ на имѣющія права и безправныя; онъ совсѣмъ не возлагаетъ на обязанность ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія контролировать народное чтеніе, просѣивать книги и періодическія изданія и давать доступъ въ библіотеки только тѣмъ книгамъ и періодическимъ изданіямъ, которыя нравятся членамъ ученаго комитета или которымъ они хотя бы оказали содѣйствіе въ ихъ распространеніи. Законъ нигдѣ не воспрещаетъ никакимъ библіотекамъ имѣть всѣ книги и періодическія изданія, кромѣ немногихъ, прямо запрещенныхъ. Всѣ ограниченія, налагаемыя на народныя т. е. попросту, бесплатныя библіотеки, представляютъ собою продуктъ чистѣйшаго административнаго произвола.“

„Теперь, когда съ высоты трона провозглашена необходимость принятія мѣръ къ устраненію беззаконій, которыми такъ богата наша жизнь, когда указомъ 12 декабря 1904 года требуется, чтобы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе закона почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ властей, исполнѣ своевременно и даже обязательно обратить вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на вопіющее беззаконіе, какое представляютъ собою правила 15 мая 1890 года о народныхъ читальняхъ и просить его объ устраненіи этого беззаконія и восстановленіи силы закона, а именно пункта 3 примѣч. къ ст. 175 уст. о ценз. и печ. по отношенію ко всѣмъ публичнымъ бібліотекамъ платнымъ и бесплатнымъ. Осуществленія такого ходатайства тѣмъ болѣе можно ожидать, что изданныя въ административномъ порядкѣ волею одного министра внутреннихъ дѣлъ правила 15 мая 1890 года могутъ быть отмѣнены также простымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ“.

Предложеніе это, какъ сказано, ставропольскою городскою думою принято въ засѣданіи 14 января единогласно, и соответствующее ходатайство имѣетъ быть возбужденно въ самомъ непродолжительномъ времени.

Я. Абрамовъ.

Хоюника воскресныхъ школь *).

Что читать?

(Продолженіе).

Если вы участвовали въ коммисіи народныхъ чтеній, бібліотечной коммисіи,—вы не разъ, навѣрно, слышали вопросъ и сами не разъ задавались имъ: доступно ли имѣть для дѣтей, для народа то или иное чтеніе, та или иная книга? Что заставляеть насъ задаваться этимъ вопросомъ? —Отвѣтитъ на это не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Немѣшаеть уяснить себѣ, на основаніи чего мы говоримъ: эта книга не подходяща, это чтеніе не популярно.

Когда мы высказываемъ такой взглядъ на книгу, мы исходимъ изъ слѣдующаго: изъ представленія о познавательной способности вообще, изъ представленія о читателѣ, изъ представленія о книгѣ.

Чтобы понимать, необходимо мыслить нормально, имѣть здоровые органы. Единственнымъ кратеріемъ нормальнаго мышленія служить общественное мнѣніе, т. е. призваніе общества, что индивидуумъ, хотя и ошибается иногда, но въ общемъ правильно выводитъ слѣдствія изъ причинъ. Этотъ критерій позволяеть признать, что человекъ правильно называетъ бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ. Имѣть здоровые органы чувствъ и мышленія могутъ и дѣти, и взрослые крестьяне, рабочіе. На основаніи этого можно, кажется, съ увѣренностью сказать, что крестьянинъ—какъ человекъ, обладающій здоровыми органами,—способенъ понимать все, что доступно человеку вообще, и что

*) Всѣ статьи и матеріалы по вопросамъ воскресныхъ школь редакція покорнѣйше проситъ направлять въ Харьковъ на имя Христіны Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой.

нѣтъ такой возвышенной, глубокой истины, которая не могла бы быть усвоена крестьяниномъ. Возьмите въ любую идею „Капитала“ Маркса, даже идею „Критики чистаго разума“ Канта, попробуйте сообщать ее даже неграмотному тѣмъ языкомъ, которымъ онъ говорить, и вы убѣдитесь, что будете поняты. Беру примѣръ:

„Капиталистическій способъ производства и присвоенія, а слѣдовательно, капиталистическая частная собственность, есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственномъ трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ, съ необходимостью естественнаго процесса. Это отрицаніе отрицанія. Оно снова восстанавливаетъ индивидуальную собственность, но на основаніи приобретенной капиталистической эры, т. е. на основаніи коопераціи свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками“. „Капиталъ“, т. I, стр. 650.

Представимъ себѣ, что эту тираду выслушалъ неграмотный крестьянинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ ровно ничего изъ нея не понималъ. Но это не значитъ, что онъ не способенъ понимать такую высокую матерію. Освободите эту тираду отъ Гегелевской терминологіи, т. е. снимите съ нея модную одежду, затѣмъ освободите отъ украшеній, и вы ту же тираду получите приблизительно, въ слѣдующемъ видѣ:

— Богачи продолжаютъ богатѣть; бѣдныхъ становится все болѣе и болѣе. И земля, и деньги бѣдняковъ переходятъ въ руки богачей; у бѣдныхъ ничего нѣтъ за душою, кромѣ рукъ, которымъ нужна работа, чтобы бѣдный не умеръ съ голоду. Но вотъ и богачи начинаютъ губить другъ друга; кто имѣетъ меньше капитала, — разоряется. Богачей становится меньше: богатство какъ будто само себя пожираетъ. А бѣдняки между тѣмъ начинаютъ собираться въ артели и заводятъ свои мастерскія, заводы и фабрики и сообща покупаютъ и обрабатываютъ землю. Такимъ образомъ, богатство начнетъ постепенно переходить въ руки работниковъ.

Можетъ быть, въ нѣкоторой части эта цигата передана не точно, не ясно но я крѣпко увѣренъ, что изложеніе ея на обиходномъ языкѣ вполне возможно, и въ такомъ случаѣ основная идея Маркса будетъ понята и неграмотнымъ человѣкомъ.

Беру другой примѣръ: „Разумъ есть такая способность, которая даетъ намъ принципы познанія *a priori*“. — „Критика Чистаго Разума“. Кантъ, стр. 18.

Здѣсь камнемъ преткновенія служить прежде всего выраженіе *a priori*, но пониманіе этой фразы вводитъ въ курсъ всей „Критики Чистаго Разума“. Правда, въ разговорномъ крестьянскомъ языкѣ, кажется, не найдется подходящаго слова, которое могло бы замѣнить это *a priori*; тѣмъ не менѣе имѣется возможность „растолковать“ даже неграмотному крестьянину, что именно заключается въ этой фразѣ. Я передалъ бы ее такимъ образомъ: мы узнаемъ и понимаемъ все, что совершается на свѣтѣ, потому что мы имѣемъ разумъ; съ этимъ разумомъ человѣкъ рождается, и его нельзя получить черезъ науку, ученіе, такъ какъ сама наука и все въ жизни понимается черезъ разумъ.

Образованные люди отличаются отъ необразованныхъ не по существу, а только по количеству образовательныхъ идей; образованіе же доступно всякому, разъ оно заключено въ доступную форму. Выраженіе, что такая-то книга недоступна для народа, имѣетъ значеніе только въ томъ смыслѣ, что

данная книга написана въ неудобопонятной, въ непопулярной формѣ. Такимъ образомъ, если мы хотимъ содѣйствовать образованію,—мы прежде всего должны уяснить себѣ, въ чемъ должна состоять популярность, т. е. та форма передачи образовательныхъ идей, которая могла бы быть доступна для всякаго.

На основаніи высказанныхъ соображеній, къ слову сказать—вполнѣ избучныхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что главные принципы популяризаціи заключаются въ слѣдующемъ: 1) излагать мысль тѣмъ языкомъ, которымъ волиѣ владѣетъ слушатель, 2) сообщать свѣдѣнія, рисовать художественныя картины слова въ такомъ порядкѣ, чтобы предъидущее было объясненіемъ послѣдующему.

Нѣкоторые популяризаторы и беллетристы доступность языка понимаютъ превратно. Имъ кажется, что изложеніе становится доступнѣе, если вмѣсто *чего*, они будутъ говорить—*цаво*, если въ изложеніе введутъ такіе обороты которые представляютъ собой нѣчто среднее между рѣчью и мимикой, что характеризуется словомъ *тае*. Но русскій писатель долженъ бы знать, что провинциализмъ въ языкѣ нѣтъ основаній дѣлать общей формой языка,—акимовское *тае*—это только уродство мышленія, но не сущность языка, необходимо познать, что крестьянинъ скорѣе пойметъ правильную литературную рѣчь, чѣмъ *цаво* и *тае*. Писатель, прибѣгающій къ *тае*, уподобляется безталантному актеру, который, желая изобразить художественный образъ, прибѣгаетъ къ нелѣпому гриму и жестамъ.

Кромѣ того, нѣкоторые популяризаторы стремятся оживлять изложеніе неумѣстнымъ балагурствомъ; имъ кажется, что съ начинающимъ читать не премѣнно надо поиграть въ „бирюльки“, посмѣшить его и потомъ уже преподнести: земля кругла и вертится вокругъ солнца, а затѣмъ опять—„агу-агу“. Такая манера недостойна дѣятеля по внѣшкольному образованію, который не долженъ, кажется, смѣяться надъ человѣкомъ, а долженъ просвѣщать его совершенно серьезно. Между тѣмъ, даже такой популяризаторъ,—какъ Лункевичъ,—пересыпалъ свои прекрасныя брошюры такими глумленіями, и тому, кто пользуется его брошюрками, приходится избавлять слушателей отъ „смѣшныхъ“ мѣстъ, если не сказать болѣе.

Кромѣ языка, большое значеніе имѣетъ способъ популяризаціи. Устная передача несравненно лучше книжной. Опытный лекторъ держитъ въ рукахъ вниманіе аудиторіи, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужно усилить впечатлѣніе, чтобы то или иное мѣсто крѣпко запечатлѣлось, можетъ возвышать тонъ, мѣняя выраженіе лица и глазъ, прибѣгая къ жестамъ и т. д.; повышенное настроеніе лектора немедленно передается аудиторіи и заставляетъ усиленнѣе работать нервныя центры слушателей. Тотъ же лекторъ можетъ понизить тонъ, говорить спокойно, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ слушателямъ, а затѣмъ снова увлечь ихъ на болѣе яркомъ мѣстѣ изложенія. Если аудиторія устала и, что называется, „клюетъ носомъ“, лекторъ и въ данномъ случаѣ имѣетъ возможность поднять тѣми или иными средствами вниманіе аудиторіи до требуемаго уровня.

Какое значеніе для аудиторіи имѣютъ различныя пособія—картины вольшебнаго фонаря, опыты и пр.,—говорить излишне. Самое же главное въ популяризаціи—это Сократовская вопросно-отвѣтная система, и къ ней слѣдуетъ прибѣгать при всякомъ удобномъ случаѣ. Какъ-бы искусень ни былъ лекторъ, но лекціонный способъ рассчитанъ все же на пассивность; въ данномъ случаѣ слушатель принимаетъ все на вѣру; у него спитъ критическая способ-

ность; между тѣмъ, отвѣчая на вопросы, слушатель самъ доходитъ постепенно до вывода; при этомъ сырой образовательный матеріалъ сразу же перерабатывается въ прочныя убѣжденія, тогда какъ прослушанная лекція для большинства должна лежать тяжелымъ балластомъ до тѣхъ поръ, пока слушатель не осмыслитъ и не обмозгуетъ, какъ говорить нѣкоторые, все то, что онъ узналъ. Очень жаль, что Сократовская система имѣетъ незначительное примѣненіе во внѣшкольномъ образованіи.

Теперь остается указать, въ чемъ должна состоять *система* популяризаціи. Чтобы уяснить это, остановимся на примѣрѣ. Предъ нами науки—исторія, соціологія и географія. Связь между этими науками очевидная, но въ чемъ она состоитъ?—Чтобы понять историческій процессъ, нужно имѣть представленіе о мѣстѣ, гдѣ развивается онъ, и о формахъ, въ которыя онъ выливается; такимъ образомъ является необходимость поставить эти науки въ такомъ порядкѣ: географія, соціологія и исторія, что будетъ соответствовать закону причинности. Читатель будетъ понимать исторію только въ томъ случаѣ, если онъ изучитъ значеніе физическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и др. факторовъ.

Чтобы лучше уяснить систему популяризаціи, остановимъ вниманіе на статьяхъ Успенскаго, изданныхъ брошюрками:

„Слѣпой пѣвецъ“. Едва только грѣховодникъ Купонъ прикоснется своею антихристовою печатью къ тихой степной станицѣ или къ тихому черноземному селу на тихой рѣкѣ и запечатлѣтъ это прикосновеніе, бросивъ на тихомъ берегу пароходную пристань... Невѣдомая сила, не говоря ни слова, не приказывая черезъ полицію, начинаетъ выгонять мирныхъ жителей, проводившихъ тихіе лѣтніе вечера за игрою въ дурачки, въ кафешантаны, въ загородные сады, заставляетъ слушать шансонетки на непонятномъ языкѣ, учить не стыдиться короткихъ, выше колѣнъ, юбокъ, выразительныхъ движеній акробатовъ и наѣздниковъ цирка и сразу, по щучьему велѣнію, гипнотизируетъ массы скромныхъ и совершенно невинныхъ дѣвушекъ, дочерей мѣстныхъ обывателей, выгоняя ихъ на новый промыселъ на новомъ тротуарѣ... Такого рода послѣдствія прикосновенія антихристовой печати къ тихимъ уголкамъ русской земли большею частью притѣствуются людьми безразличнаго образа мыслей о себѣ и ближнемъ, какъ радостныя событія, какъ благодатный дождь, оросившій пустынные мѣста и пробудившій въ нихъ жизнь, но въ комъ есть капля чувства, чтобы ощущать въ дѣлахъ человѣческихъ разницу между „медомъ и дегтемъ“, между добромъ и зломъ, тому нельзя; безъ ощущеній кроваваго огорченія, равнодушно смотрѣть на эти внезапныя мгновенныя процвѣтанія нашихъ тихихъ селъ, тихихъ станицъ. Приглядѣвшись и притерпѣвшись на своемъ вѣку ко всякимъ жестокостямъ жизни и даже привыкнувъ не малое количество ихъ почитать „неизбѣжными фазами“, я все-таки не могъ не испытать, при видѣ этихъ внезапныхъ процвѣтаній, того самаго ощущенія, которое иногда выносилось съ кладбища, гдѣ только что зарыли малаго и симпатичнаго человѣка. Два года тому назадъ онъ, милый человѣкъ, былъ живъ, спѣлъ, веселый и здоровый, подъ этимъ обномъ любовался вечеромъ, тополемъ; спѣлъ онъ въ одной рубашѣ, распоясанный, и отъ жары былъ даже босикомъ но главное, онъ былъ простъ, добръ, веселъ и, еще главнѣе, былъ живъ. А теперь онъ одѣтъ, застегнутъ, обритъ, причесанъ, но уже мертвъ, блѣденъ, съ истощеннымъ лицомъ, хотя и въ красивомъ глазовомъ, позолоченномъ гробу“.

Эту цитату можно поставить эпиграфомъ ко всѣмъ твореніямъ Успен-

скаго. Въ ней выражена основная идея ихъ. Но чтобы отнестись критически къ этой идее, читателю необходимо имѣть представленіе: а) о духовной и нравственной личности Успенскаго, б) о народничествѣ, в) о шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ и т. п. Безъ этого брошюрка Успенскаго вызоветъ одно недоразумѣніе. Современный читатель, по всей вѣроятности, не можетъ согласиться съ выстраданной идеей Успенскаго, и онъ посмотритъ на эту брошюрку скорѣе какъ на историческій документъ, но онъ не увлечется болѣе идей. Поэтому брошюрка Успенскаго „Слѣпой пѣвецъ“ не можетъ быть популярна по двумъ причинамъ: 1) для неподготовленного читателя весь историческій фонъ и жанръ будетъ знакомъ вопроса; основная идея, если онъ увлечется ею можетъ сбить этого читателя съ толку, поставивъ его во враждебное отношеніе къ прогрессу; 2) для человѣка подготовленнаго—эта брошюрка потеряла интересъ. Успенскій—горячій поклонникъ патріархальной жизни; онъ выражаетъ непріязнь къ нарождающемуся капиталистическому строю, который разрушаетъ идиллію деревенской жизни, и твердитъ устами Бурмистра—„не порядокъ“, но не даетъ читателю, кромѣ чувства, настроенія, данныхъ, чтобы разобраться, почему хороша деревенская идиллія съ его разстегнутымъ воротомъ, босыми ногами, почему „непорядокъ“.

Таковы для современнаго читателя и другіе рассказы Успенскаго—„Чуткое сердце“, „Отрадныя явленія“, „Выпрямилъ“ и пр. Эти и подобные имъ рассказы потеряли смыслъ современности, и если бы они представляли образовательный матеріалъ, то передъ чтеніемъ ихъ необходимо познакомить съ эпохой, которая была имъ матерью. Система популяризаціи требуетъ полноты освѣщенія. Ссылка на факты, которые неизвѣстны большой публикѣ, освѣщеніе предмета, понятное для немногихъ—дѣлаютъ книгу неподходящей въ образовательномъ отношеніи.

Къ такимъ книгамъ я отношу интересную брошюрку Э. Реклю—„Эскимосы и алеуты“ (жизнь первобытныхъ народовъ). Эта брошюрка переполнена такими ссылками: „А по вашей міеологіи развѣ не присутствуетъ Геркулесъ одновременно и въ аду, и на Олимпѣ? Зачѣмъ вы такъ строги къ нашему агакону? Зачѣмъ вы требуете отъ него логики, отъ которой освобождаете Гомера и Вергилія?“

„Библія рассказываетъ о проказахъ героя, который пустилъ на ниву множество лисицъ, связанныхъ попарно, съ горящими факелами на хвостѣ; нѣкоторые видятъ здѣсь Молохскую легенду, при чемъ лисица съ блестящей шерстью, очевидно, означаетъ лѣтній зной, который олицетворяется и въ самомъ Самсонѣ—Солнцѣ“.

Система популяризаціи требуетъ полезности, смысла чтенія.

Рассказъ Чирикова—„Маленькій Грѣшникъ“ написанъ художественно, но онъ интересенъ только какъ картинка, которой можно полюбоваться во время отдыха и только. Времени у читателя мало, образованіе широко и серьезно; является необходимость экономить время только на цѣнный образовательный матеріалъ.

Понятіе „цѣнный образовательный матеріалъ“, какъ мнѣ кажется, недостаточно ясно. Позволю себѣ здѣсь остановиться нѣсколько долѣе. Земледѣлецъ обрабатываетъ поле, засѣваетъ и убираетъ, потому что хлѣбъ нуженъ, чтобы жить. Фабрично-заводскій рабочій изготовляетъ инструменты, станки, и машины, потому что орудія нужны для изготовленія предметовъ, чтобы удобно было жить. Плотники, портные, сапожники работаютъ, чтобы защищать человѣческой организмъ отъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры. Все это

трудъ *производительный*, необходимый, какъ это очевидно для всѣхъ. Врачъ, учитель, адвокатъ, писатель, художникъ, музыкантъ ничего не производятъ; они живутъ и пользуются удобствами, которыя создаются производительными рабочими; ихъ трудъ, если и не необходимъ, то все же полезенъ: за хлѣбъ и удобства жизни они платятъ производительнымъ рабочимъ умственнымъ трудомъ, который врачуетъ и душу и тѣло рабочаго, даетъ ему духовный интересъ, смыслъ жизни. *) Такъ производительный и непроизводительный трудъ обмѣниваются взаимными услугами. Характеръ дѣятельности раздѣляетъ такимъ образомъ работниковъ на два класса, другъ друга дополняющіхъ: классъ рабочихъ и интеллигенціи.

Классъ интеллигенціи въ свою очередь группируется по характеру умственной работы и тому или иному отношенію къ производительнымъ рабочимъ, составлять лѣстницу труда со ступенями высшей и низшей интеллигенціи. Въ литературѣ понятіе интеллигенціи заключаетъ „лучшую часть“ ея; сущность такой интеллигенціи прекрасно выяснена Изгоевымъ въ „Образованіи“ (1904 г. № 1), гдѣ онъ говоритъ: „Признакомъ, позволяющимъ изъ рядовъ класса интеллигентныхъ работниковъ выдѣлить извѣстное количество индивидуумовъ и объединить ихъ въ особую социальную группу-интеллигенцію, служить присущій профессиональной дѣятельности этихъ лицъ элементъ учительства въ широкомъ смыслѣ слова, передачи людямъ свѣдѣній и накопленныхъ знаній съ цѣлью наученія“.

Писатели, по существу своей работы, относятся къ этой специальной группѣ интеллигенціи. Такимъ образомъ, смыслъ рассказовъ, романовъ, повѣстей, публицистическихъ статей и пр. состоитъ въ учительствѣ. Писатель пишетъ не для собственнаго удовольствія; его работа должна заключать идею учительства, т. е. должна быть полезна.

Сущность литературной дѣятельности заключается въ раскрытіи общественнаго идеала. Рисовать пейзажи, сценки и т. п. безъ всякой общественной тенденціи—имѣть смыслъ, только какъ развлеченіе; изображать художественно, какъ плыветъ лебедь по зеркальной поверхности озера, какъ сладко почивалъ Иванъ Ивановичъ, какъ красиво одѣта Пульхерія Ивановна—не имѣть смысла: это напрасно потраченный трудъ и время. Читать такіа художественныя описанія—значитъ тоже терять попусту время. Любоваться красивой мѣстностью, преклоняться предъ красотой тѣла Аполлона Вельведерскаго, постигать идею женщины въ Венерѣ Милосской, зачитываться художественнымъ описаніемъ Диффы и степи,—все это чрезвычайно пріятно, все это прекрасно *распрямляетъ*, по выраженію Успенскаго, по эти наслажденія доступны только немногимъ людямъ, не занятымъ трудомъ. Безпрерывный трудъ съ утра до вечера, изъ года въ годъ, до могилы, непрерывная нужда толкаетъ мозгъ и сердце къ одному—къ идѣе полезности, цѣлесообразности; бѣдняку становится страннымъ поведеніе челоуѣка, который гуляетъ.

Мнѣ пришлось гостить лѣто въ глухой деревнѣ, и мнѣ ужасно было не-

*) Редакція не раздѣляетъ взгляда автора на трудъ врача, учителя художника и т. д., какъ на трудъ непроизводительный. Съ авторомъ по этому вопросу не согласятся и экономисты, весьма близкіе по направленію къ г. Казанцеву. См. А. Богдановъ. „Краткій курсъ экономической науки“. Изд. 5-ое. Спб. 1905 г. В. Вазаровъ. „Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность“ Спб. 1899 г. Соображенія этихъ авторовъ, вносящихъ важную поправку къ возрѣніямъ Маркса и другихъ экономистовъ на трудъ производительный и непроизводительный, повидимому, остались г. Казанцеву неизвѣстными.

ловко попадаться въ лугахъ или лѣсу крестьянамъ, которые при встрѣчѣ обыкновенно снимаютъ шапку и спрашиваютъ: „Куда, баринъ, бредешь?“ Тяжело было отвѣчать имъ—гуляю; этого гулянія въ будни крестьянинъ не понимаетъ.

Если вдуматься въ идею красоты,—мы раскроемъ въ ней полезность и цѣлесообразность. Красивый мужчина, красивая женщина, красивый пейзажъ и т. п. все это цѣлесообразно, полезно, жизненно. Съ этой точки зрѣнія мы должны оцѣнивать всѣ произведенія рукъ человеческихъ, въ частности, литературныя произведенія. Нужно смотрѣть на рассказъ, повѣсть и романъ прежде всего какъ на полезныя произведенія, а красивые, т. е. художественны—они должны быть сами собой: это послѣднее уже подразумевается. Рассказы, повѣсти, романы могутъ быть полезны только въ томъ случаѣ, если они выясняютъ дурное и указываютъ хорошее, возбуждаютъ добрыя чувства, поддерживаютъ вѣру и надежду на лучшее будущее, рисуютъ идеаль чловека. Другими словами,—на литературныя произведенія мы должны смотрѣть какъ на уроки личной и общественной жизни, а на писателей—не какъ на соловьевъ, распѣвающихъ пѣсни только для себя, ради „искусства“, а какъ на учителей личности и общества. Было время, да прошло, когда на писателей смотрѣли какъ на соловьевъ, и сами они считали себя соловьями. Въ настоящее время писатель становится гражданиномъ, членомъ общества, истолкователемъ и выразителемъ общественного блага; въ настоящее время издательскія фирмы дѣлаютъ большое общественное дѣло; въ особенности ярко выразилось служеніе обществу у изданій—„Донская рѣчь“, „Раппъ и Потапова“; въ настоящее время беллетристическій отдѣлъ толстыхъ журналовъ составляетъ почти исключительно изъ произведеній на общественныя темы въ видахъ воспитанія чувства гражданственности и общественности.

Первымъ опытомъ въ группировкѣ литературныхъ произведеній по доступности и по общественной ихъ цѣнности слѣдуетъ считать трудъ недавно умершаго скромнаго, но большого работника на нивѣ народной—Александра Васильевича Панова. Взмѣрный трудъ и постоянная нужда преждевременно свели его въ могилу; но онъ своимъ трудомъ оставилъ завѣтъ продолжать его работу въ очисткѣ мутнаго книжнаго потока. Каталогъ—„Домашняя библіотека“ А. В. Панова устанавливаетъ такую систему чтенія.

Каталогъ дѣлится на двѣ части: 1) книги для начинающихъ и 2) книги для интеллигентныхъ читателей.

Беллетристика для начинающихъ заключаетъ въ себѣ книги, которыя должны заинтересовать читателя, пріохотить его къ чтенію; къ такимъ книгамъ онъ относитъ: Андерсенъ—Дѣвочка со спичками, Вичеръ-Стоу—Хижина Дяди Тома, Борскій—Максимъ Самоучка и т. п. Затѣмъ идутъ книги, рисующія темныя стороны крестьянской жизни: Григоровичъ—Антонъ Горемыка, Рубакинъ—Искорки и т. п.

— Книги, знакомящія съ жизнью заграничныхъ крестьянъ, фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ: Францовъ—Борьба за право, Фонъ Поленцъ—Крестьяннвъ, Золя—Углеконы, Шпильгагенъ—Одинъ въ полѣ не воинъ и т. п.

— Книги для ознакомленія съ бытомъ помѣщиковъ, купцовъ, чиновниковъ, духовенства, солдатъ: Гоголь—Старосвѣтскіе помѣщики, Островскій—Вѣдность не порокъ, Зутнеръ—Долой оружіе и т. п.

— Книги, изображающія семейную, религіозную, національную жизнь и жизнь преступниковъ: Найденовъ—Дѣти Ванюшина, Гарибальдійцы, Достоевскій—Преступленіе и наказаніе и т. п.

Книги для интеллигенции делятся на следующие отделы:

Борьба за идеал: Еж—На разсветъ. Джованьоли—Спартакъ, Вазовъ—Подъ игомъ, Войничъ—Оводъ и т. п.

Молодое поколѣніе: Помяловскій—Очерки бурсы, Мордовцевъ—Знаменія времени и т. п.

Деревня: Сочин. Успенскаго, Златовратскаго, Рѣшетникова и т. п.

Фабричный трудъ, ремесленники: Гаутманъ—Ткачи, Золя—Трудъ, Вересаевъ—Конецъ Андрея Ивановича и т. п.

Провинціальная сутолока: Новиковъ—Записки земскаго начальника, Салтиковъ—Современная идиллія и т. п.

Семья, религія, національность и т. п.: Толстой—Воскресеніе, Гуцковъ—Уриель Акоста и т. п.

Идеалъ: Беллами—Будущій вѣкъ, Лабуле—Парижъ въ Америкѣ и т. п.

Настоящая система чтенія меня нѣсколько не удовлетворяетъ. Она недостаточно выдержана и недостаточно полна, заключаая въ то же время излишній матеріалъ. Каталогъ „Домашнія библіотеки“ цѣльнѣе—какъ указатель книгъ, воспитывающихъ чувство общественности, инициативу для борьбы за личное и общественное благо. Съ этой точки зрѣнія этотъ каталогъ единственный въ своемъ родѣ. Каталоги — Курнина, Лебедева, Московскаго Попечительства Трезвости и др. не носятъ такой опредѣленной тенденціи.

Чтобы составить нормальный каталогъ книгъ для чтенія какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ,—нуженъ широкій коллективный трудъ.

Очень возможно, что Вольно-Экономическое Общество сумѣетъ объединить работу многочисленныхъ обществъ и частныхъ лицъ, въ борьбѣ съ мутнымъ книжнымъ потокомъ и не замедлитъ издать—какъ результатъ объединеннаго труда—нормальный каталогъ, гдѣ будетъ и строгая система, и здоровая тенденція. Надъ формой нормальнаго минимальнаго каталога я задумывался не разъ. Въ настоящее время она представляется мнѣ въ такомъ видѣ:

1. Каталогъ долженъ имѣть воспитательное, образовательное значеніе. Онъ долженъ преслѣдовать не спеціальныя, а общеобразовательныя цѣли, изъ которыхъ главная—знаніе законовъ эволюціи вообще и знаніе, какъ осуществитъ личное и общественное благо.

2. Составъ каталога долженъ быть рассчитанъ на время—отъ 8 до 10 лѣтъ чтенія, чтобы сформировать міросозерцаніе юноши, или же подготовить къ сознательной жизни взрослого рабочаго. Въ каталогъ должно быть только отъ 300 до 400 книгъ, такъ какъ внимательно прочитатъ въ 8—10 лѣтъ ни учащійся юноша, ни рабочій болѣе не могутъ.

3. Книги должны быть распределены по темамъ, затрагивающимъ все-сторонне личную и общественную жизнь человѣка, при чемъ распределеніе книгъ для читателей по возрастамъ или уровню развитія и подготовки должно быть концентрическое. Характеристикой концентра должно служить не столько содержаніе, сколько форма изложенія литературнаго произведенія.

4. Каждая тема должна начинаться съ книгъ беллетристическаго содержанія и кончатся книгами научнаго содержанія. Подборъ ихъ—въ строгой постепенности, какъ въ отношеніи формы, такъ и концепціи. Всѣ указатели книгъ дѣлать до настоящаго времени на отдѣлы, по обычной классификаціи: беллетристика, географія, геометрія и пр. Такое дѣленіе я считаю искусственнымъ въ дѣлѣ самообразованія и вѣнѣмъ не вызванной, такъ какъ законы умственнаго развитія не требуютъ такой группировки книгъ. Естественно—разумной группировкой ихъ служить дѣленіе по содержанію, по темѣ, по идеѣ.

Такимъ образомъ — основныя положенія этого очерка сводятся къ слѣдующему:

1. Для дѣтей и для начинающихъ малограмотныхъ читателей — книги должны быть однѣ и тѣ же.

2. Содержаніе ихъ по преимуществу — быль. Басня, сказка имѣютъ смыслъ, только какъ символы дѣйствительности.

3. По языку и формѣ изложенія дѣтскія книги должны быть доступны неподготовленному читателю, но совершенно объективны, безъ слащавости, сюсюканія и пр.

4. Количество книгъ для дѣтскаго чтенія должно быть минимальнымъ, чтобы возможно было воспользоваться свободнымъ временемъ для чтенія самымъ экономнымъ и продуктивнымъ образомъ.

5. Система чтенія должна соотвѣтствовать, въ видѣ трехъ концентровъ, — тремъ ступенямъ развитія: 1) знакомство съ окружающею природою, 2) знакомство съ природою вообще и 3) знакомство съ человѣкомъ — какъ съ индивидуумомъ и гражданиномъ.

6. Для чтенія дѣтей, взрослыхъ, въ цѣляхъ самообразованія, долженъ быть составленъ *минимальный нормальный* каталогъ съ тремя вышеуказанными отдѣлами.

Для примѣра я привожу три списка книгъ.

Дошкольный возрастъ.

Для дѣтей дошкольнаго возраста можно рекомендовать въ качествѣ образовательнаго матеріала, главнымъ образомъ, въ качествѣ пособія для бесѣдъ:

Альбомы картины съ надписями, стихами, діалогами и пр.

Картины эти должны знакомить съ міромъ животныхъ:

дикихъ — хищныхъ, травоядныхъ, птицъ, пресмыкающихся и пр.

домашнихъ — четвероногихъ, птицъ;

съ міромъ растений — *дикихъ* и *культивируемыхъ*;

съ явлениями природы: гроза, дождь, свѣтъ, радуга и пр.

Чтеніе по такимъ альбوماмъ должно непременно сопровождаться объясненіями руководителей воспитанія.

Для дальнѣйшихъ и болѣе систематическихъ бесѣдъ рекомендуется:

Красное Солнышко, Горбуновъ-посадовъ,

Дѣтскій міръ, II годъ. Ушинскій, въ которомъ особенное вниманіе обращать на дѣтскія воспоминанія;

Четыре выпуска — Священная Исторія, Русская Исторія, Міръ животныхъ и Міръ растений — съ прекрасно выполненными картинками, по 1 р. 50 к. изд. Вольфъ.

Матеріаль для самостоятельнаго чтенія дѣтей дошкольнаго возраста можетъ быть раздѣленъ на три отдѣла: 1. Окружающая Природа, 2. Люди, 3. Трудъ.

Рекомендуются слѣдующія книги:

А. Окружающая Природа. *Міръ животныхъ.*

1. Маминъ Сибирякъ. Аленушкины Сказки. Изд. „Дѣт. Чт.“	75 коп.
2. Масонъ. Пушкинъ и Пушкина	10 „
3. Засодимскій. Ужасное несчастье	10 „

4. Авенариусъ. Сказка о Пчелѣ Мохнаткѣ	50 коп.
5. Богдановъ. Мышка	8 "
6. Терешкевичъ. Дядя Чернышъ	50 "
7. Маминъ Сибирякъ. Разказы и сказки: 1-й вып.	40 "

Неорганический міръ.

8. Коровинъ. Двѣ капли	75 "
----------------------------------	------

Б. Люди *).

9. Пословицы, притчи и басни, изд. Слѣпцовой, № 31	10 "
10. Крульмахеръ. 20 притчъ	10 "
11. Горбуновъ-Посадовъ. Жить—любви служить, изд. „Поср.“	8 "
12. „ „ Король Кануть и др. р. изд. „Поср.“	2 "
13. „ „ Мудрецъ Соловъ и др. р. изд. „Поср.“	3 "
14. Черствые люди, изд. Слѣпцовой, № 86	5 "
15. Конце. Невѣрная жена и др. р. изд. „Поср.“	1 1/2 "

В. Трудъ.

16. Горбуновъ-Посадовъ. Земля Кормилица. Изд. „Поср.“	10 "
17. Рубакинъ. Знаменитые русскіе работники, изд. Сената	5 "
18. „ Двѣнадцать русскихъ работниковъ, изд. Сената.	5 "
19. Яхонтовъ. Приключенія Робинзона Крузо	12 "

На сумму . . . . . 3 р. 90 коп.

Принимая во вниманіе, что до 10-ти-лѣтняго возраста дѣти самостоя-
тельно могутъ читать только около года, къ тому же изрѣдка,—полагаю, что
указанное количество книгъ для дѣтей дошкольнаго возраста можно считать
нормальнымъ.

Второй курсъ.

А. Жизнь животныхъ.

1. Андерсенъ. Гадкій утенокъ, изд. Клюкина	5 коп.
2. Томпсонъ. Маленькій герой	20 "
3. „ По слѣдамъ оленя	30 "
4. „ Рогачъ	35 "
5. „ Степной волченекъ	25 "
6. „ Хромушко медвѣженекъ	10 "
7. „ Лобо, король Коромпо	15 "
8. „ Жизнь сѣраго медвѣдя	35 "
9. Уйдъ. Нелло и Патрашъ, изд. „Поср.“	1 1/2 "
10. Короленко. Пріемышъ, изд. Д. Р.	2 "
11. Маминъ Сибирякъ. Постойко, „Издат.“	3 "

*) Рекомендуется только для начала чтенія взрослыхъ-слабограмотныхъ.

12. Киплингъ. Разсказы. Два вып. по 40 коп.	80 коп.
13. Сливичкій. Лиса Патрикѣвна, Фреб. 0-во	50 "
14. Крыловъ. Басни, „Кн. за кн.“	25 "
15. Щедринъ. Сказки	1 р. 50 "

Б. Жестокость.

16. Достоевскій. Мальчикъ у Христа на елкѣ.	5 "
17. Диккенсъ. Скрыга Скруджъ, изд. Клюкина	15 "
18. Гринвудъ (по). Маленькій оборвышъ, изд. „Посред.“	3 "
19. Вересаевъ. Страшная смерть невиннаго человѣка, „Хар. 0-во“	4 "
20. Темный. Сироткинъ, изд. Д. Р.	3 "
21. Бекетова. Два міра, изд. Алексѣева.	35 "
22. Михайловъ. За предѣлами исторіи	30 "
23. Рони. Вамирѣхъ—человѣкъ Каменнаго вѣка „Всх.“	25 "

Война.

24. Лукашевичъ. Воспоминанія часового мастера, изд. „Поср.“	3 "
25. Веселовская (съ нѣм.). Подъ выстрѣлами	3 "
26. Подарокъ пруссакъ	2 "
27. Побѣдитель, Кн. за кн.	10 "
28. Гаршинъ. Четыре дня на полѣ сраженія „С. П. Бур. Ком. Гр.“	3 "
29. Война. Разсказъ дяди Жоржа. „Биб. для чт.“	45 "
30. Клейнъ. Подъ громомъ пушекъ. „Биб. для юн.“	80 "

2 р. 66 коп.

В. Состраданіе.

31. Вѣдныя люди (по Гюго), изд. „Поср.“	2 коп.
32. Безродная. Великодушный Галиафъ и смерть Шарика. изд. „Поср.“	3 "
33. Гаршинъ. Сигналъ. „Поср.“	1 ² / ₈ "
34. Тургеневъ. Муму, изд. Глазун.	10 "
35. „ Перепелка, изд. Глазунова	5 "
36. Принцъ-Калѣка. „Поср.“	3 "
37. Полушинъ. Исай. „	3 "
38. Рубакинъ. Испытаніе доктора Исаака, изд. Жирк.	5 "
39. Некрасовъ и Никитинъ, сб. стих., изд. Д. Р.	4 "
40. Надсонъ и др. „ „ „ „ „ „	3 "

Г. Трудъ и самостоятельность.

41. Засодимскій. Ринальдово счастье	20 "
42. Лабуле. Паша пастухъ „Поср.“	1 ⁸ / ₀ "
43. Чириковъ. Коля и Колька, изд. Д. Р.	2 "
44. Богдавовъ. Карпушкинъ Родникъ, изд. Калмык.	5 "

45.	Киплингъ. Смѣлые мореплаватели	1 р.	25 коп.
46.	Немиров.-Данченко. Федька Рудокопъ, изд. Тих.		50 "
47.	" " Самъ себѣ помогай	1 р.	25 "
48.	Короленко. Безъ языка		75 "
49.	Крандѣевская. Только часть, изд. Д. Р.		10 "
50.	Женская доля. Сб. стих. изд. Вят. т ва		10 "
51.	Несчастные " " Орѣхова " "		6 "
52.	Послѣднее слово, изд. Орѣхова		10 "
53.	Елпатьяевскій. Служащій. „Биб. для всѣхъ“		10 "
54.	Потапенко. Рѣдкій праздникъ. „Биб. для всѣхъ“		10 "
55.	Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ. „Знаніе“		65 "
56.	Жор. Зандъ. Великанъ Геусъ. С. П. В. Ком. Гр.		5 "
57.	Коношницкая. Мендель Гданскій, „Поср.“		3 "
58.	Слѣпцовъ. Гуттенбергъ-изобрѣтатель книгопечатанія.		5 "
59.	Фультонъ и Стефенсонъ „Обществ. Польза“		15 "
60.	Тризна. Гусь и Лютеръ. Харьк. О-во		5 "
61.	Сысоева. Жизнь Джемса Гарфильда		60 "
62.	Валуева. Авраамъ Линкольнъ		20 "
63.	Валуева. Джордж Вашингтонъ		10 "

6 р. 96 коп.

Д. Исторія.

64.	Ив. Митропольскій. Разсказы про съдую старину, изд. Клюк.		30 коп.
65.	Деполовичъ. Витязи сѣвера „Кн. за кн.“		30 "
66.	Гранстремъ. Синее знамя. Ист. Р. время наш. монголовъ		50 "
67.	И. И. Ивановъ. Изъ исторіи Москвы. „Биб. для чт.“		30 "
68.	Лермонтовъ. Пѣсня про купца Калашникова, изд. Павл.		3 "
69.	Толстой. А. Князь Серебряный, изд. Стас.	1 р.	50 "
70.	Гоголь. Тарасъ Бульба. „Нар. Польза“		18 "
71.	Пушкинъ. Капитанская дочка изд. Сыт.		10 "
72.	Толстой. Л. Разсказы о Севастопольской оборонѣ, изд. Аскарих.		10 "
73.	Авенаріусъ. Передъ разсвѣтомъ, изд. Луков.	1 р.	25 "
74.	А. О. Крѣпостное право, изд. Орѣх.		10 "
75.	Острогорскій В. Изъ міра великихъ преданій, изд. Лук.		75 "
76.	Египетъ. „Кн. за кн.“		15 "
77.	Царь Дарій и его царство		15 "
78.	И. И. Ивановъ. Разсказы о старинѣ. Халдеи		30 "
79.	Дукьянская. Три тысячи лѣтъ тому назадъ		40 "
80.	Засодимскій. Рыжій графъ. „Изд.“		15 "
81.	Рубакинъ. Подъ гнетомъ времени, изд. Сыт.		35 "
82.	" Вѣчная слава		75 "
83.	Королева шведская (по Зенсену) „Кн. за кн.“		10 "
84.	Бульверъ. Король Герольдъ. " " "		50 "
85.	Быковой. Вильгельмъ Оранскій, изд. Мур.		10 "

86. Дѣва Орлеанская „Кн. за Кн.“	10 коп.
87. Русовой. Гарибальдйцы, изд. „Д. Р.“	4 „
88. Ф. Гра. Марсельцы	35 „

---

8 р. 85 коп.

Е. Природа вообще.

89. Корочевскій (по Э. Реклю). Ручей и его исторія „Биб. для чтенія“	50 коп.
90. Э. Реклю. Исторія горы, изд. Тихом.	50 „
91. По Эману и др. Исторія крупинки соли, изд. Иванова.	60 „
92. Рубакинъ. Разказы о жаркой странѣ, изд. Герш.	40 „
93. „ Приключенія двухъ кораблей, изд. Алексѣева.	25 „
94. Мечъ. Географическіе этюды	1 р. —
95. Лувкевичъ. Земля, „Науч. Поп. Биб.“	8 „
96. „ Небо и звѣзды. „Науч. Поп. Библ.“	8 „
97. „ Громъ и молнія. „ „ „ „	12 „
98. „ Жизнь въ каплѣ воды. „Науч. Поп. Библ.“	8 „
99. „ Землетрясенія и огнедышашія горы „	16 „
100. „ Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ.	16 „
101. Тайный порокъ. Изд. „Поср.“	15 „
102. Давидсонъ. Борьба въ природѣ. Изд. Терентьева	10 „

Ж. Народы и ихъ стремленіе къ идеалу.

103. Мечъ. Россія	1 р. —
104. Рубакинъ. Путешествіе двухъ турукъ, изд. Герш.	65 „
105. Швейцарія. Харьк. о-во	5 „
106. Судья предъ судомъ „Кн. за Кн.“	7 „
107. Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца	20 „
108. Быкова. Сѣверо-Америк. Соед. Штаты.	50 „
109. Пшоке. Дѣлатели золота. О-во расп. п. кн.	25 „
110. Лабуле. Парижъ въ Америкѣ, Ледерле	1 р. —
111. Бульверъ. Грядущая раса, изд. Павл.	50 „
112. Монтегасца. Будущее человѣчество, изд. Павл.	40 „

Вся библіотека второго курса на сумму . . . 32 р. 54 коп.

Кстати считаю нужнымъ порекомендовать для родителей и воспитателей книги и статьи, которыя значительно помогутъ понять дѣтскую природу.

1. Руфини. Лоренцо Венони, изд. Чаруш. 1 р.
2. Короленко. Ночью, изд. „Д. Р.“. 5 к.
3. Потапенко. Проклятая слава. 10 к.
4. Чириковъ. Маленькій грѣшникъ, изд. „Д. Р.“. 2 к.
5. Гаринъ. Дѣтство Темы.
6. Толстой, Л. Дѣтство и отрочество.
7. Записки частнаго домашняго учителя. „Рус. Шк.“ 1903 г.
8. Русскіе писатели о вопросѣ воспитанія. „Рус. Шк.“ 1904 г.
9. Что читаетъ учащаяся молодежь. „Міръ Божій“ 1903 г.

26. Ежъ. На Разсвѣтъ.	60 коп.
27. Войничъ. Оводъ.	1 р. 30 "
28. Тарле. Парнель. Изд. „М. Б.“.	1 „ 30 "
29. „ Ирландія. Наканунъ аграр. реформъ. М. Б. 1904	(1 р.) — "
30. Каутскій. Противорѣчіе классовыхъ интересовъ *).	20 "
31. „ Общественно историч. очерки. Изд. Малыхъ.	20 "
32. Гиддинсъ. Основы социологіи изд. „Книжное Дѣло“.	1 р. —

Г. Война—какъ государств. право (Исторія).

33. Золя. Кровь. Изд. Д. С.	20 "
34. Зутнеръ. Долой Оружіе. Изд. Павл.	80 "
35. Горб. Посадовъ. Братскія Пѣсни	5 "
36. Пѣсни Мира. Изд. Дон. Р.	2 "
37. Руд. фонъ Зеринъ. Борьба за право. Изд. Юров.	15 "
38. Постъ. Зачатки государств. и правовыхъ отношеній	60 "
39. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собственности и государства.	50 "
40. Каутскій. Национальность нашего времени. Изд. Львовича.	10 "
41. Крыловъ. Господинъ Великій Новгородъ. „Кн. за кн.“.	25 "
42. Князьковъ. Иванъ Грозный.	15 "
43. „ Какъ сложилось и пало крѣпостное право.	15 "
44. „ Какъ начался расколъ	35 "
45. Алексѣевъ. Римскіе соборы. Изд. „Д. Р.“	15 "
46. Строевъ. Очерки Государства Москов. Изд. „Д. Р.“	15 "
47. Кизеветтеръ. Протопопъ Аввакумъ. „ „ „	8 "
48. „ Изъ исторіи законодат. въ Россіи въ XVII—XIX в.	15 "
49. „ Русское Общество въ XVIII в.	15 "
50. „ Девятнадцатый вѣкъ	15 "
51. „ Кузнецъ гражданъ	15 "
52. Рожковъ. Учебникъ Исторіи	60 "
53. Милюковъ. Очерки Русской Культуры 3 вып.	3 р. 50 "
54. Русова. Друзья Римскаго народа братья Грахли. „Д. Р.“	3 "
55. А. П. Изъ Исторіи Государства Афинскаго. Изд. „Раппъ и П.“	7 "

Д. Трудъ—основа общественнаго блага. (Политическая экономія).

56. Вересаевъ. Конецъ Андрея Ивановича	50 коп.
57. Конради. Черные богатыри. Изд. „Павл.“	1 р. — "
58. Купринъ. Молоть, изд. „Д. Р.“	22 "
59. Франко. Въ потѣ лица. Изд. „Орѣх.“	1 р. 50 "
60. Золя. Углекопы. Изд. Поповой	1 „ — "
61. „ Трудъ	1 „ — "
62. Гауптманъ. Ткачи	1 „ — "

*) Лучше—Туганъ-Барановскаго „Борьба классовъ“, если выйдетъ отд. изданіемъ. („М. Б.“).

63. Ширардъ. Бѣлые рабы въ Англіи. Изд. „Поср.“	50	коп.
64. Шиппель. Современная бѣдность и соврем. перенаселе- ніе „Дор. и Чар.“	1 „ 25	„
65. Пѣсни Труда. Д. Р.	5	„
66. Некрасовъ и Никитинъ. сб. стих. „Д. Р.“	4	„
67. Поступаевъ. Пѣсни рабочей жизни, „Д. Р.“	10	„
68. Карышевъ. Экономическіе очерки, „Д. Р.“	20	„
69. Исаевъ. Начало Политической Экономіи	3 „ 50	„
70. Ивановковъ. Исторія экономическихъ ученій	1 „ 50	„
71. Генр. Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность	2 „ —	„

Е. Стремленіе къ счастью. (Цивилизація).

72. Вересаевъ. Звѣзда. Д. Р.	1 1/2	„
73. Буяинъ. Надъ городомъ „	1	„
74. Гудковъ. Уріель Акоста. Изд. Дедерле	40	„
75. По Ибсену. Докторъ Штокманъ. „Кн. за Кн.“	30	„
76. Рубакинъ. Вѣчная Слава	75	„
77. Наумовъ. Умалишенный	8	„
78. Лабуле. Парижъ въ Америкѣ	1 „ 25	„
79. Везантъ. Тайны богатой наслѣдницы. Изд. „М. В.“ . .	80	„
80. Беллами. Черезъ сто лѣтъ. Изд. „Павл.“	1 „ —	„
81. Мордовцевъ. Знаменіе времени. Изд. „Орѣх.“	2 „ —	„
82. Ачкасовъ. Пѣсни о волѣ	75	„
83. Водовозова—Нѣмцы	40	„
84. „ Англичане	40	„
85. „ Швейцарцы	40	„
86. „ Турки	40	„
87. Василевскій. Современная Галиція. Дор. и Чар. . . .	80	„
88. Курціановъ. Современная Бельгія. Изд. Мурин. . . .	75	„
89. Мижусевъ. Передовая демократія современнаго міра . .	1 „ 50	„
90. Порекло. „Земля и человѣкъ. Изд. Поп.	10	„
91. Густ. де Бонъ, Эволюція цивилизацій. Изд. Юров. . . .	50	„
92. Летурно. Прошедшее и будущее литературы. Изд. Юр. . .	20	„
93. Тэйлоръ. Антропология. Изд. Поп.	2 „ —	„
94. Дюкурдэ. Исторія цивилизацій. Изд. Тихом. 2 вып. . . .	2 „ 50	„
95. Дрэперъ. Исторія умственного развитія Европы. Изд. Юган. .	1 „ 50	„

Ж. Въ чемъ смыслъ жизни. (Психологія и философія).

96. Дмитріева. Въ поискахъ за безсмертіемъ. Д. Р.	3	„
97. Нирвана.—Буддійское сказаніе. Изд. „Поср.“	30	„
98. Натанъ Мудрый	70	„
99. Вересаевъ. Повѣтріе. Д. Р.	5	„
100. Чеховъ. Палата № 6	25	„
101. Цигенъ. Мозгъ и душа, изд. Малыхъ	10	„
102. Ланге. Эмоція „Книжное дѣло“	30	„
103. Фел. Томъ. Внушеніе. Изд. „Байкова“	40	„
104. Д-ръ Мебіусъ. Нервная система человѣка. Изд. Юровс. . .	15	„

105. Д-ръ Мебіусъ Болѣзни нервной системы	15	коп.
106. Крживицкій. Генезисъ идей. Изд. Малыхъ	10	"
107. " Распространеніе идей "	10	"
108. Овсянко-Куликовскій. Языкъ и искусство. Изд. Юров.	20	"
109. Гюйо. Принципы искусства и поэзіи " "	20	"
110. Рибо. Эволюція общихъ идей. „Книж. дѣло“	80	"
111. Льюисъ. Исторія философіи. Изд. Герасимъ.	3	" — "
112. Мензисъ Исторія религій	1	" 50 "
113. Гефдингъ. Философія религіи	1	" 50 "

И. Человѣкъ стемится жить и знать. (Реализмъ).

114. Горькій. Макарь Чудра. Изд. Малыхъ.	10	"
115. " Старуха Изергиль "	10	"
116. Давилинъ. Наслоенія. Изд. „Вятск. Т-ва“	6	"
117. Дмитріева. Митюха учитель. Изд. Роп. п. Пот.	25	"
118. Байронъ. Каинъ. Изд. Сув.	25	"
119. Гексли. Введеніе въ науку. „Науч. Образ. Библ.“	20	"
120. Неймайръ. Корни животнаго царства " "	40	"
121. Реформатрій. Химія и жизнь природы. Изд. „Пед. О-во“	20	"
122. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ. Изд. Орѣхъ.	1	" — "
123. Гельмгольцъ. Взаимодѣйствіе силъ природы	25	"
124. Фламмаріонъ. Общедоступная астрономія	75	"
125. Клейнъ. Астрономическіе вечера. „Знаніе“	2	" — "
126. Бункевичъ. Исторія земли. „Науч. Образ. Библ.“	28	"
127. Агафоновъ. Прошлое и настоящее земли. Изд. Павл.	2	" — "
128. Лувкевичъ. Популярная біологія. Изд. „Павл.“	2	" — "
129. Уоллесъ. Чудесный вѣкъ. " "	1	" 50 "
130. Кам. Дрейфусъ. Мировая и социальная эволюція. Изд. Ботк.	1	" 50 "
131. Словарь Павленкова	3	" — "

Стоимость библіотечки около 100 р.

П. Казанцевъ.

Хроника профессиональнаго образованія.

Въ комиссіи по техническому образованію Московскаго Отдѣленія Императорскаго Техническаго Общества. — Съѣздъ инспекторовъ торговыхъ школь. — Сельско-хозяйственное образованіе. — Новая техническая школа и рисовальные курсы въ Варшавѣ.

29 декабря въ Москвѣ состоялось первое засѣданіе состоящей при московскомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго техническаго Общества постоянной комиссіи по техническому образованію для обсужденія вопросовъ школьнаго и вышешкольнаго образованія. Занятія должны были закончиться 31 декабря, но послѣ первого же засѣданія они закрылись по независимымъ отъ комиссіи обстоятельствамъ. Занятія открылись рѣчью предсѣдателя К. Б. Мазинга, который, по словамъ „Рус. Вѣд.“, между прочимъ отмѣтилъ, что

вопросъ объ образованіи взрослыхъ рабочихъ возникъ въ техническомъ Обществѣ съ самаго его основанія и интересуетъ его членовъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Въ послѣдніе мѣсяцы началось проявленіе довѣрія со стороны правительства къ общественнымъ силамъ, и работа пошла энергичнѣе коллективными, а не отдѣльными силами. Далѣе предсѣдатель разъяснилъ порядокъ занятій комиссіи. Въ томъ же засѣданіи было заслушано комиссіей нѣсколько докладовъ. Въ первомъ изъ нихъ *Н. В. Тулуновъ* сдѣлалъ сообщеніе объ организаціи при комиссіи постоянного справочнаго бюро по школьному и вѣтшкольному образованію. Осенью одинъ изъ членовъ комиссіи вошелъ въ нее съ докладомъ о необходимости расширенія ея дѣятельности созданіемъ справочнаго бюро по школьному и вѣтшкольному образованію взрослыхъ. Мотивами къ учрежденію такого бюро послужило то, что непосредственная дѣятельность комиссіи по учрежденію школъ для взрослыхъ тормозится различными стѣснительными правилами, установленными для ихъ разрѣшенія; если не мало случаевъ, когда школы не разрѣшались, то еще болѣе случаевъ, когда не утверждался предназначенный для нихъ преподавательскій персоналъ. У членовъ комиссіи возникла мысль о расширеніи ея просвѣтительной дѣятельности косвеннымъ путемъ. По просьбѣ комиссіи редакторъ „Записокъ“ московскаго отдѣленія техническаго Общества В. А. Ржевскій изъявилъ согласіе выдѣлить въ журналѣ особый отдѣлъ для вопросовъ школьнаго и вѣтшкольнаго образованія взрослыхъ, и комиссія имѣетъ, такимъ образомъ, теперь свой печатный органъ. Другимъ мотивомъ къ учрежденію справочнаго бюро послужило то, что Россія переживаетъ въ настоящее время такой историческій моментъ, когда образованіе взрослыхъ рабочихъ требуетъ особеннаго вниманія и напряженія силъ. Учреждаемое бюро имѣетъ своею задачей: 1) устроить справочную бібліотеку книгъ, брошюръ и другихъ изданій, касающихся образованія взрослыхъ, собраніе свѣдѣній о современномъ состояніи образовательныхъ учреждений для взрослыхъ; 2) давать отвѣты на различныя справки и запросы, касающіеся образованія взрослыхъ, издавать справочныя книги и руководства, устраивать выставки и музеи наглядныхъ и другихъ пособій, имѣющихъ отношеніе къ образованію взрослыхъ, и разрабатывать проекты желательныхъ измѣненій въ существующихъ положеніяхъ и правилахъ образовательныхъ учреждений для взрослыхъ. Ставя себѣ столь широкія задачи, бюро надѣется на содѣйствіе всѣхъ лицъ и учреждений, занимающихся образованіемъ взрослыхъ. Программу дѣятельности бюро предполагалось обсудить въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій комиссіи. Когда въ комиссіи шель вопросъ объ учрежденіи бюро, то высказано было три мнѣнія: 1) предъ русскимъ обществомъ стоитъ теперь одинъ давно наболѣвшій вопросъ—объ устраненіи препятствій къ широкому развитію его самостоятельности, и разрѣшенію этого вопроса должно содѣйствовать и Техническое Общество; 2) какіе бы коренные общественные вопросы ни стояли на очереди, вопросъ объ образованіи рабочихъ никогда не долженъ сходить со сцены; 3) у дѣятелей народнаго образованія стоитъ множество преградъ для развитія ихъ дѣятельности, и масса силъ уходитъ теперь не на созидательную работу, а на устраненіе этихъ преградъ и препятствій, и когда они исчезнутъ, освободится много силъ для созидательной работы. Комиссія рѣшила устроить настоящее засѣданіе, чтобы совместно съ силами, работающими въ провинціи на поприщѣ народнаго образованія, разрѣшить эти вопросы. Будемъ надѣяться, что наши работы не останутся безплодными, что вопросы, которые здѣсь будутъ выяснены, получатъ свое примѣненіе въ практической жизни, и что

близокъ день, когда интеллигенція наша получить возможность широко примѣнить свои силы на служеніе многомилліонной народной массѣ и начесть уплачивать ей свой долгъ.

Въ другомъ докладѣ *Н. В. Касаткинъ* прочелъ рефератъ о дѣятельности технической комиссіи по образованію взрослыхъ. Утвержденный въ 1866 году уставъ Императорскаго технического Общества предоставляетъ ему довольно широкія права и преимущества. Подъ напоромъ неблагоприятныхъ условій прекратилась дѣятельность комитетовъ грамотности петербургскаго и московскаго и Вольнаго Экономическаго Общества, но русское Техническое Общество, благодаря особенностямъ своего устава, уцѣлѣло. Въ 1882 году Общество получило право устраивать при заводахъ, фабрикахъ и въ населенныхъ фабричными рабочими пунктахъ спеціальныя и общеобразовательныя школы и курсы для малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ, причемъ эти школы и курсы управляются совѣтомъ лицъ, избираемыхъ Техническимъ Обществомъ, и подвергаются широкому контролю Общества. Лица и учрежденія, дающія средства на содержаніе школъ и курсовъ, также пользуются правомъ наблюденія за ходомъ въ нихъ дѣла. Выборъ преподавателей зависитъ отъ постоянной комиссіи по техническому образованію. Различныя типы такихъ школъ могутъ быть приспособлены къ различнымъ требованіямъ промышленности. Вслѣдствіе этого просвѣтительная дѣятельность комиссій по техническому образованію стала распространяться, и при многихъ провинціальныхъ отдѣлахъ Общества также стали образовываться комиссіи по распространенію образованія среди рабочихъ. Московская комиссія открыла школы для рабочихъ при фабрикахъ Карла Тилиа, Гюбнера и Пречистенскіе классы. Постоянная петербургская комиссія имѣетъ 50 просвѣтительныхъ учрежденій для рабочихъ съ 6.431 учащимися при бюджетѣ въ 190 тыс. руб. Московская комиссія располагаетъ 7-ю учрежденіями съ 1.265 учащимися при бюджетѣ въ 15.970 руб. Въ Одессѣ—три учрежденія съ 252-мя учащимися и бюджетомъ въ 3 тыс. руб., въ Кіевѣ—три учрежденія съ бюджетомъ въ 22.314 руб., въ Саратовѣ одно учрежденіе съ 112-ю учащимися, Иваново-Вознесенскѣ одно учрежденіе съ 182-мя учащимися. Всего при русскомъ Техническомъ Обществѣ—65 учрежденій для образованія рабочихъ съ 8¹/₂ тыс. учащимися и бюджетомъ свыше 200 тыс. Съ какою симпатіей относятся сами рабочіе къ ихъ образованію, ярко свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что подъ Петербургомъ ученики-рабочіе смоленскихъ классовъ устроили ежегодную подписку на содержаніе этихъ классовъ, изъ которой составилъ капиталъ до 15 тыс. руб. Кромѣ того дѣятельность комиссій по техническому образованію выражалась въ выработкѣ положеній, плановъ, программъ для различнаго рода просвѣтительныхъ учрежденій, между прочимъ, для петербургскаго политехникума и проектируемаго въ Москвѣ электротехническаго института и для трехъ съѣздовъ по техническому и профессиональному образованію. Дѣятельность эта была бы еще шире, если бы комиссія пользовалась большимъ довѣріемъ. Много трудовъ комиссіи уничтожено, немало школъ не разрѣшено къ открытію, какъ, напримѣръ, проектировавшіяся школы ювелирнаго дѣла, электро моторнаго и пр. Что же касается утвержденія преподавателей, зависящаго отъ директора народныхъ училищъ, то въ этомъ отношеніи существуетъ немало препятствій, и часто бывало, что лица, извѣстныя своей педагогической дѣятельностью, занимааясь довольно значительное время въ школахъ Общества, устранились отъ этихъ занятій бумагой директора, гласящей: „не нахожу возможнымъ утвердить“. Для расширенія просвѣтительной дѣятельности Обще-

ства докладчикъ указалъ на слѣдующія мѣры: 1) необходимо предоставить Императорскому русскому Техническому Обществу право явочнаго открытія просвѣтительныхъ учреждений; 2) необходимо предоставить Обществу право утвержденія и опредѣленія учащихся, инспекторовъ специальныхъ предметовъ и инспекторовъ отдѣльныхъ школъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ Общество осуществляетъ допущеніе къ преподаванію. На первомъ же засѣданіи были заслушаны доклады: П. П. Корженевского о III-мъ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію, З. С. Мироячъ „Передвижныя школы для взрослыхъ“, В. С. Костроминой „О воскресныхъ школахъ“, Н. В. Чехова „Земскіе книжные склады, ихъ организація и просвѣтительная дѣятельность“, П. Ф. Кудрявцева „О народныхъ библіотекахъ“ и докладъ Э. О. Вахтеревой о народныхъ библіотекахъ. Остальные доклады, въ числѣ около 15-ти, не были заслушаны за прекращеніемъ занятій комиссіи.

Одновременно съ занятіями комиссіи при московскомъ отдѣленіи Техническаго Общества въ С.-Петербургѣ состоялось открытіе съѣзда инспекторовъ торговыхъ школъ. По этому поводу „Торг. Промыш. Газ.“ напоминаетъ, что за время своего короткаго существованія торговыя школы получили быстрое и успѣшное развитіе, наглядно и несомнѣнно указывающее на ихъ жизненную пригодность, если принять въ соображеніе, что казна не участвовала въ ихъ созданіи. Дѣло созиданія, такимъ образомъ, обуславливалось сочувствіемъ различныхъ обществъ и частныхъ лицъ, а гибкость и эластичность существующаго типа торговой школы способствовала ихъ распространенію и развитію, такъ что съ 1896 г. по настоящее время уже открыто 66 торговыхъ школъ, въ которыхъ успѣло окончить до 1.000 молодыхъ людей и до 10.000 находится въ настоящую минуту въ ихъ стѣнахъ. Въ виду такого быстрого распространенія низшаго коммерческаго образованія, Министерство финансовъ пришло къ заключенію, что настала пора обмѣняться мыслями и впечатлѣніями въ цѣляхъ живой освѣдомленности о томъ, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и районахъ сдѣлано, отнюдь, однако, не имѣя въ виду трудами совѣщанія придти къ какому-либо шаблону школъ и тѣмъ самымъ стѣснить свободное развитіе торговыхъ школъ, одного изъ любимыхъ дѣлѣній министерства финансовъ, по выраженію товарища министра т. с. В. И. Тимирязева. До сихъ поръ не было никакихъ совѣщаній по вопросу о постановкѣ коммерческаго образованія въ торговыхъ школахъ, за исключеніемъ III съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи, на засѣданіяхъ котораго вопросу о торговыхъ школахъ уделено было слишкомъ мало времени. Трудами настоящаго совѣщанія можетъ быть заполненъ этотъ пробѣлъ, и живой обмѣнъ мыслей между дѣятелями коммерческаго образованія несомнѣнно приведетъ къ результатамъ, которые окажутъ еще болѣе благотворное вліяніе на развитіе и распространеніе низшаго коммерческаго образованія въ торговыхъ школахъ. Особая черта послѣдняго именно и заключается въ томъ, что торговыя школы, какъ учебныя заведенія профессиональныя, выпускаютъ своихъ учениковъ прямо въ жизнь; поэтому важный интересъ приобретаетъ вопросъ о томъ, насколько подготовлены къ жизненной борьбѣ эти 1.000 человекъ, которые успѣли окончить курсъ торговой школы. Въ высшей степени важный и цѣнный матеріалъ для характеристики учебнаго строя современной торговой школы представляютъ полученныя посредствомъ опросныхъ листовъ свѣдѣнія относительно распределенія учебныхъ предметовъ по классамъ, общаго числа недѣльныхъ уроковъ

и числа учебных часовъ, назначенныхъ въ каждомъ классѣ на тотъ или другой предметъ. Во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ педагогическіе комитеты торговыхъ школъ до сихъ поръ, какъ извѣстно, пользовались самой широкой свободой, распредѣляя учебныя занятія сообразно съ наличными условіями и съ своимъ собственнымъ разумѣніемъ относительно важности отдѣльных составныхъ частей школьнаго курса. Изъ отдѣльныхъ таблицъ распредѣленія школьныхъ занятій можно ясно представить себѣ, какъ осуществлена и примѣнена на практикѣ эта свобода и какъ велико существующее въ настоящее время разнообразіе въ учебныхъ планахъ торговыхъ школъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что между послѣдними не найдется двухъ, вполне согласныхъ одна съ другой въ порядкѣ и продолжительности учебныхъ занятій по каждому предмету.

Едва-ли кто станетъ оспаривать, что эта, столь ярко проявленная гибкость и эластичность учебного строя низшихъ коммерческихъ школъ должна быть отнесена къ числу благотворительнѣйшихъ условій, сообщившихъ работамъ по учебной организаціи этихъ школъ, въ первую пору ихъ существованія, характеръ живото педагогическаго дѣла. Но признавая всю цѣлесообразность такого положенія въ прошломъ, трудно отказаться отъ мысли о благовременности въ настоящемъ, по истеченіи 8 лѣтъ, воспользоваться плодами приобрѣтеннаго опыта для устраненія нѣкоторой розни, указанной ранѣе. Разумѣется, вопросъ можетъ быть только о выработкѣ „примѣрнаго учебнаго плана“, а отнюдь не „шаблона“ для торговыхъ школъ, причемъ этотъ вопросъ приобрѣтаетъ особенный интересъ, если разсматривать его въ связи съ вопросомъ, при какихъ условіяхъ и какимъ путемъ для окончившихъ курсъ торговой школы можетъ быть облегченъ доступъ къ среднему образованію.

Изъ доложенныхъ затѣмъ на сѣздѣ отчетовъ учебной дѣятельности торговыхъ школъ выясняется, что несмотря на то, что эти школы даютъ образованіе законченное, тѣмъ не менѣе до 25% окончившихъ курсъ стремятся продолжать свое образованіе въ средней школѣ. Такъ, напр., инспекторомъ торговой школы Императора Николая II. В. Н. Хведкевичемъ было доложено, что послѣдняя произвела уже 4 выпуска, причемъ изъ общей цыфры окончившихъ курсъ—95 человекъ—22 для продолженія своего образованія перешли въ среднюю школу, остальные же прямо приступили къ практической дѣятельности. Изъ нихъ большинство поступило въ торгово-промышленныя предпріятія конторщиками (34), писцами (10), корреспондентами (5) или занялись торговлей въ помощь своимъ родителямъ. По словамъ г. Хведкевича, точныя свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ получаютъ при посредствѣ основаннаго въ 1902 г. при торговой школѣ Императора Николая II общества взаимопомощи, окончившихъ торговыя школы въ С. Петербургѣ. Благодаря дѣятельности этого общества, основаннаго по инициативѣ докладчика, сохраняется и укрѣпляется связь между окончившими курсъ и ихъ школой. Выбѣстъ съ тѣмъ для опредѣленія качества дѣятельности окончившихъ курсъ дѣлались запросы ко всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, на службѣ у которыхъ находятся питомцы школы. На основаніи полученныхъ отвѣтовъ можно съ полнымъ безпристрастіемъ утверждать, что качество дѣятельности питомцевъ школы удовлетворяетъ со всѣхъ сторонъ тѣмъ учрежденіямъ, конторы и предпріятія, куда поступили бывшіе ученики. Далѣе изъ доклада П. Н. Кузнецкаго, инспектора кievской торговой школы (мужской), открытой въ 1897 г. и имѣвшей уже 5 выпусковъ, выяснились приблизительно тѣ же

результаты. Изъ 120 человѣкъ, окончившихъ школу, свыше 30% устроились въ банкахъ и правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Со стороны послѣднихъ питомцы школы характеризуются, какъ способные быстро ориентироваться, трудолюбивые, аккуратные и малотребовательные относительно вознаграждения работники. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. П. Н. Кузнецкаго, главная сила окончившихъ торговую школу въ жизненной борьбѣ—дешевизна. Были примѣры, что даже практиканты, оставаясь учениками торговой школы, продолжали въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ они работали лѣтомъ бесплатно ради коммерческой практики, свои занятія въ вечерніе часы, но уже за вознаграждение. Изъ этихъ краткихъ статистическихъ данныхъ выясняется, что торговые школы даютъ своимъ ученикамъ во всякомъ случаѣ удовлетворительную подготовку для жизненной практики и умѣло отвѣчаютъ на тѣ запросы, которые существуютъ въ настоящее время въ торгово-промышленной жизни. Другіе доклады по этому вопросу подтвердили собранію въ достаточной степени, что результаты достигнутые торговыми школами въ другихъ мѣстахъ и районахъ Россіи, приблизительно совпадаютъ съ ранѣе сообщенными выводами о дѣятельности торговыхъ школъ въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ. Собраніе выслушало доклады: Д. Г. Иванова, инспектора харьковской торговой школы, сдавшей 5 выпусковъ съ общей цифрой окончившихъ курсъ 92 человѣка, изъ которыхъ большинство служатъ въ торговыхъ предпріятіяхъ; затѣмъ Л. И. Янсонъ, инспекторъ частной торговой школы въ С. Петербургѣ сообщилъ данныя относительно выпусковъ своей школы въ теченіе 5 лѣтъ съ 1899 г. Послѣ доклада А. И. Соловьева, относительно саратовской торговой школы, имѣвшей 3 выпуска съ 1902 г., К. П. Варашкинъ, инспекторъ виленской торговой школы, сообщилъ, что въ находящейся въ его вѣдѣніи торговой школѣ замѣчается интересное отличіе отъ другихъ школъ, именно въ томъ, что большинство изъ воспитанниковъ стремится продолжить образованіе. То же явленіе, хотя и въ меньшей степени, замѣчается въ Варшавѣ, гдѣ, по словамъ г. Цвѣтковскаго, изъ 18 человѣкъ, окончившихъ курсъ въ первомъ выпускѣ, шестеро продолжаютъ образованіе.

Въ послѣднемъ докладѣ относительно кишиневской торговой школы Ф. Ф. Миллера изъ общаго числа окончившихъ свыше 30% рѣшило продолжать образованіе, остальные же 104 человѣка приступили къ практической дѣятельности. Такимъ образомъ во всѣхъ докладахъ отмѣчалась подготовленность къ жизни окончившихъ курсъ въ торговыхъ школахъ и на ряду съ этимъ проявлялось стремленіе продолжать свое образованіе въ среднемъ у 25% общаго числа питомцевъ этихъ молодыхъ учебныхъ заведеній.

Изъ отдѣльныхъ секцій комиссіей по преподаванію математики было выражено пожеланіе, чтобы коммерческая ариметика преподавалась отдѣльно отъ общей ариметики, и преподаваніе коммерческой ариметики было предоставлено преподавателю бухгалтеріи. Комиссія послѣ долгихъ преній относительно числа часовъ, потребныхъ для прохожденія общей ариметики и алгебры, пришла къ слѣдующему результату: желательно на оба эти предмета удѣлить въ недѣлю въ приготовительномъ классѣ 5 часовъ, въ первомъ—тоже 5 часовъ и во второмъ классѣ—2 часа. Коммерческую арифметику лучше всего начинать со второго класса, удѣляя для нея въ этомъ и въ третьемъ классѣ по 3 часа въ недѣлю. Что касается геометріи, то большинство высказалось за то, чтобы преподаваніе геометріи начиналось не съ приготовительнаго класса, какъ теперь, а съ перваго—и удѣлять на нее по два часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ. При прохожденіи курса геометріи

желательно, по мнѣнію комиссіи, наибольшее вниманіе удѣлить практическому приложенію геометріи, давая попутно ученикамъ элементарныя свѣдѣнія о землемѣріи и архитектурѣ. Затѣмъ особая комиссія обсуждала желательныя измѣненія и дополненія въ преподаваніи русскаго языка въ торговыхъ школахъ. Главное вниманіе комиссія обратила на способъ преподаванія грамматики, причѣмъ высказалась за то, чтобы грамматика преподавалась не схоластически, а путемъ ознакомленія учениковъ съ грамматическими свѣдѣніями при изученіи литературныхъ образцовъ. Диктантъ, какъ онъ теперь существуетъ, предложено совершенно уничтожить: вмѣсто диктовки полезнѣе заставлять учениковъ списывать съ книгъ. Наиболѣе же желательно приучить учениковъ самостоятельно работать, предлагая имъ для этой цѣли простыя темы для сочиненій. Для преподаванія русскаго языка, по мнѣнію комиссіи, необходимо въ недѣлю minimum 15—17 часовъ, распределенныхъ, напримѣръ, такъ: въ приготовительномъ классѣ — 6 ч., въ 1 кл. — 5 ч. и во 2 и 3 кл. по 3 часа.

По словамъ „Бирж. Вѣд.“, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ объ открытіи высшаго сельско-хозяйственнаго института. Первоначальный проектъ о преобразованіи историко-филологическаго института въ г. Нѣжинѣ въ сельско-хозяйственное учебное заведеніе теперь оставленъ, и мѣстомъ для учрежденія новаго института выбранъ г. Екатеринодаръ, Кубанской области. Войсковое начальство, вполне сочувствуя открытію сельско-хозяйственнаго института на Кавказѣ, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, обѣщало значительную денежную помощь, а городъ, съ своей стороны, безвозмездно предоставилъ для будущаго института большой участокъ земли.

Екатеринославское губернское земское собраніе, какъ сообщаетъ „Придн. Кр.“, разсматривало весьма важный вопросъ о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній среди сельскаго населенія. При этомъ управа рекомендовала или исходатайствовать у правительства безпроцентный кредитъ въ 300.000 руб. на 10 лѣтъ, съ погашеніемъ по 30.000 руб. въ годъ, и устроить низшія сельско-хозяйственныя школы въ Екатеринославскомъ, Новомосковскомъ, Бахмутскомъ, Славяно-сербскомъ и Мариупольскомъ уѣздахъ одновременно и вносить ежегодно на ихъ содержаніе около 68.000 рублей, а всего — 98.000 рублей въ годъ, съ погашеніемъ затратъ, или же открывать каждыя годъ по одной низшей сельско-хозяйственной школѣ въ одномъ изъ уѣздовъ губерніи. Въ первый годъ, при открытіи одной новой школы потребуются слѣдующія затраты: на содержаніе существующей верхнедѣпровской школы — 18.000 руб., на устройство новой — 60.000 руб. и на содержаніе ея — 10.000 руб., всего — 88.000 руб. Во второй годъ, при открытіи новой школы въ слѣдующемъ уѣздѣ, необходимо затратить на устройство новой школы (3-ей) — 60.000 рублей и на содержаніе трехъ школъ — 38.000 руб., а всего — 98.000 руб. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что одновременное устройство во всѣхъ уѣздахъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, при условіи безпроцентнаго займа въ 300.000 руб. у правительства, выгоды и скорѣе достигнеть цѣли, — распределяется сразу, равномѣрно по уѣздамъ, необходимыя тамъ низшія сельско-хозяйственныя школы. Управа проситъ, чтобы собраніе утвердило программу распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ гу-

бернии и уполномочило ее возбудить ходатайство передъ правительствомъ о займѣ губерскому земству 300.000 руб., безъ процентовъ, на 10 лѣтъ, съ уплатой ежегодно по 30.000 р. М. В. Родзянко, въ дополненіе къ прочитанному имъ докладу, прибавилъ сообщенный въ свое время отзывъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по поводу ходатайства объ открытіи при высшемъ горномъ училищѣ третьяго сельско-хозяйственного отдѣленія. Министерство, какъ извѣстно, отложило вопросъ до окончанія войны съ Японіей. Губернское земское собраніе одобрило предложеніе управы и постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о займѣ въ 300 тыс. руб.

Одесскія газеты сообщили, что Бессарабское губернское земское собраніе занято было между прочимъ, разрѣшеніемъ весьма сложнаго вопроса о выпавшемъ на его долю наслѣдствѣ. Дѣло въ томъ, что наслѣдованіе земствомъ богатаго имѣнія Сахарны по противорѣчивому завѣщанію Апостолопуло, обусловлено открытіемъ въ трехлѣтній срокъ школы винодѣлія, и одновременно имѣніе передано въ пожизненное владѣніе своей жены. Вопросъ этотъ рѣшился неожиданно счастливо. Гласный Богданъ заявилъ, что сестра его, вдова завѣщателя Апостолопуло, предлагаетъ безвозмездно подѣлить школу помѣщеніе, виноградникъ, питомникъ и 4 десятины земли подѣлить опытное поле; кромѣ того, она беретъ кормить питомцевъ и покрывать всѣ сверхсмытныя расходы. Избранная собраніемъ коммиссія въ одинъ день выработала типъ школы и слѣдующую сумму: единовременный расходъ—500 руб., ежегодный—2.300 руб. Собраніе, утвердивъ разработанный коммиссіей проектъ, ежегодно благодарности вдовѣ Апостолопуло и гласному Богданову и избрало 1-му Апостолопуло почетной попечительницей школы. Заключенное съ г-жей Апостолопуло условіе будетъ оформлено въ нотаріальномъ порядкѣ въ теченіе декабря; школа будетъ открыта до 20-го мая.

Какъ передаетъ „Торг. Пр. Газ.“, министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ уставъ средняго технического училища Вавельберга и Ротванда въ г. Варшавѣ. Училище, учрежденное владѣльцами банкирскаго дома „Г. Вавельбергъ“ Ипполитомъ Вавельбергомъ и Станиславомъ Ротвандомъ исключительно на ихъ средства, имѣетъ цѣлью сообщать учащимся въ немъ знанія и умѣнія, необходимыя техникамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ инженеровъ и другихъ высшихъ руководителей промышленнаго дѣла. Ученики, окончившіе образованіе въ училищѣ, получаютъ званіе техника по соотвѣтствующей специальности. Удостоеннымъ званія техника, если они по происхожденію не имѣютъ высшихъ правъ, предоставляется право на личное почетное гражданство, а также право поступать въ высшія техническія училища соотвѣтственной специальности, по правиламъ, установленнымъ для приѣма въ эти училища. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ училища, если до поступленія въ оное не приобрѣли высшихъ правъ, пользуются относительно вступленія на государственную службу, чиновнаго производства и отбыванія воинской повинности правами лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Варшавѣ, по словамъ „Зап. Кр.“, при музеѣ промышленности и сельскаго хозяйства существуютъ рисовальныя курсы для учениковъ нѣкоторыхъ цеховъ, причемъ посѣщеніе курсовъ обязательно для учениковъ, желающихъ получить званіе подмастерья. Между тѣмъ плата за ученіе настолько высока

(до 20 руб.), что большинство учеников не въ силахъ заплатить ее, вслѣдствіе чего ежегодно пзвѣстное число учениковъ удаляется съ курсовъ за невзносъ платы за ученіе, что закрываетъ предъ ними путь къ полученію званія подмастерья, а затѣмъ мастера, т. е. лишаетъ ихъ возможности заниматься ремесломъ. Часть учениковъ находитъ поддержку въ общественной благотворительности, но такъ какъ этотъ источникъ не отличается постоянствомъ, то заинтересованнымъ цехамъ не мѣшало бы подумать о болѣе правильной постановкѣ этого дѣла.

В. Б—чъ.

Симбирскій Семейно-педагогическій Кружокъ.

За послѣднія 5—10 лѣтъ въ нашемъ образованномъ и интеллигентномъ обществѣ довольно быстро и широко распространилась мысль о необходимости организациі „педагогическихъ“ и „семейно-педагогическихъ“ кружковъ. Подобнаго рода кружки были открыты въ нѣсколькихъ городахъ Европейской Россіи: Петербургѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Самарѣ, Казани, Тамбовѣ. Конечно, не во всѣхъ городахъ дѣло открытія педагогическихъ кружковъ шло гладко. Въ нѣкоторыхъ городахъ на пути къ развитію новаго воспитательнаго движенія среди родителей и воспитателей ставились препятствія, появлялись насценѣ, такъ называемыя, „независящія обстоятельства“.

Не избѣжалъ такой судьбы и Самарскій Семейно-педагогическій Кружокъ. Мысль о созданіи въ г. Симбирскѣ семейно-педагогическаго кружка возникла среди мѣстной интеллигенціи въ 1902 году. Въ февралѣ этого года появилось на страницахъ „Сямбпр. Губ. Вѣдом.“ статья г. Витевскаго подъ заглавіемъ „Объ открытіи въ г. Симбирскѣ Педагогическаго общества и клуба“. Въ отвѣтъ на эту статью отозвалось нѣсколько интеллигентныхъ лицъ, которые изложили свои взгляды по тому же предмету печатно на страницахъ тѣхъ-же „Губерн. Вѣдомостей“. Когда былъ теоретически вопросъ выясненъ, тогда приступили къ практическому его осуществленію. 18-го апрѣля того же года группа лицъ, близко принявшихъ къ сердцу устройство въ Симбирскѣ „семейно-педагогическаго кружка“, собралось на первое учредительное собраніе. Это собраніе учредителей кружка, послѣ предварительнаго ознакомленія съ исторіей возникновенія подобныхъ кружковъ въ другихъ городахъ, постановило признать въ качествѣ образца для проектируемаго въ г. Симбирскѣ семейно-педагогическаго кружка—уставъ такого же кружка въ г. Казани, представивъ при прошеніи о разрѣшеніи точную его копию съ незначительными измѣненіями. 5-го мая учредители еще разъ собрались на общее собраніе, на которомъ былъ прочитанъ выработанный и проредактированный организаціонной комиссіей проектъ устава и, по обсужденіи его, принятъ большинствомъ. Собраніе уполномочило нѣсколько лицъ подѣть прошеніе объ утвержденіи устава. Прошеніе съ приложеніемъ устава кружка было подано г. губернатору вскорѣ послѣ собранія.

Учредители были вполне увѣрены, что уставъ кружка будетъ утвержденъ, такъ какъ выработанный проектъ устава представлялъ изъ себя почти точную копию, съ незначительными дополненіями, съ устава Казанскаго семейно-педагогическаго Кружка. Но... ожиданія ихъ не оправдались. 6 го ноября 1902 г. проектъ устава былъ возвращенъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

учредителямъ въ искалѣченномъ видѣ. По этому поводу 10-го ноября состоялось собраніе учредителей. Существенныя измѣненія, внесенныя въ проектъ устава министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, касались двухъ параграфовъ. Собраніе главнымъ образомъ обратило вниманіе на эти два измѣненія, подвергнувъ ихъ внимательному обсужденію. Министерство въ § 3 устава внесло примѣчаніе *о востребованіи женщинами занимать какія бы то ни было должности по кружку*. Это примѣчаніе со стороны большинства собранія вызвало замѣчанія такого рода. Женщины въ дѣлѣ семейнаго воспитанія имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ мужчины, и совершенное устраненіе ихъ отъ должностей по кружку можетъ повлечь за собою отсутствіе жизненности въ кружкѣ, при чемъ самое существованіе кружка явилось бы безцѣльнымъ. Другое примѣчаніе министерства къ § 7, устава, лишающее членовъ сотрудниковъ права голоса въ собраніи и права занимать должности по кружку, по мнѣнію собравшихся, также должно неблагопріятно отразиться на дѣятельности кружка, такъ какъ имъ устраниются отъ активнаго участія въ его дѣлахъ многія полезныя для того лица, которыя не могутъ дѣлать взносы болѣе 1 руб.

Большинство собранія постановило согласиться съ измѣненіями устава, сдѣланными въ немъ Министерствомъ, и просить объ утвержденіи устава; но вмѣстѣ съ тѣмъ избрать комиссію для возбужденія ходатайства о томъ, чтобы примѣчанія къ §§ 3 и 7, сдѣланныя министерствомъ, были исключены. Эта комиссія составила большое мотивированное ходатайство передъ министерствомъ объ исключеніи двухъ примѣчаній. Между прочимъ, она указывала въ этомъ ходатайствѣ на то, что по уставу Казанскаго семейно-педагогическаго кружка, утвержденного М. В. Д. 1899 г., и по уставу Самарскаго кружка, утвержденного 27-го мая 1902 г., а также по уставамъ другихъ городовъ, женщины и члены-сотрудники пользуются такими же правами, какъ мужчины и дѣйствительные члены кружковъ *).

Наконецъ, 12-го декабря 1902 г., уставъ былъ утвержденъ Мин. Вн. Д., при чемъ права лицъ женскаго пола стѣсненію не подверглись, а оставлено въ силѣ лишь ограниченіе правъ членовъ-сотрудниковъ. Такимъ образомъ, по утвержденному уставу, преподавательскій персоналъ начальныхъ школъ — самый желательный элементъ кружка — не имѣетъ права голоса въ кружкѣ, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ учителя и учительницы, получая весьма ограниченное жалованье и часто имѣя семью, не въ состояніи внести трехрублеваго взноса.

2-го февраля 1903 г. состоялось общее собраніе учредителей кружка, на которомъ былъ выбранъ составъ совѣта. Съ этого момента начинается дѣятельность кружка. Но прежде чѣмъ знакомиться съ его полезной работой, мы скажемъ нѣсколько словъ о задачахъ кружка. Цѣль Симбирскаго семейно-педагогическаго кружка — взаимопомощь родителей и воспитателей въ дѣлѣ семейнаго воспитанія и обученія дѣтей — достигается путемъ періодическихъ собраній: а) для выслушиванія сообщеній о наблюденіи надъ жизнью дѣтей; б) для обсужденія вопросовъ, вызванныхъ практикой воспитанія; в) для чтенія докладовъ по теоріи воспитанія. Помимо этого, кружокъ имѣетъ право устраивать: 1) публичныя педагогическія лекціи; 2) педагогическую и дѣтскую бібліотеку; 3) кабинетъ учебныхъ пособій; 4) начальныя дѣтскія школы,

*) По уставу Симбирскаго сем.-пед. кружка дѣйствительные члены платятъ членскій взносъ не менѣе 3 рублей.

дѣтскіе сады и лѣтнія дѣтскія школы; 5) совмѣстные уроки необязательныхъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ; 6) игры, прогулки, дѣтскіе праздники, литературныя дѣтскія утра.

Мы рассмотримъ дѣятельность кружка за 1903 г., такъ какъ за этотъ годъ у насъ имѣются точныя свѣдѣнія о томъ, что онъ сдѣлалъ. Не смотря на кратковременное существованіе кружка, онъ уже успѣлъ проявить свою дѣятельность въ самомъ разнообразномъ направленіи. Прежде всего число членовъ кружка увеличилось къ началу 1904 г. въ $2\frac{1}{3}$ раза; въ день открытія общества, 2-го февраля 1903 г., было 71 членовъ (изъ нихъ 5 сотрудниковъ, а остальные дѣйствительные члены), къ концу же года ихъ насчитывалось 221 лицо (изъ нихъ 94 сотрудника). Въ 1903 году (за 11 мѣсяцевъ) состоялось 18 *общихъ собраний* кружка, на которыхъ разсматривались вносимые Совѣтомъ вопросы о практической дѣятельности Кружка, а также выслушивались и обсуждались доклады его членовъ по вопросамъ воспитанія. Общее собраніе 15-го мая было посвящено разсмотрѣнію педагогическаго значенія произведеній В. Г. Короленко,—по поводу 50-лѣтія со дня его рожденія; были прочитаны: статья „Воспитательное значеніе произведеній В. Г. Короленко“, докладъ „Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ В. Г. Короленко“ и отрывокъ изъ очерка этого писателя „Не страшное“.

Для болѣе успѣшнаго достиженія указанныхъ въ уставѣ кружка цѣлей, общее собраніе 2-го марта прошлаго года учредило, въ помощь совѣту, 4 комиссіи: 1) докладовъ, 2) библіотечную, 3) дѣтскихъ игръ и развлеченій и 4) музейную. Дѣятельность первой комиссіи выразилась въ выборѣ темъ для докладовъ общему собранію по вопросамъ воспитанія, въ приглашеніи лекторовъ, въ одобреніи, совмѣстно съ совѣтомъ, тезисовъ и содержанія предложенныхъ къ прочтенію докладовъ и назначеніи времени какъ для самихъ докладовъ, такъ и для преній по нимъ. Въ 1903 году были прочитаны слѣдующіе 4 доклада разными лицами: „Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія“, „О лжи вообще и дѣтской въ особенности“, „О правильномъ развитіи воли“ и „Внушеніе и подражаніе, какъ главные факторы вліянія натуръ другъ на друга“ *).

Доклады вызвали весьма продолжительныя и оживленныя пренія. Эти доклады и вызванные ими пренія возбудили живой интересъ въ членахъ кружка, и его „четверги“ всегда привлекали значительное число членовъ (до 100—150 чел.), съ интересомъ просиживавшихъ съ 8 до 11—12 час. вечера.

Библіотечная комиссія выработала проектъ устава педагогической и дѣтской библіотеки для членовъ Кружка и ихъ дѣтей, который утвержденъ г. губернаторомъ въ маѣ 1903 г. Но библіотека не была открыта для пользованія членовъ, главнымъ образомъ, за неимѣніемъ для нея помѣщенія. Дѣятельность комиссіи была направлена исключительно на собраніе книгъ, разборъ, распредѣленіе по отдѣламъ и переплетъ ихъ, а также на составленіе каталога. Къ 1 января 1904 г. въ библіотекѣ состояло 1.314 названій. Большая часть книгъ пожертвована разными лицами и учрежденіями. Изъ средствъ кружка общимъ собраніемъ было ассигновано на библіотеку 235 руб.

Дѣятельность комиссіи дѣтскихъ игръ и развлеченій проявилось въ уст-

*) Желających ознакомиться съ тезисами докладовъ отсылаемъ къ приложенію „Отчета о дѣятельности семейно-педагогическаго кружка въ г. Симбирскѣ за 1903 г. (Первый годъ)“. Симбирскъ 1904 г. 48 стр.

роиствъ: а) площадки для дѣтскихъ игръ, б) катка, в) дѣтскихъ игръ п загородныхъ прогулокъ. Комиссія открыла и приспособила для дѣтскихъ игръ Николаевскій садъ, отведенный для этой цѣли въ распоряженіе Кружка городской думой. Для надзора за дѣтьми и руководства играми приглашены были двѣ учительницы. Имъ помогали нѣкоторые члены кружка, по очереди наблюдая за ходомъ дѣлъ въ саду. Въ садъ ежедневно собиралось до 100—200 дѣтей изъ самыхъ разныхъ круговъ общества и разнаго достатка, причемъ бесплатный доступъ въ садъ былъ открытъ для всѣхъ дѣтей безъ различія, принадлежали ихъ родители къ числу членовъ кружка или нѣтъ. Дѣти скоро сошлись между собою и начали принимать дружное участіе въ общихъ групповыхъ играхъ. На устройство игръ израсходовано 206 р.

Катокъ устроенъ въ началѣ зимы 1904 г. на мѣстѣ, представленномъ кружку бесплатно однимъ лицомъ. По 1 января 1904 г. роздано 773 бесплатныхъ билета; вообще же правомъ входа на катокъ пользовались свыше 1.300 человекъ.—Дѣтскія утра, имѣвшія мѣсто въ первой половинѣ 1903 года, состояли изъ чтеній съ тѣневыми картинами, танцевъ и игръ. На нихъ допускались какъ дѣти членовъ кружка, такъ и дѣти, не принадлежавшія къ кружку лицъ, причемъ изъ послѣднихъ преимущественно посѣщали утра ученики и ученицы начальныхъ городскихъ школъ. Въ теченіе второй половины года такія утра не могли состоятся: комиссія не нашла для нихъ помѣщенія, не смотря на то, что она обращалась съ соотвѣтствующими просьбами къ нѣсколькимъ учрежденіямъ, имѣющимъ свободныя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ обширныя залы, но она отовсюду получала отказъ.—Прогулки дѣтей за городъ имѣли мѣсто въ началѣ лѣта. Дѣти собирались въ извѣстныхъ пунктахъ и оттуда, въ сопровожденіи дамъ, членовъ кружка, отправлялись въ окрестности города, преимущественно въ сады, и тамъ играли, бѣгали и пили чай.

Музейная комиссія стремилась организовать музей учебныхъ пособій; она получила отъ нѣкоторыхъ лицъ пожертвованія, другими лицами обѣщано ей содѣйствіе въ составленіи коллекцій. Къ сожалѣнію неимѣніе соотвѣтствующаго помѣщенія является препятствіемъ къ устройству музея.

Кромѣ описанныхъ 4 комиссій, общимъ собраніемъ 5 іюня была избрана комиссія для разработки вопроса объ учрежденіи Кружкомъ школы.

Доходъ Кружка за 1903 г. выразился цифрою 859 руб., на 1904 г. смета составлена въ размѣрѣ 1,296 руб.

Описанная дѣятельность кружка обширна и многообразна. И, безъ сомнѣнія, она заслуживаетъ полнаго одобренія. Въ г. Симбирскѣ до 1903 г. не было ни дѣтскаго сада, ни дѣтской площадки, ни дѣтской бібліотеки, ни дѣтскихъ утръ и прогулокъ или бесплатнаго дѣтскаго катка, ни музея учебныхъ пособій. Въ настоящее время Кружокъ все это устроилъ или устраиваетъ. Но главная заслуга Кружка состоитъ въ томъ, что онъ объединилъ образованныхъ людей на почвѣ общаго мыслей по вопросамъ воспитанія.

Насущною нуждою Кружка является въ данное время необходимость имѣть собственное помѣщеніе, на первое время хотя бы наемное. До сихъ поръ собранія кружка и совѣта проходили въ помѣщеніи „Учебно - трудового пункта“.

А. А. Л—нъ.

Семья и школа.

Въ С.-Петербургѣ, 11-го декабря, въ засѣданіи Родительскаго кружка (Соляной городокъ), г. Поддубнымъ (Ив. Петр.) былъ сдѣланъ докладъ „Обязанности и права семьи по отношенію къ школѣ“. Содержаніе этого доклада слѣдующее. Въ Россіи семья до сихъ поръ не имѣла никакого общенія со школой, не оказывала на нее ни малѣйшаго вліянія. Этому въ особенности поспособствовало въ послѣднія тридцать лѣтъ господство классической системы. Семья и думать не могла о предъявленіи своихъ правъ, потому что такое направленіе школы поддерживалось государствомъ. Но такъ какъ не семья существуетъ для школы, а школа для семьи, то игнорированіе этого жизненнаго принципа, поставивъ школу въ ненормальныя условія, привело, въ концѣ концовъ, къ далеко неутѣшительнымъ результатамъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Теперь пришла пора, когда вопросъ объ общеніи семьи со школой подвять въ официальныхъ государственныхъ сферахъ и учреждена специальная коммиссія для его разработки. Семья, съ своей стороны, тоже должна подумать о своихъ обязанностяхъ и правахъ и высказаться. Если дѣло общенія семьи и школы выразится только въ простыхъ совѣщаніяхъ теперешнихъ родителей съ педагогами, то это явится новою лишнею формальностью, не приведетъ ни къ чему, и семья останется при однихъ прежнихъ своихъ обязанностяхъ, которыя несли и до сихъ поръ. Она также будетъ только кормить, одѣвать, обувать ребенка, платить за него, заставлять его учить уроки и безпрекословно исполнять все, предписываемое школой. У безправной, хотя и терпимой, семьи нѣтъ дѣйствительныхъ средствъ и способовъ для воздѣйствія на школу. Она не можетъ заявлять надлежащимъ образомъ своего мнѣнія, не можетъ цѣлесообразно ходатайствовать о принятіи его въ соображеніе. Семья, какъ коллективная единица, какъ совокупность всѣхъ родителей, должна быть прежде всего признана самостоятельной, правоспособной и равноправной со школой. Лишь тогда она будетъ въ состояніи потребовать и достигнуть того, чтобы ей дѣтямъ давались въ школѣ такая умственная пища, такое нравственное направленіе, которыя соотвѣтствовали бы потребностямъ времени и семьи. Наилучшій типъ воспитанія можетъ получиться только при гармоническомъ сочетаніи семьи и школы, что возможно лишь при ихъ равноправности. Установивъ основное теоретическое положеніе, докладъ намѣчаетъ въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ и практическія мѣры, жизненныя формы общенія семьи и школы, которыя желательны для ихъ успѣшной совмѣстной работы. Семья, какъ коллективная единица, образуетъ повсюду родительскіе кружки, въ которые вступаютъ всѣ родители, даже и тѣ, у которыхъ дѣти вышли уже изъ школьнаго возраста. Родительскіе кружки ведутъ хронику школьной жизни, въ которую вносятъ всѣ удостовѣренные факты, въ которыхъ отражается хорошее или дурное вліяніе на ихъ дѣтей тѣхъ или другихъ школьныхъ порядковъ, методовъ обученія и проч. Такая повсемѣстная хроника можетъ доставить драгоцѣннѣйшій педагогическій матеріалъ. Родительскіе кружки обсуждаютъ недостатки существующихъ системъ образованія и воспитанія въ школѣ и мѣры для устраненія ихъ. Родительскіе кружки разсматриваютъ школьные проекты, предполагаемыя преобразованія, съ которыми ихъ предварительно знакомятъ школа и, какъ коллективная единица, представляютъ свое мнѣніе о нихъ подлежащимъ властямъ. („Сл.“).

Начальные школы высшаго типа.

Многія земства давно уже пришли къ заключенію, что крестьянина теперь далеко не удовлетворяетъ та элементарная грамотность, которая дается современной начальной школой. Такъ, въ засѣданіи совѣта по народному образованію при саратовской губ. управѣ, предѣдатель А. Д. Юматовъ напомнилъ, что, въ связи съ этимъ, вопросъ о созданіи болѣе высокаго въ умственномъ отношеніи пересовала учащихся занимаетъ саратовское земство въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. По этому вопросу высказывалось нѣсколько различныхъ мнѣній, но никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній на земскихъ собраніяхъ принято не было. Въ прошломъ году собранію былъ представленъ докладъ объ учрежденіи учительской школы въ г. Саратовѣ; вопросъ объ этой школѣ послѣ горячихъ преній былъ оставленъ открытымъ, такъ какъ большинство признало докладъ неполнымъ и недостаточно обоснованнымъ и предложило къ слѣдующему собранію представить болѣе детальный проектъ. И уѣздными, и губернскимъ земствами сознается необходимость подобной школы, хотя, конечно, она не можетъ быть панацеей отъ всѣхъ золъ. Правовое положеніе учителя, устройство школъ и прочее также имѣютъ громадное значеніе въ данномъ случаѣ. Въ Саратовской губерніи есть, правда, вольская учительская семинарія, но ея недостаточно, а надежда на другія губерніи плохая. Въ результатъ преній было постановлено признать желательнымъ устройство школы, въ которой главное вниманіе будетъ обращено на общеобразовательные предметы; курсъ школы—4-хъ годичный; школа смѣшанная (для мужчинъ и для женщинъ); возрастъ слушателей—не моложе 16 лѣтъ; въ цѣляхъ достиженія наилучшихъ выпускныхъ воспитанниковъ учредить обязательные для всѣхъ экзамены; школа должна быть устроена въ Саратовѣ, интерната при ней не нужно. („Сарат. Лист.“)

Кіевскіе вечерніе средне-образовательные курсы.

Кіевскіе вечерніе средне-образовательные курсы, открытые съ разрѣшенія кіевского учебнаго округа 20 октября 1904 года при гимназій В. И. Петра, могутъ подѣлиться съ интересующимися ихъ судьбой слѣдующими данными какъ о слушателяхъ курсовъ, такъ и о постановкѣ дѣла. Въ истекшемъ полугодіи открыты были первые два курса, слушатели которыхъ къ началу лекцій распределялись въ слѣдующемъ порядкѣ: на 1-мъ отдѣленіи 1-го курса—46 человекъ, на 2-мъ отд. того же курса—45 и на 2-мъ курсѣ 36 человекъ. Третій курсъ не былъ открытъ по причинѣ недостаточнаго количества подписчиковъ, подготовленныхъ къ слушанію предметовъ этого курса. Изъ общаго числа (127) слушателей курсовъ оказалось: православныхъ 62%, католиковъ—12%, протестантовъ—10% и евреевъ—16%. Чрезвычайно любопытны данныя о возрастѣ и объ общественномъ положеніи курсистовъ. Въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ всего 15%, отъ 20 до 25 лѣтъ—49%, отъ 25 до 30 лѣтъ—31% и, наконецъ, 5% падаетъ на возрастъ свыше 30 лѣтъ. Всѣ курсисты, за исключеніемъ 11 человекъ, состоятъ на службѣ въ различныхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ, какъ-то: въ управленіи ю. з. ж. д., въ государственномъ и частныхъ банкахъ, въ больницахъ, въ судахъ, въ бібліотекахъ и т. п. Отсюда понятно, сколько рѣшимости, энергіи и самаго

упорного труда нужно имѣть курсистамъ, чтобы послѣ утомительныхъ занятій на службѣ до 4 или 5 часовъ слушать потомъ съ напряженнымъ вниманіемъ лекціи въ теченіе 3 часовъ. Нужно отдать справедливость курсистамъ: ихъ стараніе, вниманіе и пытливость поражаютъ и радуютъ преподавателей курсовъ. Ни въ среднихъ, ни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нельзя встрѣтить такого серьезнаго отношенія къ учебному дѣлу, какой замѣчается въ курсистахъ. И это понятно. Люди, испытавшіе на себѣ всю горечь того безправнаго положенія, какое влечетъ за собою отсутствіе образовательнаго ценза, люди, сознавшіе всѣ ошибки отроческихъ годовъ въ бытность въ какой-либо средней школѣ, теперь, когда имъ снова улыбается возможность продолжить и закончить свое образованіе, берутся, конечно, за дѣло со всею энергіей взрослого и много испытавшаго человѣка. Слѣдуетъ замѣтить, что для основательнаго изученія всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ на курсахъ, требуется отъ курсистовъ не менѣе 2 часовъ ежедневной домашней работы, не говоря уже о томъ, что каникулярное время должно быть употреблено на повтореніе всего пройденнаго въ продолженіе учебнаго года. Курсы имѣютъ своей задачей подготовку слушателей къ испытаніямъ на аттестатъ зрѣлости. Учебные предметы раздѣлены на 3 годичныхъ курса, при чемъ 1-й курсъ приспособленъ къ программѣ 4 и 5 классовъ гимназій, 2-й—къ программѣ 6-го и половины 7-го классовъ и 3-й курсъ заканчиваетъ программу гимназій. Занятія на курсахъ происходятъ вечеромъ отъ 7 до 10 часовъ и по воскреснымъ днямъ отъ 12 до 3-хъ. На 1-й курсъ принимаются безъ экзамена; на 2-й и 3-й по экзамену изъ предметовъ, соответствующихъ курсу. Изъ курса на курсъ переводы будутъ произведены по испытаніямъ въ знаніи пройденнаго. Плата на курсахъ по полугодіямъ въ размѣрѣ 50 рублей: разсрочка платежа допускается въ три срока. Внесеніе плату получаютъ входной билетъ и квитанцію въ полученіи отъ нихъ денегъ. Слушателями курсовъ могутъ быть лица муж. пола, имѣющіе не менѣе 16 лѣтъ отъ роду, безъ различія вѣроисповѣданій. („Кіев. Оглз.“)

Школьныя сберегательныя кассы.

Въ минувшую очередную сессію орловскаго губернскаго земскаго собранія 1903 г. елецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. А. Стаховичемъ внесенъ былъ докладъ „О нежелательности школьныхъ сберегательныхъ кассъ“, въ которомъ онъ, между прочимъ, указывалъ на вредныя послѣдствія и дурное вліяніе, оказываемыя на дѣтей-учащихся этими кассами. По мнѣнію А. А. Стаховича, кассы эти есть „скользкая дорога на пути къ корыстолюбію, эгоизму, искаженію природы дѣтей, которой въ такомъ раннемъ возрастѣ, 8—12 лѣтъ, не свойственна предусмотрительная запасливость. Денежная бережливость дѣтей только тогда имѣетъ воспитательное значеніе, когда ребенокъ сберегаетъ отъ своего излишка для цѣлей не хозяйственно-экономическихъ, а гуманныхъ или образовательныхъ, для помощи ближнимъ или покупки книгъ; бѣдняку же, которому не хватаетъ средствъ на удовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей, нечего сберегать. Не отсутствіе привычки къ сбереженію рождаетъ бѣдность, а бѣдность рождаетъ невозможность сберегать“. Губернское земское собраніе, вполне раздѣляя этотъ взглядъ и не считая сберегательныя кассы средствомъ пріученія дѣтей къ

разумной бережливости, а въ педагогическомъ отношеніи — средствомъ укрѣпленія дѣтской воли и самообладанія, возбудило ходатайство о закрытіи школьныхъ сберегательныхъ кассъ при начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищахъ Орловской губерніи. Нынѣ министерство народнаго просвѣщенія уведомило губернатора, что управляющій дѣлами комитета министровъ сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что комитетъ, выслушавъ записку министра народнаго просвѣщенія по сказанному ходатайству орловскаго губернскаго земства, принялъ во вниманіе: 1) что на основаніи существующихъ законоположеній губернскимъ земскимъ собраніямъ предоставлено ходатайствовать передъ правительствомъ лишь о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, настоящаго же ходатайство губернскаго земства по существу касается дѣла, имѣющаго значеніе общегосударственное, и 2) что однородныя съ настоящимъ ходатайствомъ воронежскаго и таврическаго губернскихъ земствъ были отклонены. Въ виду этого комитетъ министровъ ходатайство орловскаго губернскаго земства отклонилъ. („Орл. В.“)

Два указа Св. Синода.

Въ „Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ напечатаны *два указа св. Синода*. Оба указа касаются мѣропріятій, какія необходимо принять въ видахъ поддержанія дисциплины среди воспитанниковъ духовныхъ семинарій. По предложенію оберъ-прокурора св. Синода слушали: журналъ учебнаго комитета о мѣрахъ къ предупрежденію несвоевременныхъ и своевольныхъ отлучекъ воспитанниковъ семинарій изъ общежитій и частныхъ ученическихъ квартиръ. Изъ дѣлъ видно, что нѣкоторые воспитанники отлучаются безъ разрѣшенія инспектора даже во время, назначенное для занятій, при чемъ во время такихъ отлучекъ входятъ въ общеніе съ неблагонадежными лицами. Въ цѣляхъ огражденія отъ нежелательныхъ стороннихъ вліяній, св. Синодъ призналъ необходимымъ предложить епархіальнымъ преосвященнымъ предписать правленіямъ духовныхъ семинарій: 1) согласно постановленію синода 1886 г. не допускать безъ особо уважительныхъ причинъ и безъ особаго каждаго разъ разрѣшенія инспектора отлучекъ воспитанниковъ въ учебное время хотя бы въ часы, свободные отъ занятій; 2) отъ живущихъ на частныхъ квартирахъ воспитанниковъ требовать, чтобы въ журналахъ въ случаѣ отлучекъ записывалось: куда, съ какого и до какого времени отлучился; 3) для отвлеченія отъ частыхъ отлучекъ всѣми мѣрами поощрять учащихся къ занятію музыкой, пѣніемъ, ручнымъ трудомъ, иконописаніемъ; 4) устроить приспособленія для физическихъ упражненій, озаботиться устройствомъ, если возможно, общихъ прогулокъ воспитанниковъ съ гігіенической и образовательной цѣлью подъ руководствомъ наставниковъ.

Другой циркуляръ касается *воспрещенія носить воспитанникамъ при себѣ огнестрѣльное оружіе*. Въ виду имѣющихся свѣдѣній, что нѣкоторые воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, несмотря на воспрещеніе, пріобрѣтаютъ огнестрѣльное оружіе, св. Синодъ призналъ необходимымъ подтвердить къ неуклонному исполненію указъ отъ 15 декабря 1886 г., предписавъ начальству: объявить ученикамъ строжайшее воспрещеніе пріобрѣтать и держать при себѣ оружіе, потребовавъ отъ имѣющихъ таковое немедленной выдачи. Неисполнившихъ этого требованія подвергать увольненію. Въмѣ-

стѣ съ тѣмъ ввухить духовнымъ лицамъ наблюдать, чтобы дѣти ихъ не держали у себя съ какою бы то ни было цѣлью огнестрѣльнаго оружія и предложить начальству сдѣлать приглашеніе и объясненіе того же родителямъ воспитанниковъ изъ свѣтскаго званія. („Кіев. Откл.“)

Кіевскій учебный округъ въ 1903 г.

Въ 1903 г. въ кіевскомъ округѣ было 22 мужскихъ гимназій и 2 прогимназій, 10 реальныхъ училищъ и 38 женскихъ ср. учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ 25 женскихъ гимназій, 12 прогимназій и 1 училище графа Влудова съ правами гимназій. Къ 1 января 1904 года число учащихся въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ равнялось 10.935, въ реальныхъ училищахъ — 3.467 и въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — 12.544. Промышленныхъ учебныхъ заведеній въ 1903 г. было 15, въ томъ числѣ 3 среднихъ техническихъ училища. Количество учащихся въ этихъ училищахъ составляло 1.214. Ремесленныхъ классовъ и отдѣленій было 47, изъ которыхъ 34 при городскихъ и сельскихъ народныхъ училищахъ и 13 при еврейскихъ училищахъ. Учащихся во всѣхъ ремесленныхъ классахъ и отдѣленіяхъ было 856. Учительскій институтъ былъ одинъ (въ Глуховѣ) съ 60 учащимися; учительскихъ семинарій двѣ съ 193 воспитанниками. Народныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія было 2.844 съ 267.712 учащимися. Изъ общаго числа народныхъ училищъ въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края было 1.039 училищъ съ 102.608 учащимися и въ полтавской и черниговской губерніяхъ — 1.714 училищъ съ 157.815 учащимися. („Кіевл.“).

Грамотность въ Казанской губерніи.

Грамотность мужчинъ:

Возрастъ:	Всего населенія.	Грамотныхъ: общ. число на 100 чел. нас.	
отъ 1 до 10 лѣтъ	243.965	13.053	5,4
10—19	241.951	105.865	43,8
20—29	156.223	60.966	39,0
30—39	128.550	37.146	28,9
40—49	104.718	23.731	22,7
50—59	68.412	12.690	18,5
60—69	49.490	7.737	15,6
70—79	18.613	2.444	13,1
80—89	5.042	591	11,7
90—99	802	56	7,0
100 и болѣе	55	5	10,0

Грамотность женщинъ:

отъ 1 до 10 лѣтъ	249.444	7.085	2,8
10—19	248.821	47.601	19,1
20—29	177.923	27.995	15,7

30—39	135.747	16.093	11,9
40—49	105.263	10.744	10,2
50—59	72.671	7.137	9,8
60—69	52.082	4.316	8,3
70—79	21.853	1.771	8,1
80—89	5.597	435	7,8
90—99	954	61	6,4
100 и болѣе	87	5	5,7
		(„Каз. Газ.“)	

Санитарное состояніе школъ Московской губерніи.

По постановленію XIV губернскаго съѣзда врачей московскаго земства въ 1902—1903 г. произведено было врачами и учителями санитарное обследованіе школъ губерніи по широкой программѣ. Въ рядѣ статей г. Кирьякова „Организація хозяйственной части земскихъ школъ Московской губ.“, помѣщенныхъ въ книжкахъ „Саратовской Земской Недѣли“, сдѣлана сводка обширныхъ матеріаловъ по этому вопросу на основаніи статистическихъ данныхъ губернской Земской Управы. Въ одномъ изъ делегатскихъ отчетовъ къ предстоящему съѣзду врачей говорится, что школьныя помѣщенія въ большинствѣ случаевъ темны, тѣсны и душны, построены съ непростительными отступленіями отъ правилъ, 38% школъ холодны, а многія при томъ дымны, угарны, съ „протекціей“ и щелеваты, что учитель и учительницы большинства школъ заключены въ какія-то клѣтки, размѣрами подчасъ ничуть не отличающіяся отъ тюремныхъ камеръ для одиночнаго заключенія. Въ классахъ приходится, въ среднемъ, на ученика по $8\frac{1}{2}$ куб. аршинъ воздуха (минимальная гигиеническая норма 10 куб. арш.). Недостаточная поверхность пола наблюдается въ 9-ти уѣздахъ, недостатокъ воздуха въ 12-ти изъ 13-ти уѣздовъ: въ 68% всѣхъ классовъ съ 75% всѣхъ учащихся кубическое содержаніе воздуха ниже минимальной гигиенической нормы; 69% учительскихъ квартиръ имѣютъ площадь пола ниже нормы, установленной правилами 1895 г. Вообще учителя терпятъ въ этомъ отношеніи большое утѣшеніе. По числу живущихъ лицъ школьныя квартиры группируются такъ: 500 квартиръ (66%) имѣютъ 1—3 человѣкъ, въ 13% живутъ по 3—5 чел., въ 10% квартиръ—свыше 5-ти чел. Кромѣ тѣсноты, учительскія квартиры отличаются и другими неудобствами. Въ 655-ти школахъ (87%) классныя помѣщенія сообщаются съ квартирами учителей; чаще всего послѣднія отдѣляются лишь тонкой перегородкой, не доходящей до потолка, отъ классовъ, кухни и раздѣльни учениковъ, вслѣдствіе чего утомленный занятіями учитель лишенъ даже возможности отдохнуть въ чистомъ воздухѣ; въ 42% всѣхъ квартиръ учителя дышатъ кухоннымъ воздухомъ. Въ Богородскомъ у. холодъ и сырость отмѣчены въ 17-ти квартирахъ изъ 54-хъ: учителя принуждены проводить всю зиму въ валенкахъ и теплой одеждѣ. Температура многихъ школъ Вереяскаго уѣзда спускается до 6° и даже 3°, а въ одной чернила замерзаютъ. Въ одной школѣ Клинскаго у. въ квартирѣ учительницы термометръ падаетъ до 0° и ниже, а въ комнатѣ другой нѣтъ вовсе печей; въ 36% школъ уѣзда всѣ въ классѣ сидятъ зимой въ шубахъ, зипунахъ и т. п. Третья часть богородскихъ школъ холодны, 10% угарны, въ 20%—крыши и потолки текутъ. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ 23-хъ школахъ изъ 88-ми стѣны со

шелями; въ одной холодной школѣ отопленіе, по желанію попечителя, оставлено на его „попеченіи“. Такимъ образомъ 38% земскихъ школъ въ губерніи холодны, причемъ въ Волоколамскомъ, Верейскомъ, Клинскомъ и Рузскомъ уѣздахъ такихъ школъ около половины, а въ Можайскомъ и Коломенскомъ даже болѣе половины. 92% школъ не имѣютъ помойныхъ ямъ, 5% — безъ отхожихъ мѣстъ. Констатировано „почти полное отсутствіе надворныхъ построекъ при школахъ“. Учительскій персоналъ плохо обезпеченъ прислугою, болѣе 4% школъ вовсе не имѣетъ ея. Лицо, нанимающее прислугу, является фактически и хозяиномъ школы. Наемъ прислуги зависитъ отъ учителя въ 68% школъ, отъ попечителей — въ 14%, отъ крестьянскихъ обществъ — въ 14%. Лучше другихъ живется въ этомъ отношеніи учителямъ Московскаго и Дмитровскаго уѣздовъ, гдѣ хозяйственная часть школъ всецѣло находится въ рукахъ земскихъ управъ; приближаются къ нимъ Вронницкій, Подольскій, Рузскій, Можайскій и Звенигородскій, а самые отсталые уѣзды — Серпуховскій, Богородскій и Клинскій. Быстрый ростъ школьной сѣти за послѣдніе годы отразился на увеличеніи числа наемныхъ помѣщеній, которыя „почти всѣ не соответствуютъ минимальнымъ нормамъ санитарныхъ требованій“. Вслѣдствіе плохого устройства школьныхъ зданій Московскаго уѣзда, въ 48% общаго ихъ числа, „стѣны сыры, промерзаютъ и черезъ нихъ дуетъ, въ 23% полы щелисты, въ 37% чрезъ нихъ дуетъ; въ 73% школъ окна промерзаютъ и текутъ, въ 24% — двери затворяются неплотно, въ 33% школъ — чрезъ потолки течетъ (преимущественно наемныя помѣщенія). Въ половинѣ школъ Московскаго уѣзда запахъ изъ отхожихъ мѣстъ проникаетъ въ школьныя помѣщенія“. Санитарное обследованіе не затронуло интереснаго вопроса о томъ, какъ отражается на здоровьи учащихся антисанитарная обстановка земскихъ школъ. „Мы увѣрены, — говоритъ г. Кирьяковъ, самъ бывшій учитель, — что ревматизмъ, астма, чахотка, а также разныя инфекціонныя заболѣванія дали бы изслѣдователю крупныя и поучительныя цифры; не было бы недостатка и въ смертныхъ случаяхъ“. Но пока этого нѣтъ, авторъ приводитъ въ отрывкахъ письма одной своей знакомой учительницы, работавшей въ Московскомъ уѣздѣ въ 1897—98 гг. Она ушла въ сельскія учительницы, по призванію, окончивъ курсъ въ московскомъ Николаевскомъ институтѣ, знала хорошо новыя языки и потому имѣла много частныхъ уроковъ въ Москвѣ. Вотъ нѣсколько характерныхъ выдержекъ изъ ея писемъ. „Непосильное испытаніе послано мнѣ судьбой въ лицѣ моихъ школьныхъ хозяевъ. Ужасно много крови они мнѣ перепортили. Я все еще сижу въ моемъ сыромъ углу и не могу даже и въ немъ мало-мальски уютнѣе устроиться, потому что все общаются переселить меня въ мою будущую квартиру“.

(„Рус. В.“).

Общество взаимопомощи въ Н.-Новгородѣ.

Общество взаимопомощи учащихся Нижегородской губерніи отпраздновало десятилѣтній юбилей своей дѣятельности. Въ ряду скромныхъ по своимъ задачамъ (всѣ русскія общества по условіямъ нашей жизни преслѣдуютъ скромныя задачи), но симпатичныхъ по цѣлямъ ассоціацій „учительское Общество“, какъ принято сокращенно называть въ обществѣ нынѣшняго юбиляра, занимаетъ не послѣднее мѣсто. Состоя главнымъ образомъ изъ учителей народныхъ училищъ, — этихъ признанныхъ „паріевъ“ народнаго просвѣщенія, — оно

направляло свою дѣятельность на возможное улучшение жизни этихъ незамѣтныхъ, но и незамѣтныхъ рядовыхъ въ русской просвѣтительной арміи, несущей возможный духовный свѣтъ въ народныя массы. Нѣтъ нужды останавливаться здѣсь на томъ страшномъ безправномъ и матеріально необезпеченномъ положеніи народнаго учителя, въ которомъ ему приходится и начинать, и кончать свою дѣятельность. Внести возможное посильное облегченіе въ эту убогую радостями, но богатую всякими терніями и терзаніями жизнь и было задачей Общества взаимопомощи учителей. Разумѣется, объединенная корпорація учителей могла внести въ свою среду облегченіе отъ профессиональных и общечеловѣческихъ печалей лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, но иного и ожидать было нельзя, такъ какъ рамки устава тѣсно и крѣпко замыкали учительскую взаимопомощь въ очень узенькія рамки, раздвинуть которыя по многимъ неустрашимымъ причинамъ было совершенно невозможно. Жизнь выѣшняго юбиляра въ общемъ протекла довольно ровно и спокойно, безъ замѣтныхъ періодовъ бойкаго оживленія и безъ эпохъ реакціи и упадка настроенія. Исключительные моменты въ жизни Общества извѣстны всѣмъ наслышанъ. Мѣстные люди, помнящіе время его открытія, вѣроятно, не забыли и той минуты, когда, вскорѣ послѣ открытія дѣятельности Общества, оно, подъ вліяніемъ извѣстныхъ теперь всей Россіи лицъ, пережило періодъ нѣкотораго молодого одушевленія. Другимъ выдающимся этапомъ въ жизни юбиляра было устройство въ Н.-Новгородѣ общежитія для учительскихъ дѣтей, обучающихся въ нижегородскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ послѣднее время въ жизни Общества взаимопомощи замѣчается одно явленіе, въ общемъ заслуживающее всякаго сочувствія, но иногда окрашиваемое нѣкоторыми преходящими элементами въ не совсѣмъ желательныя цвѣта. Явленіе это—открытіе отдѣленій Общества на мѣстѣ,—въ уѣздахъ. Несомнѣнно, мѣстная учительская самодеятельность должна заслуживать всяческаго содѣйствія, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы связь филиальныхъ отдѣленій съ центромъ Общества не ослаблялась. Цементирующее и объединяющее значеніе центра велико, и его необходимо сохранить. Между тѣмъ среди нѣкоторыхъ членовъ Общества замѣчается „сепаратизмъ“—стремленіе ослабить связи съ нижегородскимъ центромъ. Едва ли полезное когда бы то ни было, это стремленіе къ излишней мѣстной автономіи теперь въ особенности мало желательно. Русская общественная жизнь вступила въ полосу оживленія. Надо ждать и надѣяться, что Общество взаимопомощи учащихся Нижегородской губерніи воспользуется благопріятнымъ моментомъ и постарается раздвинуть свою дѣятельность до тѣхъ предѣловъ, которые очерчены дѣйствительными потребностями и нуждами учителей, а не однимъ только уставомъ, утвержденнымъ въ пору исключительной подозрительности ко всякому, даже легальному „сѣску“. Нѣкоторая механическая сплоченность и духовное единеніе между членами Об-ва и его отдѣленіями дадутъ Обществу наибольшую силу для расширенія его дѣятельности. („Ниж. Лист.“)

Расширеніе каталоговъ книгъ для народныхъ читаленъ.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ каталоговъ народныхъ читаленъ. Въ настоящее время вопросъ этотъ переданъ на разсмотрѣніе особой комиссіи изъ представителей духовнаго вѣдомства, министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи, финансовъ

и военного министерства. Потребность въ пересмотрѣ этихъ каталоговъ назрѣла уже давно. Статистическія данныя о посѣщеніи народныхъ читаленъ показываютъ, что около 40 проц. посѣтителей ихъ составляютъ ремесленники, фабричные рабочіе, которые ищутъ въ чтеніи не только развлеченія, но и самообразованія. Большинство посѣтителей этого рода, какъ показываетъ отчетъ читаленъ, требуютъ книгъ техническаго содержанія, руководствъ по бухгалтеріи, сельскому хозяйству и сочиненій по естественнымъ наукамъ. Между тѣмъ, каталоги народныхъ читаленъ не предусматриваютъ книгъ по специальнымъ предметамъ, и запросы на такія книги остаются не удовлетворенными. Еще въ большей степени, какъ видно изъ тѣхъ же отчетовъ, въ широкой массѣ народа живетъ несомнѣнное влеченіе къ литературѣ, проникнутой духомъ народнаго творчества; и съ этой стороны, списокъ книгъ, разрѣшенныхъ къ обращенію въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ, признается министерствомъ также устарѣвшимъ и далеко не полнымъ. Извѣстно, что изъ произведеній гр. Л. Н. Толстого, написанныхъ для народа, лишь немногія допущены въ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій, сдѣлалъ первый шагъ къ расширенію числа обращающихся въ народныхъ читальняхъ произведеній великаго писателя: извѣстный рассказъ Л. Н. Толстого „Много ли человѣку земли нужно“ въ настоящее время включенъ въ списокъ книгъ для народныхъ чтеній. („Сл.“)

Разныя извѣстія и сообщенія.

Экзамены въ государственной испытательной комиссіи. Министерство народнаго просвѣщенія предполагаетъ начать при с.-петербургскомъ университетѣ экзамены въ государственной испытательной комиссіи для лицъ, желающихъ подвергнуться испытанію въ текущемъ году: на юридическомъ факультетѣ—20 апрѣля, а на математическомъ—1 мая. Испытанія эти предназначаются лишь для лицъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ въ предыдущіе годы, что же касается слушателей 4-хъ курсовъ текущего года, то вопросъ о допущеніи таковыхъ къ испытанію остается пока еще не рѣшеннымъ.

(„Русь“).

О возобновленіи занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы пока ничего не слышно. Въ институтѣ путей сообщенія, гражданскихъ инженеровъ, технологическомъ и горномъ о возобновленіи лекцій ничего неизвѣстно: педагогическіе совѣты этихъ учебныхъ заведеній представили свои мнѣнія министру народнаго просвѣщенія, отъ его заключенія и постановленія Комитета Министровъ, куда вносится данный вопросъ, и зависитъ дальнѣйшее его разрѣшеніе. Въ технологическомъ институтѣ стипендіи студентамъ выдаются по прежнему, дѣйствуетъ также и столовая. Что касается университета, то тамъ выдаются отпуска до 15 марта, студенты же, внесшіе плату въ размѣрѣ 25 рублей, получаютъ отпуска до 1 сентября.

(„Русь“).

Военно-медиц. академія. По постановленію конференціи Императорской Военно-Медицинской Академіи чтеніе теоретическимъ лекцій, а также практическія занятія по всѣмъ кафедрамъ пріостановлены до начала будущаго учебнаго года, т.-е. до 1 сентября. Тѣмъ не менѣе испытательная комиссія на полученіе ученой степени лекаря откроетъ свою дѣятельность и подраздѣлится, какъ и въ предшествовавшіе года, на весеннюю и осеннюю. Первая продолжится съ 15 марта по 1 іюня, а вторая съ 1 сентября по 15 октября текущего года: выпускнымъ студентамъ той же Академіи предоставляется по ихъ усмотрѣнію подавать прошенія о желаніи подвергнуться экзаменамъ въ ту или другую очередь дѣятельности упомянутой комиссіи.

(„Нов. Вр.“)

Женскій медицин. институтъ. Совѣтъ профессоровъ женскаго медицинскаго института въ послѣднемъ засѣданіи своемъ высказался за постановку занятій до 1-го сентября. Въ мотивахъ такого постановленія профессора обращаютъ вниманіе на то, что нынѣ уже потеряна очень значительная часть времени изъ учебнаго полугодія и эта потеря времени не можетъ быть восполнена, хотя-бы даже и спѣшными работами въ остающейся небольшой части учебнаго года. Совѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе на то, что правильныя занятія на высшихъ медицинскихъ женскихъ курсахъ должны быть поставлены въ одну линію съ другими высшими учебными заведеніями всѣхъ специальностей. Умѣстно было бы путемъ общихъ совѣщаній всѣхъ профессоровъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній обсудить мѣропріятія, которыми можно съ успѣхомъ возстановить правильную жизнь и дѣятельность высшаго образованія въ Россіи. (,Нов. Вр.“)

Пріемъ въ Военно-Медицинскую академію. Въ виду состоявшагося уже распоряженія о допущеніи въ Военно-Медицинскую академію учениковъ реальныхъ училищъ, нынѣ рѣшено, по словамъ „Торг. Пр. Газ.“, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ, допустить также и окончившихъ курсъ въ общихъ классахъ пажескаго и кадетскихъ корпусовъ. („Русь“).

Въ горномъ институтѣ разрабатывается программа семестровыхъ экзаменовъ. Предварительный проектъ послѣдовательныхъ группъ предметовъ составленъ профессоромъ П. Сомовымъ при участіи профессоровъ И. Шредера и А. Митинскаго. Курсовыя испытанія остаются лишь на первомъ курсѣ, а на остальныхъ предполагается производить экзамены три раза въ годъ. („Русь“).

Отвѣтъ учебнаго комитета технологическаго института на предложеніе министерства народнаго просвѣщенія о мѣрахъ къ возобновленію занятій въ институтѣ. Учебный комитетъ въ двухъ предшествующихъ засѣданіяхъ подробно и всесторонне обсуждалъ вопросъ о возобновленіи учебныхъ занятій въ институтѣ въ текущемъ полугодіи. Сознавая всю лежащую на немъ отвѣтственность и руководясь дорогами и близкими ему интересами института, учебный комитетъ, принявъ рѣшеніе, въ которомъ призналъ, что единственно раціональнымъ исходомъ изъ настоящаго тяжелаго положенія является не возобновлять учебныхъ занятій до начала будущаго учебнаго года. Это рѣшеніе учебнаго комитета было представлено попечителю.

До крайности прискорбное и ненормальное явленіе прекращенія занятій студентами высшихъ учебныхъ заведеній обуславливается причинами, которыя лежатъ глубоко въ условіяхъ общественной жизни, внѣ всякой зависимости отъ самой школы, внѣ всякаго вліянія ея дѣятелей. Настоящее разстройство высшихъ учебныхъ заведеній стоитъ въ неразрывной связи съ общимъ настроеніемъ и броженіемъ, происходящимъ въ странѣ.

Студенты института на сходкѣ 10 января постановили прекратить занятія. Затѣмъ на второй, очень многочисленной сходкѣ, 27 января, они закрѣпили это рѣшеніе подавляющимъ большинствомъ голосовъ, обязавъ себя при этомъ

подписями и круговой порукой. Лица преподавательскаго персонала института, высказавъ еще до сходки свое искреннее убѣжденіе относительно нежелательности и нецѣлесообразности прекращенія занятій до 1 сентября, оказались безсильными повліять этимъ на студентовъ. Зная настроеніе студентовъ института, ихъ отношеніе къ постановленіямъ сходовъ, видя небывалое единодушіе ихъ въ принятомъ рѣшеніи, учебный комитетъ вынужденъ признать, что въ данный моментъ онъ не усматриваетъ никакихъ способовъ для возобновленія занятій въ кратчайшій срокъ всѣми студентами института. Для этого, согласно установившимся студенческимъ традиціямъ, необходима предварительная отмѣна принятаго студентами рѣшенія на новой сходкѣ. Нравственное воздѣйствіе профессоровъ и преподавателей института, парализованное многими условіями, къ сожалѣнію, имѣетъ мало силы. Какъ показало опытъ послѣднихъ лѣтъ, въ дѣлѣ успокоенія студентовъ всякія увѣщанія и разъясненія, обращенныя отъ учебныхъ коллегій, не приносятъ никакой пользы, если они навязываются студентамъ, а не обращаются къ нимъ по ихъ почину. Правда, учебный комитетъ убѣжденъ, что два величайшихъ акта Высочайшей воли,—Высочайшій указъ и Высочайшій рескриптъ 18 февраля—открывающіе новую эру въ историческомъ развитіи нашей родины, внесутъ удовлетвореніе въ общественные круги зрѣлыхъ людей и тѣмъ создадутъ прочное основаніе для успокоенія возбужденныхъ умовъ молодежи. Но это благотворное вліяніе требуетъ времени. Успокоеніе въ студенческую среду проникаетъ послѣ того, какъ оно получить явное выраженіе въ другихъ общественныхъ слояхъ. Поэтому, ставя вопросъ о возобновленіи занятій для всѣхъ студентовъ въ рамки наикратчайшаго срока, учебный комитетъ не находитъ для него иного рѣшенія, кромѣ высказаннаго. Возобновленіе правильныхъ занятій въ институтѣ для части студентовъ, желающихъ заниматься наперекоръ рѣшенію подавляющаго большинства, вызываетъ прежде всего необходимость установить и сгруппировать наличный составъ такихъ лицъ. Самой мягкой мѣрой въ этомъ отношеніи былъ бы письменный опросъ студентовъ съ яснымъ указаніемъ на то, что нежелающіе заниматься не будутъ подвергаться никакимъ карамъ. Но при извѣстномъ учебному комитету современномъ настроеніи студентовъ самая разсылка подобныхъ запросовъ возбудитъ дальнѣйшія волненія въ студенческой массѣ, которая усмотритъ въ этомъ стремленіе начальства разъединить студентовъ и, какъ теперь принято говорить, организовать свобододѣйствующихъ. Немедленно же возникнутъ тяжелыя осложненія, начнутся рѣзкія дѣйствія, имѣющія цѣлью всѣми способами мѣшать началу занятій. При такихъ условіяхъ число лицъ, готовыхъ вести занятія, окажется очень небольшимъ, спокойное же веденіе занятій будетъ совершенно невозможнымъ, и къ обезпеченію ихъ преподавательскій персоналъ никакихъ способовъ не видитъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно прибѣгаютъ къ карамъ; но учебный комитетъ не можетъ не высказать своего убѣжденія, что при настоящемъ единодушномъ настроеніи студентовъ мѣры репрессіи, даже самыя крупныя, не увѣщываются успѣхомъ и не обезпечаютъ возможности правильныхъ занятій, которыя по необходимости будутъ прерваны. Указанныя условія навлекутъ на студентовъ, отдѣлившихся отъ большинства, если бы такіе оказались, невыносимую тяжесть презрѣнія и ненависти со стороны всей массы ихъ товарищей, которая останется ужаснымъ гнетомъ въ ихъ послѣдующей жизни. Они внесутъ въ институтъ тяжелую внутреннюю рознь, которая для него особенно пагубна, потому что именно студенты института по самому характеру учебныхъ занятій должны находиться съ большимъ разви-

тѣмъ практическихъ работъ въ чертежныхъ, лабораторіяхъ, кабинетахъ и мастерскихъ въ постоянномъ соприкосновеніи и взаимномъ общеніи, и добрыя товарищескія отношенія между ними являются необходимыми для правильной жизни института.

Репрессіи требуютъ многочисленныхъ жертвъ: поражая при этомъ, какъ всегда бываетъ, далеко не самыхъ виновныхъ и дурныхъ, онѣ подрываютъ въ студентахъ уваженіе къ институту и къ преподавателямъ, безъ котораго немислима нормальная жизнь высшаго учебнаго заведенія.

Такимъ образомъ, по искреннему убѣжденію учебнаго комитета, возобновленіе учебныхъ занятій въ настоящее время не увѣнчается и выгоднымъ успѣхомъ, и въ то же время внесетъ въ институтъ страшный раздоръ, который сдѣлается истиннымъ бѣдствіемъ для него и который создастъ непреодолимыя препятствія для возстановленія въ будущемъ правильной учебной жизни. Согласно тексту предложенія, учебный комитетъ счелъ своимъ долгомъ предоставить и младшимъ преподавателямъ института возможность обсудить этотъ важный вопросъ въ присутствіи членовъ учебнаго комитета, при чемъ они, независимо отъ учебнаго комитета, громаднымъ большинствомъ пришли къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и учебный комитетъ. Въ виду этого, учебный комитетъ института, глубоко скорбя о настоящемъ печальномъ положеніи дѣла и стремясь найти изъ него исходъ, соответствующій дѣйствительной пользѣ института, вынужденъ откровенно высказать, что онъ не видитъ способовъ, и мѣръ къ возобновленію въ кратчайшій срокъ правильныхъ занятій въ институтѣ.

Учебный комитетъ признаетъ желательнымъ теперь же установить, что студенты института въ началѣ будущаго учебнаго года должны будутъ сдать обязательные экзамены по назначеннымъ учебнымъ комитетомъ предметамъ. Это побудитъ студентовъ института посвятить свое время изученію научныхъ предметовъ и облегчитъ веденіе учебнаго дѣла въ будущемъ году. Учебный комитетъ позволяеть себѣ высказать, что занятія въ остающееся нынѣ время до конца полугодія не могутъ имѣть большого значенія въ учебномъ отношеніи. При программахъ института потеря двухъ съ лишнимъ мѣсяцевъ учебнаго времени дѣлаетъ уже теперь невозможнымъ окончаніе учебнаго года въ нормальныхъ условіяхъ безъ серьезныхъ отступленій отъ установленныхъ требованій, безъ значительныхъ переносовъ занятій на будущій годъ, и, слѣдовательно, безъ созданія большихъ затрудненій учебнаго характера въ будущемъ учебномъ году.

Какъ ни тяжела для просвѣщенія и для родины потеря цѣлаго полугодія, она легко покроется послѣдующей производительной работой института, если только къ началу будущаго учебнаго года установится столь желанная и нормальная жизнь института, если водворится спокойное и бодрое состояніе духа работающихъ въ немъ лицъ.

Профессора института вѣрятъ, что дарованіе, согласно Высочайшему указу, частнымъ лицамъ и учрежденіямъ права представлять въ совѣтъ министровъ предложенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства, и предстоящее по волѣ Государя Императора привлеченіе избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ законодательной работѣ—закладываютъ прочное основаніе для благосостоянія родины и для объединенія всѣхъ слоевъ общества въ дружной работѣ на пользу народа. Эти акты Высочайшей воли и проведенная въ окружающую жизнь строгая законность должны внести успокоеніе и въ высшія учебныя заведенія. И

теперь, когда профессора и преподаватели института видят зарю свѣтлой жизни вышнихъ учебныхъ заведеній, они съ особенною силою ходатайствуютъ о томъ, чтобы институту дано было встрѣтить будущій учебный годъ въ полномъ мирѣ и единеніи, безъ тяжелой внутренней розни и разстройства,— это будетъ наилучшимъ исходомъ изъ настоящаго тяжелаго положенія, наиболѣе отвѣчающимъ интересамъ института. вмѣстѣ съ тѣмъ учебный комитетъ признавалъ бы въ высшей степени желательнымъ теперь же установить, что пріемъ въ институтъ вновь поступающихъ будетъ произведенъ на обычныхъ основаніяхъ и что поэтому лица, оканчивающія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и ихъ близкіе не должны испытывать тревоги и волненій. Весь преподавательскій персоналъ института, воодушевленный однимъ лишь чистымъ стремленіемъ къ пользѣ просвѣщенія и благу института, съ самоотверженіемъ и радостью исполнить тотъ исключительный трудъ, который выпадетъ на его долю въ будущемъ учебномъ году, лишь бы институтъ вступилъ въ него безъ разстройства, безъ внутреннихъ потрясеній.

Ученые общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Министръ народнаго просвѣщенія по представленію ректора с.-петербургскаго университета сдѣлалъ на дняхъ распоряженіе о воспрещеніи всѣмъ существующимъ при с.-петербургскомъ университетѣ ученымъ обществамъ, которыхъ насчитывается около 25, устраивать впредь открытыя засѣданія. Какъ мы слышали, поводомъ къ такому распоряженію послужили недоразумѣнія, происшедшія 14 ноября на засѣданіи философскаго общества. Министерство надѣется такимъ путемъ оградить университетъ отъ сборищъ въ его помѣщеніи учащихъ различныхъ учебныхъ заведеній. Мѣра эта, однако, не распространяется на диспуты при защитѣ диссертаций, которые попрежнему будутъ публичными. („Н. Ж.“).

Университетъ въ Сѣв.-Зап. Краѣ. Сѣверо-Западный край до сихъ поръ лишенъ своего мѣстнаго университета, не смотря на крупныя средства, предлагаемыя нѣкоторыми городами на покрытіе расходовъ, связанныхъ съ учрежденіемъ этихъ вышнихъ разсадниковъ просвѣщенія. Такъ, минская городская дума постановила ходатайствовать объ открытіи въ Минскѣ университета и, въ случаѣ удовлетворительнаго разрѣшенія, ассигновать на это 500.000 руб. и, сколько понадобится, земли. Но условія настоящаго времени не обѣщаютъ благоприятнаго исхода этого ходатайства, въ виду общаго нап्राженія государственныхъ расходовъ по случаю войны. („Сѣв.-Зап. Край“).

Вышія женскія учебныя заведенія. Во время посѣщенія министромъ народнаго просвѣщенія городовъ: Кіева, Харькова и Москвы, къ нему было обращено нѣсколько ходатайствъ, письменныхъ и устныхъ, объ открытіи въ названныхъ городахъ вышнихъ женскихъ учебныхъ заведеній. „Принимая во вниманіе, что выраженные какъ въ этихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ ходатайствахъ пожеланія не приведены въ должное соотвѣстствіе съ назрѣвшими потребностями жизни, въ особенности, по скольку дѣло касается подготовки лицъ женскаго пола къ преподавательской дѣятельности,

и соответствующие проекты не воплотить между собою согласованы и вообще недостаточно разработаны“, министр призналъ необходимымъ обсужденіе этихъ вопросовъ поручить особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра, Лукьянова. („Русь“).

Высшіе женскіе курсы. Годовое общее собраніе общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ происходило 19 декабря подъ предсѣдательствомъ проф. В. А. Фаусека. Передъ началомъ засѣданія предсѣдательница комитета В. П. Тарновская произнесла рѣчь, посвященную памяти скончавшейся наканунѣ Е. І. Лихачевой, бывшей въ теченіе 14 лѣтъ предсѣдательницей комитета. Память покойной была почтена вставаніемъ. Затѣмъ былъ прослушанъ отчетъ комитета. Число членовъ общества достигло 1.400; на приходъ поступило 308.301 р., изъ которыхъ 128.650 р. получены отъ слушательницъ за право ученія, 53.900 р. за пользованіе общежитіемъ и 13.102 р. за обѣды буфетъ и приходящихъ слушательницъ, субсидіи мин. нар. просв. и думы 6.000 руб., остальное доставлено обществомъ. Израсходовано въ отчетномъ году на учебно-административную часть 80.860 р., на общежитіе и столовую 67.002 р., на хозяйственные расходы, уплату ⁰/_о по долговымъ обязательствамъ общества и стипендіи слушательницъ 61.243 р., въ счетъ уплаты за постройку новаго дома 40.405 р. Число стипендій въ отчетномъ году увеличилось на собранную комитетомъ стипендію имени В. П. Тарновской, въ теченіе 25 лѣтъ состоявшей казначеемъ комитета. Въ настоящее время комитетъ располагаетъ 31 стипендіей. Въ истекшемъ году закончена постройка надворнаго зданія, которое обошлось въ 115.000 р. Въ настоящее время общество владѣетъ четырьмя домами, вполне приспособленными къ нуждамъ высшаго учебнаго заведенія. Изъ приложеннаго къ отчету баланса видно, что активъ общества увеличился въ теченіе года на 25.315 р. и за вычетомъ долговыхъ обязательствъ составляетъ на 1 сентября 1904 г. 1.082.910 руб. По выслушаніи отчета, доклада ревизіонной комиссіи и отвѣта на него комитета, общее собраніе отчетъ утвердило, выразивъ благодарность комитету за его неутомимую дѣятельность и ревизіонной комиссіи за внимательное отношеніе ко всѣмъ отраслямъ курсового хозяйства. Въ томъ же засѣданіи въ почетные члены Общества избраны Н. П. Раевъ и Н. Н. Михайловскій. Н. П. Раевъ, состоя въ теченіе 10 лѣтъ директоромъ курсовъ всегда проявлялъ самое живое участіе къ интересамъ Общества. Н. Н. Михайловскій пожертвовалъ курсамъ въ высшей степени цѣнную бібліотеку своего покойнаго отца Н. К. Михайловскаго. Въ члены комитета вновь выбраны выходившіе по очереди: Е. П. Султанова, А. П. Философова, Ф. Д. Ватюшкова, Р. А. Карѣева. Кандидатами остались М. И. Ростовцевъ, Е. И. Гарднеръ, М. В. Нольде. Въ ревизіонную комиссію избраны: профессоръ Гришинъ и Саввичъ, С. П. Дехтерева, В. Д. Шумова, В. П. Кошеринникова, Н. В. Евреинова, Н. М. Павлиновъ и А. И. Куинджи. („Н. Вр.“).

О расширеніи правъ женскаго медицинскаго института. Два доктора медицины заявили конференціи женскаго медицинскаго института о своемъ желаніи подвергнуться при институтѣ соответствующему испытанію на званіе приватъ-доцента. Институтъ въ данномъ отношеніи получилъ одина-

ковыя права съ военно-медицинской академіей, но практическое примѣненіе это право найдетъ только въ будущемъ году. („Сиб. В.“).

Женскіе юридическіе курсы. Министерство народнаго просвѣщенія озабочено возрастающимъ стремленіемъ женщинъ къ юридическому образованію. Такъ какъ доступъ въ русскіе университеты для женщинъ пока еще остается закрытымъ, то министерство остановилось надъ вопросомъ объ открытіи на высшихъ женскихъ (бестужевскихъ) курсахъ особаго юридическаго отдѣленія, или же учрежденія самостоятельныхъ женскихъ юридическихъ курсовъ. Проектъ уже разрабатывается подлежащими вѣдомствами. По слухамъ, министерство склоняется болѣе въ пользу перваго предложенія. Окончательно проектъ будетъ разработанъ не ранѣе конца текущаго академическаго года. („Нов.“).

Первый выпускъ женщинъ-фармацевтовъ. Въ январѣ наступающаго года состоялся первый officialный выпускъ ученицъ фармацевтической школы для женщинъ, учрежденной при первой женской аптекѣ А. Б. Лесневской въ С.-Петербургѣ. („Бирж. В.“)

Университетская инспекція. Однимъ изъ профессоровъ томскаго института вносится въ совѣтъ предложеніе ходатайствовать передъ министерствомъ о томъ, чтобы должность инспектора студентовъ, освободившаяся послѣ смерти М. Ф. Шаталова, не замѣщалась совсѣмъ. Ходатайство это мотивируется тѣмъ, что при пересмотрѣ устава высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній кладется въ основу положенія, выработанныя совѣтами и учебными комитетами высшихъ учебныхъ заведеній, а онп, какъ извѣстно, категорически высказались за уничтоженіе инспекціи. („Вост. Обзор.“).

Студенческая лавка. Открытая годъ назадъ студентами Варшавскаго университета и политехническаго института лавка письменныхъ принадлежностей (по Маршалковской ул.) крайне заинтересовала студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, и инициаторъ этого дѣла въ Варшавѣ, студентъ Станиславъ Клобскій, получаетъ изъ разныхъ городовъ отъ русскихъ студентовъ запросы относительно организаціи предпріятія, способа веденія дѣла, формальностей и т. д., а студенты Московскаго университета командировали въ Варшаву двухъ товарищей, которые знакомятся съ постановкой дѣла на мѣстѣ. Кромѣ Москвы, варшавской студенческой лавкой интересовались болѣе другихъ студенты Казанскаго университета, Кіевскаго политехническаго института, куда г. Клобскій выслалъ уставъ студенческаго предпріятія въ Варшавѣ, подробное описаніе его дѣятельности и другія свѣдѣнія. Надо прибавить, что въ Варшавѣ студенческая лавка развивается необыкновенно успѣшно и, не смотря на всеобщій застой въ торговлѣ, все расширяетъ кругъ своихъ операцій, пользуясь широкою симпатіей у публики. („Зап. Гол.“)

Земство и гимназіи. Въ послѣднемъ засѣданіи смоленскаго губернскаго земскаго собранія горячіе дебаты вызвало предложеніе управы ходатайствовать передъ правительствомъ о введеніи въ педагогическій совѣтъ смоленской мужской гимназіи двухъ или трехъ гласныхъ отъ губернскаго земства. Однимъ изъ гласныхъ З. П. Ельчаниновымъ, было предложено расширить предложеніе управы: гласный предлагаетъ ходатайствовать передъ правительствомъ не только о допущеніи въ педагогическій совѣтъ двухъ представителей отъ земства, но и о назначеніи въ смоленскую гимназію избраннаго земствомъ и городомъ попечителя.

Послѣ обмѣна мнѣній собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о введеніи въ педагогическій совѣтъ смоленской классической гимназіи 3-хъ представителей отъ земства и приняло предложеніе З. П. Ельчанинова ходатайствовать о назначеніи въ педагогическій совѣтъ смоленской гимназіи попечителя, избраннаго соединеннымъ собраніемъ земства и города.
(„Придн. Кр.“).

Физика въ гимназіяхъ. Нѣкоторыя провинціальныя средне-учебныя заведенія обратились въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ ассигнованіи средствъ на расширеніе обстановки физическихъ кабинетовъ, дабы установить вечернія занятія по физикѣ съ учениками старшихъ классовъ, занятія, давшія въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ весьма благопріятные результаты.
(„Сл.“).

Литературно-музыкальныя собранія въ Нарвскихъ гимназіяхъ. Въ среду, 23-го февраля, въ 5 ч. пополудни въ здѣшней женской гимназіи состоялось второе литературно-музыкальное собраніе, исполнителями на которомъ, какъ и на предыдущемъ собраніи, выступили воспитанницы гимназіи.

Въ литературный отдѣлъ вошли два реферата, составленные и прочитанные ученицами: 5-го кл.—Вартельсъ (на тему „Жанна д'Аркъ“) и 6 кл.—Тихвинской (на тему „Марія Стюартъ“). Оба реферата составлены весьма обстоятельно и написаны хорошимъ языкомъ.

Очень живо были разыграны воспитанницами 5 и 6 кл. сцены изъ „Недоросля“ (урокъ Митрофанушки и бесѣда г-жи Простаковой съ Вральманомъ) и отрывокъ изъ „Мертвыхъ душъ“ (Чичиковъ у Плюшкина).

Изъ отдѣла декламации наибольшее впечатлѣніе произвели стихотвореніе „Бѣлое покрывало“ Михайлова (проч. учен. 8 кл. Хведкевичъ) и „Ночь видѣній“ изъ „Призраковъ“ Тургенева (проч. учен. 8 кл. Шигаева). Обѣ воспитанницы декламировали наизусть, что было задачей весьма нелегкой, особенно для г-жи Шигаевой, которая избрала для декламации огромный прозаическій отрывокъ; точная передача этого отрывка вызвала удивленіе слушателей.

Кромѣ того были прочитаны на русскомъ языкѣ стихотворенія: Вейнберга „Къ морю“ (восп. 7 кл. Мухиной), Апухтина „Передъ операціей“ (восп. 7 кл. Шульцъ) и Майкова „Розы“ (восп. 8 кл. Харьковской), и на нѣмецкомъ языкѣ: монологъ изъ „Іоанны д'Аркъ“ Шиллера—„Liebt wohl, ihr Berge“ (восп. 6 кл. Чудиновой) и „Des Sängers Fluch“ Уланда (восп. 5 кл. Кретцеръ и Камсъ).

Музыкальную часть составили: игра на роялѣ (Вальсъ Шопена, исполнен-

ный восп. 7 кл. Носовичъ и Фантазія Волленгаупта—восп. того же класса Ваяганенъ), два дуэта („Разсвѣтъ“ Чайковского—восп. 7 кл. Шницбергъ и Носовичъ и Мендельсона „Хотѣлъ бы въ единое слово“—восп. 8 кл. Шигаевой и Харьковой) и хоровое пѣніе („Широкая масленица“ Сѣрова, малороссійская пѣсня и „Хоръ пилигримовъ“ изъ оперы Вагнера „Тангейзеръ“).

Собраніе закончилось народнымъ гимномъ, исполненнымъ хоромъ воспитанницъ.

На собраніи присутствовали предсѣдатели попечительнаго и педагогическаго совѣтовъ гимназій, учебно-воспитательный персоналъ ея, съ г-жей начальницей во главѣ, нѣкоторые изъ членовъ семействъ г.г. служащихъ въ гимназій, воспитанницы старшихъ классовъ (5—8 кл.) и ученики двухъ старшихъ классовъ мужской гимназій.

На другой день, 24-го февраля, въ 11 ч. утра состоялось ученическое литературно-музыкальное собраніе (6-ое въ нынѣшнемъ учебномъ году) въ мужской гимназій.

На собраніи были прочитаны составленные воспитанниками 8 кл. рефераты „Японія и японцы въ освѣщеніи Гончарова (восп. Богдановымъ) и „Сила меча и сила культуры“ (восп. Волкомъ). Оба реферата разработаны серьезно.

Далѣе, въ литературный отдѣлъ вошли стихотворенія Майкова—„Картинка“, Никитина—„Выѣздъ ямщика“, „Три правды“—сказка Майкова,—продекламированны учениками младшихъ классовъ, „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина, прочитанный въ лицахъ учениками 7 кл. Смирновымъ и Шулеповымъ, и стихотвореніе въ прозѣ Тургенева—„Воробей“,—съ большимъ чувствомъ прочитанное ученикомъ 8 кл. Богдановымъ.

Музыкальную часть программы составили: нѣсколько вокальных пѣсень, исполненныхъ гимназическимъ хоромъ, „Die Ehre Gottes“ Бетховена и „Träumerei“ Шумана, сыгранныя ученическимъ оркестромъ, струнный квартетъ „Da mocht ich ruh'n“ Наймана, дуэты изъ „Fliegender Holländer“ Вагнера, Aria di chiesa, исполненные на роялѣ и фисъ-гармонии преподавателемъ К. А. Тамомъ и уч. 8 кл. Галлеромъ, „Trois rêveries“, исполненное учениками Харьковымъ и Перно на роялѣ и скрипкѣ, и нѣсколько пьесокъ, исполненныхъ оркестромъ балалаечниковъ подъ управленіемъ ученика С. Вѣжаницкаго.

Собраніе закончилось народнымъ гимномъ, трижды исполненнымъ ученическимъ хоромъ.

На собраніи присутствовалъ почетный попечитель гимназій А. Θ. Гань, учебно-воспитательный персоналъ ея съ г.г. директоромъ и инспекторомъ во главѣ, члены семействъ нѣкоторыхъ преподавателей, воспитанники старшихъ классовъ гимназій (5—8 кл.) и воспитанницы 7 и 8 кл. женской гимназій въ сопровожденіи нѣкоторыхъ преподавательницъ и классныхъ дамъ.

„Вы“ или „ты“. Попечителемъ одесскаго учебнаго округа предложено педагогическимъ совѣтамъ мѣстныхъ среднихъ мужскихъ удобныхъ заведеній обсудить, насколько удобенъ пріемъ обращеній учащихся на „ты“ къ учащимся не только въ старшихъ классахъ, но и въ младшихъ, и не лучше ли было бы перейти къ обращенію съ учащимися на „вы“. („Придн. Кр.“).

Полезное разъясненіе. Въ Аккерманѣ однимъ изъ преподавателей мѣстной женской гимназіи неоднократно оскорблялась группа гимназистокъ-евреекъ въ формѣ систематическаго третированія преподавателемъ еврейской національности. На это явленіе обратилъ вниманіе директоръ гимназіи, г. Драгошъ, состоящій предѣдителемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи. Въ послѣднемъ засѣданіи этого совѣта г. Драгошъ,—какъ сообщаютъ „Одесскія Новости“,—обратился къ педагогическому персоналу съ маленькой рѣчью, въ которой заявилъ, что, не посягая на свободу убѣжденій и мнѣній каждаго изъ нихъ относительно евреевъ, онъ, тѣмъ не менѣе, убѣдительно проситъ ихъ въ стѣнахъ гимназіи не проявлять никакой національной нетерпимости, относясь одинаково корректно ко всѣмъ, безъ различія, ученицамъ. („Бирж. В.“)

Отмѣна страннаго распоряженія. Въ концѣ декабря министерство народнаго просвѣщенія сообщило какъ столичнымъ, такъ и провинціальнымъ начальникамъ учебныхъ заведеній, что воспитанникамъ всякихъ учебныхъ заведеній воспрещается присутствовать на танцевальныхъ вечерахъ и балахъ, устраиваемыхъ въ домахъ ихъ родителей, опекуновъ и лицъ, у которыхъ проживаютъ учащіеся. Въ настоящее время министерство увѣдомило начальствующій учебный персоналъ, что такое постановленіе не должно имѣть силы и отмѣняется, такъ какъ въ него вкралась редакціонная ошибка, искажившая смыслъ циркуляра, благодаря чему предписаніе было понято, какъ запрещеніе. Между тѣмъ, министерство вовсе не намѣревалось вмѣшиваться въ домашнюю жизнь учащихся и не предполагало стѣснять ихъ въ ней какимъ-бы то ни было образомъ. („Нов.“).

Педагогическія совѣщанія. По полученному въ управленіи кавказскаго учебнаго округа разъясненію министерства народнаго просвѣщенія инспекторамъ народныхъ училищъ въ мѣстахъ ихъ постояннаго жительства предоставляется устраивать педагогическія совѣщанія, подъ своимъ предѣтельствомъ, изъ учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ и другихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, имъ подвѣдомственныхъ, по вопросамъ, интересующимъ эти заведенія. („Тифл. Л.“).

Врачи въ училищныхъ совѣтахъ. Возбужденное петербургскимъ губернскимъ земствомъ ходатайство о допущеніи земскихъ санитарныхъ врачей къ участию въ засѣданіяхъ училищныхъ совѣтовъ удовлетворено на основаніи примѣчанія къ ст. 3497 полож. о земск. учрежд. 12 іюня 1890 г., гласящаго: „Высочайше повелѣно: 1) разрѣшить участіе земскаго врача въ засѣданіяхъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Пермской губ. съ правомъ голоса по вопросамъ, относящимся до санитарно-гигіеническаго состоянія народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы самое приглашеніе означеннаго врача къ присутствованію въ уѣздный училищный совѣтъ по объясненнымъ вопросамъ записало отъ предѣдателя совѣта и чтобы въ случаѣ невозможности для земскаго врача прибыть на собраніе совѣта, это обстоятельство не служило пренятствіемъ къ призванію засѣданія совѣта состоявшимся; 2) предоставить министру народнаго просвѣщенія въ случаѣ возбужденія подобныхъ хода-

тайствъ земскими собраніями другихъ губерній разрѣшать примѣненіе въ сѣхъ губерніяхъ упомянутой въ предшедшемъ пунктѣ временной мѣры. Было бы, однако, цѣлесообразнѣе предоставить разрѣшеніе вопроса объ участіи санитарныхъ врачей въ застѣваніяхъ училищныхъ совѣтовъ самимъ земствамъ, безъ испрошенія на это каждый разъ санкціи министерства народнаго просвѣщенія.

(„Сл.“).

Пенсіи для нар. учителей. Въ уѣздахъ Харьковской губерніи учителя земскихъ народныхъ училищъ возбуждаютъ ходатайство о разрѣшеніи имъ собраній для совѣщанія по вопросамъ, касающимся ихъ отношенія къ пенсіонной кассѣ, образованія кассы взаимопомощи и пр. Поводомъ для такого ходатайства послужило назначеніе пенсіонной кассой за 15 лѣтъ службы одному учителю 38 рублей пенсіи въ годъ или, капитализируя пенсію, 200 рублей сразу. Разсуждая, что и за большее число лѣтъ службы пенсія учителямъ немного увеличивается, и считая ее совершенно недостаточной для существованія, учителя въ совѣщаніи намѣрены просить земство о пересмотрѣ устава пенсіонной кассы въ смыслѣ увеличенія пенсій. Для лучшаго же обезпеченія своихъ семействъ они приходятъ къ заключенію о необходимости образованія кассы взаимопомощи учащихся въ народныхъ училищахъ.

(„Харьк. Л.“).

Бѣгство народныхъ учителей. Въ Курской губ. наблюдается довольно печальное явленіе—это бѣгство учителей въ городскіе центры изъ деревень, съ мѣстою своей дѣятельности. Немаловажною причиною бѣгства является частая неаккуратность въ уплатѣ учителямъ жалованья. Не только по недѣлямъ, но иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ учителя ожидаютъ получки жалованья, черезъ что, конечно, разстраиваютъ свое хозяйство и бывають вынуждены прибѣгать къ тяжелому „знакомству“ съ различными ростовщиками: „мірскими кулаками“, „богатѣями“ и тому подобными „благодѣтелями“ нуждающагося люда. Но если добавить еще сюда такіе печальные факты, какъ, напр., непорядки въ школьныхъ зданіяхъ: нетопленныя помѣщенія, крыши „съ пропекціями“, вѣчно пьяные грубые сторожа и вѣчно недовольныя учителями „сельскія власти“, желающія во что бы то ни стало получить отъ учителей „уваженіе“,—то можно себѣ представить, какъ трудна и ненормальна та жизнь, отъ которой бѣгутъ эти „свѣтели разумаго, добраго, вѣчнаго“...

(„Харьк. Лист.“).

„Маякъ“ и его дѣятельность. С.-Петербургскій комитетъ содѣйствія молодымъ людямъ въ нравственномъ и физическомъ развитіи („Маякъ“) вступилъ въ пятый годъ жизни. Дѣятельность этого глубоко симпатичнаго просвѣтительнаго учрежденія съ каждымъ годомъ значительно развивается и привлекаетъ способныхъ и полезныхъ работниковъ. Въ отчетномъ году число посѣтителей „Маяка“ достигло 1.050, изъ нихъ православныхъ 838 человекъ. Наиболѣе значительной группой являются слушатели въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ (370), хотя имѣются и 17-лѣтніе юноши и люди, достигшіе 35-лѣтняго возраста. Изъ общаго числа только 9 человекъ получили высшее образованіе, 176—среднее, но больше всего, понятно, молодыхъ людей, вос-

питанниковъ низшей школы (621). Среди слушателей „Маяка“ имѣются представители всѣхъ профессій,—рабочіе, ремесленники, служащіе въ различныхъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, учителя и врачи. Функція комитета чрезвычайно разнообразны и стремятся удовлетворить духовные запросы возможно большаго контингента столичной молодежи. Ведутся бесѣды религіозно-нравственнаго характера, читаются лекціи по русской и всеобщей исторіи, по русской литературѣ, физиологіи, минералогіи и химіи, по естественной исторіи, по различнымъ вопросамъ медицины и гігіены, по психологіи и по вопросамъ философіи и общественной этики. Кромѣ того, устраиваются экскурсіи, учреждены курсы новыхъ языковъ, открыта бібліотека съ выдачей книгъ на домъ, образованъ хоръ и струнный оркестръ. Посѣтители „Маяка“ пользуются бесплатной медицинской помощью, ведутся гимнастическія упражненія. Какъ многія благія начинанія на Руси, „Маякъ“ сильно нуждается въ средствахъ. Расходы постепенно растутъ, а доходы, подъ влияніемъ тяжелыхъ условій русской жизни, сокращаются. („Вирж. В.“)

Желательное сближеніе. Въ новомосковскомъ у. сельскіе учителя и учительницы получили отъ инспектора народныхъ училищъ циркуляръ, приглашающій ихъ посоветоваться съ товарищами и съ другими свѣдущими людьми и высказаться, какимъ образомъ объединить учрежденія и должностныхъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ школѣ и влияніе на нее, выработать правила взаимныхъ отношеній, чтобы школа и учитель въ ней чувствовали поменьше начальства, а побольше добрыхъ сочувствующихъ лицъ. Циркуляръ заканчивался такъ: „Надобно быть откровеннымъ и искреннимъ, но вѣрнымъ“. Обсудивъ этотъ циркуляръ, учителя in corpore выработали слѣдующіе тезисы: учредить школьныя попечительства, куда бы входилъ учительскій персоналъ и выборные отъ общества и земства; въ члены попечительства не должны быть допускаемы лица, занимающія мѣстныя административныя должности; попечительство вѣдаетъ всѣ хозяйственныя дѣла школы, а также и вопросы педагогическаго характера, возбуждаемые учителемъ школы; ежегодно должны быть учительскіе съѣзды, куда учителя могутъ приглашать специалистовъ-лекторовъ и докладчиковъ по вопросамъ нуждъ учителей и школы; реорганизовать уѣздные училищныя совѣты пополненіемъ двухъ выборныхъ отъ учителей и всего состава уѣздной земской управы, причѣмъ предоставлять право обвиняемому учителю присутствовать въ совѣтѣ для защиты себя; права инспектора ограничить закономъ, и, въ случаѣ замѣченныхъ имъ упущеній со стороны учителя, доводить до свѣдѣнія училищнаго совѣта. Учителя единогласно высказались, что нормальную постановку дѣла можно ожидать съ введеніемъ въ уѣздѣ мелкой земской единицы. („Н. Вр.“).

Распространеніе просвѣщенія среди евреевъ. Одесскій отдѣлъ общ. распротр. просв. среди евреевъ поспѣшилъ выпускомъ отчета за 1902—3 гг. въ виду предстоящаго общаго собранія. Въ отчетахъ имѣются данныя о дѣятельности комитета, вишкольной комиссіи, бібліотечной комиссіи мужскаго училища Е. М. Плотниковой, школьно-педагогическаго музея имени д-ра Л. Г. Гольда, женской лѣтней колоніи и т. д. Комитетъ, какъ передаетъ „Южн. Об.“, главное свое вниманіе въ обоихъ отчетныхъ годахъ удѣлялъ низшему

образованію. Въ 1902 г. субсидировалось 5 мужскихъ училищъ, 5 женскихъ профессиональныхъ училищъ, школа грамотности для взрослыхъ дѣвушекъ, 2 субботнія школы и вечерніе курсы, устроенные при 5 школахъ, и лѣтняя колонія для слабыхъ дѣтей. Кромѣ того, комитетъ оказывалъ пособіе нѣкоторымъ студентамъ поворооссійскаго, юрьевскаго, харьковскаго университетовъ, варшавскаго политехническаго института и академіи художествъ, учащимся въ мѣстныхъ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и коммерческихъ училищахъ. Въ 1903 г. общество перешло изъ вѣдѣнія мин. нар. просвѣщ. Въ 1903 году комитетъ издалъ книгу проф. М. Лапаруса „Этика юдаизма“. Отъ неизвѣстнаго лица поступило въ комитетъ пожертвованіе, въ 10 тыс. руб., на постройку особаго зданія для лѣтнихъ колоній, которое будетъ строиться на участкѣ земли на Предмѣѣ Фонтанѣ, пожертвованномъ Г. Э. Вейнштейномъ. („Нов. Вр.“).

Заемъ на школы. Въ Тулѣ думская коммиссія по вопросамъ народнаго образованія входитъ съ предложеніемъ возбудить ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи городу облигаціоннаго займа въ суммѣ 100 тыс. руб. на нужды народнаго образованія.

Чтобы оцѣнить своевременность подобнаго ходатайства, достаточно сказать, что по недостатку средствъ и школьныхъ помѣщеній, городъ принужденъ дѣлать много отказовъ дѣтямъ въ пріемъ въ школы; такъ, въ началѣ 1904—5 учебнаго года въ четырехъ городскихъ школахъ было около 270 отказовъ. Да оно и понятно: четыре школы на болѣе чѣмъ стотысячное населеніе города—т. е. казля въ морѣ той нужды, которую ощущаетъ городское населеніе школьнаго возраста въ даровомъ обученіи. Правда, въ настоящее время готова къ открытію еще пятая школа, и, кромѣ того, сравнительно недавно состоялись постановленія объ открытіи еще двухъ школъ: въ память посѣщенія города Государемъ Императоромъ и въ ознаменованіе рожденія Наслѣдника Цесаревича; но источники содержанія этихъ школъ пока не намѣчены. Но допустимъ, что источники найдутся; въ такомъ случаѣ явится новое и весьма серьезное препятствіе въ отысканіи подходящихъ помѣщеній для новыхъ школъ, такъ что само собою возникаетъ вопросъ о необходимости для проектируемыхъ школъ собственныхъ помѣщеній, а это, конечно, сопряжено съ такими расходами, которые никоимъ образомъ не могутъ быть покрыты изъ ординарныхъ источниковъ. Наконецъ, городское управленіе понимаетъ, что въ настоящее время, когда на очередь поставленъ вопросъ о желательности сдѣлать начальную школу общедоступной, тремя новыми школами ограничиться будетъ нельзя, и что въ Тулѣ недостатка въ учащихся не будетъ, если открыть не три, а шесть новыхъ школъ. Такимъ образомъ, вопросъ о спеціальномъ займѣ на нужды народнаго образованія является насущнѣйшимъ для Тулы вопросомъ, разрѣшеніе котораго въ утвердительномъ смыслѣ дастъ городу возможность смыть темное пятно, какимъ является неудовлетворяемая нужда въ начальномъ обученіи, вызывающая такое значительное число отказовъ въ пріемъ дѣтей въ городскія школы. Проектируемое ходатайство будетъ уже вторымъ по счету, такъ какъ первое, возбужденное въ 1901 г., осталось безъ удовлетворенія. Министерство внутреннихъ дѣлъ сочло цѣлесообразнымъ отложить заключеніе займа на означенный предметъ „впредь до наступленія болѣе благоприятнаго для финансовъ гор. Тулы времени“. Не говоря уже о томъ, что такого благоприятнаго времени едва ли можно скоро дожидаться, допустимъ, что счастливый для тульскихъ финансовъ моментъ наступилъ. Оче-

видно, тогда никакого займа не потребуется, и городъ построить школы изъ текущихъ доходѣвъ. Вотъ на какихъ шаткихъ основаніяхъ отклонено ходатайство довольно богатаго города, которому лучше знать, что ему нужно.

(„Н. Вр.“).

Кіевское общество грамотности не такъ давно возбудило ходатайство: 1) объ измѣненіи правилъ по изданію и распространенію народныхъ книгъ популярнаго содержанія на малорусскомъ языкѣ и 2) о допущеніи въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки изданнаго кіевскомъ обществомъ грамотности сборника отзывѣвъ о книгахъ для народнаго чтенія подъ заглавіемъ „Народная литература“. Первое ходатайство признано г. министромъ внутреннихъ дѣлъ неподлежащимъ удовлетворенію, второе же отклонено министерствомъ народнаго просвѣщенія на томъ основаніи, что въ сборникѣ есть отдѣлы съ рекомендаціями сочиненій на малорусскомъ нарѣчій, министерствомъ не допускаемыхъ въ бесплатныя народныя бібліотеки-читальни.

(„Кіев. Откл.“).

Неудачный опытъ. Земства Калужской губерніи сдѣлали опытъ перестройки заботъ о распространеніи начальнаго образованія въ вѣдѣніе мѣстнаго духовенства, причемъ духовенству же были переданы и средства, отпускавшіяся на это. Но опытъ оказался неудачнымъ, и земства возвращаются къ прежнему порядку. Такъ, Калужское губернское земское собраніе обсуждало постановленіе перемышльскаго уѣзднаго земскаго собранія о прекращеніи выдачи пособія церковно-приходскимъ школамъ, признанное имъ „нарушающимъ интересы мѣстнаго населенія“. Губернское собраніе, выяснивъ изъ преній, что суммы, освобождающіяся отъ прекращенія пособія на церковно-приходскія школы, пойдутъ на дѣло народнаго образованія и на открытіе новыхъ земскихъ училищъ, надъ церковно-приходскими же школами, при крайней неудовлетворительности постановки въ нихъ учебнаго дѣла, земство совершенно не имѣетъ контроля,—признало, что интересы населенія постановленіемъ перемышльскаго земства не нарушены.

Надо сказать, что духовное вѣдомство долго оспаривало право за земствомъ лишить церковно-приходскія школы разъ назначеннаго пособія.

(„Рус. В.“).

Передвижныя школы. Въ цѣляхъ сдѣлать начальное образованіе возможно болѣе доступнымъ. Таврическимъ губернаторомъ представлено было въ министерство народнаго просвѣщенія ходатайство губернскаго земства о разрѣшеніи земствамъ губерніи открывать передвижныя школы. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ, министерство увѣдомило губернатора, что имъ признано наиболѣе цѣлесообразнымъ ограничиться въ настоящее время разсмотрѣніемъ вопроса объ устройствѣ передвижныхъ школъ въ Перекопскомъ уѣздѣ, земскимъ собраніемъ котораго возбуждено такое ходатайство, а потому министерствомъ предложено попечителю одесскаго округа разработать основанія, на которыхъ могла бы быть введена система передвижнаго обученія въ этомъ уѣздѣ.

(„Кр. В.“).

Школа имени Ломоносова. На родинѣ М. В. Ломоносова въ с. Курострово, близъ гор. Холмогоръ, 14-го ноября состоялось торжество, поводомъ для котораго послужило преобразование мѣстнаго однокласснаго училища въ двухклассное. Съ своей стороны, „Арх. Губ. Вѣдом.“ поясняютъ, что это училище имѣетъ высокое предвѣщеніе: оно должно служить памятникомъ, вполне достойнымъ имени великаго русскаго ученаго, почему естественно было и ознаменовать также событіе чрезвычайнымъ торжествомъ. Ко дню празднованія были приглашены въ Курострово всѣ гражданскіе представители гор. Холмогоръ и все городское духовенство, законоучители и преподаватели сосѣднихъ министерскихъ школъ, всѣ сельскіе старосты и выборные со всей ломоносовской волости; всѣ жители Курострова были оповѣщены наканунѣ черевъ десятичныхъ. Торжество было открыто въ 1 ч. дня благодарственнымъ молебніемъ, передъ которымъ законоучителемъ было произнесено слово о сущности праздника и его значеніи по связи школы съ церковью. Затѣмъ говорилъ инспекторъ народныхъ училищъ, указавшій, между прочимъ, въ своей рѣчи на возрастающую въ краѣ потребность въ образованіи. Затѣмъ послѣдовало чтеніе привѣтственной телеграммы отъ имени Императорской академіи наукъ и отвѣтной на нее съ родины Ломоносова, а также чтеніе благодарственной телеграммы на имя управляющаго с.-петербургскимъ учебнымъ округомъ Латышева, принимавшаго весьма горячее участіе въ преобразованіи училища. Послѣ этого завѣдывающій ломоносовскимъ училищемъ, старшій учитель Соболевъ, предложилъ чтеніе „О дѣтскихъ годахъ жизни Ломоносова“. За чтеніемъ опять послѣдовала рѣчь инспектора, въ которой высказывалось, что училище имени Ломоносова преобразовано изъ однокласснаго въ двухклассное, чтобы стать наилучшимъ памятникомъ Ломоносову на его родинѣ; въ заключеніе выражено пожеланіе, чтобы съ окончательною всестороннею разработкою предпринятаго преобразованія ломоносовское училище стало образцовымъ министерскимъ училищемъ не только для архангельскаго края, но и для всего отечества, на благо котораго пламенно и честно потрудился Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, и чтобы ломоносовское училище производило такихъ же неутомимыхъ тружениковъ, искренно преданныхъ своему Государю патриотовъ, каковъ былъ самъ Ломоносовъ. Не думаютъ ли, однако, „Арх. Губ. Вѣд.“, что двухклассное училище является слишкомъ скромнымъ памятникомъ въ сравненіи съ заслугами передъ Россіей М. В. Ломоносова? („Нов. Вр.“).

Нач. школа имени кн. Святополкъ-Мирскаго. Крестьяне Гончарской волости Лидскаго уѣзда, Виленской г., желая запечатлѣть среди мѣстнаго населенія время управленія сѣверо-западнымъ краемъ бывшаго главнаго начальника края, кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго, въ виду того, что онъ обращалъ серьезное вниманіе на народную школу и вообще грамотность населенія, которой придавалъ особо важное значеніе, постановили приговоромъ волостного схода просить своего земскаго начальника войти съ ходатайствомъ о разрѣшеніи вновь строящееся въ селѣ Гончарахъ народное училище назвать: „Гончарское имени князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго народное училище“. Земскій начальникъ Г. Конъ получилъ черезъ губернатора увѣдомленіе, что министръ изъяснилъ на это согласіе и вмѣстѣ просилъ передать его сердечную благодарность крестьянамъ названной волости. („Н. Вр.“)

Закрытие воскресных школ въ Кіевѣ. Кіевское общество грамотности, вынужденное закрыть свои воскресныя школы, вслѣдствіе того, что духовное вѣдомство отъ завѣдыванія ими отказалось, ходатайствовало передъ попечителемъ учебнаго округа о принятіи воскресныхъ школъ въ вѣдѣніе учебнаго округа. Въ самое послѣднее время совѣтъ общества получилъ отказъ на это ходатайство. Отказъ мотивированъ тѣмъ, что въ Кіевѣ нѣтъ особаго инспектора для завѣдыванія низшими учебными заведеніями, „вслѣдствіе чего надзоръ за воскресными школами былъ бы крайне затрудненъ“. У насъ все еще интересы „надзора“ превалируютъ надъ интересами просвѣщенія! А кіевскія воскресныя школы функционировали вполне успѣшно. („Кіев. Откл.“).

Школа памяти 19 февраля. Петербургское собраніе экономистовъ построило въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости красивое школьное зданіе на Удѣльной. Освященіе зданія происходило 19 декабря и привлекло вѣскольکو членовъ собранія. Въ новомъ двухъ этажномъ деревянномъ домѣ, богатомъ просторомъ и свѣтомъ, пріютилась земская школа. Потребность въ ней чувствовалась давно, что доказывается необычайнымъ приливомъ учащихся. Открыто всего только два отдѣленія (младшее и среднее), принято уже 80 дѣтей. Собраніе экономистовъ ассигновало на школьный домъ сперва 10.000 р., затѣмъ добавило около 2.000 руб. Собраніе по ежегодному доходу можно считать богатымъ; ассигнованная цифра поражаетъ скромностью. Надо полагать, что собраніе не перестанетъ заботиться о школѣ въ будущемъ и обставить ее такъ, что она явится однимъ изъ хорошихъ памятниковъ освобожденія крестьянъ. Въ настоящее время собраніе украсило залъ школы портретами дѣятелей освободительной эпохи и предполагаетъ устроить въ школѣ народную бібліотеку. („Н. Вр.“).

Попечительства при начальныхъ школахъ. Саратовскій губернаторъ увѣдомилъ земскую управу, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія разрабатывается проектъ объ учрежденіи коллегіальныхъ попечительствъ при народныхъ школахъ. Ходатайство земства по этому вопросу будетъ принято во вниманіе. („Н. Вр.“).

Школа и кабакъ. Ямбургское земское собраніе на минувшей очередной сессіи, выслушавъ докладъ управы по поводу предложеннаго ходатайства о возвышеніи на 40 коп. цѣны за ведро вина въ цѣляхъ обращенія этихъ денегъ на нужды народнаго образованія, единогласно постановило: предложеніе это отклонять, находя несомнѣстимымъ съ достоинствомъ земскихъ учреждений создавать дѣло народнаго образованія на средствахъ, добываемыхъ отъ народного порока. Докладъ этотъ вызвалъ со стороны многихъ гласныхъ энергичные протесты противъ самой возможности существованія какой-бы то ни было связи между вопросами народнаго образованія и питейнымъ; при этомъ указывалось, что пріобрѣтеніе средствъ на дѣло народнаго образованія не можетъ ставиться въ зависимость отъ развитія винной торговли.

(„Нов.“)

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы

слѣдующія изданія ЖУРНАЛА

РУССКАЯ ШКОЛА“.

”

- 1) Мысли о воспитаніи. *Джона Локка*. Переводъ съ англійскаго Петра Вейнберга. 1891 г. Цѣна 1 руб.
  - 2) Мысли о воспитаніи и обученіи. *К. П. Яновскаго*. 1900 г. Цѣна 2 руб.
  - 3) Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. *П. Θ. Кантерева*. 1898 г. Цѣна 80 коп.
  - 4) Обязательный минимумъ образованія. *М. Л. Песковского*. 1895 г. Цѣна 80 коп.
  - 5) Вниманіе и интересъ при обученіи. *А. И. Анастасіева*. 1903 г. Цѣна 40 коп.
  - 6) Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія, въ особенности же классическихъ гимназій. *Я. Г. Гуревича*. 1900 г. Цѣна 30 коп.
  - 7) Школьная гигиена (По Котельману). *Д-ра И. Я. Врейтмана*. 1901 г. Цѣна 40 коп.
  - 8) Душа ребенка въ первые годы жизни. Двѣ публичныхъ лекціи. Проф. *Н. Н. Ганге*. 1892 г. Цѣна 40 коп.
  - 9) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатства, здоровье, нравственность и другія стороны общественной жизни. *П. Г. Мижусева*. 1897 г. Цѣна 80 коп.
  - 10) Забѣтки и наблюденія сельскаго учителя. *Дидо*. 1902 г. Цѣна 50 коп.
  - 11) Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I. *А. В. Бѣлецкаго*. 1894 г. Цѣна 1 руб.
  - 12) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. *П. Г. Мижусева*. 1893 г. Цѣна 80 коп.
  - 13) Очерки развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. *П. Г. Мижусева*. 1898 г. Цѣна 80 коп.
  - 14) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. *П. Г. Мижусева*. 1902 г. Цѣна 80 коп.
  - 15) Средняя школа въ Германіи. *П. Г. Мижусева*. 1903 г. Цѣна 60 коп.
  - 16) Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. *П. Г. Мижусева*. 1903 г. Цѣна 25 коп.
  - 17) Очерки современнаго состоянія начальнаго образованія въ западной Европѣ. *М. И. Страховой*. 1899 г. Цѣна 50 коп.
  - 18) Начальная школа Министерства Народнаго Просвѣщенія. *В. И. Фармаковского*. 1900 г. Цѣна 1 руб.
  - 19) Очерки развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи. *П. Г. Мижусева*. 1896 г. Цѣна 30 коп.
  - 20) Новый способъ обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. *В. Флерова*. Изданіе 4-е. 1902 г. Цѣна 25 коп.
  - 21) Обученіе чтенію правильному, сознательному и выразительному. *М. А. Тростникова*. 1901 г. Цѣна 25 коп.
  - 22) Обученіе письму (чистописанію и правописанію). *М. А. Тростникова*. 1901 г. Цѣна 25 коп.
  - 23) Обученіе грамматикѣ русскаго литературнаго языка. *М. А. Тростникова*. 1903 г. Цѣна 25 коп.
  - 24) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію. *Аполлоса Соболева*. 1902 г. Цѣна 60 коп.
  - 25) Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. *С. И. Шоховъ-Троцкаго*. 1892 г. Цѣна 60 коп.
  - 26) Нѣмецкая и русская методика ариметики за текущее столѣтіе. *М. И. Успенскаго*. 1899 г. Цѣна 40 коп.
  - 27) Забѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Проф. *Н. И. Каръева*. 1900 г. Цѣна 50 коп.
- Складъ всѣхъ этихъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Стасюлевича (Спб., Вас. остр. 5 линія д. 28).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.
на ежемѣсячный журналъ
ИСКУССТВА ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
„ПРАВДА“
(ГОДЪ ИЗДАНІЯ II-й).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Беллетристика—романы, повѣсти, очерки, пьесы, стихотворенія и проч.—какъ оригинальные, такъ и переводные. 2) Критика и библиографія. 3) Статьи по вопросамъ эстетики, морали и философіи. 4) Статьи по различнымъ отдѣламъ искусства—живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, сценическому искусству, музыкѣ, поэзій и проч. 5) Статьи по вопросамъ исторіи и культуры. 6) Обзоры общественной жизни отечественной и иностранной. 7) Художественная хроника—театръ, музыка, художественныя выставки. 8) Отчеты о дѣятельности обществъ—художественныхъ, философскихъ, ученыхъ и проч. 9) Хроника важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній—техническихъ, коммерческихъ, научныхъ и проч. 10) Педагогическій отдѣлъ—статьи по вопросамъ обученія и воспитанія. 11) Судебная хроника. 12) Общій отдѣлъ—письма въ редакцію, почтовый ящикъ, разныя извѣстія, смѣсь и проч. 13) Портреты художественныхъ и общественныхъ дѣятелей и ихъ біографіи. 14) Иллюстраціи къ тексту журнала. 15) Объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

Б. В. Авилловъ, Леонидъ Андреевъ, В. Базаровъ, К. Д. Бальмонтъ, А. Богдановъ, В. Я. Богучарскій, проф. В. П. Бузескутъ, Ив. А. Бунинъ, Ив. А. Вѣлоусовъ, К. Н. Вентцель, А. А. Вербицкая, В. Вересаевъ, Сергѣй Глаголь, Г. Галина, С. Н. Головачевскій, Максимъ Горькій, Е. П. Гостлавскій, Г. А. Гроссманъ, И. Гурвичъ, Е. В. Дегенъ, А. К. Джигелеговъ, В. І. Дмитриева, С. Елеонскій, проф. В. Н. Ивановскій, А. В. Игельстромъ, Н. Иорданскій, М. Н. Ковалевскій, П. А. Кожевниковъ, А. М. Коллонтай, акад. О. Е. Коршъ, проф. Н. А. Котляревскій, пр.-доц. С. А. Котляревскій, А. Р. Крандѣевская, С. Н. Кранихфельдъ, Н. А. Крашенинниковъ, А. И. Купринъ, М. Е. Ландау, М. К. Лемке, Максъ-Лип, А. Е. Лосицкій, А. В. Луначарскій, М. Г. Луницъ, М. Л. Мандельштамъ, П. П. Масловъ, С. П. Мельгуновъ, пр.-доц. Л. С. Мияновъ, В. М. Михеевъ, С. А. Пайденновъ, Ив. Наживинъ, М. Невѣдомскій, Л. Ф. Нелидова, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, М. Ольминскій, Вл. Орликъ, Е. Орловъ, М. Н. Покровский, пр.-доц. Н. А. Рожковъ, пр.-доц. М. Н. Розановъ, пр.-доц. Г. И. Россолимо, П. П. Румянцевъ, Д. Сатуринъ, А. Серафимовичъ, Н. А. Скворцовъ, Скиталецъ, В. Л. Смирновъ, И. Степановъ, В. Н. Сторожевъ, С. А. Суворовъ, Танъ, П. Д. Телешовъ, А. Ю. Фининъ, В. М. Фриче, пр.-доц. А. В. Цингеръ, Е. Н. Чириковъ, Л. Шейнисъ, В. А. Щерба, Ю. Д. Энгель, Семенъ Юшкевичъ, Яблотовскій, пр.-доц. Л. Н. Яснопольскій, А. М. Федоровъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ	7 р. 20 к.	5 р. 40 к.	3 р. 60 к.	1 р. 80 к.
Безъ дост. въ Петербургѣ, Харь- ковѣ и Одессѣ	7 р. 50 к.	5 р. 65 к.	3 р. 75 к.	1 р. 90 к.
Съ доставкой въ Москвѣ	7 р. 60 к.	5 р. 70 к.	3 р. 80 к.	1 р. 90 к.
Съ пересылкой въ Россіи	8 р. — к.	6 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Заграницей	10 р. 80 к.	8 р. 10 к.	5 р. 40 к.	2 р. 70 к.

Годовымъ подписчикамъ разсрочка безъ повышенія платы, по соглашенію съ редакціей

АДРЕСЪ Редакціи: Москва, Кудрино, 1, 18.
„ для телеграммъ: Москва—Журналъ.
„ Московской конторы: Неглинная 4, Журнальное дѣло.

АДРЕСЪ Петербургской конторы: Загородный 21, 43.
„ Одесской конторы: Риппель-евская 12, Образование
„ Харьковской конторы: Мо-сковская 21, А. Дредеръ.

Подписка принимается и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель Вал. Кожевниковъ,

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы
слѣдующія изданія ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

- 1) Новая русская педагогія, ея главнѣйшая идеи, направленія и
дѣятели.

П. О. Каптерева.

Спб. 1891 Цѣна 80 коп.

Допущена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просв. въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ
госуд.-учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв., а также въ учительскія библіотеки учи-
тельскихъ институтовъ и семинарій (Извѣщеніе Департамента Мин. Нар. Пр. отъ
22 января 1903 г. за № 2493).

- 2) Очерки современнаго состоянія начальнаго народнаго образованіе
въ Западной Европѣ и во вѣввропейскихъ странахъ.

М. И. Страховой.

Спб. 1899 г. Цѣна 50 коп.

Допущена Ученымъ омитетомъ М. Н. росв. въ учительскія библіотеки низшихъ учеб-
ныхъ заведеній, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки (Ж. М. Н.
Просв. за январь 1903 г.).

- 3) Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго обра-
зованія въ Англіи.

П. Г. Мижуевъ.

Спб. 1896 г. Цѣна 30 коп.

- 4) Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго обра-
зованія въ Англіи.

П. Г. Мижуевъ.

Спб. 1898 г. Цѣна 80 коп.

Допущены Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просв. въ учительскія библіотеки низшихъ
учебныхъ заведеній, а также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки (Ж. М. Н.
Пр. за январь 1903 г.).

Складъ всѣхъ этихъ изданій въ книжномъ магаз. **Стасюлевича.**

(Спб. Вас. остр., 5 линія, д. 28).

На 1905 г. подписка на САМУЮ ДЕШЕВУЮ ежедневную газету:

„Русская Газета“

Обновление и совершенствованіе нашей жизни, торжество добра и справедливости, широкіе общечеловѣческіе идеалы—главный предмет нашей работы, направленной на благо родины. Счастье и судьбы трудящагося челоѣка, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія. Нужды города и деревни, провинціи и окраинъ всегда найдутъ откликъ въ «Русской Газетѣ». Вѣротерпимость и челоѣчность. Направленіе прогрессивное.

Телеграммы; корреспонденціи; хроника; статьи; романы, повѣсти, рассказы; фельетоны и прочіе отдѣлы большихъ ежедневныхъ газетъ. Военныя и морскія замѣтки.

3 за 360 №№
въ годъ
съ перес.
руб.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ ФЕЛЬЕТНЫ о нуждахъ трудящихся классовъ. **ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ФЕЛЬЕТОНАХЪ** произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей. **ЗЛОБЫ ДНЯ.**

Въ 1904 г. газета расход. больше **50,000 экз. ежедневно.**

85 К

3 мѣс.

1 Р.

½ года.

60 К

3 Р.

На годъ

Въ розн.
продажѣ №

К.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул., д. 26.
Марки въ уплату не принимаются.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ (III-й годъ изд.).

„Русская Жизнь“

ИЗЯЩНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ИСКУССТВА
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

При ближайшемъ участіи **Максима Горькаго.**

ПОСТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ: Н. Бѣлозерскій, В. Брусянинъ, В. Базилевичъ, Л. Василевскій, Б. Витмеръ (Симскій—«Иностранное Обзорѣніе»), Г. Галина, Максимъ Горькій, Н. Горбуновъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, К. Диксонъ, Н. Дучинскій, С. Елеонскій, В. Измайловъ, А. Купринъ, А. Ламакинъ, (А. Л.—«Внутреннее Обзорѣніе»), Д. Левинъ, А. Лукьяновъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, И. Порошинъ, В. Португаловъ, И. Соколовъ, С. Соломинъ, Н. Строевъ, Танъ, А. Федоровъ, В. Червековъ, П. Щеголовъ и другіе.

Марками плата не принимается.

Цѣна съ перес.
въ годъ

ОДИНЪ руб.

Адресъ редакціи «Русской Газеты» и «Русской Жизни»: С.-Петербургъ, Спасская ул., д. 26 (уг. Преображенской). Ред.-изд. Н. Дучинскій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1905 годъ на

Педагогическій Листокъ.

XXXVII

годъ.

2 Р.

Журналъ для воспитателей и народныхъ
учителей.

2 Р.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читалень.

Вышла мартовская книжка журнала „Педагогическій листокъ“ за 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Бесѣды А. И. Гольденберга. Двадцать первая бесѣда. **Д. Л. В—скаго.** Продолженіе. II. Причины меньшей работоспособности учителя. **А. Ковалева.** III. Смѣхъ у дѣтей, его происхожденіе, развитіе, формы, причины и значеніе. **Л. Е. Оболенскаго.** IV. Американскій педагогъ о „Вешнихъ Всходахъ“. V. Вольный крестьянскій врачъ С. И. Сычуговъ. **Ө. Нелидова.** Продолженіе. VI. О школьныхъ столахъ. **Врача В. В. Ставскаго.** VII. Всемирная выставка въ Ліежѣ. **Е. Тихомировой.** VIII. Наша школа. **Н. А. Скворцова.** IX. Тридцать исторій въ картинкахъ для дѣтей, составленныя Жаномъ Перро и Фернандомъ По. (Парижъ, издатель Натанъ). Дениза Билоте. X. Библіографія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ журналовъ МОСКВА,
Б. Молчановка, д. № 24 Д. И. Тихомирова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: „Дѣтское Чтеніе“ на годъ безъ перес. 4 р. 50 к., съ пересыл. 5 р. „Педагогическій Листокъ“ 2 р. „Дѣтск. Чтен.“ съ „Пед. Лист.“ безъ перес. 5 р. съ перес. 6 р. Проспекты журналовъ на 1905 г. и каталоги книгоиздательства высылаются бесплатно по первому требованію.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 г.

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы.

Годъ
VII.

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Годъ
VII.

Рекомендованъ Гл. Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній. Одобренъ въдомствомъ учреждений императрицы Маріи и допущенъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ бібліотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также въ бесплатныя бібліотеки и читальни.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ и даетъ въ годъ:

24

КНИЖКИ, въ составъ которыхъ входятъ: романы, повѣсти, историческіе рассказы, путешествія по разнымъ странамъ міра, очерки изъ жизни и быта народовъ, научно-популярныя очерки, біографіи замѣчательныхъ людей и проч.

И

24

НОМЕРА „ПО БѢЛУ СВѢТУ“, содержащіе въ себѣ статьи о событіяхъ изъ современной жизни на родинѣ и за границей; научн. новости; очерки изъ жизни природы; біографіи и некрологи; критическій указатель общедоступныхъ лучшихъ книгъ; научныя развлеченія; смѣсь; почтовый ящикъ и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Allegro, А. Алтаевъ, К. Баранцевичъ Ю. Безродная, Н. Березинъ, В. Вахтеровъ, Э. Вахтерова, В. Волкова, Ч. Вѣтринскій, П. Засодимскій, В. Измайловъ, Ив. Ивановъ, Е. Колтоновская, И. Кузнецовъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасейна, С. Минцловъ, Н. Новичъ, К. Носиловъ, Н. Подвысоцкій, Н. Позняковъ, И. Потапенко, Э. Пименова, Н. Рубакинъ, С. Русова, М. Сабина, В. Сѣрошевскій, Л. Хавкина, Н. Шишковъ, С. Юшкевичъ, К. Яцута и др.

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой 2 р. 50 к.

„ „ безъ доставки и пересылки 2 р.

Допускается разсрочка: 1 р. 50 к. при подпискѣ и 1 руб. 1-го мая.

Книжные магазины пользуются уступкой въ 15 к. съ cadaго экземпляра.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ: СПБ. Невскій, 90—92. Тел. 5679.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: МОСКВА, Петровскія лиція, контора Печковской, Арбатъ, 17, книжный магазинъ Путиловой; ОДЕССА, книжн. маг. С. В. Мокжаровскаго; ВЯТКА, книжный складъ губернскаго земства.

Редакторъ-издательница врачъ **А. Острогорская-Малкина**.
Издательница врачъ **Е. Козакевичъ-Стефановская**.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛЪ
ДѢТСКІЙ
ОТДЫХЪ

въ 1905 году.

выходить ежемѣсячно.

Кромѣ 12 книгъ журнала, подписчики получаютъ въ 1905 году
слѣдующія бесплатныя приложенія: Двѣ книги изданія

I. „Библіотека Дѣтскаго Отдыха“.

Разсказы Вильяма I. Лонга съ иллюстраціями Чарльза Коплэнда.

II. Атласъ картинъ по Русской исторіи,

выпускъ 3-й,

заключающій въ себѣ слѣдующія картины:

- 1) Славяне, 2) Въ теремѣ, 3) Подъячіе, 4) Святѣйшій патріархъ, 5) Школа въ Мо-
сковской Руси, 6) Тушинскій лагерь, 7) Раскольники, 8) Стрѣльцы

Картинъ исполнены автотипіей по оригинальнымъ рисункамъ. Объясни-
тельный текстъ къ картинамъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ прошлаго Рус-
ской земли“, составленный С. Клязьковымъ, будетъ приложенъ къ атласу въ
видѣ отдѣльной книжки, какъ особый выпускъ изданія „Библіотеки Дѣт-
скаго Отдыха“.

Журналъ предназначается для дѣтей старшаго возраста. Допущенъ въ уче-
бныя библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя чи-
тальни и въ библіотеки средн. учебн. заведеній Министерства Народнаго
Просвѣщенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой 6 р.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ жур-
нала (въ С.-Петербургѣ, Загородный пр., 28).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

(X годъ изданія)

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

„ВСХОДЫ“

24 №№

Цѣна на годъ 5 р.

и бесплатное приложеніе на полгода 2 р. 50 к.

Допущенъ всѣми вѣдомствами, для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—въ большемъ форматѣ, отъ 5—6 печатныхъ листовъ—въ два столбца, разнообразнаго содержанія, б) 15-го—въ маломъ форматѣ—отъ 7 до 14 печатныхъ листовъ, содержащихъ въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное.

Программа журнала слѣдующая: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр.

Въ журналѣ помѣщается ежемѣсячно: 1) Небольшой отдѣлъ съ особой нумераціей для дѣтей дошкольнаго возраста и 2) для родителей—Критическій указатель дѣтской литературы.

Въ 1905 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ видѣ бесплатнаго приложенія годовымъ подписчикамъ будетъ дано въ 1905 г.:

ВАЦЛАВЪ СЪРОШЕВСКИЙ.

ВЪ СТРАНѢ УТРЕННЯГО СПОКОЙСТВІЯ.

Путешествіе по Корей въ 1903 г.

Съ многочисленными фотографіями автора.

Цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи на годъ 5 р. на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к. Безъ доставки въ Петербургъ 4 р. 50 к. За границу 8 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1-му мая 2 р. Оставшіеся экз. за 1902 и 1903 г. продаются съ дост. и перес. по 5 р., безъ дост. 4 р. 1896—1901 гг. всѣ распроданы.

Годовые подписчики, желающіе получать книжки малаго формата въ изящныхъ коленкорovýchъ переплетахъ, доплачиваютъ 1 р. 25 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 27; въ конторѣ Печковской: Москва, Петровскія линіи; при книжномъ складѣ О. Н. Поповой: СПб. Невскій, 54,—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монвижъ-Монтевидъ.

ГОДЪ Х.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ“**Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.**

Журналъ **ОДОБРЕНЪ** Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣнія для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ **ОДОБРЕНЪ** за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библиотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярные статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. под.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библиографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ доставкой и пересылкой 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 р., на полгода съ пересылкою и доставкой 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб., За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 и 1904 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

При непосредственномъ обращеніи въ контору допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 2 руб. 50 коп. и къ 1 іюня 2 руб.; для городскихъ подписчиковъ въ Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣс. съ платежомъ—въ началѣ января, въ началѣ марта, въ началѣ мая, и наконецъ, въ началѣ августа.

Книжные магазины, доставляющіе подписку могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждого годового полнаго экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: Москва, Донская, домъ Даниловой.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.

ГОДЪ II.

Открыта подписка на 1905 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

„ЕВРЕЙСКАЯ ШКОЛА“

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОСПИТАНІЮ И ОБРАЗОВАНІЮ ЕВРЕЕВЪ.

Дать ребенку запасъ умственныхъ и моральныхъ силъ, съ которыми онъ могъ бы смѣло пуститься въ жизненный путь, какъ человекъ и сынъ своего народа—такова великая цѣль учителя и воспитателя еврейскихъ дѣтей. Содѣйствовать по мѣрѣ возможности и силъ выясненію этихъ вопросовъ специально еврейскаго воспитанія и проведенію въ жизнь добытыхъ результатовъ—такова главная и основная задача „Еврейской Школы“.

Мы всей силой нашей души радуемъ за *еврейскую школу*, т. е. за такую, которая *соотвѣтствовала бы характеру еврейскихъ дѣтей и современному положенію еврейскаго народа*.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Айзенштадтъ М., Айхенвальдъ Ю. И., Адлеръ С., Ая—скій С., Ахадъ-Гаамъ, Богенъ Б. (Цинцинати), Борецкая Э., Брамсонъ Л. М., Бруцкусъ Б. Д., Бруцкусъ Ю. Д., Вербловская А. Г., Вермель С. С., Гальперинъ Я. М., Гаркави В. О., Гольдбергъ Г. А., Дубновъ С. М., Житомирскій К. Г., Закъ Н. В., Зуте Л. В., (Іерусалимъ), Идельсонъ А. Д., Іохельчикъ І. М., Каганъ Б. Ф., Каганъ Г. В., Каменецкій С. Л., Каценельсонъ Л. С., (Буки-бень-Югли), Каценельсонъ М. Л., Каценельсонъ Як., Конштамъ А. М., Коцына С. Р., Крейпинъ М. Н., Кроль М. Б., Ланда, А. А., Ландеръ Ф. Е., Мазе Я. И., Марекъ П. С., Меерсонъ С. И., Перельманъ И. Я., (И. Хорошъ), Переферковичъ Н. А., Поляковъ Я. Л., Рабиновичъ Сарра, Ривесманъ А. О., Таненбаумъ А. С., Фитерманъ М. Я., Фіалковъ Х. Х., Шабадь Я. М., Шейнкманъ, Шульковский І. О., Эйзенбетъ И. Г., Энгель Ю. Д. и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 3 р.— $\frac{1}{2}$ года 1 р. 50 к. съ пересылкой. За перемѣну адреса 20 коп.

Объявленія. За страницу позади текста 20 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 10 р. за $\frac{1}{4}$ стр. 5 р.

Объявленія о спросѣ и предложеніи педагогическаго труда помѣщаются по 1 рублю за каждое.

Редакція и Контора: С.-Петербургъ, Апраксинъ пер., 1.

ОБЪ ИЗДАНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ

45-й ГОДЪ
ИЗД.

въ 1905 году—

45-й ГОДЪ
ИЗД.

Ж У Р Н А Л А,

посвященнаго изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по
Русскому языку, литературѣ и вообще по сравнительному языко-
знанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

О С Н О В А Н Н А Г О В Ъ 1860 Г О Д У

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Издается безъ предварительной цензуры.

„Филологическія Записки“ одобрены и рекомендованы къ
приобрѣтенію въ фундаментальныя бібліотеки учебныхъ заведеній всѣми
Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а
именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. сред-
нихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед.
для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдом-
ства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ
Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учеб-
нымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ.
На первой Всероссийской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-
Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжи-
тельную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: „Филол. Зап.“, выходитъ безсрочными выпусками **шесть**
разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ,
заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

Цѣна годовому изданію **6 р.** безъ пересылки, **7 р.** съ перес.,—за гра-
ницу **8 р.** съ пер. Для гг. преподавателей и преподавательницъ **6 р.** съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки контора
„Фил. Зап.“ покорнѣе проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ: 1) за-
являть о подпискѣ на журналъ возможно раньше, 2) по возможности обра-
щаться съ подпискою прямо въ контору, 3) высылать подписную годовую
плату полностью—7 р.

Редакторы { С. Н. Прядкинъ.
Б. О. Гаазе.

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

Открыта подписка на 1905 г. (XII г. изданія)

ХОЗЯИНЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ иллюстр. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ и СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Кромѣ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ журналъ помѣщаются: передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельско-хоз. дѣятельности земства, научно-хозяйственной литературы русской сельско-хозяйственной и технической печати, хозяйственной жизни въ Россіи, библіографія, рынки, отвѣты на вопросы.

Годовые подписки въ 1905 году получать

**52 №№ ЖУРНАЛА и
12 книгъ „БИБЛИОТЕКИ ХОЗЯИНА“,**

состоящихъ изъ оригинальныхъ и вереводныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на годъ съ приложеніями **Шесть руб.** съ перес, на полгода **Три руб.**; разсрочка отъ **1 руб.** въ первые 6 мѣс.).

Комиссіонная уступка для гг. книгопродавцевъ при подпискѣ на годъ и на полгода—5⁰/₀.

Пробные №№ **бесплатно.** Новые годовые подписчики получаютъ журналъ со дня подписки по 1 января 1905 г. **бесплатно.**

С.-Петербургъ, Невскій, 92.

Редакторъ **А. П. Мертваго.**

Издатель **Н. Машковцевъ.**

Изд. годъ XX.—Подписн. годъ начинается съ 1 ноября.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на еженедѣльный журналъ съ рисунк. и чертежами

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

УНИВЕРСАЛЬН. ЖУРН. ПРАКТИЧ. СЕЛЬСК. ХОЗЯЙСТВА и ДОМОВОДСТВА

Подъ ред. Чл. Имп. Волн. экон. Общ. Ф. С. Груздева.

ВЪ 1905 ГОДУ БУДЕТЪ ДАНО:

52 №№ журн., съ многочисл. иллюстр., свите 2000 столбцовъ больш. формата.

30 КНИГЪ по разнымъ отраслямъ сельск. хозяйства, вполнѣ замѣняющихъ *спеціальные журналы* и заключающихъ въ себѣ:

6 книгъ „МОЛОЧНОЕ ХОЗ. и СКОТОВ.“ 6 книгъ „ПТИЦЕВОДСТВО“.

6 книгъ „САДЪ и ОГОРОДЪ“ 6 книгъ „ДОМЪ и ХОЗЯЙСТВО“.

АЛБОМЪ

лучшія породы куръ

въ натуральныхъ
краскахъ.

съ подробнымъ описаніемъ. Составилъ птицеводъ - практикъ П. Вл. Горскій. Единственное изданіе на русск. языкѣ, дающее возможность каждому точно опредѣлить породист. водимой птицы.

1) зимній спортъ А. А. Зайцева.

2) ЭЛЕКТРИЧЕСТВО въ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. К. И. Дебу.

3) РЕМЕСЛЕННИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ. Луженіе, золоченіе, серебрѣніе, никкелированіе и пр. И. Константинова.

4) АКВАРИУМЪ. П. Н. Штейнберга.

5) СУХІЕ КОНСЕРВЫ и ихъ ПРИГОТ. Д. Кострова.

6) СОЛЕНІЯ, ВАРЕНІЯ и НАЛИВКИ. О. Долгополовой.

ЛОШАДЬ

РАЗБОРНАЯ МОДЕЛЬ,

исполненная въ нѣсколько красокъ,

съ показаніемъ скелета, мускулатуры, внутренностей и пр., подробнымъ описаніемъ анатоміи, лошади, а также съ указаніемъ, какъ выбирать лошадь, какъ ухаживать за ней, чѣмъ кормить и лечить, какъ ковать ее и пр. составилъ маг. ветер. наукъ П. Г. Алтуховъ.

ПРОЕКТЪ ЧИГИРЯ

для орошенія сада и огорода, исполнен. въ нѣсколько красокъ. Гр. Аристова.

3 полныхъ руководства, составленныхъ на основаніи послѣднихъ данныхъ науки и практики, со многими иллюстраціями:

1) Какъ удобрять поля и луга для получ. высш. дохода. Агр. И. А. Каширскаго.

2) Рыбоводство и рыбозаведеніе. Хозяина-практика И. К. Вишнева.

3) Машины и орудія для уборки урожая. К. И. Дебу.

КАЛЕНДАРЬ Сельск. Хоз. на 1905 г. Карман. формата въ колѣнк. пер.

СЪ ОСОБЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

СПРАВОЧНАЯ КНИГА ПО МОЛОЧН. ХОЗЯЙСТВУ.

Составилъ Завѣдывающій школою Молочн. Хоз. А. Н. Щербининъ.

РАЗЛИЧНЫЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕНН. СЪМЕНА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 6 руб. съ дост. въ Спб. и пер. по всей Рос. Имп. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при под. 2 р., къ 1 марта 2 р., къ 1 июля 2 р.

Подписка принимается въ главной Конторѣ журн. „СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“.

С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ. Издатель П. П. Сойкинъ.

Открыта подписка на 1905 г.

на ежемѣсячный литературный, общественный, политическій и историческій журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Для гг. годовыхъ подписчиковъ будетъ дана въ приложеніяхъ особая премія—

БИБЛИОТЕКА ПИСАТЕЛЕЙ ДЕКАБРИСТОВЪ:

Въ 1905 году—1) полное собраніе сочиненій: Кондратія Федоровича Рыльева, съ его портретомъ и біографіей.

Съ первой же книги начнется печатаніемъ

„Дѣло Третьяго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи
о коллежскомъ секретарѣ

„АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ“.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ, его друзья и знакомые. Матеріалъ для исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ 40—70 годахъ. Очеркъ В. П. Батуринаго.

Дневникъ Елизаветы Дьяконовой.

Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XIX столѣтія.

Съ первой книжки начнется печатаніемъ

СЕРІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ,

рисующихъ картины „лучшаго будущаго“.

1. „Утопія“ ТОМАСА МОРА;

2. „Новая Атлантида“ БЭКОНА;

3. „Государство Солнѣя“

КОМПАНЕЛЛИ;

4. „Государство Северамбовъ“

ВЕРРЕСА;

5. „Океанія“ ГАРРИНГТОНА;

6. „Плавучіе острова или Вавиліада“

МОРЕЛЛИ;

7. „Міры“ ДОНА;

8. „Республика философовъ“

ФОНТЕНЕЛЛЯ

9. „Телемакъ“ ФЕНЕЛОНА;

10. „Страна Свободы“ АМЭРЗИНА;

11. „Икарія“ КАБЭ;

12. „Черезъ сто лѣтъ“ БЕЛЛАМИ;

13. „Свободная страна“ ГЕРЦКИ;

и нѣкоторыя выдержки болѣе утопическаго характера изъ сочиненій Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна, и Прудона.

Подписная цѣна

съ доставкой и пересылкой на 1 годъ 6 р., $\frac{1}{2}$ года 3 р. 1 мѣс. 50 к.

Разсрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ, безъ повышенія цѣны за годъ.

Деньги можно высылать почтовыми марками.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій кан., д. № 17.

Редакторъ-издатель С. Сухонинъ.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ежемѣсячный историческій журналъ

въ 1905 году

(24-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 14 и болѣе листовъ, въ началѣ каждого мѣсяца, заключаая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также текущія извѣстія, библіографическія замѣтки о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою а на мѣстѣ—8 руб. 50 коп.; за-границу—12 руб. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги по 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Троицкая площ., Народный Домъ), въ книжной торговлѣ редакціи „Кіевская Старина“ (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины“.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫИ

КАТАЛОГЪ КНИГЪ

для дѣтей,

юношества

и взрослыхъ.

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО

по обращеніи въ контору

книгоиздательства **А. Ф. ДЕВРІЕНА**

въ С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Вас. Островъ, Румянцевская площадь, 1/3.

ГОДЪ ХХІ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную и политическую газету

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“

выходящую три раза въ недѣлю—по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ—и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго она носить.

Въ промежуточные дни выходятъ

Т Е Л Е Г Р А М М Ы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:		Безъ доставки и пересылки:	
	Р. к.		Р. к.
На годъ	5 50	На годъ	4 50
„ полгода	3 —	„ полгода	2 50
„ 3 мѣсяца	1 75	„ 3 мѣсяца	1 50
„ 1 мѣсяць	— 60	„ 1 мѣсяць	— 50

Для учителей и учительницъ сельск. школъ—5 р. въ г. Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. къ 1-му апрѣля 2 р. и къ 1-му августа остальные 1 р. 50 к. При неуплатѣ въ срокъ высылка газеты прекращается.

Годовые подписчики на 1905 годъ, внесшіе при подпискѣ всю подписную сумму, получаютъ газету со дня подписки **бесплатно.**

АДРЕСЪ: Ставрополь-Кавказскій, редакція „СѢвернаго Кавказа“. Телефонъ № 36.

Пріемъ объявленій: въ Ставрополѣ-Кавказскомъ въ редакціи „СѢвернаго Кавказа“; въ Москвѣ и Петербургѣ въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°.

Издатели наследники Беркѣ.

Редакторъ Д. И. Евсѣевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ТОРГОВЛИ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Условія подписки:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ 7 р. за границу 14 р.

на 11 мѣс. . . 6 р. 50 к.	на 7 мѣс. . . 4 р. 50 к.	на 3 мѣс. . . 2 р. 40 к.
» 10 " . . 6 " — "	» 6 " . . 4 " — "	» 2 " . . 1 " 70 "
» 9 " . . 5 " 50 "	» 5 " . . 3 " 50 "	» 1 " . . — " 90 "
» 8 " . . 5 " — "	» 4 " . . 3 " — "	» 1/2 " . . — " 50 "

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платой не менѣе какъ 1 руб. въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надпись въ письмѣ—„въ разсрочку“, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждого мѣсяца.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 коп., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:
Въ Орлѣ—въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, Зиновьевская улица домъ № 2-й и въ отдѣленіи ея: Московская улица, аптекарскій магазинъ Полякъ.

Въ отдѣленіяхъ конторы:

- Въ Ельцѣ—Помѣщеніе биржи, Завѣдующій отдѣленіемъ Николай Николаевичъ Бувель.
Въ Брянскѣ—Авиловская улица, домъ Сурина. А. К. Федоровъ.
Въ Волховѣ—Афанасьевская ул., д. Иванова, Ѳ. А. Костинъ.

Только розничная продажа газеты:

- Въ Ельцѣ—Торг. ул., книж. маг. Залкинда.
» Нарачевѣ—въ магазинѣ К. А. Халзевой.
» Брянскѣ—въ библ. г. Федорова.
♦ Въ Ливнахъ—библіотекѣ г. Крафтъ.
♦ » Рославлѣ—писче-бумажн. маг. Д. В. Рафаилова.
♦ » Липецкѣ—книжн. магазинъ А. И. Полянского

Редакторъ-Издатель А. И. Аристовъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Съ 1-го января 1905 года выходить въ г. Елисаветградѣ

Г А З Е Т А

„ГОЛОСЪ ЮГА“

органъ политическій, экономическій и литературный.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ.

ПРОГРАММА:

1) Дѣйствія правительства. 2) Руководящія статьи по вопросамъ вѣдѣнной политики и по вопросамъ, обнимающимъ жизнь и потребности Юга, а также потребности общегосударственныя и общественныя. 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и русскихъ телеграфныхъ агентствъ. 4) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 5) Хроника: мѣстной жизни, сель-	- скохозяйственная, торговопромышленная, научная, художественная и судебная. 6) Беллетристика оригинальная и переводная; стихотворенія. 7) Фельетоны общественной жизни. 8) Научные обзоры. 9) Критическіе отзывы о произведеніяхъ русской и иностранной литературы. 10) Театръ и музыка. 11) Рисунки. 12) Объявленія.

Считая возможно широкое развитіе земскаго самоуправленія одной изъ важнѣйшихъ нуждъ народно-хозяйственной жизни нашего отечества, редакция газеты будетъ внимательно слѣдить за жизнью Земской Россіи.

При этомъ особое вниманіе будетъ уделено земскимъ интересамъ Юга.

Въ экономической и общественной областяхъ редакция всегда будетъ стоять за интересы труда, за всестороннее и гармоническое развитіе личности и за свободу ея.

Современная идеологія просвѣщеннаго общества носить типическія черты все болѣе и болѣе растущаго вниманія къ вопросамъ философскаго идеализма, поэтому редакция отвѣдетъ на страницахъ своего органа, по возможности, видное мѣсто для обсужденія проблемъ идеализма, преимущественно въ ихъ отношеніи къ общественной жизни.

Желая, по возможности, широко организовать литературно-критическій отдѣлъ, редакция намѣрена оповѣщать беллетристическія произведенія съ точки зрѣнія полной гармоніи между идейно-этическимъ и эстетическимъ содержаніемъ ихъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:

На годъ	8 р. — к.
„ полгода	4 „ 50 к.
„ три мѣсяца	2 „ 50 к.
„ одинъ мѣсяцъ	— „ 85 к.

Безъ доставки:

На годъ	7 р. — к.
„ полгода	4 „ — к.
„ три мѣсяца	2 „ 25 к.
„ одинъ мѣсяцъ	— „ 80 к.

Отдѣльные номера по 3 коп.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ

принимаются въ конторѣ, помѣщающейся по Дворцовой ул., въ домѣ Волохина, рядомъ съ гостиницей Коваленко, телефонъ № 149.

Редакція: Б.-Перспективная ул., домъ Олинской, № 25, телефонъ № 143.

Редакторъ-Издатель А. И. СЕЛѢВИНЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БЕЗЦЕНЗУРНУЮ ГАЗЕТУ,
выходящую въ двухъ изданіяхъ подъ редакціей П. В. Быкова,

„С Л О В О“

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.						
	Р.	Р. к.	Р. к.	Р.	Р. к.	Р. к.	Р.	Р. к.	Р.	Р. к.	Р.	Р. к.						
I издание. 12	11	—	10	—	9	8	—	7	—	6	5	—	4	3	—	2	1	—
За гран. 20	19	—	18	—	17	15	—	13	—	11	10	—	8	6	—	4	2	—
II издание 5	4	70	4	40	4	3	70	3	40	3	2	50	2	1	50	1	—	50

Первое изданіе состоитъ изъ 8 стр. текста ежедневно и иллюстрированного приложения два раза въ недѣлю.

Второе дешевое изданіе, состоящее изъ 4 стр. текста ежедневно, предназначено исключительно для провинціи, и подписка на него отъ жителей С.-Петербурга и Москвы **Не принимается.**

Подписка принимается въ главной конторѣ газеты „СЛОВО“, Спб., Невскій, 92, и во всѣхъ большихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 г.

на большую ежедневную съ полной программой, выходящей въ Баку, газету

„Бакинскія Извѣстія“

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ крупныхъ городахъ Кавказскаго края, а также въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и заграничій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Для городскихъ подписчиковъ	Для Черн. гор. Ба- лова, Балахан. и ино- город. подписчиковъ.
На годъ	7 р. — к.	8 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	4 „ — „	5 „ — „
На 3 мѣсяца	2 „ — „	3 „ — „
На 1 мѣсяць	1 „ — „	1 „ 50 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка.

	Для городск.	Для ивгород.
При подпискѣ	3 р.	3 р. 50 к.
Къ 1 апрѣля	2 „	3 „ — „
Къ 1 іюля	2 „	2 „ — „

Годовые подписчики на 1905 г., внесшіе при подпискѣ полностью всю подписную сумму, получаютъ въ 1904 г. газету, со дня подписки бесплатно.

Редакторъ-издатель **Н. А. Гриневъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ.

Ближайшее участіе въ редакціи журнала принимаютъ

С. Н. Бугаковъ, Н. А. Бердяевъ и Д. Е. Жуковский.

„Вопросы Жизни“ являются продолженіемъ журнала „Новый Путь“ въ томъ направленіи, какое онъ получилъ съ октября 1904 года.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ остается тотъ же.

Подписчики „Вопросовъ Жизни“, не имѣющіе начало романа Д. Мережковского

«Петръ и Алексѣй»,

Получать **бесплатно** эту книгу въ изящномъ изданіи Пирожкова, при чемъ годовымъ подписчикамъ она будетъ разслана въ первомъ полугодіи, а лицамъ, подписавшимся въ разсрочку, въ послѣдней четверти года.

Новые подписчики получаютъ *бесплатно* оттиски тѣхъ статей, начало которыхъ печаталось въ журналѣ „Новый Путь“.

Въ теченіе года будутъ печататься сочиненія

ФИХТЕ: „О назначеніи человѣка“ и „Основные черты современной эпохи“.

Редакція и контора журналовъ „Новый Путь“ и „Вопросы Жизни“:
С.-Петербургъ, Саперный, 10.

Цѣна журнала „Вопросы Жизни“ на годъ: **11** руб. съ доставкой и пересылкой. Въ разсрочку: за полугодіе **5** руб. **50** к., за четверть года — **2** руб. **75** к. — за одинъ мѣсяцъ **1** руб. На годъ безъ доставки **10** руб. Учащимся, педагогамъ, земскимъ служащимъ, священнослужителямъ, кружкамъ для самообразованія и рабочимъ скидка 30%.

Въ конторѣ редакціи продаются экземпляры журнала „Новый Путь“ за 1903 г. (безъ февраля—10 руб.) и за 1904 г. (двѣнадцать номеровъ—10 руб.;— для подписчиковъ „Вопросы Жизни“—7 руб.). Послѣднія три книжки 1904 г. можно приобрѣтать отдѣльно за 1 руб. 50 коп.

Редакторъ-издатель **Н. О. Лосскій.**

7. **Педагогическая хроника:** Хроника народного образованія въ Западной Европѣ. **Е. Р.**—Хроника народного образованія. **Я. Абрамова.**—Хроника народныхъ библиотекъ. **Его же.**—Хроника воскресныхъ школъ. Подъ ред. **Х. Д. Алчевской** и **М. Н. Салтыковой.**—Хроника профессиональнаго образованія **В. Б-ча.**—Симбирскій семейно-педагогическій кружокъ. **А. А. Л-на.**—Семья и школа. —Начальныя школы высшаго типа. —Кіевскіе вечерніе средне-образовательные курсы. —Школьныя сберегательныя кассы. —Два указа Св. Синода. —Кіевскій учебный округъ въ 1903 г. —Грамотность въ Казанской губерніи. —Санитарное состояніе школъ Московской губерніи. —Общество взаимопомощи въ П.-Новгородѣ —Расширеніе каталоговъ книгъ для народныхъ читателей

18 **Разныя извѣстія и сообщенія:** Экзамены въ государственной испытательной комиссіи. —О возобновленіи занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. —Военно-медицинская академія. —Женскій медицинскій Институтъ. Приѣмъ въ Военно-медицинскую академію. —Въ горномъ институтѣ. —Отвѣтъ учебнаго комитета Технологическаго Института. —Ученыя общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ. —Университетъ въ С.-Зап. Краѣ. —Вышія женскія учебныя заведенія. —Вышіе женскіе курсы. —О расширеніи правъ женскаго медицинскаго Института. —Женскіе юридическіе курсы. —Первый выпускъ женщинъ-фармацевтовъ. —Университетская инспекція. —Студенческая лавка. —Земство и гимназіи. —Физика въ гимназіяхъ. —Литературно-музыкальныя собранія въ Нарвскихъ гимназіяхъ. —„Вы“ или „ты“. —Полезное разъясненіе. —Отмѣна страннаго распоряженія. —Педагогическія совѣщанія. —Врачи въ училищныхъ совѣтахъ. —Пенсія для нар. учителей. —Бѣство народныхъ учителей. —„Маякъ“ и его дѣятельность. —Желательное сближеніе. —Распространеніе просвѣщенія среди евреевъ. —Заемъ на школы. —Кіевское общество грамотности. —Неудачный опытъ. —Передвижныя школы. —Школа имени Ломоносова. —Начальная школа имени кн. Святополкъ-Мирскаго. —Закрытіе воскресныхъ школъ въ Кіевѣ. —Школа памяти 19 февраля. —Попечительства при начальныхъ школахъ. —Школа и кабакъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на такковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки въ самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которую авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о томъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя **только за счетъ автора**, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.

Открыта подписка на 1905 годъ

(16-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА

**ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Я. Г. ГУРЕВИЧА и
Я. Я. ГУРЕВИЧА.**

Въ 1905 году общепедагогическій журналъ „Русская Школа“ будетъ издаваться по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ, что и въ 1904 году. Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками, не менѣе ПЯТНАДЦАТИ печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—СЕМЬ рублей въ годъ, съ доставкою СЕМЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою ВОСЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу ДЕВЯТЬ рублей. Земства, выписывающія непосредственно изъ редакціи не менѣе 10 экз. журнала, пользуются уступкой въ 15%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ и обращающіеся непосредственно въ контору, журнала, могутъ получить его за ШЕСТЬ рублей въ годъ и притомъ съ разсрочкой уплаты въ два срока.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В. Абрамовъ, Х. Д. Алчевская, А. И. Анастасіевъ, М. А. Андреевъ, И. О. Анненскій, М. А. Антоновичъ, Н. О. Арепьевъ, Ц. П. Балталонъ, В. В. Бирюковичъ, проф. Е. О. Буде, И. А. Бѣлозерскій, А. В. Бѣлецкій, И. П. Бѣлоконскій, проф. Н. И. Быстровъ, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ, проф. А. Д. Вейсманъ, Н. Х. Вессель, А. С. Виреиусъ, Е. М. Гаршинъ, А. Г. Готлибъ, М. Ю. Гольдштейнъ, В. В. Гориневскій, Я. Г. Гуревичъ, Я. Я. Гуревичъ, М. И. Демковъ, П. В. Евстафьевъ, И. И. Евсеевъ, К. В. Ельницкій, И. П. Житецкій, П. В. Засодимскій, К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, П. О. Каптеревъ, проф. Н. И. Карьевъ, В. А. Келтуяла, И. М. Красноперовъ, Н. А. Кричагинъ, Е. П. Ковалевскій, П. А. Конскій, Н. А. Коробка, А. А. Красевъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. Н. Н. Ланге, М. К. Лемке, В. А. Латышевъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, О. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, А. П. Наимовъ, А. П. Нечаевъ, М. А. Новиковъ, Л. Е. Оболенскій, проф. И. Г. Оршанскій, С. А. Острогорскій, О. Х. Павловичъ, проф. А. Л. Погодинъ, Н. И. Позняковъ, А. П. Раменскій, О. И. Рогова, Г. П. Роковъ, В. Л. Розенбергъ, Н. А. Рубакинъ, Я. И. Рудневъ, Е. П. Рѣпина, Н. М. Салтыкова, проф. И. А. Сикорскій, А. С. Симоновичъ, проф. Ир. Скворцовъ, А. О. Соколовъ, Е. А. Соловьевъ, М. И. Страхова, А. И. Тарнавскій, проф. А. С. Трачевскій, М. А. Тростниковъ, Н. В. Тулюповъ, А. М. Тютрюмовъ, В. И. Фармановскій, А. П. Флеровъ, В. А. Флеровъ, В. Ю. Шидловскій, проф. В. М. Шиммевичъ, К. М. Цирюль, д-ръ В. Ф. Якубовичъ, академикъ И. И. Янкулъ, Е. И. Янкулъ, С. И. Шохоръ-Троцкий и нѣкот. др.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголь Лиговской и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Карбасникова и въ книжн. складѣ М. М. Стасюлевича.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

Редакторъ Я. Я. Гуревичъ.